This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

МАЙ.

МОСКВА.
1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	БОЛГАРКИ. Поэма *Фриша*. Пер. съ чешскаго.—**А. П. Аксакова.**	1
II.	КЪ ВОПРОСУ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ВОЛОСТНЫХЪ СУДОВЪ. Окончаніе.—**В. Е. Денскаго**	12
III.	МІРСКАЯ ДУША. Очерки народнаго быта. Окончаніе.—**Свѣтилина.**	58
IV.	НАШИ ВЕЛИКІЕ ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ. Окончаніе.—**В.**	79
V.	КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки на Валаамъ. XXVI — XXXV. Окончаніе.—**В. И. Немировича-Данченко.**	105
VI.	НОВАЯ ИРЛАНДІЯ. — *А. М. Сулливана*. — Переводъ съ англійскаго. IV—VI	158
VII.	ВОСКРЕСНАЯ ПѢСНЬ. Стихотв.—**Л. И. Пальмина.**	199
VIII.	ОПЫТНОЕ ЗНАНІЕ И ФИЛОСОФІЯ.—**Л. Л—на.**	201
IX.	КЕСАРЬ. Романъ *Георга Эберса*. Перев. съ нѣмецкаго. Гл. VIII—XI.	261
X.	ВЪ УСТЬЯХЪ И ВЪ МОРѢ. Сѣверо-каспійскіе очерки. Окончаніе.—**Н. К. Бобылева**	311
XI.	НОЧИ. Стихотв. *Альфреда де-Мюссэ*. Перев. съ франц. II: «Майская ночь».—**П. А. Козлова.**	354
XII.	ЛИРА ОРФЕЯ (изъ *Аккермана*). Стихотв.—**Л. И. Пальмина.**	360
XIII.	УѢЗДЪ.—**Н. П. Колюпанова.**	1
XIV.	ПОЛЬСКІЯ ПИСЬМА. I—II. **В. Р. К.**	50
XV.	ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:	
	1. Вопросы дня.—**В. Г.**	66
	2. О выкупныхъ платежахъ.—**С. Пр.**	81

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА V.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дрезэмейеръ.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°., Пименовская ул., д. Кушнеревой.

P Slav 605.10

~~Slav 30.11~~

Harvard College Library.
Mar. 17 1904.
By Exchange.
N. Y. Public Lib'y.

~~DUPLICATE~~

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	БОЛГАРКИ. Поэма *Фриша*. Пер. съ чешскаго.—**А. П. Аксакова.**	1
II.	КЪ ВОПРОСУ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ВОЛОСТНЫХЪ СУДОВЪ. Окончаніе.—**В. Е. Денскаго**	12
III.	МІРСКАЯ ДУША. Очерки народнаго быта. Окончаніе.—**Свѣтилина.**	58
IV.	НАШИ ВЕЛИКІЕ ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ. Окончаніе.—**В.**	79
V.	КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки на Валаамъ. XXVI — XXXV. Окончаніе. — **В. И. Немировича-Данченко.**	105
VI.	НОВАЯ ИРЛАНДІЯ. — *А. М. Сулливана.* — Переводъ съ англійскаго. IV—VI	158
VII.	ВОСКРЕСНАЯ ПѢСНЬ. Стихотв.—**Л. И. Пальмина.**	199
VIII.	ОПЫТНОЕ ЗНАНІЕ И ФИЛОСОФІЯ.—**Л. Л—на.**	201
IX.	КЕСАРЬ. Романъ *Георга Эберса.* Перев. съ нѣмецкаго. Гл. VIII—XI.	261
X.	ВЪ УСТЬЯХЪ И ВЪ МОРѢ. Сѣверо-каспійскіе очерки. Окончаніе.—**Н. К. Бобылева**	311
XI.	НОЧИ. Стихотв. *Альфреда де-Мюссэ.* Перев. съ франц. II: «Майская ночь».—**П. А. Козлова.**	354
XII.	ЛИРА ОРФЕЯ (изъ *Аккермана*). Стихотв.—**Л. И. Пальмина.**	360
XIII.	УѢЗДЪ.—**Н. П. Колюпанова.**	1
XIV.	ПОЛЬСКІЯ ПИСЬМА. I—II. **В. Р. К.**	50
XV.	ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:	
	1. Вопросы дня.—**В. Г.**	66
	2. О выкупныхъ платежахъ.—**С. Пр.**	81

XVI. ФРАНЦУЗСКАЯ ХРОНИКА:

Тунисскій вопросъ.—Опасенія Италіи.— Равнодушіе къ греческимъ дѣламъ.—*Te Deum* по поводу объявленія Румыніи королевствомъ.—Свиданіе Греви съ Гамбеттой. — Возможный успѣхъ scrutin de liste. — Гамбетта на банкетѣ синдикальныхъ палатъ. — Заемъ милліарда. — Тщетныя усилія протекціонизма.—Принятіе новаго таможеннаго тарифа.—Положеніе правительства и высшаго парижскаго общества при извѣстіи о петербургской катастрофѣ.—Обузданіе революціонной прессы.—Пожары магазиновъ «Au Printemps» и театра въ Ниццѣ. — Теорія Гамбетты о наиболѣе желательной смерти. — «Les contes d'Hoffmann», Le tribut de Zamora» и Miss Fanfare».—Принятіе адвоката Русса въ члены французской академіи.—Похвалы Жюлю Фавру. — Послѣдніе романы Кларетти, Гальто и Бело. — «Histoire du tribunal révolutionnaire» Валлона, члена института.—«Воспоминанія» Гранье-де-Кассаньяка.—Театръ Элеонлегера и Гальберга.—Процессъ четы Фридманъ.—Пьеръ Бонапартъ и Николай Рубинштейнъ. 100

Въ конторѣ редакціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова—«Очерки и разсказы». Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли) — «Избранныя стихотворенія». Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Кромѣ того: «Мессалина». Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Новыя стихотворенія Л. И. Пальмина. М. 1881 г. Цѣна 50 к.

Л. И. Пальмина — «Сны на яву». Собраніе стихотвореній. Изд. 2. Москва. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Подписчики *Русской Мысли* пользуются при покупкѣ этихъ изданій уступкой 20%.

БОЛГАРКИ.

Поэма Фриша.

(Перев. съ чешскаго.)

I.

Не левъ Арсланъ-бегъ, а чудовищный змѣй...
Кто можетъ съ нимъ въ звѣрствѣ равняться?
Кровавую дань онъ беретъ съ матерей...
Коль грѣешь дитя ты на груди своей,
Не медли съ нимъ въ горы спасаться!...

* *
*

У бега Арслана два брата. Они,
Коней своихъ гордыхъ жалѣя,
Въ дождливую пору, въ ненастные дни,
Болгаръ запрягаютъ въ повозки свои
И бьютъ ихъ по спинамъ и шеѣ.

* *
*

Не разъ и не два приходилось отцамъ
Постыдную волю владыки
Невиннымъ своимъ объявлять дочерямъ...
А волей не хочетъ, есть плети рабамъ...
О, горе! О, ужасъ великій!...

* *
*

У бега Арслана и мать—сатана,
Ужаснѣе ярой тигрицы...
Ей башня понравилась въ полѣ одна:
Безвыходно вѣдьмой живетъ въ ней она,
Но правитъ оттуда царицей...

* *
*

И денно, и нощно, какъ коршунъ степной,
Она надъ страною витаетъ...
Все чуетъ, все вѣдаетъ глазъ ея злой,
И быстро прощается тотъ съ головой,
Кто сына ея проклинаетъ.

* *
*

Въ часы ли молитвы—и то изъ окна
Глядитъ эта вѣдьма все время...
И беговъ торопитъ, и гонитъ она:
«Смотрите,- часовня болгарокъ полна!
Губите нечистое племя!»

* *
*

«Довольно,—такъ говоръ въ народѣ идетъ,—
Мы жалкими были рабами!
Пусть беговъ безбожныхъ нечистый возьметъ!
Довольно терзать имъ болгарскій народъ
И властвовать гордо надъ нами!»

II.

О, Вардаръ широкій! О, Вардаръ родной!
Уныло текутъ твои волны;
Плакучія ивы, склонясь надъ тобой,
Чуть шепчутся, грустію полны...
Мучительно-долгій ужь годъ миновалъ,
Любимецъ болгарокъ прекрасныхъ,
Какъ стана дѣвичьяго ты не ласкалъ,
Сжимая въ объятіяхъ страстныхъ!...
Напрасно, играя въ зеркальныхъ струяхъ,
Привѣтливо солнце свѣтило;
Напрасно, лишь ляжетъ туманъ на поляхъ,
Такъ волны журчали уныло;
Напрасно ропталъ ты, желаньемъ томимъ,—
Давно ужь къ потокамъ студенымъ твоимъ
Красавицъ толпа не сходила...
О, Вардаръ, болгарскихъ дѣвицъ господарь!
Не ты ли съ младенчества вѣдалъ
Труды ихъ, заботы и горести встарь

И чары любви имъ повѣдалъ?...
Ты былъ имъ купелью, ты зеркаломъ былъ,
Ихъ мраморный станъ отражая...
У многихъ ты брачный вѣнокъ уносилъ,
За то ихъ дитя дорогое крестилъ,
Надежду болгарскаго края...
Не ждалъ ты, родимый, что лѣто пройдетъ,
Минуетъ счастливое время,
И солнце надъ кровью и пепломъ взойдетъ,
И сдавитъ оставленный Богомъ народъ
Враговъ ненавистное племя!...

* *
*

Лишь трое болгарокъ вечерней порой,
Чуть звѣзды блеснутъ надъ землею,
Безъ звона бубенчиковъ, тихой стопой,
По-прежнему сходятъ на берегъ крутой
За чистой твоею водою...
Но горе, коль съ волей бороться дерзнутъ
Онѣ любострастныхъ османовъ,—
Не дремлютъ и жертву несчастную ждутъ
Свирѣпыя страсти тирановъ...
Прелестныя дѣвы!... Алѣе зари
Румянецъ ланитъ ихъ пылаетъ;
Какъ солнца весенняго радостный лучъ,
Когда онъ, игривый, блеститъ изъ-за тучъ,
Ихъ взоръ подъ чадрою сверкаетъ...
Лишь только померкнетъ закатъ золотой
И въ тихой долинѣ стемнѣетъ,
Какъ тѣни проходятъ онѣ за водой,
Какъ призракъ въ туманѣ бѣлѣютъ...
Но это—не тѣни, а дѣвы земли,
Три дочери бѣдной вдовицы,
Что молитъ Пречистую, лежа въ пыли,
За нихъ отъ зари до денницы...
Надолго ли благость небесъ сохранитъ?
Избѣгнутъ ли смерти жестокой?...
Быть-можетъ, ужь скоро тѣла ихъ умчитъ
Въ волнахъ своихъ Вардаръ широкій...
Отмститъ ли онъ гибель своихъ дочерей?...
Быть-можетъ, для тризны печальной

Проглотитъ онъ пару турецкихъ коней,—
Подъ вечеръ, при свѣтѣ небесныхъ огней,
Затянетъ напѣвъ погребальный
И только... Ужь онъ охладѣлъ и одряхлъ
И жаждою мести не дышетъ,
И съ тихимъ журчаньемъ въ крутыхъ берегахъ
Чуть сонныя волны колышетъ...
Но ты, молодая и чистая грудь,—
Ты, помня свободу былую,—
Въ свой страшный, но небомъ начертанный путь,
Храни свою вѣру святую!...
Высокая жертва не даромъ пройдетъ,—
Самъ адъ отъ нея содрогнется
И, скованный рабствомъ позорнымъ, народъ
Отъ сна роковаго проснется...

III.

Мать беговъ приходитъ къ своимъ сыновьямъ,
Ихъ въ гнѣвѣ она укоряетъ,
Что ихъ снисхожденье къ презрѣннымъ рабамъ
Ей старую жизнь отравляетъ:
«Позоръ на главу вы мою навлекли!...
«Стыдитесь! Что сдѣлалось съ вами?
«Да вы ли владыки Болгарской земли,
«Коль сладить безсильны съ рабами?...
«Три слабыя дѣвы не слушаютъ васъ:
«Не вѣдая рабскаго страха,
«По берегу ходятъ въ молитвенный часъ,
«Какъ мы призываемъ Аллаха...
«Мнѣ стыдно тогда за своихъ сыновей!
«Васъ такъ-то гяуры боятся?...
«Знать мало имъ казней, имъ мало плетей...
«Оставьте же нѣгу! Проснитесь скорѣй!
«Пусть крови потоки струятся!»...
Но тщетно торопитъ она сыновей,
Напрасно на бойню ихъ гонитъ,—
Устали главы ихъ отъ звѣрскихъ затѣй,
Ихъ лѣность сонливая клонитъ...
И къ старшему сыну старуха идетъ,
Костлявой рукою ласкаетъ

Косматую бороду, руку беретъ,
Съ улыбкою льстивой вѣщаетъ:
«Арсланъ мой, сынъ львицы! вѣдь сотни людей
«Твоей покоряются волѣ...
«Всѣхъ беговъ болгарскихъ ты, сынъ мой, сильнѣй—
«И крови не жаждешь ты болѣ?»
Арсланъ отвѣчаетъ:—«Я выпилъ вино
Попа, что повѣшенъ былъ мною...
Мнѣ въ горлѣ, какъ будто, застряло оно
И грудь мою давитъ тоскою».
И къ среднему сыну старуха идетъ,
Костлявой рукою ласкаетъ
Чело его потное, руку беретъ,
Съ улыбкою льстивой вѣщаетъ:
«Кто ловчій, тотъ любитъ травить и людей.
«Ты видишь, вотъ лань предъ тобою,—
«Ты видишь, какъ полною грудью своей
«Склонилась она надъ водою...»
Ей сынъ отвѣчаетъ:—«Довольно съ меня!
Ужь мнѣ надоѣла охота,
Любовію вдоволь насытился я...
Оставь,—меня клонитъ дремота!...»
И къ младшему сыну бросается мать,
Лицо молодое ласкаетъ,
Старается шею рукою обнять
И голосомъ нѣжнымъ вѣщаетъ:
«У младшей, Адемъ мой, двѣ русыхъ косы...
«Она еще страсти не знала...
«Лицо ея бѣло... Подобной красы
«Болгарія вся не видала...»
И съ алчностью ждетъ она сына отвѣтъ
И съ устъ его глазъ не спускаетъ,
Но, къ ужасу матери, младшій атлетъ
Въ смущеніи ей отвѣчаетъ:
—«Послушай, старуха! ты вѣришь тому,
Что сглазить возможно? Поближе
Сюда къ изголовью садись моему,
Склони свою голову ниже,—
Тебѣ, дорогая, повѣдаю я,
Чѣмъ сломлена юная сила моя!...

IV.

«Близъ Вардара, скрытый подъ тѣнью густой
Кустовъ, что растутъ надъ рѣкою,
Прилегъ отдыхать я въ полуденный зной...
Вблизи, на лужайкѣ, мой конь вороной
Кормился роскошной травою...
То вдаль онъ умчится, то вновь прибѣжитъ,
Мнѣ голову съ радостнымъ ржаньемъ
Обнюхаетъ, фыркнетъ и снова летитъ
Въ волнахъ освѣжиться купаньемъ...
Не чувствуя полдня удушливый жаръ,
Я грезилъ подъ тѣнью веселой...
Внезапно,—то было ли дѣйствіе чаръ,
Иль запахъ акацій тяжелый,—
Мучительный сонъ мои члены сковалъ...
Не знаю, что было со мною...
Но помню... очнувшись, впередъ я бѣжалъ,
Не чувствуя ногъ подъ собою...
Куда я стремился?—Не вѣдаю самъ...
Влекомый волшебною силой,
Я мчался, какъ мчится олень по холмамъ,
Звукъ рога заслышавъ унылый.
Но вдругъ я на мѣстѣ, какъ вкопанный, сталъ,
Всѣ члены мои задрожали...
Вблизи предо мною подъ сѣнію скалъ
Три чудныя дѣвы стояли...
Одна поднимала кувшинъ надъ главой,
Другая бѣлье полоскала,
Какъ будто играя съ прозрачной волной,
И грустную пѣснь напѣвала...
А третья,—сбиралась купаться она,—
Со стана покровы спустила
И дѣвственной прелести, нѣги полна,
Ужь въ воду ногою ступила...
О, мать! ей не мнилось вдали отъ людей,
Что око мужчины любуется ей,
И все-жь ея щеки горѣли...
Спѣшитъ она тайныя прелести скрыть,
Срываетъ съ волосъ своихъ алую нить,

И русыя косы слетѣли
Могучей волною съ роскошныхъ плечей
И пышною, шелковой сѣтью своей
Красавицы тѣло одѣли...
Вдругъ топотъ знакомый въ тиши роковой
Вблизи меня громко раздался:
То въ облакѣ пыли мой конь вороной
Вдоль берега бѣшено мчался.
Три дѣвушки вскрикнули въ страхѣ, но ихъ
Узналъ вороной издалека,
Тряхнулъ головою, заржалъ и близъ нихъ
Онъ былъ во мгновеніе ока.
Покорно предъ младшей склонясь головой,
Онъ радостно землю взрываетъ,
А дѣва-красавица нѣжной рукой,
Обнявъ, его треплетъ по шеѣ крутой
И съ сестрами вмѣстѣ ласкаетъ.
—«Здорово!... Довольно врагамъ ты служилъ,
«Товарищъ убитаго брата!
«Въ тяжелой неволѣ ты тѣхъ не забылъ,
«Кому ты былъ другомъ когда-то...
«О, еслибъ могли мы тебя пріютить
«И спрятать отъ взоровъ злодѣя,—
«Мы стали бы вновь тебя холить, кормить
«Отборнымъ зерномъ, не жалѣя!...»
Я слушалъ, дрожа съ головы и до ногъ
Отъ дикаго гнѣва и муки;
Я крикнуть хотѣлъ на коня и... не могъ,—
Въ груди моей замерли звуки...
Какъ левъ разъяренный на нихъ изъ кустовъ
Прыгнулъ я съ поднятой рукою...
Убить ихъ мой острый кинжалъ былъ готовъ...
Но—чудо!—онѣ предо мною
Стояли безстрашно, съ укоромъ въ очахъ,
Какъ грозныя мщенья богини...
Рука онѣмѣла... Я чувствовалъ страхъ...
Меня ужаснули рабыни...
Какъ прежде, коня обнимали онѣ,
А та, что власы распустила,
Съ угрозою руку простерла ко мнѣ

И въ стремя ногою ступила.
—«Будь проклятъ, убійца!»—вскричала она,—
«Будь проклятъ съ твоею семьею!
«Довольно Аллахъ вашъ иль самъ сатана
«Насъ мучилъ твоею рукою!
«Но власти ужь вашей сосчитаны дни,—
«Близка ужь отчизны свобода!
«Найдете вы мстителя, ты и твои,
«Средь рвущаго цѣпи народа!»
И съ этимъ проклятьемъ вскочивъ на коня,
Очами, таинственнѣй ночи,
Она, какъ стрѣлою, пронзила меня...
О, что это были за очи!»...
. . . . . .
Его перебила старуха, дрожа,
Отъ гнѣва скрежеща зубами:
—«Но ты ей отвѣтилъ ударомъ ножа?
«Иль въ гнѣвѣ своими руками
«Ее задушилъ ты,—не такъ ли, Адемъ?!»
—«Нѣтъ, мать, я остался недвижимъ и нѣмъ,—
Мнѣ силы мои измѣнили...
Безъ чувства, безъ воли глядѣлъ я затѣмъ,
Какъ дѣвы коня уводили»...
—«Гяуры! Поплатятся жизнью онѣ,—
«Клянусь,—за свое преступленье!...
«Проснитесь безумцы! Въ ночной тишинѣ
«Васъ ждетъ сладострастное мщенье...
«Пусть прежде, чѣмъ солнечный лучъ заблеститъ,
«Чѣмъ жизнь на деревнѣ проснется,
«Кинжалъ вашъ свой подвигъ высокій свершитъ
«И кровью болгарской упьется!...»

V.

Стемнѣло... Ужь ночь надъ равниной царитъ
И сномъ позабылось селенье...
Лишь Вардаръ унылую пѣсню шумитъ,
Наводитъ на душу томленье.
Въ крутыхъ берегахъ его плачетъ волна,
Подругу свою нагоняя,

О томъ, что отчизна врагу предана
И гибнетъ несчастная райя...
Ночныя свѣтила кончаютъ свой кругъ
И скоро простятся съ землею;
Но все притаилось, все мертво вокругъ,—
И бѣдныя хаты, и нивы, и лугъ
Объяты зловѣщею тьмою...
Но что-жь тамъ бѣлѣетъ въ кустахъ полосой?—
То женщины дружной собрались толпой;
Межъ нихъ ни движенья, ни звука,
Какъ будто ихъ разомъ желѣзной рукой
Сковала предсмертная мука...
Въ ночи собрала ихъ ужасная вѣсть...
Не смѣя дать волю рыданью,
Спѣшатъ онѣ Богу молитвы вознесть
За жертвъ, обреченныхъ закланью,
И, набожно грудь осѣняя крестомъ,
Глядятъ онѣ жадно, въ тревогѣ,
Туда, гдѣ, какъ саванъ во мракѣ ночномъ,
Вдали, одинокій, бѣлѣется домъ
Средь темныхъ кустовъ при дорогѣ...
Тамъ страшное дѣло злодѣи творятъ...
Ужь за полночь было, въ толпѣ говорятъ,
Какъ факелы вдругъ засверкали,
Блеснуло оружье, послышался крикъ,—
Селенье въ испугѣ проснулося вмигъ...
Всѣ къ хатѣ вдовы побѣжали...
Три бега, три звѣря туда ворвались,
Чтобъ вѣдьмы исполнить желанье...
Рыданье и стоны внутри раздались
И все погрузилось въ молчанье...
Изъ мрака, какъ тѣни, мужчины встаютъ,—
Сильнѣй любопытство боязни,—
То тамъ промелькнутъ они живо, то тутъ,
Забывъ о грозящей имъ казни...
Но звѣзды померкли... Стелясь по полямъ,
Съ рѣки поднялися туманы;
Ужь слышно мычанье кой-гдѣ по дворамъ
И свѣжестью вѣетъ съ поляны...
Свѣтаетъ. Вдали загорѣлся востокъ,

Разорвана мрака завѣса
И хлынулъ багрянаго свѣта потокъ
На долъ изъ-за темнаго лѣса...
И все оживилось повсюду окрестъ,
Природа полна ликованьемъ,
На старой часовнѣ серебряный крестъ
Блеснулъ лучезарнымъ сіяньемъ...
Все свѣтомъ облито, кровавымъ огнемъ
Заискрились окна строеній,
А тамъ, въ этомъ домѣ, за ветхимъ окномъ
Порою виднѣются тѣни...
Толпа задрожала, давъ волю слезамъ,
И тихое слышно моленье:
«Не медли, о Боже, и грѣшнымъ рабамъ
«Пошли, Всемогущій, спасенье!...»
Но... чу!—заскрипѣла тяжелая дверь,
Вотъ настежъ она отворилась,
И въ бѣлой одеждѣ изъ хаты теперь
Вдова на порогѣ явилась
И стала въ раздумьи... Потомъ обвела
Окрестность блуждающимъ взоромъ
И по лбу дрожащей рукой провела...
Вотъ что-то бормочетъ съ укоромъ...
Вотъ, словно привѣтствуя солнца восходъ,
Крестомъ свою грудь осѣняетъ,
Потомъ повернулась и въ хату идетъ,
Сѣдой головою киваетъ...
И снова все тихо, безмолвно вокругъ...
Объята толпа ожиданьемъ.
Но, Боже! всѣ въ ужасѣ вскрикнули вдругъ:
Крикъ радости слился съ рыданьемъ...
Три дѣвушки медленно вышли на дворъ,
У каждой кувшинъ надъ главою.
Ихъ поступь спокойна; но страшенъ ихъ взоръ
И полонъ могильной тоскою...
Какъ прежде, идутъ онѣ тихо къ рѣкѣ,
Идутъ по лужайкѣ зеленой
Туда, гдѣ волнами шумитъ вдалекѣ
Кормилецъ ихъ, Вардаръ студеный...
Въ восторгѣ народъ отовсюду бѣжитъ,

Объятія къ нимъ простираетъ,
Но пятится въ страхѣ, блѣднѣетъ, дрожитъ,
И крикъ на устахъ замираетъ...
О, ужасъ! у блѣдныхъ сестеръ на главахъ
Не пестрые видны кувшины,
А головы беговъ кровавыя... Страхъ
Вселяетъ ихъ взглядъ ястребиный,
Съ нихъ падаетъ каплями свѣжая кровь
На бѣлыя ткани одежды...
И зрители въ ужасѣ пятятся вновь,
Поднять не осмѣлятся вѣжды...
Три дѣвы не вѣдаютъ страха однѣ...
Вотъ кончились нивы златыя,
Вотъ берегъ... Къ толпѣ обратились онѣ
И дрогнулъ ихъ голосъ впервые:
«Простите! Отнынѣ не смѣемъ отъ васъ
«Мы ждать ни любви, ни почета.
«Намъ Вардаръ остался... Отмстите за насъ!
«Спасите отчизну отъ гнета!»
И каждая страшную ношу съ главы
Сложила на берегъ высокій,
Спокойно вошла на вершину скалы
И ринулась въ Вардаръ глубокій...

. . . . . .

И волны взревѣли, и съ ревомъ глухимъ
Пучина надъ ними закрылась;
Но крикомъ ужаснымъ, почти неземнымъ,
Равнина въ тотъ мигъ огласилась...
Народъ обезумѣлъ, народъ заревѣлъ,—
Онъ жаждетъ, онъ требуетъ мщенья...
И гибель была арнаутовъ удѣлъ, —
И къ полдню покрылися грудами тѣлъ
Печальныя стогна селенья...

А. Аксаковъ.

Къ вопросу о преобразованіи волостныхъ судовъ.

IV*).

Потерялъ ли мужикъ способность къ самоуправленію.

Крайне печально состояніе дѣйствующаго волостнаго суда, но оно, на нашъ взглядъ, никому не даетъ права и повода отрицать въ нашемъ народѣ способность къ самоуправленію и говорить объ отсутствіи въ народной средѣ разсудительныхъ и честныхъ элементовъ.

Однако, какъ мы уже видѣли, находятся люди порицающіе деревню огульно и потому стоящіе за полное уничтоженіе волостнаго суда. Большинство такихъ противниковъ волостнаго суда, какъ видно изъ ихъ разсужденій-писаній, знакомы съ деревней только по книжкамъ, подкрѣпляютъ свои мнѣнія и выводы или теоретическими соображеніями, или болѣе или менѣе искуснымъ подборомъ единичныхъ газетныхъ фактовъ. Поэтому опровергать ихъ и разъяснять смыслъ деревенской неурядицы на основаніи немногихъ фактическихъ данныхъ, приводимыхъ ими, нѣтъ возможности. Только г. В. Кротковъ выгодно отличается отъ другихъ огульныхъ порицателей мужика,—отличается тѣмъ, что говоритъ не однѣ фразы и для доказательствъ приводитъ не остовъ только фактовъ, но и ихъ, такъ сказать, исторію. Посмотримъ, на сколько онъ убѣдителенъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ: «одинъ только и есть обычай въ волостныхъ судахъ повсемѣстный—это обычай порадѣть родному человѣчку» (*Отеч. Зап.* 1873 года, кн. 8, стр. 166) и «рѣшеніями волостныхъ судей, по увѣреніямъ разсказчиковъ, всегда руководитъ кривда» (ibid., кн. 5, стр. 12),—въ подтверж-

*) *Русская Мысль*, апрѣль.

деніе столь сильныхъ отзывовъ г. Кротковъ приводитъ только такіе примѣры судебныхъ несправедливостей, гдѣ непремѣнно видную роль играетъ старшина или посредникъ. На 19 стр. (кн. 5), напр., онъ пишетъ: «чтобы показать, какъ поступаетъ крестьянскій судъ въ дѣлахъ уголовныхъ, я разскажу еще одинъ случай». Изложивъ затѣмъ дѣло и рѣшеніе, г. Кротковъ добавляетъ: обвиненный заявилъ, что «этимъ судомъ онъ недоволенъ, а старшина говоритъ: куда хошь иди, а что мы съ посредникомъ сдѣлали, то и будетъ» (ibid., стр. 20). Въ другомъ мѣстѣ г. Кротковъ говоритъ: «Какимъ образомъ производятся раздѣлы волостнымъ судомъ, увидимъ изъ слѣдующаго прошенія». Вотъ отрывокъ изъ него: «я просилъ копію съ рѣшенія волостнаго суда, каковую не выдали,—сродства Богданову староста и волостной старшина» (кн. 8, стр. 190. Подобное же см. въ кн. 5, стр. 9, 11, 12 и др.). Судьи же, по скольку они проявляютъ себя въ очеркахъ г. Кроткова, являются робкими и приниженными. Г. Кротковъ, воспроизводя разбирательство дѣла на волостномъ судѣ, рисуетъ старшину воротилой, не терпящимъ противорѣчій ни со стороны судей, ни со стороны тяжущихся. Онъ кричитъ на судью, робко замѣтившаго: «имъ (тяжущимся) вобѣмъ бы смириться надо». Обвиненнаго, заявившаго недовольство приговоромъ, хватаетъ за воротъ и кричитъ «не своимъ голосомъ»: «дери его въ мою голову» (*Отеч. Зап.* 1873 года, кн. 7, стр. 4—6). Далѣе изъ разсказовъ г. Кроткова видимъ, что судъ при вмѣшательствѣ волостнаго старшины отказывается не только отъ первоначальнаго своего рѣшенія, но не постановляетъ никакого (ibid., стр. 18). Судьи подвергаются нападкамъ г. Кроткова и за отказъ утвердить духовное завѣщаніе, къ которому въ округѣ печатка не приложена (кн. 8, стр. 694), и за рѣшеніе: «такъ какъ отвѣтчики подчиниться волостному суду не захотѣли,—предоставить истцу и отвѣтчикамъ право обратиться въ высшее судебное мѣсто» (кн. 5, стр. 14). Правда, что все это — явленія печальныя, ненормальныя; но можно ли на основаніи такихъ данныхъ бросать вышеприведенные упреки, не разграничивая овецъ отъ козлищъ, въ лицо волостному суду и черезъ то всему народу?—Думаемъ, нѣтъ. Народъ, міръ, когда онъ проявляетъ себя не по приказу, и у г. Кроткова является симпатичнымъ. Старшина въ отсутствіе домохозяина пріѣхалъ взыскивать 17 рублей; старики и говорятъ: «подожди, можетъ онъ прошенье станетъ выше куда подавать, куда дальше слѣдуетъ». Енаралъ-полковникъ не послушалъ

стариковъ, «поймалъ въ полѣ лошадь, да и отдалъ сусѣду самовольно, безъ оцѣнки, безъ всякихъ разсудковъ... А вчера пріѣхалъ, да и взялъ жену мою на веревочку, да и повелъ подъ арестъ сажать, да только сусѣди остановили,—сказали, что малыя дѣти-то съ кѣмъ же останутся» (ibid., кн. 5, стр. 21). Въ другомъ случаѣ старшина со старостой выгнали старика изъ его хаты на улицу и со старухой. «Ступай,—говорятъ,—изъ деревни вонки». «Собралъ я это деревню,—говорилъ старикъ,—и просилъ себѣ убогаго мѣста; ну, деревня и говоритъ, что по очереди будемъ пускать тебя на ночлегъ... Народъ, знамо, добрый» (кн. 8, стр. 176). И шесть лѣтъ, пока тянулось дѣло, старуха готовила пищу въ чужихъ печахъ. Но и общество съ кривдой спозналось. «Былъ у меня съ братомъ роднымъ раздѣлъ,—жалуется Кроткову разсказчикъ:—я остался доволенъ и братъ остался доволенъ, а потомъ сдѣлался недоволенъ, что его обидѣли,—мало ему дали. Онъ подалъ прошеніе къ посреднику и посредникъ приказалъ разобрать на денежную сумму». Дѣлежъ вышелъ обидный для разсказчика. Отчего?—«Знамо отчего: онъ (братъ) всэ больше съ начальствомъ хлѣбъ-соль водитъ,—ну, а мы къ этому не привышны. Обчеству-то выставилъ онъ три ведра водки. Ну, напились и насилу написали, какъ што дѣлано» (стр. 192 и 193). Здѣсь общество свое новое, можетъ-быть законное, рѣшеніе или, по крайней мѣрѣ, рѣшеніе по приказу—спрыснуло водкой. Въ другомъ же аналогичномъ случаѣ сходъ въ своемъ приговорѣ смиренно констатировалъ только фактъ, что проситель «есть дѣйствительный наслѣдникъ оставшемуся имуществу», но дѣла никакъ не рѣшилъ (кн. 8, стр. 190). Подобные факты бездѣятельности волостнаго суда и схода даютъ г. Кроткову право говорить о внутренней несостоятельности этихъ крестьянскихъ учрежденій. Мы же внутренней несостоятельности этихъ учрежденій, на основаніи такихъ данныхъ, не усматриваемъ и въ статьяхъ г. Кроткова видимъ только доказательство мысли, развитой нами въ предыдущей главѣ, т. е. что у сѣраго мужика законъ умъ и душу съѣлъ и что въ деревнѣ въ силу этого бушуютъ теперь подонки крестьянскаго общества, даютъ тамъ тонъ, окраску и даже направленіе жизни.

Эти подонки общественные громко заявляютъ о себѣ и въ знакомыхъ намъ деревняхъ Вологодскаго и Тотемскаго уѣздовъ. При одностороннемъ отношеніи къ дѣлу мы могли бы набросать картину деревенской жизни, подобную тѣмъ, какія рисовалъ г.

Ивановъ. Возьмемъ только два факта. Въ деревнѣ оспенная эпидемія; всѣ жалуются и на фельдшера, и на оспопрививателя, что они небрежно относятся къ дѣлу, и на старшину, что онъ ихъ не требуетъ,—жалуются всѣ, но никто не напомнитъ забывшимъ ни о своей бѣдѣ, ни объ ихъ обязанностяхъ, хотя старшину видятъ чуть ли не ежедневно. Другой фактъ: сельскій писарь и церковный сторожъ, получая опредѣленное денежное вознагражденіе отъ общества, заручаются еще приговоромъ схода на право сбора зерномъ хлѣба въ размѣрѣ, зависящемъ отъ усмотрѣнія домохозяевъ. Осенью писарь и сторожъ нанимаютъ лошадь, каждый отдѣльно, и ѣдутъ прежде въ кабакъ за виномъ, затѣмъ по деревнямъ, тамъ угощаютъ водкой крестьянъ и возвращаются домой обильно нагруженные хлѣбомъ *). Это опаиваніе и обираніе крестьянъ повторяется изъ года въ годъ, но ни на сельскомъ сходѣ, ни въ деревнѣ не поднимается громкаго голоса, протестующаго противъ такого печальнаго явленія.—Сколько страницъ и листовъ по поводу только этихъ двухъ фактовъ можно было бы занять печальными словами о неспособности деревни къ общественной мысли, къ общественной иниціативѣ, къ самоустройству! Но мы не бросимъ въ лицо деревни этихъ упрековъ,—это было бы незаслуженнымъ оскорбленіемъ ея,—а постараемся вникнуть въ значеніе подобныхъ фактовъ.

Мы уже упоминали, какъ далеко простирается опека закона даже надъ частною жизнью деревни. Говорили мы и о тѣхъ чувствахъ, какія мужикъ испытываетъ при столкновеніи съ законными порядками; видѣли также, что онъ изъ страха, чтобы не погрѣшить противъ закона, безпрекословно подчиняется писарю, старшинѣ, бойкому старостѣ, горлану-ябеднику и даже «опороченному по суду человѣку», такъ какъ бывавшій въ тюрьмахъ и вѣдавшійся съ законными судами и порядками—человѣкъ тертый, «напрактикованный, ходовой». Эти-то напрактикованные люди, нюхнувшіе немного закона,—люди съ индивидуалистическими наклонностями, люди наживы, разгула, какъ мы тоже показали выше,—руководятъ волостнымъ судомъ, сельскимъ и волостнымъ

*) Намъ извѣстны въ частности данныя о сборахъ церковнаго сторожа. Прежде онъ получалъ съ каждаго дома два ржаныхъ пирога,—съ 350 домовъ, значитъ, 700 пироговъ; максимумъ стоимости ихъ 42 р. Въ прошломъ, напр., году онъ при сборѣ хлѣба выпилъ вина на 55 рублей. Стоимость на мѣстѣ—дѣйствительная, а не максимальная—собранныхъ ржи и овса составила 142 р. (Иванищевское общество, Тотемскаго уѣзда).

сходами. Честные же элементы крестьянскаго общества парализованы; нерѣдко случается даже, что порядочные крестьяне не идутъ совсѣмъ на сходы *), оправдываясь, что «вино и безъ насъ съумѣютъ распить». При такихъ условіяхъ голосъ міра, замѣняясь голосомъ единичныхъ лицъ, раздается все рѣже и рѣже, становится годъ отъ году слабѣй и слабѣй—даже тамъ, гдѣ нѣтъ крупныхъ воротилъ-законниковъ. Передъ нимъ, голосомъ міра, не клонитъ головы не только горланъ-ябедникъ, бойкій кулакъ, но и простой разгильдяй. Онъ приглашенія міра—исправить изгородь—не слышитъ, а приказъ старосты для него дѣйствителенъ. Неисполненіе рѣшеній міра можетъ остаться безнаказаннымъ: міръ самоуправствовать не въ правѣ, а «быжле ежели» вознамѣрится настаивать на своемъ рѣшеніи, то такое рѣшеніе всегда можно опротестовать передъ закономъ, который, особенно при широкомъ толкованіи его (примѣры тому были выше), часто расходится съ обычаемъ. Напротивъ, неисполненіе «законныхъ» (ставимъ это слово въ кавычки и просимъ припомнить рядъ процессовъ о сопротивленіи крестьянъ властямъ) требованій даже сельскихъ властей не остается безъ послѣдствій. А гдѣ голосъ общества замѣненъ единичнымъ, тамъ нѣтъ мѣста общественной самодѣятельности, тамъ царитъ апатія, отсутствіе сплоченности, иниціативы—это съ одной стороны—и разнузданность, наклонность къ самодурству, къ самоуправству—съ другой. Поэтому молчаніе крестьянъ во время оспенной эпидеміи и дозволеніе сторожу опаивать себя еще не говорятъ о неспособности крестьянства къ общественной мысли, объ отсутствіи въ деревнѣ людей способныхъ къ общественной иниціативѣ. Все это есть въ деревнѣ, но при современныхъ условіяхъ не проявляетъ себя. Кому хочется подставлять свои бороды подъ плевки?... Напоминаніе старшинѣ, напримѣръ, объ его обязанности пригласить къ оспеннымъ фельдшера можетъ только задѣть самолюбіе его, и онъ осмѣлившемуся указывать высокомѣрно отвѣтитъ: «А развѣ мы безъ тебя, братецъ, не знаемъ?... Если ужь хочешь распоряжаться, иди, прикажи фельдшеру явиться къ намъ». Всякаго, возмутившагося противъ опаиванія своихъ содеревенцевъ церковнымъ сторожемъ, тотъ же сторожъ или ябедникъ всегда осадитъ

*) Объ этомъ же фактѣ говорятъ: Демертъ (*Отеч. Зап.* 1869 г., кн. 11, стр. 216 и 222), г. А. Кошелевъ (*Бесѣда* 1872 г., кн. 3—«О всесословной волости»), кн. Волконскій («Доклады Рязанской земской управы за 1876 г.», стр. 373) и г. Златовратскій (*Отеч. Зап.* 1879 г., кн. 6, стр. 534).

замѣчаніемъ: «Не хошь, не пей,—никто тебя не неволитъ,—а другимъ ты не указъ». И мужику, сознающему, что «указомъ» другимъ въ настоящее время служитъ ябедникъ, остается замолчать, отойти въ сторону. Средній же человѣкъ, даже съ хорошими задатками, поддается слабости, ловится на удочку. Но гдѣ же средній человѣкъ активенъ? Да и можно ли требовать отъ средняго человѣка голодной деревни настолько принципіальной стойкости, чтобъ онъ, напримѣръ, везъ въ хлѣбный запасный магазинъ отборное зерно въ то время, когда другіе сбываютъ туда безпрепятственно бракъ и когда, напримѣръ, рузское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, разсмотрѣвъ обвиненіе «смотрителей всѣхъ сельскихъ общественныхъ магазиновъ 2-го стана, кромѣ четырехъ, за допущенное ими расхищеніе хранившихся въ магазинѣ хлѣбныхъ запасовъ, приговорило каждаго къ аресту не свыше трехъ дней» (*Русск. Вѣдом.* 1880 г., № 190). Мы, интеллигенція и культурмены, своими приказами, циркулярами, энергичнымъ личнымъ вмѣшательствомъ, парализовавъ самодѣятельность деревни, отдавъ ее самоё на растерзаніе хищниковъ, покровительствуемъ еще кровожаднымъ инстинктамъ послѣднихъ. Факты полной безнаказанности даже крупныхъ преступленій со стороны сельскихъ и волостныхъ властей обыденны. При такихъ условіяхъ подонкамъ крестьянскаго общества—раздолье. Ябедникъ, староста, старшина, писарь—самодурствуютъ безъ удержу: они знаютъ, что «темному» мужику «до Бога высоко, а до царя далеко» и что самъ міръ не только не можетъ дѣлать имъ указанія, внушенія или налагать хотя какія-нибудь взысканія, но не имѣетъ права даже отдать ихъ подъ судъ.

Въ такомъ положеніи теперь деревня. Но что въ ней есть честные элементы, что она способна къ лучшей общественной жизни—это внѣ сомнѣнія. Г-нъ С. Пахманъ, на основаніи «Трудовъ коммиссіи», говоритъ: «Обыкновенно истцы являются въ судъ (волостной) съ совершенно голословными жалобами, и, тѣмъ не менѣе, весьма рѣдко отвѣтчикъ силится отвергнуть направленный противъ него искъ, если послѣдній основателенъ и справедливъ, такъ что, по вѣрному замѣчанію одного изъ нашихъ изслѣдователей обычнаго права (г. Оршанскаго), «личное сознаніе отвѣтчика, при отсутствіи доказательствъ со стороны истца, представляется явленіемъ обыкновеннымъ». Это явленіе,—замѣтимъ,—встрѣчается не въ однихъ только малоцѣнныхъ дѣлахъ»

(«Обычное право», т. I, стр. 411). «Мы,—продолжаетъ далѣе г. Пахманъ,—не встрѣчали ни одного случая, чтобы рѣшеніе постановлялось вопреки сдѣланному на судѣ сознанію,—напротивъ, въ рѣшеніяхъ почти всегда говорится прямо: «такъ какъ сознался» и т. п. (ibid., стр. 412). Еслибы «каштаны», мелкіе кулаки и люди ихъ чувствъ и стремленій были повсемѣстно въ деревняхъ особенно многочисленны, этихъ строкъ мы не читали бы. Только интеллигенціи, ѣздящей лишь на дачи, каштаны, залѣзая въ поискахъ за культурнымъ умомъ и рублемъ въ ротъ, носъ, уши и карманъ, кажутся уже особенно многочисленными. Но еслибы культуръ-интеллигенція присмотрѣлась къ жизни деревни нѣсколько ближе, то помимо ябедниковъ, каштановъ и средняго человѣка, она увидала бы и другой типъ людей, не мечущихся у нея передъ глазами, не навязывающійся къ ней на знакомство. Среди знакомаго намъ населенія выступаетъ передъ нами рядъ домохозяевъ, ссужающихъ безъ всякихъ процентовъ и росписокъ заимообразно, и не подъ работу, хлѣбомъ и деньгами, когда послѣднія есть. Передъ нами—«невиновные», не прикасающіеся къ мірскому вину*); далѣе—рядъ лицъ съ опредѣленными общинными традиціями и чувствами. Но мѣсто всѣхъ этихъ лицъ не на волостномъ сходѣ,—ихъ міръ выбираетъ развѣ въ церковные старосты. Вотъ передъ нами рѣзко выдающійся типъ «мірскаго человѣка». Онъ лѣтъ сорока; и наружность, и рѣчь внушительны; не женатъ. Онъ живо относится къ религіознымъ и къ общиннымъ дѣламъ,—живо и не пассивно прислушивается къ разсказамъ бывалыхъ людей. Онъ—голова своей деревни (домовъ 60), но только деревни, а не волости или общества. Да, носители общинныхъ традицій еще не вымерли, и вотъ то общество (Иванищевское, Тотем. уѣзда), которое дозволяетъ себя опаивать церковному сторожу, которое во время парализаціи умственныхъ и нравственныхъ силъ отъ соприкосновенія съ закономъ, по недоразумѣнію, переходитъ отъ общиннаго владѣнія одною частью земель къ подворному,—это самое общество, предоставленное са-

*) П. Ефименко, говоря о распространенности пьянства на сельскихъ сходахъ, пишетъ: „лица непьющія (на сходахъ) или такія, которыя не пойдутъ за даровою чаркой, на Терскомъ берегу составляютъ исключеніе и ихъ едва ли найдется десять на сто“ („Сборн. народн. юридич. об. въ Арханг. губ., стр. 199). На нашъ взглядъ эта цифра очень почтенная. Общество, въ которомъ 10% населенія выше средняго человѣка, по меньшей мѣрѣ, не безнадежно.

мому себѣ, способно сдѣлать и прогрессивный, разумный шагъ: оно отъ распредѣленія оставшейся въ общественномъ владѣніи земли по мужскимъ душамъ въ самое послѣднее время перешло къ болѣе справедливому принципу распредѣленія ея по «ѣдокамъ». Прежде большая семья, гдѣ мужская душа была одна, отъ недостатка земли, при наличности работниковъ-женщинъ, должна была голодать; нынѣ такая семья имѣетъ право требовать у общества количество земли, соотвѣтствующее числу ѣдоковъ-потребителей въ семьѣ. Равно крестьяне Березниковской волости, какъ мы видѣли, не знаютъ законныхъ правъ общества на землю; но и они, когда чувствуютъ себя свободными, способны не только поддерживать принципы равноправности и справедливости, но и развивать ихъ. Они чувствуютъ недостатокъ въ землѣ и, въ частности, въ выгонѣ. И вотъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ теперь опредѣлено точно количество скота, какое крестьянинъ, смотря по числу обработываемыхъ имъ надѣловъ, имѣетъ право выпускать безпошлинно на общинный выгонъ. Домохозяева, которые имѣютъ скота больше, чѣмъ опредѣлено нормой,—или входятъ въ денежную сдѣлку съ обществомъ, или покупаютъ право на выгонъ у другихъ крестьянъ, которые, по недостатку скота, своимъ правомъ не пользуются въ полной мѣрѣ.

Но чтобы доказать способность нашего народа къ самоуправленію, не достаточно привести даже два-три десятка единичныхъ фактовъ, такъ какъ всякій можетъ указать въ жизни деревни такое же или большее количество противоположныхъ. Для доказательства способности къ самоуправленію, нужны не единичные, хотя бы и крупные факты, но болѣе общіе, о которыхъ никто не могъ бы сказать, что это—счастливое исключеніе. Такіе общіе факты есть, такъ какъ до сихъ поръ въ жизни деревни были такіе уголки, въ которыхъ крестьянинъ чувствовалъ себя сравнительно болѣе свободнымъ, въ которыхъ кошмаръ-страхъ столкновенія съ закономъ оставлялъ его, не загонялъ его подъ сапогъ различной «ябеды», не дѣлалъ его тупицей, безчестнымъ, пьяницей. Такихъ уголковъ мы знаемъ три: это—земельная община, артель и раціоналистическая раскольничья община. О каждомъ изъ этихъ уголковъ народной жизни можно было бы написать цѣлые томы, но этого мы не можемъ и не должны здѣсь дѣлать. Заглядывать же въ нихъ бѣгло—значитъ профанировать предметъ. Поэтому мы принуждены здѣсь ограничиться лишь самыми общими замѣчаніями.

Земельная община распредѣляетъ между своими сочленами богатства природныя (лѣса, земли, воды) и народныя (обработанныя земли) и охраняетъ ихъ отъ расхищенія индивидуалистовъ. Законъ и администрація предоставляли общинамъ въ устройствѣ внутреннихъ поземельныхъ дѣлъ значительную самостоятельность и, какъ оказывается, общины не злоупотребили предоставленнымъ имъ правомъ и свободой. Общины не застыли въ неподвижныхъ историческихъ формахъ и, когда жизнь создавала новыя условія, онѣ умѣли приспособляться къ нимъ, причемъ соблюдали справедливость не только въ частностяхъ, напр. при передѣлѣ земель и распредѣленіи повинностей, но проводили ее глубже: общины предоставляли возможный просторъ индивидуализму и, въ то же время, охраняли общинные интересы; или, выражаясь словами Ѳ. Щербины, общины умѣли обыкновенно примирять трудовое начало съ принципомъ общественной пользы (*Русск. Мысль* 1880 г., кн. 6 и 7—«Рус. земельная община»). Общины различныхъ угловъ Россіи выработали очень разнообразныя внутреобщинныя земельныя отношенія, но безъ вмѣшательства закона и администраціи, обыкновенно не давали себя водить за носъ и не плясали подъ дудку писарей-старшинъ и воротилъ-кулаковъ.

Земельная община вноситъ порядокъ въ пользованіе землей, водой и лѣсомъ—предметами, къ которымъ долженъ прилагаться трудъ; артель, напротивъ, имѣетъ дѣло уже съ организаціей самаго труда и распредѣленіемъ продуктовъ его. Говоря объ артели, мы имѣемъ въ виду самостоятельную, безхозяйницкую артель. Честность членовъ такой артели, обнаруживаемая ими по отношенію къ сочленамъ, ихъ солидарность, поступленіе личными интересами въ пользу общихъ, отсутствіе внутри артели эксплуатаціи слабаго сильнымъ — все это черты настолько извѣстныя, что не нуждаются въ иллюстраціи ихъ здѣсь фактами. Свои разнообразныя внутреннія отношенія артель умѣетъ такъ хорошо устроить, разнообразные личные интересы такъ примирить, что о крупныхъ раздорахъ и несогласіяхъ въ ней, или о растратахъ артельнаго капитала—не слыхать. Такихъ результатовъ артель достигаетъ самостоятельно, помимо чьего-либо покровительства и поводырства; даже къ «своему», крестьянскому, волостному суду артель прибѣгаетъ такъ рѣдко, что, по словамъ г. Пахмана, во всѣхъ шести огромныхъ томахъ «Трудовъ коммиссіи», наполненныхъ рѣшеніями волостныхъ судовъ, «мы не встрѣча-

емъ почти никакихъ указаній объ артеляхъ» («Обычное право», т. I, стр. 249).

Раціоналистическая раскольничья община есть дальнѣйшее развитіе земельной. Обыкновенная земельная община сравнительно болѣе самостоятельно вѣдаетъ только одни земельныя дѣла; ея волостной судъ, отношенія къ должностнымъ лицамъ, столкновенія съ ними, выборъ ихъ и всѣ волостныя и сельскообщественныя хозяйственныя дѣла находятся подъ контролемъ и руководствомъ административныхъ лицъ. Раскольничья община съ такимъ положеніемъ не мирится: обособившись и замкнувшись въ самоё себя въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ, община распространяетъ это обособленіе и на другія стороны жизни. Штундистъ, молоканинъ, духоборецъ хотя и не избѣгаютъ сношеній съ окружающими людьми, скорѣй даже ищутъ ихъ, но, считая своихъ собратій лучшими, болѣе нравственными людьми, со своимъ дѣломъ, съ тяжбой идутъ не къ мировому судьѣ и не къ волостнымъ, а въ свой, братскій, судъ. Еще болѣе сторонятся раскольники отъ вмѣшательства администраціи въ ихъ дѣла; администратору они говорятъ: возьми, сколько тебѣ слѣдуетъ, но въ наши дѣла не мѣшайся. Устраняя вмѣшательство внѣшнихъ элементовъ въ дѣла общины, раціоналисты и фактически, и принципіально отвергаютъ и внутреннюю іерархію, поэтому ихъ учителя, при попыткѣ закрѣпить за собой авторитетъ, теряютъ его (Ратушный, Рябо-Шабка), поэтому при толкованіи Священнаго Писанія допускается полная свобода мнѣній. Читается же оно, «главнымъ образомъ, для уясненія важнѣйшей и любимѣйшей идеи штундистовъ—о братскихъ отношеніяхъ людей» (*Слово* 1880 г., кн. 8, стр. 119, К. Старынкевичъ: «Религіозное движеніе на югѣ»). Естественно послѣ этого, что на собраніяхъ молоканъ и штундистовъ на ряду съ религіозными вопросами обыкновенно обсуждаются разнообразные жизненные факты и явленія, читаются письма братьевъ, газеты. Въ большинствѣ молоканскихъ общинъ и во многихъ у штундистовъ существуютъ общественныя кассы для помощи неспособнымъ къ труду, больнымъ, потерпѣвшимъ какое-либо несчастіе; гдѣ же нѣтъ кассъ, тамъ взаимопомощь не даетъ развиться бѣдности.

Раціоналистическая раскольничья община, артель, земельная община — это не единичные факты, а цѣлыя области изъ народной жизни; онѣ продолжаютъ жить и развиваться. О быстрыхъ успѣхахъ секты штундистовъ могъ не слышать только

глухой; такія же извѣстія встрѣчаются и о молоканахъ. Въ Тамбовской, напр., губерніи дѣятельность миссіонеровъ и мѣстныхъ священниковъ, по сознанію ихъ самихъ, «сопровождается блестящими результатами въ средѣ старообрядцевъ, но безсильна по отношенію къ молоканской сектѣ» (*Русск. Вѣдом.* 1880 г., 24 или 25 февраля, Т—скій: «Молокане въ Тамбовской губ.»). «Образъ жизни (молоканъ),—говоритъ г. Т—скій,—и взаимныя отношенія другъ къ другу съ неотразимою силой вліяютъ на массу и число молоканъ съ каждымъ годомъ увеличивается». Но намъ скажутъ: въ противоположность расколу артель и земельная община хотя и продолжаютъ жить и даже заявлять о себѣ прогрессивными фактами, но въ общемъ итогѣ не развиваются, а быстро падаютъ и разрушаются. — Здѣсь мы не имѣемъ ни мѣста, ни времени и даже нужды заниматься вопросомъ о быстротѣ или медленности разложенія общины и артели. Мы только замѣтимъ, что община и артель если и разлагаются быстро, то не потому, что мужикъ теряетъ способность къ самоуправленію. Кромѣ того, напомнимъ еще одинъ важный пунктъ, который при затрогиваніи (серьезныхъ работъ не появлялось еще) вопроса о прочности общины нерѣдко упускаютъ изъ вниманія, а именно: у насъ сильно идеализируютъ дореформенное прошлое мужика, между тѣмъ индивидуализмъ проявлялъ себя въ деревнѣ и до 19 февраля. При идеализаціи прошлаго, настоящее кажется вдвойнѣ мрачно, поэтому отрицательнымъ фактамъ невольно придается сравнительно большее значеніе, а положительнымъ—меньшее. Но, быстро или нѣтъ разлагаются земельная община и артель, онѣ продолжаютъ жить и бороться за свое существованіе: и въ общинѣ, при устройствѣ земельныхъ дѣлъ, еще и понынѣ чаще раздаются жалобы каштана на общинника, на мірскаго человѣка, а не наоборотъ, т. е. жалобы на то, что они не даютъ ему, каштану, простора эксплуатировать содеревенцевъ.

Освободите мужика и въ дѣлѣ суда отъ кошмара, отдающаго его въ безконтрольное распоряженіе писаря-старшины, ябедника-кулака, — и мужикъ добровольно не подпадетъ подъ ихъ тяжелый сапогъ. Онъ, какъ и въ земельной общинѣ, въ артели, въ раціоналистической раскольничьей общинѣ, выберетъ въ руководители такихъ людей, которые достойны будутъ названія судей.

VII.

Два слова по поводу „бѣгства" крестьянъ изъ волостнаго суда къ мировому.

Прежде чѣмъ перейти къ выводамъ, относящимся до преобразованія волостнаго суда, остановимся хотя бѣгло еще на вопросѣ о совмѣстномъ и одновременномъ существованіи для крестьянъ двухъ судебныхъ учрежденій, отличныхъ другъ отъ друга во многомъ по существу,—остановимся на фактѣ обращенія крестьянъ по выбору или къ волостному суду, или къ мировому.

Давнымъ-давно сказано, что не можетъ быть нравствененъ человѣкъ, одновременно служащій и Богу и мамонѣ, и нашимъ и вашимъ. Истина старая, но ее часто забываютъ. Русскій крестьянинъ въ послѣдніе годы по необходимости долженъ былъ имѣть двухъ боговъ. Возникнетъ крупное гражданское дѣло, онъ обращается къ мировому судьѣ, а мелкое—къ волостному суду. Мировой судья въ дѣлахъ по долговымъ, напр., обязательствамъ принимаетъ во вниманіе земскую давность и отстраняетъ свидѣтелей, а волостной судъ—наоборотъ. При раздѣлѣ наслѣдства мировой руководствуется принципомъ родства, обычный же судъ—принципомъ труда. Такая двойственность не могла способствовать выработкѣ прочныхъ и устойчивыхъ нравственно-правовыхъ понятій. Но эта двойственность шла еще далѣе. Выгодно каштану-кулаку и по дѣлу менѣе 100 руб. обратиться на волостной судъ, идетъ онъ туда,—а нѣтъ, идетъ къ мировому (М. Чепцовъ: «Крестьянскія дѣла», *Отеч. Зап.* 1879 г., кн. 6). Мировой же, если не полѣнится принять дѣло, не наводя справки, желаетъ ли противная сторона у него судиться, посылаетъ ей «законную» повѣстку явиться на судъ и «постановляетъ рѣшеніе, которому отвѣтчикъ подчиняется, такъ какъ онъ не знаетъ, что въ дѣлахъ ниже 100 руб. онъ можетъ требовать разбора волостнымъ судомъ» (V. 516). Ябедники правомъ выбора суда не удовлетворяются. Въ селѣ Ловать (Жиздринск. у., Калужск. губ.) лѣтомъ 1874 года кулакъ, видя, что волостные судьи думаютъ постановить приговоръ, не согласный съ его желаніями, беретъ шапку и заявляетъ, что дѣло переноситъ къ мировому. Судьи не возражали *). Это—фактъ не единичный. Въ «Трудахъ

*) Кулаки не упускаютъ случая поучиться у господъ. Съѣздъ посредниковъ отмѣнилъ приговоръ волостнаго суда по тяжбѣ между помѣщикомъ и крестьянами, мотивируя, что это дѣло подсудно мировому суду,—отмѣнилъ приговоръ,

коммиссіи» читаемъ: «къ мировымъ судьямъ ходятъ разбираться только въ случаѣ неудовольствія на волостныхъ судей» (VI. 596. V. 44) *) и «волостной судъ старается не разбирать такихъ дѣлъ (о раздѣлѣ наслѣдства) потому, что мировой судья отмѣняетъ иногда рѣшенія его по этимъ дѣламъ» (II. 459). При такой двойственности права, двубожники ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Въ Сметанинскомъ обществѣ, «пользуясь затрудненіями крестьянъ, кулаки стали пріобрѣтать отъ нихъ право выкупать ихъ надѣлы для себя», заключая казуистическія условія. Разъ «началась упорная борьба: на одной сторонѣ стояли общество и волостной судъ, на другой—богатый крестьянинъ. Волостной судъ признавалъ условіе недѣйствительнымъ и отвергалъ право покупать у отдѣльныхъ крестьянъ ихъ надѣлы изъ общественной земли. Мировыя учрежденія, по жалобамъ богатаго крестьянина, отмѣнили постановленіе волостнаго суда». «Богатый крестьянинъ добивается теперь устраненія волостныхъ судей; будетъ очень жаль, если онъ этого добьется» (*Отеч. Зап.* 1879 года, кн. 6, «Коренная нужда на сѣверѣ», стр. 463). Здѣсь не извѣстно еще, чѣмъ кончится дѣло, а Θ. Щербина въ статьѣ «Сольвычегодская земельная община» указываетъ три факта перехода общинныхъ земель «за давностью лѣтъ» въ частную собственность (*Отеч. Зап.* 1879 г., кн. 7, стр. 57). Подобные факты, какъ извѣстно, нерѣдки, что и естественно, такъ какъ условія для развитія такой промышленности, т. е. ловли рыбы въ мутной водѣ, прекрасны. Рыбка до крайности наивна: «даже акты на землю (рѣчь о Малороссіи) есть у не многихъ владѣльцевъ, такъ какъ права такого рода извѣстны всѣмъ сосѣдямъ и никто ихъ оспаривать не станетъ» (Пахманъ: «Обыч. право», т. I, стр. 61). О «давности» же наивная рыбка не имѣетъ и понятія: «вообще на давность весьма рѣдко обращается вниманіе при судебномъ разбирательствѣ дѣлъ въ волостномъ судѣ, да и сами тяжущіеся рѣдко на нее ссылаются, несмотря на то, что съ истеченія срока обязательства протекла не одна, а нѣсколько земскихъ давностей» (ibid., стр. 77). Почва богатая и промышленность

несмотря на то, что въ волостномъ судѣ дѣло началъ самъ помѣщикъ. Другой съѣздъ кассировалъ рѣшеніе волостнаго суда по дѣлу, начатому купцомъ противъ крестьянина, на томъ основаніи, что отъ купца не отобрана подписка о желаніи подчиниться разбору волостнаго суда (Оршанск., стр. 27 и 22).

*) Недовольные рѣшеніемъ схода о раздѣлѣ имущества тоже «жалуются мировому судьѣ, который обыкновенно и производитъ раздѣлъ» (IV. 69).

при поощреніи «естественныхъ руководителей и охранителей» развилась быстро и пышно... Г. Щедрина въ дорогѣ всюду преслѣдовали такого рода разговоры. Харинъ проигралъ дѣло, «потому—дуракъ, а дураковъ учить надо. Ежели дураковъ да не учить, такъ это что же такое будетъ!» (*Отеч. Зап.* 1872 г., кн. 10, «Благонамѣр. рѣчи», стр. 398). Что дураковъ, ловящихся на удочку юридической казуистики, учить надо, «это и въ законѣ такъ сказано» (ibid., 402). Даже нѣмцевъ русскіе ловятъ на эту удочку: «просты еще насчетъ этихъ дѣловъ нѣмцы, не выучены,—совсѣмъ дураки» (ibid., 401). «Дуракъ, дуракъ и дуракъ!—вотъ единственныя выраженія, которыя раздаются въ моихъ ушахъ,—жалуется Щедринъ.—Мнѣ становится, наконецъ, страшно. Куда дѣваться отъ этого поскуднаго, поганаго слова? Десять дней сряду, прямо или косвенно, оно преслѣдуетъ меня; десять дней сряду я слышу наглый панегирикъ мошенничеству, присвоивающему себѣ наименованіе ума» (ibid., 399). По этому поводу и сами наивныя рыбки выражаются не менѣе энергично: къ мировому судьѣ «обращаются лишь такіе люди, которые, затѣявъ неправое дѣло, разсчитываютъ на то, что мировой судья, не зная ихъ права, жизни, положенія и состоянія, рѣшитъ въ ихъ пользу дѣло скорѣе, нежели волостной судъ, который, хорошо зная каждаго изъ нихъ, уже не дастъ имъ поживиться неправымъ дѣломъ» (II. 453). Далѣе, къ мировому судьѣ идутъ: «несовѣстный человѣкъ» (I. 224), «праздные люди, да озорники» (I. 392), «люди негодные, боящіеся правды суда своихъ людей» (II. 431, 460, 480), «мерзавцы, которые хотятъ взять кривдой» (II. 441), люди «недовольные своимъ судомъ, и злобятся на него только тѣ, противъ кого онъ рѣшаетъ» (I. 242, 299).

И какой же хаосъ въ понятіяхъ деревни создала эта двуличность права! Ябедникъ часто до невозможности возмутителенъ. Мужикъ, напримѣръ, жалуется, что нельзя бабъ учить: того и гляди—уйдетъ къ тестю, а волостные бабамъ потакаютъ (Шуйская волость, Тотемскаго уѣзда). Хлестаковъ-ябедникъ ободряетъ темнаго мужика: «смѣетъ у меня уйти баба! А на што коса у нея?... Да я ее по волоску выщиплю! Мужа съ женой законъ не судитъ! А волостныхъ за такой судъ можно и за бороды взять!» Или возникаетъ наслѣдственное дѣло. Тяжущіеся, если это сѣряки, не прочь покончить его миромъ, по старымъ, понятнымъ всѣмъ, обычаямъ; но выискивается ябедникъ и шепчетъ одному

изъ тяжущихся: «дуракъ! съ чего миришься? Ступай по закону, все твое будетъ». И темный мужикъ нерѣдко поддается такимъ рѣчамъ,—корысть завладѣваетъ имъ; онъ плюетъ на обычай и идетъ искать законнаго суда. Не рѣшаемся говорить о чувствахъ, какія долженъ испытывать «мірской человѣкъ» при видѣ, какъ кровь и плоть его правовыхъ воззрѣній топчется въ грязь. Трудно представить себѣ и настроеніе, и душевное состояніе деревни при такой двуличности права: самое вѣрное дѣло можетъ быть проиграно, а неопредѣленность и неизвѣстность принижаютъ человѣка сильнѣе, чѣмъ свинцовыя гири.

По поводу «бѣгства» мужика изъ волостнаго суда къ мировому много было наговорено комплиментовъ первому и разсыпано упрековъ послѣднему. Г. Кротковъ, напримѣръ, говоритъ: «появились «законные суды», тѣ суды, въ которыхъ можно «божеское правосудіе» найти, и крестьяне, страшась отъ своихъ старыхъ «разсудковъ», всѣ усилія употребили на то, чтобы судиться въ законномъ судѣ» (*Отеч. Зап.* 1873 г., кн. 8, стр. 195). Не сильно ли выражаетесь, господа?... Позвольте спросить, кто это страшится «своихъ старыхъ разсудковъ»: простой ли мужикъ, «дуракъ», или цивилизованный, «умственный мужикъ»? Неужели послѣдній, благодаря своей юркости и желанію понабраться «ума» у культурнаго человѣка, вамъ такъ намозолилъ глаза, что вся масса крестьянства рисуется однородной, «страшащейся своихъ старыхъ разсудковъ»? Силу словъ вашихъ мы парализуемъ другими: существуютъ два органа народнаго суда: «одинъ—вполнѣ народный (сельскій судъ, судъ-сходка стариковъ), судящій исключительно по обычаю; другой — полуоффиціальный, примѣняющій уже и законъ, вслѣдствіе чего къ нему обращаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Авторитетъ перваго основывается единственно на согласности его съ народными убѣжденіями о судѣ и правѣ, *живучесть его достаточно доказывается тѣмъ, что, несмотря на отсутствіе всякой поддержки со стороны закона и государства, ему удается окончательно разрѣшать большинство крестьянскихъ споровъ*» (Оршанск.: «Изслѣдов. по рус. праву обычному и брачному», стр. 15 *). Но не будемъ

*) Пахманъ для примѣра указываетъ 119 волостей, гдѣ существуетъ судъ старосты со стариками или судъ стариковъ, и 93 волости, гдѣ дѣйствуетъ судъ сельскихъ сходовъ („Обыч. право", т. I, стр. 383 и 386). Желающихъ подробнѣй ознакомиться съ формальною стороной сельскихъ судовъ, ихъ распространенностью и значеніемъ для крестьянства, отсылаемъ къ статьѣ г. Скоробогатаго: „Устройство крестьянскихъ судовъ" (*Юридич. Вѣстн.* 1880 г., кн. 6).

спорить съ г. Кротковымъ и многими другими по этому поводу. Мы согласимся съ нимъ, что къ мировому идутъ не одни «мерзавцы», которые хотятъ взять «кривдой», но и простые мужики. Но вотъ вопросъ: отъ своихъ ли старыхъ разсудковъ бѣгутъ темные люди къ мировому, или отъ произвола и самодурства писаря-старшины и «ябеды»? Вѣдь эти господа и въ волостномъ судѣ опираются на двухъ боговъ, отъ насильственнаго и неестественнаго общенія которыхъ рождается мракъ — почва апатіи и мошенничества. Это—фактъ, и крестьяне очень хорошо видятъ всѣ безобразія своего суда, но и мировымъ не удовлетворяются. Убѣжденіе крестьянъ въ отсутствіи «божескаго правосудія» на землѣ идетъ очень далеко. Воспроизведемъ очень характерный конецъ одного разговора между крестьянами *); ихъ было человѣкъ восемь, съ очень разнообразными нравственными и бытовыми физіономіями. Но всѣ — и ябедникъ, и простяки-сѣрики, и отставной солдатъ, и молодой юмористъ-крестьянинъ, и мужикъ претендующій на роль книжника (но не законника) — всѣ они были согласны во взглядѣ на всевозможные суды. Раздавъ всѣмъ судамъ по серьгамъ, ябедникъ замѣтилъ: «Да кто нынѣ не беретъ-то?... Царь да Богъ?—но имъ ничего не надо. Чего святые—и тѣ ничего не сдѣлаютъ задаромъ: ты лбомъ постукай о полъ, свѣчку поставь, молебенъ отслужи, а такъ не подступайся. Да вотъ хоть къ примѣру взять Ѳеодосья, Тотемскаго чудотворца... Весь въ серебрѣ, да въ золотѣ лежитъ, одна рака чего стоитъ... А какъ бы ничего не надо было, раскидалъ все онъ по церкви, да и дѣло съ концомъ... Ну, да то хорошо, что если святые и возьмутъ, такъ не спуста,—дѣло сдѣлаютъ».—«Ну, тоже не всегда,—наивничаетъ въ отвѣтъ сѣрякъ.—Вотъ я про себя скажу. У меня хозяйка заболѣла: я и молебны-то пѣлъ, и свѣчки ставилъ, со слезами просилъ здоровья ей, и обѣщанія давалъ съѣздить къ чудотворцамъ помолиться,—нѣтъ, померла... Теперь никуда не поѣду». Разговоръ принималъ уже кощунственный оттѣнокъ. Юмористъ усмѣхался: «Старики говорятъ, что въ былое время кривды на рынокъ три воза было привезено, да вся разошлась, а правды и одинъ, да едва початъ былъ. Вотъ можетъ и къ святымъ въ могилы мало ея попало». Но дѣло поправилъ опять же ябедникъ: «Ну, робята, и святыхъ винить много тоже нельзя. Разъ, было, мужикъ свою лошадь искалъ, на «волѣ» (большой лѣсъ)

*) Крестьяне Иванищевскаго общества, Тотемскаго уѣзда.

гуляла. Бѣгаетъ мужикъ день, другой, третій,—лошади нѣтъ, какъ нѣтъ. Что дѣлать? Молится онъ: «Никола, милостивый чудотворецъ! помоги найти лошадь,—свѣчку въ воскресенье поставлю.» Только онъ успѣлъ это сказать, глядь — лошадь изъ-за куста и выходитъ. Мужикъ обрадовался: «Слава тебѣ Господи! Вотъ она матушка!... А то свѣчку-то чуть-чуть не профукнулъ» (выраженіе менѣе приличное). Такъ вотъ каковы наши-то обѣщанія!»

Да, господа сторонники мироваго суда для крестьянъ! и отъ вашего мироваго суда крестьянинъ не ожидаетъ «божескаго правосудія». Онъ мечется между двумя огнями, онъ недоволенъ тѣмъ и другимъ судомъ и о своемъ отзывается особенно—даже незаслуженно—рѣзко (объ этой чертѣ въ характерѣ русскаго мужика говоритъ и г. Златовратскій въ одной изъ послѣднихъ главъ «Деревенскихъ будней»). Но самобичеваніе—хорошій признакъ, такъ какъ онъ говоритъ о стремленіи возродиться. И вотъ, когда вопросъ о судѣ былъ поставленъ круто, ребромъ, мужикъ всталъ въ огромномъ большинствѣ на сторону своего суда *),—всталъ онъ сознательно, аргументировалъ вѣско и сильно. Мы уже видѣли заявленія крестьянъ, что къ мировому идутъ негодные люди, мерзавцы. Волостной же судъ «къ крестьянину близокъ и рѣшаетъ дѣла по обычаю, сообразуется съ мѣстными условіями крестьянскаго быта, а мировой судья крестьянскаго быта не знаетъ, вслѣдствіе чего крестьяне судиться къ нему не ходятъ» (III. 307). Дорожа судомъ по *обычаю*, мужики не идутъ къ мировому и въ другихъ волостяхъ (III. 276, 245, 288; II. 407, 414; VI. 54), такъ какъ для крестьянина «обычай—больше, чѣмъ законъ» (VI. 29). Часто слово обычай хотя и не упоминалось формально, но дѣло сводилось къ тому же: мировой судья—человѣкъ темный въ крестьянскихъ распорядкахъ, «дѣлъ нашихъ порядкомъ не разберетъ», «поведенія нашего хорошенько знать не будетъ» (I. 12, 102; V. 45); свои же «судьи каждаго крестьянина на волости и свой судъ знаютъ и соображаютъ рѣшенія съ нашими мѣстными обстоятельствами» (I. 387, 417; II. 38, 110, 438) **). «Все вѣрнѣе, когда трое своихъ судятъ, нежели

*) См. выше таблицу: своимъ судомъ довольны, мироваго не хотятъ или о желаніи судиться у него не заявляютъ 160 волостей; довольны своимъ и о мировомъ не упоминаютъ 63 волости; довольны, но права судиться и у мироваго желаютъ 134 волости; мировой лучше, сохранить и свой желаютъ 32 волости; своимъ недовольны 15 волостей.

**) Крестьяне знаніемъ со стороны судьи дѣлъ и людей своего общества настолько дорожатъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во имя только этого зна-

одинъ, да притомъ еще чужой» (VI. 752). Если не будетъ крестьянскаго суда, то, несмотря на близость мироваго (мировой въ одномъ селѣ съ волостнымъ судомъ), «малоимущій останется безъ всякаго правосудія» (VI. 84). «Безобразія были бы ужасныя, еслибъ его (волостнаго суда) не было, такъ какъ мировой судъ очень далеко и не всякій крестьянинъ туда пойдетъ; тогда для худыхъ людей было бы уже очень вольготно» (II. 441, 464). Хотя мировой и близко, по на волостномъ знакомѣе и сходнѣе (V. 492; VI. 4), проще и понятнѣе (VI. 16, 591), да свои судьи и поймутъ истца вѣрно (II. 460, 480) *), поэтому «можно мужику разбираться безъ помощи адвокатовъ» (II. 135. 24. III. 218. IV. 20. V. 25 и др.).

Вообще аргументы характерны, разнообразны и, несмотря на краткость, сильны **).

нія протестовали даже противъ соединенія нѣсколькихъ сосѣднихъ волостей подъ вѣдомство одного волостнаго крестьянскаго же суда (II. 110, 133, 141, 439; IV. 89; V. 51).

*) Всякому, бывавшему въ новыхъ судахъ, знакомы такія сцены: предсѣдательствовавшій въ вологодскомъ окружномъ судѣ спрашиваетъ мужика: „прошеніе было писано подъ вашу диктовку?“ Мужикъ не понимаетъ. Предсѣдатель варьируетъ вопросъ нѣсколько разъ,—результаты тѣ же; наконецъ, обращается за помощью къ прокурору. Новый вопросъ: „Вы ходите на заработки, въ отхожіе промыслы?“—Исторія та же. Этотъ же предсѣдатель требуетъ короткихъ, прямыхъ, категорическихъ отвѣтовъ отъ крестьянъ. Какъ съ своей стороны понимаетъ интеллигенція мужика, вотъ два примѣра. Заявленіе крестьянъ: „когда человѣкъ божится, вѣрятъ не ему, а Богу“—даетъ поводъ г. Пахману сказать, что, „по народнымъ воззрѣніямъ, устами клянущагося говоритъ какъ бы само божество“ („Обыч. право“, стр. 424). Выраженіе судей „побили человѣка невиннымъ образомъ“ (т. е. безъ вины) даетъ поводъ неизвѣстному автору „Волостнаго суда“ (*Отеч. Зап.* 1874 г., кн. 1) иронизировать, что-де можно, значитъ, бить какъ-то такъ, что-де и виноватъ не останешься.

**) Далѣе намъ еще разъ придется упоминать объ отношеніи мужика къ мировому суду, поэтому приведемъ здѣсь еще нѣсколько крестьянскихъ отзывовъ по данному вопросу, чтобы на будущее время не возвращаться вновь къ цитатамъ: „Волостной судъ необходимъ; мужикъ мужика всего лучше разберетъ“ (IV. 323; V. 435). Волостной судъ удобнѣе: „состоитъ изъ своихъ людей“ (IV. 128; III. 189), а это—главное (VI. 122); „свои судьи знаютъ, кого и когда надо постращать, а кого помиловать“ (VI. 753). „Едва ли мировые судьи станутъ *такъ подробно разбирать* мелкія крестьянскія дѣла и знать ихъ такъ хорошо, какъ знаютъ крестьяне-судьи“ (IV. 297). „Очень огорчились бы, еслибъ этотъ судъ замѣнили мировымъ, такъ какъ мировой судъ—чужой для крестьянъ“ (IV. 281); тогда выйдетъ, что „господинъ будетъ судить ихъ, начальство, а не свой братъ“ (III. 201, 211). Чтобы велѣли обязательно судиться у мироваго, „отъ того избави Богъ, такъ какъ у этихъ мировыхъ и дорого, и жутко судиться, да и ходить туда далеко“ (VI, 596), на волостномъ же судѣ можно говорить посмѣлѣе (I. 475), въ немъ сподручнѣе и соотвѣтственнѣе (II. 61),

Конечно, были и недовольные волостнымъ судомъ. Были и такія заявленія: «у каждой бабы свой обычай,—гдѣ ихъ знать» (III. 454); «гдѣ законъ, тамъ только и есть правда» (III. 368); «разрѣшеніе идти къ мировому судьѣ было бы большимъ благомъ для крестьянъ» (I. 812 и др. См. рубрику—«Судомъ не довольны»). Но такія заявленія сравнительно рѣдки и мы удивляемся не существованію ихъ, а ихъ малочисленности: мы помнимъ картину дѣйствующаго волостнаго суда, набросанную нами въ пятой главѣ. И дѣйствительно, болѣе рѣзкіе отзывы о волостномъ слышны преимущественно тамъ, гдѣ произволъ писаря и старшины не знаетъ границъ.

VIII.

Преобразованія въ волостномъ судѣ.

Выяснивши и прослѣдивши коренную причину печальнаго состоянія правосудія въ деревнѣ, попытаемся дать отвѣты на вопросы, выработанные коммиссіею по преобразованію волостнаго суда, учрежденною при министерствѣ юстиціи *).

1. «Слѣдуетъ ли вообще сохранить существованіе волостныхъ судовъ, несмотря на общесознаваемую ихъ неудовлетворительность, на ряду съ судами сельскихъ сходовъ и стариковъ — съ одной и мировыхъ судей—съ другой стороны?»

Волостной судъ сохранить необходимо. Въ пользу этого положенія подробно говорили гг. Оршанскій и Колюпановъ **). Перепечатывать ихъ мысли излишне. Отмѣтимъ только главные, исходные пункты ихъ доказательствъ. Крестьянская жизнь представляетъ своеобразныя особенности, которыя вытекаютъ изъ поземельно-общиннаго устройства крестьянъ, изъ имущественныхъ и наслѣдственныхъ правъ членовъ крестьянской семьи, изъ артельнаго начала, распространеннаго въ народѣ, изъ отсутствія

„безстрашно и просто“ (VI. 646). Волостныхъ судей, если они окажутся негодными для этой должности, можно смѣнить и избрать лучшихъ людей, а съ мировымъ судьею ничего не подѣлаешь (VI. 96). Наконецъ заявленія короткія: „свой судъ лучше всего“ (I. 185), „безъ него намъ никакъ нельзя быть“ (I. 729. 751; II. 501. 514. 588; IV. 37. 369. 382. 407. 432. 449; V. 418. 429. 436 и др.), судомъ довольны и „лучшаго не требуется“ (V. 490), надобности въ какихъ-либо перемѣнахъ не усматриваютъ (V. 494. 512. 537. 538. 540. 543.), и такъ далѣе.

*) Вопросы были напечатаны 19-го іюня 1879 года въ *Русской Правдѣ*.

**) *Оршанскій*: «Изслѣдованіе по русскому обычному праву». С.-Пб. 1879 г., стр. 170 — 201. — *Колюпановъ*: «Вопросъ о крестьянскомъ самосудѣ», *Бесѣда* 1872 г., кн. 6, стр. 14—30.

между крестьянами письменныхъ договоровъ по найму, долговыхъ обязательствъ по сдѣлкамъ купли-продажи и проч. Эти особенности крестьянской жизни создали такія своеобразныя правовыя отношенія и такъ отразились на характерѣ судебныхъ доказательствъ, что уничтоженіе обычнаго суда, какъ справедливо говоритъ г. Е. Якушкинъ (*Юридич. Вѣстн.* 1872 г., кн. 3, стр. 11) и Мекензи Уоллесъ (*Отеч. Зап.* 1877 г., кн. 8, стр. 191), потрясло бы экономическій бытъ крестьянства окончательно, подорвало бы его понятія о правдѣ и неправдѣ, и тогда «тяжелое положеніе крестьянина сдѣлалось бы невыносимымъ». Опасеніе такихъ послѣдствій и заставило крестьянъ горой стоять за сохраненіе своего суда. Они, какъ мы это видѣли въ предыдущей главѣ, дорожатъ своимъ судомъ, какъ судомъ обычнымъ, который понимаетъ крестьянскія нужды,— который, сверхъ того, зная нравъ, жизнь, положеніе и состояніе каждаго, не даетъ несовѣстливому человѣку «поживиться неправымъ дѣломъ», который знаетъ, какому свидѣтелю можно вѣрить на слово и какому нельзя вѣрить даже на божбу; въ своемъ судѣ и запуганный мужикъ можетъ говорить все, что есть на душѣ. Мировой же судья—не только «темный» человѣкъ въ крестьянскихъ дѣлахъ, но и говорить съ мужикомъ не умѣетъ, въ дѣло подробно не вникаетъ, и потому за отвѣтъ не въ-попадъ, за лишнее слово штрафуетъ. И если волостной судъ будетъ уничтоженъ,—заявляютъ крестьяне,—не всякій мужикъ рѣшится идти къ мировому, гдѣ страшно и жутко, гдѣ беретъ верхъ и торжествуетъ не правда, а ловкій казуистъ, брехунъ-адвокатъ.

Но, помимо всякихъ другихъ соображеній, волостной судъ слѣдуетъ сохранить даже потому только, что въ пользу этого высказались сами крестьяне. Прислушиваться же къ голосу благодѣтельствуемыхъ овечекъ насъ училъ еще дѣдушка Крыловъ («Мірская сходка»); тому же учатъ насъ и сами овечки. Онѣ учатъ насъ словомъ; заявляя опрашивающимъ ихъ членамъ коммиссіи о некомпетентности 5—10 человѣкъ рѣшать за весь міръ вопросъ о судѣ (I. 130; V. 58, 94, 495),—учатъ и дѣломъ, заявляя, при выборѣ мировыхъ судей, гласнымъ отъ землевладѣльцевъ: «мировые судьи выбираются не для насъ,—у насъ есть свои, волостные судьи; значитъ, если ихъ нужно выбирать для васъ, господа, такъ вы намъ и скажите, кого вы желаете,— что намъ мѣшаться въ ваши дѣла» (Колюпановъ: *Бесѣда* 1872 г., кн. 4, стр. 42).

Теперь еще два слова сторонникамъ мироваго суда для крестьянъ. Не крокодиловы ли слезы проливаете вы, господа, когда, по поводу подчиненія крестьянъ мировому суду, восклицаете: «не настала ли пора сдѣлать еще шагъ впередъ въ дѣлѣ уравненія крестьянскаго сословія съ другими сословіями» (*Юридич. Вѣстн.* 1873 г., кн. 3, стр. 25, К. Н. Ж.). Если вы, господа, искренни, то, рѣшая вопросъ за другаго, попробуйте встать въ положеніе опекаемаго,—конечно, встать мысленно,—это обыкновенный логическій пріемъ искреннихъ людей. Подчинитесь, господа (опять же мысленно), волостному суду, сравняйтесь съ крестьянами! Или вы сами-то хотите только по своей одежкѣ протягивать ножки? Зачѣмъ же отнимаете противъ воли это право у другихъ?... Или вы скажете, что вашъ юридическій кодексъ выше крестьянскаго?—Въ такомъ случаѣ призовите и поставьте надъ собой нѣмца... Но еще спорный вопросъ—крестьянскій, или вашъ кодексъ выше. Равно спорный вопросъ и о томъ, который судъ, крестьянскій или мировой, чаще заявляетъ себя курьезами, пристрастіемъ, небрежнымъ, *ремесленнымъ* отношеніемъ къ дѣлу. Рѣшаетесь ли, наприм., вы, г. Кротковъ, отдать предпочтеніе мировому суду послѣ того, какъ описали тоже въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1878 г.) съѣздъ мировыхъ судей?

Крестьянскій судъ, при условіяхъ указанныхъ дальше, несомнѣнно можетъ подняться значительно выше настоящаго своего status quo.

2. «Если существованіе волостныхъ судовъ обусловливается единственно сознаніемъ недостаточности для сельскаго населенія органовъ мировой юстиціи, то не слѣдуетъ ли, во всякомъ случаѣ, сократить до послѣдней возможности юрисдикцію волостныхъ судовъ съ предоставленіемъ выбора подсудности (волостному или мировому суду) усмотрѣнію одного истца, и не представляется ли вообще справедливымъ оставить за волостнымъ судомъ преимущественно значеніе суда третейскаго, дѣйствующаго въ видахъ примиренія сторонъ?»

Существованіе волостныхъ судовъ обусловливается не достаточностію мировой юстиціи для крестьянъ, а особенностями крестьянской жизни и правовыхъ воззрѣній. Эти особенности настолько серьезны, что г. Колюпановъ въ силу ихъ настаиваетъ на расширеніи предѣловъ юрисдикціи волостныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ, сравнявъ ихъ въ этомъ отношеніи съ мировымъ судомъ. Мы присоединяемся къ предложенію г. Колюпанова во

имя этихъ особенностей крестьянской жизни и правовыхъ воззрѣній и во имя уничтоженія деморализующаго вліянія двойственности права, о чемъ мы говорили ранѣе. Поэтому пусть крестьянинъ знаетъ только свой судъ и окружной. Въ силу этого же мы, понятно, противъ предоставленія права одному истцу по своему усмотрѣнію обращаться или въ волостной судъ, или въ мировой. Если же взаимному согласію тяжущихся будетъ предоставлено право обращаться въ тотъ или другой судъ, то *обязать* (за неисполненіе *подвергать отвѣтственности*) мировыхъ судей—*прежде принятія прошенія* удостовѣряться въ дѣйствительности желанія обѣихъ сторонъ судиться у него *).

3. «Не слѣдуетъ ли вовсе изъять изъ вѣдѣнія крестьянскаго суда разбирательство дѣлъ уголовныхъ, за исключеніемъ лишь самыхъ обыденныхъ въ сельскомъ быту взаимныхъ обидъ и другихъ самыхъ маловажныхъ нарушеній?»

За изъятіе уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдомства суда по обычаю высказывается прежде всего наука. «Въ идеѣ преступленія,— читаемъ мы въ «Началахъ русскаго государственнаго права» А. Градовскаго,— содержится понятіе дѣйствія, воспрещеннаго уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія,—слѣдовательно, непремѣнно хотя in genere предусмотрѣннаго закономъ, безъ формальнаго запрета котораго данное дѣйствіе и не было бы преступленіемъ. Nullum crimen sine lege... Идея преступленія, не предусмотрѣннаго закономъ, заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе—есть non sens» (стр. 87). Поэтому законъ «есть *мѣра свободы*, принадлежащей каждому лицу въ обществѣ съ одной стороны, и граница власти государства надъ всею массой гражданъ и надъ каждымъ гражданиномъ въ отдѣльности—съ другой стороны. Основываясь на законѣ, гражданинъ знаетъ мѣру дозволеннаго и недозволеннаго, и знаетъ, чего можетъ потребовать отъ него государство» (ibid., стр. 12). Поэтому-то «граждане въ правѣ требовать, чтобы каждое дѣло, находящееся въ данную минуту въ судебномъ разбирательствѣ, было разрѣшено при помощи наличныхъ средствъ законодательства» (ibid., стр. 76), т. е. вновь изданный законъ обратной силы не имѣетъ.

Эти положенія науки дороги сердцу всякаго интеллигентнаго человѣка: онъ завоевалъ для нихъ право гражданства послѣ дол-

*) Истецъ, напр., долженъ представлять письменное согласіе отвѣтчика, засвидѣтельствованное хотя въ сельскомъ обществѣ.

гой и упорной борьбы съ произволомъ администраціи или господствующей политической партіи; подъ охраной этихъ основъ права, гдѣ онѣ вошли въ жизнь, интеллигентный человѣкъ дышетъ свободнѣй, живетъ спокойнѣй, теплѣй. Этими положеніями науки нерѣдко пользуется, а потому и дорожитъ ими, и тотъ культурный человѣкъ, который положилъ въ основу своей дѣятельности не совѣсть и внутреннюю правду, а разсчетъ и формальность. Но свободнѣе ли будетъ дышаться крестьянину, если эти благодѣянія прогресса распространить и на урегулированіе взаимныхъ отношеній въ его средѣ? (Мы не говоримъ объ отношеніяхъ къ администраціи.)—Думаемъ, напротивъ. Крестьянинъ законовъ не знаетъ и долго, долго не будетъ имѣть возможности знать ихъ, поэтому правами, предоставляемыми закономъ, онъ не будетъ пользоваться и законъ только свяжетъ ему руки, свяжетъ свободу его дѣйствій, будетъ для него пугаломъ, а не защитой и охраной. Можетъ ли крестьянинъ чувствовать себя огражденнымъ отъ насилія со стороны, наприм., буйныхъ согражданъ, если его оскорбители словомъ и дѣломъ будутъ оставаться нерѣдко безнаказанными только потому, что онъ, темный человѣкъ, пропустилъ срокъ для принесенія жалобы? Можетъ ли свободно чувствовать себя крестьянинъ, котораго могутъ штрафовать за непонятныя ему преступленія, напр. за то, что онъ въ деревнѣ на улицѣ громко крикнетъ, заиграетъ на гармоникѣ, или весной, безъ вѣдома начальства, раззоритъ гнѣздо хищной птицы? Положеніе nullum crimen sine lege для крестьянина болѣе чѣмъ пустая фраза. Оградить личность, обезпечить свободу его дѣйствій можетъ не законъ, а обычай. «Обычай есть законъ самый понятный для большинства, созданный жизнію и развивающійся вмѣстѣ съ нею» (Е. Якушкинъ: *Юридич. Вѣстн.* 1872 года, кн. 3, стр. 5). Обычай доступнѣй, чѣмъ законъ, не только для кореннаго жителя извѣстной мѣстности, но даже для пришлаго человѣка: темный человѣкъ не въ силахъ знакомиться по книгамъ съ закономъ,—онъ знакомится съ нимъ только на судѣ; съ обычаемъ же и пришлый человѣкъ легко знакомится, помимо суда, изъ обыденныхъ, жизненныхъ разговоровъ. Устранить обычай изъ сферы уголовныхъ правоотношеній крестьянства, замѣнить его писаннымъ закономъ—значитъ распространить на крестьянство положеніе, что законъ имѣетъ обратную силу, такъ какъ съ нимъ крестьянинъ можетъ знакомиться только во время суда, а не до совершенія проступка.

Эту медвѣжью услугу свободѣ личности и самобытности крестьянства многіе пытаются оказать, настаивая на изъятіи уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдомства волостнаго суда. Въ пользу своихъ тенденцій они говорятъ и о равенствѣ сословій передъ закономъ, и о воспитательномъ вліяніи мировыхъ судей, какъ «интеллигентнаго меньшинства», и что такъ какъ «наказаніе есть необходимое слѣдствіе преступнаго дѣйствія, а потому должно быть строго соразмѣрено»; поэтому-то «не должно предоставлять какому бы то ни было суду полнаго произвола уничтожить установленную въ законѣ относительную важность преступныхъ дѣйствій примѣненіемъ легчайшихъ наказаній къ наиболѣе тяжкимъ и опаснымъ преступленіямъ, и наоборотъ». Волостные же обычные суды не только нарушаютъ эту основу права, «стремясь разрѣшать отдѣльныя дѣла на основаніи второстепенныхъ, частныхъ обстоятельствъ даннаго случая», но даже нерѣдко уголовныя преступленія, напримѣръ кражу, оставляютъ совершенно безнаказанными, и наоборотъ». Истинная же гражданская свобода одна, а слѣдовательно ея охраненіе, повсемѣстно одинаково необходимое, должно совершаться одними и тѣми же правилами» *).

Вотъ главные аргументы проводниковъ въ жизнь теоретическихъ положеній науки права. Эти аргументы опять же страдаютъ теоретичностью, но остановиться на нихъ, хотя немного, необходимо.

О равенствѣ сословій передъ закономъ мы уже говорили; о воспитательномъ вліяніи культуръ-интеллигенціи скажемъ далѣе. Перейдемъ къ вопросу о непремѣнномъ соблюденіи, продиктованной закономъ, строгой соразмѣрности между наказаніемъ и преступленіемъ. Что же, господа, дѣлать, если жизнь не ложится въ приготовленную для нея форму? Что же дѣлать, если она, жизнь, не признаетъ преступленіемъ игру на гармоникѣ въ деревнѣ? Или диктуетъ и будетъ диктовать въ уши судьямъ болѣе строгія наказанія за кражу снопа хлѣба изъ поля, барана съ выгона, чѣмъ за кражу шубы или рубля изъ-подъ пресловутаго замка **)? Что же дѣлать, если судъ по обычаю смѣшалъ граж-

*) Колюпановъ: *Бесѣда* 1872 г., кн. 4, стр. 38, 41, 53; кн. 6, стр. 10.— Снегиревъ: *Юридическій Вѣст.* 1872 г., кн. 10, стр. 116, 117 и др.—К. Н. Ж: *Юридич. Вѣст.* 1873 г., кн. 2, стр. 6, 7 и др.

**) Мы слыхали увѣренную рѣчь крестьянъ Иванищевскаго общества, что за злонамѣренную кражу съ поля хлѣба, сѣна, скота *законъ* предоставляетъ право творить надъ воромъ жестокій самосудъ, такъ какъ, говорятъ они, это имущество цѣнное, а охранять его мы лишены возможности.

данское дѣло съ уголовнымъ,—«приговоривъ должника къ уплатѣ долга кредитору, постановилъ вмѣсто процентовъ при всякой уплатѣ наказывать розгами» (К. Н. Ж.: *Юрид. Вѣст.* 1873 г., кн. 2, стр. 6). Мы допускаемъ, что это рѣшеніе было постановлено самостоятельно судомъ, а не было продиктовано какимъ-нибудь «енараломъ-полковникомъ». Но можно ли по поводу этого факта бить въ набатъ и требовать перевернуть вверхъ дномъ жизнь крестьянства только потому, что теорія права и писанный законъ въ данномъ случаѣ видятъ лишь гражданскій проступокъ? Вѣдь отъ теоріи права и закона отступаютъ по требованіямъ жизни не одни невѣжественные крестьяне. Студенты добиваются права на учрежденіе студенческаго суда, который, конечно, будетъ вѣдать не уголовныя преступленія товарищей, а нравственныя. Даже сами воплотители въ жизнь и стражи правовыхъ теорій, присяжные повѣренные, отступаютъ отъ нихъ, напримѣръ, обуздывая забывающихъ честь товарищей по профессіи запретомъ на время практики или исключеніемъ изъ своей среды. Если стражи теоріи права отступаютъ отъ нея по требованіямъ жизни, то тѣмъ болѣе это дозволительно людямъ, слѣдующимъ въ *«своемъ»* судѣ не формальной правдѣ, а внутренней. Волостные судьи могли быть глубоко возмущены злонамѣреннымъ неплательщикомъ долга: кромѣ того, что этотъ поступокъ—безнравственный, злонамѣренный неплательщикъ могъ подорвать кредитъ другимъ честнымъ людямъ.

По поводу упрека, что волостные суды не умѣютъ обобщать вопросовъ права и стремятся разрѣшить каждое дѣло по его обстоятельствамъ, г. Оршанскій говоритъ, что только «бюрократическая рутина и юридическое невѣжество могутъ возмущаться указаннымъ направленіемъ волостнаго суда» *). «Стремленіе къ конкретной правдѣ, какъ противовѣсу формальной абстрактной законности, присуще и практикѣ нашихъ общихъ судовъ». Отъ этого стремленія не изъятъ ни одинъ современный судъ и оно, благодаря позитивному духу времени, болѣе и болѣе распространяется. «Даже французскій кассаціонный судъ, этотъ идеалъ судилища, преслѣдующаго абстрактное единообразіе закона въ его примѣненіи, не свободенъ отъ этого недостатка, если считать его за таковой». Не только въ жизни, но и въ наукѣ «теперь все болѣе усиливается воззрѣніе на необходимость индивидуали-

*) Оршанскій: „Изслѣдованія“ и проч., стр. 153 и 155.

заціи въ дѣлѣ исполненія наказаній» (извѣстны работы по этому вопросу Гольцендорфа, Вальберга и друг. криминалистовъ *). Послѣ этого въ фактѣ, что воръ, напримѣръ, остается иногда ненаказаннымъ, странно усматривать что-нибудь печальное. Мы видѣли судъ надъ маленькимъ воромъ въ школѣ. Учитель виновнаго оставилъ безъ наказанія и, напротивъ, обѣщался наказывать тѣхъ, кто будетъ попрекать вора. Подобно этому поощренію воровства и волостные судьи заявляютъ: «мы знаемъ, кого не проймешь дубьемъ, кого можно простить, пронять словомъ или даже загубить наказаніемъ». Въ такой дѣятельности волостнаго суда нѣтъ ничего ужаснаго. Мы видимъ лишь, что онъ руководится не однимъ только принципомъ возмездія, но и принципомъ нравственнаго вліянія; судъ видитъ, что общественное мнѣніе часто бываетъ сильнѣе и дѣйствительнѣе наказанія. А тамъ, гдѣ общественное мнѣніе всецѣло уступило принципу возмездія, тамъ преступленія не знаютъ для себя узды. Это, кажется, азбучная истина. Ей слѣдуетъ по временамъ и судъ присяжныхъ, при наличности факта преступленія оправдывая подсудимаго; этой истинѣ слѣдуютъ, надѣемся, и многіе завзятые юристы, можетъ-быть даже и самъ господинъ Катковъ, поддерживая словами или пожертвованіями колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ.

Такимъ образомъ современная жизнь побиваетъ теоретиковъ права. Но, что также поучительно, и сами теоретики, сталкиваясь съ жизнью, побиваютъ себя. Мы выше цитировали г. Колюпанова, говорящаго о строгой, абстрактной соразмѣрности преступленія съ наказаніемъ, о единствѣ свободы и средствѣ къ ея огражденію и проч. Разсуждающій такъ теоретически, г. Колюпановъ черезъ нѣсколько страницъ признаетъ, что особенности крестьянской жизни, сложившіяся исторически, даютъ себя чувствовать и въ сферѣ уголовной юрисдикціи **). Но это неудобство, — продолжаетъ онъ, — легко устранимо: «Уставъ для мировыхъ судей постоянно совершенствуется, согласно требованіямъ народной жизни и указаніямъ опыта», и потому «еслибы въ этомъ уставѣ и оказалось что-либо совершенно непримѣнимое къ крестьянской средѣ, то подобная несообразность не могла бы (?!) долго просуществовать.... Изъ того, что понятіе о преступленіи должно быть въ государствѣ одно и для *всѣхъ равное*, еще не слѣдуетъ, что вмѣненіе или степень наказанія не должны

*) Ibid., стр. 153 и 154.

**) *Бесѣда*, № 6, стр. 2.

сообразоваться между прочимъ и съ личною обстановкой обвиняемаго, съ его развитіемъ и сословнымъ положеніемъ» *). Поэтому мировые судьи могутъ соображаться съ мѣстными особенностями; этому не противодѣйствуетъ и законъ, дающій судьѣ просторъ въ назначеніи степени наказанія, признающій уменьшающія и увеличивающія вину обстоятельства **). Примѣры такой разумной дѣятельности мировыхъ судей,—аргументируетъ г. Колюпановъ,—мы видимъ и въ жизни: мѣстныя условія заставляютъ крестьянъ одной волости Ветлужскаго уѣзда дѣлать порубки въ казенныхъ лѣсахъ. Еслибъ удовлетворять всѣ жалобы лѣснаго вѣдомства, въ волости не осталось бы ни одного крестьянина не оштрафованнаго, нѣкому было бы служить и въ общественныхъ должностяхъ. Мировой судья для устраненія послѣдняго обстоятельства *порѣшилъ* большинство жалобъ оставлять неудовлетворенными: «*предлогъ*—недостатокъ доказательствъ» ***). При чемъ же, г. Колюпановъ, послѣ этого остаются равенство, единство и т. п. слова?... Ваши разсужденія не опровергаютъ, а въ концѣ концовъ подкрѣпляютъ соображенія редакціонныхъ коммиссій, цитируемыя вами: «Мѣстныя условія и обычаи народовъ и степень народнаго развитія въ различныхъ областяхъ Россіи могутъ въ значительной степени видоизмѣнять и самую тяжесть того или другаго вида наказанія въ примѣненіи его къ каждому данному случаю. Наконецъ, большая часть проступковъ въ сельскомъ быту, по самой маловажности своей, получаетъ главное значеніе лишь отъ совокупности сопровождающихъ ихъ обстоятельствъ, отъ нравственныхъ свойствъ самого лица, совершившаго проступокъ, и проч.; а всѣ эти разнообразныя условія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть подведены уставомъ подъ какія-либо рубрики и могутъ быть правильно взвѣшены и оцѣнены исключительно лишь совѣстью самого мѣстнаго суда, коротко знакомаго со всѣми мѣстными обстоятельствами дѣла».

Эти соображенія редакціонныхъ коммиссій не потеряли своего значенія и силы и по настоящее время. И мы думаемъ, что не ограниченіе, а напротивъ расширеніе юрисдикціи волостныхъ судовъ и по уголовнымъ дѣламъ будетъ говорить о равенствѣ сословій и будетъ имѣть воспитательное значеніе. Что касается

*) Ibid., стр. 6 и 8.
**) Ibid., стр. 10 и 11.
***) Ibid., стр. 3.

послѣдняго обстоятельства, то расширеніе юрисдикціи волостнаго суда, не говоря уже о воспитательномъ значеніи самоуправленія вообще, не повлечетъ ли за собою, напримѣръ, ослабленія самосуда толпы? Самосудъ толпы коренится не въ характерѣ мужика, а поддерживается въ настоящее время, думаемъ, главнымъ образомъ различнымъ отношеніемъ къ нѣкоторымъ проступкамъ со стороны общаго суда и народа. Народъ, напримѣръ, не удовлетворяется мѣрами общаго суда противъ конокрадства, этой злѣйшей язвы деревни; мужикъ также знаетъ, что барскій судъ только посмѣется надъ жалобой его на колдунью вмѣсто того, чтобъ выяснить дѣло. Поэтому, не удовлетворяясь барскимъ судомъ, толпа и устраиваетъ самосудъ. Чувство большей солидарности съ судебными органами, равно и близость ихъ, будетъ сдерживающимъ обстоятельствомъ для увлеченій, для порывовъ толпы. Намъ возразятъ: значитъ, вы хотите узаконить выкручиваніе рукъ конокрадамъ, сожженіе колдуновъ и т. п. остатки варварства?— Напротивъ. Выкручиваніе рукъ, сожженіе есть результатъ экстаза, скоропроходящаго возбужденія,—это есть дѣло, руководимое пылкими, горячими натурами. Судъ же можетъ отнестись къ дѣлу спокойнѣй и потому, что онъ собирается не въ моментъ совершенія преступленія, и потому, что составляется (при условіи уваженія къ нему) изъ людей сравнительно самостоятельныхъ, труднѣе поддающихся вліянію горячихъ натуръ, и потому, что судьи обыкновенно собираются изъ разныхъ угловъ волости,—значитъ, рѣдко могутъ быть всѣ одинаково живо заинтересованы въ извѣстномъ дѣлѣ. Еслибы судъ и увлекся, увлеченіе его можетъ исправить или смягчить апелляціонная инстанція. Но мы видимъ, что даже увлекающаяся толпа, если она ведетъ дѣло сколько-нибудь организованно, не выкручиваетъ рукъ конокрадамъ, не разбиваетъ имъ внутренностей. «Елшанское общество (Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ.), состоящее изъ одного села въ 1.020 душъ, выдѣлялось изъ всей волости по неисправному платежу податей, по чрезмѣрному развитію пьянства, и главнымъ образомъ тѣмъ, что многіе изъ крестьянъ онаго занимались конокрадствомъ, какъ промысломъ; вслѣдствіе сего елшанскій сельскій сходъ, по предложенію волостнаго старшины, постановилъ, чтобы крестьяне по всѣмъ своимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и по обвиненіямъ въ конокрадствѣ, разбирались у своихъ сельскихъ добросовѣстныхъ, т. е. сельскихъ судей». Уличенные конокрады наказывались розгами до 200 ударовъ. Былъ случай наказанія

всѣмъ извѣстнаго вора, при отсутствіи прямыхъ уликъ, въ силу одной лишь увѣренности, что кража пяти лошадей—его дѣло; изъ страха повторенія экзекуціи черезъ нѣсколько дней, воръ возвратилъ лошадей. По этому поводу крестьяне объясняли коммиссіи: «теперь, какъ мы стали сами воровъ и конокрадовъ учить, то много тише стало, потому что страхъ имѣютъ, а то житья не было.... Волостной старшина добавилъ, что почти всѣ дѣла о конокрадствѣ кончаются въ окружномъ судѣ ничѣмъ: потаскаютъ немного конокрада у слѣдователя, да въ окружномъ судѣ, и въ концѣ концовъ отпустятъ, да еще признаютъ невиновнымъ, на общій соблазнъ всѣмъ» (II. 455). Равно сколько-нибудь организованный судъ, а не случайная, экзальтированная толпа, конечно, не приговорилъ бы и колдунью къ сожженію; можетъ-быть судъ и наказалъ бы ее какъ-нибудь, но этотъ варварскій поступокъ *) искупился бы тѣмъ воспитательнымъ вліяніемъ, какое судебныя пренія произвели бы на толпу. Судебныя пренія заставили бы думать толпу, рѣдко думающую безъ побудительныхъ причинъ и воспринимающую обыкновенно факты непосредственно; и пренія эти дали бы для мысли большій матеріалъ, чѣмъ сотня начальническихъ циркуляровъ, или десятокъ брошюръ «Общества распространенія полезныхъ книгъ».

Изъятіе уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія крестьянскаго суда не только будетъ питать самосудъ толпы, но повлечетъ за собой развитіе самоуправства въ деревнѣ. Даже и по крупному сравнительно дѣлу не всякій крестьянинъ рѣшится идти за десятки верстъ къ мировому судьѣ, тратиться на адвокатовъ, и многіе предпочтутъ самоуправство «дорогому», «чужому» суду. Но самоуправствовать, пользоваться безсудностью чаще будутъ не обиженные, а обидчики (Срав. И. Шрагъ: «Крестьянскіе суды во Владимірской и Московской губ.», *Юридич. Вѣст.* 1877 г., кн. 9, стр. 98).

4. «Слѣдуетъ ли удержать принятую закономъ 1861 года простоту обрядностей волостнаго суда, не стѣсняющую его почти никакою формальностью, и даже еще болѣе упростить нынѣ существующій въ этомъ отношеніи порядокъ,—или, наоборотъ, не слѣдуетъ ли преподать волостнымъ судамъ подробный и обязательный для нихъ порядокъ судопроизводства?»

*) Мы лично не считаемъ умѣренное наказаніе колдуньи варварствомъ и несправедливостью: она достойна его, какъ сознательная эксплуататорша невѣжества.

Законъ 1861 года дѣйствительно имѣлъ благое намѣреніе ради самостоятельности волостнаго суда не стѣснять его формальностями. Но практика дала другое. Заботливые опекуны суда, навязавъ судьямъ на шею томы Свода Законовъ, сельскій Судебный Уставъ, разнообразныя инструкціи, убили самостоятельность суда: судьи, почувствовавъ «страхъ и немочь» при видѣ бумажнаго хлама, попали подъ тяжелый сапогъ писаря - старшины, своего «естественнаго руководителя и охранителя принциповъ самоуправленія». Освободятся судьи изъ-подъ этого сапога только тогда, когда причина, загнавшая ихъ туда, будетъ устранена, когда масса бумажнаго хлама дойдетъ до минимальныхъ размѣровъ. Поэтому, если мы желаемъ видѣть народный судъ самостоятельнымъ носителемъ правды и нравственности, то не должны стѣснять его никакими излишними формальностями, должны предоставить ему возможно больше простора въ примѣненіи обычаевъ, въ размѣрѣ наказаній. Поэтому достоинство устава, опредѣляющаго права и размѣры юрисдикціи волостнаго суда, будетъ тѣмъ выше, чѣмъ онъ самъ будетъ короче. Подробный уставъ, обильный разнообразными статьями, пожретъ самъ себя: 104 статья Положенія, запрещающая старшинѣ вмѣшательство въ дѣло суда, пожрана обиліемъ другихъ статей и инструкцій, въ которыхъ темный судья не могъ лично оріентироваться; уставы ссудосберегательныхъ товариществъ, кажется, разработаны въ совершенствѣ, но должно-быть для того только, чтобы весь капиталъ ихъ «сосредоточился въ рукахъ немногихъ міроѣдовъ» (*Молва*, 1879 г., № 317).

Не только темному мужику, но и просвѣщеннымъ писарю и старшинѣ не по силамъ подробные уставы. Мы уже видѣли ранѣе, что не только духъ, но и буква законовъ должны содрогаться отъ приложенія ихъ писарями къ жизни. Писарямъ не по плечу даже азбука закона: въ Гуляйпольской и Покровской волостяхъ (Александровскаго уѣзда) судьи рѣшаютъ дѣла болѣе по закону, чѣмъ по обычаю, и руководствуются преимущественно X т. Свода Законовъ, но въ этихъ же волостяхъ «никто изъ присутствовавшихъ (старшина, писарь, старосты и человѣкъ 30 крестьянъ) не могъ объяснить, въ какихъ случаяхъ могутъ быть приносимы жалобы на рѣшенія волостнаго суда въ съѣздъ посредниковъ» (V. 524, 515 и др.).

Не только въ интересахъ самоуправленія, но и ради сохраненія достоинства самого закона мы не должны навязывать его

темному мужику. Тотъ же наикратчайшій уставъ, который будетъ излагать права и предѣлы власти волостнаго суда, должно отпечатать отдѣльною брошюрой въ несмѣтномъ числѣ экземпляровъ и раздавать ее безплатно въ школахъ и на сходахъ всякому желающему: пусть ознакомится съ нимъ не одинъ только старшина или писарь. На ряду съ этимъ должно въ народныхъ школахъ сдѣлать обязательнымъ ознакомленіе учащихся со строемъ крестьянскаго самоуправленія и земскими учрежденіями. Только тогда, когда такіе школьники будутъ взрослыми людьми, и можно будетъ думать о болѣе подробныхъ уставахъ. Теперь же пусть народъ сближается съ закономъ по стольку, по скольку онъ самъ будетъ чувствовать потребность въ этомъ. Пусть пока сближеніе обычая съ закономъ идетъ помимо уставовъ и инструкцій, только путемъ развитія грамотности, путемъ умственнаго, свободнаго общенія народа съ интеллигенціей и культурными классами. Въ этомъ случаѣ отъ свободнаго, непринужденнаго общенія закона съ обычаемъ народится, конечно, не мракъ, а свѣтъ.

Намъ могутъ возразить, что подобнаго устава для суда, какъ видно изъ «Трудовъ коммиссіи», просятъ сами же крестьяне. Эти заявленія крестьянъ показываютъ-де, что настало уже время, когда мы безбоязненно можемъ дать и подробный уставъ въ руки судьямъ,—они не боятся его, они сами просятъ его.—Думающіе такъ, если желаютъ быть убѣдительны, должны опровергнуть все сказанное нами въ предыдущихъ главахъ. Мы же заявленіе крестьянъ, чтобы дали имъ уставъ, считаемъ недоразумѣніемъ легко объяснимымъ. Такихъ заявленій 23 *); обыкновенно они дѣлались безъ мотивировки, и поэтому мы не можемъ судить, насколько они сознательны были и кто ихъ дѣлалъ. Можетъ-быть такія заявленія дѣлалъ зоркій, сующійся всѣмъ въ глаза ябедникъ, этотъ двубожникъ, которому выгодно ловить рыбу въ мутной водѣ. Но пусть просилъ устава мужикъ-сѣрякъ,—о чемъ же говоритъ эта просьба его? Ею былъ констатированъ только фактъ невыносимости нынѣшней неурядицы, вытекающей изъ двойственности права,—неурядицы, заставляющей мужика метаться отъ волостнаго суда къ мировому. Здѣсь не рѣшается вопроса принципіально, не поднимается и рѣчи о томъ, что лучше—законъ, или

*) II. 112. III. 20. 117. 145. 161. 169. 179. 325. 397. 405. IV. 144. 183. 212. 521 (5 волостей). V. 516. 524. VI. 232. 492. 703.

обычай. Заявляющіе исходятъ отъ конкретнаго факта, мирятся съ необходимостью: они видятъ, что законъ имъ навязываютъ, что законъ попираетъ обычай. Устранить это они не смѣютъ и думать; такъ пусть ужь дадутъ имъ особый законъ, болѣе приспособленный къ ихъ жизни, а то въ этомъ барскомъ нынѣшнемъ много для нихъ непонятнаго и несроднаго. Если на основаніи 23 заявленій дадите судьямъ законъ, то узаконите участіе волостнаго старшины въ судѣ, чего тоже просили въ 12 волостяхъ *).

5. «Если же предметы вѣдомства и предѣлы власти волостнаго суда будутъ расширены, то не слѣдуетъ ли учредить надъ ними апелляціонную инстанцію? Слѣдуетъ ли въ этомъ послѣднемъ случаѣ воспользоваться готовымъ уже учрежденіемъ съѣзда мировыхъ судей, или надлежитъ учредить новую и спеціальную для сей цѣли инстанцію».

Членамъ коммиссій крестьяне очень часто заявляли о полезности учрежденія апелляціонной инстанціи надъ волостнымъ судомъ. Кассаціоннымъ порядкомъ обжалованія судебныхъ рѣшеній крестьяне не удовлетворялись главнымъ образомъ потому, что «при настоящемъ порядкѣ дѣло можетъ никогда не кончиться» (II. 92), такъ какъ дѣла, пролежавъ въ съѣздѣ посредниковъ, «черезъ годъ и болѣе опять возвращаются въ судъ» нерѣшенными (I. 354). Вообще медленность окончательнаго рѣшенія дѣла была главнымъ импульсомъ желанія перейти отъ кассаціоннаго порядка обжалованія къ апелляціонному (I. 344. 387. II. 3. 29. 33. 43. 156. 514. 588. V. 141 и мн. др.). Только въ рѣдкихъ случаяхъ добавляли, что «волостной судъ съ того суда примѣръ бы брать могъ» (I. 751. V. 53. 442. VI. 142), или наши судьи будутъ остерегаться отъ пристрастія (IV. 69. V. 285. 503. VI. 30).

Принимая во вниманіе такія заявленія крестьянъ и проектируемое нами расширеніе предѣловъ юрисдикціи волостнаго суда, мы считаемъ необходимымъ учрежденіе апелляціонной инстанціи, *и эта инстанція должна состоять исключительно изъ крестьянъ*. На этомъ положеніи мы настаиваемъ, несмотря на то, что сами крестьяне высказывались преимущественно за составъ «высшаго суда» хотя изъ крестьянъ, но съ предсѣдате-

*) II. 285. VI. 711 (10 волостей). 753.

лемъ—мировымъ судьей *). Мы *согласію* крестьянъ на такой составъ апелляціонной инстанціи не придаемъ рѣшающаго значенія, во-первыхъ, потому, что къ этому вопросу (о составѣ инстанціи) крестьяне не были подготовлены и, во-вторыхъ, вопросъ, при предложеніи его крестьянамъ, формулировался односторонне. Въ «Трудахъ» вообще рѣдко находимъ указанія на то, въ какой формѣ ставились вопросы, а обыкновенно приводятся одни отвѣты на нихъ; небольшое, однако, и очень неполное исключеніе составляетъ вопросъ о составѣ апелляціонной инстанціи. Въ Тамбовской губерніи 16 волостей высказались за крестьянскій составъ «высшаго суда» съ предсѣдателемъ мировымъ судьей; и во всѣхъ 16 волостяхъ вопросъ былъ формулированъ одинаково и въ данной формулировкѣ былъ поставленъ (по имѣющимся свѣдѣніямъ) только 16 разъ. «На предложенный вопросъ, не считаютъ ли удобнымъ судъ этотъ (апелляціонный) составить изъ выборныхъ отъ крестьянъ судей, подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи, всѣ отвѣчали, что это было бы хорошо» (I. 540. 560. 572. 605. 612. 624. 642. 665. 675. 695. 726. 729. 751. 758. 766. 798). Какъ формулировался вопросъ въ другихъ губерніяхъ при опросѣ крестьянъ тѣхъ волостей, гдѣ былъ полученъ интересующій насъ отвѣтъ, данныхъ почти совсѣмъ нѣтъ: мы помнимъ только три указанія (вопросъ поставленъ такъ же, какъ и выше: II. 488. IV. 53. 355) и думаемъ, что

*) Вотъ таблица по вопросу о составѣ апелляціонной инстанціи, составленная на основаніи „Трудовъ коммиссіи". Въ нее вошли свѣдѣнія, относящіяся только ко II, IV, V и VI томамъ „Трудовъ", и за полноту ея, даже въ этомъ объемѣ, не ручаемся; но данныя близки къ истинѣ.

Въ 47 волостяхъ апелляціонной инстанціи пожелали, но составъ ея не указанъ: II. 65. 128. 453. 501. IV. 25. 69. 119. 183. 281. 316. 323. 369. 382. 449. V. 254. 263. 274. 300. 332. 477. 503. VI. 30. 46. 44. 96. 142. 395. 401. 465. 712 (10 волостей). 723 (8 волостей).

Въ 45 волостяхъ желали составить ее изъ выборныхъ крестьянъ съ предсѣдателемъ мировымъ судьей: II. 488. 514. 528. 534. 544. 579. 588. 602. IV. 28. 37. 53. 340. 355. 361. 388. 407. 413. 432. V. 176. 188. 161. 194. 202. 216. 225. 229. 236. 243. 248. 257. 268. 418. 429. 435. 442. 458. 462. 466. 470. VI. 122. 128. 443. 448. 474. 476. Въ одной волости—изъ выборныхъ крестьянъ съ предсѣдателемъ изъ разныхъ сословій (VI. 2) и въ одной—изъ крестьянъ съ предсѣдателемъ крестьяниномъ же (VI. 470).

17 волостей указали, какъ на апелляціонную инстанцію, на мироваго судью или на мировой съѣздъ (IV. 113. 144. 174. 212. 248. V. 53. 73. 68. 61. 88. 102. 108. 114. 335. 396. VI. 206. 268).

и 4 волости указали на съѣздъ мировыхъ посредниковъ (II. 33. 156. V. 141. VI. 294).

больше ихъ не было. Отъ формулировки же вопроса, къ отвѣту на который не подготовленъ отвѣчающій, зависитъ очень многое, особенно же это справедливо по отношенію къ людямъ, не упражнявшимся съ дѣтства умственною гимнастикой. А крестьяне къ данному вопросу, а потому и къ отвѣту на него, очевидно, не были подготовлены. Мы уже видѣли, что по вопросамъ о мировомъ судѣ и объ учрежденіи апелляціонной инстанціи крестьяне высказывали мотивированныя мнѣнія,—значитъ, говорили сознательно, обдуманно. Напротивъ, о составѣ апелляціонной инстанціи они въ большинствѣ не дѣлали никакихъ указаній; соглашаясь же на предложенный выше вопросъ, они безъ всякой мотивировки, коротко, добавляли: «это было бы хорошо», «весьма удобно» (I. 540. 560. 572. 612. 624. 675. 695. 726. 729. II. 488 и др.), или «очень хорошо, только бы мировому судьѣ жалованья не платить» (I. 606. 642. 665. 798 и др.). Интересно, какіе отвѣты получились бы, еслибъ одновременно указано было и на возможность (въ смыслѣ допустимости) состава высшаго суда всецѣло изъ крестьянъ. Теперь же мы видимъ только, что крестьяне предлагавшійся имъ составъ апелляціонной инстанціи предпочитаютъ съѣздамъ и мировыхъ посредниковъ, и мировыхъ судей; и мы имѣемъ полное право заключить, что предлагаемый составъ второй инстаніи они предпочли существующимъ нынѣ, и предпочли благодаря допущенію въ него крестьянскаго элемента. Оріентироваться въ данномъ вопросѣ настолько, чтобы сдѣлать поправку къ нему, крестьяне не имѣли времени, а можетъ-быть и смѣлости, и только одна Борская волость, Бузулукскаго уѣзда, успѣла сообразить, что при предсѣдателѣ мировомъ судьѣ «судьи изъ крестьянъ будутъ сидѣть для одной видимости, безъ всякаго толка, и прекословить въ чемъ-либо мировому судьѣ, человѣку грамотному и ученому, не будутъ, да и не съумѣютъ» (VI. 162). За справедливость этого мнѣнія говорятъ четыре предыдущія наши главы (II—V), и потому мы присоединяемся къ мнѣнію 34 крестьянъ Шакловской волости, Аткарскаго уѣзда: они «единогласно признали нужнымъ учрежденіе апелляціонной инстанціи надъ волостнымъ судомъ, но не подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи, а одного изъ крестьянъ по выбору обществъ» (VI. 470). Допустить же мироваго судью въ составъ «высшаго суда» въ качествѣ поводыря—значитъ убить самостоятельность волостныхъ судей и самобытность, и цѣльность обычнаго права. Насколько наша интеллигенція и

культурные классы относятся терпимо къ самостоятельности и самобытности крестьянъ, мы уже видѣли на дѣятельности мировыхъ посредниковъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Подводя итоги дѣятельности первыхъ, г. Оршанскій справедливо говоритъ, что они преслѣдовали двѣ тенденціи: 1) «увеличить число случаевъ, когда крестьянинъ обязанъ обращаться къ общему суду, и 2) подчинить по возможности и народный судъ писанному закону, всячески стѣсняя примѣненіе обычая» (Орш., стр. 36). Какія же имѣются основанія къ тому, что иначе проявятъ себя мировые судьи?... И въ нихъ течетъ та же культурная кровь, и они, едва ли не болѣе посредниковъ, заражены тенденціей цивилизовать и просвѣщать грубую чернь.

Намъ скажутъ, что посредники были чиновниками, а мировые судьи—представители общества, которое ихъ избираетъ и смѣняетъ. На это возраженіе мы отвѣтимъ вопросами: скажите, чѣмъ заявили себя уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, изъ которыхъ каждое составляется изъ уѣзднаго предводителя, выбираемаго земствомъ непремѣннаго члена, предсѣдателя земской управы, почетнаго мироваго судьи и исправника? Отзывы о дѣятельности этого цвѣта культурнаго общества мы видѣли выше. Другой вопросъ: чѣмъ заявили себя по отношенію къ развитію крестьянскаго самоуправленія мировые посредники перваго призыва, дѣятели, чувствовавшіе надъ собой контроль общества, не чиновники?... Они навязали крестьянамъ въ старшины лицъ, которыхъ желали мѣстные помѣщики. *Вѣкъ* по поводу фактовъ такого рода и различныхъ встрёпокъ, какими награждались крестьяне за малѣйшія попытки къ самостоятельности, курсивомъ печаталъ: крестьяне «продолжаютъ наслаждаться свободнымъ самоуправленіемъ по приказанію другихъ» (*Вѣкъ* 1862 г., №№ 7—8, стр. 31, 11 и др. *). Такая дѣятельность посредниковъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ продолжается до нашихъ дней.

Чтобъ и въ настоящемъ вопросѣ о волостномъ судѣ не свести дѣло къ полумѣрамъ, чтобы создать дѣйствительно, а не призрачно, самостоятельный и самобытно-народный судъ, нужно быть хотя немного послѣдовательными. Мы же видимъ непослѣдовательность непостижимую; если интеллигентный, культурный человѣкъ всѣми—и сторонниками, и противниками самостоятельности

---

*) То же см. у Якушина (*Современ.* 1863 г. кн. 1, стр. 50) и у Демерта (*Отеч. Зап.* 1869 г., кн. 11, стр. 216, 218, 220 и др.).

волостнаго суда — признается некомпетентнымъ судьей въ первой инстанціи учрежденія, руководящагося при рѣшеніи дѣлъ обычаями и условіями мѣстной крестьянской жизни вообще,— какже это онъ вдругъ будетъ компетентнымъ при рѣшеніи дѣлъ во второй инстанціи?

Послѣдовательность для робкихъ и неискреннихъ людей страшна, и мы слышимъ недоумѣвающіе возгласы: «Расширяя предѣлы юрисдикціи волостнаго суда, неужели возможно оставить его безъ ближайшаго руководства просвѣщенныхъ людей, неужели возможно предоставить мужика всецѣло самому себѣ? Не по плечу ему такое широкое самоуправленіе, и народъ сопьётся, изворуется и т. д. Неужели, наконецъ,—продолжаютъ недоумѣвающіе,—интеллигенція, воспитывающаяся на средства народа, должна тратить свои силы и знанія исключительно на пользу культурныхъ классовъ и оставить безъ всякаго цивилизующаго, просвѣтительнаго вліянія темныя массы?!»

Всѣ эти восклицанія давнымъ-давно знакомы,—они раздавались и въ 60-хъ годахъ. Что мужикъ безъ помѣщичьей узды будетъ злѣе цѣпной собаки, въ этомъ тогда нѣкоторые такъ были увѣрены, что передъ объявленіемъ манифеста переселялись изъ деревень въ города. Но ожиданія и страхи людей, «*выросшихъ въ деревнѣ*», не оправдались. Когда мужикъ почувствовалъ волю, онъ не сдѣлался звѣремъ, не вооружился ни кистенями, ни дрекольями. Отсутствіе узды, поводырства, не только по плечу крестьянамъ, но самостоятельность-то и дѣлаетъ ихъ людьми. И прежде, и теперь, при безконтрольномъ устройствѣ своихъ поземельныхъ дѣлъ, въ артели, въ свободной раскольничьей общинѣ, народъ заявлялъ себя фактами противуположными воровству и пьянству. И въ области суда расширеніе предѣловъ юрисдикціи, учрежденіе апелляціонной инстанціи для народа не только будетъ ему по плечу, но даже и не ново. Несмотря на неблагопріятность внѣшнихъ условій, онъ дѣлалъ попытки фактически достигнуть того и другаго. Иной разъ подсудимые нарочно уменьшаютъ цѣну иска, чтобы разбираться на волостномъ судѣ, а не у мироваго (V. 533); съ согласія сторонъ волостной судъ разбираетъ и уголовныя, и гражданскія дѣла, превышающія предѣлы его подсудности (I. 359. IV. 247. V. 16. 25. 188. VI. 30. 384 и др.). «Случается, что если одна изъ сторонъ недовольна рѣшеніемъ волостнаго суда, дѣло разсматривается вновь судьями, выбранными изъ того общества, къ ко-

торому принадлежитъ тяжущійся» (IV. 502); на судѣ обыкновенно присутствуютъ трое изъ судей, но въ важныхъ дѣлахъ (напр., при пересмотрѣ рѣшенія, кассированнаго съѣздомъ) принимаютъ участіе всѣ, т. е. отъ 6 до 12 судей (IV. 181. V. 288. 523); по важнымъ дѣламъ съѣзжаются даже судьи изъ двухъ волостей (IV. 182. III. 328). Эти несмѣлыя попытки, выдвигаемыя самою жизнью, остается только узаконить.

Людямъ же мечтающимъ о цивилизаторской роли мы можемъ только сказать: если вы, господа, искренни, бѣгите отъ оффиціальнаго руководительства,—оно зиждется на авторитетѣ. А можно ли хотя малѣйшій, косвенный подрывъ подъ признанный авторитетъ оставить безнаказаннымъ?... Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ идеальнаго перваго созыва предложилъ исправнику пороть крестьянъ сельца Острыя-Луки; послѣдній, видя невинность и раскаяніе со стороны крестьянъ, отъ экзекуціи воздержался. Рязанское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, разсмотрѣвъ дѣло и признавъ дѣйствія посредника незаконными и нетактичными, постановило: предложить посреднику возобновить свое требованіе о поркѣ, а исправнику внушить исполнять всѣ подобныя требованія безъотговорочно и немедленно (*Вѣкъ* 1862 г., № 7, стр. 38). Охраняя свой авторитетъ, сожигаютъ всѣхъ боговъ, которымъ прежде покланялись, и бюрократическія учрежденія, и палаты представителей, и будочники, и учителя, и главы семействъ, и хорошо одѣтая публика при столкновеніи на улицѣ съ одѣтой плохо. Во всѣхъ данныхъ случаяхъ разница только количественная, хотя и крупная, но не качественная. И только люди, не привыкшіе на себя оглядываться, не умѣютъ понимать бушующихъ Граціановыхъ. Между тѣмъ воспитывать народъ, «чернь непросвѣщенную», можно и помимо экзекуцій, циркуляровъ и предписаній, именно путемъ личной добропорядочности, примѣромъ, путемъ убѣжденія, расширенія кругозора воспитываемыхъ. Какая изъ системъ воспитанія плодотворнѣй и дѣйствительнѣе—рѣшать здѣсь не мѣсто. Мы попросимъ только читателя припомнить съ одной стороны изъ очерка г. Иванова—«Вокругъ и около»—главу «Безъ покаянія и причастія», а съ другой—силу и вліяніе пророковъ. Конечно, воспитаніе путемъ экзекуцій и циркуляровъ не столь хлопотливо, а главное—такое воспитаніе быстро и всѣмъ по плечу; но за то о представителяхъ такой системы не всегда можно сказать, что они достойны роли воспитателя. И намъ ли, русской интеллигенціи и русскимъ культурменамъ,

мечтать en masse о роли воспитателя и руководителя? Наше дворянство не съумѣло поддержать послѣ реформы даже своихъ личныхъ хозяйствъ, а теперь уже поднимаются голоса о ликвидаціи земскихъ. Съ другой стороны, мы видимъ мировыхъ судей: одного (буйскій)—служащимъ въ волостномъ правленіи, въ облаченіи архіерея, обѣдню, другаго (пошехонскій)—приговаривающимъ купца къ штрафу въ милліонъ сто тысячъ рублей, третьяго и четвертаго (княгининскій, серпуховской)—таскающими въ своихъ камерахъ за бороды дьячковъ и поповъ (*Недѣля* 1872 г., № 13). Кулачная расправа не миновала и земскихъ собраній (бѣлгородское, *Голосъ*, ноябрь 1880 г.). Но всего обиднѣй для культурмена, что мужикъ вздумалъ опекать земство: голодный тираспольскій мужикъ соглашается принять отъ земства хлѣбъ для обсѣмененія полей только въ томъ случаѣ, если хлѣбъ будетъ купленъ земствомъ по указанію и при контролѣ его, мужика (*Голосъ* 1880 г., № 308). Перемѣна ролями, вызванная самою жизнію, а не циркулярными предписаніями, поучительна. Не менѣе поучительно, что въ странѣ свободы, внѣ сферы какихъ-либо регламентацій, «въ то время, какъ представители лучшихъ классовъ русскаго общества, живущіе въ довольно большомъ числѣ въ Нью-Іоркѣ и Санъ-Франциско, гдѣ они устроили свое общество съ длиннѣйшимъ названіемъ и служатъ посмѣшищемъ для американцевъ своими дрязгами и ссорами, — бѣглые каторжники, выкинутые за негодностью изъ общества, способствуютъ тому, что въ пустыняхъ дальняго Запада имя русскихъ пользуется уваженіемъ и служитъ хорошею рекомендаціей всякому, принадлежащему къ этой націи» (Курбскій: «Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора», стр. 329). Это отребіе, составившее извощичью артель, пріобрѣло одинаковое уваженіе какъ въ глазахъ чистокровнаго янки, такъ и чистокровнаго индійца (ibid., стр. 236).

Поэтому, мы думаемъ, наше крестьянство ничего не потеряетъ, а лишь выиграетъ, если въ составъ апелляціонной инстанціи не войдетъ мировой судья и если эта инстанція будетъ состоять исключительно изъ крестьянъ. Намѣтимъ *основы ея организаціи*. Каждыя четыре или пять волостей имѣютъ свой «высшій судъ». Каждая волость посылаетъ въ составъ его своего выборнаго. Эти выборные собираются каждое воскресенье и посѣщаютъ одинъ изъ мѣстныхъ волостныхъ судовъ, гдѣ и разсматриваютъ жалобы. Такимъ образомъ высшій судъ, заведя правильную очередь, бу-

детъ навѣщать каждую волость разъ въ теченіе мѣсяца или пяти недѣль. Учрежденіе апелляціонной инстанціи при такой организаціи ея не повлечетъ «за собою вящшаго значенія волостныхъ и сельскихъ писарей», чего опасается комиссія, выработавшая разсматриваемые здѣсь вопросы, такъ какъ потребуется-де болѣе подробная мотивировка рѣшеній. При проектируемой организаціи апелляціонной инстанціи, волостной судъ не будетъ поставленъ въ необходимость подробно мотивировать на бумагѣ свое рѣшеніе: достаточно записать коротко только суть его, а подробности дѣла и мотивы рѣшенія мѣстные судьи могутъ изложить на словахъ передъ «высшимъ судомъ», уже при самомъ разбирательствѣ дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ, и изложатъ на словахъ дѣло, конечно, точнѣе и толковѣе, чѣмъ самый образцовый волостной писарь на бумагѣ. Чтобъ устранить окончательно вліяніе волостнаго писаря на волостной судъ, помѣщеніе послѣдняго слѣдуетъ не только отдѣлить отъ помѣщенія волостнаго правленія, но желательно, чтобы судъ и правленіе находились въ разныхъ селеніяхъ. Суть же рѣшеній волостнаго суда безъ мотивовъ и изложенія дѣла можетъ записывать всякое грамотное лицо, а всего лучше—судья.

Члены проектируемой апелляціонной инстанціи, конечно, должны получать жалованье. Мужикъ новаго обложенія не вынесетъ, да и къ своему «высшему суду», въ силу этого одного факта, онъ сталъ бы относиться менѣе дружелюбно. Поэтому, гдѣ же взять средства для содержанія мужицкой апелляціонной инстанціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ противники волостнаго суда. «Нельзя не обратить вниманія на то,—пишетъ, наприм., г. Снегиревъ,—что крестьянское сословіе въ общемъ составѣ земства несетъ всѣ расходы на содержаніе мироваго суда, и поэтому *справедливость* требуетъ предоставить ему возможность пользоваться всѣми благами онаго» (*Юридич. Вѣстн.* 1872 г., кн. 10, стр. 118). Не лучше ли будутъ удовлетворены справедливость и мечты о благѣ, если земство, содержащее въ городѣ мировыхъ судей, въ деревнѣ вмѣсто нихъ дастъ средства крестьянской апелляціонной инстанціи? Содержать крестьянскую апелляціоннную инстанцію будетъ дешевле, чѣмъ потребное для деревни количество мировыхъ судей и судебныхъ приставовъ, въ случаѣ уничтоженія волостнаго суда. Потребность въ правосудіи на столько существенна, что земство нравственно обязано дать средства для удовлетворенія ея. Размѣръ жалованья членамъ

крестьянскаго «высшаго суда» будетъ, конечно, опредѣлять мѣстное земство, и жалованье даже *не должно быть* особенно высоко, иначе оно будетъ привлекать аферистовъ.

6. «Слѣдуетъ ли установить ежегодную ревизію волостныхъ судовъ чрезъ мѣстнаго участковаго или одного изъ почетныхъ (по назначенію съѣзда) мировыхъ судей, совмѣстно съ членомъ мѣстнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія?»

Послѣ сказаннаго нами выше мы считаемъ излишнимъ дѣлать замѣчанія по поводу вопросовъ о предоставленіи права мировому судьѣ дѣлать устныя и письменныя разъясненія и указанія въ руководство волостнымъ судьямъ. Равно и на поставленный сейчасъ вопросъ нашъ отвѣтъ не будетъ длиненъ. Въ русскомъ мужикѣ и древнею, и новѣйшею исторіей воспитана и крѣпко вбита способность съеживаться и обезличиваться при соприкосновеніи съ оффиціальнымъ, имѣющимъ отношеніе къ закону, міромъ. Поэтому, сознавая важность ревизій, но принимая во вниманіе, что, вообще, онѣ у насъ въ Россіи часто не достигаютъ никакихъ результатовъ и что въ частности, по отношенію къ волостному суду, онѣ будутъ имѣть послѣдствіемъ не самостоятельность, но безличность суда,—принимая во вниманіе эти два обстоятельства, мы не видимъ никакой нужды, а лишь вредъ—въ предоставленіи мировому судьѣ права ревизовать волостной судъ. Мы находимъ возможнымъ сдѣлать съѣздъ мировыхъ судей кассаціонною инстанціей для волостнаго суда, но вмѣсто учрежденія различныхъ ревизоровъ считаемъ существенно-необходимымъ предоставить право волостнымъ и сельскимъ сходамъ отдавать подъ судъ свое «начальство», а въ томъ числѣ и судей, помимо разрѣшенія на это различныхъ опекуновъ и поводырей. Нынѣ же даже настойчивыя попытки крестьянскихъ обществъ отдать свое «начальство» подъ судъ остаются часто совершенно безплодными, а на просьбы объ удаленіи отъ должности выдающихся по злоупотребленіямъ старшинъ — отвѣчаютъ иногда даже ружейными прикладами*).

*) Приведемъ нѣсколько фактовъ, относящихся къ разнымъ періодамъ послѣреформеннаго времени, гдѣ попытки крестьянъ избавиться отъ злоупотребляющихъ не въ мѣру властью старшинъ кончились болѣе чѣмъ неудачно. Въ 1861 году, при открытіи сельскаго общества въ имѣніи Кокошкина, Гороховецкаго уѣзда, Владимірской губ., крестьяне заявили уѣздному предводителю о своемъ желаніи смѣнить ихъ бурмистра. Получивъ отказъ, они стали шумѣть, грозя выкинуть бурмистра изъ правленія. Въ имѣніе введена была военная

7. «Не слѣдуетъ ли отнести судебно-полицейскую власть волостныхъ старшинъ и старостъ (ст. 64, 68 и 102, примѣч. I, Положенія 19 февраля) или къ общимъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, или къ волостнымъ судамъ?»

Произволъ старшинъ даетъ себя чувствовать въ деревнѣ. Отнять у нихъ законный предлогъ для произвола, т.-е. отнять у нихъ, или по крайней мѣрѣ съузить, право по личному усмотрѣнію сажать подъ арестъ и штрафовать крестьянъ, является существенною необходимостью. Но судебно-полицейскую власть старостъ и старшинъ можно передать волостному суду только по тѣмъ дѣламъ, вѣдая которыя волостные судьи не были бы поставлены въ необходимость соприкасаться съ администраціей: такъ, напр., дѣла о недоимкахъ не должны подлежать вѣдѣнію волостнаго суда,—чтобы быть независимыми при разборѣ подобныхъ дѣлъ, волостные судьи должны были бы имѣть очень опредѣленныя понятія о границахъ между легальной и не легальною почвой для дѣятельности. Опредѣленныхъ понятій о легализмѣ и нелегализмѣ отъ волостныхъ судей невозможно ожидать, поэтому они легко будутъ поддаваться давленію даже мелкой администраціи,

---

команда. Въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ, Симбирской губер., въ селѣ Шигонахъ, крестьяне заявили исправнику, что на работу не пойдутъ и хотятъ выбрать старшину, а прежнихъ своихъ начальниковъ слушать не будутъ. Въ село были введены двѣ роты (*Русское Слово* 1861 г., кн. 6; *Соврем. Лѣтоп.*, стр. 3 и 5). «Крестьяне Новоржевскаго уѣзда, Барановской волости, собственною своею властью хотѣли смѣнить волостнаго старшину и замѣнить его другимъ, по своему желанію. Мировой посредникъ, не удовлетворяя желанія крестьянъ, приказалъ имъ разойтись, но ему этого, однакожъ, не удалось достигнуть, послѣ чего о томъ же сталъ хлопотать исправникъ, но также неудачно. Въ деревню привели взводъ солдатъ (10 января 1867 г.), но крестьяне, въ увѣренности, что тѣ стрѣлять не станутъ, сдѣлали нападеніе на солдатъ и уступили только силѣ, разогнанные прикладами (Демертъ, *Отеч. Записки* 1869 г., кн. IX, стр. 37). Крестьяне слободы Бѣловодскъ, Стародубскаго уѣзда, Харьковской губ., обратились къ мировому посреднику съ просьбой объ учетѣ волостнаго старшины, заподозрѣннаго въ кражѣ общественнаго хлѣба въ голодный годъ, объ удаленіи его отъ должности и о собраніи волостнаго схода. Посредникъ дѣла не рѣшалъ; но когда оно стало извѣстно прокурору, пріѣхалъ въ Бѣловодскъ. Крестьяне со слезами на глазахъ умоляли его смѣнить старшину и назначить сходъ. Но посредникъ остался глухъ къ просьбамъ; онъ говорилъ: „дѣлайте, какъ хотите“, и такимъ образомъ лишилъ крестьянъ законной почвы для дальнѣйшаго веденія дѣла. Между тѣмъ хлопотавшій за крестьянъ гласный Калмыковъ былъ арестованъ, какъ бунтовщикъ, и между крестьянами пронесся слухъ, что на нихъ двинуты войска съ пушками (*Петерб. Лист.* 1873 г., № 109). Въ томъ же 1873 году крестьяне одной волости Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ., вздумали учесть навязаннаго имъ силой старшину, но посредникъ учетчиковъ побилъ и засадилъ въ холодную (*С.-Петерб. Вѣд.* 1873 г., № 204).

а потеря «темнымъ» человѣкомъ самостоятельности и независимости въ одномъ пунктѣ есть болѣе чѣмъ прецедентъ для потери ея и на другихъ.

8. «Возможно ли допустить избраніе въ волостной судъ лицъ всѣхъ сословій, съ оставленіемъ исключительно-крестьянской его подсудности, и представляется ли необходимость требовать отъ волостныхъ судей умственный цензъ (грамотность)?»

Если волостной писарь и старшина, при наличныхъ условіяхъ, могли подчинить волостной судъ, то, несомнѣнно, еще большій успѣхъ въ этомъ будутъ имѣть культурные люди. Проникновеніе въ волостной судъ культурныхъ лицъ вреднѣе, чѣмъ полное уничтоженіе его, такъ какъ въ результатѣ новый самодуръ (культурный человѣкъ), замѣнивъ стараго (старшину-писаря), внесетъ съ собой еще большую двойственность и неопредѣленность въ правовыя воззрѣнія. О морализующемъ же вліяніи культурнаго человѣка, особенно нынѣ, не можетъ быть и рѣчи: интеллигентнаго культурнаго человѣка, если таковой въ лицѣ дворянства когда-нибудь и былъ въ захолустьѣ, вытѣсняютъ изъ деревни Разуваевы, Колупаевы и т. п. людъ. Мы даже противъ предложенія г. Колюпанова, рекомендующаго предоставить право крестьянамъ выбирать въ судьи лицъ другихъ

Въ 1874 году крестьяне одной изъ волостей 2-го мироваго участка Мозырскаго уѣзда жаловались исправнику на недобросовѣстность старшины, служившаго 9 лѣтъ и назначеннаго на должность помимо ихъ воли. Жалоба не была разсмотрѣна и у крестьянъ не осталось законной почвы для дѣятельности. Они смѣнили старшину самовольно; посредникъ, не разслѣдовавъ дѣла на мѣстѣ, тотчасъ же заявилъ въ полицейское управленіе о буйствѣ крестьянъ. Двое крестьянъ, являвшихся къ посреднику съ жалобой на притѣсненія старшины, были отправлены на конюшню: одинъ изъ нихъ получилъ 20, а другой 60 розокъ (*Голосъ* 1874 г., № 215). Въ Новостародубской волости, Александровскаго уѣзда, Херсонской губ., крестьяне не могли добиться смѣны старшины и старосты, несмотря на то, что и срокъ службы послѣдняго давно истекъ. Крестьяне, наконецъ, смѣнили ихъ самовольно, а результатъ самовольства—двѣ сотни казаковъ и арестъ 14 зачинщиковъ (*Голосъ* 1875 г., № 300). Крестьяне села Пурдушки, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, съ просьбой объ учетѣ своего начальства „носились всюду къ исправнику и прочимъ, и всюду встрѣчали отказъ. Тогда они рѣшились черезъ своего повѣреннаго, Бочина, подать жалобу, въ которой упомянули и о различныхъ истязаніяхъ, причиняемыхъ крестьянамъ и крестьянкамъ". Результатомъ просьбы была административная высылка Бочина въ Вологодскую губернію. Послѣ этого крестьяне составили приговоръ благопріятный Бочину, но волостное правленіе, по приказанію свыше, отказалось свидѣтельствовать его, а нетрезвый урядникъ угрожалъ стрѣлять и приставлялъ револьверъ къ груди одного изъ членовъ схода (*Страна* 1881 г., № 20).

сословій только по собственной иниціативѣ, добровольно и единогласно,—противъ потому, что и такое право господинъ Колупаевъ, при настоящихъ условіяхъ, легко обратитъ въ свою пользу: какъ крестьянинъ по отношенію къ своему сивкѣ—другъ, слуга и хозяинъ, такъ точно въ такихъ же отношеніяхъ къ волости стоятъ исправникъ и Граціановъ, а къ симъ послѣднимъ—господинъ Колупаевъ.

Теперь объ умственномъ цензѣ.

Волостной судъ дорогъ, какъ судъ обычный. Грамотность и вообще, а тѣмъ болѣе элементарная, не есть свидѣтель ума, честности, знанія обычаевъ,—напротивъ, она, при недостаточномъ развитіи ея въ деревнѣ, часто указываетъ на «кляузника», который способенъ «только народъ морочить» (V. 253. 316. VI. 299). Припомните, что иногда крестьянинъ даже не учитъ дѣтей, боясь такихъ даровъ грамотности. Заводить рѣчь объ умственномъ цензѣ для деревни можно не ранѣе, какъ черезъ 20—30 лѣтъ по введеніи обязательности обученія. И къ чему новое стѣсненіе для приниженной излишнею опекой деревни? Крестьянинъ самъ понимаетъ силу грамотности, и если безграмотнаго судью, при свободномъ выборѣ, предпочтетъ грамотному, то должно быть не безъ основанія.

9. «Возможно ли измѣнить въ самомъ корнѣ усвоенный закономъ характеръ службы и дѣятельности волостныхъ судей, именно посредствомъ замѣны очередной и безвозмездной ихъ службы постоянною службою съ обязательнымъ назначеніемъ имъ сходами жалованья. Необходимо ли установить присягу волостныхъ судей и знакъ ихъ должности присвоенный, въ отношеніи же льготъ сравнить ихъ съ волостными старшинами?»

Невѣжа-чиновникъ, облеченный какою-нибудь властью и пожалованный знаками отличія, есть воплощеніе спѣси, самомнѣнія и чванства. Если выборный мировой судья предпочитается образованному чиновнику-судьѣ, то мы находимъ стыдомъ для XIX вѣка доказывать преимущества выборнаго судьи по сравненію съ невѣжей-чиновникомъ. Что же касается продолжительности срока службы выборнаго судьи, то, думаемъ, нѣтъ нужды регламентировать его и тѣмъ стѣснять крестьянъ. Хотя крестьяне во многихъ мѣстностяхъ и говорили *объ обязательности* трехлѣтняго срока службы, чтобы судьи имѣли время освоиться съ дѣломъ и могли бы выйти изъ зависимости отъ волостнаго писаря, — но съ вліяніемъ писаря нужно бороться не палліативами, и мы счи-

таемъ болѣе дальновидными крестьянъ, возражающихъ противъ трехлѣтней службы судей: «судья за это время наберется такихъ *премудростей,* что, пожалуй, произвольничать станетъ» (II. 438. 477), «избалуется» (VI. 589. 626), «взятки брать будетъ» (VI. 600). И на нашъ взглядъ *обязательное* продленіе срока службы повлечетъ за собой развитіе ремесленнаго отношенія къ дѣлу и начальническаго къ нуждающимся въ судѣ; а ремесленность и начальническій гоноръ въ волостномъ судьѣ—самыя худшія изъ золъ, какими только онъ можетъ обладать. Не срокъ службы и не внѣшніе знаки отличія вселятъ въ судью живое, нравственное отношеніе къ своему дѣлу, а ясное пониманіе самаго дѣла, сознаніе и чувство своей независимости и, наконецъ, при религіозности крестьянства, присяга. Ясное пониманіе судьей своего дѣла возможно лишь при судѣ по обычаю и совѣсти, а не по писанному закону. Сознаніе и чувство независимости судья можетъ воспитать въ себѣ лишь при условіи возможно-рѣдкаго столкновенія и соприкосновенія съ оффиціальнымъ міромъ и когда 126 ст. Полож. 19 февраля, предоставляющая старшинѣ право штрафовать судью и сажать подъ арестъ за проступки по службѣ, будетъ измѣнена въ смыслѣ предоставленія этого права судьѣ по отношенію къ старшинѣ—за медленное и неточное приведеніе послѣднимъ въ исполненіе приговоровъ волостнаго суда.

Далѣе, чтобы честному и самостоятельному судьѣ не были въ тягость его обязанности, онъ долженъ получать жалованье. О необходимости назначить жалованье судьямъ крестьяне очень часто дѣлали заявленія передъ членами коммиссіи, хотя и добавляли нерѣдко, что у нихъ нѣтъ на это средствъ. Если, въ виду такихъ заявленій, волости будутъ обязаны платить жалованье судьямъ, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ опредѣлять ни минимума, ни максимума его: плата за трудъ, съ одной стороны, а съ другой—платежныя силы крестьянъ на пространствѣ Россіи чрезвычайно разнообразны; къ тому же есть волости, гдѣ судьямъ дѣла много,—есть и такія, гдѣ они собираются раза два-три въ годъ (V. 414. 528. 537. 544. VI. 265. 300 и др.), такъ какъ большинство дѣлъ рѣшается сельскими судами.

10. «Возможно ли провозглашеніе законодательнымъ порядкомъ о совершенномъ уничтоженіи всякихъ обычныхъ сельскихъ судовъ и объ удержаніи затѣмъ единыхъ волостныхъ судовъ?»

Зачѣмъ же уничтожать обычные сельскіе суды и какія къ тому основанія? Вѣдь къ нимъ крестьяне обращаются добровольно,

добровольно же подчиняются ихъ рѣшеніямъ и, какъ видно изъ «Трудовъ коммиссіи», недовольному разбирательствомъ сельскаго суда никто не препятствуетъ переносить дѣло въ волостной судъ. Главное, сельскій судъ — самый близкій, доступный крестьянину судъ: онъ, сельскій судъ, можетъ возстановлять нарушенныя права, удовлетворять оскорбленнаго даже въ горячее страдное время, когда искать правды въ какомъ-либо другомъ судѣ, по недостатку времени, нѣтъ возможности. Законъ покровительствуетъ третейскому безапелляціонному суду, санкціонируя его приговоры, — зачѣмъ же онъ будетъ «уничтожать» обычные сельскіе суды?

11. «Предоставить право волостнымъ сходамъ составлять приговоры о существующихъ въ данной мѣстности обычаяхъ», конечно, слѣдуетъ *), но не слѣдуетъ обязывать и даже рекомендовать составлять эти приговоры, и не слѣдуетъ отнимать у сходовъ право отмѣнять и измѣнять разъ постановленные.

Существенные вопросы коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, *по скольку дозволяетъ объемъ статьи,* нами разсмотрѣны. Къ нимъ считаемъ нужнымъ присоединить слѣдующіе пункты:

I. Реформу, параллельную данной, слѣдуетъ провести во всей системѣ крестьянскаго самоуправленія: общее теченіе самоуправленія, несомнѣнно, болѣе или менѣе сильно должно отражаться и на состояніи суда.

II. Слѣдуетъ облегчить податную систему и принять дѣйствительныя мѣры къ поднятію благосостоянія крестьянъ: люди, которыхъ десятками порютъ за недоимки, которымъ нечего ѣсть, не всегда могутъ живо относиться къ общественному дѣлу.

III. Слѣдуетъ обратить вниманіе на болѣе нормальный составъ волостей, обусловленный мѣстными особенностями, а не административными соображеніями: деревни, которыя имѣютъ общеніе между собой только при уплатѣ податей, не могутъ дружно и согласно относиться къ какому бы ни было дѣлу, равно и къ дѣлу суда.

Всѣ предлагаемыя нами мѣры по преобразованію волостнаго суда естественно и неотразимо логически вытекаютъ изъ сущности дѣла, изъ основнаго положенія, что судъ только тогда является воплотителемъ правды, когда онъ къ дѣлу можетъ относиться сознательно и къ тому же не какъ къ ремеслу, когда онъ самостоятеленъ, независимъ отъ внѣшнихъ давленій, не

*) Въ «Трудахъ коммиссіи» мы находимъ одинъ такой приговоръ сельскаго общества,—имъ руководствуется и волостной судъ,—приговоръ, что отдѣленныя заранѣе дѣти послѣ смерти отца не имѣютъ правъ на наслѣдство (III. 442).

пляшетъ по чужой дудкѣ. До сихъ поръ законъ висѣлъ надъ судьей въ образѣ грозной палки, про которую темный мужикъ не зналъ даже, которымъ концомъ она бьетъ, такъ какъ провести границу между легализмомъ и нелегализмомъ, при сложности и запутанности отношеній между обычаемъ и закономъ, онъ не имѣлъ силъ. Страшась этой грозной палки, «темный» судья спрятался подъ тяжелый сапогъ писаря-старшины или каштана-ябедника и безпрекословно подчинялся всяческимъ законнымъ и незаконнымъ приказаніямъ и внушеніямъ даже простаго будочника, такъ какъ отличить, гдѣ законъ, гдѣ извращеніе его, мужикъ не въ силахъ.

Культурные поводыри, какъ мы видѣли, способствовали не ослабленію, а напротивъ—усиленію страха судьи передъ закономъ. Поэтому, сторонники поводырства, не фарисействуйте, говоря, что безъ васъ мужика вообще и судью въ частности съѣстъ кулакъ!... На кого по преимуществу опирался кулакъ при борьбѣ съ міромъ: на свой капиталъ, на покровительство проводниковъ въ жизнь закона, или на запугиваніе извращеннымъ закономъ? Если кулакъ въ борьбѣ съ міромъ опирался и на всѣ три силы въ равной степени, то крестьянству съ кулакомъ, опирающимся только на одну силу, на капиталъ, будетъ легче бороться и борьба можетъ идти успѣшнѣй. Наша же культуръ-интеллигенція нерѣдко появляется и сама въ роли кулака, но кромѣ того имѣла и имѣетъ тенденцію играть въ руку и не культурному кулаку: вѣдь была же почва для слуха, сообщеннаго лѣтомъ *Московскими Вѣдомостями*, что существуетъ проектъ ввести въ волости цензъ (оплата податями четырехъ душевыхъ надѣловъ) не только для избираемыхъ, но и для избирателей!... Это болѣе отъ кровенный проектъ, чѣмъ проектъ о всесословной волости.

Довольно мы плакались на безплодность полумѣръ, полуреформъ,—время перейти отъ слезъ къ дѣлу. Предлагаемыя нами мѣры по преобразованію волостнаго суда имѣютъ цѣлью сдѣлать судъ дѣйствительно судомъ, а не игрушкой въ рукахъ пройдохъ...

Неужели крестьянству въ дѣлѣ суда вмѣсто хлѣба дадутъ камень, вмѣсто рыбы—змѣю? Неужели вмѣсто требуемой крестьянствомъ грамотности навяжутъ ему томы закона, а вмѣсто нужной для его развитія и роста, какъ воздухъ, самостоятельности поставятъ въ руководители новаго поводыря?

В. Е. Денсній.

МІРСКАЯ ДУША.

(Очерки народнаго быта.)

III *).

Въ первыхъ числахъ апрѣля наступила ясная и теплая весна. Въ вершинкахъ, куда такъ рѣдко заглядывало солнце, все еще лежалъ снѣгъ, но и тотъ уже былъ рыхлый и черный, изъѣденный кативши мися по немъ ручейками. Таловка уже совершила свои обычные проказы: прорвала вешнякъ, обломала створы, изрыла плотину канавками и теперь мирно катила свои грязныя волны, ожидая, когда Петръ Ивановичъ, арендаторъ барской мельницы, посылавшій ей въ слѣдъ не одно крѣпкое русское словцо, примется за починку вешняка. Въ чистомъ, хрустальномъ воздухѣ невидимо носился неугомонный жаворонокъ, разнося по окрестностямъ свой нескончаемый гимнъ весенней природѣ. Изрѣдка раздавались въ ивовыхъ рощахъ ружейные выстрѣлы, звонкимъ эхомъ отдавались на другой сторонѣ рѣчки и глухо замирали вдали. То охотились на вальдшнеповъ старшина Ѳедоръ Петровичъ съ своимъ другомъ-пріятелемъ, мѣстнымъ прасоломъ, Васильемъ Кондратьевичемъ.

Солнце спустилось «съ полдёнъ», когда проходилъ по плотинѣ учитель липовской школы, Григорій Ивановичъ Грандилевскій. Это былъ молодой человѣкъ 22 лѣтъ, средняго роста, довольно плотный, съ черными курчавыми волосами и небольшими усами на широкомъ, некрасивомъ лицѣ. Большіе, открытые глаза Григорія Ивановича, глядѣвшіе весьма добродушно и подчасъ задумчиво, придавали наружности симпатичный видъ и какъ-то невольно вызывали довѣріе. Черный картузъ, чистая ситцевая рубашка, короткое темно-коричневое пальто, жилетъ пепельнаго

*) *Русская Мысль*, февраль.

цвѣта, синіе брюки, заправленные, по случаю непролазной грязи, въ длинные саноги — вотъ и весь неприхотливый костюмъ Григорія Ивановича.

Григорій Ивановичъ былъ сынъ священника и только два года тому назадъ, покинувъ симинарскую скамью, выступилъ на поприще народнаго просвѣщенія. Григорій Ивановичъ уже два года занималъ въ Липовкѣ должность учителя сельской школы, получая отъ земства жалованья по 250 рублей въ годъ. Первый годъ своего учительства онъ всецѣло отдался школѣ, занимался исключительно съ ребятами и какъ будто не замѣчалъ существованія внѣшкольной, «мірской», жизни. Съ мѣстной интеллигенціей, въ лицѣ старшины, писаря и двухъ-трехъ пузановъ, Григорій Ивановичъ не сошелся и, какъ человѣкъ безхитростный, незнакомый съ деревенскою дипломатіей, считалъ совершенно излишнимъ поддерживать непріятное для себя знакомство. На второй годъ, однако, Григорій Ивановичъ мало-по-мало втянулся и въ мірскую жизнь.

«Душевный мужикъ — Григорій Ивановъ», говорили липовцы о Грандилевскомъ. Эти слова объясняютъ все. Нѣтъ ничего легче подкупить мужика, какъ «душевностію». Это какъ нельзя лучше поняли кулаки, и вотъ народился типъ «душевнаго», или, пожалуй, скажемъ, «мірскаго кулака». Типъ рѣдкій, но онъ встрѣчается. Такой кулакъ никогда «не упуститъ своево»; но никогда и не дойдетъ до того нахальства, до того «кровопивства», которыя составляютъ характерныя черты преобладающаго типа, типа кулака Разуваева, такъ мастерски обрисованнаго Щедринымъ.

«Душевный кулакъ» всегда обласкаетъ, приголубитъ мужика, поможетъ въ крайней нуждѣ, одолжитъ хлѣба, и одолжитъ, замѣтьте, безъ процентовъ, «застоитъ мужика передъ начальствомъ, передъ помѣщикомъ». Онъ раздаетъ по мелочи землю, раздаетъ хлѣбъ и деньги безъ условій, безъ росписокъ. Не уплатилъ въ срокъ, — онъ терпитъ, и долго терпитъ. Онъ не скажетъ такъ глупо, такъ нахально, какъ говоритъ Разуваевъ: «Ёнъ достанитъ».

«Мужикъ—что земля!... Паши безперечь, такъ сѣменовъ не сберешь»,—говоритъ душевный кулакъ. И онъ даетъ «вздохнуть мужику», помогаетъ «волной обрастать». Не разсчелся мужикъ «по чести», онъ не потащитъ его въ судъ,—онъ поѣдетъ «міру жалиться» на мужика. Тронутый, разжалобленный, міръ готовъ растерзать, послѣднее отнять у безсовѣстнаго мужика, чтобы

только «ублаготворить радѣтеля». Въ ловкихъ рукахъ душевнаго кулака міръ—послушное орудіе эксплуатаціи, и орудіе, замѣтьте, добровольное. Такъ какъ же послѣ этого не любить мужику интеллигентнаго «душевнаго» человѣка, да еще вдобавокъ и честнаго, желающаго принести посильную помощь этому мужику?

Въ журналистикѣ неустанно воютъ на разные лады, что «между образованнымъ классомъ и крестьянствомъ стѣна стоитъ китайская». Кто же виноватъ, что интеллигенція создала эту стѣну, что она не съумѣла до сего времени усвоить себѣ «душевности»—простаго, безхитростнаго отношенія къ мужику, какъ человѣку? Выдумала она, эта интеллигенція, идеальнаго мужика, полюбила его и удивляется, почему «настоящій мужикъ» знать ее не хочетъ. То она смотритъ на мужика какъ на скота безсмысленнаго, котораго поучать и развивать надо, и въ такомъ случаѣ... Ну, да съ чего же въ такомъ случаѣ мужикъ воспылаетъ къ ней любовію?... То создастъ себѣ изъ мужика какой-то идеалъ, одушевленный самыми высокими идеями, проникнутый благороднѣйшими чувствами, безкорыстнѣйшими побужденіями, и вотъ, по поводу самыхъ обыденныхъ мнѣній мужика, по поводу самыхъ простыхъ, будничныхъ фактовъ мірской жизни, приходитъ въ неописанный восторгъ и умиленіе, воображая, что тутъ-то именно и заключаются высокія идеи и чувства. Мужикъ удивляется восторгамъ. «Баринъ что-то тово, ровно бы не въ себѣ», недоумѣваетъ онъ.

А то, не зная совершенно дѣйствительныхъ условій крестьянской жизни, начнетъ интеллигентный человѣкъ преподавать мужику всевозможные совѣты, рекомендовать самыя радикальныя перестройки въ мірскомъ быту.

«Экъ куда метнулъ!»—думаетъ мужикъ. Онъ бы и сказалъ откровенно: «Дичь ты, ваше благородіе, порешь», еслибы только ты былъ душевнымъ человѣкомъ. Но ты — не душевный человѣкъ, и мужикъ думаетъ про себя: «не спроста это онъ...»,— и только поддакиваетъ, смѣясь себѣ въ бороду. И онъ правъ. Ты «не спроста» эту рѣчь ведешь,—у тебя всегда есть задняя мысль. Мужикъ отлично видитъ это; онъ не понимаетъ только, къ чему она, и остерегается, не перечитъ.

Обыкновенный, безхитростный человѣкъ затѣваетъ такой разговоръ, который самъ по себѣ его интересуетъ,—а ты?... Ты, образованный человѣкъ, спросишь мужика: «каковъ нынче уро-

жай?» — вопросъ, кажется, простой, обыкновенный, но и изъ этого простаго вопроса, и изъ отвѣта мужика ты непремѣнно сдѣлаешь какой-нибудь выводъ... Выводъ этотъ давно уже сдѣлалъ мужикъ, и сдѣлалъ, замѣть, гораздо лучше тебя, но онъ молчитъ. Онъ не можетъ понять, почему ты, человѣкъ ему чуждый и «не душевный», такой выводъ дѣлаешь. «И къ чему это онъ гнетъ?» — думается ему.

Итакъ, Григорій Ивановичъ втянулся въ мірскую жизнь. Произошло это какъ-то само собой и совсѣмъ незамѣтно для него. Увидали мужики и бабы, что учитель — «парень простой, душевный», и стали осаждать его письмами. Григорій Ивановичъ писалъ письма, посылая въ нихъ и «родительское благословеніе, на вѣки нерушимое», и «поклонъ до сырой земли единоутробной сестрицѣ», и «сладкій поцѣлуй милому дружку въ уста сахарныя», и другія изъявленія нѣжныхъ чувствъ, волновавшихъ старческія сердца родителей и дебелыя перси деревенскихъ красавицъ, — писалъ, но за написаніе не взималъ пятаковъ и гривенниковъ. На первыхъ порахъ такое безкорыстіе показалось крестьянамъ какъ-то страннымъ и даже обиднымъ, — они приписывали это гордости. Пробовали подходить къ нему съ яйцами, масломъ, свѣжинкой и другими продуктами сельскаго хозяйства, но и отъ продуктовъ Григорій Ивановичъ упорно отказывался. «Боится, что яишникомъ, али курятникомъ прозовутъ», толковали липовцы. Мало-по-малу, однако, мужики освоились съ безкорыстіемъ Григорія Ивановича. «Для души это онъ безсребренникъ», говорили мужики и пуще прежняго повадились «докучать Григорію Ивановичу письмами и просьбами».

Писарь съ помощникомъ злобствовали, видя, какъ постепенно изъ рукъ ихъ выскользали одна за другой доходныя статьи. Особенно негодовалъ помощникъ писаря, который и таксу особую на письма установилъ: «за написаніе — гривенникъ, да за бумагу съ конвертомъ — пятачокъ; а ежели письмо съ деньгами, то и еще пятачокъ, потому особливая надпись на пакетѣ должна быть, безъ нея и деньги пропадутъ, а надпись ту не каждый и грамотѣй знаетъ», — мотивировалъ онъ свое требованіе добавочнаго пятачка. Къ концу втораго года крестьяне стали приглашать Григорія Ивановича и на «мірской учетъ». Послѣ четырехъ-пяти учетовъ онъ вполнѣ освоился съ крестьянскою бухгалтеріей и сталъ истиннымъ «бичомъ Божіимъ» для сборщиковъ и старостъ «не чистыхъ на руку».

Все это создало Григорію Ивановичу массу враговъ среди сельскаго начальства и кулачества. Только Григорій Ивановичъ, чуждый деревенской политикѣ, въ первое время совсѣмъ не замѣчалъ этого настроенія. Да и какъ было замѣтить, когда самые ярые враги, при встрѣчѣ съ Григоріемъ Ивановичемъ, почтительно снимали шапки, ласково улыбались и, крѣпко пожимая руку, тащили къ себѣ «хлѣба-соли откушать», «блиновъ отвѣдать», либо «китайской травкой животикъ пополоскать». Такое радушіе часто ставило въ тупикъ Григорія Ивановича.

— Не знаетъ, видно, Дмитрій Ѳедотовъ, что я прошеніе Полушкину писалъ, — думалъ Григорій Ивановичъ, уступая наконецъ неотступнымъ просьбамъ Дмитрія Ѳедотова—«чайкомъ побаловаться».

— Э-э—эхъ, Григорій Ивановичъ!—какъ-то жалостно усмѣхаясь, говорилъ Дмитрій Ѳедотовъ, подувая на блюдечко.—И за что это ты меня ошельмовалъ... Вишь ты, мошенникомъ сталъ,— по одной роспискѣ двойныя деньги беру... Подумаешь, какой народъ глупый нонѣ — денежки сполна на столъ вывалитъ и росписочку оставитъ: може тебѣ, Митрій Ѳедотычъ, цыгарку свернуть знадобится изъ росписки-то?!..

— Про что это ты, Дмитрій Ѳедотычъ?

— Хе-хе-хе!—покатывался Дмитрій Ѳедотовъ, нахально поглядывая на смутившагося Григорія Ивановича.—Про што?... Ты думаешь, мы не знаемъ, кто Полушкину писалъ?... Аль руки у насъ нѣтъ въ крестьянскомъ-то присутствіи?... Въ натурѣ, Григорій Иванычъ, прошеньице-то твое читалъ, какъ есть.... И зачѣмъ ты только съ пустымъ народомъ связался?... Оно, знамо дѣло, хлѣбъ ѣсть тоже надоть,— язвительно продолжалъ Дмитрій Ѳедотовъ.—Ты чево тамъ отъ земства... сто, аль полтораста берешь?... Ну, этой суммы по здѣшнему мѣсту на харчи, да сапожки не хватитъ... Вотъ что! — помолчавъ продолжалъ Дмитрій Ѳедотовъ.—Поступалъ бы ты, Григорій Иванычъ, къ Василью Григорьичу въ объѣздчики полевые... Оно, сказать, хоть и тяжеленько, да вѣдь подъ лежачій-то камень и вода не течетъ. А ты самъ посуди: пятнадцать рублевъ, харчи господскіе.... Опять и съ мужика доходъ—коимы тамъ, либо што отпустить... Приперъ ево въ тѣсномъ мѣстѣ, — ну, и подастся! Глядишь, полтина, алибо цѣлковый!... Какого еще рожна одинокому человѣку, коли своего хозяйства нѣту?

Дмитрій Ѳедотовъ отлично зналъ, что Григорій Ивановичъ за написаніе просьбъ ничего не беретъ,—зналъ, что онъ получаетъ отъ земства не 100, а 250 руб.,—зналъ, наконецъ, и то, что Григорій Ивановичъ ни за какія деньги въ объѣздчики не пойдетъ,—зналъ... и съ ехидною улыбкой на устахъ смотрѣлъ, какое впечатлѣніе произвела его рѣчь на учителя.

Оскорбленный до глубины души, красный отъ внутренняго волненія, Григорій Ивановичъ не зналъ, какъ прилично отдѣлаться отъ хлѣбосольнаго хозяина. Подчасъ такія язвительныя замѣчанія выводили изъ себя Григорія Ивановича. Онъ спорилъ, горячился, говорилъ много лишняго и уходилъ съ тяжелымъ сознаніемъ, что наговорилъ много такого, о чемъ бы слѣдовало помолчать.

Между Григоріемъ Ивановичемъ и Иваномъ Михайловичемъ установились довольно странныя отношенія. Иванъ Михайловичъ давно уже проникъ въ самую глубину души Григорія Ивановича и сердечно привязался къ нему, полюбилъ его какъ сына. Но въ то же время онъ не могъ не замѣтить, что Григорій Ивановичъ въ житейскихъ дѣлахъ человѣкъ мало-опытный, черезчуръ пылкій, не въ мѣру довѣрчивый и несдержанный. Видѣлъ это Иванъ Михайловичъ и о многихъ продѣлкахъ волостнаго начальства и кулачества умалчивалъ, какъ скрываетъ отецъ отъ сына дѣла, которыя, по его мнѣнію, преждевременно знать сыну. Иванъ Михайловичъ опасался, и не безъ основанія, что пылкій Григорій Ивановичъ возьмется за безнадежное дѣло, произведетъ безполезную смуту въ обществѣ и только безъ толку навредитъ и себѣ, и обществу, и ему, Ивану Михайловичу. Григорій Ивановичъ съ своей стороны какъ-то инстинктивно чувствовалъ такое отношеніе къ себѣ Ивана Михайловича и не очень имъ былъ доволенъ. Втянувшись въ мірскую жизнь, занятый постоянно писаніемъ просьбъ, видя наплывъ крестьянъ, обращавшихся за разными совѣтами, Григорій Ивановичъ склоненъ былъ считать себя скорѣе руководителемъ Ивана Михайловича или по крайней мѣрѣ товарищемъ, а ужь никакъ не сыномъ. Къ тому же во многихъ случаяхъ онъ никакъ не могъ объяснить себѣ образа дѣйствій Ивана Михайловича: то, видя смѣлость и стойкость въ борьбѣ за мірскіе интересы, онъ возводилъ Ивана Михайловича на пьедесталъ, восторгался и увлекался имъ; то вдругъ замѣчалъ за нимъ какую-то непонятную осторожность, мелочность, скрытность,—

видѣлъ, какъ Иванъ Михайловичъ поддакивалъ кулакамъ въ какомъ-нибудь неприглядномъ дѣлѣ,—огорчался, называлъ его трусомъ, избѣгалъ съ нимъ встрѣчи.

Григорій Ивановичъ перешелъ черезъ плотину и повернулъ направо по улицѣ, къ избѣ Ивана Михайловича. Пятистѣнная, съ крыльцомъ на улицу, почернѣлая отъ времени, изба Ивана Михайловича ничѣмъ не отличалась отъ цѣлаго ряда другихъ. Съ крыльца низенькая дверь вела въ сѣни, заставленныя разнымъ хозяйскимъ добромъ. Противъ небольшаго, безъ стеколъ, оконца, вырубленнаго въ сѣнцахъ, стоялъ самодѣльный верстакъ Ивана Михайловича да связки свѣжесрубленныхъ дубовыхъ обручей. Старикъ уже не занимался тяжелой земледѣльческою работой. Онъ былъ и немного столяръ, и немного—бондарь. Новыхъ бочекъ и пересѣкъ не дѣлалъ, а вставку вложить, зауторить, обручъ набить—это его дѣло. Работа у Ивана Михайловича не переводилась круглый годъ.

Семья была небольшая—сынъ съ бабой, да самъ. Жена у Ивана Михайловича уже давно померла. Сынъ его, Павелъ, средняго роста, коренастый мужикъ, съ добродушнымъ, улыбающимся лицомъ, съ мягкимъ пріятнымъ голосомъ, 25 лѣтъ, жилъ съ своей Прасковьей, здоровой и бойкой бабой; но та до сего времени не принесла ему ни сына, ни дочери. Обстоятельство это повергало въ немалое смущеніе Ивана Михайловича. Не надѣясь болѣе на плодородіе снохи, старикъ усыновилъ себѣ пріемыша, мальчика лѣтъ 12-ти, сына племянника, умершаго два года назадъ.

Изъ сѣней налѣво вела дверь въ пространную кухню, за которой слѣдовала небольшая горница съ русской же печью, а не голландской, какъ теперь стали строить крестьяне. Домохозяйство Ивана Михайловича вообще было не очень-то завидное. Правда, нужды онъ не терпѣлъ, подати за нимъ не стояли, но и достатковъ большихъ не было.

— Добраго здоровья, Иванъ Михайловичъ!—говорилъ Григорій Ивановичъ, входя въ горницу.

— Добро пожаловать, Григорій Ивановичъ, съ постомъ великимъ!... Садись-ка сюда,—поднявшись съ лавки, усаживалъ Григорія Ивановича въ передній уголъ Иванъ Михайловичъ.—Извини, гость дорогой, хоть не въ частыхъ ты бываньи у насъ, да нечѣмъ подчивать-то,—время нонѣ великопостное... Опять и то сказать, по веснѣ у мужика вся фрухта подъ итогъ выходитъ: ни тебѣ яблочковъ моченыхъ, ни грибковъ соленыхъ, ни брус-

нички... Вотъ ра́зи огуречковъ, рѣдечки, капустки кочанной съ маслицемъ да лучкомъ—это можно. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады,—говорилъ старикъ.

— Прасковь, наставь самовар'чикъ да Ванятку пошли!... А сама на лѣдникъ ступай,—може на́йдешь чево,—говорилъ онъ вошедшей Прасковьѣ.

— Ты чаво, дѣдушка?—вбѣжалъ востроглазый мальчуганъ.

— Поди-ка сходи къ Мартынычу, баранокъ фунтъ купи да три шкалика столоваго!—приказывалъ Иванъ Михайловичъ, подавая мальчугану деньги.

— Полно, Иванъ Михайловичъ! Я не изъ того къ тебѣ пришелъ,—конфузился Григорій Ивановичъ.

— Э, другъ сердешный, я и самъ знаю, не изъ тово!... Да вѣдь мы по маленькой... Оно, глядишь, и бесѣда вольготнѣй пойдетъ,—убѣждалъ старикъ.

— Какъ озими, Иванъ Михайловичъ,—не подопрѣли?

— Чудесныя озими, Григорій Ивановичъ, чудесныя!... Что дальше Богъ дастъ... По осени дождя мало было, да и зима-то дружно взяла... сухимъ снѣжкомъ зелени́ завалило... Чудесныя озими!

— Много засѣялъ, Иванъ Михайловичъ?

— Озими-то?... Да какъ тебѣ сказать,—не мѣрена вѣдь она у насъ,—тридцатокъ, знать, восемь будетъ.

— Это хорошо.

— Да, мы жители... Нечего Бога гнѣвать,—ласково улыбнулся старикъ.

— У кого пары-то бралъ?

— У Василья Григорьича. Дорогонько только,—цалковыхъ, знать, пятнадцать тридцатка обойдется.

— Да, дорого... А работа вотъ ни во что не цѣнится...

— Работа, другъ ты мой, прямо сказать, шаль,—а́бы скотина не подохла.

— Не берешься на работу-то, Иванъ Михайловичъ?

— Что ты!... Не дай Богъ, Григорій Ивановичъ!... Слава-те Господи, до сумы́ не дошли!... Плужная пахота, по осени нови́ну подымать—это такъ, это особь статья.

— А Василій Григорьевичъ нынче прикащика засылалъ... Шесть цѣлковыхъ за десятину даетъ.

— Это — моли Бога, шесть-то цалковыхъ!... А вотъ какъ по условьямъ-то, да на два года впередъ... Писалъ, чай?—На-

зёмъ свозить, кучи разбить, вспахать въ двѣ пашки съ двойной бороновкой, господскимъ зерномъ подъ соху засѣять, по созрѣлости хлѣбъ сжать, или скосить, по усмотрѣнію хозяина, связать и въ копны скласть... За все, про все три съ полтиной за тридцатку получай... Наберетъ онъ такихъ-то условьевъ бремя да все лѣто и робитъ, не покладая рукъ, свое зерно упуститъ. Прошло лѣто,—ни хлѣба, ни денегъ...

— Сами виноваты, Иванъ Михайловичъ!... Вотъ хоть бы Василій Григорьевичъ: прижать его легко можно...

— Гдѣ ужь тамъ прижать, Григорій Ивановичъ!... Онъ самъ тебя во всякомъ мѣстѣ прижметъ.

Вошла Прасковья, поставила вино и закуску. Тутъ была и капуста, и огурцы, и рѣдька. Появились откуда-то грузди, соленье и яблоки моченые. Очевидно, что старикъ только прихвастнулъ, такъ-сказать, для красоты слога, насчетъ «фрухты».

— Ай-да Прасковья!... И груздочковъ, и яблочковъ нашла... Молодецъ!... А я ужь думалъ, нѣту, — добродушно слукавилъ Иванъ Михайловичъ.

— Ну-тка, Григорій Ивановичъ, по единой!

— Будьте здоровы! — поклонился учитель, выпивая стаканчикъ.

— Кушай на здоровье!... Вотъ груздочкомъ закуси.

— Теперь если липовцамъ согласиться, Василій Григорьевичъ и восемь дастъ вмѣсто шести... Ты самъ посуди, Иванъ Михайловичъ,—воодушевляясь, говорилъ учитель: —гришинскимъ далеко, двѣнадцать верстъ,—меньше восьми рублей имъ не сходно брать; а ваньковскимъ хоть и близко, да народъ богатый,—они и за девять не поѣдутъ...

— Не што!—задумчиво промолвилъ Иванъ Михайловичъ.—Ваньковскіе — народъ зажи́вный — и за десять, мотри, не поѣдутъ.

— Повертится, повертится Василій Григорьевичъ, да и дастъ восемь рублей.... Ты какъ думаешь, Иванъ Михайловичъ?

Иванъ Михайловичъ упорно молчалъ, блуждая глазами съ угла на уголъ.

— Вѣдь тутъ, Иванъ Михайловичъ, по закону... Условій не дѣлали,—не сходно, да и только, —давай восемь рублей!... Я ужь кой-кому говорилъ объ этомъ дѣлѣ: Ивану Васильеву, Семену Рытову, да Лаврентью...

— Ну, што они?—встрепенулся старикъ.

— Они всей душой!... Къ тебѣ послали: «что, молъ, мірская душа скажетъ».

Старикъ любовно посмотрѣлъ на Григорія Ивановича.

— Ты какъ полагаешь, Иванъ Михайловичъ?

Иванъ Михайловичъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Заправка не та, Григорій Ивановичъ!...

— Какая заправка?

— Да вотъ какая заправка!... Въ міру у мужика силы нѣту,—вся сила у господъ, да у купцовъ... У нихъ, другъ милый, кругъ заведенъ, колесомъ дѣло идетъ. Теперь сказать, Василій Григорьичъ — сила! Нонѣ онъ въ тебѣ одну нужду, а завтра ты въ немъ двадцать. Ты сейчасъ къ нему на работу, а черезъ двѣ недѣли за сѣменами... Тамъ—пары разбирать на тотъ годъ, тамъ—луга снять, отаву, а тамъ, гляди, по парамъ скотину пущать. По осени овцу погонишь къ Миронычу,—у него нонѣ «расходы» сняли, — черезъ чью землю? — Опять Василья Григорьича... Ты его однова прижмешь, а онъ тебя—двадцать разъ, да такъ нажметъ, что не куда податься будетъ.

— Иванъ Михайловичъ! да не сидѣть же сложа руки... На, молъ, голубчикъ, дери, что Сидорову козу, пока не надоѣло!... Вѣдь на совѣсть-то ихъ полагаться нельзя: цѣна-то ей алтынъ мѣдный, — горячился Григорій Ивановичъ. — Чѣмъ ты смирнѣй, тѣмъ больше на тебя налегаютъ... Помнишь, въ прошломъ году Василій Григорьевичъ завалилъ вешнякъ до верху, створы спустилъ, да назёмомъ привалилъ, а самъ надъ липовцами издѣвается: «Посмотрю, — говоритъ, — долго ли липовскіе депутаты, мірскіе-то ораторы, безъ воды просидятъ... Авось, Господь дастъ, пересохнетъ въ глоткѣ, галдѣть перестанутъ». Пришли къ нему наши: «Подыми,—говорятъ,—створы. Смерть наша приходитъ,—ни себѣ воды, ни скотинѣ!» А онъ говоритъ: «А мнѣ какое дѣло? Я не виноватъ, что у васъ на низу родниковъ нѣтъ... Я воды набираю для мельницы». — Ну, что тутъ дѣлать, если совѣсти у него нѣтъ?... Жаловаться? — Пока рѣшенье выйдетъ,—да и кто еще знаетъ, какое,—скотина двадцать разъ издохнутъ успѣетъ... Сговорились, собрались ночью съ ломами, заступами, да и провели по своей землѣ канаву... На утро встали, пруда какъ не бывало, а у насъ на низу—полой!... Вода сошла, такъ еще какая чудесная трава выросла. Сроду не кашивали, а тутъ накосили,— съ улыбкою добавилъ Григорій Ивановичъ. — Василій Григорьевичъ рвалъ на себѣ волосы, двѣ недѣли

въ городѣ по адвокатамъ метался, да такъ и бросилъ.... Да тебѣ, правда, что разсказывать, — самъ лучше меня знаешь.

Дѣйствительно, Иванъ Михайловичъ первый подалъ совѣтъ рыть канаву и указалъ проводить по своей землѣ, а не по господской; но ему пріятно было слушать изъ устъ учителя разсказъ про это удачное дѣльце. Во все время разсказа торжествующая улыбка не сходила съ лица старика.

— Да, канавка не величка, а дорогонько-таки Василью Григорьевичу обошлась,—тысченки три никакъ изъ кармана повытянула... Круглый годъ мельница не работала.

— Такъ-то, видно, лучше, Иванъ Михайловичъ!

— Самовольно-то?... Кто э знаетъ, въ какомъ дѣлѣ, Григорій Ивановичъ. Канава—особь статья. Тутъ, сказать, однимъ мигомъ: вырылъ—и кончено.... А въ цѣнѣ прижать Василья Григорьича время нужно. Онъ-то переждетъ и недѣлю, и другую,—его дѣло терпитъ,—а тебѣ черезъ двѣ недѣли сѣмена нужны. А отъ кого сѣмена?—Опять же Василья Григорьича все не минуешь... Кабы обчественный хлѣбъ былъ, это—такъ, а то вишь въ магазеяхъ-то въ гулюшки играй... Въ обществѣ нѣту!—закончилъ старикъ, понуривъ голову.—За двѣ-то недѣли, другъ сердешный,—продолжалъ Иванъ Михайловичъ,—Василій Григорьичъ не мытьемъ, такъ катаньемъ доймета... Самъ не доймета, такъ старшину пошлетъ, къ становому толкнется... Тамъ старину подыметъ—условья да не отработки, къ мировому подастъ, въ рабочее время тебя манежить зачнетъ. Экимъ-то манеромъ гдѣ самъ, гдѣ старшина, ино водкой посулитъ, ино мировымъ постращаетъ, кое сѣменовъ одолжитъ, бѣдному мужику польститъ—и опять пошло по-старому. Колесо-то у нихъ, другъ ты мой, не первой годъ заведено!... Почитай, болѣе десяти годовъ ровно да мѣрно, что маховикъ, крутится. Такъ ты, милый, вдругъ-то не остановишь.... Кабы льзя-то было, гдѣ бы и сила ихняя была?—Иванъ Михайловичъ замолчалъ и сурово насупился.

— Да это все ничего!—тряхнувъ головой, продолжалъ старикъ. — А ты вотъ что разсуди: какой нонѣ народъ сталъ?... Вотъ ты давя Лаврентья помянулъ. Ты какъ объ немъ полагаешь,—золото мужикъ?... Точно, и я скажу, не худой мужикъ!... А и съ нимъ позапрошлый годъ бѣда стряслась... Василій-то Григорьичъ цѣну задумалъ набавить, рублика накинуть на паровую. Мужики заартачились. Прикащикъ—къ кулакамъ. Ну, тѣ, знамо, «съ нашимъ, говорятъ, удовольствіемъ»,—одного поля ягода...

Пошли въ кабакъ, лядащихъ мужичонковъ позвали,—ну, и Лаврентій на грѣхъ съ ними вотрись. Винищемъ этимъ напоили до пьяна... «Ну,—говорятъ,—ребята, бери землю за 12 цалковыхъ, а мужикамъ говори за пятнадцать... Лаврентій было заупрямился... Видитъ прикащикъ, что все дѣло мужикъ изгадитъ, отозвалъ это къ сторонкѣ. «Вотъ,—говоритъ,—другъ любезный, видалъ эфти грамотки?—а самъ передъ носомъ условьями помахиваетъ.—Коли согласенъ, бери на цыгарки, а нѣтъ—и лѣто, и зиму безъ отдыху робь!» Условіе, вишь, на 30 цалковыхъ. Лаврентій надавалъ, а деньги, знамо, впередъ, ужь и въ податя поворочены. Ну, бѣдность, семья безъ хлѣба!.. «Безъ условіевъ, думаетъ, я на одномъ покосѣ, да возкѣ у Михайлы Спиридоныча рублей сорокъ зароблю...» Опять же въ куражѣ... «Да-а-вай!»—говоритъ... Взялъ документъ, въ карманъ положилъ и пошелъ домой. Дылда на встрѣчу. «Откуда?»—«Изъ кабака, молъ. Землю бралъ».—«Какъ,—говоритъ,—землю?... Вѣдь не сошлись давя?» «Эва, малый!... Половину побрали. Ступай скорѣй!» Лаврентій—мужикъ твердый, кажный вѣритъ. Бѣжитъ Дылда, торопится. «Что, говоритъ прикащику, мой-отъ клинъ съ лощинкой цѣлъ?»—«Могарычи ставь,—брешетъ прикащикъ,—я объ тебѣ порадѣлъ: на него зубы точили, да не далъ. Дылда споконъ-вѣку лощинку засѣвалъ,—пущай и теперь за нимъ остается!»—«Ну, слава-те Господи!—съ дуру-то обрадовался Дылда.—Пиши скорѣй на лощинку. За могарычомъ не постоимъ... На, получай задатки!» Такъ всѣ по пятнадцати и разобрали... На утро проспался Лаврентій, пришелъ ко мнѣ. Плачетъ малый, убивается... «Іуда,—говоритъ,—я, Христораспинатель: тотъ Христа за тридесять сребренниковъ продалъ, а я—міръ». — Вотъ оно какъ Григорій Ивановичъ!... Не то бѣда — крестьянское раззоренье, а то бѣда — мірское нестроенье... Годовъ пять назадъ ходилъ я въ Кіевъ на богомолье, такъ странничка встрѣтилъ, вмѣстѣ и въ Кіевъ шли. «Правда, — сказывалъ онъ мнѣ, — на небо взята... Чесной трудъ по міру съ сумой шатается, а умъ-разумъ за рѣшеткой сидитъ».

— Отчего же, Иванъ Михайловичъ, въ міру правды не стало?

— Отчего?—задумчиво переспросилъ старикъ.—Голодный-то волкъ родныхъ дѣтей жретъ—вотъ отчего!...

Занятый будничной, ежедневною борьбой, всецѣло поглощенный мыслію, какъ защитить крестьянъ отъ кулаковъ, прикащиковъ и другихъ радѣтелей мірскаго интереса, Григорій Ивано-

вичъ не имѣлъ времени замѣтить той «неправды», которая носилась надъ міромъ, травила и ожесточала другъ противъ друга этихъ когда-то дружныхъ мірянъ. Иной разъ поразитъ Григорія Ивановича вопіющій фактъ «мірской неправды»,—задумается онъ надъ нимъ; а тутъ, глядь, пришли съ прошеньемъ или письмо писать. Такъ и остаются внутреннія, психическія пружины вопіющаго факта не раскрытыми. Теперь, послѣ разговора съ Иваномъ Михайловичемъ, эти пружины стали ему выясняться. Передъ умственнымъ взоромъ Григорія Ивановича стала выростать невѣдомая ему дотолѣ, поражающая, картина «мірскаго нестроенья». И чѣмъ болѣе она выростала, тѣмъ сильнѣе поражала его и своею новизною, и своею безысходностію, туманомъ застилала очи, гнётомъ ложилась на мозгъ.

Старикъ замѣтилъ душевное состояніе Григорія Ивановича по его грустному, какому-то потерянному, виду.

— Ну-тка, Григорій Ивановичъ, выпьемъ-ка по единой... Лучше, нечѣмъ лясы точить,—тоску только другъ на друга нагонишь.

Пріятели выпили.

— Прощай, Иванъ Михайловичъ! За хлѣбъ да за соль благодаримъ покорно! — поднялся Григорій Ивановичъ, отыскивая картузъ.

— Чево ты больно рано поднялся?... Хозяйки нѣту,—скучать по тебѣ некому. Сиди!—промолвилъ Иванъ Михайловичъ.

— Нѣтъ, ужь пора... Прощай!

— Ну, прощай! Будь здоровъ да насъ не забывай—почаще навѣщай!... Постой, я тебя провожу,—промолвилъ старикъ, выходя на улицу.

— Ишь, благодать Божья на волѣ-то! — говорилъ Иванъ Михайловичъ, озираясь кругомъ.—Вотъ она, весна-то, Григорій Ивановичъ! Вражки, вершинки взыграли, жаворонка на вольномъ воздухѣ заливается, травушка зеленѣетъ, ручейки шумятъ... Гдѣ бы мужичку попраздновать,—анъ тутъ самая и морока ему.

Григорій Ивановичъ ушелъ отъ старика въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Всѣ его мечты, всѣ планы прижать Василья Григорьевича перевернулись вверхъ дномъ. Войдя въ школу, учитель снялъ картузъ и бросился на постель. «Вотъ и пиши прощенья да письма весь вѣкъ, а другаго дѣла и не заводи,—думалось ему.—Чего проще—на два рубля задѣльную плату поднять, а и то не выгораетъ... Да нѣтъ! — сомнѣвался немного

погодя учитель, когда нарисованная Иваномъ Михайловичемъ картина «мірскаго нестроенья» начинала тускнѣть, задергиваться дымкой. — Иванъ Михайловичъ ужь больно недовѣрчивъ. Опять же онъ съ Васильемъ Григорьевичемъ постоянно дѣла имѣетъ: и землю беретъ у него, и пахату плужную по осени, бочки тамъ, пересѣки починитъ... Ну, вотъ и не хочетъ ссоры съ нимъ заводить... Да что тутъ толковать,—Иванъ Михайловичъ и съ кулаками здѣшними тоже компанію ведетъ. Міръ-то — міръ, да и своего не упускаетъ.—Григорій Ивановичъ начиналъ злиться на старика. — Онъ наровитъ и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти, — чтобъ и міръ его уважалъ, да и господа жаловали... Нѣтъ ужь,—возмущался учитель,—коли ты—мірской человѣкъ, такъ съ кулаками не знайся, а знай міръ да себя. А то вотъ цѣлый вечеръ у старшины сидѣлъ, угощался, съ кулаками бесѣдовалъ. Видно, по нраву имъ пришелся, а то не стали бы зазывать... Нѣтъ! — вскочилъ съ постели Григорій Ивановичъ,—ужь если такого пустяка устроить нельзя, такъ что же тогда и дѣлать?!» — Григорій Ивановичъ схватилъ картузъ, съ какимъ-то ожесточеніемъ напялилъ его на голову и твердыми шагами направился къ Семену Рытову на конецъ села.

На другой день поутру къ барскому кабаку подъѣхалъ верхомъ прикащикъ и, не слѣзая съ лошади, приказалъ цѣловальнику послать парнишку оповѣстить крестьянъ о своемъ пріѣздѣ. Скоро около него собралась толпа.

— Ну, что же, старички, въ контору за условіями не идете?—ласково повелъ рѣчь прикащикъ.—А ужь мы-то безъ васъ стосковались. Думали-гадали, чево голявскіе не идутъ. Видно, молъ, въ Таловкѣ боятся уходиться,—заигрывалъ прикащикъ.—Чево зѣвать, —пора и за работу, старики!... Литки разопьемъ,—соблазнялъ прикащикъ, — ведёрко другое-третье, — добавилъ онъ, видя насупленныя лица мірянъ, — да и маршъ въ контору — а?

— Ты погоди съ литками,—было бы чево заливать... Ты вотъ первó скажи намъ: цанà какая?—сурово оборвали крестьяне медовую рѣчь прикащика.

— Цѣна?—съ притворнымъ удивленіемъ переспросилъ прикащикъ, давно уже слышавшій, что̀ затѣвается среди мірянъ.—Аль въ первóй вы къ Василью Григорьевичу? Споконъ вѣку шесть рублей было,—ну, и теперь по старой цѣнѣ.

— Спокон вѣку, говоришь?... Ну, а намъ эта цана неудобная.

— Какъ неудобная?...

— Такъ, стало-быть, не сходная.

— Не сходная?... По скольку же вамъ давать?

— По сколь ни давать, а за шесть цѣлкачей не пойдемъ робить.

— А почемъ пойдешь-то?... За пятнадцать, что-ль?

— Пятнадцать—не пятнадцать, а восемь давай.

— Во-о-семь!... Не жирно ли будетъ?... Что вы, старики, аль съ похмѣлья?—смѣялся прикащикъ.

— Видно, съ похмѣлья... Утрясь студёной росы напились,—захмѣлѣли!...

— Ты зубы-то не заговаривай!—крикнулъ другой мужикъ.—Поворачивай оглобли назадъ, отколь пріѣхалъ!

— Самого Василья Григорьича посылай!—послышался голосъ изъ толпы.—Мы съ нимъ и покалякаемъ... Твоей власти-то нѣту цану набавлять,—нѣча и зубы языкомъ околачивать.

— Ой-ли?... Князья какіе стали... Не на поклонъ ли къ вамъ Василья Григорьевича послать?—сказалъ прикащикъ.

— А хошь бы и на поклонъ!... Кланяться—голова не отвалится. Міръ-то не хуже ево...

— Поклонну, слышь, голову ни бьютъ, ни сѣкутъ, — поддразнивалъ другой крестьянинъ. — Была нужда—кланялись, пущай и онъ чесному міру поклонится...

— Какъ же, поклонится!—съ иронiей пробормоталъ прикащикъ.—Считай поклоны-то, да смотри—не обсчитайся!...

— Не бось, не обочтемся... При себѣ счёты-то... Своя пятерня на рукахъ.

— Эй, старики! журавля въ небѣ упустите, синица сама хвостъ заворотитъ.

— Не заворотитъ!... Студено ишшо ей... Сама влетитъ въ клѣтку.

— То-то, гляди.

— Въ оба глядимъ, да не видать чтой-то,—съострилъ цыганъ.

— Чево глядѣть-то?—съ дерзкой, вызывающей миной выскочилъ другой мірянинъ.—Аль Аршаву-шаршаву показать хошь?... Кажи!...

— За что вамъ прибавлять-то, пахари-бахари! — обозлился прикащикъ. — Огрѣховъ на пашнѣ, что рябинъ на рожѣ... По-

сѣвъ—любота!... Шли дѣвки—гуляли, подсолнухи щелкали, подоломъ заметали... А выростетъ рожь, колосъ отъ колосу—подавай только голосу!...

— Нечево пахоту́ хаять! Даровому коню въ зубы не смотрятъ... Ты давай восемь рублей, тоды и пахоту спрашивай!

— Проваливай, отколь пришелъ!...

— Ишь хвостъ-те у кобылы обсохъ,—помакай ишшо въ вершинкахъ!—острили мужики.

— Бѣлены вы объѣлись!—злобно крикнулъ прикащикъ.

— Не ты-ль угощалъ?

— Отчаливай! Чево зёнки-то вылупилъ, куделя нечёсаная? Услышавъ «куделю», мужики захохотали.

— Глоты вы, нищеброды, лахуторы!—ругался прикащикъ, трогая поводья.

Черезъ недѣлю послѣ описанной сцены пара сѣрыхъ подвалила самого управляющаго, Василья Григорьича, къ крыльцу волостнаго правленія. Управляющій кряхтя вылѣзъ изъ тарантаса и вошелъ въ правленіе.

— Здравствуйте, господа!—здоровался Василій Григорьичъ, протягивая руку старшинѣ и писарю.—Поди-ка, Ѳедоръ Петровичъ,—звалъ онъ старшину,—у меня къ тебѣ дѣльце есть!... Что это за порядки у васъ?—строго продолжалъ управляющій, входя въ «чиновничью» и затворяя дверь за старшиной.—Здѣсь это что-жь такое—бунтъ, стачка—а?

— Какой бунтъ?—съ притворнымъ удивленіемъ спросилъ старшина.—Это ты насчетъ чево, Василій Григорьичъ?

— Какъ насчетъ чего?... Мужики работать не хотятъ, отказываются...

— Слыхали, слыхали,—соболѣзновалъ старшина, печально покачивая головой. «Ужь какъ ты ни вертись, душа моя, а безъ полусотенной отсель не уѣдешь»,—думалъ онъ, постоянно поглядывая на выпятившійся, туго набитый, бумажникъ управляющаго.—Мошенникъ нонѣ народъ,—утѣшалъ онъ Василья Григорьевича,—никакой то-есть совѣсти въ немъ не стало. Такъ и наровитъ тебя въ кажномъ мѣстѣ нажать да обмануть...

— Мошенникъ-то—мошенникъ,—нетерпѣливо оборвалъ управляющій разглагольствованія Ѳедора Петровича,—да не о томъ теперь рѣчь... Ты—старшина, ты усмирить долженъ... Не то, вѣдь, я жалобу пошлю къ графу...

— И давно бы слѣдъ, Василій Григорьичъ, а то мужикъ совсѣмъ отъ рукъ отбился, никакого порядку знать не хочетъ...

— Какъ «давно бы слѣдъ?»... Да вѣдь я на тебя жалобу-то подавать хочу...

— На меня?—удивился старшина.—И шутникъ, ты, право, Василій Григорьичъ, посмотрю я... На меня!... Да я-то, скажи, чѣмъ тутъ виноватъ?

— Какъ чѣмъ?—побагровѣлъ управляющій отъ неумѣстной шутки Ѳедора Петровича.—Ты—старшина!... Ты мѣры долженъ принять!

— Мѣры?... Какія же такія мѣры, Василій Григорьичъ?—съ лукавой усмѣшкой поддразнивалъ старшина.

— По закону. Ты самъ долженъ знать, какія мѣры противъ стачекъ.

— Ну, по закону, я такъ думаю, тутъ не много подѣлаешь... Да вотъ спросимъ... Михайла Иванычъ! подь-ко сюда на часъ... Что вотъ въ законѣ есть, чтобъ голявскихъ на работу понудить къ Василью Григорьичу?—обратился старшина къ вошедшему писарю.

— Условій не дѣлали?—спросилъ Михаилъ Ивановичъ, поглядывая изъ подлобья на управляющаго и старшину.

— Нѣтъ!—съ дрожью въ голосѣ отвѣтилъ управляющій.

— Ну, такъ что-жь?... Дадите и по восьми рублей,—невозмутимо промолвилъ писарь.

— Какъ по восьми? Да вѣдь они ско-о-помъ,—понимаете ли это, ско-о-о-пом-мъ!...—горячился управляющій, вскакивая съ дивана.

Старшина усмѣхнулся.

— Да у насъ, Василій Григорьичъ, всяко дѣло скопомъ рѣшается, потому—міръ, обчество.

Управляющій, совершенно обезкураженный, опустился на диванъ. «Какъ же, какъ же это?—мучила неотвязная мысль Василья Григорьевича,—мужики отказываются работать, стачку устроили и, вдругъ, нѣтъ закона,—это что-жь такое?... Денной грабежъ... Нынче—восемь рублей, завтра—десять и такъ каждый годъ... Вѣдь это деньги—мои, мои, и вдругъ... двѣ-три тысячи изъ кармана среди бѣла дня вынутъ,—ужасался Василій Григорьевичъ.—Стачка и... законъ бездѣйствуетъ,—нѣтъ закона, говорятъ».

Конечно, такой пуританизмъ Василья Григорьевича относительно стачекъ, по меньшей мѣрѣ, былъ не совсѣмъ умѣстенъ,—онъ самъ принималъ горячее участіе въ тѣхъ стачкахъ, которыя аккуратно два раза въ годъ затѣвали окрестные кулаки и управляющіе, собираясь въ трактирѣ села Разуваева и тамъ назначая цѣну за землю и работу. Но эта мысль какъ-то совсѣмъ не приходила въ голову Василья Григорьевича. Да и какая же впрочемъ это была стачка? Это было просто благородное собраніе представителей сельскаго хозяйства, за рюмкой вина трактующихъ объ интересахъ, пользахъ и нуждахъ крупнаго землевладѣнія...

Какъ бы то ни было, но Василій Григорьевичъ былъ обезкураженъ, а старшина и писарь торжествовали, бросая ироническіе взгляды на управляющаго. Василій Григорьевичъ однако скоро оправился. Какъ практическій человѣкъ, хорошо знакомый съ нравами волостныхъ начальниковъ, онъ сразу смекнулъ, что «нахрапомъ» тутъ ничего не подѣлаешь, а надо «смазать», какъ это ни казалось ему нежелательнымъ.

— Гдѣ у васъ тамъ... сторожъ что ли?—вдругъ спросилъ Василій Григорьевичъ.—Послать бы. Ты что, Ѳедоръ Петровичъ, пьешь, очищенную, что ли?

— Нѣтъ, не потребляю... Не способна она нашему брату. Вотъ развѣ пивца да медку—это можно.

— Ну, ладно!... А вы что потребляете?—обратился управляющій къ писарю.

— Пшеничную!... Ну, и коньячку можно,—съ сладкой улыбкой добавилъ писарь.

Черезъ нѣсколько минутъ на столѣ появились пшеничная, пиво и медъ, соленые грузди, огурцы и селедка. Лица волостныхъ начальниковъ просіяли. Бесѣда замѣтно оживилась.

— Ну, такъ, какъ же быть-то, Ѳедоръ Петровичъ, съ мужиками?—снова завелъ рѣчь управляющій, когда послѣ обильныхъ возліяній у старшины и писаря начали заплетаться языки.

— Не знаю ужь, Василій Григорьичъ, чѣмъ и горю пособить,—морщилъ брови старшина, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ старался найти средство помочь горю.

Управляющій пристально смотрѣлъ на Ѳедора Петровича.

— Ну, вотъ что, Ѳедоръ Петровичъ, получай!—промолвилъ онъ, вынимая изъ бумажника четвертную.

При видѣ четвертной у «начальниковъ» забѣгали глазки.

— А паровую я тебѣ на этотъ годъ по восьми сдамъ,—добавилъ управляющій, замѣтивъ нерѣшительный взглядъ старшины.

— Благодаримъ, Василій Григорьичъ!... Намъ деньги что?—плевое дѣло... Мы и такъ рады тебѣ сослужить. Для милаго дружка серёжка изъ ушка! — добавилъ съ любовной усмѣшкой Ѳедоръ Петровичъ.—Да, вишь, дѣло-то такое, — уже съ озабоченнымъ видомъ продолжалъ старшина,—какъ бы въ просакъ не попасть. Ты какъ полагаешь, Иванычъ?

— Н-да-а,—протянулъ Иванычъ, старательно хмуря брови, чтобы какъ-нибудь согнать съ лица досадную улыбку, какую видъ четвертной невольно вызывалъ на его пьяной физіономіи.—Н-да, отвѣтить можно.

— Ну, ладно, вотъ вамъ еще четверная! — вынулъ другую бумажку управляющій, которому начала надоѣдать вся эта комедія. — Такъ, значитъ, въ надеждѣ? — спросилъ онъ, подавая руку старшинѣ.

— Двухъ дней не пройдетъ, мужики на пашнѣ будутъ,—самоувѣренно успокоивалъ старшина.—Четвертачокъ еще можете скинуть съ шести-то рублей. Впередъ урокъ будетъ,—не бунтуй...

Пріятели распростились.

Вечеромъ того же дня Ѳедоръ Петровичъ приказалъ старостѣ собрать сходъ.

— Чаво это булгачатъ? — съ робостью спрашивали міряне, собираясь на сходъ.

— Видно, изъ податей,—таинственно отвѣчалъ староста.

Явился старшина.

— Вотъ что, старики, подати везти въ городъ надо,—и такъ давно не платились,—ласково началъ Ѳедоръ Петровичъ.

— Какіе теперь податя, Ѳедоръ Петровичъ!... Ты самъ знаешь, мужику жрать нечево, а онъ — податя... Николи́ въ экое время податей не теребили, а ты, вишь, новые порядки заводить началъ!—съ неудовольствіемъ галдѣли міряне.

— Не мной, чай, старики, порядокъ-то заведенъ,—на то высшее начальство есть... Вы сами въ приговорѣ обязались всю недоимку въ два мѣсяца покрыть... Иванычъ! дайко-сь приговоръ-то.

Иванычъ принесъ книгу приговоровъ волостнаго схода, гдѣ дѣйствительно находился и приговоръ, составленный по предпи-

санію присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, въ какіе сроки и сколько именно платежей сходъ находитъ болѣе удобнымъ вносить въ казначейство. Тамъ значилось, что въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ каждаго года недоимки прошлыхъ годовъ должны быть пополнены.

— Видите? — продолжалъ старшина, когда писарь прочелъ приговоръ.—Вы не плàтите, а я въ отвѣтъ за васъ... Два раза этимъ годомъ исправникъ меня штрафовалъ, а ужь теперь прямо на семь дёнъ подъ арестъ,—насъ тоже не добрѐ жалуютъ.

Старики въ смущеніи почесывали затылки.

— Ты обожди малость, Ѳедоръ Петровичъ, потерпи для мірато!—упрашивали они старшину.—Вотъ условья на пахоту́ писать станемъ.... Тамъ—покосъ, ярмонка,—продать чево найдется... И въ податя́ деньги будутъ, а теперь чаво зря-то?

— Условія... Люди пашутъ давно, а вы все съ условіями сбираетесь.

— Да, вишь, Василь Григорьичъ цанóй добрѐ нажимаетъ... Не сходно такъ-то,—говорили міряне.

— Цаной нажимаетъ!... Да какую же онъ цѣну положилъ?

— Да шесть рублей, а намъ не способно... Восемь желаемъ.

— Ну, вотъ, и выходитъ—сами виноваты. Сколько лѣтъ по шести рѐбили, а тутъ—на, поди—восемь!... Да съ какого разуму онъ восемь-то платить будетъ?... Что же мнѣ теперь съ вами дѣлать, старики́?... Имущество ежели въ продажу,—хозяйство раззоришь.

— Какое у насъ, Ѳедоръ Петровичъ, имущество!... Продать — не продашь, рази плетневый дворъ гдѣ, да ригу съ клѣтью... Только склына одна!

— Ну, вотъ видите... Ежели, къ примѣру, наказать,—при словѣ наказать міряне почувствовали, какъ мурашки забѣгали по тѣмъ частямъ, откуда у мужика ноги растутъ,—ежели наказать,—повторилъ старшина, замѣтивши движеніе міря́нъ,—и для васъ срамъ, да и я-то этого не люблю... Такъ ужь лучше по чести: разсчелся да и квитъ.

Міряне хорошо знали, какъ «не любитъ Ѳедоръ Петровичъ наказывать».

На другой день липовцы съ утра толпились въ конторѣ Василья Григорьевича, задавая работу писарямъ.

— По што пришли?... Кто васъ звалъ?—съ наглой усмѣшкой спрашивалъ мужиковъ уже знакомый намъ прикащикъ.—

Аль Василья Григорьича на поклонъ пришли звать—а? Много онъ вамъ накланялся?... Э-эхъ, голово-тя-пы!... Туда же—на обухѣ рожь молотить вздумали. Теперь ужь не прогнѣвайтесь: не хотѣли шести рублей брать, такъ пять семьдесятъ пять бери!

Мірянамъ стоило большаго труда уговорить прикащика не убавлять цѣны.

— То-то же, — говорилъ смиловавшись наконецъ прикащикъ.—Помните, поклонну-то голову ни бьютъ, ни сѣкутъ,—сами говорили... Видно плетью обуха не перешибешь,—такъ, что ли?

— Да ужь видно такъ,—бормотали смущенные міряне.—Ласковой-то телокъ двухъ матокъ сосетъ.

«Гора мышь родила»—со злобой думалъ Григорій Ивановичъ, перебирая въ головѣ всѣ детали неудавшейся агитаціи. Но не долго ему пришлось и перебирать: черезъ двѣ недѣли онъ былъ удаленъ съ мѣста—«за возбужденіе среди крестьянъ сословной вражды къ помѣщикамъ».

Свѣтилинъ.

Наши великіе экономическіе вопросы.

III*).

Если мы вникнемъ въ условія степнаго хозяйства въ такихъ странахъ, какъ, напр., Южная Америка и Австралія, то найдемъ, что поземельная собственность даетъ тутъ сравнительно минимумъ власти надъ рыночными цѣнами. Тутъ мы всего яснѣе видимъ, какое преимущество даетъ хозяйскій трудъ по отношенію къ взращиванію растенія. Сельскій работникъ, сдѣлавшій небольшую экономію, покупаетъ себѣ клочокъ земли и взращиваетъ на немъ хлѣбъ собственными трудами. Это для него такъ выгодно, что подобные работники платятъ за землю болѣе всѣхъ другихъ покупателей. Но для крупнаго землевладѣльца обработывать свою землю наемнымъ трудомъ убыточно, хотя она стоитъ ему и дешевле,—наемникъ не можетъ конкуррировать съ хозяиномъ, а собственность даетъ еще слишкомъ мало власти надъ рыночными цѣнами. Для хозяина же, который вмѣстѣ и работникъ, выгоды такъ велики, что онъ дѣлаетъ экономію и покупаетъ земли гораздо болѣе, сколько онъ можетъ обработать ее личнымъ трудомъ; но въ такомъ случаѣ онъ пасетъ на ней скотъ съ помощью собственнаго, подрастающаго семейства,—жена и малолѣтнія дѣти принимаютъ въ этомъ участіе. Близкій къ дѣлу, онъ можетъ воспитывать штуку скота на клочкѣ въ нѣсколько разъ меньшемъ, чѣмъ крупный владѣлецъ. Повидимому, для него было бы выгодно воспользоваться этимъ преимуществомъ и употреблять свою экономію прежде всего на покупку скота, а потомъ на покупку земли. На дѣлѣ же выходитъ иначе: быстро богатѣющіе при такихъ условіяхъ работники сосредоточиваются

*) *Русская Мысль*, январь.—Окончаніе.

на покупкѣ земли и переходятъ къ хозяйству крупныхъ владѣльцевъ. Еслибъ они покупали скотъ и размножали его, то дѣйствовали бы такъ же, какъ фабриканты, которые строятъ новыя фабрики, когда дѣло идетъ, увеличивали бы на рынкѣ конкурренцію и понижали бы цѣну продуктовъ; но при постоянно уменьшающейся производительности сельско-хозяйственнаго труда можно такимъ образомъ только бѣднѣть, а не богатѣть. Другое дѣло—покупка земли: число покупателей увеличивается, цѣны на землю быстро поднимаются, но доходы землевладѣльцевъ все-таки увеличиваются, потому что цѣны продуктовъ растутъ этимъ путемъ еще быстрѣй, чѣмъ цѣны земель. Заманчивымъ дѣлается лишь покупка земель, но отнюдь не усовершенствованіе хозяйства, отъ котораго нельзя ждать никакого обогащенія. Чѣмъ выше поднимается цѣна на землю, тѣмъ большее значеніе труда и его производительности выживается, такъ-сказать, изъ сельскаго хозяйства. Крупный владѣлецъ производитъ, положимъ, хлѣбъ съ помощью наемнаго труда. При производствѣ хлѣба трудъ имѣетъ наибольшее значеніе, поэтому легко является работникъ, который покупаетъ себѣ клочокъ земли и начинаетъ съ нимъ соперничать; онъ—самъ хозяинъ, онъ производитъ успѣшнѣе, а потому давитъ на крупнаго владѣльца и выбиваетъ его изъ сѣдла; на рынкѣ является конкурренція, вмѣсто монополіи. Въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ крупный землевладѣлецъ не можетъ искуственно, политическимъ своимъ вліяніемъ, нажать на земледѣльца, онъ начинаетъ отступаться отъ пахатныхъ земель; онъ держитъ луга, лѣса, выгоны, гдѣ трудъ имѣетъ сравнительно менѣе значенія. Цѣны на эти роды земли начинаютъ подыматься несравненно быстрѣе, чѣмъ цѣны на пашни. Пашня была самой цѣнною землей, но вотъ естественные луга начинаютъ стоить дороже пашенъ и за ними надъ пашнями берутъ верхъ лѣса. Цѣна выгонной земли когда-то равнялась арендной платѣ на пашню, а теперь она начинаетъ приравниваться къ ея цѣнѣ. Все это потому, что, скупивъ по высокимъ, недоступнымъ для работника, цѣнамъ луга, выгоны, лѣса, имущій классъ начинаетъ быстро возвышать цѣны ихъ продуктовъ: мяса, лѣсныхъ матеріаловъ и такъ далѣе. Затѣмъ являются такія положенія, какъ въ Ирландіи. Страна можетъ прекрасно и съ избыткомъ содержать все свое населеніе. Между тѣмъ тамъ большая часть лучшихъ земель предназначается для производства скота, продукты для питанія человѣка производятся самымъ жалкимъ и притиснутымъ насе-

леніемъ мелкихъ арендаторовъ, конкурренція низводитъ ихъ содержаніе до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, сравнительно съ которымъ арендная плата подымается до чудовищной высоты. Растительная пища для человѣка производится въ скудномъ, недостаточномъ количествѣ и стоитъ все-таки непомѣрно дорого по причинѣ высокой арендной платы. Животные продукты производятся въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ покупаются въ странѣ, и все-таки цѣны на нихъ держатся на недоступной для населенія высотѣ, потому что они производятся на сравнительно немногихъ богатыхъ фермахъ, которыя могутъ искуственно держать высокія цѣны и работать для заграничнаго рынка. Эту неестественную дороговизну они могутъ поддерживать опять-таки потому, что заработокъ земледѣльца неестественно сдавленъ; притомъ онъ ни земли, ни скота покупать не можетъ; онъ совсѣмъ не можетъ пріобрѣтать тѣ роды собственности, которые даютъ власть надъ рынкомъ и барыши; у него нѣтъ ни выгодной работы, ни заработка. Въ сущности у него, за недостаткомъ земли, остается очень много свободнаго времени; но такъ какъ его давитъ нужда, то онъ обезсиливается, работая чрезмѣрно и безплодно надъ какими-нибудь грядами бобовъ. Эта безплодная работа нищихъ земледѣльцевъ очень выгодна для собственниковъ и крупныхъ арендаторовъ. Еслибы трудъ былъ производителенъ, онъ давалъ бы произведенія, которыя понижали бы цѣны на рынкѣ, а теперь онъ превращается въ толченіе воды. Потребность въ произведеніяхъ растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ увеличивается производительность, цѣны подымаются, собственники и крупные арендаторы богатѣютъ на счетъ фабрикантовъ, увеличивающихъ покупную силу народа машиннымъ производствомъ. На Ирландію мы указали только потому, что тутъ легче разсмотрѣть суть дѣла; но оно вездѣ повторяется одинаково, съ тою лишь разницею, что въ странахъ, гдѣ, какъ въ Ирландіи и Англіи, монополизирована земля, арендныя цѣны дѣлаютъ то, что во Франціи и Бельгіи дѣлаютъ цѣны земель. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что заграничная конкурренція не только не помогаетъ дѣлу, но еще ухудшаетъ его: она сопряжена съ такими неудобствами, что быстро возрастающій монопольный доходъ обнаруживается именно на тѣхъ пунктахъ, гдѣ заграничная конкурренція казалась бы всего удобнѣе. Всякій знаетъ, что чѣмъ меньше вѣсъ продукта сравнительно съ его цѣною, тѣмъ онъ удобнѣе для торговли, потому что тѣмъ легче перевозить его; поэтому

заграничному производителю легче конкуррировать, доставляя на рынокъ продукты сахарнаго завода или винокурни, спиртъ, сидръ и тому подобное, или доставляя дорого стоющую парниковую овощь, чѣмъ сырой и громоздкій продуктъ, какъ, напримѣръ, пшеницу, ленъ и проч. Между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ не такъ. Тамъ, гдѣ цѣна какъ земли, такъ и аренды всего выше, продукты, въ родѣ сидра, сахара, огородныхъ овощей, легче всего выдерживаютъ заграничную конкурренцію, а пшеница, ленъ убиваются ею. Причина та, что первые требуютъ кромѣ земли еще капиталъ на устройство заводовъ, парниковъ, оранжерей и т. д., черезъ что роль труда отступаетъ еще болѣе на задній планъ. Безъ значительнаго капитала такое производство невозможно и въ странѣ, гдѣ земля ничего не стоитъ, а вмѣстѣ съ мракомъ неизвѣстности, болѣе или менѣе окутывающимъ всякій заграничный рынокъ, это дѣйствуетъ такъ сильно, что серьезной заграничной конкурренціи въ этихъ случаяхъ почти не бываетъ. Заработная плата на огородахъ подъ Парижемъ и Лондономъ равняется обыкновенной сельской, а цѣны произведеній такъ высоки, что онѣ не только вознаграждаютъ значительный капиталъ, но подымаютъ цѣну земли почти до баснословныхъ размѣровъ, напр. десять тысячъ рублей за десятину или въ этомъ родѣ. Заграничная конкурренція, наводняя рынокъ пшеницей и т. п., давитъ опять-таки на самое больное мѣсто—на трудъ, и давитъ на него потому, что земледѣльческій трудъ производительнѣе въ многоземельной странѣ, а фабричный—въ густонаселенной. Произведенія этого обильнаго земледѣльческаго труда уже готовы, торговцы легко могутъ обращать ихъ за границу, если имъ дадутъ выгодныя цѣны, могутъ дѣлать это даже замаривая голодомъ мѣстное населеніе; огородной же овощи, экзотическихъ растеній и т. п. нѣтъ въ такой странѣ, ихъ нужно создавать искуственно и сильно рискуя капиталомъ для одного заграничнаго рынка. Такимъ образомъ заграничная конкурренція дѣлаетъ положеніе еще болѣе ненормальнымъ,—вмѣсто улучшенія, создаетъ дальнѣйшее торжество капитала надъ трудомъ. Теперь подумайте о томъ, что это положеніе, которое дѣлается со дня на день болѣе ненормальнымъ, существуетъ среди общества, которое развивается, гдѣ демократическія формы и демократическій духъ съ каждымъ днемъ все болѣе укореняются, которое съ каждымъ днемъ все болѣе внимательно и сознательно начинаетъ относиться къ явленіямъ своей жизни. Общество дѣлается все болѣе

чувствительнымъ къ ненормальности положенія, и чтобъ эта возрастающая чувствительность не раздражала его, необходимо, чтобы размѣры ненормальности уменьшались, а они только увеличиваются. Сто лѣтъ тому назадъ работникъ Бостона вовсе не понималъ, что рабство негра можетъ причинить ему вредъ, а англійскій городской работникъ умѣлъ только презирать сельскаго пролетарія; теперь сѣверянинъ выдержалъ тяжкую междоусобную войну за освобожденіе негровъ, да и англійскій фабричный сталъ понимать очень хорошо, что если онъ производитъ болѣе американца, а заработной платы получаетъ менѣе, то причина заключается въ поземельныхъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе которыхъ сельскій работникъ получаетъ въ Англіи втрое и вшестеро менѣе американскаго и давитъ внизъ цѣны рабочаго рынка вообще. Это чувство сдѣлалось до того сильнымъ, что вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ сталъ въ Англіи такимъ же вопросомъ, какъ вопросъ о рабствѣ въ Америкѣ, о крѣпостномъ правѣ у насъ. Чтобъ ослабить негодованіе противъ крѣпостниковъ, Императоръ предоставилъ помѣщикамъ иниціативу освобожденія крестьянъ; въ Англіи негодованіе противъ землевладѣльцевъ такъ велико, что королевѣ не было надобности предоставлять землевладѣльцамъ иниціативу освобожденія земли,—чувство самосохраненія принудило ихъ къ этому и палата лордовъ взяла починъ почти единогласно. Общество не можетъ не тяготиться учрежденіемъ, въ которомъ оно видитъ не болѣе какъ орудіе искуственнаго возвышенія цѣнъ и искуственнаго пониженія производительности. Уже полстолѣтія тому назадъ въ Англіи было доказано, что, при существующихъ цѣнахъ, одной двѣнадцатой части десятины достаточно для содержанія штуки скота и что если земледѣльцы будутъ вмѣстѣ и хозяевами, то съ помощью одного заступа они могутъ создать такую массу произведеній, которая не только покроетъ все современное потребленіе англійскаго народа, но далеко превыситъ его. Тогда это были теоріи спеціалистовъ, а теперь все это доказано фактами. Существуютъ живые работники-хозяева, которымъ достаточно двѣнадцатой части десятины, чтобы прокормить штуку скота, и которые при этомъ содержатъ себя втрое лучше сельскаго пролетарія. Милль до самой смерти своей полагалъ, что хотя земля въ рукахъ собственника-работника и производитъ болѣе, за то при этомъ потребляетъ болѣе труда; но онъ былъ въ этомъ заблужденіи потому, что не былъ знакомъ съ выводами раціональной, именно

англійской, агрономіи. Съ англійскою практичностью она пропагандировала свое ученіе между мелкою сошкой, зная очень хорошо, что ей враждебенъ интересъ высшаго общества, лорда и арендатора. Дѣйствуя такимъ образомъ, она доказала на практикѣ, что въ рукахъ мелкаго, заступомъ работающаго хозяина, раціональные пріемы даютъ болѣе дохода, какъ валоваго, такъ и *чистаго*, и не только земля, но и *трудъ* производятъ болѣе. Если-бы такіе хозяева-работники замѣнили пролстарія собою, то сельско-хозяйственное производство страны не только покрывало бы все ея потребленіе, но значительно превышало бы его. Покупная сила сельскаго населенія увеличилась бы въ такихъ размѣрахъ, что фабрики не нуждались бы въ заграничныхъ рынкахъ; страна достигла бы полнаго самоудовлетворенія,—ей не нужно было бы ни вывоза, ни ввоза сельскихъ или фабричныхъ произведеній; заграничная торговля была бы средствомъ для увеличенія комфорта націи, а не результатомъ безвыходности положенія, созданнаго недостаткомъ производительности и покупной силы сельскаго населенія. Чѣмъ сознательнѣе дѣлается англійское общество, тѣмъ болѣе оно чувствуетъ себя витающимъ въ воздухѣ на искуственныхъ подмосткахъ; со дня на день густѣющее населеніе давитъ на нихъ все большею тяжестью и неизбѣжно долженъ наступить моментъ, когда все это рухнетъ. Подобное же чувство должно овладѣвать и всякимъ другимъ западно-европейскимъ народомъ по мѣрѣ того, какъ онъ сознательнѣе начинаетъ относиться къ своей жизни. У всѣхъ поземельныя отношенія таковы, что съ развитіемъ фабричной производительности и густоты населенія для сельскихъ хозяевъ дѣлается все болѣе выгоднымъ искуственно возвышать цѣны, искуственно подавлять производительность и понижать заработки сельскихъ пролетаріевъ. Англійскіе лорды напрасно берутъ на себя иниціативу освобожденія земли,—это ни къ чему не поведетъ. Уже теперь въ Англіи водворяется неопровержимое убѣжденіе, что кулакъ изъ мелкихъ собственниковъ хуже лорда,—кулачество бельгійскихъ мелкихъ и среднихъ собственниковъ вполнѣ подтверждаетъ эту истину. Десятина пахатной земли, которая стоитъ въ Россіи 50 или 100 р., стоитъ во Франціи до 3.500 р., а въ Англіи—4.000 р. и болѣе; семейный надѣлъ, который стоитъ въ Россіи 300 р., можно пріобрѣсти въ Ирландіи не дешевле 3.500 р., а съ хозяйственною обстановкой—за 7.000 рублей. Чтобы скупить въ Россіи, въ районѣ общиннаго владѣнія, всю землю, при-

надлежащую частнымъ лицамъ, и отдать общинамъ, надо употребить $^1/_2$ или $^3/_4$ милліарда,—долгъ, который значительно ниже долга, сдѣланнаго для одной послѣдней турецкой войны. Въ Англіи, чтобы скупить землю у крупныхъ землевладѣльцевъ, нужно употребить 35 милліардовъ рублей—жертва громадная. Но положимъ, она рѣшилась бы на это, что же изъ этого выйдетъ?—Такого общиннаго владѣнія, какъ у насъ, въ Англіи нѣтъ и ввести его уже невозможно; единственный практическій путь—это покупать земли мелкимъ собственникамъ. Въ районѣ общиннаго владѣнія мы употребили 500 милліоновъ и земля распредѣлилась такъ: $^3/_7$ достались въ надѣлъ крестьянамъ, $^2/_7$ остались въ распоряженіи государства и могутъ составить добавочные надѣлы и только $^2/_7$ остались въ частномъ владѣніи. Англичанами въ Ирландіи сдѣлана была попытка выкупать арендные надѣлы съ помощью государственной ссуды. Куплено было 710 надѣловъ за 7.180.000 р., всего около 12.000 десятинъ, по 600 р. десятина. Всѣхъ арендныхъ надѣловъ въ Ирландіи 592.590, съ 7 милліонами десятинъ; покупая ихъ по такой же цѣнѣ, пришлось бы употребить отъ 4 до 5 милліардовъ рублей. И что же далѣе?—Изъ выкупленныхъ надѣловъ земледѣльцамъ-работникамъ досталось 166, съ употребленіемъ на надѣлъ, около 1.450 р., а 544—кулакамъ, съ употребленіемъ 12.800 р. на надѣлъ; изъ 12.000 десятинъ только около 400 досталось работникамъ, а 11.600 десятинъ—кулакамъ, т. е. работники получили только одну тридцатую часть выкупленной земли; изъ семи милліоновъ только 240.000 р. выполнили свое назначеніе. Употребить пять милліардовъ для достиженія такого результата—это все равно, что выкинуть ихъ въ окошко. Ирландія—страна мелкихъ фермъ; на ферму приходится по среднему уровню 12 десятинъ,—ясно, что во всякой странѣ западной Европы выкупъ арендныхъ надѣловъ не далъ бы лучшихъ результатовъ. Но даже еслибы какой-нибудь государственный человѣкъ сдѣлалъ невозможное и превратилъ бы всѣхъ сельскихъ работниковъ въ мелкихъ собственниковъ и скупилъ для нихъ всю землю, то и это ни къ чему бы не повело. Такъ какъ при учрежденіи собственности земля даетъ вѣрный доходъ безъ труда, и тѣмъ болѣе вѣрный, чѣмъ гуще населеніе и чѣмъ развитѣе промышленность, то земля и распредѣлится между имущимъ и рабочимъ классомъ приблизительно соотвѣтственно ихъ способности экономизировать для покупки земли. Нарушенное выкупомъ надѣловъ отношеніе тотчасъ начнетъ возстановляться и, наконецъ, возвра-

тится къ естественному своему равновѣсію,—опять какая-нибудь одна шестая часть земли, не болѣе, будетъ обработываться своимъ собственникомъ и, прежде чѣмъ старый долгъ будетъ уплаченъ, придется начинать съ начала Сизифову работу выкупа. Если мы прибѣгнемъ къ исторіи, чтобы понять, почему у насъ не образовалось того безвыходнаго положенія, которое выработалось на Западѣ, то мы увидимъ, что у насъ, вслѣдствіе чисто случайныхъ условій пространства и времени, на развитіе поземельныхъ отношеній получила преобладающее вліяніе сторона солидарности въ интересахъ государства, общества и земледѣльца, а въ западной цивилизаціи—наоборотъ. Сравните поземельныя отношенія въ Россіи, отъ Мономаха до татарскаго ига, съ одновременными въ западной Европѣ. На Западѣ феодалъ въ это время все крѣпче приросталъ къ землѣ, которою завладѣлъ; онъ имѣлъ иногда одновременно двухъ-трехъ господъ; господа эти мѣнялись, а онъ все оставался тутъ, самъ прикрѣплялся и способствовалъ прикрѣпленію населенія къ землѣ; идеи, развившіяся въ идею поземельной собственности, пускали все болѣе глубокіе корни. Въ Россіи, наоборотъ, земля безпрерывно переходила изъ рукъ одного удѣльнаго князя въ руки другаго, который раздавалъ ее своимъ приверженцамъ, выгоняя приверженцевъ своего предшественника, и только въ такихъ удѣлахъ, какъ Новгородъ, мы видимъ стремленіе закрѣплять землю за крупными владѣльцами. Постоянно переливаясь изъ мѣста въ мѣсто, высшій классъ не могъ прекращать свободное отношеніе земледѣльца къ землѣ, не могъ развивать собственное свое хозяйствованіе въ такихъ размѣрахъ, какъ западный феодалъ,—на Руси земледѣлецъ былъ и постояннымъ жителемъ, и хозяиномъ; малые размѣры хозяйства высшаго класса стали составлять отличительную черту русскихъ поземельныхъ отношеній отъ западно-европейскихъ. И экономическій интересъ общества, и интересъ земледѣльца, разумѣется, одинаково выигрывали отъ этого. По сверженіи татарскаго ига стало быстро слагаться государство, удѣльная неурядица прекратилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ явились и благопріятныя условія для развитія землевладѣнія, для хозяйствованія высшихъ классовъ и закрѣпощенія населенія. Въ высшемъ классѣ, разумѣется, явилось стремленіе подчинить интересы общества, государства и земледѣльцевъ своему интересу, но этотъ классъ оказался значительно слабѣе феодальныхъ господъ. Государство имѣло много земли и мало людей; въ своихъ интересахъ оно за-

крѣпляло за собою земледѣльцевъ, а другимъ крупнымъ владѣльцамъ систематически мѣшало слѣдовать своему примѣру. Въ то же время оно начало класть предѣлъ развитію крупнаго землевладѣнія, замѣняя земельное вознагражденіе за службу денежнымъ. Это послѣднее стремленіе укоренилось такъ глубоко, что въ окончательномъ результатѣ даже и при измѣнившемся направленіи привело къ той поразительной разницѣ въ размѣрахъ помѣщичьего землевладѣнія, какую мы встрѣчаемъ при сравненіи великороссійскихъ губерній съ такими губерніями польскаго вліянія, какъ Волынская, или нѣмецкаго вліянія, какъ Эстляндская. Помѣстный надѣлъ высшаго сановника-боярина составлялъ какія-нибудь пятьсотъ десятинъ. Съ XVII вѣка наступаетъ поворотъ вліянія западной Европы на насъ: въ высшемъ классѣ просыпается поползновеніе къ самоуправленію, которое было окончательно убито монгольскимъ игомъ и еще болѣе политическимъ міровоззрѣніемъ, созданнымъ въ насъ необходимостью борьбы съ нимъ; бояре дружатъ съ поляками, заимствуютъ отъ нихъ идеи, призываютъ ихъ. Но это поползновеніе быстро вырождается въ стремленіе къ размноженію помѣщичьихъ земель, къ закрѣпощенію его населенія и къ созданію привилегированнаго дворянскаго сословія. Интересно, что русское общество въ цѣломъ отнеслось къ этимъ идеямъ самостоятельно, по-своему критически, и у него вышло изъ нихъ не только другое, но въ извѣстномъ смыслѣ даже противоположное, относящееся къ западно-европейской идеѣ какъ идея новой наростающей цивилизаціи къ идеѣ отживающей. Въ западной Европѣ изъ этой идеи вышелъ энтузіазмъ частной поземельной собственности, которая воспѣвалась какъ великое благо; всякое другое отношеніе къ землѣ стало считаться зломъ и направлялось къ исчезновенію; государственныя земли стояли въ этомъ случаѣ на ряду съ общинными и передача ихъ въ частныя руки долгое время единогласно признавалась общественнымъ благомъ. У насъ помѣщичьи земли размножались, но это никогда не считалось благомъ, а было болѣе всего послѣдствіемъ непрочности престолонаслѣдія до изданія Павломъ основныхъ законовъ; земли раздавались дворянамъ какъ милость, для пріобрѣтенія приверженцевъ; никто не утверждалъ, что обществу отъ этого происходитъ польза, и если общество видѣло въ этомъ что-нибудь, то лишь неизбѣжное зло, не болѣе. Поэтому рядомъ съ расширеніемъ этого землевладѣнія существовало постоянное стремленіе ограни-

чить его. Помѣщичье хозяйство постоянно расширялось и ко времени освобожденія разрослось до того, что мнѣ извѣстенъ примѣръ крупнаго землевладѣльца, у котораго изъ 14.000 душъ 7.000 были на барщинѣ. Все-таки никто не считалъ помѣщичье хозяйство благомъ; напротивъ, единогласно считали самыми цвѣтущими землями въ Россіи земли казаковъ, государственныхъ крестьянъ и тѣ, которыя крупными землевладѣльцами отдавались цѣликомъ, за оброкъ, въ распоряженіе крѣпостныхъ. Аристократія землевладѣльцевъ никогда не была у насъ оплотомъ свободы и источникомъ прогресса,—она, въ глазахъ народа, была сословіемъ крѣпостниковъ, не болѣе. Точно также и крупный фермеръ, держатель хутора, заимки, выставки, никогда не могъ сдѣлаться восхищающимъ глаза источникомъ экономическаго благосостоянія и цивилизаціи въ деревнѣ; глядя на богатый хуторъ, никто у насъ не забывалъ, что онъ богатъ только потому, что сосетъ другихъ, и держатель этого богатства назывался у насъ не фермеромъ-благодѣтелемъ человѣчества, а кулакомъ и міроѣдомъ. Правители государства даже въ разгаръ крѣпостническаго энтузіазма понимали, что крупный фермеръ уменьшаетъ и доходъ государства, и производительность земли, поэтому за одно съ массой земледѣльческаго населенія они стремились къ размноженію хозяйствъ. Правительство видѣло весьма осязательно, что земля, находящаяся въ общинномъ владѣніи, можетъ быть для него существенной доходною статьей. И оно было право, ибо еслибы крестьянинъ не имѣлъ достаточной энергіи, чтобы противопоставить себя хуторнику,—еслибъ онъ преклонился передъ нимъ, какъ передъ фермеромъ-благодѣтелемъ, а не заклеймилъ его названіемъ міроѣда и кулака,—еслибы всѣ правительственныя земли, населенныя и ненаселенныя, оставались или въ хозяйственномъ управленіи, или раздавались въ аренду, то земли эти, несомнѣнно, скоро пришли бы въ крайній упадокъ, сдѣлались бы безплодными для общества и бездоходными для казны; тогда, вѣроятно, западно-европейскія ученія скоро привились бы и у насъ, казенныя земли были бы распроданы. И правительство, и общество разсуждали объ этомъ предметѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ западной Европѣ. Они постигали пользу мірскихъ земель, и у правительства хватило достаточно смѣтливости, чтобы не подчиниться на этомъ пунктѣ аристократическому и кулацкому интересу. Тамъ, гдѣ аристократія или буржуазія достаточно вліятельны, чтобы заставить общество вѣрить, что учрежденіе

дающее имъ власть эксплуатировать общество есть общеполезное учрежденіе, — тамъ одна рабочая масса земледѣльцевъ не въ силахъ отстоять общественный интересъ, хотя онъ и согласуется съ ея собственнымъ. Благоразумное правительство составляетъ самое рѣдкое исключеніе въ исторіи человѣчества; но тамъ, гдѣ его осѣнитъ свѣтлая мысль, оно можетъ понять, что въ увеличеніи сельско-хозяйственной производительности оно имѣетъ такой же интересъ, какъ общество и какъ крестьянинъ; крупный же землевладѣлецъ и фермеръ будутъ вѣчно улыбаться драгоцѣнному для нихъ наблюденію политической экономіи, что если средствъ существованія народу не хватитъ на одну десятую, то цѣны подымутся вдвое.

IV.

Вмѣсто того, чтобы въ поземельныхъ отношеніяхъ выработать идею солидарности интереса общества, государства и земледѣльца и противупоставить ее западно-европейской, наши государственные люди того времени считали государственною мудростью выставлять правительство дѣйствующимъ исключительно въ своихъ эгоистическихъ интересахъ. Въ бумагахъ того времени другой взглядъ просто не допускался, между тѣмъ какъ именно даже съ ихъ собственной точки зрѣнія слѣдовало поступать прямо противуположнымъ образомъ,—нужно было бы выработать русскую идею поземельнаго отношенія вполнѣ и противупоставить ее европейской, какъ нѣчто новое, прогрессивное. Это производило бы впечатлѣніе на умы и располагало бы въ пользу ихъ системы. Вмѣсто противупоставленія болѣе совершеннаго взгляда менѣе совершенному европейскому, они вполнѣ подчинились европейскому мышленію и ихъ система являлась такимъ же продуктомъ европейскаго мышленія, но только въ самой закостенѣлой, отживающей его формѣ. Въ сравненіи съ этою системой европейскія либеральныя идеи были уже идеями прогрессивными, прекрасными, желательными. Поэтому, какъ скоро были задуманы либеральныя реформы освобожденія крестьянъ, то естественно было сбросить старыя идеи, какъ негодную шкуру, и перейти къ европейскому либерализму. Мы всѣ наши поземельныя отношенія передѣлали на собственность: у насъ явилась казенная, удѣльная, общинная собственность,—вездѣ собственность и одна собственность, самое высокое, достигающее максимума,

поощреніе къ обезземеленію сельскаго работника, такъ какъ онъ сдѣлался собственникомъ, обремененнымъ весьма большими и, притомъ, неравномѣрными платежами и противупоставленнымъ собственнику, вполнѣ освобожденному отъ всякихъ платежей. Собственникомъ сдѣлалась община, способная продавать, но мало способная капитализировать и покупать Но, къ счастію, не такъ легко разрушить съ-маху то, что создавалось вѣками и является плодомъ глубочайшихъ инстинктовъ народа. Создавая и распространяя идею крѣпостнаго права, мы почти три вѣка работали надъ уничтоженіемъ самобытнаго идеала русскаго человѣка и все-таки этотъ идеалъ не уничтожился, а выработался на государственныхъ и даже пустилъ корни на помѣщичьихъ земляхъ. На землѣ правительства мы стремились создать одно изъ худшихъ средневѣковыхъ учрежденій — крѣпостнаго хуторника, за которымъ въ свою очередь былъ закрѣпленъ и крѣпостной бобыль, и казакъ, а создали лучшее изъ поземельныхъ отношеній—господство свободнаго земледѣльца-хозяина, для себя и для общества полезнаго, а для государства—плательщика. На помѣщичьихъ земляхъ мы устремились водворить безотрадное рабство, а вышло положеніе, изъ котораго выходъ былъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ западной Европѣ. Многіе крупные землевладѣльцы создали на своихъ земляхъ то же положеніе, какъ и казна, — каждый земледѣлецъ былъ хозяиномъ и вся земля была отдана за оброкъ въ распоряженіе общинъ, этихъ хозяевъ. Но самое замѣчательное явленіе представляютъ тѣ помѣщики, которые сами хозяйничали въ своихъ имѣніяхъ. Своимъ образомъ дѣйствія они показали яснѣе всего, что они крестьянина считаютъ неизмѣримо болѣе способнымъ вести выгодное хозяйство, чѣмъ себя самихъ, поэтому хозяйничалъ у нихъ крестьянинъ, который своими орудіями и своимъ скотомъ безвозмездно воздѣлывалъ ихъ землю, а они только мудрили надъ валившимися имъ съ неба дарами и неразсчетливымъ скотоводствомъ уменьшали доходность своихъ земель. Они портили хозяйство въ теченіе цѣлыхъ поколѣній и все-таки ничему не выучились. Когда наступилъ день ликвидаціи отношеній, крестьянинъ тотчасъ же могъ продолжать хозяйство съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ прежде, хотя поставленъ былъ закономъ въ самыя невыгодныя условія, а помѣщикъ, снабженный капиталомъ, привилегированный въ своемъ положеніи, оказался все-таки мало способнымъ хозяйничать. Онъ раздавалъ свои земли тѣмъ же крестьянамъ сначала

за безцѣнокъ, а потомъ постепенно возвышая аренду и вынуждая этимъ быстрое возвышеніе цѣнъ на произведенія. Общество должно было голодать, стѣсняться, а все-таки платить ему дань, чтобы спасти его отъ банкротства. Поступалъ помѣщикъ такъ не по глупости, не по бездарности, а потому, что возвышеніе цѣнъ— это единственный путь, которымъ онъ можетъ идти, единственное средство спасенія для него. Даже послѣ этого новаго искаженія дѣло не пропало; намъ стóить только сознательно понять народный идеалъ—и ничего не будетъ легче, какъ юридически построить правильное поземельное отношеніе. Представьте себѣ г. А., который говоритъ крестьянину такъ: «У васъ слухи ходятъ, что будетъ передѣлъ земли, что у господъ отберутъ землю и подѣлятъ между вами; значитъ, сегодня господа были богаты, а завтра всѣ разомъ стали нищими. Вотъ васъ бы взяли сразу да раззорили, а вы — въ лѣсъ, проходу никому нѣтъ, городъ съ четырехъ концовъ подпалили, смута,—какъ вы тогда скажете, кто тутъ всему будетъ причиной? Какъ вы думаете, можно такъ государствомъ управлять, половину богатыхъ людей или половину бѣдныхъ людей взять сразу и раззорить,—это есть порядокъ или какъ?..» Продолжать излишне,—крестьянинъ понимаетъ это хорошо, да и А. не говоритъ ему ничего новаго. Образованный человѣкъ часто не понимаетъ глубокаго смысла такой рѣчи. Подобное непониманіе легко возможно у европейскаго пролетарія, русскій же крестьянинъ понимаетъ ее лучше громаднаго большинства образованныхъ людей Европы и даже нѣкоторыхъ нашихъ государственныхъ людей, между которыми встрѣчаются-таки охотники до безцеремоннаго образа дѣйствія. Крестьянинъ имѣетъ самоуправленіе не только политическое, но и соціальное, чего не имѣетъ ни одинъ государственный человѣкъ на Западѣ; это самоуправленіе было бы невозможнымъ, еслибъ онъ не имѣлъ отвращенія отъ крутаго произвола. Не забывайте, что законъ такъ написанъ, что двѣ трети схода могутъ обездолить окончательно послѣднюю треть. Помѣщику дано было такое же право, но что онъ сдѣлалъ? — Онъ превратилъ ввѣренныхъ ему людей въ крѣпостныхъ, сдѣлалъ самоуправленіе окончательно невозможнымъ, а неограниченную монархію единственнымъ оплотомъ противъ развитія зла. Отчего же, несмотря на такое глубокое пониманіе дѣла, слухъ о передѣлѣ упорно держится?—И тутъ крестьянинъ понимаетъ причину очень ясно: «Вѣдь эвто,—объяснитъ онъ вамъ,—люди зря болтаютъ, больше потому, что землѣ-

то способнѣе быть подъ мужикомъ. Хоша баринъ, хоша купецъ, онъ съ землей только балуется». Святая истина!... Крестьянина вамъ не увѣрить въ агрономическихъ совершенствахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ качествѣ думныхъ людей и пр., дворяне отмѣрили себѣ въ помѣстья и вотчины лучшія земли, а сѣверъ, гдѣ земли самыя безплодныя, они вовсе оставили въ покоѣ; въ качествѣ владѣльцевъ крѣпостными людьми и полновластныхъ распорядителей, они изъ этихъ лучшихъ земель прирѣзали къ своимъ усадьбамъ опять-таки лучшія части; въ качествѣ смѣтливыхъ капиталистовъ, новѣйшіе землевладѣльцы обращали въ свою собственность опять-таки доходнѣйшія изъ земель. Что сдѣлали они съ этими лучшими и плодоноснѣйшими землями Русскаго царства? —Возьмите «Земскій Ежегодникъ», изданный въ 1879 г., и просматривайте земскую оцѣнку земель. Начнемъ сначала съ Владимірской губерніи. а) Александровскій уѣздъ: частныхъ земель 80.842 десятины, оцѣнка 1.419.566 р., или 17 р. 56 к. десятина; земель сельскихъ обществъ 162.232 десятины, оцѣнка 4.345.506 р., или десятина 26 р. 78 к.,—на 53% выше частныхъ. б) Владимірскій: частныхъ 53.530 десятинъ, оцѣнка 1.148.811 р., или десятина 21 р. 46 к.; сельскихъ обществъ 166.496 десятинъ, оцѣнка 6.012.708 р., или десятина 36 р. 11 к.,—на 69% выше частныхъ. Возьмемъ общій итогъ по всѣмъ уѣздамъ губерніи: частныхъ 1.445.543 десятины, оцѣнка 17.537.479 р., или десятина 12 р. 13 к.; сельскихъ обществъ 2.033.962 десятины, оцѣнка 35.762 867 р., или десятина 17 р. 58 к.,—на 45% выше частныхъ. Возьмемъ слѣдующую губернію, Вологодскую. а) Вологодскій уѣздъ: частныхъ земель 244.921 д., оцѣнка 1.502.845 р.,или десятина 6 р. 13 к.: земель сельскихъ обществъ 229.069 десятинъ, оцѣнка 3.069.428 р.,или десятина 13 р. 39 к., на 118%, т. е. слишкомъ вдвое, выше. б) Грязовецкій уѣздъ: частныхъ земель 143.358 десятинъ, оцѣнка 1.389.540 р., или десятина 9 р. 69 к.: сельскихъ обществъ 226.785 дес., оцѣнка 4.334.485 р., или десятина 19 р. 11 к., болѣе на 98%, т. е. опять вдвое дороже. Если мы возьмемъ въ районѣ общиннаго владѣнія всѣ уѣзды губерній, въ которыхъ земля оцѣнена земствами по стоимости, и составимъ итоги, то окажется въ частномъ владѣніи 26.994.200 десятинъ, стоющихъ 372.862.000 рублей, по 13 р. 81 коп. за десятину, а во владѣніи сельскихъ обществъ 36.116.000 десятинъ, стоющихъ 608.124.000 рублей, по 16 р. 83 коп. за десятину ,т. е. на 22% болѣе частныхъ. Итакъ,

крестьяне находились въ самомъ невыгодномъ положеніи, въ какое только можетъ быть поставленъ человѣкъ: они не могли защищать своихъ интересовъ ни при составленіи законодательства, ни при его выполненіи; въ то время, когда частные владѣльцы могли громко вопіять за себя, они должны были брать то, что имъ даютъ,—бракъ, послѣдній сортъ; черезъ платежи ихъ хозяйство конкуррировало съ частнымъ въ самыхъ невыгодныхъ шансахъ. И что же?—Не прошло еще двадцати лѣтъ, а они сдѣлали земли свои болѣе цѣнными, чѣмъ земли частныхъ владѣльцевъ; если утверждать, что при ликвидаціи онѣ были даже равноцѣнны частнымъ землямъ, то окажется, что подъ вліяніемъ крестьянскаго хозяйства онѣ получили добавочную цѣнность въ 109.170.320 р. Это еще далеко не все. Присматриваясь ближе къ дѣлу, вы открываете вещи еще болѣе знаменательныя. Раздѣлите все поименованное пространство на три большихъ подраздѣленія, въ первомъ помѣстите половину, всѣ сѣверныя, наиболѣе безплодныя земли, во второмъ—земли средней руки, въ третьемъ—плодоноснѣйшую часть Россіи, и что окажется?—Въ первой части *) окажется частныхъ земель 15.938.300 десят., стоющихъ 153.982.000 руб. т. е. по 9 р. 66 коп. десятина; земель сельскихъ обществъ 15.903.400 десятинъ, стоющихъ 248.344.000 р., т. е. по 15 р. 61 к. десятина, или сравнительно съ частными болѣе на 62%. Во вторую часть войдутъ **): частныхъ земель 5.697.400 десятинъ, стоющихъ 131.720.000 руб., т. е. по 23 руб. 12 коп. десятина; земель сельскихъ обществъ 6.545.700 десятинъ, стоющихъ 175.880.000 руб., т. е. по 26 руб. 86 коп. десятина, сравнительно съ частными болѣе на 16%. Въ третью часть войдутъ ***): частныхъ земель 5.358.500 десятинъ, стоющихъ 87.160.000 руб., по 16 р. 26 коп. десятина; земель сельскихъ обществъ 13.666.900 десятинъ, стоющихъ 18.3900.000 руб., т. е. по 13 руб. 45 коп.

*) Къ безплоднымъ отнесены уѣзды губерній: Пермской, Вятской, Вологодской, Костромской, Нижегородской, Владимірской, Ярославской, Тверской, Смоленской, Калужской, Тульской, Рязанской.

**) Къ среднимъ отнесены уѣзды губерній: Казанской, Тамбовской, Херсонской, Екатеринославской.

***) Къ плодоноснымъ черноземнымъ отнесены: Орловская, Курская, Харьковская, Воронежская, Саратовская, Самарская, Уфимская. Читатель не долженъ упускать изъ виду, что не по всѣмъ губерніямъ и не по всѣмъ уѣздамъ приведенныхъ 23-хъ губерній сдѣлана оцѣнка по стоимости и кромѣ того въ разныхъ источникахъ встрѣчаются разныя оцѣнки. Я держался одного «Ежегодника 1879 г.», чтобъ избѣжать путаницы.

десятина,—сравнительно съ частными менѣе на 21%. Никто не будетъ спорить въ томъ, что агрономическое искусство въ высшей своей степени проявляется въ умѣньи увеличить производительность и стоимость безплодныхъ земель. Именно это и оказывается, если вы сравниваете крестьянскія общественныя земли съ частными въ безплодныхъ, сѣверныхъ и промышленныхъ губерніяхъ: крестьяне превзошли тутъ частныхъ владѣльцевъ на огромную цифру 62% *). Между тѣмъ какъ въ черноземной полосѣ, гдѣ земля сама даетъ обильные урожаи и гдѣ вся задача въ томъ, чтобъ искуственно поднимать цѣны посредствомъ возвышенія арендъ и помѣшать обилію продуктовъ производить въ нихъ паденіе,—тамъ частные землевладѣльцы оказываются болѣе годными къ этому дѣлу, чѣмъ хлѣбопашцы, и такъ энергично нагибаютъ общество, что земли ихъ получаютъ перевѣсъ цѣнности на 21%. Мало этого, на земляхъ, одаренныхъ высокой естественною плодородностію, вы видите, что частное земле-

*) Многимъ этотъ результатъ покажется невѣроятнымъ потому, что они слишкомъ часто слышали, что на помѣщичьихъ земляхъ урожаи лучше и скотъ лучшихъ породъ. Такое мнѣніе происходитъ прежде всего отъ того, что интересующіеся знакомятся обыкновенно съ лучшими хозяйствами, большинство же владѣльцевъ или занимается службой и пр., а не хозяйствомъ, или слишкомъ безпечно, чтобы хозяйничать. Тутъ одно изъ двухъ: или хозяйство неразсчетливое, щеголеватое и невыгодное, или запашки ничтожныя и урожаи ниже крестьянскихъ самъ 2½ и т. п. Изъ остальныхъ громадное большинство оставляетъ какъ можно болѣе земли подъ лѣсами, выгонами и лугами, имѣетъ малую запашку и сравнительно съ нею много скота. Издержки при этомъ малы и окупаются всего лучше. Лѣсъ растетъ самъ, трава на выгонѣ тоже, луга убираются помочами за водку и пироги. Пашенъ уже потому должно быть мало, что онѣ должны быть плодородны и прекрасно унавожены, а урожаи значительно лучше крестьянскихъ, иначе не окупятся затраты при обработкѣ наймомъ. Скотъ долженъ быть сравнительно болѣе хорошихъ породъ, потому что съ наемными работниками кормить его плохо нельзя, а при хорошемъ кормѣ окупается, и то не всегда, только сравнительно хорошій скотъ. Все-таки, и именно поэтому, скота сравнительно съ размѣромъ землевладѣнія меньше, чѣмъ у крестьянъ. Но именно поэтому общая производительность земли незначительнѣе, чѣмъ у крестьянъ; никакое кулачество, никакія ухищренія не открываютъ для владѣльцевъ возможности производить дешево, а чрезъ это производить много. Незначительность пашенъ ничѣмъ не замѣнишь. До чего доходитъ въ этихъ случаяхъ уродливое отношеніе между угодьями, видно изъ слѣдующаго примѣра: въ Кологривскомъ уѣздѣ у владѣльцевъ пашенъ 8.140 десятинъ, луговъ и выгону 30.484 десятины, а всего земли 651.422 десятины; у крестьянъ пашенъ 80.396 десятинъ, луговъ и выгону 62.748 десятинъ, а всего земли 195.560 десятинъ. За то доходъ съ земель владѣльцевъ оцѣненъ въ 135.506 руб. 97 коп., по 20 копѣекъ съ десятины, а доходъ отъ земель крестьянъ оцѣненъ въ 129.962 р. 4 коп., по 66 коп. съ десятины, т. е. болѣе чѣмъ втрое выше («Сборникъ постановленій кологривскаго уѣзднаго земскаго собранія». Кострома, 1880 г., стр. 120 и слѣд.).

владѣніе тѣмъ болѣе возвышаетъ ея цѣну, чѣмъ меньшую роль въ составленіи цѣны произведеній играютъ трудъ и умѣнье и чѣмъ большую власть надъ землею. Въ уѣздахъ самой восточной, Уфимской, губерніи, гдѣ по причинѣ многоземелія землевладѣніе даетъ еще сравнительно меньше власти надъ рыночными цѣнами, гдѣ трудъ и степень его производительности имѣютъ еще свою долю значенія, тамъ и крестьянскія земли цѣннѣе и доходнѣе частныхъ. Частныхъ земель тутъ 1.902.850 десятинъ, стоимостью въ 13.381.200 р., т. е. десятина по 7 р. 3 к., а сельскихъ обществъ 5.292.850 дес., стоимостью въ 46.002.100 р., т. е. по 8 р. 69 коп. дес., или на 23% болѣе частныхъ. Въ центральной же части, въ уѣздахъ губерній Орловской, Курской, Харьковской и Саратовской, гдѣ населеніе густо, сравнительные размѣры частнаго землевладѣнія значительнѣе и даютъ этимъ землевладѣльцамъ полную возможность поднимать на рынкѣ цѣны произведеній посредствомъ высокой аренды,—тамъ въ частныхъ рукахъ 1.701.850 дес., стоимостью въ 51.771.800 р., т. е. по 30 р. 42 коп. десятина, а у обществъ 3.111.010 десят., цѣною въ 73.976.600 руб., т. е. по 23 руб. 77 коп. дес., или на 28% дешевле частныхъ*).

Довольно объ этомъ. Возвратимся къ разсужденію съ крестьяниномъ. А. говоритъ: «Да, ошиблись, когда уставныя грамоты и владѣнныя записи писали, и все же теперь вамъ можно было

*) Разумѣется, приведенныя здѣсь статистическія цифры, какъ всѣ имъ подобныя, за немногими исключеніями, слишкомъ далеки отъ истины; достаточно привести слѣдующій примѣръ: въ „Ежегодникѣ 1879 года“ рязанскія земли (5 уѣздовъ) оцѣнены въ 48.326.000 р., а въ „Смѣтѣ губернскихъ земскихъ потребностей и раскладкѣ губернскаго сбора Рязанской губерніи на 1880 годъ, Рязань, 1880 г.“—тѣ же земли оцѣнены въ 71.053.400 р. Во Владимірской губерніи частныя земли оцѣнены въ 12 р. 13 к. десятина, въ Александровскомъ уѣздѣ въ 17 р. 56 к., и даже по нотаріальнымъ свѣдѣніямъ среднее для Владимірской губерніи 17 р. 6 к., для Александровскаго уѣзда 24 р. 7 коп. (*Владимірскій Земскій Сборникъ*, 1879 г., № 3, мартъ, стр. 129 и 119). По причинѣ этой шаткости и лживости статистическихъ цифръ, я такъ рѣдко прибѣгалъ къ нимъ въ этой статьѣ. Все-таки земли оцѣнены для земствъ людьми хорошо знакомыми съ условіями мѣстности и хозяйства; онѣ оцѣнивались слишкомъ низко, чтобъ избѣжать притязательныхъ претензій, и только мало-по-малу стали приближаться къ истинѣ; но именно потому, что дѣло было сдѣлано не чиновниками, набѣжавшими извнѣ, а людьми знакомыми съ мѣстнымъ хозяйствомъ, искуственность цифръ вредитъ менѣе правильности взгляда на относительную стоимость земель; грубая ложь въ отношеніи непремѣнно была бы замѣчена гласными и исправлена, а потому и тѣ выводы, которые сдѣланы выше, будутъ согласны съ истиной, разумѣется, только въ крупныхъ и общихъ чертахъ.

бы это дѣло поправить. Земля нарѣзана вамъ въ собственность, почти всѣмъ вамъ придется сорокъ девять лѣтъ платить, а потомъ она ваша. Какъ вы полагаете, выгодна вамъ эта собственность и что изъ этого можетъ выйдти?... Земли изъ вашихъ рукъ будутъ уходить, а приходить опять не будутъ,—какъ пошелъ разъ въ батраки, такъ на вѣки вѣчныя. Земля—это не то, что лавка, фабрика или ремесло,—она не въ тѣ руки попадаетъ, которыя способнѣе ею орудовать, а куда законъ ее помѣстить. У англичанъ законъ всю землю богатымъ дворянамъ отдалъ, у французовъ всякіе денежные люди къ нимъ присоединены, потому что земля въ собственности; а тамъ, гдѣ земля въ собственности, не тотъ землей владѣетъ, кто къ ней руки свои приложить умѣетъ, но тотъ, кто деньги имѣетъ: деньги есть, некуда дѣвать,—купилъ земли и вѣковѣчную дань тебѣ будутъ платить земледѣльцы. У насъ до 1861 г. казенная и удѣльная земля была на такомъ же положеніи, какъ лавка, фабрика и ремесло. Въ обществѣ тотъ ею владѣлъ, кто съ нея доходъ умѣлъ получать. Кто землю расчиститъ, канавы проведетъ, тотъ и многимъ владѣетъ, а все не навсегда; кто смышленѣе и исправнѣе, тотъ имѣетъ преимущество, а все-таки совсѣмъ землей завладѣть не можетъ. Случается, разумѣется, что два-три человѣка цѣлое общество въ руки заберутъ, но земля-то все-таки общественная,—побьются люди, да и за умъ возьмутся. Встарину и не такъ забирали: одинъ крестьянинъ по сто десятинъ пахалъ, артель на сторонѣ нанималъ и общественные луга косилъ, а общество все-таки брало свое, земля изъ рукъ у него не выходила,—глядишь, все опять назадъ въ общество воротилась. Это еще не худшая бѣда, если умный человѣкъ общественною землей вертитъ,—въ обществѣ умъ не переведется, найдутся другіе, что его и сократятъ; но вотъ бѣда, если онъ землю-то на себя закрѣпитъ, да она дураку достанется, тогда у васъ хотя сколько ума ни будь, а все ничего не подѣлаете. Когда земли общественныя, тогда умные люди глупыхъ только учатъ и все общество ума набирается; а когда онѣ въ собственности, тогда глупые люди умными завладѣваютъ. Отецъ твой землю продалъ, а ты—батракъ, бобыль; при землѣ ты—та же рабочая скотинка: что лошадь, что ты, вы сравнялись,—ума тебѣ никакого не надо».

Крестьянину доступенъ смыслъ такихъ разсужденій. А. продолжаетъ: «Если у обществъ земля въ собственности, то удержать имъ эту землю невозможно,—еще не было такой страны,

гдѣ бы продажная земля удержалась у обществъ, потому что обществамъ легче продавать, чѣмъ покупать. Послушай, какъ говорятъ въ земствахъ. Сначала надо-де пособіе давать крестьянамъ, которые хотятъ отдѣльно селиться отъ деревни, для безопасности отъ пожара, рублей сто или около. Богатый получше мѣстечко выбираетъ, сынка своего селитъ и сто рублей получаетъ; потомъ надо ему землю кругомъ изъ общества выдѣлить къ одному мѣсту,—ему, разумѣется, выгодно, мѣстечко онъ выбралъ хорошее; потомъ надо ему землю выкупить, или общество принудить, зачѣмъ оно сопротивляется. И мало ли,—конца не будетъ причинамъ тянуть землю изъ общества въ собственность. Говорятъ: для пользы. Въ былыя времена, когда крестьянъ прикрѣпляли къ господамъ, также говорили—для пользы, а что вышло?—крѣпостное право. Теперь людей прикрѣплять нельзя,—ну, будемъ землю прикрѣплять, оно въ концѣ на то же выйдетъ. Они говорятъ: польза,—баринъ образованный, лучше землей орудовать умѣетъ. Такъ бери онъ землю отъ общества въ аренду, и если общество для себя отъ этого пользу увидитъ, такъ дастъ, а пользѣ конецъ, такъ и арендѣ конецъ. Если человѣкъ теперь землю покупаетъ, то развѣ онъ объ общественной пользѣ думаетъ?—Онъ покупаетъ, какъ покупались крѣпостные, чтобы дань съ своей вотчинки получать. Полезный онъ или вредный человѣкъ, все едино, дань будетъ,—дань не за пользу, а за право собственности платится. Такъ нечего тутъ о пользѣ и толковать. Говорятъ, отъ собственности и вамъ польза будетъ,—черезъ сорокъ девять лѣтъ ваши земли съ господскими сравняются, ты будешь такой же собственникъ, какъ и онъ; въ прежнія времена вы оброки платили, а господа ничего, тогда же вы всѣ равны будете,—на тебя за десятину рубль и на господина рубль... Ну, да, такъ говорятъ; а ты обдумай-ка хорошенько, что для тебя отъ того произойдетъ—польза или убытокъ. Теперь государство, казна получаетъ отъ васъ за земельныя угодья пятую часть государственнаго дохода, сто милліоновъ съ четвертью. Какъ вы думаете, если выкупъ кончится, ему этихъ денегъ не нужно будетъ, можетъ оно безъ нихъ обойтись, со ста-то на пять милліоновъ съѣхать?... Государственные расходы растутъ, а не уменьшаются, да и не у насъ только, а вездѣ, и только незнающій можетъ повѣрить, что государство безъ этихъ денегъ обойтись можетъ. Если же ему безъ нихъ не обойтись, то съ кого же оно ихъ возметъ?—Да съ васъ же, только названіе другое будетъ. Къ чему

же вамъ послѣ этого собственность? Государству платить вы будете то же, а земли свои вы распродадите и еще сверхъ государственныхъ платежей будете за нихъ платить аренду новымъ владѣльцамъ. А вамъ бы сдѣлать вотъ какъ: просить правительство, пусть-де всѣ наши надѣльныя земли за государствомъ, казенными, числятся, а мы-де правительству за нихъ вѣковѣчные плательщики, только чтобъ онѣ за обществами нашими числились и никому не продавались и не отрѣзывались. Еслибы правительство на это согласилось, то вышло бы вотъ что. Въ уплату за эти земли вы теперь погасительный процентъ платите. Какъ скоро вы надѣльныя свои земли сдали въ казну, этотъ процентъ остается за вами, это—вашъ капиталъ. Такого крестьянскаго капитала будетъ теперь у васъ уже до двухъ сотъ милліоновъ; этотъ капиталъ вы можете употребить куда хотите. Просите, чтобы на этотъ капиталъ вамъ правительство земли покупало у частныхъ владѣльцевъ по вольной цѣнѣ. Если какое-нибудь общество прилюбуетъ гдѣ землю—или сходную по цѣнѣ, или ему полезную, она покупается на вашъ капиталъ, а общество платитъ за нее въ казну не для прибыли вашего капитала, а для уравненія вашихъ платежей, для облегченія тѣхъ, которые чрезмѣрно обременены. Вы сами знаете, что ничѣмъ вы такъ не раззоряетесь, какъ тѣмъ, что за такую землю одни платятъ больше, а другіе—меньше. Если вы въ казну будете платить столько же, сколько и теперь, то вашъ капиталъ будетъ постоянно наростать, потому что въ него будетъ поступать цѣликомъ погасительный процентъ и вы такъ мало-по-малу у всѣхъ владѣльцевъ всю землю купить можете. Не гоняйтесь за тѣмъ, чтобы меньше въ казну платить: какъ вы ни изворачивайтесь, а вы все больше будете платить, а не меньше,—спросите-ка, сколько въ разныхъ государствахъ правительства получали лѣтъ триста тому назадъ... Гоняйтесь за тѣмъ, чтобы землю всю въ свои общества пріобрѣсти; и на вашей памяти земли покупались по 5 рублей десятина, а теперь 5 рублей даютъ, чтобъ одинъ хлѣбъ съ ней снять. Въ глухомъ мѣстѣ за 2 рубля десятину арендуютъ, да еще говорятъ, что дорого, наши же отцы за нее по 25 к. платили; отъѣхалъ сорокъ верстъ къ губернскому городу, глядишь—за такую же десятину 12 рублей платятъ. Французъ въ своей землѣ за такую же десятину платитъ 65 руб., англичанинъ 85 руб., и вы того же дождетесь. Земли ваши будутъ—и счастье ваше будетъ,—и государству, и вамъ, и всѣмъ будетъ хорошо; землю

изъ рукъ выпустите, такъ что ни годъ въ царствѣ нашемъ больше будетъ и горя, и вздору, и бѣды. Если такъ сдѣлается, то не думайте, что владѣльцы не будутъ земель своихъ продавать,—все, до послѣдней десятины, безъ остатка по сходной цѣнѣ продадутъ; продажныя земли тѣмъ скупаются, у кого деньги всегда наготовѣ. Извѣстно, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ всѣ продажныя земли по купчимъ и пр. изъ однѣхъ рукъ въ другія переходятъ. Если у прежнихъ владѣльцевъ и останется что-нибудь, то объ этомъ и толковать не стóитъ. Не думайте, что для государства это невозможно сдѣлать, что оно отъ этого раззорится,—государство отъ этого не раззорится, а обогатится. Развѣ тѣ помѣщики, которые по дешевымъ цѣнамъ земли покупали, отъ этого раззорялись?—Они обогащались. Развѣ можетъ отъ того государство раззориться, если вы ему одному за всю землю платить будете? Если земля вся въ частныхъ рукахъ, если владѣльцу платится за нее 9 рублей, а казнѣ только 1 р., то и тогда государства не раззоряются,—какъ же казна раззорится, если она получитъ всѣ десять рублей? Хотя она и долгъ для этого сдѣлаетъ, но великъ ли для такого дѣла долгъ въ пятьсотъ милліоновъ, когда черезъ тридцать лѣтъ эта земля четыреста милліоновъ одного доходу давать можетъ?... И вамъ нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ платить въ казну: частный владѣлецъ возьметъ съ васъ сколько выжать можно, а казна беретъ столько, сколько нужно на расходъ; съ васъ сойдетъ противъ частнаго владѣльца половина или третья часть, не больше, если въ казенномъ расходѣ порядокъ водворить. Съ того времени, какъ у англичанъ порядокъ, у нихъ и расходъ мало увеличивается. Купленныя вами земли вы опять казнѣ предоставляйте и не о томъ старайтесь, чтобы за нихъ какъ можно болѣе капиталу пріобрѣсти, а о томъ, чтобы казна за это и свои земли, и оброчныя статьи, и удѣльныя, войсковыя и другія угодья безповоротно къ крестьянскимъ обществамъ приписывала. И для васъ, и для казны опять-таки ничего не можетъ быть выгоднѣе. Чиновники отдаютъ оброчныя статьи съ торговъ и думаютъ, что если они къ торгамъ, вмѣстѣ съ другими, допустятъ общества крестьянскія, то самую большую цѣну получатъ. Но если они такимъ образомъ половину выручатъ, то слава Богу,—часто не выручатъ и пятой доли. Землю казенную съ торговъ въ аренду отдавать — это все равно, что откупа на подати учреждать; это значитъ и самому ничего не получить, и крестьянъ раззорить.

Много ли получила бы казна, еслибъ общественныя земли съ торговъ отдавала, хотя бы при этомъ и крестьянскія общества къ торгамъ допускала?... Ни одинъ министръ этого не предложитъ, потому что всякій знаетъ, что и казна бы при этомъ въ дырявыхъ портахъ ходила, да и крестьяне по большимъ дорогамъ нищенствовали, вмѣсто того, чтобы землю пахать».

Достоинство этихъ разсужденій и выгоды всего этого плана весьма доступны крестьянамъ, хотя имъ и трудно составлять себѣ понятіе о государственной финансовой системѣ. Они относятся, впрочемъ, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ такимъ пріобрѣтеніямъ, которыя способны дать наиболѣе благопріятный результатъ,—къ пріобрѣтенію земель, по причинѣ рѣдкости населенія остающихся еще необработанными и продающихся за самыя ничтожныя цѣны,—они опасаются приравненія этихъ участковъ къ другимъ землямъ и чрезмѣрнаго возвышенія платежей. Еще болѣе сомнѣній возникаетъ у крестьянъ, которые чрезмѣрно обременены платежами. Теоретически пріобрѣтеніе земель составляетъ для нихъ несомнѣнную выгоду: вѣдь они работаютъ же на владѣльцевъ этихъ земель, и если владѣльцы получаютъ отъ ихъ работъ выгоду соразмѣрную цѣнѣ земли, то ясно, что и крестьяне могутъ получить выгоду; но дѣло въ томъ, что, при ихъ раззоренности, имъ трудно вдругъ расширить свое хозяйство въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ того потребуетъ увеличенное землевладѣніе, сопряженное съ немедленнымъ платежомъ. Справедливѣе и практичнѣе всего было бы для такихъ крестьянъ пріобрѣтать землю безъ всякаго увеличенія ихъ платежей, исключительно для уравненія ихъ тягостей съ тягостями менѣе обремененныхъ; а чтобы земли не покупались обществами по слишкомъ высокимъ цѣнамъ, полезно было бы заранѣе опредѣлить сумму, на которую они могутъ пріобрѣтать землю ради уравненія платежей, и тогда ихъ собственная выгода будетъ побуждать ихъ пріобрѣтать на эти деньги возможно болѣе земли. Само собою разумѣется, что вся вышеизложенная операція должна быть совершена въ теченіе сорока или пятидесяти лѣтъ и что рядомъ съ нею долженъ быть введенъ подоходный налогъ съ владѣльческихъ земель, чтобы не кинуть разомъ на рынокъ слишкомъ большое количество бумажныхъ знаковъ и не произвести искуственнаго вздорожанія земель. Разумѣется само собою, что земли, однажды прирѣзанныя къ обществамъ, должны быть неотчуждаемыми навсегда, постоянныя поземельныя отношенія должны быть цѣликомъ внесены въ об-

ласть публичнаго права и изъяты изъ предѣловъ частнаго, гражданскаго, иначе вся эта операція выродится въ Сизифову работу: земли тотчасъ опять начнутъ выходить изъ рукъ наиболѣе способныхъ увеличивать ихъ производительность и распредѣляться между населеніемъ не сообразно съ его способностью хозяйствовать, а сообразно съ его способностью экономизировать для покупки земли; всякаго рода взяточники, биржевые игроки, спекуляторы, подрядчики, вся свора наживающихся безцеремонными путями начнетъ превращаться въ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ и приступитъ къ дѣлу обездоливанія государства и нагрѣванія общества чрезъ сокращеніе сельскохозяйственнаго производства и возвышеніе цѣнъ. Этимъ записнымъ лгунамъ не трудно будетъ увѣрить общество, что они—образцовые сельскіе хозяева, точно такъ же, какъ они успѣли увѣрить его, что они—спеціалисты по желѣзнымъ дорогамъ, безукоризненно вѣрные интересамъ акціонеровъ директоры компаній и проч. Земля превратится въ богадѣльню, обязанную содержать съ приличною роскошью всѣхъ денежныхъ лежебоковъ и давать возможность всѣмъ пройдохамъ-дѣльцамъ воспитывать потомство, окончательно ни къ чему другому неспособное, кромѣ постепенной передачи своихъ земель въ руки ростовщиковъ, въ свою очередь производящихъ такихъ же безпутныхъ сынковъ. Имѣются самыя полновѣсныя причины, чтобы возставать противъ превращенія земли въ богадѣльню даже по отношенію къ рабочему пролетаріату. Ремесло, фабрика сами должны обезпечить участь своихъ рабочихъ и ихъ семействъ размѣромъ заработной платы, сберегательными и страховыми учрежденіями и податью для бѣдныхъ и больныхъ, взимаемой съ капиталистовъ. На фабрикѣ съ каждымъ усовершенствованіемъ рабочій часъ даетъ все болѣе произведеній,—какое варварство сваливать бѣднаго съ плечъ фабрики на плеча земли, гдѣ, несмотря на всевозможныя усовершенствованія, рабочій часъ даетъ все менѣе произведеній... Но если это такъ, то насколько болѣе вредно превращать землю въ богадѣльню, гдѣ почіютъ на лаврахъ богатые капиталисты! Работа капиталиста самая легкая изъ всѣхъ родовъ работъ, такъ пусть же онъ по крайней мѣрѣ работаетъ, придумываетъ плодотворное употребленіе для своего капитала, а не живетъ паразитомъ на сельскомъ хозяйствѣ. Настолько же вредно пріобрѣтеніе обществами земель въ кредитъ, кѣмъ бы ни давался этотъ

кредитъ—банками, земствами или правительствомъ*). Производство въ кредитъ есть наиболѣе убыточное изъ всѣхъ родовъ производства,—это справедливо даже по отношенію къ промышленнымъ предпріятіямъ. Между тѣмъ промышленныя предпріятія даютъ средній процентъ, превышающій средній заемный; капиталъ же, на который покупается земля, даетъ процентъ ниже средняго заемнаго. Проекты, въ родѣ проекта херсонскаго гласнаго кн. Кудашева, который въ 1879 г. предлагалъ весь поземельный долгъ правительству, лежащій на крестьянскихъ обществахъ, за полученные ими надѣлы передать херсонскому банку съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ выкупа земель, банкъ давалъ крестьянамъ подъ залогъ надѣловъ ссуды для пріобрѣтенія частныхъ земель **),—не только не приведутъ къ пріобрѣтенію крестьянами всей земли частныхъ владѣльцевъ, какъ полагаетъ князь Кудашевъ, но неизбѣжно разорятъ крестьянъ, потому что имъ придется платить банку болѣе, чѣмъ они получатъ дохода отъ земли. Не только вновь пріобрѣтенныя земли, но и крестьянскіе надѣлы будутъ проданы за долги съ публичнаго торга и скуплены спекуляторами за безцѣнокъ для раздачи тѣмъ же крестьянамъ обратно въ аренду.

Если читатель приглядится ближе къ тому, что говорится въ этой статьѣ, то ему не трудно будетъ убѣдиться, что взгляды и идеи, въ ней излагаемые, отнюдь не могутъ быть названы радикальными,—они либеральны и никакъ не болѣе. Та смѣлость, съ которою мы тратили милліарды на желѣзныя дороги, войны и пр., несравненно болѣе отзывается радикализмомъ и прямолинейностью, чѣмъ предлагаемыя здѣсь сравнительно скромныя воззрѣнія. Они либеральны потому, что въ такомъ своемъ видѣ и одинаково выгодны, и одинаково удовлетворяютъ существенную потребность какъ государства, такъ и крестьянъ, землевладѣльцевъ и общества. То государство, котораго поземельныя

*) Съ этимъ выводомъ автора редакція не можетъ согласиться. По ея мнѣнію, и земство, и правительство обязаны содѣйствомъ сельскимъ обществамъ къ увеличенію ихъ землевладѣнія всѣми мѣрами, въ томъ числѣ и открытіемъ потребнаго на то кредита, само собою разумѣется, на условіяхъ соотвѣтствующихъ главной цѣли такихъ мѣропріятій—поднятію и упроченію благосостоянія сельскаго населенія. Въ погонѣ за трудно-достижимымъ, хотя и вполнѣ желательнымъ, не слѣдуетъ пренебрегать болѣе скромными задачами, имѣющими на своей сторонѣ великое преимущество—*удобовыполнимость*.

Ред.

**) «Сборникъ 1879 г. херсонскаго земства за октябрь, ноябрь, декабрь». Херсонъ, стр. 247 и слѣд.

отношенія будутъ устроены на только-что изложенныхъ началахъ, будетъ имѣть надъ своими сосѣдями громадное финансовое преимущество: чѣмъ гуще будетъ дѣлаться его населеніе, чѣмъ больше будетъ развиваться его промышленность, тѣмъ болѣе обильный источникъ для обезпеченія своихъ финансовъ оно найдетъ при этомъ порядкѣ въ землѣ. Россія получаетъ отъ земли пятую часть своего дохода. Еслибы поземельныя отношенія Англіи были устроены на изложенныхъ выше началахъ, то, безъ всякаго увеличенія производительности земли, весь современный государственный доходъ страны могъ бы быть покрытъ двумя третями современной поземельной ренты, заработки земледѣльцевъ увеличились бы втрое и земледѣльцы могли бы еще платить 500 милліоновъ рублей въ годъ капиталистамъ по найму машинъ и по торговлѣ удобреніемъ. Крупные землевладѣльцы при такой перемѣнѣ попадутъ у насъ въ несравненно болѣе нормальное положеніе. Возьмемъ одинъ типическій примѣръ. Черезъ раздѣлъ между наслѣдниками всѣ имѣнія, не превышающія трехъ или пяти тысячъ десятинъ, т. е. громадное ихъ большинство, раздробляются постоянно на такія мелкія части, что образовавшимся ихъ владѣльцамъ дѣлается въ высокой степени невыгоднымъ и неудобнымъ жить въ нихъ и заниматься хозяйствомъ. Они живутъ своимъ трудомъ, наслѣдственная земля для нихъ не болѣе какъ неудобное бремя, съ которымъ имъ весьма выгодно развязаться, и способность близлежащихъ общинъ во всякое время пріобрѣсти эту землю, хотя бы и по сходной цѣнѣ, будетъ для нихъ настоящимъ благодѣяніемъ. Правильное пониманіе своей выгоды должно прямо располагать крупныхъ землевладѣльцевъ къ подобнымъ воззрѣніямъ, тѣмъ болѣе, что оно сразу снимаетъ съ нихъ печать рожденныхъ враговъ прогресса и вѣяній новаго времени и окончательно уничтожаетъ антагонизмъ между ними и земледѣльцами. Относиться враждебно къ такой идеѣ они могутъ только по предразсудку до того закоренѣлому, что онъ способенъ заставлять ихъ дѣйствовать наперекоръ собственнымъ интересамъ. У насъ въ послѣднее время стали говорить о русскомъ либерализмѣ; но если присмотрѣться ближе къ тѣмъ идеямъ, которыя окрещиваются этимъ именемъ, то увидишь, что это—тѣ же идеи, которыми руководится современный либерализмъ вообще, только приспособленныя съ грѣхомъ пополамъ къ условіямъ нашей жизни. Между тѣмъ и въ нашемъ быту, и въ нашемъ положеніи столько существенныхъ особенностей, что у насъ есть

истинная потребность въ творчествѣ оригинальныхъ либеральныхъ идей, которыя бы вели наше развитіе оригинальнымъ путемъ, а не втискивали его въ Прокрустрово ложе современнаго либерализма. Народъ можетъ имѣть только оригинальные инстинкты и наклонности, создавать же удовлетворяющую имъ оригинальную теорію, идею развитія—это дѣло образованнаго класса и его либеральныхъ мыслителей. Въ этомъ стремленіи нѣтъ никакой причудливой претензіи оригинальничать: мы вовсе не говоримъ, что мы должны отречься отъ общихъ либеральныхъ идей цивилизаціи,—напротивъ, мы должны ихъ усвоить себѣ, но присовокупить къ нимъ и свои самобытныя. Поступая такимъ образомъ, мы не составимъ единичнаго исключенія, а сдѣлаемъ только то же, что дѣлаютъ и другіе народы, принадлежащіе къ составу современнаго цивилизованнаго міра. Либерализмъ въ Америкѣ, Франціи, Швейцаріи, Норвегіи, даже въ Англіи имѣетъ много самобытнаго, дающаго идеямъ этихъ народовъ свою оригинальную физіономію, и мнѣ не извѣстно ни одного достаточно-убѣдительнаго аргумента, который бы показывалъ, почему именно мы должны обезличить себя.

В.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО.

(очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки на Валаамъ.)

XXVI.

Упраздненная пустынь и заштатные подвижники.

Пыхтѣніе машинъ, визгъ буравовъ о желѣзо, стукъ молотковъ, свистъ кузнечнаго пламени, трескъ взрываемыхъ утесовъ—все это далеко осталось позади, точно и не бывало его, этого современнаго намъ Валаама, съ его громадною строительною дѣятельностію, съ его не совсѣмъ монашескимъ попеченіемъ объ утріи, съ его мастерскими, водопроводами, заводами, образцовыми фермами, смолокурнями, конюшнями, похожими на дворцы, и дворцами, болѣе подходящими къ типу конюшенъ, съ его мертвящею дисциплиной и эпическими фараонами подъ клобуками игумновъ.

Вокругъ—лѣсное царство. Опять важныя сосны торжественно возносятъ къ небу, словно жертвы, свои вершины, въ кудрявыхъ березахъ весело играетъ солнце. Золотые блики его бѣгутъ передъ нами по дорожкѣ, тѣни слѣдуютъ за нами. Меланхолическій черный дроздъ заводитъ въ пустынѣ свою поэтическую пѣсню и, слушая его на вершинахъ лѣса, полный нѣги, словно задумавшійся, качается тихій вѣтеръ.

Меня ведетъ за собою о. Пименъ, этотъ живой протестъ противъ нынѣшняго, созидающаго пирамиды Хеопсовы, монашества; ученый, умный инокъ изъ стараго типа подвижниковъ, точно цѣлые вѣка проспавшій въ землѣ и проснувшійся для того, чтобы на мѣстѣ старыхъ пустынь, затерянныхъ, по бездорожьямъ, забытыхъ среди дремучихъ лѣсовъ, увидѣть заводы подъ монастырскими куполами, фабрики, обнесенныя иноческими стѣнами,—вмѣсто

*) *Русская Мысль*, апрѣль.—Окончаніе.

прежнихъ отшельниковъ, непрестанно, среди безмолвія окружающей ихъ природы, бесѣдовавшихъ съ Богомъ, застать чернорабочихъ и мастеровъ подъ рясами, механиковъ подъ клобуками... Съ сожалѣніемъ онъ всматривается во все, что творится вокругъ него. Я бы сказалъ — съ презрѣніемъ, еслибъ иноческая складка допускала это чувство. Тутъ, въ этомъ безлюдномъ лѣсу, ему дышется легче. Онъ всматривается кругомъ и повсюду отыскиваетъ слѣды древняго подвижническаго Валаама, когда монашество было рыцарствомъ и блюло свои обѣты. Теперь оно стало буржуазіей и торгуетъ въ лавкахъ.

— Тутъ, въ величайшей глуши, жили пустынники,—грустно разсказываетъ о. Пименъ.—Зимою ихъ заносило снѣгами. Они слышали только голоса бури да свистъ метели. Ну, а заходили пароходы и—подвижничеству конецъ пришелъ. Начали богомольцы соваться въ пустыни и уединенія не стало. Многіе старцы любопытствомъ мірянъ соблазнились, начали превозноситься. Отъ пустыннаго житія только одинъ грѣхъ вышелъ. Былъ выходъ—скиты поставить и мірянъ туда не пускать. Дамаскинъ и сдѣлалъ такъ, послѣдній ударъ отшельничеству нанесъ. Это ужь не пустыни,— по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ живутъ... Единенія съ Богомъ и нѣтъ.

Сосновая глушь тѣснѣе и тѣснѣе сдвигалась кругомъ. Кое-гдѣ на стволахъ деревьевъ были прибиты кресты изъ кусковъ досокъ. И стволы эти ужь отъ старости тысячами морщинъ покрылись, и на позеленѣвшихъ крестахъ мохъ проросъ. Видимо, давно это было,—такъ давно, что развѣ только вѣковыя сосны могли бы поразсказать объ инокахъ, что, бродя по этимъ дремамъ, наколачивали кресты на ихъ кору, тогда еще молодую, изгоняя духа зла изъ своей возлюбленной пустыни.

— Жили тутъ старцы... Схимонахъ Сергій, да инокъ Аѳанасій голоса человѣческаго не слыхали. Изъ братіи кто по усердію придетъ къ нимъ,—затворятся, на стукъ отзыва не подаютъ. Ну, потолкутся, потолкутся гости, видятъ — уединился старецъ — и прочь пойдутъ. Теперь рѣдкіе ходятъ сюда... Рѣдкіе!... Питать свое чувство. Вся-то земля здѣсь моленная, да слезами кропленая.

Опять кресты позеленѣвшіе на корявыхъ стволахъ. Вершины тихо шумятъ надъ ними. Гулъ какой-то идетъ вверху,—гулъ, не нарушающій тишины благоговѣйной. Гуще и гуще лѣсъ, громче пѣсня дрозда, дорога ушла куда-то. Внизу—топь, изъ-подъ ногъ

вода сочится, свѣжая трава клонится безсильно подъ ними. Бѣлый болотный цвѣтъ съ сильнымъ ароматомъ курится намъ навстрѣчу. Яма какая-то; въ ней видны сгнившія балки. По одной совсѣмъ мохъ прошелъ,—разрыхлѣвшееся дерево стало для него чудесною почвой. Землянка была древле; надъ землянкой крыша. Она-то и обвалилась вся... Дно ямы зеленымъ сукномъ обтянула мелкая сырая поросль. Шагахъ въ двадцати отсюда немощно покосился черный, черный крестъ,—точно и ему тяжело подъ бременемъ лѣтъ стоять здѣсь. Клюку бы старцу, да некому дать ее, и стоитъ онъ сгорбясь, покорно и молчаливо, ожидая, когда буря или собственное безсиліе уложатъ его въ ту же мокрую топь. Сердцу говоритъ это запустѣніе, вызываетъ цѣлый рой видѣній изъ далекаго прошлаго. Воскреснетъ древнее иночество, подвижнически убѣгавшее отъ міра, клявшее людей, питавшееся духомъ уединенія и созерцаніемъ, ничего общаго не имѣвшее съ нынѣшнею экономическою мощью обители.

— Безъ пышности жили тогда старцы... Сколь она нехороша, эта пышность иноческая, нынче...—раздумчиво роняетъ о. Пименъ, окончивъ молитву надъ развалившеюся землянкой.—Самыя бревна ея кажутся пропитанными слезами, которыя здѣсь, въ страшномъ и вѣчномъ одиночествѣ, лились изъ тусклыхъ, ослѣпшихъ глазъ каявшихся старцевъ.

Еще съ полверсты... Лѣсъ мрачнѣе сталъ, точно насупился. Величавыя сосны смѣнились схимническими, нахмуренными елями, простирающими къ низу свои темныя вѣтви, точно онѣ ревниво стерегутъ что-то отъ посторонняго глаза. Холмъ. На немъ опять позеленѣвшія балки. Тутъ уже путь буреломомъ заваленъ. Едва продираешься сквозь. Ничьей ноги здѣсь, видимо, давно не бывало, никто не проложилъ къ древнему Валааму новаго слѣда. Колодезь вырытъ въ сторонѣ. Ничего общаго съ нынѣшними, обшитыми гранитомъ, высверленными въ скалахъ, отнятыми у горныхъ нѣдръ,—старый, простой, какъ иноки того времени. Колодезь этотъ обложенъ деревомъ. Дерево сгнило, проросло. Внутри неподвижно, какъ и все кругомъ, стоитъ вода. Кругомъ тихо, ветхо, скудно, пустынно...

— Здѣсь иноческой поэзіи больше. Тутъ, видимо, людямъ здѣ пребывающаго града не нужно было, они и не созидали его,—грядущаго искали.

Какія созерцанія возможны были среди этой убогой обстановки, подъ гулъ великолѣпнаго лѣса кругомъ! Воображеніе не-

вольно рисовало эту эпоху, когда рядомъ уживались: залегшій въ свою берлогу медвѣдь и занесенный въ своей землянкѣ снѣгами пустынникъ. Оба—въ вѣчномъ мракѣ. Представляешь себѣ сгорбленную, съ нависшими бровями и отяжелѣвшими вѣками, сухую фигуру отшельника, безмолвно слушающаго свистъ мятели и трескъ ломающихся подъ тяжестью снѣга вѣтвей,—слушающаго во тьмѣ, еще болѣе усиливающей впечатлѣніе. Какіе голоса должны были ему звучать въ безсмысленномъ, гнѣвномъ ревѣ зимней непогоды,—какія видѣнія являлись полуослѣпшимъ глазамъ среди этой безразсвѣтной ночи! И если они повѣствуютъ объ ангелахъ, сверкавшихъ въ этомъ мракѣ, объ откровеніяхъ, долетавшихъ до нихъ съ небесъ, покрытыхъ густыми тучами,—я вѣрю и этимъ ангеламъ, и этимъ откровеніямъ, какъ вѣрю въ то, что факиру улыбается Брама, что съ Моисеемъ изъ горящей купины разговаривалъ самъ Богъ... Они, дѣйствительно, видѣли и слышали; но видѣли и слышали творившееся не въ дѣйствительномъ мірѣ, а въ нихъ самихъ, какъ мы въ безсонныя ночи видимъ лица и слышимъ голоса дорогихъ и милыхъ людей, разлученныхъ съ нами тысячами верстъ или десятками лѣтъ. Пусть они, эти люди, давно спятъ въ могилахъ,—все равно, передъ душевнымъ окомъ разверзнутся могилы, воскреснутъ спящіе въ нихъ мертвецы.

Опять землянка; надъ нею на два ската кровля. Лопарская вѣжа совсѣмъ, изъ такихъ, какія я встрѣчалъ на Мурманѣ и въ Лапландіи. На жерди кровли и дернѣ настлано. Дернъ давно проросъ кустарникомъ.

— Чѣмъ питались монахи?

— Разно. Одни муку замѣшивали на водѣ и ѣли такъ, прямо. Другіе, Богъ знаетъ... какъ Іоаннъ въ пустынѣ. Только тутъ дикаго меда нѣтъ.

— Да и акридъ что-то не видать.

— Кору ѣли!... Были такіе, что по мѣсяцамъ не приходили за пищей.

— Какая тишина!

— Здѣсь хоть и тишина, а говору бездна. Какая-то проповѣдь о подвижничествѣ безмолвная. Нынѣ слишкомъ много удобствъ, слишкомъ мало для души....

— Въ этихъ удобствахъ есть много хорошаго.

— Не для обители и не для иночества... Водопроводы вонъ вывели,—«чудо!», кричатъ. А какое чудо? Мы прежде по-обледе-

нѣлой кручѣ, едва держась за ветхія перила, идемъ воду брать... Вверхъ ее, потомъ обливаясь, возносимъ. Скользно, земля изъподъ тебя уходитъ,—вотъ, вотъ внизъ слетишь. А все вверхъ, все вверхъ—и чувствуешь, что тебя ангелъ Господень держитъ, самъ окрыляешься. А теперь вода сама бѣжитъ къ тебѣ и ангеловъ не стало.

О. Пименъ—дворянинъ, ему аскетизмъ нуженъ. Какъ это ни странно, а пытливый умъ, просвѣщенный наукой, ищетъ именно умерщвленія плоти. Такими типами и держалось подвижничество. Крестьянинъ,—совсѣмъ не то: тотъ, и отрицаясь міра, и хоронясь заживо, все на хозяйство бьетъ, скопидомничаетъ на себя, ширится и растетъ общиною.

— Ужь ширяться, такъ съ главнаго начинай!... Подыми соборъ, чтобъ онъ къ звѣздамъ небеснымъ возносился, чтобы колокола у самыхъ тучъ благовѣствовали. Возведи стѣны, чтобъ онѣ дѣйствительно знаменовали отреченіе отъ міра. Поставь келліи... А то у насъ вонъ конюшни да мастерскія обитель давятъ. Мала она въ сравненіи съ ними. Теперь ежели подъ стать имъ монастырь возносить, воздвигать его по новому плану,—средствъ и не хватитъ.

Протестъ о. Пимена—не одиночный. Тѣмъ не менѣе старое подвижническое начало совсѣмъ отошло назадъ. Русскіе монастыри всѣ вообще какъ-то сбиваются на хозяйственную жилку. Святость—святостью, а прибытокъ самъ собою. Этимъ на Аѳонѣ русскіе даже злобу у грековъ вызвали. Грекъ монахъ—тотъ какъ клещъ чужое тѣло сосетъ, а самъ ничего не производитъ. Русскій инокъ и отъ приношеній не прочь, да и самъ не сидитъ сложа руки, а труждается и воздвигаетъ башни Вавилонскія.

— Но тоже и наши хороши на Аѳонѣ,—какъ-то сообщилъ мнѣ одинъ инокъ, побывавшій тамъ.

— А что?

— Да какже, у нихъ сборщикъ—по всей Россіи, онъ всю Русь сосетъ, а все-таки греческій складъ монастырской жизни больше содѣйствуетъ монашеству.

— Какъ смотрѣть на обители!—продолжалъ о. Пименъ.—Если они—идеаловъ носители, народу свѣтильники, то сіи изъ дебрей и пустынь ярче сіяли ему и громче говорили издали. Звѣзды ярко свѣтятъ, а приблизься къ нимъ,—темны, какъ и земля. И народъ это понимаетъ. Прежде къ обителямъ и уваженія больше было... А нынче все на прибытокъ пошло... Обители

легче чѣмъ кому-либо пріобрѣтать... «Ради Бога!»—это великое слово, страшный глаголъ! На послѣднемъ-то судѣ—на вѣсахъ—что оно вытянетъ?... Скажи-ка его игуменъ старушкѣ какой-нибудь, либо богобоязливому мужу,—все съ себя снимутъ. Дѣтей оберутъ, а въ монастырь «ради Бога» принесутъ. Ты и подумай, легко ли это... А нынѣшнія обители такія словеса постоянно говорятъ...

Какіе тутъ цвѣты пышные попадаются на пути!... Не вѣрится,—да, полно, на Сѣверѣ ли я?... О. Пименъ обошелъ одинъ изъ цвѣтковъ, чтобы не наступить на него. Другой монахъ при этомъ замѣтилъ:

— Вотъ въ этомъ кринѣ сельномъ болѣе мудрости, чѣмъ во всѣхъ книжкахъ нашихъ. Цвѣтокъ какъ мудрецъ душѣ глаголетъ. Онъ—тоже книга, только смятенному духу закрытая, а пустыножителю ясная и понятная. Сія книга умная. У нея каждый лепестокъ—страничка.

Онъ сорвалъ цвѣтокъ и, не замѣчая самъ, помялъ, помялъ его и, бросивъ наконецъ этого великаго мудреца на землю, въ раздумьи наступилъ на него, не прочитавъ.

— Однако земные мудрецы разгадали все—и составъ, и жизнь вашего растущаго и благоухающаго мудреца-цвѣтка, и не только разгадали, но и поставили его какъ солдата въ шеренгу — на свое мѣсто...

— Вашу мудрость,—прервалъ меня монахъ, — преподобный Исаакъ Сиринъ называетъ нагимъ вѣдѣніемъ!...

— А что такое нагое вѣдѣніе?

— Да нехорошо... вотъ что!

Когда я совсѣмъ углубился въ эту пустыню, таково было вліяніе зеленаго лѣса, — покоя, царствовавшаго здѣсь, въ этой тѣни,—тепла и свѣта, скользившаго золотыми струями по листьямъ ивъ, на мягкія нѣжныя поляны,—что мнѣ самому стало понятно исканіе уединенія и безлюдья. Сюда нужно уходить извѣрившимся, разбитымъ судьбою.

— Разумѣется, людямъ, выдержавшимъ великія несчастія, хорошо было здѣсь.

— Ну, это еще не поводъ къ монашескому житію!—замѣтилъ о. Пименъ.

— Да вѣдь большая часть,—началъ было я.

— Вотъ видите ли, у такихъ большаго произволенія къ иночеству не бываетъ, а вступающій съ малымъ произволеніемъ въ

монастырь съ первыхъ шаговъ по подвижническому пути ужасается лютости врага и устремляется въ бѣгство. Только три достаточныхъ основанія признаетъ Іоаннъ Лѣствичникъ къ оставленію міра: любовь къ Богу, желаніе будущаго царствія и сознаніе множества грѣховъ.

Нужно сказать правду, я съ сожалѣніемъ оставлялъ эту зеленую пустыню. Въ ней чудилось что-то величавое. Какіе-то гигантскіе силуэты возникали въ воспоминаніяхъ о далекомъ прошломъ,—силуэты, заслонявшіе и эти пирамиды, поставленныя новыми иноками, и ихъ машины, пароходы и всю экономическую мощь. Старый Валаамъ выдвигался изъ тумана вѣковъ — суровый, полный лишеній... Казалось, вотъ-вотъ изъ чащи послышится старческій голосъ и, постукивая передъ собою клюкой, двинется на меня оттуда полуослѣпшій схимникъ-отшельникъ, точно сейчасъ только вырытый изъ могилы... Выходя изъ лѣса, я еще разъ оглянулся на эту послѣднюю страницу древняго иночества, только-что прочитанную мною.

Новое идетъ иными путями... Это—та же соціальная община, только съ президентами особаго рода, несмѣняемыми и если хотите нетлѣнными: Сергій и Германъ—на Валаамѣ Зосима и Савватій—въ Соловкахъ. Здѣсь пока соціализмъ нашелъ безпрепятственное осуществленіе своей идеи. Не указаніе ли это для будущаго? Не поучиться ли здѣсь, какъ работать всѣмъ и за вся?...

XXVII.

Валаамскіе Рафаэли.—Ризница и библіотека.

Я уже говорилъ, какъ меня поражали чистотой отдѣлки, нѣжностью и, если такъ можно выразиться, женственностію кисти работы валаамскихъ художниковъ. Странно было бы уѣхать изъ монастыря, не познакомившись съ тѣми, которые прятались подъ безразличную подпись: «трудами валаамскихъ иноковъ».

— Да сколько же ихъ всѣхъ у васъ?

— Трое. Они и снабжаютъ скиты, часовни и обитель самую. Мы даже другимъ монастырямъ и бѣднымъ сельскимъ церквамъ даримъ иконы ихъ писанія. Особливо одинъ у насъ есть—молодой. Можно сказать, даровалъ ему Господь талантъ на пользу братіи,—такой талантъ, коему и свѣтскіе громогласные художники вотще позавидовать могутъ.

Этотъ молодой живописецъ до сихъ поръ у меня въ памяти: маленькій, тщедушный; волны золотистыхъ волосъ на головѣ шапкой стоятъ и никакимъ гребнемъ не разберешь ихъ; грустные, добрые глаза; блѣдное, кажущееся измученнымъ, лицо.

— Братъ Алексѣй! вотъ на твою работу пришелъ свѣтскій писатель посмотрѣть.

Онъ сконфузился, покраснѣлъ, заторопился чего-то.

— Что-жъ, смотрѣть нечего... Какая это работа...

— Совсѣмъ онъ дѣвушка у насъ,—всего стыдится.

— У меня тутъ эскизы пока... Новыя картины задумалъ. Еще писать не могу,—не тотъ духъ...

— Онъ у насъ такъ не пишетъ; а какъ снизойдетъ на него, онъ сейчасъ боговдохновенно...

Я осмотрѣлъ эти эскизы: Закхей на деревѣ, приглашающій Христа, исцѣленіе прокаженныхъ и другіе. Сколько жизни въ постановкѣ фигуръ, сколько пониманія событій! Видимо, каждая вещь долго и благоговѣйно обдумывается.

— Отецъ Алексѣй поучался даже нѣсколько времени въ академіи. Обитель его послала туда, да онъ быстро вернулся.

— Пользы мало?

— Нѣтъ, какъ мало! Наука... А то, что я сталъ тосковать по Валааму, грудь начала болѣть. Докторъ сказалъ, возвращайтесь туда, — тутъ вы себѣ чахотку наживете... Я вернулся. Здоровъ нынѣ. А работать тамъ чудесно. Совсѣмъ иначе,—передъ собою такіе образцы видишь... Тутъ меня тоже поощряютъ. Сказали: какъ напишешь «исцѣленіе слѣпорожденнаго», такъ мы тебѣ и выпишемъ французскую иллюстрацію. Ну, и выписали... Тоже вотъ, когда Закхея кончу, мнѣ англійскую выпишутъ.

На какія жалкія, ничтожныя средства дѣлается все это— и сказать трудно. Талантъ поощряется лубочными иллюстраціями. Обидно и досадно становится за него. Живая душа, вѣдь, въ тюрьмѣ этой бьется. Даже еще хуже — не бьется, а примирилась съ нею, считаетъ мѣсто это лучшимъ на всей землѣ, а рясу свою и скуфейку — высшимъ счастіемъ... Понятно, если талантъ мало-по-малу заглохнетъ. Скоро эти грустные глаза погаснутъ, а живое, выразительное лицо, на которомъ постоянно смѣняются впечатлѣнія, приметъ сухую иноческую складку,— тогда и чистыя линіи рисунка огрубѣютъ, нѣжныя краски поблекнутъ, въ фигурахъ умретъ жизнь, а изъ художника, обѣщавшаго многое, выработается простой, шаблонный иконопи-

сецъ... Мнѣ плакать хотѣлось, глядя на этого брата Алексѣя, счастливаго, довольнаго своею темничною клѣткой. Силой бы вывелъ его отсюда!... Онъ избѣгалъ разсказывать о своей жизни, но я, поразспросивъ кое-кого, узналъ ея грустную повѣсть. Сынъ какого-то мѣщанина, онъ рано началъ обнаруживать дарованіе—не послѣднее. Дома его не понимали, мѣшали работать, били даже. Поневолѣ монастырская клѣтка, гдѣ кисть изъ рукъ отъ него не отнимали, кажется захирѣвшему художнику раемъ. Онъ тутъ и другія послушанія исполняетъ, когда его «благословятъ» на нихъ,—служитъ за трапезой «со униженіемъ». Эхъ, горькая ты судьба русскихъ талантливыхъ людей!... Горше твоей нѣтъ. И въ какихъ закоулкахъ развиваются иногда пышные цвѣты! Вотъ, напримѣръ, отецъ Наѳанаилъ. Онъ—отставной кавалерійскій солдатъ. Лѣтъ двадцать въ сѣдлѣ провелъ съ пикой въ рукахъ,—кажется, ужь до художества ли тутъ. А посмотрите, какіе образа пишетъ. Для заправскаго художника, разумѣется, плохо, но для него—лучше и требовать нельзя. Вы видите отсутствіе техники, незнаніе азбуки рисованія, но въ каждой мелочи сквозитъ дарованіе, артистическая искра такъ и бьетъ въ глаза... Этотъ тоже успокоился въ обители, обрѣлъ здѣсь тихую и мирную пристань и—счастливъ... Третій еще только начинаетъ работать.

— Что-жь вы дѣлаете, когда не работаете?... Читаете?

— Свѣтскія книги запрещены намъ. Читаемъ божественныя, больше размышляемъ.

— Молчимъ! Въ безмолвіи духъ питается...

— Кто молчитъ, тотъ не грѣшитъ.

— Грѣшить можно и помысломъ.

— А ты такъ умѣй молчать, чтобы въ тебѣ даже и помысла не было!

Мнѣ душно стало отъ этой формулы. Я готовъ былъ бѣжать сейчасъ же отсюда,—бѣжать куда-нибудь подальше, чтобы не видѣть этихъ могилъ, въ которыхъ гніютъ живые мертвецы. Нѣтъ, заживо схороненный хоть бьется, кричитъ, а эти примирились, не вопятъ и не борятся. Они удовлетворены обстановкою своего гроба; ихъ не пугаетъ, что съ каждымъ днемъ насыпь надъ ихъ могилами все растетъ и растетъ, плиты становятся все тяжелѣе и тяжелѣе... Пусть мать придетъ или сестра, пусть она заплачетъ надъ этими могилами,—живые мертвецы

станутъ слушать ихъ съ пренебреженіемъ: «вотъ-де, глупыя, суетныя!»

Не въ переносномъ смыслѣ, а въ буквальномъ становилось душно, и я ушелъ отсюда въ библіотеку, гдѣ заперто за стеклами шкаповъ до восьми тысячъ томовъ богословскаго, историческаго и техническаго содержанія. Есть и иностранные. Между книгами я замѣтилъ нѣсколько библіографическихъ рѣдкостей. Дамаскинъ на книги средствъ не жалѣлъ, и я здѣсь видѣлъ изданія очень дорогія. Ученые монахи, въ родѣ о. Пимена, пользуются библіотекой невозбранно, остальнымъ же некогда.

— Иноку работать надо... Какая тутъ книга, коли у него рубаха еще вся въ поту и руки отъ устали не двигаются!... Не до книжекъ... Опять же малоумнымъ быть куда выгоднѣе. Съ малоумнаго спросится меньше, чѣмъ съ высокоумнаго.

На стѣнахъ развѣшаны золотыя и серебряныя медали, полученныя Валаамомъ на различныхъ выставкахъ садоводства, и писанная старинным мастеромъ, маслянными красками, картина древняго Валаама, сооруженнаго шведами.

— Отъ книгъ и гибель вся!—дѣлился потомъ своими впечатлѣніями одинъ изъ тѣхъ монаховъ, съ которыхъ спросится мало.—Древле змій яблокомъ женъ соблазнялъ, на древа всползалъ для сего, а нынѣ онъ въ книги ядъ свой изливаетъ и черезъ книги хитроумныхъ мужей и сѣдовласыхъ старцевъ громогласно на пути нечестивыхъ ведетъ!...

— «Господи помилуй!»—вотъ единственная книга. Читай ее всегда и спасенъ будешь!

Въ Валаамской ризницѣ нѣтъ ничего мало-мальски замѣчательнаго.

— Все шведы ограбили, все они, люторы проклятые, разорили!

Много парчей, покрововъ, ризъ аляповатаго рисунка, гдѣ золото наляпано комьями. Далѣе, евангелія въ дорогихъ окладахъ, да на стѣнахъ картины—бесѣды Христа съ Никодимомъ.

— Это жидовскій князь! — тычетъ въ Никодима толстымъ и корявымъ перстомъ монахъ.—У насъ смотрѣть нечего,—удостовѣряетъ онъ еще разъ.

— А древности?

— И древностей нѣтъ. Кабы не люторы, были бы, а то—нѣтъ. Вотъ развѣ...

Онъ показываетъ громадные куски воску, почти почернѣвшіе, точно обломки толстыхъ бревенъ.

— Въ нутрѣ горы нашли. Надо полагать, старцы древле отъ шведовъ схоронили когда-нибудь и каменьями завалили. А сверху нанесло земли, лѣсъ выросъ... Зачѣмъ-то мы копать начали и нашли...

XXVIII.

Кладбище.—Не признанный исторіей, иже во святыхъ отецъ Магнусъ II Смекъ.

Глухо шумятъ тѣнистые вязы... Бѣлую стѣну обители всю заслонили они,—не видать ея вовсе за этою колышащейся зеленью. Тихо спятъ во блаженномъ успеніи иноки подъ безъименными плитами и однообразными, подернувшимися травой, насыпями. Тихо спятъ, прислушивался я, вовсе не гудутъ,— должно-быть пригрезилось тому монаху, что разсказывалъ мнѣ, какъ покойники молятся въ своихъ полуистлѣвшихъ гробахъ... Разбитый житейскими бурями и случайно приставшій сюда, странникъ даже позавидуетъ ихъ безмятежному сну. Корни цвѣтущихъ кустовъ проникаютъ къ нимъ, надъ ихъ насыпями щебечутъ птицы, стрекоза поблескиваетъ на солнцѣ своими сквозными крыльями, а ихъ, этихъ отдыхающихъ бойцовъ, не зоветъ никуда, не тянетъ... «Аще убо живемъ, Господеви живемъ; аще убо умираемъ, Господеви умираемъ» — и больше никакихъ сомнѣній. Сонъ безъ кошмара, сонъ безъ видѣній, безъ грезъ, безъ страстныхъ порывовъ къ прошлому невозвратному...

Какъ придешь сюда, такъ и чувствуешь желаніе хоть прилечь на чужой могилѣ... Такъ тихо, тихо на душѣ становится, точно все тамъ упало, все замерло и не шелохнется... Вода такъ иногда подъ солнцемъ заснетъ, даже борозда не бѣжитъ по ней.

На могилахъ—рѣдко, рѣдко гдѣ-нибудь имя... Большею частію насыпь или плита, а кто подъ ней—не извѣстно.

— Отецъ игуменъ говоритъ: зачѣмъ имя?... Кто что заслужилъ, тотъ то и получитъ. Крестъ у всякаго, а имя зачѣмъ? Твой есмь азъ, спаси мя!... Богъ знаетъ,—Онъ и разберетъ. А имени не надо.

Но вотъ нѣсколько плитъ подъ рядъ... Господи, все какіе старцы!... Говорятъ, что недостаточная, растительная исключительно, пища коротитъ вѣкъ, а непомѣрный трудъ и совсѣмъ убиваетъ. Приходится здѣсь убѣдиться, что все это—чистѣйшая чепуха. Не угодно ли:

Схимонахъ Михаилъ—80 лѣтъ.
Монахъ пустынникъ Аѳанасій—80 »
Схимонахъ Сергій—80 » изъ коихъ 60 провелъ на Валаамѣ.
» Серафимъ—83 »
» Ѳеоктистъ—74 »
» Киріакъ—80 »
» Авраамъ—95 »
Іеромонахъ Евфимій—70 »
» Боголѣпъ—84 »
Іеросхимонахъ Евфимій—60 »
Игуменъ Иннокентій—85 »

И всѣ эти старцы, изъ коихъ младшему 60 лѣтъ, улеглись рядомъ. Съ ряду я и взялъ ихъ. Гдѣ доживаютъ въ массѣ до такой глубой старости?

Надъ одной могилой отецъ Виталій остановился.

— Другъ былъ... Мірской!... Прибылъ сюда меня навѣстить и заболѣлъ... Сколь душа мятежная была,—жизнью отъ него такъ и вѣяло. Непосѣда, а теперь лежитъ, не двигается и ничего не ищетъ,—ничего ему не надо!... Только шесть сосновыхъ досокъ—и все готово!... Прощай, Иванъ Иванычъ, прощай! Жить бы тебѣ!... А вотъ тутъ лежитъ шведскій король. Пріялъ кончину праведную у насъ...

— Это и есть Магнусъ?

— Онъ самый.

Простая плита. Сверху шумитъ надъ этимъ, когда-то могучимъ, конунгомъ тѣнистый вязъ. Изрѣдка солнечный лучъ сквозь просвѣтъ вѣтвей скользнетъ на плиту и позолотитъ ее. Тѣни бѣгутъ по ней, какъ волны, которымъ ввѣрялся шведскій владыка. Стоило родиться далеко-далеко, всю жизнь провесть въ желѣзномъ шишакѣ и латахъ, цѣлые города заставлять склоняться къ своимъ ногамъ, чтобы въ концѣ концовъ попасть на Валаамъ, принять схиму и улечься подъ этимъ деревомъ, среди всѣхъ этихъ Боголѣповъ, Серафимовъ, Кириаковъ, Евфиміевъ... Неужели и ему, этому гордому сѣверному кондотьери, спокойно спится здѣсь подъ похоронные напѣвы иноковъ и тягучіе, густые удары колоколовъ?... Современные историки отрицаютъ достовѣрность этого событія, но легенда сама по себѣ столь поэтична, вѣра въ нее иноковъ такъ непоколебима, что и мы приводимъ ее здѣсь во всей ея наивной простотѣ.

Въ 1371 году, смѣлый конунгъ Магнусъ отправился на Ладогу раззорять русскіе предѣлы... Бранная потѣха шла первоначально съ успѣхомъ. По хмурымъ берегамъ хмураго озера пылали села и посады, кровь лилась рѣкою, стонъ стоялъ кругомъ «по всей округѣ». Оставалось одно — обратить въ пепелъ Валаамъ и истребить ненавистныхъ конунгу монаховъ, самыхъ упорныхъ представителей русской національности на этомъ отдаленномъ пунктѣ. Магнусъ отправился во главѣ множества лодокъ, но, не дойдя и половины пути, смѣлые пловцы были застигнуты бурей... Долго ихъ носило сумрачное Нево, долго било утлые струги бѣшеными волнами,—ни одинъ изъ спутниковъ конунга не спасся. Буря утихла... Монахи зачѣмъ-то шли по берегу, звуки какого-то священнаго стиха разносились въ тепломъ и спокойномъ уже воздухѣ... Вдругъ вдали показалось на водахъ пролива что-то необычайное. Подошли черноризцы поближе. Плыветъ доска, за нее уцѣпился еле-дышащій, весь растерзанный, почти уже мертвый человѣкъ... Бросились къ нему, вытащили изъ воды.

— Кто ты?

— Магнусъ II Смекъ, король шведскій.

Оказалось, его долго, нѣсколько дней, носили неугомонныя волны озера.

Старцы,—говоритъ лѣтописецъ,—въ несчастіи короля видѣли особый промыселъ Божій, призывавшій его въ свою ограду, какъ нѣкогда гонителя Савла. Мирныя кущи иноковъ, ихъ убѣжденія, воспоминанія горькихъ дней протекшей жизни сильно взволновали сердце Магнуса. Онъ самъ увидѣлъ въ своей судьбѣ перстъ Провидѣнія и рѣшился остатокъ дней провести въ обители, въ тихой пустынѣ. Онъ присоединился къ православію и съ именемъ Григорія принялъ св. схиму. Черезъ три дня король Магнусъ II Смекъ, въ иночествѣ схимонахъ Григорій, умеръ и монахи погребли его на своемъ кладбищѣ.

Теперь его почти забыли. Къ могилѣ—ни тропы. Трава кругомъ густая; трава заслонила даже наивную надпись на плитѣ. Какой-то черноризецъ-монахъ сочинилъ вирши, вырѣзанныя на плитѣ. Мнѣ о. Виталій указалъ на нихъ, какъ на чудо поэзіи.

— Тутъ богомолица была, она изъ Питера, даже плакала... горькими, горькими слезами... Такъ онъ ее, монашекъ-то нашъ, своимъ стишкомъ пронялъ. Вы запишите стишокъ. Стишокъ

хорошій, чувствительный. Сколь онъ до сердца пронимаетъ — и сказать невозможно!

Повинуясь ему, я записалъ... Вотъ это чудо валаамской поэзіи:

На семъ мѣстѣ тѣло погребено
Въ 1371 году землѣ оно предано
Магнуса шведскаго короля
Который святое крещеніе воспрія
При крещеніи Григоріемъ нареченъ
Въ Швеціи онъ въ 1336 году рожденъ
Въ 1360-мъ на престолъ былъ возведенъ
Великую силу имѣя и оною ополченъ
Двоекратно на Россію воевалъ
И о прекращеніи войны клятву давалъ
Но преступивъ клятву паки вооружился
Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился
Три дня и три нощи Богомъ хранился
Отъ потопленія былъ избавленъ
Волнами ко брегу сего монастыря управленъ
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ
Потомъ вмѣсто царскія діадимы
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы
Поживъ три дня здѣсь скончался
Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался.

Стихи во всякомъ случаѣ не дѣлающіе чести ни королю Магнусу Смеку, ни ихъ автору...

Монахи доказываютъ существованіе Магнуса въ ихъ обители могилой его. Они говорятъ: «для того, чтобы выдумать могилу, невозможно представить никакого разумнаго побужденія». Также они ссылаются и на то, что шведы, упорнѣе всѣхъ отвергающіе описанный фактъ, тѣмъ не менѣе не могутъ указать, гдѣ находится тѣло Магнуса. Сверхъ того существуютъ и чисто монашескія доказательства. Иже во святыхъ отецъ нашъ Магнусъ II Смекъ являлся во снѣ многимъ старцамъ и даже чухнамъ-мірянамъ, кои и притекали въ обитель свидѣтельствовать

истину. Такъ 1839 года двое финновъ явились къ о. Дамаскину и просили отпѣть панихиду надъ могилой Магнуса. Оказывается, одинъ изъ нихъ былъ боленъ и уже готовился къ смерти, когда въ сонномъ видѣніи предстали болящему два старца и вѣщали (вѣроятно, вольный переводъ съ финскаго):

«Молитва твоя услышана и по предстательству богоугоднаго короля шведскаго Магнуса возвращается тебѣ здравіе! Возстань, иди въ Валаамскій монастырь и тамъ надъ могилой сего богоугоднаго мужа воздай хвалу Господу».

Второй финнъ встрѣтился ему по дорогѣ въ обитель. Онъ, оказывается, тоже былъ исцѣленъ.

— Близь Господь сокрушенныхъ сердцемъ и смиренныхъ духомъ спасетъ!—замѣчаютъ по этому поводу монахи.

— Какже послѣ того не Магнусъ у насъ?—злобился простодушный о. Іона.—Кто же иной?... Великолѣпный старецъ въ сонномъ видѣніи о себѣ свидѣтельствуетъ, а ваши историки пишутъ, что его нѣтъ у насъ. Невѣры потому! Древле достаточно было и того, что въ рукописяхъ есть, а нынѣ и сіе отметаютъ. А вѣдь эти сонныя видѣнія превыше всякихъ аргументовъ.

По этому поводу мнѣ вспоминается одна старая родственница. Дама она была къ иноческому званію зѣло приверженная, выстаивала на молитвѣ по утрамъ и вечерамъ часа по три, не пропускала ни единой службы въ церкви и, отрицая всякихъ Аполлоновъ, признавала только одинъ типъ красоты—архіерейскаго пѣвчаго Смиренномудраго, коимъ зачастую въ скорбяхъ своихъ прилежно утѣшалась. Она тоже была одержима сонными видѣніями. Какіе-то шутники натолковали ей о святомъ мученикѣ Буцефалѣ и она въ ту же ночь увидала ликомъ пресвѣтлаго и въ райскія одежды облеченнаго Буцефала во снѣ. Онъ велъ съ нею сладкогласную бесѣду и въ концѣ концовъ повелѣлъ ей идти въ ближайшій къ ней монастырь отслужить о немъ панихиду. Довѣрчивая дама отправилась, а простодушный игуменъ, коего познанія въ древней исторіи ограничивались лишь воспоминаніями объ Иродѣ и еврейскихъ младенцахъ, ничто же сумняшеся, отслужилъ панихиду... И хотя потомъ шутники чистосердечно покаялись, но богомольная старуха знать ничего не хотѣла.

— Какіе вы невѣроятные,—говорила она.—Какже Буцефалъ могъ быть конемъ, когда я его собственными глазами видѣла съ осіяннымъ ликомъ и въ райскихъ одеждахъ?

Длинные ряды безъименныхъ холмиковъ, поросшихъ сочною травой. Кое-гдѣ покосившійся старый крестъ. Густые вязы и клены тихо колышатся надъ невѣдомыми могилами. Туча набѣжала и уронила нѣсколько слезинокъ, точно и ей стало жаль этой пустынной и скудной жизни, этихъ блѣдныхъ и ничѣмъ не оживлявшихся годовъ затворничества и лишеній... И опять солнце сіяетъ во-всю, и опять свѣтъ его дробится внизу на струйкахъ пролива, медленно покачивающаго одинокую шкуну. Когда мы устали и сѣли на одну изъ могилъ, я внимательно слушалъ, «какъ молятся и гудутъ покойники», но, увы, мнѣ «дано не было» и я только различалъ въ травѣ шорохъ разной мелкой твари, тоже пользовавшейся теплomъ и свѣтомъ только одному монашествующему старцу противнаго лѣтняго дня.

XXIX.

Инокъ побѣдоносный.—Чудо съ вратникомъ.

— Даже видѣть несносно, сколь высоко сей отецъ Ферапонтъ духомъ паритъ! Истинно крыла орліи даны ему.

— А что?

— Помилуйте, самые превознесенные генералы—и тѣ передъ нимъ смиряются. Тутъ въ обитель, гдѣ о. Ферапонтъ спасался прежде, одинъ пріѣзжалъ: изъ нѣмчиновъ онъ, но только нашу православную вѣру исповѣдуетъ. Сказываютъ, Татьяна Борисовна Потемкина изъ люторства его совратила. Три звѣзды на ёмъ. На шеѣ крестъ красный. Ходилъ онъ тутъ точно индюкъ-птица. Носъ кверху, плечи этакъ — съ головой вровень. Ну, только на о. Ферапонта наскочилъ, тотъ сего несноснаго генерала сверзилъ, и даже съ поношеніемъ.

— Съ какой стати?

— А съ такой, что въ домѣ Божіемъ не вздыбайся... Генералъ-то все на дыбки, индючкомъ,—ну, о. Ферапонтъ ему и говоритъ: ты что это сосудъ непотребный возносишься? Тотъ было на генеральство свое тыкнулъ, а Феропонтъ ему сейчасъ: ты царевъ генералъ, а я генералъ Божій,—слѣдовательно, всегда могу тебѣ внушить... А если въ непотребствѣ своемъ упорствовать станешь, то и наиболѣе жестокую ревность мою о Господѣ Всемогущій проститъ... Ты что, говоритъ, во храмѣ Божьемъ петеломъ стоишь?... Во храмѣ смиреніе подобаетъ, а не гордыня. Кабы

ты одинъ былъ, такъ тебѣ бы, дурачку, и простить можно,—ну, а при богомольцахъ прочей паствѣ соблазнъ...

— Что же генералъ-то?

— Да онъ сначала попробовалъ было пыжиться,—ну, о. Ферапонтъ ему: ты не раздражай меня, ибо я духомъ твердъ... Генералъ и смирился. Да оно и лучше. Вы какъ полагаете, о. Ферапонтъ не токмо здѣсь, онъ въ прежнемъ, гдѣ былъ, монастырѣ іерарха обличилъ. Митрополитъ пріѣхалъ,—ну, такъ онъ митрополиту во храмѣ... Я, говоритъ, тебя во имя Бога живаго... Зачѣмъ ты попа обидѣлъ?... А у нихъ вишь совсѣмъ задарма попа на смиреніе прислали. И попикъ-то самый скудѣльный, смирный попъ!... Другой бы никто за попа этого не вступился.

— Интересная личность вашъ Ферапонтъ.

— Да, любопытный отецъ. Побѣдоносный инокъ, воинствующій!... Ты какъ думаешь, разъ ему игуменъ про смиреніе напомнилъ. Что-жь, онъ палъ на колѣна, простеръ руки да и говоритъ: «я такъ смиреніе понимаю: пошли меня навозъ возить,—съ радостію пойду, всякое послушаніе исполню; а ежели ты что сотворишь не по заповѣди, при всей братіи обличу!» — Это на колѣшкахъ то... Умственно?

— Какъ съ нимъ познакомиться?

— Да онъ до мірянъ не охочь. Не то чтобы высокоумствовалъ передъ мірянами, а такъ,—не подобаетъ, говоритъ.

Самъ случай впрочемъ помогъ мнѣ.

Осматривалъ я какъ-то хлѣбную. Громадная квашня, въ которой съ удобствомъ могло бы помѣститься средной руки чиновничье семейство. Въ нее сразу опоражниваютъ два куля муки и четыре человѣка должны мѣшать тѣсто часа два. Затѣмъ изъ него дѣлаютъ тридцать хлѣбовъ, по тридцати фунтовъ каждый, и сажаютъ въ печь, которую можно сравнить со вратами адовыми... Купеческія маменьки спеціально привозятъ сюда пьянствующихъ соврасовъ лѣчить отъ запоя, который за этой квашней у нихъ «по́томъ выходитъ».

— И не бѣгутъ отъ васъ?—спрашиваю у спутника.

— Отъ насъ до срока не уйдешь,—кругомъ вода! — прогудѣло что-то позади, точно это заговорилъ громадный зѣвъ печи.

Оглядываюсь. Монашище—косая сажень, ростомъ Голіафу подобенъ. Этому и ослиной челюсти не надобно было бы, чтобы сокрушить филистимлянъ, а городскія ворота легко бы умѣстились у него на спинѣ.

— О. Ферапонтъ!—шепнулъ мнѣ мой спутникъ.

— Любопытствуете?—окинулъ онъ меня взглядомъ, не лишеннымъ нѣкоторой строгости.

— Да, хозяйствомъ вашимъ интересуюсь.

— Дивно устроилъ Господь храмъ свой... На голомъ камнѣ лѣса возрастилъ... Въ квасной нашей были?

— Нѣтъ.

— Тутъ близко. Вотъ поглядите, кстати братъ-квасникъ дастъ намъ кваску испить.

Громадныя, какія-то особенныя бочки, точно это погребъ циклоповъ. Взлѣсть наверхъ—надо лѣстницу приставлять. Холодный, прекрасный квасъ освѣжилъ послѣ сегоднешней жары...

— Нынѣ у тебя квасъ лучше!—одобрялъ Ферапонтъ квасника.

— Хорошъ. Какъ бы не перестоялъ.

— А что?

— Думали, богомольцевъ много будетъ, заготовили, а тутъ какъ разъ обитель гостями оскудѣла.

— Ну, ничего, и мы выпьемъ... Покушайте еще во славу Божію, вторительно!

— Нѣтъ, спасибо.

Мы выбрались опять на жару.

— Ширится Валаамъ точно младенецъ, выросшій изъ люльки: тѣсно ему, онъ и распирается локтями, а древо-то скрипитъ. Нужно ему нынѣ другую, обширнѣйшую, люльку-то... Это еще что за погреба!... Мы вотъ въ самомъ сердцѣ горы порохомъ вырвемъ, тогда будутъ настоящіе... А, отецъ Илларій!

Сѣденькій монахъ подошелъ къ воинствующему иноку. Оба сложили руки крестомъ на груди и, поклонясь смиренно, сначала коснулись праваго, а потомъ лѣваго плеча другъ друга головами. Изъ этого я заключилъ, что оба равны другъ другу, иначе младшій по мѣстному уставу поклонился бы первый, касаясь перстами земли...

— Христосъ посредѣ насъ!

— Есть и будетъ!

Размѣнялись они формальнымъ привѣтствіемъ.

— Ну, что, о. Илларій, все скорбишь?

— Да... мятусь... Духомъ не спокоенъ.

— Мать у него помираетъ... Она въ Серпуховскомъ монастырѣ, старица... Что-жь, ей подъ осьмой десятокъ пошелъ?

— Истинно.

— Ну, и пора къ Богу.

— Я не о томъ, а можетъ-быть въ эту самую минуту она зоветъ меня.

— И такъ обойдется... На томъ свѣтѣ встрѣтитесь, если достойны. А ты вотъ что—поди-ка да спокайся. На поклоны стань. Какъ изморишь себя, горе-то сейчасъ у тебя и пройдетъ, и не увидишь его.

Раскланялись опять и разошлись въ разныя стороны.

— Вотъ видите вратника этого? — показалъ мнѣ о. Ферапонтъ заскорузлаго послушника у воротъ.

— Вижу.

— Ну, такъ съ нимъ чудо было. И въ обитель по этому самому попалъ къ намъ.

— Вона!

— Вѣрно... Купецъ онъ въ Питерѣ былъ, богатый. Все бросилъ и къ намъ пришелъ. Запьянствовалъ онъ, видите ли, въ трактирѣ, а тутъ къ нему подсѣли двое... Познакомились. Вдарило ему въ голову. Денегъ съ собою было тыщи двѣ... Видятъ тѣ-то, что купецъ самъ къ нимъ въ неводъ плыветъ. Поѣдемъ, говорятъ, за городъ на тройкѣ. Такія мѣста есть, куда на тройкахъ ѣздятъ. Ну, онъ сейчасъ. Вали!... По дорогѣ-то они сняли съ него шубу, сюртукъ, деньги отняли, да на морозъ и выбросили. Шелъ онъ, шелъ; видитъ, не въ моготу,—холодно, изморился весь. Ѣдутъ извощики мимо, къ себѣ не берутъ,—думаютъ, мазурикъ какой. Наконецъ дошелъ онъ почти до Циммермановской фабрики... И ноги совсѣмъ что деревянныя стали, ложись въ снѣгъ—умирай... Тутъ купецъ и взмолился: Николай чудотворецъ, помози!... Только онъ сказалъ это, видитъ—передъ нимъ стоитъ лихачъ. Лошадь бѣлая, бѣлая, ярая... Копытомъ снѣгъ скребетъ. Сани дивныя—бархатъ, полость медвѣжья богатая... Садись, — говоритъ лихачъ... Однако, какъ купецъ ни усталъ, а побоялся, чтобы лихачъ съ него лишняго не взялъ,—такая уже въ купцахъ жадность сидитъ... А сколько стоитъ?—спрашиваетъ... «Садись скорѣй, конь не ждетъ»... Сѣлъ купецъ и сразу ему стало тепло,—сразу заснулъ онъ, и точно черезъ минуту оказался на своей улицѣ, хоть онъ, заснумши, лихачу адреса не сказалъ. Разбудилъ его лихачъ. Вставай!—говоритъ.—Ну онъ ему: погоди, сейчасъ деньги вышлю.—Выслалъ, а на улицѣ ни коня, ни лихача. Городовой около стоялъ.—Куда лихачъ

дѣлся?—Никакого лихача не было.—Вотъ оно какое чудо было!... Вы какъ насчетъ чудесъ, не отметаете?

— Нѣтъ.

— По современной модѣ чудесъ нѣтъ,—все машиной. У нихъ замѣсто угодниковъ-то Божьихъ кочегары вездѣ понасажены. Я одному разсказывалъ, тоже свѣтскому, господину, такъ онъ смѣяться началъ. Ну, я его тутъ малость поучилъ... Будетъ помнить невѣръ! Жаль, посоха не было, но я и перстами его...

При такихъ условіяхъ мудрено было не соглашаться съ о. Ферапонтомъ.

— Что-жь онъ?

— Потомъ прощенія просилъ. По глупости,—говоритъ... Ну, я что-жь?—я зла на немъ не помню, простилъ его. Богъ съ нимъ!

Нѣсколько спустя мнѣ удалось разговориться съ о. Ферапонтомъ.

— Мы—церковь воинствующая, а воинствующей подобаетъ сокрушать противляющихся. Мы—поставленники Божіи на землѣ,—слѣдовательно, должны всякое нечестіе обличать. И безъ того монашество въ загонѣ. Прежде что монахи были?—Къ царскому двору шли, самодержцамъ внушали о соблюденіи заповѣдей Господнихъ.

— Ну, и самодержцы тоже. Іоаннъ-то Филарета...

— Точно, Филаретъ убіенъ былъ; но это не должно останавливать... Не велика заслуга маломощныхъ нечестивцевъ обличать; нѣтъ, пусть твое слово громомъ грянетъ надъ великими земли. Пусть они, на верху горы стоящіе, всемогущіе, твоего испытующаго ока боятся. Иди смѣло, на смерть иди, вѣщай правду и—добро тебѣ будетъ... Слышали, что сказано: монахи—свѣтильники, а мы нынѣ тускло свѣтимъ. Плюнь—погаснемъ. Древній монахъ—босой, звѣроподобный, тлею поѣдаемый—шелъ во обличеніе, и ему внимали. А нынѣ что мы?—Чревоугодіе и сластолюбіе громимъ... А развѣ въ чревоугодникахъ, да въ сластолюбцахъ зло, развѣ на нихъ земская неправда зиждется?... Народу жрать нечего, а мы чревоугодниковъ распинаемъ!... Католики въ семъ случаѣ далеко ушли. Они предъ князьми и владыками не смущаются, ибо они сами князи Бога живаго, намѣстники Его на землѣ. Имъ даже смиренныя одежды сіи не особою заслугою кажутся, потому намѣстники Господа великолѣпнаго и сами великолѣпны

должны быть. Нѣтъ пурпура достойнаго ихъ украсить, діадимамъ ихъ подобаетъ каменіе драгоцѣнное... Дабы народъ видѣлъ и благоговѣлъ. У нихъ цѣлесообразно все это направлено. И обличаемъ мы какъ?—Болѣе во области воздушныя возлетаемъ... Нѣтъ, мы въ него, въ обличаемаго-то, при всей паствѣ перстомъ уткнись. Выведи впередъ, лицомъ поверни, чтобы всѣ видѣли, сколь онъ гнусенъ. Это—обличеніе!... Слово не поможетъ, заушеніемъ испытуй. Иного заушеніе въ себя приведетъ и смиритъ. Какъ съ строптивыми дѣтьми. Тогда и порядокъ будетъ. У насъ тутъ инокъ изъ городовыхъ есть, такъ онъ иначе не можетъ. Чуть что, сейчасъ въ ухо. А по-моему онъ о Господѣ это ревнуетъ. Меня вонъ изъ трехъ монастырей выжили, а я все духа своего не теряю... Живъ Богъ—жива душа моя!... Вы изволите знать въ Москвѣ генеральшу ***?

— Нѣтъ.

— Гунявая такая, но при всей гунявости своей жестоковыйна. Ну, такъ я ее при всемъ генералитетѣ въ этой самой гунявости обличилъ. Сколько особъ ипостасныхъ кругомъ было, а я перстомъ въ нее уткнулъ, да все на чистоту и выложилъ: какъ она сиротъ своихъ ограбила, достояніе ихъ на блудниковъ стравила, какъ она дѣвицу, дочь свою, за стараго, за гнилаго сластолюбца выбросила... Она было вскипятилась: я, кричитъ, княгиня. А я ей: наплевать на твое княжество, коль ты грѣхомъ руководствуешься. Ты думаешь, княжество—легкій это санъ? Онъ тоже обязываетъ ко многому. И коли по настоящему судить, такъ тебя и съ княжествомъ твоимъ прямо на живодерню слѣдуетъ!...

— Ну, и что-жь она?

— Съѣла!... Потомъ за это съ меня мантію сняли... Но мнѣ еще радостнѣе было, потому я духомъ ликовалъ... При всей паствѣ и братіи мантію сняли!

— Какъ же объяснили,—за что?

— За неукротимость.

— Спаси его Богъ, сколь сей старецъ ревностенъ!—говорили о немъ другіе монахи.—Здѣсь-то ему настоящаго простора нѣтъ. О. Ферапонта воевать бы отправить,—онъ бы тамъ себя показалъ, какой онъ есть!

XXX.

Желѣзняки.—Жертва вечерняя.

— Вы, вѣдь, любите дикую природу?

— Еще бы!

— Ну, такъ я вамъ сегодня покажу такія мѣста, которыя надолго останутся у васъ въ памяти,—предложилъ мнѣ о. Пименъ.

Лошадь вскорѣ была готова. Дорога идетъ чернолѣсьемъ. Дичь и глушь кругомъ. Птица непуганная,—сидитъ и съ мѣста не шелохнется при нашемъ приближеніи. Заяцъ выскочилъ изъ чащи на дорогу, замеръ было на мгновеніе, перевелъ ушами и, отойдя въ сторонку, долго провожалъ насъ, недоумѣвая: откуда это?

— У насъ звѣрю снисхожденіе. На волѣ гуляетъ. Еще по крайнимъ островамъ поганцы чухны тайкомъ бьютъ его,—ну, а тутъ онъ испоконъ вѣка не слышалъ ружья. Тутъ у насъ звѣрь приверженный, ласковый... Олень грудно ходитъ, иногда къ самой обители подойдетъ. Воръ только олень,—сѣна не оставляй, на рогахъ разнесетъ. Не столько онъ поѣстъ, сколько разнесетъ.

Лѣсъ добѣжалъ до пролива, а переднія деревья даже внизъ наклонились, точно дно высматриваютъ, нельзя ли на ту сторону перейти вбродъ. Черезъ проливъ насыпной каменный мостъ. Въ одномъ мѣстѣ его разрушило бурей. Завалили гранитомъ да булыжникомъ озеро—и вся недолга. Нѣсколько напоминаетъ это сооруженіе перешеекъ, устроенный соловецкими иноками отъ своего острова къ Муксальмѣ; у соловчанъ только мостъ гораздо грандіознѣе.

— Кто строилъ?

— А инокъ у насъ есть, о. Михей. Для обители потрудился. Онъ же и ту часть, что разводится, сдѣлалъ. Умный инокъ. Какъ Господь его вразумилъ, поди-ко!... А напередъ того ничего не строилъ.

— Откуда же свѣдѣнія у него взялись?

— Да вы, вѣдь, въ наитіе не вѣрите. А тутъ снизошло,—ну, и воздвигъ.

— Какое же наитіе, помилуйте?

— Странные люди вы! Поэтъ у васъ имѣетъ право на вдохновеніе... Оставьте за инокомъ такое же право на наитіе. Можно и научно объяснить: при извѣстной религіозной возбужденности и желаніи принесть пользу обители является мысль, а для исполненія ея—энергія. Ну, да что!...

— Не объясните ли вы, что это за странная судьба выпадаетъ русскому таланту? Тѣ же отцы Аѳанасій, Михей, ваши строители-механики, въ мірѣ бы дальше простаго рабочаго не пошли, а тутъ, Богъ знаетъ, откуда у нихъ геній является...

— Тутъ нѣтъ надъ ними никого. Они свои между своими. Въ міру имъ на хозяйское работать приходится, а здѣсь на самихъ себя. Въ міру ради хлѣба насущнаго, потому и изморь, а тутъ пища готовая,—шевели мозгами, измышляй. Всякій помыселъ твой при этомъ заслуга передъ Господомъ. А главное—онъ тутъ равный между равными. Не гнететъ его ничто. Десятника у него нѣтъ,—совѣсть десятникомъ. Чуть ему мысль хорошая пришла, сейчасъ и средства для ея выполненія дадутъ. Гдѣ онъ, простой работникъ, въ міру возметъ эти средства, какой ему хозяинъ дастъ ихъ?... Опять же здѣсь духъ окрыляется. У васъ онъ по землѣ стелется, ползкомъ, а тутъ во всю высь. Свѣта да простора ему въ волю...

Въ дѣйствительности ужасная судьба—для того, чтобы дать возможность проснуться и развиться дремлющимъ въ тебѣ силамъ: отрекись отъ семьи, отъ жизни, ото всего, чѣмъ этотъ міръ хорошъ и красенъ, и иди за темничные затворы монастыря. И сколько по нашимъ обителямъ такихъ талантовъ!... Стóитъ вспомнить отцовъ Іоанна, Антонина, а это вѣдь только тысячная часть. Точно жизни не нужна ихъ энергія, дарованія,—точно жизнь можетъ обойтись безъ нихъ...

— Вотъ и Желѣзняки наши.

Изъ моря поднимаются массы гранитныхъ плитъ. На нѣсколько верстъ тянутся онѣ извилистою стѣною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ стоятъ отвѣсами, въ другихъ скалы осыпались и точно отъ старой, обвалившейся крѣпостной башни обломками легли далеко въ озеро... Прибой бѣсится между ними, взмыливаетъ бѣлую пѣну чуть не до зубцовъ этихъ первозданныхъ стѣнъ. Точно изъ тесаныхъ камней выложены эти стѣны. Вѣка давно уничтожили цементъ, скрѣплявшій ихъ, и каждый камень величиною въ утесъ отдѣлился отъ другаго замѣтною черною щелью.

Мы плывемъ вдоль этихъ сооруженій, надъ которыми тысячами лѣтъ работали разныя плуто-нептуническія силы. Надъ нами неистово разорались гагары, бѣлыя чайки рѣютъ въ прозрачномъ воздухѣ надъ самою кипѣнью прибоя. Направо—такой же расколовшійся, такой же каменный островъ — Дивный... Когда мы

нѣсколько повернули направо, все это развалившееся городище стало еще грандіознѣе.

Старыя сказанія невольно приходили на память. Мелькали въ головѣ картины Содома и Гоморры, побитыхъ небеснымъ огнемъ. Воображеніе рисовало перспективы громаднаго города гигантовъ, когда-то, десятки тысячъ лѣтъ тому назадъ, гордо возвышавшагося здѣсь изъ бѣшенныхъ волнъ безбрежнаго Нево... Невѣдомо, за что городъ былъ затопленъ ими. Не отъ ветхости развалился, а застигнутъ дивнымъ катаклизмомъ чего-то содрогнувшейся природы. Море залило основанія этихъ стѣнъ, подножія этихъ дворцовъ; длинными проливами ворвалось оно въ пустынныя улицы, внутренними озерами наполнило безлюдныя площади и спокойно плещется тамъ, само давно позабывъ о своей стародавней побѣдѣ... На цѣлыя версты тянутся эти развалины. Вѣтромъ нанесло на ихъ иззубренныя вершины землю, а за землю уцѣпились корни сосенъ... И самыя сосны эти давно уже постарѣли, нахмурились и наклонились съ своей высоты надъ озеромъ.

Крики гагаръ, шумъ прибоя, отдаленный гулъ зеленыхъ вершинъ. Мы пристаемъ къ Желѣзнякамъ.

Старый, сѣдой монахъ идетъ-колышется намъ на встрѣчу. Глаза уже давно не щурятся на свѣтъ... Руки дрожатъ, ноги ходуномъ во всѣ стороны.

— Кто тутъ?

Точно старый волшебникъ вышелъ къ намъ на своемъ безлюдномъ островѣ. Онъ такъ привыкъ къ непроглядному мраку чернаго грота своего въ самомъ сердцѣ гранитной горы, что съ трудомъ различаетъ вмѣсто людей какія-то смутныя тѣни. И зачѣмъ тутъ люди?... Они только мѣшаютъ вѣчному торжественному таинству его уединенія.

— А, о. Филимонъ!... Гостя привезъ къ вамъ, въ Авраміевъ скитъ.

— Гостя?... Зачѣмъ гостя?... Какой гость?... Мірской?

Монахъ воззрился на меня, но, очевидно, ничего не разсмотрѣлъ. Пятномъ я ему казался. Кстати подошла другая братія. Всего живутъ здѣсь трое отшельниковъ, среди тяжелаго молчанія утесовъ и гнетущаго говора волнъ. Отсюда даже и судовъ проходящихъ мимо не видать,—не плывутъ они этою сторонкой,—и ничей парусъ не серебрится подъ солнцемъ на спокойномъ просторѣ Ладоги.

— Какая тоска здѣсь!—невольно вырвалось у меня.

— Пустынникамъ и отшельникамъ здѣсь чудесно.

— Что-жь хорошаго?

— Потому надъ ними промыселъ Божій зритъ перстовидно и свѣтло!... Тутъ точно ты всегда въ алтарѣ находишься. Такое чувство проникаетъ тебя, будто и днемъ и ночью пастырь незримый надъ тобою безкровную жертву возноситъ.

Золотая чаша этой безкровной жертвы не заставила себя ждать. Ярко ослѣпляя насъ, опустилась она на западѣ въ море, гдѣ совершалось въ это время священнодѣйствіе умиравшаго и пріобщавшагося дня. День умиралъ долго, долго боролся онъ со смертью — голубою смертью сѣверной ночи, пока безсильно не закрылъ свои мало-по-малу тускнувшія очи. Островъ Дивный въ сумеркахъ выдвигался вдали какою-то непривѣтною, грозною массой.

— Отецъ Дамаскинъ на этотъ Дивный островъ хотѣлъ отшельника совсѣмъ одинокаго посадить.

— Что-жь помѣшало?

— Да не созрѣлъ еще отшельникъ... Не откуда снять его покуда. А хорошо!...

Тогда островъ сталъ бы совсѣмъ могилой для живаго трупа.

— Скажите, къ такому отшельнику никого бы не допускали?

— Никого и никогда.

— Ну, а еслибъ онъ заболѣлъ?

— Что-жь... Недужный, въ одиночествѣ, тутъ-то онъ и узнаетъ персть Божій, тутъ-то онъ и узритъ Бога, заботящагося о немъ или карающаго его.

Что-то до нельзя страшное было въ этомъ погребеніи живаго на гранитной глыбѣ. Лѣсъ, гагары и камень. Небо — вверху, шумныя волны—внизу... И больше никого и ничего. Воображаю, съ какою тоской бродилъ бы онъ по крутымъ и хаотическимъ осыпямъ этого берега, съ какимъ отчаяніемъ вглядывался бы въ пустынныя дали!... Не занесетъ ли судьба кого-нибудь, не послышится ли гдѣ-нибудь человѣческое слово, хоть на чужомъ ему языкѣ, хоть совсѣмъ непонятное... И чего же удивляться, если утомленному безмолвіемъ слуху стало бы грезиться, утомленному однообразіемъ скалъ и лѣса глазу—чудиться... И если пустыня населяется духами свѣта и духами тьмы,—если самъ Богъ, грозкнига т. 9

ный и великолѣпный, сходить съ своего недоступнаго трона на эти утесы,—если заживо схороненный отшельникъ станетъ бесѣдовать съ созданіями своего больнаго воображенія,—онъ созрѣетъ, онъ будетъ готовъ, содѣйствуя какъ нельзя лучше иноческимъ цѣлямъ... Тогда его возьмутъ, тогда его будутъ показывать, и духовидецъ, являясь передъ здоровыми людьми, заразитъ и ихъ своимъ убѣжденнымъ помѣшательствомъ. По его слѣдамъ пойдутъ другіе галлюцинаты и такимъ образомъ черноризцы станутъ похваляться съ спокойною совѣстью, что чудеса не оскудѣли, что у нихъ на каждомъ мѣстѣ святые являются живымъ и церковь воинствующая въ-явь сообщается съ церковью торжествующею... Больной, одинокій отшельникъ, вліяя на умы, станетъ со своего безлюднаго утеса тысячи видѣній посылать къ вѣрующимъ ему людямъ!... Фантомы смутныхъ призраковъ будутъ носиться вмѣстѣ съ вечерними туманами надъ этою гранитной твердыней,—въ голосѣ бури они заплачутъ и засмѣются ему, въ шумѣ волнъ и говорѣ лѣса станутъ прорицать грядущія тайны. И когда, сгорѣвъ отъ нечеловѣческой борьбы, отшельникъ умретъ въ одномъ изъ черныхъ гротовъ своего острова Дивнаго,—онъ не погаснетъ въ памяти людей,—онъ долго будетъ тревожить ихъ сонъ, долго будетъ являться имъ во-очію, въ уединеніи одинокихъ послушаній, то среди скалъ такого же уголка, то въ чащѣ чернаго лѣса, подъ унывную пѣсню дрозда, подъ тихое дыханіе, лѣниво пробѣгающее по вершинамъ лѣса...

XXXI.

Иноческая драма.

— Тутъ вотъ скитъ купца Тюменева есть у насъ.

Мы вошли. Нѣсколько чисто содержимыхъ келлій, древнія иконы любопытнаго письма, чудной работы святцы въ видѣ скрижалей. Разсматривая ихъ, я вспомнилъ художественное описаніе такихъ же, сдѣланное г. Лѣсковымъ въ его «Запечатлѣнномъ ангелѣ». Миромъ и тишиною вѣетъ здѣсь. Заснуть, замереть хочется на время. Энергія падаетъ, умъ перестаетъ работать...

Здѣсь, въ Авраміевомъ скитѣ, долго жилъ одинъ молодой послушникъ, сынъ милліонера-купца, извѣстный на Валаамѣ своимъ раннимъ благочестіемъ и своею трагическою судьбою.

Назовемъ его хоть Тимановымъ.

Росъ онъ въ фанатической семьѣ, подъ вліяніемъ богомольной матери, вѣчно окруженной странниками, странницами, монахами, инокинями. Ни одного живаго слова не слышалось кругомъ и молодое воображеніе, еще только-что окрылявшееся, было занято всевозможными таинственными явленіями, чудесами, разсказами о суровомъ подвижничествѣ, о лишеніяхъ, гдѣ духъ человѣческій являлся побѣдителемъ даже надъ природой... Въ томъ возрастѣ, когда отрокъ, уединяясь отъ товарищей, мечтаетъ о кругосвѣтныхъ плаваніяхъ, о приключеніяхъ подъ горячимъ южнымъ солнцемъ, о дивахъ тропической природы, о царствѣ науки, въ которое онъ войдетъ полноправнымъ гражданиномъ, о кровопролитныхъ битвахъ, о тріумфахъ, о склоняющихся передъ нимъ знаменахъ, наконецъ о чудномъ, но пока еще смутно намѣчивающемся образѣ любимой женщины,—Тимановъ въ затхлой, закупоренной отъ всего свѣта, пропитанной дымомъ ладана и запахомъ кипариса спальнѣ своей матери только и грезилъ о сожженныхъ небомъ пескахъ и пустыняхъ Палестины, о дебряхъ Валаама, гдѣ, въ вѣчной тишинѣ и уединеніи, спасаются отъ козней міра святые старцы, о безлюдныхъ островахъ Сѣвернаго океана, гдѣ въ самомъ царствѣ мертвящаго мороза можно поставить новыя обители... Этотъ восторженный отрокъ уже отъ души ненавидѣлъ міръ, міръ ему невѣдомый, только мелькомъ свѣтившій своими грѣховными соблазнами сквозь просвѣты вѣчно опущенныхъ занавѣсей душнаго дома родительскаго. Несчастный мальчикъ воображалъ себя въ черной мантіи схимника, съ бѣлыми крестами и бѣлыми черепами, нашитыми на грудь, съ страшными глаголами отреченія отъ всего, что дышетъ и чувствуетъ, обвивающими вязью его голову... Ему ненавистенъ былъ блескъ молодыхъ глазъ, сила выхоленнаго на купеческихъ кормахъ тѣла.... Ему хотѣлось, чтобъ эти глаза скорѣе потускли, загноились, заслезились, чтобъ его щеки ввалились и стали землистыми, чтобы роскошныя кудри жидкими серебряными прядями обрамляли измученное лицо, чтобы руки его стали немощны, ноги слабы... Короче, идеаломъ являлись тѣ самые странники, которыхъ почтительно, подъ руки, съ глубокимъ благоговѣніемъ вводили въ комнаты его матери,—тѣ самые старцы, которыхъ слова казались всѣмъ, его окружающимъ, глаголомъ самого Бога живаго... Даже во снѣ онъ не былъ молодъ, этотъ зачумленный юноша. Онъ не просыпался съ краскою на лицѣ, съ сверкающими глазами, съ порывисто-дышащею грудью... Вскакивая съ

постели, онъ не всматривался недоумѣвающимъ взглядомъ въ ночную тьму, ожидая увидѣть въ ней другія, зовущія очи... Для него въ воздухѣ весны не былъ растворенъ поцѣлуй любимой женщины и теплый вѣтеръ мая не будилъ въ его сердцѣ цѣлаго роя еще неуловимыхъ, но уже сладкою истомой охватывающихъ ощущеній. И во снѣ ему являлось все то же призрачное царство подвижниковъ, та же мати зеленая пустыня звала его къ себѣ, въ свои затерянныя кельи, тѣ же сухія иконописныя лица наклонялись къ его изголовью... А когда онъ просыпался, ему казалось, что въ душномъ воздухѣ его спальни еще вздрагиваютъ послѣднія отзвучія похороныхъ молитвъ... При тускломъ свѣтѣ лампадъ, замирающихъ передъ почернѣлыми иконами, лица святыхъ принимали грозное выраженіе и Тимановъ, вскакивая съ постели и рыдая, простирался передъ ними ницъ.

Въ такой средѣ росъ будущій подвижникъ.

Четырнадцати лѣтъ онъ невѣдомо куда скрылся изъ отцовскаго дома.

Искали, искали—не нашли: Тиманова въ Петербургѣ не было. Только черезъ недѣлю пришло письмо отъ славнаго уже тогда игумена валаамскаго, о. Дамаскина. Онъ извѣщалъ отца, что юноша, прибывъ въ обитель, облекся въ одежды послушника, изъявилъ желаніе остаться навсегда въ монастырѣ и рѣшительное намѣреніе не возвращаться въ міръ, причемъ просилъ самыхъ жестокихъ послушаній. О. Дамаскинъ видѣлъ въ этомъ перстъ Божій. Для опредѣлившагося фанатика-монаха тутъ уже не могло быть вопросовъ и колебаній. Призваніе къ подвижничеству сказывалось, да притомъ же Тимановъ-отецъ—милліонеръ и можетъ быть полезенъ обители. Дамаскинъ зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Въ этой средѣ слово его было властно—и юноша остался на Валаамѣ. Иноки дѣятельно занялись приготовленіемъ будущаго подвижника: Тиманова помѣстили на островъ Іоанна Предтечи къ Молчальнику и юноша сразу попалъ въ тотъ заколдованный кругъ вѣчнаго безмолвія, облитыхъ слезами молитвъ и борьбы съ жизнью, прорывавшейся сквозь всѣ поры его организма,—въ тотъ душный, затхлый міръ, о которомъ онъ такъ давно и такъ неотступно мечталъ.

Проходили мѣсяцы.

Кругомъ шумѣло бурное озеро. Тучи небесныя порою посѣщали отшельниковъ, подолгу застаиваясь на ихъ утесахъ. Непогоды громовыми раскатами бесѣдовали съ суровою пустыней.

Въ таинственной чащѣ лѣса, въ шумѣ тихаго вѣтра, въ шепотѣ листьевъ слышались чудесные голоса. Въ сумракѣ, густившемся между старыми стволами вѣковыхъ сосенъ, въ туманѣ среди утесовъ мелькали какіе-то силуэты, проступали и снова расплывались блѣдныя лица... Юноша жилъ въ чудесномъ, сказочномъ мірѣ, и когда по ночамъ оставался онъ въ темной, ни одною лампадкой не озаренной церкви, такой же убогой, какъ убога была сама пустынь, — ему мерещилось, что за окнами сошлись и глядятъ на него тысячи призраковъ. Одинъ передъ лицомъ ихъ, онъ свидѣтельствовалъ славу Божію, и призраки съ печальнымъ воемъ улетали отъ вѣщихъ словъ грознаго заклятья. Отрокъ уже повелѣвалъ ими—страшными созданіями своего больнаго мозга. Скоро самыя стихіи станутъ ему повиноваться, и когда онъ простретъ руку, бурное озеро смолкнетъ у отвѣсныхъ береговъ, туча замретъ на небѣ, вѣтеръ упадетъ на земь, какъ подстрѣленная птица, а громовой раскатъ оборвется на полутонѣ... Возбужденный во время бури, съ поднявшимися дыбомъ волосами, онъ выбѣгалъ на гору изъ своей кельи и, простирая къ небесамъ руки, говорилъ Богу, а когда бѣлый зигзагъ молніи прорѣзывалъ тьму, ему чудилось въ огнистой струѣ знаменіе, а въ грохотѣ бури—откровеніе.

Проходили годы.

Разъ отецъ Тимонова пріѣхалъ сюда. Онъ хотѣлъ съѣздить къ святымъ мѣстамъ поклониться гробу Господнему. Старикъ пожелалъ взять сына съ собою. Опытный, все это переживший, черноризецъ Дамаскинъ убѣждалъ его не дѣлать этого,—онъ боялся за восторженнаго послушника, который еще не окостенѣлъ, не замуровалъ своей души, не покрылся черною броней иноческаго бездушія... На помощь отцу пришелъ и сынъ. Въ его воображеніи уже легла въ безконечную даль выжженная солнцемъ Палестина, каменныя скалы Виѳлеема и Назарета рисовались лиловыми тѣнями на желтыхъ пескахъ ея. Священныя стѣны Іерусалима вотъ-вотъ передъ нимъ. Онъ, казалось, самъ уже попиралъ эту землю, гдѣ Богъ являлся человѣкомъ и человѣкъ Богомъ, гдѣ говорили камни, гдѣ въ каждомъ кустѣ, въ каждой купинѣ чудилась скрытою какая-то священная тайна...

Тимоновы поѣхали.

Востокъ на Тимонова не произвелъ ожидаемаго впечатлѣнія.

Онъ видѣлъ, что религія тамъ стала торговлей, чудеса и священные остатки прошлаго—товаромъ, жрецы и монахи—куп-

цами, богомольцы—эксплуатируемыми покупателями. Онъ всюду на самыхъ святыхъ мѣстахъ, гдѣ сердце его билось живѣе, а глаза застилались слезами дивныхъ воспоминаній, видѣлъ безнаказанное мошенничество, подлогъ и вымогательство... Отчего молчатъ громы небесные? Гдѣ та сила, которая нѣкогда огненнымъ дождемъ истребила менѣе виновные города Содома и Гоморры?... Первое сомнѣніе родилось у Тиманова, у этого восторженнаго мальчика, тамъ, гдѣ бы, напротивъ, его благочестіе должно было окрѣпнуть и вырости.... Вмѣстѣ съ отцомъ Тимановъ вернулся въ Кіевъ. Тутъ ему пришлось встрѣтить брата, окончившаго курсъ за границею. Это оказался реалистъ до мозга костей, умный діалектикъ, знающій, начитанный. Понятно, какія отношенія должны были развиться между нимъ и мистикомъ, еще не рѣшавшимся снять свою скуфейку.... Послѣднимъ вѣрованіямъ его, еще незыблемо стоявшимъ въ душѣ, были нанесены умѣлою рукою роковые удары... Все въ Тимановѣ пошатнулось, туманъ вокругъ сталъ еще гуще. Гдѣ истина, гдѣ ложь?... Пути перепутались. Даже ощупью нельзя было двигаться въ этомъ лабиринтѣ, въ этомъ хаосѣ старыхъ грёзъ, колеблющейся вѣрѣ, вошедшихъ въ кровь и плоть привычекъ, жажды экстаза, созерцанія и бѣшенаго вихря сомнѣній, сметавшаго на своемъ пути все, что ему попадалось, и оставлявшаго за собой одну страшную, ничѣмъ не наполненную пустоту... Знаній не было, прошлое не создало никакихъ иныхъ идеаловъ и когда развѣнчанные идолы упали, оставшійся посреди развалинъ мистикъ не зналъ куда ему уйти, что дѣлать, къ чему привязаться. Отца Дамаскина подъ руками не было, да едва ли и онъ что-нибудь бы сдѣлалъ. Тутъ боролись не его оружіемъ, — реальныя истины вставали лицомъ къ лицу съ призраками и темная ночь смѣнилась зловѣщими сумерками, въ которыхъ оказалось еще труднѣе разобраться. Они были настолько именно ясны, чтобы видѣть кругомъ скрытыя ночью опасности, но не настолько свѣтлы, чтобъ указать путь спасенія, выходъ.

А тутъ жизнь и молодость взяли свое.

Женскія очи такъ горячи и блестящи, улыбка такъ заманчива, грѣшное тѣло такъ прелестно и полно нѣги... Жизнь послѣднимъ весеннимъ разливомъ затопила все, что еще оставалось въ душѣ отъ стараго. Всѣ плотины были сломаны и снесены прочь; полною грудью влилась вода въ тщательно охранявшіяся ими низины... Купеческій разгулъ довершилъ остальное. У

милліонера оказалась масса друзей; день за днемъ, какъ снѣжинки въ метель, неслись головокружительною вереницей. Очнуться было некогда.

Да Тимановъ и не хотѣлъ очнуться.

Такъ шло не знаю сколько времени.

Онъ ничему не умѣлъ отдаваться въ половину: какъ въ мистицизмъ онъ ушелъ съ головою, такъ теперь онъ нырнулъ на самое дно водополья. Понятно, что старое должно было сказаться. Когда все кругомъ надоѣло, когда наступили трудные моменты пресыщенія, въ туманѣ рисовались прежніе идолы. Старыя капища вспоминались и молодой язычникъ въ суевѣрномъ страхѣ бѣжалъ отъ нихъ опять въ разгулъ, въ развратъ, въ безшабашное прожиганіе жизни... Но прежнее возвращалось все чаще и чаще... Голоса, которые когда-то живо говорили душѣ, опять стали слышаться. Въ безсонныя ночи ему чудился таинственный мракъ убогой церкви одинокаго скита, — церкви, окруженной когда-то побѣждавшимися имъ призраками. Передъ глазами рисовались величавыя скалы Іоанна Предтечи, облитыя его слезами, слышавшія его восторженную молитву... Кругомъ мелькали укоризненныя лица молчальниковъ и схимниковъ. Застоявшійся воздухъ вздрагивалъ и долго трепеталъ отъ чьего-то грознаго и неумолимаго проклятія. Бѣжать назадъ — туда, въ этотъ старый Валаамъ,—бѣжать, броситься на колѣна передъ Дамаскиномъ, вымолить прощеніе, опять уединиться на одинокую скалу среди пѣнистыхъ волнъ... Но тутъ являлись сомнѣнія, поколебавшія его вѣру,—новыя истины, чуждыми пришельцами вошедшія въ его опустѣвшее и равнодушное къ нимъ сердце... Куда дѣваться, гдѣ выходъ?... Душа билась, какъ свободолюбивая птица въ клѣткѣ.

Конецъ можно было предвидѣть недобрый. Никто кругомъ не понималъ этого,—не такова была среда.

Измученный окончательно и безповоротно сбившійся со всѣхъ путей, усталый Тимановъ въ одну безсонную ночь застрѣлился. Чтобы покончить со всѣми этими муками, нужно было насквозь пробить черепъ.

Валаамскіе иноки, получивъ краткую телеграмму объ этомъ печальномъ событіи, даже панихиды не отслужили по немъ.

— О самоубійцахъ молиться нельзя—грѣшно.

— Самимъ Богомъ проклятъ онъ былъ достойно и праведно.

— Почему же проклятъ, за что?

— Кто, разъ войдя въ обитель, оставитъ ее, тотъ проклятъ во вѣки и молиться за него не подобаетъ. Хуже Іуды онъ!—и высокій, сухой монахъ, говорившій со мною, поднялъ руку, точно онъ хотѣлъ еще разъ предать несчастнаго анаѳемѣ.

— Жаль малаго,—говорятъ болѣе добросердечные иноки.— Какой богомольный былъ, послушный!...

— О. Дамаскина болѣе чѣмъ родителя почиталъ. Сколько на обитель жертвовалъ! Истинно, рука не оскудѣвала.

— Свободы хотѣлъ... А теперь былъ бы у насъ іеродіакономъ,—вздохнулъ простодушный о. Виталій.

Желѣзняки еще сумрачнѣе показались намъ послѣ этого эпизода.

Возвращаясь назадъ, мы свернули въ сторону. Добрый о. Пименъ хотѣлъ показать мнѣ красивыя озера. Ихъ два, отдѣленныя узкимъ гребнемъ въ двѣ сажени ширины. Тишина кругомъ мертвая. Птица не шелохнется, не дрогнетъ вѣтка. Вода неподвижна. Въ вечернемъ сумракѣ оба озера точно закутались въ облака кудрявыхъ березъ и спятъ. Пусть будетъ тихъ и его сонъ — бѣднаго мученика, не нашедшаго послѣ своей ранней смерти даже слова молитвы...

На одномъ изъ поворотовъ пути олень мелькнулъ мимо.

Издали послышался глухой ревъ буруна. Тягучіе звуки колокола доносились издали печальные, сумрачные...

Пусть будетъ тихъ твой сонъ!...

Спи, усталый,—отдыхай, измученный!

XXXII.

Отецъ Пименъ. — Борьба началъ.

Кандидатъ университета — убѣжденный монахъ, замѣчательный ученый — мечтающій о схимѣ, талантливый писатель — посвящающій себя защитѣ аскетизма... Этого, какъ Тиманова, жизнь не зоветъ, сомнѣнія его не волнуютъ, — въ немъ все цѣльно, выработано, закончено. Противу всякихъ вопросовъ онъ замкнулся въ броню схоластической діалектики, принимая ея условныя формулы за непреложныя истины. Въ высшей степени симпатичный, кроткій и незлобивый, онъ дошелъ до полемическаго бѣшенства, отвѣчая о. Благовѣщенскому на его книгу объ Аѳонѣ и въ то же время свою рѣзкую отповѣдь чисто помонашески назвалъ: «Словомъ любви». Въ дѣйствительности

это человѣкъ благожелательный, добрый, съ чуткой и поэтической душой,—несомнѣнно глубокій умъ, развитый еще большимъ научнымъ образованіемъ. Отецъ Пименъ работалъ не только въ университетѣ, онъ и въ обители не отрывался отъ книгъ, которыя свободно прочитываетъ на нѣсколькихъ языкахъ. Среди невѣжественнаго въ этомъ отношеніи Валаама о. Пименъ—явленіе рѣзко выдѣляющееся. Невольно задаешься вопросомъ: какъ онъ не задыхается здѣсь, какъ онъ не ищетъ другой обители, гдѣ бы ему просторно было работать, гдѣ бы среда была болѣе подходящая?... Предложите ему такой вопросъ и о. Пименъ съ жаромъ отвѣтитъ вамъ, что лучше Валаама нѣтъ обители, что еще только здѣсь во всей своей чистотѣ сохранилась жизнь иноческая, что онъ давно забылъ своихъ родныхъ и Валаамъ сталъ его семьей, его домомъ, его родиной и будетъ его могилой... И Валаамъ тоже относится къ о. Пимену какъ къ своей гордости и славѣ. Ему не только не мѣшаютъ работать,—напротивъ, ему даютъ средства на выписку всевозможныхъ апологетическихъ книгъ, списковъ Священнаго Писанія, казуистическихъ трактатовъ по богословію — и все это, по крайней мѣрѣ, на пяти языкахъ. О. Пименъ — одинъ изъ тѣхъ иноковъ, на которыхъ зиждется строгій складъ валаамской жизни. Онъ—его защитникъ, онъ его осмысливаетъ и поддерживаетъ всѣми мѣрами. По приходѣ въ обитель, онъ прошелъ черезъ всѣ послушанія и даже на черной работѣ его держали цѣлый годъ. О. Дамаскину, видите ли, любопытно было узнать, нѣтъ ли въ молодомъ кандидатѣ университета гордыни и строптивости. Все это о. Пименъ совершалъ съ кротостію, примирившей съ нимъ самыхъ невѣжественныхъ монаховъ. И о. Никандръ не даромъ говоритъ о немъ:

— Поди-ка другой выдержи такой экзаментъ!... Нашъ о. Пименъ—свѣтильникъ иночества!

Вы его не смутите никакимъ роковымъ вопросомъ. Гибкій умъ сейчасъ же подскажетъ ему отвѣтъ на него, и хотя этотъ отвѣтъ иногда нѣсколько смахиваетъ на казуистическій ладъ, но тѣмъ не менѣе вы видите, что въ душѣ у этого молодаго «старца» все покойно и безповоротно рѣшено.

— Бывало въ обители чья душа смутится, — повѣствовалъ тотъ же о. Никандръ,—ну, сейчасъ къ настоятелю: благословите къ о. Пимену въ келлію сходить... Поговоритъ смятенный инокъ съ Пименомъ,—ну, и опять сердцемъ здравъ.

А разговоръ съ нимъ, дѣйствительно, высокое наслажденіе. Отриньте подкладку его разсужденій,—любуйтесь только неожиданными оборотами этой плавной и остроумной рѣчи. Не разъ васъ изумятъ поэтическія сравненія, вскользь, но художественно наброшенная имъ картинка. Видно, что о. Пименъ не только много передумалъ, но не менѣе и прочувствовалъ.

Я его засталъ заваленнымъ книгами.

Изъ-за кресла его кельи совсѣмъ и не видно было маленькаго монаха. При этомъ, несмотря на чуть ли не пятидесятилѣтній возрастъ, лицо—двадцати-восьми-лѣтняго молодаго человѣка, ясное, спокойное, съ острыми глазками, съ умною улыбкой. Маленькая, чуть замѣтная бородка, свѣтлые волоса, густо падающіе назадъ, оставляя открытымъ хорошо сформированный лобъ.

— А, спаси Господи!... Благодарю, что зашли! Спаси васъ Богъ!

— Я помѣшалъ вамъ, вы занимались?...

— Да, тутъ интересная работа, но съ живымъ человѣкомъ все же лучше, чѣмъ съ книгой.

— Надъ чѣмъ это вы?

— Да вотъ синайскіе списки Священнаго Писанія сравниваю... Надъ Тишендорфомъ вожусь.

Передъ отцомъ Пименомъ разбросаны рукописи и фоліанты на пяти языкахъ. Маленькій старецъ, погрузившійся передъ тѣмъ въ цѣлый океанъ учености, кажется въ эту минуту вынырнувшимъ и съ удивленіемъ озирающимся на весь Божій міръ. Еще бы городомъ, суетой запахло тутъ, среди всѣхъ этихъ синайскихъ вершинъ, горящихъ кунинъ, чудесъ древняго Египта!...

Валаамскіе монахи смотрятъ на каждаго своего товарища какъ на живую силу, обязанную приносить имъ извѣстную долю пользы. Такъ и отца Пимена они не могли оставить въ покоѣ. Онъ у нихъ письмоводителемъ. На его рукахъ контора и вся переписка, и притомъ переписка большая, потому что ее приходится вести и съ синодомъ, и съ митрополитомъ, и съ консисторіями, и съ ландсманами якимваарскимъ и сердобольскимъ, и съ центральными учрежденіями Финляндскаго княжества. О. Пименъ поэтому сталъ и юристомъ. Короче сказать, если самая обитель можетъ быть сравнена съ громаднымъ, на сорока островахъ разбросавшимся, непрестанно работающимъ организмомъ, то мозгъ этого организма заключенъ въ двухъ небольшихъ кельяхъ—о. Пимена да о. Аѳанасія. Я уже говорилъ, что бесѣда съ о. Пиме-

номъ въ высшей степени пріятна. Онъ удивительно отзывчивъ и каждая ваша мысль, сказанная вскользь, въ немъ не пропадаетъ, а напротивъ—вызоветъ соотвѣтствующее и всегда яркое представленіе. Говоря съ вами, онъ при случаѣ схватываетъ подходящую нѣмецкую или французскую книгу, читаетъ вамъ изъ нея a livre ouvert по-русски цѣлыя страницы, причемъ вы вовсе не замѣчаете натуги, дубоватости перевода. Напротивъ, если возможно такъ выразиться, эта импровизація передачи съ другаго языка является изящной, легкой, образной. Во время этого онъ наталкивается на какое-либо интересное примѣчаніе и передъ вами уже другая книга, на иномъ языкѣ... Все это вмѣстѣ производитъ на васъ, разумѣется, грустное впечатлѣніе. Сколько ума, энергіи и таланта, и какъ они потрачены!... Вамъ становится просто страшно за человѣка... Я пробовалъ о. Пимену разсказывать о «суетномъ мірѣ», какъ говорятъ тутъ; слушаетъ онъ съ величайшимъ вниманіемъ. Вы видите, что все это его интересуетъ живо, но какъ монаха, который замѣчаетъ во всемъ только подтвержденіе своихъ аскетическихъ идей или матеріалъ для поученія. Иного—нервнаго, манящаго, завлекающаго-вліянія они на него не производили. Видно было опять-таки, что этотъ человѣкъ весь, до конца ногтей своихъ, выработался вполнѣ... Изъ него долженъ быть превосходный проповѣдникъ, не изъ тѣхъ, что вмѣстѣ съ вами плачутъ вашими слезами, дѣлятъ вашу скорбь,—нѣтъ, этотъ инаго сорта. Со своей каѳедры онъ будетъ говорить какъ съ Синайской вершины: и люди, и ихъ страсти, и ихъ муки будутъ ему казаться мелкими; мысль и воображеніе его станутъ витать въ безграничномъ просторѣ чистаго неба и въ словахъ его будетъ отражаться оно—спокойное, величавое и, сказать правду, равнодушное къ чужимъ бѣдствіямъ и испытаніямъ...

Не знаю, такъ ли я понялъ о. Пимена. Да проститъ онъ мнѣ, если я ошибаюсь, если мое свидѣтельство ложно. Оно проистекаетъ изъ чистаго источника. Мы—люди совсѣмъ иныхъ міровъ, иныхъ понятій,—намъ извинительно пропустить другъ въ другѣ что-нибудь, увидать многое въ иномъ свѣтѣ. Какъ бы ни были усовершенствованы телескопы, мудрено, сидя здѣсь на землѣ и живя всѣми ея низменными интересами, разсмотрѣть, понять и съумѣть сочувствовать жителямъ планеты Сиріуса... А симпатичный, умный и ученый о. Пименъ для меня представляется именно такимъ обитателемъ отдаленнаго и чуждаго землѣ Сиріуса...

Я уже говорилъ нѣсколько разъ о той глухой борьбѣ стараго подвижничества и новаго производительнаго характера монастырей, которая совершается ясно передъ всѣми на Валаамѣ. Онъ именно и интересенъ этимъ. О. Пименъ—ярый защитникъ древняго иночества. Въ немъ воскресаетъ старый Валаамъ, съ его молчальниками, схимонахами, пустынниками, затворниками, прорицателями, юродствующими, древній—Валаамъ бревенчатыхъ срубовъ, келій, затерянныхъ по бездорожью въ глуши лѣсной, дикихъ пещеръ, гдѣ въ черной тьмѣ вмѣстѣ со змѣями жили отшельники,—Валаамъ обледенѣлыхъ уступовъ, по которымъ, поддерживаемые ангельскими крилами, черноризцы сходили внизъ за водою,—Валаамъ первобытной дичи и безпросвѣтной глуши.

О. Аѳанасій мнѣ кажется представителемъ инаго типа. Онъ не умѣетъ говорить, за то строитъ водопроводы, изобрѣтаетъ машины, возводитъ дворцы для коровъ и храмы для коней. Это совсѣмъ противоположное теченіе и между имъ и древнимъ Валаамомъ нѣтъ ничего общаго. Пока былъ въ полной силѣ о. Дамаскинъ, онъ старался примирить ихъ. Онъ строилъ скиты для первыхъ и заставлялъ работать вторыхъ. Съ его уходомъ со сцены два начала выступили одинъ противъ другаго во всеоружіи. Между ними началась борьба, но борьба монашеская, со взаимными поклонами и лобызаніями, съ «Христомъ посредѣ насъ» и въ то же время съ полнымъ отрицаніемъ другъ друга... Предугадывать побѣду новаго Валаама не трудно, но эта побѣда будетъ побѣдою суетнаго и «прелестнаго» міра вообще надъ монашествомъ. Монастырь, какъ рабочая община съ машинами, заводами, громаднымъ хозяйствомъ, но безъ подвижничества, будетъ уже не иноческою обителью. Во что онъ выродится—въ лучшее или худшее—другой вопросъ. Я говорю только, что древній складъ иноческой жизни сталъ теперь лицомъ къ лицу съ новыми вѣяніями, и если онъ энергически борется за свое существованіе, то это—энергія отчаянія, это—энергія послѣднихъ язычниковъ александрійскихъ. Новое идетъ ему навстрѣчу, и еще черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ пустынники, схимники, затворники станутъ поэтическими преданіями прошлаго...

— Не монашеское это дѣло,—говорятъ защитники прошлаго о затѣяхъ валаамскихъ строителей.—Не Вавилонскія башни мы воздвигать должны. Въ водѣ, которая прежде Промысломъ Божіимъ собиралась въ каменныхъ выбоинахъ, благодать была, а нынѣ мы сверлимъ колодцы и гранитомъ ихъ обшиваемъ... Все—для

удобства и ничего для души. Въ одномъ Іоаннѣ Молчальникѣ больше смысла и свѣта, чѣмъ во всѣхъ этихъ сооруженіяхъ египетскихъ. Иноку они не нужны. Я понимаю, храмъ долженъ быть великолѣпенъ. Воздвигай соборъ хоть до облаковъ, украшай иконы златомъ и каменьями самоцвѣтными, поставь стѣны изъ яшмы и порфира, но келліи и хозяйство должны быть скудны, строенія рабочія убоги... А у насъ обратно,—конюшни переросли обитель и давятъ ее.

— Что толку въ схимникѣ,—думаютъ послѣдовательные монахи изъ рабочихъ.—Ни себѣ, ни собакамъ... Что-жь, что онъ молится?.. Отъ его тысячи поклоновъ какая корысть обители?... Отъ этого стѣны нашихъ келлій не упрочатся и хозяйство не ширится... И въ затворникѣ какой толкъ?... За нимъ еще ходить надо, а тутъ каждая рука на счету при постройкѣ. Свѣтскаго нанять—деньги ему плати. А по-моему кто во имя святыя обители колетъ камень въ горѣ, такъ онъ Господу Богу еще угоднѣе и милѣе.

Тотъ же евангельскій старый споръ между Маѳой, пекущейся о многомъ, и Маріей, избравшей себѣ благую часть...

Понятно, что между двумя этими теченіями ничего общаго и быть не можетъ. Выходя изъ одного русла, они далеко устремляются одинъ отъ другаго. Первое теряется въ незаламятной старинѣ, бѣжитъ туда, гдѣ смутными призраками встаютъ идеалы первыхъ синайскихъ отшельниковъ, а второе уходитъ все въ будущее,—туда же, гдѣ находитъ свои идеалы и соціализмъ съ его общимъ трудомъ, съ его равенствомъ прибытка, съ его принесеніемъ личности въ жертву общему... Старыя обители, напротивъ, общее приносили въ жертву личности. Иногда цѣлый монастырь существовалъ для двухъ или трехъ юродствующихъ или прозорливцевъ... Еще разъ говорю, двумъ этимъ теченіямъ не ужиться въ общемъ руслѣ. Нужна была сильная воля и аракчеевская прямолинейность о. Дамаскина, чтобъ удержать ихъ вмѣстѣ, да и онъ долго бы не выстоялъ,—вода бы смыла поставленныя плотины и двѣ рѣки далеко бы отбѣжали одна отъ другой... И на Валаамѣ теперь братія уже относится смѣшливо къ своимъ свѣтильникамъ.

Отецъ Антиппа изъ болгаръ или гречанинъ, братія сама не знаетъ толкомъ, въ скитѣ Всѣхъ Святыхъ — совсѣмъ древній типъ инока. Въ заутреню на Свѣтлое Христово Воскресенье, при первомъ восклицаніи «Христосъ воскресе», онъ первый устремился къ священнику. Схимникъ этотъ всѣми уважаемъ здѣсь

и для богомольцевъ выставляется какъ образецъ иноческаго блеска. Тѣмъ не менѣе братія возмутилась.

— Куда ты, шалды-балды... Куда ты, братушка?... Стой, стой!—стали его останавливать.

— Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! — обернулся онъ къ нимъ съ радостнымъ ликомъ и слезящимися глазами, все-таки стремясь прежде другихъ впередъ.

Въ этомъ сказалось многое. Первымъ нуженъ формализмъ, іерархія, порядокъ; второму—экстазъ и непосредственность.

— Что-жь, что схимникъ!—говорили мнѣ въ одномъ монастырѣ.—Вонъ онъ замкнулся въ гору и живетъ тамъ—знать ничего не хочетъ... Ходи за нимъ!... Давеча митрополитъ пріѣхалъ, такъ схимникъ и митрополита не почтилъ... Ишь какая въ немъ гордость сидитъ непомѣрная!... А по-моему отецъ Антонинъ-механикъ все же намъ лучше его,—отъ него польза.

Греческіе монастыри—тѣ въ этомъ случаѣ болѣе соотвѣтствуютъ идеалу монаха.

— Инокъ вовсе не долженъ заботиться объ утріи! Иноку утріе чуждо. Онъ долженъ къ смерти готовиться. Вотъ его идеалъ.

Чистые иноки дальше идутъ.

— Вотъ, говорятъ, государству деньги нужны. Денегъ нѣтъ—ничего и дѣлать нельзя, голодъ, скудость во всемъ. Да развѣ въ обителяхъ мало денегъ? Возьми ихъ, всѣ драгоцѣнности продай.

— Это убьетъ монастыри!—возражаютъ другіе.

— Не монастыри убьетъ, а умалитъ ихъ—это точно. Тогда которые не настоящіе иноки, а язычники въ рясахъ, тѣ уйдутъ, и слава Богу. Они въ любой купеческой лавкѣ пригоднѣе, чѣмъ въ обители. Останутся настоящіе черноризцы, которые и со скудостію примирятся.

Симпатичнѣе, разумѣется, типъ древняго инока, которому не надо было сосать мірскихъ матокъ, который жилъ въ убожествѣ и скудости. Но сильнѣе новый типъ, если возможно—типъ монастырской буржуазіи, смѣнившій древнихъ аскетовъ и пустынниковъ. И если теперь повсюду слышны жалобы на кулачество монастырей, на ихъ эксплуатацію, то мы должны знать, откуда исходятъ онѣ.

— Монастыри спасутся,—говорятъ иноки, приближающіеся къ старому типу.—Если понадобится, то и чудо будетъ.

Какое чудо!... Катаклизмы, разрушившіе Содомъ и Гоморру, Геркуланумъ и Помпею, точно, можно причесть къ чудесамъ.

Въ исторіи всевозможныхъ учрежденій есть такіе же соціальные катаклизмы... Не въ одной области геологіи совершаются они.

Разумѣется, намъ съ нашими обителями труднѣе кончить, чѣмъ итальянцамъ или французамъ. У насъ монастырь сталъ промышленнымъ центромъ на весь округъ. Закрыть его, такъ куда дѣвать всѣ эти заводы, доки, всѣ эти громады, созданныя страшнымъ напряженіемъ силъ и способностей цѣлыхъ поколѣній?...

XXXIII.

Соловецкій, святогорскій и валаамскій иноки.—Параллель.

Монастыри—въ высшей степени интересный матеріалъ для наблюденій. Я не знаю другихъ мѣстъ, гдѣ бы на столь ограниченномъ пространствѣ представлялись такіе любопытные типы, самаго противоположнаго свойства и притомъ въ массахъ, гдѣ бы можно было проводить столь благодарныя параллели, дѣлать богатыя результатами сравненія. Толпы богомольцевъ, сходящіяся со всѣхъ концовъ Россіи, даютъ этнографу такъ много, что нужно только удивляться, почему спеціалисты не эксплуатируютъ эту пеструю арену племенныхъ особенностей и разновидностей, кажущихся еще болѣе рѣзкими отъ ближайшаго сопоставленія съ сосѣдними типами. Для беллетриста тутъ бьютъ неизсякаемые ключи постоянно смѣняющихся впечатлѣній. Для художника обитель—своего рода академія. Натурщиковъ и типовъ между пилигримами и иноками—хоть прудъ пруди. Глаза разбѣгаются,—не знаешь, на чемъ остановиться,—и притомъ все это въ удивительной рамкѣ дивныхъ пейзажей... Первые черноризцы были большими поэтами и въ выборѣ мѣстъ для своихъ пустынь обнаружили бездну вкуса и пониманія природы. Возьмите Соловки, Святыя-Горы на Донцѣ, Кіево-Печерскую лавру, Бѣлые-Берега на Смоленской желѣзной дорогѣ, Валаамъ, крымскіе монастыри,—короче, если есть въ округѣ обитель, она навѣрное избрала себѣ самый поэтическій уголокъ края. Но, помимо всего этого, разъ вы побывали въ нѣсколькихъ обителяхъ, вамъ сами собою напрашиваются всевозможныя сравненія. Такъ и я послѣ Валаама не могу воздержаться, чтобы не сопоставить здѣшняго инока съ черноризцемъ соловецкимъ или монахомъ святогорскимъ. Изо всѣхъ ихъ типъ валаамскаго старца наиболѣе цѣленъ и полонъ. Строгость устава, удачный, въ смыслѣ регламентаціи, выборъ игумновъ, почти сплошное крестьянское происхожденіе иноче-

ствующихъ — все это нивелировало ихъ удивительно. Такихъ строгихъ правилъ и сверхъ того такого педантическаго исполненія ихъ я ни въ одномъ монастырѣ не встрѣчалъ. Валаамскій уставъ окружаетъ инока такими же условіями, какими, напримѣръ, обусловливается положеніе... ну, хоть бы арестанта Литовскаго замка въ Петербургѣ. Валаамскому монаху строго воспрещены водка, вино и табакъ при какихъ то ни было случаяхъ и исключеній не допускается, какъ и заключенному. Какъ и заключенному, чай и сахаръ ему разрѣшаются четвертками—*за хорошее поведеніе*. Какъ и арестантъ, онъ не имѣетъ права читать книги безъ благословенія игумена на каждый разъ (въ тюрьмѣ безъ разрѣшенія смотрителя), письма пишетъ и получаетъ черезъ игумена, играющаго въ данномъ случаѣ роль прокурора въ замкѣ, посѣщать и быть посѣщаемымъ гостями мірскими онъ не смѣетъ безъ того же благословенія (безъ записки слѣдователя). Даже чисто-арестантское одиночество (камеры на замкѣ) достигается запрещеніемъ инокамъ посѣщать другъ друга въ кельяхъ безъ того же соизволенія архимандрита. Даже и мотивируется близко къ арестантской логикѣ: заключенныхъ держатъ на замкахъ, чтобъ они преступными разговорами не развращали одинъ другого, а монаховъ, чтобъ они мірскимъ многоглаголаніемъ не мѣшали нравственному совершенствованію, молитвѣ и самоуглубленію... Даже каторжный принципъ обязательнаго труда не по собственному выбору, а по назначенію—благословенію смотрителя—настоятеля практикуется здѣсь съ столь безпощадною строгостію, что я вовсе не для краснаго словца назвалъ въ одной изъ прежнихъ главъ Валаамскую обитель духовными арестантскими ротами синодальнаго вѣдомства. Даже случайно сталкиваясь съ вами ваалмецъ держится на привязи, не разболтается, не выскажется. Замкнулся да такъ, съ замкомъ на душѣ, и ходитъ... Въ финскихъ тюрьмахъ также не позволяютъ ни при какомъ случаѣ арестованнымъ разговаривать съ посторонними. Шпіонство, соглядатайство другъ за другомъ, практикуется во всѣхъ обителяхъ, какъ и въ тюрьмахъ, одинаково; оно не чуждо и Валааму. Отъ надзирающаго глаза не уйдешь и въ дебрь лѣсную,—онъ всегда надъ тобой и въ самое сердце смотритъ къ тебѣ неотступно. Одно только различіе съ тюрьмою и, разумѣется, громадное: арестантовъ туда приводятъ съ конвоемъ и удерживаютъ замками и сторожами, а въ обитель послушники притекаютъ сами и остаются тамъ по убѣжденію. Но я не знаю, какъ кому, а мнѣ

симпатичнѣе типъ недобровольнаго заключенника, жаждущаго свободы и ненавидящаго свою желѣзную рѣшетку, чѣмъ эти работающія птицы-иноки въ своихъ вольно избранныхъ клѣткахъ. Валаамскій инокъ — болѣе другихъ иноковъ добровольный арестантъ. Соловчанинъ, живущій у самаго океана и въ молодости самъ плававшій по студенымъ морямъ, не приведенъ къ одному знаменателю. Онъ работаетъ какъ волъ; но какъ крестьянинъ, не знавшій крѣпостнаго права, онъ смѣлъ, своболенъ, разговорчивъ, подъ сѵнодальныя вериги не идетъ и если носитъ арестантскую шапку, то стремится хоть надѣть-то ее не по консисторски утвержденному образцу... Святогорецъ, по молодости монастыря, еще не опредѣлился. Онъ уже сбивается на мистическую жилку: самъ онъ не работаетъ, а молится,—за него трудится наемный трудникъ; онъ почти баринъ и бѣлоручка, и, если хотите, въ немъ сказался посторонній крестьянству элементъ. Валаамскій инокъ—убѣжденный заключенникъ. Онъ формалистъ въ покроѣ своего бубноваго туза, формально носитъ кандалы, стараясь, чтобъ они не были даже на одинъ золотникъ легковѣснѣе утвержденныхъ. Онъ слѣпо повинуется, нелюдимствуетъ, молчитъ и много и трудно работаетъ. Соловчанинъ работаетъ тоже, но вольно, съ прохладой. Не понравится ему одна работа, онъ возьмется за другую. Валаамецъ и въ работѣ нивелированъ. Ему ее назначаютъ и онъ спорить съ благословеніемъ настоятеля не смѣетъ. Соловки не вырабатывали еще такого типа безусловнаго повиновенія, какъ Валаамъ. Въ послѣднемъ вздумалось игумену благословить инока: молчи,—тотъ и промолчалъ девять лѣтъ, а потомъ новое благословеніе: говори,— онъ и заговорилъ, точно и часу не молчалъ. И какъ это ни странно, но въ силу того, что тутъ сидятъ въ клѣткахъ по убѣжденію, на Валаамѣ — больше характеровъ и они сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ остальныхъ обителяхъ. Валаамъ поэтому весь производитъ опредѣленное впечатлѣніе, — валаамскіе иноки, за исключеніемъ тѣхъ, что мечтаютъ о возобновленіи древняго подвижничества, точно на чугунно-литейномъ заводѣ всѣ отлиты въ одну форму. Валаамъ больше всѣхъ монастырей тратится на книги, но въ немъ ихъ читаютъ меньше всѣхъ монастырей. Валаамъ и скопидомничаетъ болѣе другихъ. Онъ всѣ колодцы свои и коровники гранитомъ обшиваетъ, а для богомольцевъ и рабочихъ три сорта пищи готовитъ. Благообразіе обители опять-таки здѣсь выше остальныхъ. Въ Троицѣ-Сергіи васъ за шиворотъ хватаютъ:

давай деньги; въ Соловкахъ святую пшеницу продаютъ; Святыя-Горы торгуютъ всѣмъ, чѣмъ можно; другія обители чудотворнымъ «духомъ» въ пустыхъ закупоренныхъ флаконахъ тысячи собираютъ... Но Валаамъ равнодушенъ къ прибытку такого сорта. Никто васъ не пригласитъ къ пожертвованію: дадите—хорошо, но никто и вниманія не обратитъ; не дадите—тоже нуль вниманія. Тутъ считаютъ умнѣе и крупнѣе. Купеческій осетръ попадется,—ну, изъ него добровольно потроха выпустятъ и, облегчивъ по силѣ возможности, опять отправятъ въ воду: нагуливай, молъ, новые потроха; за то съ мелкой рыбешки ничего не возьмутъ. Старушка боголюбивая попадется, удостоится бесѣды съ прозорливымъ старцемъ и за оную поплатится въ кассу обители; а такъ, чтобы на руки монаху дать — рѣдкій возьметъ, а взявъ—будетъ считать себя преступникомъ. На всѣхъ столбахъ тутъ вывѣшана просьба—инокамъ на руки денегъ не давать. Я сколько разъ предлагалъ за услуги.

— Спаси васъ Господи!... Не надо!

— Да возьмите!

— Нѣтъ, ужь не обижайте... Да намъ и запрещено.

— Никто не узнаетъ.

— Добровольно вѣдь я иночество принялъ,—зачѣмъ же преступать клятву?...

И не возьметъ, хоть убейте. Совсѣмъ другая пѣсня,—чѣмъ въ иныхъ обителяхъ. Въ Троицѣ-Сергія, напримѣръ, передалъ я изъ рукъ въ руки монаху бумажку. Тотъ ее мигомъ въ карманъ и глаза въ сторонѣ были.

— А, хорошо... Три рубля... Спасибо!

Я и самъ не видѣлъ, сколько далъ, а онъ чутьемъ какъ-то, точно у него карманъ съ глазами сдѣланъ былъ.

Относительно прекраснаго пола валаамцы уже совсѣмъ безупречны. Аскетизмъ тутъ безповоротный, да и блудницы вавилонскія сюда не особенно притекаютъ,—ничѣмъ не попользуешься. Монахи вонъ еще толкуютъ о чемъ: какъ бы совсѣмъ «дамскому сословію» прекратить сюда доступъ, подобно Аѳону. Святогорцы—тѣ въ этомъ отношеніи куда либеральнѣе, да и соловецкіе старцы, дай имъ Богъ здоровья, поподатливѣе... Валаамъ не только между своими, но и въ богомольческой средѣ стремится устроить такую же аскетическую регламентацію. Богомолецъ тоже не смѣй курить, пить и во всѣхъ отношеніяхъ подчиняйся уставу монастырскому.

Не хочешь — не ѣзди, а разъ пріѣхалъ — отъ собственной воли откажись. Въ Соловкахъ смотри все, что тебѣ угодно, а на Валаамѣ—что благословитъ игуменъ. И игумны въ этомъ богомольцевъ не балуютъ. Самый составъ иноковъ здѣсь однообразнѣе. Въ Соловкахъ отовсюду монашествующіе, а на Валаамѣ—только наши сѣверяне да корелы. Святыя-Горы о сценической постановкѣ своего обихода заботятся, а Валааму наплевать на это. У него и поютъ сиверно, да и служатъ не «умилительно», къ отчаянію разной дамской перезрѣлой ветоши, всевозможныхъ солонницъ, посѣщающихъ обитель для «восторга»... На Валаамѣ работа считается священнодѣйствіемъ и ее дѣйствительно выполняютъ—какъ совершаютъ таинство. Чтобъ имѣть наиболѣе полное представленіе объ обителяхъ, троице-сергіевскаго монаха нужно видѣть въ церкви, соловчанина—на пароходѣ въ бурю или на морскомъ промыслѣ, святогорца — въ созерцаніяхъ и въ самоуглубленіяхъ, а валаамскаго инока — за работой, за камнями, которые нужно стесать, за скалами, которыя требуется взорвать, у пламени, раздуваемаго кузнечнымъ горномъ... Въ Соловкахъ и Святыхъ-Горахъ отдѣльныя фигуры замѣняютъ фонъ, въ Валаамѣ же фонъ стушевываетъ отдѣльныя фигуры.

Въ концѣ концовъ я сталъ по цѣлымъ часамъ просиживать на соборной колокольнѣ, не покажется ли гдѣ пароходъ... Мнѣ казалось, что я самъ въ тюрьмѣ, что за мной нѣсколько дней тому назадъ замкнулись тяжелыя двери и щелкнули чугунные замки. Становилось душно, страшно душно... Только небо безоблачное свѣтило не изъ-за рѣшетки—по недоразумѣнію. Мои товарищи по заключенію—всѣ эти симпатичные отцы: Пименъ, Аѳанасій, Виталій, Іоаннъ—казались несчастнѣе меня, ибо я приговоренъ къ заключенію недѣли на двѣ, а они—до самой смерти. Самыя черныя рясы и клобуки мерещились какими-то тюремными костюмами. Въ звонѣ колоколовъ чудились уху удары какихъ-то колоссальныхъ оковъ, напоминающихъ всюду этому міру черноризцевъ, чтобъ они оставили и самую грёзу о свободѣ,—что здѣсь, за этими стѣнами-скалами, надежда является преступленіемъ, слеза о прошломъ—грѣхомъ, забота о настоящемъ—искушеніемъ... Какъ громадныя сосны вѣковѣчныхъ лѣсовъ валаамскихъ, иноки прикрѣплены къ почвѣ своихъ острововъ. Крѣпко, крѣпко мать сыра земля держитъ ихъ узловатые корни... Развѣ буря вырветъ дерево, но она же и убьетъ его... И тутъ свобода давалась цѣною смерти.

Душно становилось, невыносимо...

Міръ звалъ къ себѣ,—міръ съ его суетою и соблазнами,—міръ, отрицаемый здѣсь, ненавидимый, проклинаемый...

XXXIV.

Прощаніе съ монастыремъ.—На пароходѣ.

— Пароходъ идетъ!—влетѣлъ въ мою комнату, какъ бомба, одинъ изъ купеческихъ соврасовъ.

— Наконецъ-то!... Нужно торопиться.

— Ну, ужь и измаялся я!... Оно знаете, точно, что это святыня, и святыня великая, но ужь очень неумѣренно.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Во всѣхъ смыслахъ!... Тятенька у насъ человѣкъ жестокій и ужь если пожелаетъ своему характеру подражать, такъ безъ всякаго пардону... Помилуйте, легко ли—два мѣсяца меня выдержали здѣсь, опять же табаку нельзя достать, водки даже и для здоровья... Ну, ужь за то я и закачу!...

— А онъ васъ опять сюда, да за работу...

— Нѣтъ, у него на это свой законъ... Онъ годъ терпитъ... Значитъ, этотъ годъ я могу... А черезъ годъ либо сюда, либо въ Соловки ушлетъ... Сдѣлайте одолженіе, это у него вѣрно, какъ по векселю. Ну, только ужь и святыня!... Благолѣпно и духорадостно, только бы ежели не мѣсяцъ... Здѣсь помолиться можно. Отъ всѣхъ грѣховъ очистишься и напредки еще останется... А только я полагаю, что госпожа Вавилова теперь по купечеству никакъ не согласна.

— Что такое,—какая Вавилова?

— Въ Демидронѣ есть такая. Прежде она больше по купечеству въ розницу ходила, а нынѣ, я думаю, калигварды ее совсѣмъ завоевали... Но только такая дама, я вамъ скажу, что никакой француженкѣ не уступитъ. Двадцать очковъ впередъ дастъ, а всѣ шары въ лузу положитъ.... Сколько я изъ-за ея одного побою принялъ!...

Пароходъ только-что причалилъ.

На берегу стояла толпа вновь прибывшихъ богомольцевъ. Толстый и солидный монахъ тащилъ на веревкѣ маленькую собачку. Собачка упорствовала и визжала,—видимо, растерялась совсѣмъ.

— Ты ее, отецъ Агафонъ, поцюцкай! Ишь, звѣрь тоже.

Отецъ Агафонъ цюцкалъ, но толку отъ этого не было никакого. Собака, очевидно, думала, что ее ведутъ топить или вообще питала очень мало вѣры въ добрыя относительно ея намѣренія инока.

— Куда это вы ее?

— А для показанія знака.

— Какъ такъ?

— У насъ острова есть пустынные. Иноки уйдутъ въ лѣсъ, финны пріѣдутъ и оберутъ все.... Ну, а собачка будетъ лаять.

Какой-то отставной военный, въ точно накрахмаленномъ картузѣ, допрашивалъ у монаха:

— Въ какую мнѣ гостиницу идти?

— Вонъ въ ту, въ общую...

— Отчего же въ общую?... Что-жь, нумера тамъ?

— Мумера... По-нашему кельи...

— Есть хорошіе?

— Одинаковые...

— И для генераловъ одинаковые?—обидѣлся военный.

— У насъ и для генераловъ препятствія нѣтъ... Живи!

— Для генераловъ слѣдовало бы отдѣльно.

— Что-жь, намъ ихъ на колокольню запирать что ли? Тамъ птица, такъ она генерала загадитъ... Птица глупая, что ей?... Архіерея не можетъ, а генерала закаститъ, и даже съ большимъ удовольствіемъ.

Сползъ было съ парохода пьяный, но его стащили обратно на пароходъ.

— Я помолиться хочу... Пре-подобнымъ молебенъ отслужить!—оралъ онъ съ борта.

— Вытрезвись сначала.

— А, хо...ршо, если такъ. Вотъ вамъ!—и совершенно неожиданно онъ сорвалъ съ себя сюртукъ и бросилъ въ воду.—Вотъ и еще!—и за сюртукомъ полетѣлъ галстухъ. Сталъ было и штаны растегивать, да его уволокли въ каюту.

— Искушеніе съ этими міроками!—разсуждали монахи.—То есть какіе есть... Одинъ идетъ—на всѣ колокольни крестится, а о. Паисій у него изъ кармана бутылку съ водкой вытащилъ. Что-жь бы вы думали: побѣлѣлъ, весь дрожитъ. Осатанѣлъ совсѣмъ отъ злости и такое онъ при этомъ случаѣ словечко пустилъ про обитель нашу святую, что отецъ Паисій заскорбѣлъ, заскорбѣлъ, да со скорби бутылкой этой самой по головѣ его какъ хлыснетъ!

— Ну?

— Ничего, только-что бутылка разбилась... Искушеніе съ мірскими

— Грѣхъ одинъ!

Я не могу объяснить того чувства, которое охватило меня, когда я сѣлъ на пароходъ, когда онъ, хрипя, вздрагивая и выбрасывая клубы чернаго дыма, отчалилъ отъ набережной Валаама. Это дѣйствительно было освобожденіе... Передо мной медленно, скрипя, растворились ворота тюрьмы, выпустили меня и опять сомкнулись. Замки щелкнули... Изъ-за рѣшетокъ оконъ глядятъ безнадежно, даже хуже—равнодушно, лица заключенныхъ, уже привыкшихъ къ своимъ темничнымъ кельямъ. Вокругъ меня свободный говоръ, не скованный каторжнымъ уставомъ, толпы. Женскія лица—улыбающіяся, полныя жизни и счастія... Дѣти возятся тутъ же... Одинъ черноглазый мальчуганъ подкатился мнѣ подъ ноги.

— Ты гдѣ это глаза запачкалъ?—любуется дама прелестными глазами ребенка.

— Я чернику ѣлъ!—наивно отвѣчалъ онъ.

И удивительно свѣтелъ и радостенъ кажется Божій міръ послѣ этого кладбища. Всѣ тебѣ кругомъ друзья и братья.

Нѣтъ, можетъ-быть и великъ подвигъ спасенія, но въ этой мертвящей обстановкѣ онъ кажется ужаснымъ. Отрицаться отъ міра, отъ свѣта, отъ жизни—да не величайшее ли это оскорбленіе Богу живому, не презрѣніе ли къ Его творческой силѣ, создавшей и это чудное небо, и эти медлительно вздымающіяся и опускающіяся волны?... Никогда я не понималъ и никогда не пойму аскетизма.

— Водки!—слышится чей-то отчаянный голосъ рядомъ.—Трави!

— Пожалуйте въ буфетъ.

— Обольюсь! Весь обольюсь!...

Смотрю, это—мой купеческій соврасъ. Глаза уже на выкатѣ и на лицѣ отчаянная рѣшимость.

— Довольно! Довольно, говорю! Будетъ... намолились... Довольно... Ваня, пойдемъ въ буфетъ!

— А тятенька?

— Довольно, говорю... Будетъ... Мѣсяцъ стравили на это самое, на благочестіе значитъ. Довольно... Ваня!... Ужли какъ свиньямъ... и потѣшить себя нельзя?... Нѣтъ, теперь я ему покажу...

И купеческій соврасъ грозится Валааму, въ которомъ, очевидно, для него олицетворяется какой-то врагъ.

А Валаамъ, закутавшись въ зеленыя облака своихъ лѣсовъ, уже отходитъ назадъ. Вотъ блеснулъ куполъ Іоанна Предтечи... Вонъ Всесвятскій скитъ точно вынырнулъ и опять потонулъ въ зеленомъ царствѣ. И чѣмъ дальше отходили мы, тѣмъ болѣе чуждыми казались душѣ всѣ эти молчальники, пустынники, схимники... Точно ничего этого и не видѣлъ, а такъ—прочелъ какую-то дивную сказку и ночью кошмаромъ давила она тебя. Съ первымъ лучемъ разсвѣта кошмара какъ не бывало... Открылъ глаза... Солнце бьетъ въ окно,—тепло и свѣтло кругомъ... Вольный вѣтеръ бѣжитъ мимо, зоветъ съ собою... Сна будто и не бывало! Далеко, далеко отлетѣлъ и разсѣялся безъ слѣда...

Въ снастяхъ свищетъ. Пароходъ скрипитъ. Волны гонятся за нимъ—не догонятъ. Тучка жемчужная тоже догнать хотѣла, да не смогла, вытянулась по небу и безсильно отдыхаетъ. Впередъ, впередъ,—туда, гдѣ жизнь, гдѣ свобода!... Сильнѣе дуй, вольный вѣтеръ, — здѣсь твое царство! Уноси насъ подальше отъ этихъ мѣстъ, изъ этого чудовищнаго, сказочнаго міра заживо схороненныхъ мертвецовъ, блѣдныхъ призраковъ, фосфорическихъ видѣній!...

XXXV.

Дворянскій монастырь.

Когда ладожскія дали уже окутались сумерками, передъ нами точно изъ воды выдвинулась какая-то туманная масса,—низменная, будто туча тамъ прилегла къ озеру, да и расплылась по его спокойной поверхности. Надъ смутнымъ очеркомъ острова тускло свѣтился какой-то куполъ, да бѣлая колокольня стремилась вырваться изъ холодныхъ объятій сосноваго лѣса.

— Коневецъ!... Тутъ всю ночь стоять будемъ.

— Зачѣмъ?

— Кому Богу помолиться...

— Ну, тутъ Богу-то молиться плохо. Совсѣмъ не о томъ отцы-иноки коневецкіе помышляютъ,—говоритъ рядомъ монахъ.

— Почему это?

— А вотъ сами увидите... Намъ осуждать, по нашему сословію, не приходится.

— Пьютъ, что ли?

— Погодите... Тутъ вотъ сейчасъ... Да что... дворянскій монастырь!—Инокъ презрительно отвернулся отъ Коневца.

— Что-жь, большинство монашествующихъ—дворяне?

— Изъ чистоплюевъ все... У насъ Валаамъ — крестьянское царство, мужицкое самое, во вѣки нерушимое. А тутъ, въ Коневцѣ, баринъ да купецъ всѣмъ верховодятъ. Что-жь добраго ждать отъ нихъ?... Такія дѣла тутъ: мірянамъ—соблазнъ, а иночеству — поношеніе... Нашъ отецъ Дамаскинъ душою скорбѣлъ о заблудшихъ... Помилуйте, сосѣди—и вдругъ такая пакость!... Настоятелемъ къ нимъ инока нашего поставили. Строгой жизни старецъ былъ,—ну, и духомъ сильный. Нынѣ у нихъ о. Израиль, истинно, по добротѣ агнцу подобенъ. А тутъ нужно сокрушить главу змія!... Ну, нашъ-то таковъ былъ, что и безъ ослиной челюсти раззорилъ бы гнѣздо это. Только не совладалъ. Здѣсь монашествующіе — дворяне, полковники есть. Сейчасъ въ Питеръ стали писать. Нашего старца, яко несноснаго, убрали отъ нихъ. Назначили о. Израиля,—ну, этотъ только молится, да по кротости своей воздыхаетъ... Сюда вотъ бы кого—о. Ферапонта послать! Этотъ бы ихъ побѣдилъ...

Первое знакомство съ Коневцомъ оказалось вполнѣ соотвѣтствующимъ рекомендаціи о. Іосафата, сообщившаго мнѣ о непотребствѣ коневецкихъ иноковъ. Не успѣлъ пароходъ бросить сходни, какъ на берегу разыгралась характерная сцена. Какой-то послушникъ въ сильно-помятой скуфейкѣ мужественно порывался на пароходъ.

— Куда?—останавливалъ его монахъ.

— Въ буфетъ!... А тебѣ что?

— Не приказано.

— Кто не приказалъ?

— О. Израиль.

— А плевать мнѣ на твоего о. Израиля!—И опять попытка впередъ.

— Стой, тебѣ говорятъ!... Не пущу.

— А въ ухо хочешь?—Останавливается послушникъ и строго смотритъ въ упоръ на монаха.

— Смирись, не бунтуй, а то я прочую братію позову.

— Сами, подлецы, пьянствуете, а мнѣ нельзя!... Коли такъ, не хочу... Это «Валаамъ» пароходъ... Отлично... Степанъ!... Степанъ!—оретъ послушникъ во все свое воронье горло.

— Тутъ, вашескородіе!—отзывается съ нашего парохода какой-то помощникъ шкипера.

— Это не Степанъ... Силантій, ты?

— Я, я... Что, не пущаютъ?

— Вотъ вѣдь, канальи, какую силу забрали!... Силантій, когда пароходъ отходитъ?

— Утромъ завтра.

— Ну, такъ я успѣю сбросить этотъ мундиръ. Вотъ тебѣ!— И скуфейка полетѣла въ озеро.—Наплевать мнѣ на вашъ Коневецъ!—И послушникъ круто повернулся отъ пристани.

— Каковое понятіе будутъ имѣть о монашествующей братіи по симъ примѣрамъ?!—вздохнулъ отецъ Гермогенъ около меня.—Истинно, пора смирить обитель сію.

Не успѣли мы выйти на берегъ,—картина: Коневецкій монахъ навстрѣчу. На лицѣ улыбка во всю. Глаза блуждаютъ.

— А ты не осуждай!—шатнулся онъ на меня и погрозилъ.

— Что?

— Говорю, не осуждай!... По глазамъ вижу: думаешь, инокъ пьянъ, да послѣднаго рельцу инокъ допился... А я ни вотъ эстолько... Табакъ у тебя съ собой есть?

— Я не курю.

— А еще мірянинъ!... Эхъ вы... Господа, у кого табачокъ?

Въ монастырской гостиницѣ иноки ходили тоже веселенькіе, головами поматывали, ногами забирали совсѣмъ не въ ту сторону, куда слѣдуетъ. Одинъ, сидя на окнѣ, начиналъ все «Богородице Дѣва радуйся», а сводилъ непремѣнно на «Сѣни новыя кленовыя»,—изумлялся и опять начиналъ сначала съ тѣмъ же результатомъ. Въ нумерѣ, отведенномъ мнѣ, клопы откровенно ползали по стѣнамъ и черный тараканъ явился освидѣтельствовать, кого Богъ послалъ... Поднимаю подушку, подъ ней—полуштофъ. Сначала думалъ, не вода ли, но оказалась водка.

— Не нужно ли чего?—влетѣлъ оторопѣлый инокъ.

По взгляду, устремленному на подушку, я догадался, что сей самый и есть владѣлецъ полуштофа. Чтобы помучить его, я легъ на постель.

— Ничего.

— Можетъ-быть требуется?

— Нѣтъ.

— Постель вамъ приготовить?

— Самъ сдѣлаю.

— Вы бы вышли, а я бы комнатку подмелъ,—лебезилъ онъ.

— Спасибо, и такъ обойдемся.

— А то у насъ сегодня служба любопытная... съ паркеснымъ пѣніемъ.

— Ну?

— Пошли бы... Я бы вамъ далъ послушника проводить.

— Нѣтъ, я отдохнуть хочу...

Монахъ мялся, мялся у двери... Вышелъ, постоялъ-постоялъ въ корридорѣ и опять стучится.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

— Аминь.

Вошелъ. На лицѣ забота, какъ выручить посудину изъ-подъ подушки.

— Ужинать не хотите ли?

— Нѣтъ, я сытъ.

— А то бы рыбки вамъ. Рыбка у насъ чудесная!... Если хотите, сейчасъ къ повару сходимъ. Я ему велю по вашему вкусу.

— Благодарю васъ.

— Погода сегодня... тепло! Братія вся на дворѣ. Которыя дамы у насъ живутъ, всѣ на крыльцѣ. Благораствореніе воздуховъ!

Мнѣ наконецъ стало жаль инока.

— Что это неловко такъ лежать!... Повернулся—точно камень подъ подушкой.

Приподнялъ я ее.

— Эге, да это вѣрно водка!...

Монахъ подвинулся.

— Богомолецъ должно-быть забылъ.... Нужно къ отцу игумену представить.

— Такъ представьте!—Подаю ему.

— Я представлю.—А самъ уже засовываетъ ее въ карманъ рясы.—Я непремѣнно, сейчасъ...

Монахъ исчезъ и больше не показывался. Не успѣлъ я оглянуться, вваливается въ комнату кудлатый, приземистый отецъ, толстый, на короткихъ лапахъ. Кухней отъ него и масломъ горѣлымъ пахнетъ.

— Я іеромонахъ!—рекомендуется онъ.

— Очень радъ.

— Я же и поваръ здѣшній.

— Что вамъ угодно?...

— Ужинать могу вамъ... Купцы благодѣтельствуютъ... Тутъ недавно изъ Сердоболя Молдаковъ былъ. Я ему сижка подалъ, а онъ мнѣ—пять рублей... И стаканъ хересу... Купцы бываютъ хорошіе. Вы купецъ поди?

— Нѣтъ.

— Ну, все равно.... Лещъ есть.... Ежели угодно щука.

Отдѣлался я и отъ этого... Въ обитель пошелъ. Куда ни ткнешься, вездѣ предлагаютъ то записать умершихъ родныхъ на вѣчное поминовеніе, то пожертвовать на храмъ Божій. Совсѣмъ не то, что на Валаамѣ. Въ садъ вышелъ. Толстая баба бесѣдуетъ съ инокомъ.

— Господь тебя несчастіемъ посѣтилъ, а ты поусердствуй обители и—пройдетъ.

— Ужь такая она, невѣстка-то моя,—о. Симеонъ, уязвительная — страсть!

— Все пройдетъ.... Это Богъ тебя испытуетъ.

— Пока сынъ не женатъ былъ, мы съ нимъ вдвоемъ душа въ душу жили, какъ курицы. А ужь и невѣстушка попалась, Господи!... То-есть скрозь землю на десять сажонъ видитъ. Только о. Симеонъ одно меня утѣшаетъ—дочка у нихъ, внучка мнѣ приходится... Все бы простила!

— Ты о храмѣ, о храмѣ-то подумай!... Достатокъ у тебя, слава Богу, — есть изъ чего...

— Какая она капитошка, но и какая же она шельма!... Сколь хитра!...

— Ты вотъ что: давай пять рублей, а я за тебя всю ночь молиться стану.

— Можетъ и полегчаетъ?

— Какъ не полегчать,— полегчаетъ... Въ молитвѣ — сила! Невѣстка-то и смирится.

— Главное, чтобъ она у меня прощенія просила.

— Небось—попроситъ.

— Но только ежели она въ ноги не поклонится,— я ей не прощу.

— Зачѣмъ прощать!...

Въ скитъ поѣхали. Знаменитый Конь-камень по пути осмотрѣли. Ничего особеннаго. Въ скитахъ—новая сцена. Трое монаховъ и всѣ подъ вліяніемъ язычника Бахуса. Въ углу подъ лав-

кой кошка видимо только-что окотилась и одинъ изъ иночествующихъ при ней исполнялъ обязанность акушерки.

— Котятки, слѣпые! — изумлялся и восторгался онъ. Двое другихъ занимались споромъ.

— Дуля!—говорилъ одинъ, пошатываясь.

— Врешь, груша!—упорствовалъ другой.

— Гдѣ тебѣ знать... Я капитанъ и ежели говорю дуля, значитъ — дуля!

— А я тебѣ говорю — груша!

Вошли въ церковь. Инокъ, только-что исполнявшій столь успѣшно обязанности акушерки, за нами.

— На вѣчное поминовеніе!... Хотите—три рубля?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ молебны... По рублю молебенъ.

— Спасибо, спасибо.

— А то вотъ крестъ!

Въ углу дѣйствительно стоитъ крестъ простаго сосноваго дерева.

— Это крестъ знаменитый!

— Чѣмъ же?

— На немъ Христосъ былъ распятъ.

— На этомъ самомъ?

— На немъ, на немъ!... Отъ зубной боли содѣйствуетъ.

Монахъ вытащилъ изъ кармана ножикъ, отрѣзалъ кусокъ креста и подалъ намъ.

— Какъ зубы заболѣютъ, угрызите и—пройдетъ.

Дали ему какую-то мелочь,— удовлетворился.

— Это крестъ чудотворный. Отъ неплодія тоже споспѣшествуетъ и отъ дурнаго глаза помогаетъ.

Мы вышли. У дверей церкви тѣ же двое...

— Дуля!

— Врешь, груша!

— А я тебѣ говорю—дуля!

— Нѣтъ, груша.

Поѣхали черезъ лѣсъ. Въ лѣсу корелки—въ пестромъ, подъ руку съ монахами. Нѣкоторые изъ иночествующихъ даже клобуки сдвинули лихо на ухо, руки держатъ калачикомъ и, ведя толстыхъ корелокъ, усиливаются явиться джентльменами въ полномъ смыслѣ.

— Что-жь это за монастырь такой!—изумился мой спутникъ.— Только нѣсколько часовъ отъ Валаама — и такая противоположность. Богъ знаетъ, что такое! Всѣ пьяны. Положимъ, сегодня воскресенье... И вдругъ эти монахи подъ руку съ бабами!... Точно я въ Демидронѣ....

На другое утро мы отплыли отъ этого дворянскаго монастыря. Кругомъ шумѣли волны Ладоги. Все небо было окутано тучами. Кое-гдѣ на водѣ лежалъ туманъ клочьями. Вѣтеръ не разгонялъ ихъ, а только перемѣщалъ ихъ съ одного пункта на другой. Вчерашній послушникъ, уже одѣтый въ мірское, буйствовалъ около буфета.

— Нѣтъ, ужь теперь въ монастырь не пойду,— нѣтъ!...

— Не хотите?

— То-есть вотъ какъ: ради спасенія души и то не пойду!... Сами подлецы пьютъ, а мнѣ нельзя... А каково это моему сердцу? Сами лопаютъ, а для меня—грѣхъ... Гдѣ это видано? Къ нимъ бабы-корелки ѣздятъ, я молчу. Дай же и мнѣ... Не все же посвински... Теперь всего хочу!... Думалъ, совсѣмъ въ монахи,— нѣтъ, врешь... Этого вотъ не пробовалъ?—И онъ къ самому лицу собесѣдника протягиваетъ кулакъ.

— Они дѣйствительно... Ужасти—какіе эти монахи!...

— То-есть что я видѣлъ,—ахъ сколько!... И не разсказать!

Пьяная бесѣда длилась до тѣхъ поръ, пока впереди не показался входъ въ Неву.

В. И. Немировичъ-Данченко.

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

А. М. Сулливана.

(Переводъ съ англійскаго.)

IV *).

Конфедерація риббонменовъ.

Въ теченіе полустолѣтія (отъ 1820 до 1870 г.) тайная конфедерація, основанная на клятвѣ и извѣстная подъ именемъ «Ribbon Society», была источникомъ постояннаго горя и непрерывнаго ужаса для земледѣльческихъ классовъ Ирландіи. Лордъ въ своемъ замкѣ и крестьянинъ въ своей хижинѣ одинаково чувствовали существованіе этой ненавистной власти.

Мнѣ кажется, можно доказать, что въ Ирландіи болѣе чѣмъ въ теченіе цѣлыхъ 100 лѣтъ, или даже съ начала прошлаго столѣтія, не переставали существовать такія или иныя тайныя аграрныя конфедераціи и всѣ онѣ возникали изъ одного источника—бѣдствій и раздоровъ, порождаемыхъ дурной поземельною системой. Однакожь не многія изъ нихъ достигли размѣровъ риббонской конспираціи и ни одна не существовала такъ долго, какъ эта.

И тѣмъ болѣе странно, даже невѣроятно, что хотя существованіе ея и составляло такой же общеизвѣстный фактъ, какъ царствованіе королевы Викторіи или жизнь Даніэля О'Коннеля,—хотя данныя объ ея преступленіяхъ потрясали судей и присяжныхъ, а отчеты о процессахъ по нимъ занимали собою пар-

*) *Русская Мысль*, апрѣль.

ламентскіе комитеты и наполняли увѣсистыя синія книги,—тѣмъ не менѣе до сихъ поръ существуетъ большое разногласіе мнѣній и выводовъ относительно ея настоящихъ цѣлей, происхожденія, устройства, характера и назначенія.

Всего болѣе распространено мнѣніе, что единственной и главною цѣлью ея существованія было преобразованіе поземельныхъ отношеній, а не политическій вопросъ или сверженіе существующаго правительства. Но такое заключеніе можетъ быть плодомъ только поверхностнаго знанія или неточнаго изслѣдованія предмета. Чѣмъ бы ни былъ позднѣйшій риббонизмъ, несомнѣнно, что въ раннюю пору своего существованія онъ держался именно «политическихъ» цѣлей въ указанномъ смыслѣ слова. Можетъ-быть вѣрнѣе будетъ сказать, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи и въ нѣкоторые періоды существованія онъ представлялъ организацію этого характера, ибо я давно уже убѣдился, что риббонизмъ одного времени совсѣмъ не то, что риббонизмъ—другого и что толкованіе его цѣлей и характера собственными его членами въ одномъ графствѣ или околодкѣ не таковы, какъ въ другомъ. Въ Ульстерѣ онъ объявлялъ себя лигой защиты мщенія противъ оранжистовъ; въ Мюнстерѣ онъ сначала былъ направленъ противъ сборщиковъ десятины; въ Канаутѣ былъ организованъ противъ высокихъ рентъ и изгнаній; въ Лейнстерѣ онъ предписывалъ своими приказами и вынуждалъ своимъ мщеніемъ наемъ или увольненіе рабочихъ, мастеровъ и даже домашней прислуги. Это послѣднее видоизмѣненіе вообще предшествовало вымиранію организаціи въ данной мѣстности и было, очевидно, самою низкой и недостойною формой, въ которую она съ теченіемъ времени выродилась или опустилась. Однако несомнѣнно, что риббонизмъ вездѣ имѣлъ нѣкоторыя общія формы и черты, и многія изъ нихъ достойны замѣчанія. Во-первыхъ, хотя въ нѣкоторые періоды и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ и принималъ видъ политической организаціи, но въ отчетахъ о риббонскихъ процессахъ невозможно найти ни указаній, ни слѣдовъ участія въ немъ людей съ положеніемъ въ обществѣ или образованіемъ выше самаго низкаго уровня, и едва ли мнѣ нужно прибавлять, что ни въ какое время ирландской исторіи эта организація не была въ точномъ смыслѣ слова политическимъ тайнымъ обществомъ. Риббонское Общество, кажется, составлялось исключительно изъ фермеровъ, крестьянъ и чернорабочихъ, а въ городахъ — изъ мелкихъ ла-

вочниковъ, въ домахъ которыхъ и собирались «ложи». Ихъ документы, переписка, правила, пароли и адресы показываютъ въ большинствѣ случаевъ грубую безграмотность; тѣмъ не менѣе устройство и управленіе организаціей обнаруживали большое искусство, энергію, бдительность и не малыя средства. Слѣдующій общій фактъ состоитъ въ томъ, что хотя сначала при первомъ появленіи Общества католическое духовенство и вело съ нимъ рѣшительную войну, — съ каѳедры порицало его и даже шло такъ далеко, что отказывало его членамъ въ причастіи,—Общество было исключительно католическое. Протестантъ не могъ сдѣлаться членомъ его ни подъ какимъ видомъ; мало того, не принимались даже лица состоявшія въ близкомъ родствѣ съ протестантами. Эта черта едва ли не единственная, имѣвшая всеобщее распространеніе и оставшаяся неизмѣнною въ сотнѣ формъ ирландскаго риббонизма. Такой фактъ, между прочимъ, повелъ къ крайне ошибочному мнѣнію, которое приписываетъ организаціи цѣли фанатическаго сектантства и поощряетъ стрянанье довольно неловко сочиненныхъ «риббонскихъ клятвъ». Одна изъ нихъ цитировалась Монкомъ въ палатѣ общинъ 18 марта 1871 года и гласитъ слѣдующее:

«Клянусь содѣйствовать въ случаѣ нужды всѣми моими силами и умомъ избіенію протестантовъ, изведенію еретиковъ, сожиганію британскихъ церквей и истребленію какъ протестантскихъ, такъ и всякихъ другихъ королей и князей и охраненію римской церкви и ея организаціи... Я клянусь также вѣритъ, что не существуетъ разрѣшенія ни папы римскаго, ни какой другой власти въ этой церкви или какой другой для отреченія отъ власти папы».

Подложность этого документа тотчасъ же была замѣчена и указана въ Ирландіи. Авторъ его не только не былъ католикомъ (какимъ необходимо долженъ быть всякій риббонменъ), но онъ даже не былъ знакомъ съ тѣмъ, какимъ образомъ католики относятся къ задѣтому здѣсь предмету. Они никогда не говорятъ и не пишутъ о своей католической церкви, какъ объ «этой церкви»; «папа римскій» — въ Ирландіи также фраза чисто-протестантская, а не католическая; ирландскіе крестьяне едва ли знаютъ, что такое «британскія церкви». Даже главный секретарь Ирландіи (лордъ Гартингтонъ) призналъ, что хотя копія этого документа и была найдена въ одномъ домѣ близъ Муллингара, но его подлинность не была засвидѣтельствована въ Дублинскомъ замкѣ.

Подлинныхъ риббонскихъ клятвъ, достовѣрно употреблявшихся въ ложахъ, удивительное множество и разногласія ихъ вполнѣ подтверждаютъ мое мнѣніе, что сбивчивость свѣдѣній о началѣ, характерѣ и цѣляхъ организаціи мѣшала раскрытію ея, или что существовало нѣсколько риббонскихъ системъ, совершенно противоположныхъ другъ другу. Въ періодъ отъ 1820 до 1870 г. было обнаружено или «сообщено» подъ присягой болѣе двадцати противорѣчащихъ риббонскихъ клятвъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, заключаютъ обязательства на самую преданную вѣрность королевѣ; другія — присягу въ вѣрности «Даніэль О'Коннелю, настоящему королю Ирландіи, или его старшему сыну — Морису О'Коннелю, нашему главнокомандующему». Противорѣчіе этихъ двухъ клятвъ или родовъ клятвъ, добытыхъ не только въ свидѣтельскихъ комнатахъ, но и въ самыхъ собраніяхъ ложъ въ числѣ другихъ рукописныхъ документовъ, объясняется различно. Одно изъ очень вѣроятныхъ мнѣній заключается въ томъ, что мѣстныя должностныя лица Общества во многихъ случаяхъ прибавляли къ данной формѣ свои собственныя слова. Общими чертами всѣхъ клятвъ, кажется, было: храненіе тайнъ Общества, безпрекословное повиновеніе его должностнымъ лицамъ, готовность собираться и исполнять приказы «въ теченіе двухъ часовъ», обязательство помогать сочлену въ случаѣ его побоевъ или обиды. А въ нѣкоторыхъ экземплярахъ заключался даже параграфъ — «не напиваться до пьяна, чтобы не открывать тайнъ Общества».

Не особенно давно мнѣ показывали печатный рапортъ (кажется, теперь очень рѣдкій) суда въ Дублинѣ въ 1840 г. надъ Ричардомъ Джонсомъ, первымъ высшимъ должностнымъ лицомъ и, по всей вѣроятности, первымъ членомъ Риббонскаго Общества, котораго правительство получило возможность осудить только послѣ двадцатилѣтнихъ безплодныхъ усилій подкопаться подъ организацію. Въ этомъ документѣ часто дѣлаются ссылки на книгу, найденную у подсудимаго, въ которой находится нѣчто въ родѣ стенографическихъ копій со всей его переписки съ разными ложами и ихъ должностными лицами, а также знаки, пароли, законы и правила Общества. Правительство не представило на судъ всего содержанія этой книги; но для собственныхъ надобностей съ нея была снята полная копія,—вѣроятно, это былъ самый обстоятельный и достовѣрный документъ, какимъ правительство когда бы то ни было располагало относительно харак-

тера, цѣлей и дѣятельности Риббонскаго Общества. Правительственные документы не всегда строго охраняются,—тождественный рукописный переводъ тайной книги Джонса находится теперь въ моихъ рукахъ *).

Джонсъ былъ прикащикомъ у одного торговца на Смитфильдскомъ рынкѣ въ Дублинѣ и состоялъ главнымъ секретаремъ риббонской организаціи въ Ирландіи. Въ дѣйствительности онъ, кажется, былъ душой Общества. Чтеніе его корреспонденціи несомнѣнно показываетъ, что риббонизмъ того времени имѣлъ политическія цѣли и нѣкоторыя претензіи. Самъ Джонсъ, рисующійся въ нихъ, очевидно, человѣкомъ не дюжинныхъ способностей и силы характера, несмотря на свое очень дурное образованіе, отнюдь не обнаруживаетъ чего-нибудь подобнаго вульгарному и продажному плутовству, въ которомъ обыкновенно обвиняютъ риббонскихъ организаторовъ. Съ начала до конца онъ энергически старается подавить въ Обществѣ раздоры, совѣтуетъ союзъ и поощряетъ изгнаніе изъ него дурныхъ или сомнительныхъ личностей. Во всемъ дѣлѣ я не нашелъ ни слѣда себялюбивой корысти или выгоды, а скорѣй совсѣмъ напротивъ. Что касается до цѣлей всей конфедераціи, то хотя по этому пункту тамъ и существуетъ удивительная неопредѣленность, сбивчивость, тѣмъ не менѣе письма Джонса полны намеками вполнѣ политическаго характера: «сдѣлать Ирландію свободной», «освободить нашу страну», «соединить всѣхъ католиковъ» — встрѣчаются безпрестанно, какъ великія цѣли Общества. 24 апрѣля 1838 года Джонсъ пишетъ къ одному должностному лицу Общества въ Англіи: «Извѣстите насъ немедленно, каково направленіе друзей, принадлежащихъ къ гиберніанамъ въ Ливерпулѣ. Если они дѣйствуютъ на пользу своей родины, то пусть соединятся съ людьми желающими видѣть ее свободной. *Соединяйтесь и освободите вашу родину*! — должно быть девизомъ всякаго честнаго ирландца». Мало того, какъ это ни странно, я нашелъ въ одномъ изъ писемъ Джонса, *не читанныхъ* на судѣ, замѣчаніе, которое звучитъ особенно курьезно въ теперешнее время: «Часъ затрудненій для Англіи близокъ,—русскій медвѣдь подходитъ къ ней въ Индіи». 21 мая 1838 года Андрей Дардисъ и Ричардъ Джонсъ, великій

*) Я увѣренъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ смерти извѣстнаго чиновника Дублинскаго замка, черезъ большія книжныя лавки Дублина прошли гораздо болѣе важные документы.

Прим. авт.

мастеръ и великій секретарь, пишутъ начальнику провинціальной ложи: «Мы рады слышать, что народъ вашего графства, прежде враждебный интересамъ родины, собирается съ вами 27-го числа, чтобъ объединиться въ чувствахъ». Наконецъ, становится вполнѣ яснымъ, что въ нѣкоторомъ туманно-общемъ смыслѣ риббонмены этого періода были склонны смотрѣть на организанію какъ на политическое учрежденіе противное правительству, а не какъ на простую аграрную лигу, какою она сдѣлалась позднѣе.

Имя «Риббонскаго Общества» она получила не раньше какъ около 1826 года Прежде она была извѣстна подъ именами «Liberty Men», «Religions liberty Sistem», «United Sons of Irish Freedom», «Sons of Shamrock» и другими. Съ раннихъ временъ существовало нѣсколько риббонскихъ организацій, враждовавшихъ другъ съ другомъ, и великая заслуга Джонса, кажется, въ томъ и состояла, что онъ прекратилъ эту борьбу и вызвалъ слiяніе.

Правительство по-истинѣ становилось въ тупикъ передъ противурѣчивыми отчетами объ Обществѣ, которые отъ времени до времени ему посылали магистраты и полиція. Больше же всего оно вводилось въ заблужденіе выдумками нанятыхъ агентовъ или доносчиковъ въ рядахъ самой организаціи. Эти послѣдніе были довольно многочисленны и ихъ «сообщенія», по крайней мѣрѣ по количеству, стоили своей платы; но само правительство сознавалось, что едва ли хоть въ одномъ изъ этихъ случаевъ и по поводу хоть одной частности оно можетъ полагаться на ихъ росказни. Доносчики, кажется, знали очень мало о томъ, что дѣйствительно существовало, но за то очень многое выдумывали сами. М-ръ Барнсъ, штатный магистратъ и вполнѣ довѣренное лицо правительства, пишетъ главному секретарю относительно одного изъ этихъ доносчиковъ, о разсказахъ котораго лордъ-лейтенантъ спрашивалъ его мнѣнія,—слѣдующее:

«Этотъ человѣкъ былъ мнѣ извѣстенъ съ прошлаго октября мѣсяца. Изъ знакомства съ нимъ я не колеблюсь аттестовать его за одного изъ совершенныхъ и отъявленныхъ плутовъ во всей Ирландіи. Прежде онъ былъ полицейскимъ и уволенъ за дурное поведеніе. Онъ—протестантъ и перешелъ въ католицизмъ, какъ увѣрялъ меня, съ цѣлью сдѣлаться риббонменомъ и выдавать ихъ тайны. Служилъ у меня 4 или 5 мѣсяцевъ тайнымъ агентомъ для доставленія свѣдѣній, получилъ за это время около

15 фунтовъ и кончилъ наши отношенія тѣмъ, что объявилъ себя — и готовъ былъ подтвердить это подъ присягой — однимъ изъ участниковъ шайки, убившей Моррисона (повѣреннаго лорда Лортона), предлагая при этомъ себя въ свидѣтели и прося «награды и прощенія» за доносъ. Зная навѣрно, что все это—ложь, я рѣшился не имѣть съ нимъ больше никакихъ дѣлъ и прекратилъ всякія сношенія».

Другіе магистраты не были такъ проницательны, какъ Барнсъ, и этотъ «совершенный и отъявленный плутъ» вездѣ находилъ себѣ мѣста, какъ тайный агентъ для слѣженія за риббонизмомъ. Есть очень мало поводовъ думать, что на этомъ пути онъ употреблялъ пріемъ, къ несчастію очень нерѣдкій, въ преслѣдованіи тайныхъ обществъ Ирландіи, именно самъ вербовалъ членовъ и организовалъ или совершалъ преступленія, а потомъ доносилъ властямъ и подъ присягой обвинялъ обманутыхъ простаковъ и соучастниковъ *).

М-ръ Голлъ Рованъ, штатный магистратъ, сдѣлавшій, кажется, разоблаченія риббонизма своею спеціальностью, доставилъ самыя точныя свѣдѣнія по этому предмету. Во многихъ случаяхъ онъ, очевидно, слишкомъ легковѣренъ и даже правительство считаетъ его свѣдѣнія часто преувеличенными, однакоже, несомнѣнно, въ нихъ много и истины. Согласно ему, существовало «Общество тайныхъ риббонменовъ» (Society of Confidential Ribbonmen). Онъ подробно разсказываетъ со словъ одного изъ своихъ агентовъ, несомнѣнно принадлежащаго къ вышеуказанному разряду людей, что оно было основано въ 1798 году лордомъ Эдуардомъ Фицгеральдомъ; что его «настоящія цѣли заключались въ низверженіи королевы и замѣщеніи ея католическимъ королемъ Ирландіи, Даніэлемъ О'Коннелемъ, представителемъ г. Дублина въ парламентѣ,—въ уничтоженіи протестантской религіи въ

*) М-ръ Фоссетъ, главный магистратъ Слиго, пишетъ секретно лорду-лейтенанту въ отвѣтъ на его запросъ объ одномъ изъ такихъ доносчиковъ: «Это очень сомнительная личность, на непровѣренныя показанія которой никакъ не слѣдуетъ полагаться. Мнѣ кажется, его цѣль—извлекать изъ своихъ доносовъ деньги». М-ръ Браунригъ, провинціальный полицейскій инспекторъ, пишетъ о другомъ: «Онъ — человѣкъ очень дурныхъ качествъ»,—о третьемъ: „Я имѣю свѣдѣнія отъ лица, которому можно довѣриться, что это очень дурной человѣкъ". О четвертомъ штатный магистратъ, м-ръ О'Брайенъ, говоритъ: „Показанія упомянутаго Джонса ничего не стоятъ. М-ръ Браунригъ и я пришли къ заключенію, что онъ не говоритъ ни одного слова правды и что его цѣль—получать деньги". Такихъ фактовъ можно привести множество.

Ирландіи и въ возвращеніи прежнимъ владѣльцамъ имѣній, отнятыхъ насиліемъ Кромвелля, списки которыхъ хранятся у католическаго духовенства». Общество было распространено по всей Ирландіи и управлялось собраніемъ, носившимъ имя «великой риббонской ложи Ирландіи» (Grand Ribbon Lodge of Ireland); оно состояло изъ представителей отъ различныхъ провинціальныхъ организацій. Каждый приходъ доставлялъ четыре раза въ годъ отчеты о числѣ членовъ. Въ каждомъ изъ нихъ былъ «приходскій комитетъ» (Parochial Committee) изъ 12 членовъ, включая «приходскаго начальника» (Parochial Master). Делегаты отъ всѣхъ такихъ приходскихъ комитетовъ составляли въ каждомъ баронствѣ—«баронскую ложу» (Baronial Lodge). Всѣ приказы Общества требовали отъ членовъ повиновенія подъ страхомъ смерти. Члены Общества въ каждомъ графствѣ узнавали другъ друга по знакамъ и паролямъ, которые издавались на каждый мѣсяцъ главною ложей и мѣнялись всякій разъ, какъ только являлось основаніе думать, что существующіе или текущіе знаки («товары», какъ они назывались) могли быть открыты полиціей. Были особенныя фразы для привѣтствія и «слова для ссоры», т.-е. слова, которыя два ссорившіеся между собой человѣка должны были употреблять для того, чтобъ убѣдиться, не «братья» ли они, и въ послѣднемъ случаѣ немедленно остановиться. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ знаковъ и паролей:

Для октября.

Замѣчаніе. Зима приближается.
Отвѣтъ. Уже время ожидать этого.
Замѣчаніе. Нашъ врагъ найденъ.
Отвѣтъ. Наши стражи бдительны.

Ночью.

Зам. Свѣжая ночь.
Отв. Время ожидать этого.

Для ссоры.

Зам. Вы ошибаетесь.
Отв. Сожалѣю объ этомъ.

Знаки.

Правая рука къ правому колѣну, а большой палецъ лѣвой руки въ карманѣ штановъ.

Нужно замѣтить, что первое замѣчаніе всегда состоитъ изъ безобиднаго и общаго мѣста, которое не можетъ вызвать подозрѣнія, если даже и будетъ обращено къ чужому человѣку. «Зима приближается» — замѣчаніе, не выходящее изъ ряда вонъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Если за нимъ слѣдуетъ немедленный отвѣтъ: «Время ожидать этого», то первый имѣетъ основаніе думать, что онъ говоритъ съ «братомъ»—риббонменомъ. Чтобъ окончательно убѣдиться въ этомъ, онъ дѣлаетъ второе замѣчаніе, понятное только для члена Общества: «Нашъ врагъ найденъ»,—и отвѣтъ: «Наши стражи бдительны»—окончательно устанавливаетъ братство между обѣими сторонами. Такимъ же образомъ объясняются и ссорныя слова. Вотъ другія формы:

Зам. Дни становятся длинны.

Отв. Жизнь человѣческая укорачивается.

Зам. Не получили ли вы какихъ новостей?

Отв. Имъ хорошо въ Канадѣ.

Ссорныя слова.

Зам. Не слѣдуетъ быть охотникомъ до ссоръ.

Отв. Отнюдь нѣтъ.

Даже тогда, 40 лѣтъ тому назадъ, Россія такъ часто фигурировала въ англійской политикѣ, что ея имя нашло себѣ мѣсто въ этихъ пароляхъ.

Зам. Какого вы мнѣнія о теперешнемъ времени?

Отв. Я думаю, что рынки поднимаются.

Зам. Иностранная война служитъ причиной этого.

Отв. Это русскіе хотятъ тиранизировать, но сыны Ирина, гдѣ бы они ни были, всегда должны стоять на почвѣ законности.

Ночныя слова.

Зам. Сколько лѣтъ лунѣ?

Отв. Право, я не знаю.

Знакъ.

Правая рука третъ лобъ. Въ отвѣтъ лѣвая рука опускается въ карманъ.

Начальное замѣчаніе, какъ я уже сказалъ, всегда невинно и искусно касается до текущихъ событій. Такимъ образомъ затрудненія министерства Мельборну тоже попали сюда:

Зам. Что вы думаете о правительствѣ?

Отв. Оно сильно расколото.

Зам. Еслибы только сыны Патрика *) могли все преодолѣть.

Отв. Добыть права Грану Эйль **).

Съ давнихъ поръ среди риббонменовъ былъ въ употребленіи обычай давать свои знаки и пароли, на подержаніе, въ случаѣ опасности или другой помощи, друзьямъ, часто людямъ совершенно далекимъ отъ риббонизма. Покойный Джонъ Грей разсказывалъ мнѣ, какъ онъ вотировался въ 1852 г. въ представители графства Монаганъ. Пріѣхавши въ городъ, онъ узналъ, что противники купили себѣ въ одномъ околодкѣ поддержку риббонменовъ, какъ избирательной толпы, которые и должны не пропустить его черезъ городъ къ площади избирательнаго собранія. Онъ вполнѣ понималъ опасность появиться среди этихъ людей; но въ послѣднюю минуту его отчаянія на помощь явился неожиданный другъ. Это была таинственная личность, которая сказала, что «для Ирландіи было бы позоромъ, еслибы патріотическій издатель *Freeman's Journal*'а былъ побитъ палками среди улицы или принужденъ прятаться въ своемъ отелѣ». Поэтому онъ довѣрилъ Джону Грею текущіе риббонменскіе знаки, первый изъ которыхъ былъ—просто провести пальцемъ правой руки по рту. Грей колебался одну минуту, не была ли это ловушка, чтобы заманить его въ среду враговъ, однако быстро отбросилъ эту мысль и смѣло рѣшился идти. Товарищи въ отелѣ, не зная въ чемъ дѣло, напрасно старались удержать его. Когда онъ вышелъ на улицу, то среди толпы, тѣснившейся около дверей, раздались свирѣпые крики и сотни палокъ поднялись въ воздухѣ. Онъ спокойно поднесъ руку ко рту и сдѣлалъ знакъ. «Только на одинъ мигъ,—сказалъ онъ, передавая мнѣ разсказъ,—ужасная неизвѣстность мелькнула въ моемъ умѣ; но я сдѣлалъ надъ собой усиліе и не показалъ ни слѣда смущенія. Моментально все смолкло, всѣ палки опустились, толпа разступилась и я свободно прошелъ среди нея до самой площади, гдѣ въ зданіи суда происходило собраніе избирателей».

Я самъ знаю случаи, гдѣ поддержка или противодѣйствіе риббонменовъ на выборахъ покупались на фунты, шиллинги и

---

*) Фигуральное имя Ирландіи.

**) Въ это время происходило канадское возстаніе М. Папино.

пенсы. Ричардъ Свифтъ, выбранный въ 1852 году представителемъ въ парламентъ отъ Слиго, одинъ изъ наиболѣе искреннихъ и достойныхъ англичанъ, когда бы то ни было исполнявшихъ общественную службу для Ирландіи,—былъ забаллотированъ въ 1857 г. навѣрно только потому, что отказался дать ложамъ требуемую ими, въ качествѣ дани, сумму денегъ.

Однакожь, я долженъ прибавить, мнѣ извѣстны другіе случаи, гдѣ риббонмены держались менѣе продажной политики,—они презрительно отказывались драться за плату.

Но, увы, если кто-нибудь вздумаетъ взглянуть на дѣйствительные результаты риббонской системы въ Ирландіи, обозрѣть ея кровавую работу 50-ти лѣтъ, тому представится ужасный видъ! Не разъ говорилось и, вѣроятно, не безъ основанія, что установился ложный обычай приписывать риббонской организаціи всякую гнусность, совершенную въ странѣ, всякое кровавое дѣло, повидимому, возникшее изъ аграрной лиги или конспираціи. Разсказы о ночныхъ трибуналахъ и смертныхъ приговорахъ на собраніяхъ ложъ встрѣчались горячимъ отрицаніемъ и требованіемъ доказательствъ. Очень можетъ быть, что отчеты о собраніяхъ ложъ и не представляютъ такихъ доказательствъ, однакожь существуетъ множество указаній на то, какъ ложи издавали распоряженія объ угрожающихъ объявленіяхъ и предостереженіяхъ и предписывали посѣщеніе домовъ съ террористическими цѣлями. Но напрасны старанія доказать, что Риббонское Общество не сдѣлалось въ концѣ концовъ, каковы бы ни были цѣли и намѣренія его первыхъ членовъ, гнусною организаціей для преступленія и убійства. Одно изъ неизбѣжныхъ золъ подобныхъ тайныхъ обществъ, основанныхъ на клятвѣ и управляемыхъ посредствомъ безпрекословнаго повиновенія младшихъ старшимъ, заключается въ томъ, что они очень легко и быстро могутъ опускаться до самаго низкаго уровня деморализаціи и становятся союзами для удовлетворенія лишь личной мести. Люди, посвящающіе себя систематическимъ убійствамъ ради какихъ бы то ни было цѣлей, до того быстро извращаются, что отнятіе жизни въ ихъ глазахъ перестаетъ быть гнуснымъ дѣломъ. Было время, когда риббоменскія преступленія вызывали во всякомъ случаѣ сильное возбужденіе; но затѣмъ явилось время, когда они начали своимъ излишествомъ вызывать отвращеніе общественной совѣсти. Месть Общества была жестока и ужасна. Около сорока лѣтъ тому назадъ католическое крестьянство граф-

ства Лонгфорда было объято паническимъ ужасомъ, увидя ясные признаки систематическаго вытѣсненія себя изъ страны съ цѣлью очистить мѣста для протестантскаго «насажденія». Лорда Лортона въ значительной степени слѣдуетъ считать отвѣтственнымъ за эту тревогу и ея послѣдствія. Онъ началъ поголовныя изгнанія своихъ католическихъ арендаторовъ при самыхъ затруднительныхъ для нихъ обстоятельствахъ; нѣсколько фермъ были послѣдовательно очищены и переданы въ руки пришельцевъ протестантовъ. Народная паника, безъ сомнѣнія, сильно преувеличила то, что было сдѣлано, и то, что имѣлось въ виду сдѣлать; но его дѣйствительныхъ поступковъ было достаточно для того, чтобы вызвать возникшее отсюда дикое возбужденіе. Оно вылилось въ одну изъ поразительныхъ главъ дикой мести въ ирландской лѣтописи. Стараясь защитить самого себя и объяснить свой образъ дѣйствій, лордъ Лортонъ разсказывалъ впослѣдствіи такимъ образомъ о судьбѣ протестантскихъ фермеровъ—Брока, Діамонда, Мурхеда, Коля, Каткарта, Роллинса, другаго Діамонда, другаго Мурхеда и Моррисона, водворенныхъ имъ на фермахъ изгнанныхъ католиковъ:

Что сталось съ Брокомъ?—«Онъ былъ убитъ вскорѣ послѣ занятія фермы, около своего дома, въ 6 часовъ вечера».

Что сталось съ Діамондомъ? — «На него напали и сильно изувѣчили. Теперь онъ въ безпомощномъ состояніи».

Что сталось съ Александромъ Мурхедомъ? — «Онъ потерялъ весь свой скотъ въ январѣ».

Что сталось съ Колемъ?— «Его ранили и избили самымъ жестокимъ образомъ, когда онъ ѣхалъ покупать скотъ. На выздоровленіе нѣтъ надежды».

Что сталось съ Каткартомъ? — «Въ него стрѣляли четыре раза и наконецъ убили около собственнаго дома».

Что сталось съ Роллинсомъ?—«Роллинсъ и другой Діамондъ жили вмѣстѣ. Ихъ скотъ былъ найденъ перебитымъ, ободраннымъ и зарытымъ въ болотѣ».

Что сталось съ Гугомъ Мурхедомъ?—«Его убили вечеромъ, когда онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ своимъ небольшимъ семействомъ возлѣ огня».

Что сталось съ Вильямомъ Моррисономъ?—«Онъ былъ убитъ. Шайка вооруженныхъ людей напала на него и убила въ одномъ домѣ въ Друмлишѣ».

Этотъ ужасный перечень всякому даетъ понятіе о дѣяніяхъ тайныхъ аграрныхъ обществъ. Меня это, конечно, особенно возмущаетъ еще и потому, что тутъ примѣшивается религіозный элементъ. Однако картина имѣетъ и другую сторону, на которую стоитъ посмотрѣть. Вина однихъ не уменьшаетъ отвѣтственности другихъ,—нужно имѣть въ виду обѣ стороны. Я привелъ разсказъ о мести убійцъ въ собственныхъ словахъ благороднаго лорда Лортона. Но я долженъ теперь подвести итогъ его собственнымъ поступкамъ со словъ крестьянъ Баллинамука и это будетъ перечень варварскихъ жестокостей. Отношенія между нимъ и народомъ въ это тяжелое время, кажется, приняли видъ смертельной и непримиримой войны. Его собственноручный документъ, писанный за годъ до очищенія Баллинамука (описаннаго ниже) и служащій «оправданіемъ» этого безчеловѣчнаго и потрясающаго дѣла, даетъ нѣкоторое понятіе о нравѣ лорда Лортона:

«Если въ какомъ-нибудь мѣстѣ его владѣній будутъ совершены убійства или другія варварскія преступленія насилія и ближайшіе ассизы не постановятъ обвинительныхъ приговоровъ, то арендаторы будутъ изгнаны со всѣхъ его земель по истеченіи срока контрактовъ».

Иначе говоря, поголовныя изгнанія, равносильныя гибели и смерти раззореннаго народа, должны были непремѣнно послѣдовать, если только корона въ *ближайшихъ* ассизахъ не преслѣдовала и не обвиняла за убійства и другія преступленія. Эдикты Вильгельма Руфуса были несравненно умѣреннѣй этого. Лордъ Лортонъ былъ такъ же добръ, какъ его угроза. Впослѣдствіи онъ публично и искренно высказывалъ свое сожалѣніе объ этой мести, которая вырвалась у него въ минуту раздраженія. Но было уже слишкомъ поздно, — онъ сдѣлалъ то, что не могло поправить никакое раскаяніе. Онъ отдалъ приказъ выгнать все населеніе Баллинамука, а городъ сравнять съ землей. И приказъ былъ исполненъ. Эта сцена никогда не забудется въ Лонгфордѣ.

Одинъ протестантскій ландлордъ и магистратъ въ графствѣ Слиго, который самъ много лѣтъ тому назадъ былъ «posted», т. е. объявленъ въ прокламаціи приговореннымъ къ смертной казни риббонскими властями, увѣрялъ меня, что страшная свирѣпость закона, чрезмѣрныя наказанія и мстительный духъ, съ которымъ они налагались, не мало способствовали погруженію сельскаго населенія въ беззаконное и дикое состояніе.—«Я зналъ человѣ-

ка,—сказалъ онъ,—который былъ казненъ за то, что сломалъ накладку у двери и освободилъ своего собственнаго, но арестованнаго и запертаго, мула». Это называлось примѣрною твердостью... Затѣмъ онъ прибавилъ, что ему извѣстенъ не одинъ случай, гдѣ преступленіямъ риббонменовъ, какъ бы они гнусны ни были, предшествовали самые безсердечные вызовы. По-истинѣ замѣчателенъ случай, благодаря которому, по словамъ моего пріятеля, найденъ былъ трупъ одного убитаго въ его околодкѣ человѣка. Человѣкъ этотъ, по имени Мадденъ, злое, дерзкое, неумолимое существо, соединялъ въ себѣ почти всѣ качества, способныя сдѣлать его ненавистнымъ для народа. Онъ былъ сборщикомъ десятины и отличался грубостью и безчувственностью въ своихъ нашествіяхъ. Кромѣ того, онъ былъ сборщикомъ рентъ и повѣреннымъ. Онъ зналъ, что окружающее населеніе ненавидитъ его, и презрительно отвѣчалъ ненавистью съ своей стороны. Наконецъ, въ ночномъ совѣтѣ было рѣшено, что Мадденъ долженъ умереть. Группы по два и по три человѣка уже нѣсколько разъ подстерегали его за изгородью, но онъ случайно не проходилъ по тѣмъ дорогамъ. Наконецъ было выбрано по крайней мѣрѣ 36 человѣкъ, всѣ раздѣлены на четыре партіи, по девяти въ каждой, и поставлены на всѣхъ путяхъ, какими онъ могъ возвратиться домой изъ базарнаго города. Одна изъ этихъ бандъ встрѣтила, наконецъ, несчастнаго человѣка и убила его въ нѣсколькихъ десяткахъ ярдахъ отъ собственныхъ дверей. Они зарыли тѣло, когда оно было еще тепло (мало того,—ужасно разсказывать,—когда жизнь еще трепетала въ немъ), на углу ближайшаго свѣже-вспаханнаго поля, не оставивши никакихъ видимыхъ слѣдовъ кроваваго дѣла, которые могли бы разсказать о немъ. Мадденъ пропалъ. Поднялась суматоха. Полиція обшарила всю окрестность, обыскала каждый домъ, осмотрѣла каждый кустъ и заборъ — и все напрасно. Даже нити преступленія не было найдено. Казалось, это дѣло погрузилось въ непроницаемую тайну. Однажды дочь убитаго переходила съ одного поля на другое и взошла на старый каменный валъ; камень подался подъ нею и она тяжело упала впередъ. Чтобы предохранить себя отъ ушиба, она уперлась рукой въ землю. Лишь только рука ея погрузилась въ мягкую почву, она коснулась и схватила руку трупа своего отца. Несчастный, повидимому, боролся въ своей могилѣ, когда убійцы оставили ее. Онъ выставилъ одну изъ рукъ вверхъ на разстояніи нѣсколькихъ дюймовъ отъ поверхности!...

Въ періодъ отъ 1835 до 1855 года риббонская организація имѣла наибольшую силу. За послѣднія 15 или 20 лѣтъ она постепенно исчезаетъ изъ большей части Ирландіи, хотя, странно сказать, по временамъ и до сихъ поръ еще проявляется въ одной или двухъ мѣстностяхъ въ наиболѣе низкой и порочной своей формѣ. Съ эмиграціей рабочаго класса она была занесена и въ другія страны, какъ Америку и Англію. Одно время самыя страшныя ложи были въ Ланкаширѣ, куда, говорятъ, была перенесена для безопасности и главная квартира. Она, очевидно, посвятила себя нуждамъ и требованіямъ того класса, изъ котораго пополнялись ея ряды. Какъ дома, въ Ирландіи, она провозглашала требованія фермеровъ и фермерскихъ чернорабочихъ противъ несправедливостей ландлордовъ и ихъ повѣренныхъ, — такъ въ Англіи она доказывала своимъ членамъ выгоды наступательной и оборонительной лиги въ формѣ терроризма. Когда появленіе ирландскихъ чернорабочихъ на англійскомъ рынкѣ труда вызвало противъ нихъ рѣзкую враждебность окружающихъ низшихъ классовъ, они, по необходимости, вынуждены были организоваться въ тайный союзъ для огражденія своего существованія въ Англіи. Но все это теперь исчезло и немногіе запоздалые слѣды деморализованнаго риббонизма, какіе можно теперь найти, состоятъ въ большинствѣ случаевъ лишь въ томъ, что жалкія лиги для самыхъ низкихъ и дурныхъ цѣлей, ради которыхъ ирландецъ убиваетъ ирландца, а также для охраны своего существованія и полученія мѣстъ, въ извѣстныхъ округахъ управляются тайнымъ трибуналомъ. Риббонизмъ былъ убитъ и его существованіе сдѣлалось невозможнымъ по мѣрѣ того, какъ среди массы выростало болѣе здоровое общественное мнѣніе. Здѣсь снова школы и газеты оказались могущественными орудіями нравственнаго и политическаго перерожденія и риббонизмъ осужденъ на исчезновеніе передъ прогрессомъ ума и патріотизма.

V.

Отецъ Матью.

Говорятъ, «два солнца не могутъ сіять на одномъ небѣ». Однакожь въ одномъ и томъ же періодѣ ирландской исторіи рядомъ съ Даніэлемъ О'Коннелемъ, въ зенитѣ славы, стоялъ его замѣчательный соотечественникъ и современникъ—Теобальдъ Матью, «апостолъ трезвости».

Эти два человѣка пріобрѣли себѣ извѣстность и славу совершенно различныхъ характеровъ. Одинъ былъ политическимъ вождемъ, другой — моралистомъ-реформаторомъ. Одинъ опирался на преданность государственной партіи, а другой—на всеобщее уваженіе. Едва ли можно найти страну въ цивилизованномъ мірѣ, гдѣ бы не чтилась память отца Матью. Гдѣ бы ни работали хорошіе люди во имя возвышенія человѣчества, разсказъ объ ихъ дѣятельности всегда будетъ вызывать на смѣлыя попытки; слушая его, всякому невольно хочется, чтобы плоды этой дѣятельности не погибали вмѣстѣ съ дѣятелями, а переживали ихъ.

Теобальдъ Матью родился 10 октября 1790 г. въ Томастоунъгаузѣ, близъ Кешеля въ Типперари, въ то время мѣстѣ пребыванія Джорджа Матью, графа ландаффскаго. Матьюсы родомъ изъ Уэльса и, повидимому, поселились въ Типперари во время гражданской войны 1641 г. Въ 1650 году одинъ изъ членовъ этого семейства, капитанъ Джорджъ Матью, женившійся передъ этимъ на лэди Кагиръ, отъ имени короля владѣлъ замкомъ Кагиръ; но послѣ храброй защиты принужденъ былъ сдать его Кромвеллю. Протекторъ въ собственноручномъ письмѣ подтвердилъ храбрость этой защиты.

Въ раннемъ возрастѣ Теобальдъ былъ посланъ въ Мейнутъ приготовляться въ католическіе священники; но за нарушеніе дисциплины,—кажется, за угощеніе пріятелей-студентовъ въ своей комнатѣ въ незаконные часы,—онъ подвергся удаленію изъ заведенія. Однакожь онъ окончилъ свое духовное образованіе въ капуцинскомъ коледжѣ въ Килькени и былъ посвященъ въ 1814 г. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ священнической дѣятельности въ городѣ Св. Канайса онъ былъ переведенъ начальствомъ въ коркскій мужской монастырь, гдѣ и отдался своимъ обязанностямъ съ необыкновенною ревностью.

Въ порывѣ увлеченія успѣхомъ, какой имѣлъ крестовый походъ отца Матью противъ оньяняющихъ напитковъ, народъ началъ смотрѣть на него какъ на родоначальника и изобрѣтателя всего движенія трезвости; однакожь это невѣрно,—онъ самъ былъ лишь прозелитомъ, приставшимъ къ дѣлу, которое безъ его поддержки могло бы погибнуть въ Ирландіи. Во всякомъ случаѣ въ 1836 г. въ Коркѣ образовалась небольшая группа людей, увлеченныхъ доктриной совершеннаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Они были главнымъ образомъ протестанты, а нѣкоторые изъ наиболѣе дѣятельныхъ между ними принадлежали къ

религіозному исповѣданію, членовъ котораго, насколько хватаетъ моей памяти, можно найти въ числѣ иниціаторовъ почти всякой общественной и нравственной реформы и всякой гуманитарной или благотворительной попытки въ Ирландіи, т. е. къ «Обществу друзей» *).

Когда вокругъ этихъ людей, еще не объявленныхъ сумасшедшими, начало распространяться мнѣніе, что человѣческая жизнь возможна безъ спиртныхъ напитковъ, коркскіе шутники до упаду хохотали надъ ихъ глупостью. На ихъ послѣдователей смотрѣли почти такъ же, какъ въ нынѣшній благословенный 1877 годъ смотрятъ на Шекерскую общину. Отъ нихъ требовалось не мало храбрости, чтобы быть «особеннымъ народомъ» того времени. Нѣсколько позднѣе они смѣло выступили съ рядомъ публичныхъ чтеній, навѣрно зная, что ихъ ожидаютъ всеобщія насмѣшки; это обыкновенно дѣлалось въ убогихъ школьныхъ помѣщеніяхъ или молитвенныхъ домахъ въ глухихъ переулкахъ. Сюда приходили любопытные послушать, что это такое, и посмотрѣть своими собственными глазами на «фанатиковъ и глупцовъ», которые думаютъ, что можно жить на свѣтѣ безъ портера Бимиша или Крауфорда и виски Уайза. Большинство, конечно, «шло посмѣяться» и только немногіе, дѣйствительно, «оставались молиться». Едва ли во всемъ королевствѣ найдется другой городъ, который былъ бы такъ же преданъ сарказму, какъ Коркъ. Каждой извѣстной личности кѣмъ-нибудь изъ мѣстныхъ остряковъ давалось какое-либо прозвище. Всякій фактъ разсматривался съ его комической стороны. Въ столицѣ Мамона быть осмѣяннымъ значитъ быть уничтоженнымъ, и, конечно, это дѣло расхолаживанія людей было покрыто насмѣшками.

Неусыпно работая среди грязи и нищеты бѣднѣйшаго квартала Корка, молодой капуцинъ закладывалъ основаніе того обаятельнаго личнаго вліянія, которое впослѣдствіи составляло такую важную часть его силы. Въ то же время онъ не соглашался оставить ординарныхъ обязанностей своего священническаго званія, хотя онѣ сами по себѣ были тяжелы и утомительны. Его дѣятельность далеко выходила за предѣлы духовной сферы. Онъ устраивалъ школы — воскресныя и ежедневныя, для дѣтей и взрослыхъ; нанималъ въ одномъ мѣстѣ чердакъ, въ другомъ — третій этажъ и организовалъ техническіе классы; дѣвочки обу-

*) Иначе квакеровъ.

чались вязанью и шитью, а мальчики такимъ ремесламъ, къ какимъ оказывались наиболѣе склонны. Затѣмъ не было ни одного госпиталя, пріемной лѣчебницы, благотворительнаго общества или квартирнаго фонда въ Коркѣ, гдѣ бы онъ не былъ душой дѣла, двигающею всякое доброе начинаніе и постоянно побуждающею на новыя и новыя попытки въ томъ же направленіи. Вскорѣ имя молодаго монаха сдѣлалось обыденнымъ словомъ; его неусыпная дѣятельность, его благородное самопожертвованіе, его горячее стремленіе поднять нравственныя и соціальныя условія несчастныхъ массъ повсюду были темой для разговора. Такая дѣятельность неизбѣжно поставила его въ прямыя отношенія съ лучшими людьми и филантропами всѣхъ исповѣданій и классовъ; а прелесть его обращенія, блестящая, геніальная и мягкая натура, его неподдѣльная простота и прямота скоро сдѣлали его любимцемъ какъ протестантовъ, такъ и собственныхъ единовѣрцевъ.

Между первыми было нѣсколько проповѣдниковъ абсолютнаго воздержанія и особенно фанатическій вождь движенія, человѣкъ, котораго имя и до сихъ поръ поминается добромъ корскими купцами и гражданами,—Вильямъ Мартинъ. Этотъ смѣлый квакеръ со своими друзьями долго проповѣдывалъ новое евангеліе—воздержаніе отъ алкоголя; но, несмотря на все уваженіе и теплоту, съ какими относилось къ нимъ окружающее католическое населеніе, они ясно чувствовали, что дать этому дѣлу дѣйствительный ходъ среди народа можетъ только вліятельный и популярный католикъ. Однажды утромъ, когда честный «Биллъ Мартинъ» и отецъ Матью встрѣтились во время своего обычнаго посѣщенія одного госпиталя, между ними зашелъ разговоръ на очень обыкновенную тему о несчастіяхъ народа отъ пьянства. Вдругъ Мартинъ въ порывѣ страстной горечи и упрека остановился и воскликнулъ, обернувшись къ своему товарищу: «О, Теобальдъ Матью, Теобальдъ Матью! чего бы *ты* не могъ сдѣлать, еслибы только захотѣлъ взяться за борьбу съ этимъ врагомъ, раззоряющимъ дома твоего народа!»

Молодой капуцинъ, казалось, былъ пораженъ какою-то таинственною силой. Онъ ничего не отвѣтилъ на возгласъ товарища квакера, ходилъ задумчивый до самаго конца свиданія и ушелъ домой, размышляя надъ его словами, которыя, казалось, не переставали звучать въ его ушахъ: «О, Теобальдъ Матью! чего бы ты не могъ сдѣлать, еслибы взялся за это дѣло».

Если въ Коркѣ былъ человѣкъ, который перепробовалъ всякіе другіе пути освобожденія и поднятія народа, такъ это былъ онъ. И чего онъ не дѣлалъ, чего не пробовалъ, чтобы пьянство не становилось на каждомъ шагу поперекъ его дороги и не разрушало всѣхъ его усилій!...

Но, съ другой стороны, не былъ ли планъ Вильяма Мартина безумствомъ и неосуществимой идеей? Не былъ ли онъ уже осужденъ на гибель юмористическимъ смѣхомъ города? Способенъ ли онъ былъ дѣйствительно сдѣлать то, во что вѣрилъ его другъ?

Нѣсколько дней отецъ Матью былъ серьезно занятъ обсужденіемъ вопроса. Наконецъ, однажды утромъ, вставши съ колѣнъ въ своей небольшой молельнѣ, онъ громко воскликнулъ: «Пусть же будетъ такъ во имя Божіе» *)!

Спустя часъ, онъ былъ уже въ конторѣ Вильяма Мартина. «Другъ Вильямъ! — сказалъ онъ, — я пришелъ сообщить вамъ кое-что новое. Сегодня вечеромъ я хочу присоединиться къ вашему Обществу трезвости».

Прямодушный квакеръ кинулся къ нему, обвилъ руками его шею и расцѣловалъ, какъ ребенка, повторяя: «Слава Богу, слава Богу!»

Такимъ образомъ отецъ Матью приступилъ къ тому дѣлу, съ которымъ такъ памятно связано его имя, и вотъ началась та удивительная нравственная революція, которая скоро заставила встрепенуться все королевство.

Новость, что популярный молодой капуцинъ соединился съ «трезвыми людьми», быстро распространилась по Корку. Это одно сразу заставило народъ серьезно задуматься,—отецъ Матью всегда отличался особенною практичностью своихъ плановъ, попытокъ соціальныхъ улучшеній и нравственныхъ реформъ. Толпы приходили слушать, что онъ скажетъ по этому поводу. Черезъ нѣсколько недѣль списокъ послѣдователей составлялъ уже объемистый томъ и управленіе движеніемъ постепенно переходило въ его собственныя руки. Вскорѣ онъ рѣшилъ, по соглашенію со своими первыми друзьями движенія, основать организацію или скорѣе общество для записыванія зароковъ подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, что и было исполнено 10 апрѣля 1838 г.

*) Этотъ случай разсказанъ въ прекрасной книгѣ покойнаго м-ра Магира, члена парламента: „Отецъ Матью. Біографія“—нѣсколько иначе, но я предпочелъ привести его такъ, какъ самъ слышалъ въ дѣтствѣ.

Слава его усилій и успѣховъ наполняла городъ. Каждая улица, переулокъ и аллея, каждая большая мастерская имѣли свой разсказъ о чудесномъ переходѣ людей отъ нищеты и нужды къ комфорту и счастью, благодаря какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ «присоединенію къ отцу Матью». Каждая мѣстность имѣла свою иллюстрацію, каждый зналъ какой-нибудь домъ несчастнаго пьяницы, который, какъ бы по мановенію волшебника, былъ превращенъ въ мѣсто скромнаго довольства и улыбающагося достатка. Рабочіе классы, казалось, совершенно подались на несомнѣнныя доказательства, что безъ помощи Джона Барлейкорна люди не только могутъ жить, двигаться и поддерживать свое существованіе, но что здоровье, счастье и довольство становятся доступны всякому, кто избѣгаетъ его. Толпы народа, нашедшія эти блага подъ знаменемъ трезвости, были объяты благодарнымъ энтузіазмомъ. Далеко вокругъ распространяли они исторію своего избавленія. Они спѣшили со словами надежды и радости къ каждому страждущему. Всякій обращенный становился въ своемъ кругу горячимъ апостоломъ и прежде истеченія года со дня поднятія знамени отцомъ Матью онъ увидѣлъ себя во главѣ движенія, очевидно, имѣвшаго впереди великую будущность.

Нѣтъ сомнѣнія, что реформація трезвости времени отца Матью въ Ирландіи была въ значительной мѣрѣ плодомъ энтузіазма, который не могъ долго держаться. Его новизна дѣйствовала обаятельно; иначе говоря, люди видѣли вокругъ себя богатые плоды широкой реформы, которая проповѣдывалась и принималась въ ихъ средѣ въ первый разъ. Реакція или факты отступничества еще не убѣдили ихъ въ томъ, что они видѣли только одну блестящую сторону картины,—ужасный урокъ еще не былъ пережитъ,—что «взять на себя обѣтъ» еще вовсе не значитъ рѣшить вопросъ навсегда. Зарокъ еще сохранялъ свою начальную силу и обаяніе. Разлагающій и деморализующій видъ тысячъ, снова и снова возвращающихся къ старому, не разрушилъ еще вѣры народа въ силу движенія.

Какъ бы то ни было, періодъ между 1839 и 1845 годами былъ занятъ безпрепятственнымъ и непрерывнымъ торжествомъ о. Матью. Слава о чудесахъ, совершаемыхъ въ Коркѣ, конечно, распространилась по сосѣднимъ графствамъ; мѣстное духовенство осаждало отца Матью приглашеніями посѣтить ихъ приходы, чтобъ и тамъ народъ могъ принять участіе въ плодахъ его дѣятельности.

Можетъ-быть спросятъ, почему же это духовенство само не проповѣдывало обѣтовъ совершеннаго воздержанія? Почему такъ необходимы были присутствіе и личная проповѣдь отца Матью? Если благочестивое и краснорѣчивое убѣжденіе могло заставить людей присоединяться къ движенію, хорошіе результаты котораго были такъ поразительно доказаны, развѣ не было сотенъ священниковъ и свѣтскихъ—искреннихъ и краснорѣчивыхъ людей, готовыхъ распространять крестовый походъ противъ пьянства? Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ томъ, что успѣхъ отца Матью былъ основанъ на его личномъ вліяніи, на обаяніи и магическомъ дѣйствіи его личнаго увѣщанія. Мало того, значеніе его имени и порывъ, съ которымъ его встрѣчали въ каждой мѣстности, давали новые шансы его миссіонерству и значительно усиливали его вліяніе. Онъ не былъ тѣмъ, что можно назвать великимъ ораторомъ, и не краснорѣчіе дѣлало его способнымъ покорить своей волѣ массы, толпившіяся вокругъ него. Мнѣ было немного больше 12 лѣтъ, когда я въ первый разъ услышалъ отца Матью, но я до сихъ поръ помню полученныя тогда впечатлѣнія. Я думаю, они были сходны съ тѣми душевными движеніями, которыя испытывало большинство людей, имѣвшихъ счастіе когда-нибудь слышать «апостола трезвости». Меня трогали не столько его слова, сколько то невыразимое вліяніе и обаяніе, которыя онъ, повидимому, производилъ на всѣхъ своихъ слушателей. Его голосъ былъ замѣчательно нѣженъ, музыкаленъ и необыкновенно гибокъ. Черты его лица—пріятны и красивы, а когда онъ улыбался, отъ него распространялось какъ бы солнечное сіяніе. Вокругъ него была какая-то атмосфера невыразимаго достоинства и нѣжности, а искренность и сила чувства, съ которыми онъ говорилъ, были неотразимы. Когда этотъ человѣкъ проповѣдывалъ среди такого воспріимчиваго народа, какъ ирландскіе кельты, такое справедливое и святое дѣло, какъ это,—и проповѣдывалъ его отъ души, полной любви къ народу, сочувствуя его печалямъ и стремясь къ его счастію, — ничего нѣтъ удивительнаго, что цѣлая нація поднялась по его слову, какъ когда-то все христіанство—по слову Петра Гермита.

То, что проповѣдывалъ отецъ Матью, было дѣйствительно крестовымъ походомъ. Разъ онъ побывалъ въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ или городкѣ,—на десятки миль вокругъ народъ обращался *en masse*. Въ Лимерикѣ стеченіе народа было такъ велико, что отрядъ драгунъ, проходившій по набережной, былъ сбитъ

въ толпу и буквально столкнутъ въ рѣку волнующеюся массой. Желѣзныя дороги тогда едва были извѣстны въ Ирландіи, и отецъ Матью путешествовалъ въ почтовой каретѣ; изъ этого обстоятельства возникало не мало бѣдъ. Если обитатели мѣстечка или деревни, лежащихъ на пути, случайно узнавали, что въ числѣ пассажировъ былъ желанный отецъ Матью, карету подстерегали, «почту ея величества останавливали» и отказывались отпустить, пока онъ не возьметъ съ нихъ обѣта.

Это было время напряженнаго и дѣятельнаго состоянія политическихъ чувствъ въ Ирландіи—время О'Коннелевской агитаціи за «отмѣну» и всѣхъ сопровождавшихъ ее тревожныхъ обстоятельствъ. И не странно ли, оранжевые и зеленые одинако привѣтствовали отца Матью;—виги, тори и сторонники «отмѣны» одинаково расточали ему похвалы. И нигдѣ во всей Ирландіи ему не оказывали такого теплаго и восторженнаго пріема, какимъ встрѣчали папистскаго монаха протестанты Ульстера. Друзья убѣждали его отказаться отъ поѣздки въ эту провинцію,—«оранжмены,—говорили ему,—не могутъ спокойно смотрѣть на праздничный пріемъ въ ихъ средѣ католическаго священника». Однако случилось совсѣмъ другое: страшные оранжмены выходили громадными процессіями и дѣлали ему овація. Когда отецъ Матью увидалъ флаги, вывѣшенные въ Кутехиллѣ на церкви и киркѣ, онъ вѣрно оцѣнилъ духъ событія и привѣтствовалъ ихъ тремя аплодисментами (trec cheers). Католическій священникъ, провозглашающій дружеское привѣтствіе оранжеваго знамени, и католическое собраніе, горячо отвѣчающее на него, было чѣмъ-то неостижимымъ. Этого никогда прежде не бывало въ Ирландіи и я сомнѣваюсь, чтобы когда случилось съ тѣхъ поръ.

Въ 1843 г. онъ посѣтилъ Англію, высадился въ Ливерпулѣ и черезъ Манчестеръ, Гуддерфильдъ, Лидсъ и Йоркъ направился въ Лондонъ. Въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ онъ оставался по два или по три дня, принимая обѣты десятковъ тысячъ народа. Въ Лондонѣ ему было суждено встрѣтить первую и единственную попытку нанести ему оскорбленіе и насиліе. Кабатчики великой столицы были возмущены дерзостью плана—внести движеніе трезвости въ ея двери—и рѣшили выжить отца Матью; но они были слишкомъ благоразумны, чтобы высказывать настоящіе мотивы своего противодѣйствія, и подняли крикъ объ «опасности для интересовъ торговли». Нѣсколько недѣль кабацкимъ шалопаямъ и пьянымъ крикунамъ повѣствовалось изъ-за прилавковъ

о «папистскомъ ирландцѣ - попѣ», который пришелъ нарушать свободу. Результатомъ было то, что болѣе чѣмъ въ одномъ мѣстѣ Сити при появленіи отца Матью свирѣпая толпа оскорбляла платформу, заставляя его прекращать проповѣдь и даже удаляться подъ охраной полиціи. Въ Бермондсей кабацкая толпа освистала и забросала его грязью, а нѣкоторыми изъ нея даже была сдѣлана попытка обрѣзать веревки платформы. Въ этой же части города и, думаю, по той же побудительной причинѣ, толпа маршировала, въ особенномъ или лучше сказать позорномъ нарядѣ, чтобы помѣшать его митингу. Вся когорта кабацкихъ шалопаевъ съ ногъ до головы была одѣта въ хмѣлевыя листья, съ кружкой пива въ одной рукѣ и доской отъ пивной бочки—въ другой. Въ такомъ видѣ они вломились въ собраніе, гдѣ, какъ и можно было ожидать, произошла свирѣпая схватка, прекращенная только благодаря скорому приходу сильнаго отряда полиціи.

Несмотря на все это противодѣйствіе, отецъ Матью продолжалъ свое дѣло въ Лондонѣ. Передъ отъѣздомъ онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что широкое и глубое основаніе новой реформаціи во всякомъ случаѣ было заложено и здѣсь, хотя бы только между его соотечественниками и единовѣрцами великаго города. Во время его пребыванія въ Англіи на него было обращено самое лестное вниманіе лучшихъ и выдающихся людей страны. Протестантскій епископъ Норвича пригласилъ его посѣтить этотъ городъ и остановиться во дворцѣ. Подобный же пріемъ оказалъ ему лордъ Стенгопъ въ Чевенингѣ; а у лорда Лансдауна «ирландскій папистъ-монахъ» получилъ теплое привѣтствіе отъ герцога Веллингтона, лорда Браугама и многихъ другихъ сановныхъ людей. Онъ не находилъ ничего пріятнаго въ этомъ «показываньи себя», но принималъ такія демонстраціи, какъ сильную нравственную поддержку и одобреніе своей дѣятельности. М-ръ Магиръ разсказываетъ исторію, которой я не слыхалъ прежде и которая характеризуетъ простоту отца Матью. Онъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ одному изъ лондонскихъ аристократовъ, гдѣ въ одномъ изъ слугъ узналъ человѣка извѣстнаго ему прежде за члена Общества трезвости въ Коркѣ. Отецъ Матью подошелъ къ нему, горячо пожалъ его руку и съ участіемъ разспрашивалъ объ его дѣлахъ, а главнымъ образомъ, держится ли онъ своего «обѣта». Почетный гость вечера, возстановляющій такимъ образомъ знакомства съ однимъ изъ слугъ, конечно, крайне удивилъ общество. Но отецъ Матью видѣлъ въ бѣдномъ Джемсѣ или Томѣ «человѣка и брата» въ рядахъ великаго дѣла.

Можно сказать, что въ 1845 году движеніе трезвости достигло въ Ирландіи своей наивысшей точки. Что же оно въ это время представляло изъ себя и каковы были его видимые результаты? Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что оно произвело удивительное превращеніе. Конечно, оно не могло принести Ирландіи процвѣтанія и богатства, которыя составляютъ слѣдствіе увеличенія производства и появленія новыхъ источниковъ его. Но условія большей части населенія были въ лучшемъ случаѣ крайне ненадежны, какъ вскорѣ и стало извѣстно міру. И, несмотря на все это, можно сказать, что никогда еще народъ въ такой короткій періодъ времени не дѣлалъ такихъ быстрыхъ шаговъ отъ нужды къ сравнительному комфорту, отъ расточительности къ бережливости, отъ преступленія опьяненной страсти къ порядочнымъ привычкамъ серьезности и трудолюбія. Я говорю о томъ, что самъ видѣлъ. Движеніе трезвости, повторяю, не устранило глубокихъ политическихъ причинъ ирландской бѣдности и преступленія, но оно принесло самому убогому нѣкоторое облегченіе его участи; изъ многихъ тысячъ домовъ оно выгнало печали, которыхъ политика (въ точномъ смыслѣ слова) не можетъ ни создать, ни уничтожить; оно видимо распространило среди народа чувство самоуваженія и вѣру въ свои силы. Мы всѣ видѣли его вліяніе не только на личныя привычки народа, но и на его платье, манеры, чистоту и опрятность въ домахъ. Доказательства въ пользу такого мнѣнія являлись со всѣхъ сторонъ. Магистратура и полиція говорили объ уменьшеніи преступленій, а духовенство—о болѣе усердномъ посѣщеніи церквей и о большемъ числѣ искренно и ревностно молящихся. Купцы радовались, что издержки населенія на предметы пищи и одежды изъ домашняго и личнаго комфорта сильно возросли. Существуютъ въ достаточномъ количествѣ даже оффиціальныя подтвержденія этого факта. Еще въ 1840 г. лордъ-лейтенантъ Ирландіи въ оффиціальномъ письмѣ говоритъ: «Его сіятельство выражаетъ свое искреннее удовольствіе по поводу блага, принесеннаго Ирландіи движеніемъ трезвости, въ улучшенныхъ обычаяхъ народа и въ уменьшеніи преступленій». Подобныя заявленія можно извлечь изъ оффиціальныхъ бумагъ исполнительной власти и позднѣйшихъ годовъ съ 1845 г. Полицейская статистика этого періода тоже поразительна. Что же касается до уголовной статистики, то для пониженія ея колебаній въ Ирландіи приходится взвѣшивать и вычислять такъ много обстоятельствъ, что я придаю

ея показаніямъ очень малую цѣну. Однакожь, по меньшей мѣрѣ поучительно узнать, что годовая цифра тюремныхъ заключеній за семь лѣтъ, отъ 1839 г. до 1845 г., при быстромъ увеличеніи народонаселенія показываетъ постоянное уменьшеніе съ 12.000 на 7.000; смертные приговоры уменьшились съ 60 до 40 ежегодно, а число осужденій по уголовнымъ дѣламъ упало съ 900 въ 1839 г. до 500 въ 1845 году.

Только одному промыслу въ странѣ движеніе не принесло пользы, это—виноторговлѣ, которая временно была почти упразднена. Въ этомъ отношеніи стоитъ отмѣтить два замѣчательныхъ факта: во-первыхъ, что члены собственнаго семейства отца Матью были крупные водочные торговцы и первые раззорились, благодаря успѣхамъ его дѣятельности; во-вторыхъ, что съ начала и до конца противъ отца Матью не было выражено ни жалобъ, ни порицаній, ни противодѣйствія никѣмъ изъ тѣхъ его соотечественниковъ, которыхъ состоянія онъ такимъ образомъ разрушилъ. Мало того, между самыми горячими похвалами, которыми люди рукоплескали его успѣхамъ, могутъ быть найдены заявленія ирландскихъ фабрикантовъ и продавцовъ спиртныхъ напитковъ*).

Но время мрака и печали приближалось какъ для отца Матью, такъ и для всей Ирландіи. Гнетущая забота уже грызла когда-то свѣтлое и радостное сердце. Безпокойства и затрудненія, подъ которыми рано или поздно онъ долженъ былъ погибнуть, тайно подтачивали умъ и энергію о. Матью. Одинъ, безъ всякой помощи, онъ семь лѣтъ руководилъ движеніемъ; основалъ, распространилъ и поддерживалъ организацію, которою въ наши дни безъ громадныхъ денежныхъ средствъ не могъ бы управлять никакой исполнительный комитетъ; а онъ не имѣлъ никакихъ регулярныхъ доходовъ для этой цѣли. Повидимому, онъ мало думалъ о финансовой сторонѣ дѣла, горячо заботился только о развитіи его, бралъ на себя обязательства и доставалъ деньги на свою собственную отвѣтственность въ такомъ количествѣ, сколько было нужно.

Каждому изъ сотенъ тысячъ, на кого онъ наложилъ обѣтъ, давалась входная карта и медаль,—народу обѣтъ дѣйствительно

---

*) Справедливость требуетъ замѣтить, что подобный благородный и самоотверженный духъ и до сихъ поръ существуетъ въ средѣ этого класса во многихъ частяхъ Ирландіи. Никто не прославлялъ съ большимъ энтузіазмомъ хорошіе плоды „добровольнаго“ запиранія кабаковъ по воскресеньямъ, принятаго въ Вексфордѣ, какъ сами патентованные торговцы этой мѣстности.

казался не достаточно осязательнымъ безъ этого вещественнаго знака. Предполагалось, что каждый членъ заплатитъ 1 шиллингъ за эти символы вступленія, но на дѣлѣ оплачена была только половина ихъ. Напротивъ, безпомощное положеніе жертвъ невоздержности, которыя преклонялись передъ отцомъ Матью, было слишкомъ часто такъ жестко, что его щедрая рука поднималась не съ однимъ благословеніемъ, но и съ пожертвованіемъ. Въ 1845 году онъ былъ долженъ по движенію трезвости фабрикантамъ медалей и другимъ до 5.000 фунт. Онъ долго стоналъ подъ тяжестью неизвѣстнаго міру бремени, не желая, мнѣ кажется, разоблачать источникъ, изъ котораго онъ имѣлъ въ виду покрыть этотъ долгъ. Леди Елизавета Матью, его ранній и самый постоянный другъ, сообщила ему свое намѣреніе завѣщать существенную часть своего состоянія, какъ вещественный знакъ ея удивленія къ его трудамъ и уваженія къ нему самому. Какъ многимъ другимъ благороднымъ намѣреніямъ подобнаго рода, и этому не суждено было исполниться,—смерть слишкомъ скоро посѣтила доброхотную благодѣтельницу и отецъ Матью оказался преслѣдуемъ муками, обыкновенно отравляющими существованіе несостоятельныхъ должниковъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что страна въ этомъ дѣлѣ сама пришла бы къ нему на помощь частью изъ сознанія прямой обязанности, частью же изъ благодарности; но одновременно съ обнаруженіемъ этихъ затрудненій явились обстоятельства, парализовавшія умъ общества. Голодъ, это невообразимое бѣдствіе, котораго никто не можетъ вспомнить безъ содроганія, разразился надъ безпомощною землей. Въ дикой борьбѣ за существованіе, отчаяннымъ усиліямъ спасти народъ подчинялись всякія другія общественныя обязанности, и отъ 1846 до 1850 г. труды отца Матью представляли одну сплошную битву съ ужаснымъ бичомъ, опустошавшимъ страну. Храбро, безропотно и безостановочно работалъ онъ среди крушенія всякой своей надежды, среди гибели всего, что онъ любилъ и цѣнилъ. Въ маѣ 1847 года онъ былъ избранъ духовенствомъ Корка для вакантной тогда митры этой эпархіи; но выборъ не былъ утвержденъ въ Римѣ и новая обманутая надежда легла на его изнемогающую душу. Въ томъ же году правительство, увѣдомленное объ его затруднительныхъ обстоятельствахъ, ассигновало ему 300 фун. ежегодной пенсіи, которые онъ и назначилъ на уплату за свою жизнь въ страховую компанію для удовлетворенія кредиторовъ. Пережитыя имъ

умственныя и физическія испытанія оказались непосильными даже для его, когда-то очень сильнаго, организма. Весной 1848 года у него сдѣлался припадокъ паралича. Хотя онъ и поправился въ нѣсколько недѣль и на слѣдующій годъ посѣтилъ Америку, гдѣ оставался до конца 1851 года, но никогда уже не былъ прежнимъ человѣкомъ. Въ февралѣ 1852 года у него явился второй припадокъ паралича, и, начиная съ тѣхъ поръ, всѣ друзья ясно увидѣли, что пора его дѣятельной жизни миновала. Въ октябрѣ 1854 г. онъ отправился на Мадеру и въ теченіе года испытывалъ цѣлебныя свойства ея бризовъ. На слѣдующій годъ онъ вернулся домой и нашелъ, кажется, въ нѣжныхъ заботахъ и любящемъ вниманіи своихъ протестантскихъ друзей въ Ливерпулѣ—мистера и мистрисъ Ратбонъ—больше утѣшенія и поддержки, чѣмъ среди виноградниковъ и апельсиновыхъ садовъ южной страны. Въ 1856 году онъ пріѣхалъ или скорѣе былъ привезенъ въ Квинстоунъ. Въ это время онъ уже и самъ чувствовалъ, что конецъ не далеко, и мечталъ умереть среди знакомыхъ ему лицъ и картинъ родины. 8 декабря 1856 года печать скорби въ переполненныхъ улицахъ Корка говорила, что не стало кого-то горячо любимаго, или, точнѣе, обожаемаго народомъ. Не только Ирландія, но все христіанство оплакивало истиннаго героя въ «апостолѣ трезвости».

Я сказалъ, что удивительный успѣхъ этого движенія отъ 1838 до 1845 года былъ въ значительной степени продуктомъ энтузіазма, за которымъ должна была слѣдовать реакція. Даже еслибы не случилось ничего необыкновеннаго, я увѣренъ, явилось бы нѣкоторое обратное теченіе; однакожь все это не могло бы серьезно повредить реформаціи, произведенной отцомъ Матью.

Нѣсколькихъ словъ достаточно, чтобы показать, насколько разрушительно подѣйствовало на великій трудъ, подобно многимъ другимъ благороднымъ нравственнымъ и матеріальнымъ предпріятіямъ, такое событіе, какъ голодъ. Случилось нѣчто подобное тому, какъ еслибы волна нахлынула на островъ и похоронила, изгладила и смыла съ него все, что было возможно.

Обстоятельства, при которыхъ пьянство снова возникло среди ирландскаго народа, составляютъ печальный упрекъ нашимъ законодателямъ и администраторамъ. Въ Ирландіи были десятки, а можетъ-быть и сотни такихъ околодковъ, гдѣ кабаки надолго исчезли совершенно; будь въ то время установлена закономъ какая-нибудь гарантія участковъ «free soil», три четверти трудовъ

отца Матью существовали бы и до настоящаго часа. Въ дѣйствительности же на моей собственной памяти и глазахъ случилось слѣдующее: когда были учреждены правительственныя общественныя работы по всему королевству, подлѣ всякой платежной конторы или депо было основано по съѣстной лавкѣ и кабаку; мало того, часто самый чиновникъ и дорожный штабъ жили въ послѣднемъ и имѣли тамъ свою главную квартиру. Несчастный народъ слишкомъ хорошо зналъ, что можетъ сдѣлать съ нимъ огненная вода: она даетъ ему забвеніе или возбужденіе, въ которомъ окружающіе его ужасъ и отчаяніе забудутся, хотя на короткое время. Во многихъ разсказахъ о погибающихъ корабляхъ мы съ удивленіемъ читаемъ, что въ послѣднюю ужасную минуту экипажъ принимается за бочки спирта и напивается допьяна. Въ Ирландіи умирающимъ отъ голода народомъ, повидимому, овладѣла подобная же страсть, какъ только приманка была поставлена передъ его глазами. Съ легкой руки правительственнаго благотворительнаго штаба и особенно «патентованнаго», кабаки снова появились и въ значительной степени вознаградили все то, что было потеряно ими во время движенія. Однакожь не вполнѣ. Въ Ирландіи и теперь еще существуютъ тысячи людей, которые «взяли обѣтъ у отца Матью» и держатъ его до сихъ поръ. Есть города и мѣстечки, гдѣ флагъ трезвости никогда не опускался и гдѣ его приверженцы теперь такъ же многочисленны, какъ и прежде. Какъ бы то ни было, а движенію отца Матью мы обязаны тѣмъ, что теперь общественное мнѣніе расположено въ пользу попытокъ воздержанія, что парламентъ вотируетъ въ пользу противуспиртнаго законодательства, которое Ирландія такъ много разъ и такъ настойчиво предлагала. Чистосердечный и великодушный капуцинъ не напрасно жилъ и работалъ.

VI.

„Черный сорокъ седьмой годъ".

Едва ли существуетъ другой вопросъ, по поводу котораго между англичанами и ирландцами существовало бы больше разногласій и горькихъ взаимныхъ обвиненій, чѣмъ ирландскій голодъ. Враждебность и антагонизмъ, возникавшіе изъ всякихъ другихъ историческихъ событій, были по крайней мѣрѣ понятны.

Разореніе и опустошеніе, слѣдовавшія за роялистско-кромвеллевской войной 1641—1650 г., конфискаціи и казни, сопровождавшія борьбу со Стюартами 1690 г., инсуррекція 1798 г. и уничтоженіе ирландской конституціи 1800 г. вызывали раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, но объ .ихъ фактической реальности не могло быть разногласія. Не то въ данномъ случаѣ. Англичане, помня только симпатіи и сочувствія, которыя они тогда испытывали, и крупную помощь, которую они добровольно оказывали странѣ въ эту тяжелую минуту,—крайне шокировались и возмущались, слушая, какъ ирландцы приравниваютъ голодъ убійству. Съ другой стороны въ Ирландіи горькія воспоминанія ужасовъ, которые въ значительной степени могли бы быть отвращены болѣе быстрыми и цѣлесообразными дѣйствіями англійскаго правительства, повидимому, изглаживали всѣ другія стороны дѣла и благородное великодушіе англійскаго народа какъ будто забывалось въ порывѣ упрека тогдашнему англійскому правительству. Даже теперь, я не знаю, настало ли время, чтобы по всей справедливости обсуждать этотъ вопросъ и чтобы можно было сдѣлать попытку—спокойно и справедливо оцѣнить по достоинству и вину, и заслугу. Теперь, спустя тридцать лѣтъ, я колеблюсь сдѣлать это.

Въ 1841 г. населеніе Ирландіи составляло 8.175.124 души. Къ 1845 году оно вѣроятно достигло 9 милліоновъ. Возрастаніе его почти безпрерывно продолжалось цѣлое столѣтіе и было особенно быстро между 1820 и 1840 годами. Для всякаго, смотрящаго на вещи глубже поверхности, было очевидно, что условія страны очень ненадежны. Девять милліоновъ населенія жило въ лучшемъ случаѣ безпечнымъ упованіемъ на сегоднешній день (from hand to mouth), вполнѣ завися отъ случайностей одного урожая, при полномъ отсутствіи фабричныхъ промысловъ и безъ всякихъ запасовъ или источниковъ на черный день. Что все это означало, какъ не крайне критическое и тревожное положеніе вещей? Однакожь, повидимому, никто не сознавалъ опасности. Въ теченіе 4 или 5 лѣтъ урожай картофеля былъ настолько изобиленъ, что пока нужда и голодъ не являлись, чувствовалось довольство и благоденствіе. Къ тому же движеніе трезвости явилось на помощь хорошему времени, чтобы сдѣлать его еще лучшимъ. Все блистало. И никому не приходило въ голову поближе всмотрѣться, насколько хрупокъ и непроченъ былъ фундаментъ этой всеобщей надежды и довѣрія.

А между тѣмъ признаки приближающейся бури уже существовали. Голодовки отъ неурожаевъ то тамъ, то тутъ по всей Ирландіи положительно періодически слѣдовали другъ за другомъ и давали понять, что не должно ни заблуждаться, ни быть безпечнымъ, что единственный хлѣбъ, отъ котораго зависитъ все существованіе народа, подвергается какой-то таинственной порчѣ. Въ 1844 году картофель былъ убитъ въ Америкѣ, но въ Ирландіи урожай его остался здоровымъ и изобильнымъ, какъ всегда. Урожай 1845 года обѣщалъ быть однимъ изъ самыхъ богатыхъ за много лѣтъ. Вдругъ въ одинъ мѣсяцъ, можно сказать въ одну недѣлю, мертвящее дыханіе симума, казалось, смело своимъ палящимъ дыханіемъ съ земли все, что было на его пути. Я самъ видалъ картофельныя поля, превращенныя за одну ночь изъ улыбающейся и роскошной равнины въ увядшую и почернѣлую пустыню. Пронесся крикъ тревоги. Но упругая натура кельтскаго крестьянина еще не подалась. Урожай былъ такъ богатъ, что изъ одной уцѣлѣвшей части его разсчитывали получить не меньше средняго результата. Однако съ наступленіемъ зимы обнаружился печальный фактъ, что корнеплоды сгнили въ ямахъ и амбарахъ. Тѣмъ не менѣе фермеры, подобно несчастнымъ игрокамъ, думающимъ воротить потери двойными ставками, дѣлали лишь новыя смѣлыя усилія, чтобъ обработать въ 1846 году еще большую площадь земли. Уже чувствуя уколы острой нужды, если не настоящаго голода, они работали какъ бы для счастливаго будущаго; они выпрашивали средства и занимали на какихъ бы то ни было условіяхъ для того, чтобы еще разъ засѣять свои поля. Лавки закладчиковъ были завалены недорогими нарядами, незадолго передъ тѣмъ блиставшими въ деревенскихъ танцахъ и крестинныхъ пирушкахъ; банки и заимодавцы осаждались просителями кредита. Ѣда была ограничена, спины обнажены. Какъ-нибудь, только бы протянуть до будущаго урожая «сорокъ шестаго».

О, Боже! ужасно подумать, что всѣ эти усилія вели къ еще болѣе вѣрному раззоренію... Смертный приговоръ былъ произнесенъ урожаемъ сорокъ шестаго. Онъ погибъ не мѣстами, а всюду, совершенно и безнадежно. Какъ и въ предыдущій годъ, все имѣло блестящій видъ вплоть до іюля мѣсяца. И вдругъ, въ одну ночь, вся поверхность покрылась ржавчиной и на этотъ разъ уже ни одинъ клочокъ не избѣжалъ своей участи. Крикъ отчаянія и агоніи пронесся надъ всей страной. Послѣдняя отчаянная ставка на жизнь была проиграна, и все пропало.

Осужденный народъ слишкомъ хорошо понималъ, что ему предстояло: страданія прошлаго года истощили его; а теперь?—ему оставалось умирать.

Мой родной округъ игралъ видную роль въ мрачной лѣтописи этого страшнаго времени. Я видѣлъ ужасную фантасмогорію—и дай Богъ, чтобъ это была только фантасмогорія,—проходившую передъ моими глазами. Мрачная, тупая апатія, какой-то столбнякъ напалъ на народъ, составляя рѣзкій контрастъ съ лихорадочной энергіей прошлаго года. Не рѣдко можно было видѣть, какъ арендаторъ со всею семьей сидитъ на земляномъ валу и весь день въ уныломъ молчаніи смотритъ на свою почернѣлую полосу—ихъ послѣднюю надежду. Ничто не могло пробудить ихъ изъ этого состоянія. Вы говорите, но они не отвѣчаютъ; вы шутите,—они лишь качаютъ головами. Я никогда не видалъ такого быстраго и ужаснаго превращенія.

Когда осенью 1845 года появилась первая мѣстная ржавчина, раздались благоразумные голоса, предупреждавшіе правительство, что ужасная катастрофа уже наступаетъ; еще тогда начались эти фатальныя проволочки и несообразности, которыя способны свести съ ума всякаго, кто надъ ними задумается. Было бы несправедливо отрицать, что правительство приняло мѣры, которыя съ точки зрѣнія обыкновенныхъ случайностей были и быстры, и достаточны, но съ точки зрѣнія уже случившагося или готоваго случиться громаднаго зла онѣ оказались и запоздалыми, и непригодными. Когда же, наконецъ, администрація начала торопиться,—ошибки опрометчивости и излишняго размышленія были уже непоправимы.

Въ дѣйствительности же ирландскій голодъ былъ однимъ изъ тѣхъ громадныхъ бѣдствій, съ которыми невозможно бороться при помощи правилъ и формулъ обыкновенной конституціонной процедуры и которыя побѣждаются только путемъ сосредоточенія всей власти и всѣхъ средствъ въ рукахъ нѣкотораго компетентнаго «деспотизма» на мѣстѣ самаго несчастія. Легко было предвидѣть, что выйдетъ изъ попытки справиться съ такимъ зломъ «по всѣмъ инстанціямъ», управляя имъ изъ Доунингъ-стрита въ Лондонѣ, согласно ортодоксальной рутинѣ. Снова и снова правительство получало предостереженія,—и не отъ легкомысленныхъ говоруновъ или народныхъ коноводовъ, а отъ людей высокаго положенія и самой прочной репутаціи въ Ирландіи,—что даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ съ его стороны всякая попытка

бороться съ голодомъ при помощи обыкновенной, правительственной, махинаціи должна сопровождаться ошибками и неудачами. Много усилій, смѣлыхъ и добросовѣстныхъ усилій, было сдѣлано правительствомъ и парламентомъ въ слѣдующіе 18 мѣсяцевъ. Я говорю спеціально о мѣрахъ, принятыхъ въ сессію 1847 года. Но, къ несчастію, всѣ онѣ, повидимому, являлись слишкомъ поздно. Проволочка всегда мѣшала успѣть во время. Въ октябрѣ 1845 года ирландскій комитетъ вспомоществованія Ментіонъ-гауза умолялъ правительство созвать парламентъ и вотировать освобожденіе ирландскихъ портовъ. Правительство отказало. Снова и снова выставлялись на видъ исполнительной власти страшная крайность положенія и существующія бѣдствія. Не что иное какъ упрямые отказы лорда Джона Росселя—вникать въ эти предостереженія и просьбы—и пресловутая провѣрка ихъ оставили въ ирландскомъ умѣ тѣ горькія воспоминанія, которыя при случаѣ выливаются въ рѣзкія обвиненія Англіи.

Однакожь и правительство имѣло много вѣскихъ аргументовъ за тотъ образъ дѣйствій, котораго оно держалось. Прежде всего оно боялось преувеличенія и ожидало оффиціальныхъ изысканій и рапортовъ *). Даже когда явились оффиціальныя данныя, лондонскій кабинетъ заблуждался, подобно ирландскимъ крестьянамъ, ожидавшимъ отъ урожая 1846 года, что онъ перемѣнитъ унынie на радость. Когда же наступило ужасное время 1846—1847 г., самые дорогіе моменты тратились на препирательства между ирландскими ландлордами и исполнительною властью: съ одной стороны летѣли обвиненія въ неспособности, а съ другой — въ нерадѣніи къ своимъ обязанностямъ. Далѣе правительство, несо-

*) Правда также, что происходившая тогда въ Англіи борьба изъ-за хлѣбныхъ законовъ была особенно неблагопріятна для Ирландіи; протекціонисты и ихъ пресса считали своей обязанностью настойчиво отрицать существованіе голода, такъ какъ это обстоятельство могло бы служить предлогомъ для свободной торговли. Такимъ образомъ дюкъ Ричмондскій 9 декабря 1845 г., говоря въ «Обществѣ покровительства сельскаго хозяйства», сказалъ: «Что касается до криковъ о голодѣ, то, я увѣренъ, это совершенная иллюзія и ни одинъ человѣкъ съ видимымъ положеніемъ не можетъ вѣрить ей, если онъ знакомъ съ фактами, насколько они извѣстны Обществу».

31 декабря м-ръ Ньюдегетъ въ Варвикѣ провелъ резолюцію, возстающую противъ «ложныхъ и ошибочныхъ рапортовъ о дурномъ урожаѣ» и утверждающую, что «не существуетъ никакого основанія говорить о недостаткѣ пищи».

Англія изобиловала подобными заявленіями до самаго позднаго періода голода и, безъ сомнѣнія, это значительно замедляло быстрыя дѣйствія правительства. *Прим. авт.*

мѣнно, не довѣряло ирландскому совѣту абсолютной власти и неограниченныхъ средствъ, боясь растратъ, расточительности и злоупотребленій. И всякому должно быть понятно, что ходатайства и требованія съ ирландской стороны канала такому коммерческому народу, какъ англійскій, должны были казаться нарушеніемъ доктринъ политической экономіи и потому—крайне тревожными. И все-таки въ концѣ концовъ (къ несчастію, слишкомъ поздно) было найдено, что эти доктрины неприложимы въ данномъ случаѣ. Въ 1847 г. ихъ пришлось по неволѣ отбросить въ сторону. Будь это сдѣлано годомъ раньше, милліонъ жизней былъ бы спасенъ.

Но трудности положенія росли. «Не деморализуйте народъ нищенскими подачками, дайте ему заработокъ!» —говорилъ одинъ совѣтникъ. «Берегитесь колебать рынокъ труда!»—отвѣчали другіе. «Не стоитъ вотировать милліоны для уплаты за общественныя работы, если вы позволяете цѣнамъ на пищу подниматься на 400%. Устройте правительственные склады пищи для продажи по умѣреннымъ цѣнамъ!» — кричали третьи предусмотрительные люди. «Это вполнѣ противно ученію Адама Смита»,— отвѣчалъ лордъ Джонъ Россель.

Сначала надѣялись остановить голодъ устройствомъ общественныхъ супныхъ столовыхъ мѣстными благотворительными комитетами съ субсидіями отъ правительства. Я сомнѣваюсь, чтобы свѣтъ когда-нибудь видалъ такую ужасную деморализацію, такое чудовищное разложеніе, какія постигли когда-то великодушный и честный народъ. По всей странѣ были устроены огромные желѣзные котлы, въ которыхъ клокоталъ такъ-называемый супъ; позднѣе его мѣсто заняла кукурузная каша. Вокругъ такихъ котловъ, по сторонамъ дороги, цѣлый день стонали и кричали, дрались и боролись толпы худыхъ, трупообразныхъ существъ, какія когда бы то ни было сотворены были во образѣ Божіемъ. Кормленіе собакъ на псарнѣ имѣло несравненно болѣе благообразный и порядочный видъ. Мнѣ однажды пришло въ голову,—да я не одинъ разъ высказывалъ это и въ частномъ разговорѣ, и публично,—что никогда, никогда не оправиться нашему народу отъ постыднаго униженія этой грубой затѣи — супныхъ котловъ. Мнѣ часто приводилось стоять и наблюдать эту сцену, пока слезы не наполняли моихъ глазъ, а скорбь и мука не потрясали меня до глубины души. Сердце разрывалось на части, умъ цѣпенѣлъ, глядя на все это,—и никакой помощи...

Ирландская система рабочихъ домовъ для бѣдныхъ скоро рушилась подъ тяжестью возложенныхъ на нее чрезмѣрныхъ усилій. До 1846 г. ирландскіе бѣдняки ненавидѣли и избѣгали рабочіе дома. На поддержку въ несчастіи ирландскій народъ всегда смотрѣлъ какъ на родъ религіозной обязанности и братской помощи. Бѣдность въ его глазахъ была несчастіемъ, а не преступленіемъ. И когда поэтому помощь предлагалась подъ условіемъ тюремнаго заключенія, разрывающаго семейныя узы, разрушающаго домъ, какой бы онъ убогій ни былъ, и такимъ образомъ уничтожающая всякую надежду на поправленіе обстоятельствъ въ будущемъ, — отъ нея отказывались съ презрѣніемъ. Не одинъ разъ я видалъ, какъ бѣдная вдова схватывала передъ совѣтомъ рабочаго дома своихъ дѣтей, крѣпко прижимала ихъ къ груди и громко восклицала: «Нѣтъ, нѣтъ, ваша честь, если они должны быть отдѣлены отъ меня, я не пойду сюда,—лучше мы вмѣстѣ будемъ собирать милостыню по міру». Но скоро, терзаемое мукой голодной смерти, кидалось и это высокое чувство и голодающій народъ хлынулъ въ рабочіе дома, которые быстро наполнились умирающими и трупами. Страданія, испытанныя прежде встрѣчи лицомъ къ лицу съ этимъ ненавистнымъ испытаніемъ, были такъ велики, что народъ шелъ въ Бастилію только за тѣмъ, чтобъ умирать. Сцены раздѣленія мужа и жены, родителей и дѣтей у дверей пріемной комнаты могли бы размягчить каменное сердце. Они слишкомъ хорошо чувствовали, что эта разлука вѣчная и что эти объятія любви будутъ для нихъ послѣдними на землѣ. Сторожа насильно отрывали ихъ другъ отъ друга—мужа отъ жены и мать отъ дѣтей, какъ они выражались, «для дисциплины». Но, нося голодную лихорадку въ каждой фибрѣ и окруженные воздухомъ, пропитаннымъ болѣзнью и смертью, они знали свою участь и повиновались ей, какъ жертвы у подножія гильотины.

Очень скоро рабочіе дома были переполнены и не могли болѣе принимать. Какъ только смерть освобождала вакантныя мѣста, наплывъ желающихъ занять ихъ превосходилъ всѣ средства. Даже хуже, многіе приходы оказывались банкротами. Въ нѣкоторыхъ налогъ въ пользу бѣдныхъ достигалъ 22 шиллинговъ на фунтъ (20 шил.), а въ другихъ почти все сельское населеніе поголовно нуждалось въ пособіи. Къ сожалѣнію, я долженъ упомянуть о нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ землевладѣльцевъ, засѣдавшихъ въ приходскихъ совѣтахъ, повидимому, охватилъ ужас-

ный выводъ, что всѣ налоги безполезны и ведутъ лишь къ раззоренію «собственности», такъ что слѣдуетъ «предоставить вещи ихъ естественному теченію». Къ счастію, въ 1846 году парламентъ издалъ актъ, дававшій право членамъ дублинскаго совѣта по дѣламъ бѣдныхъ вмѣшиваться въ дѣла приходскихъ совѣтовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ съ ихъ стороны выказывается медленность или прямой отказъ выдавать средства на содержаніе рабочихъ домовъ. Всѣ такіе совѣты устранялись и на мѣсто ихъ назначались законнымъ путемъ наемные вице-совѣтники. Этимъ послѣднимъ, какъ и тѣмъ старымъ, которые не отказывались исполнять свои обязанности, члены дублинскаго совѣта были уполномочены выдавать заимообразно, подъ обезпеченіе земель въ приходѣ, необходимыя для содержанія рабочихъ домовъ средства. Не будь этого сдѣлано, рабочіе дома закрылись бы во многихъ мѣстахъ страны.

Поведеніе ирландскихъ ландлордовъ во время голода описывалось уже много разъ и, сколько мнѣ извѣстно, всегда осуждалось. Я считаю такой упрекъ слишкомъ огульнымъ и утверждаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ жестоко несправедливъ. Совершенно вѣрно, что для многихъ изъ нихъ никакое обвиненіе не будетъ слишкомъ тяжкимъ. Большое число ихъ жило въ постоянномъ отсутствіи; другіе, трусливые и себялюбивые бѣглецы отъ храбраго и преданнаго народа, заранѣе бѣжали отъ своихъ обязанностей въ странѣ. А изъ оставшихся многіе показали себя совершенно бездушными, и невозможно оспаривать тѣхъ случаевъ грубаго безсердечія, которые встрѣчались то тутъ, то тамъ. Но, кладя все, что слѣдуетъ, на сторону должника, нельзя не видѣть, что другая чашка вѣсовъ все-таки перевѣшиваетъ. Большинство живущихъ въ Ирландіи ландлордовъ дѣлали въ это ужасное время все, что могли *). Если они сдѣлали слишкомъ мало сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлалъ бы классъ ландлордовъ въ подобномъ случаѣ въ Англіи, то это потому, что малы были ихъ средства. Голодъ засталъ большую

*) Никогда еще не было воздано должной дани памяти тѣхъ ирландскихъ ландлордовъ,—а между ними были люди всѣхъ партій и исповѣданій,—которые пали въ это ужасное время мучениками долга, которые не избѣгали ни дымящагося чумой рабочаго дома, не пропитаннаго лихорадкой суда. Ихъ имена составили бы приличный свертокъ чести. Народъ Бантри до сихъ поръ оплакиваетъ память Ричарда Уайта Инчиклофскаго, двоюроднаго брата лорда Бантри, погибшаго такимъ образомъ. М-ръ Мартинъ, чл. парлам. „дюкъ Мар-

часть живущаго въ Ирландіи дворянства на краю раззоренія. Они наслѣдовали имѣнія, тяжело обремененныя долгами прошлаго поколѣнія. Они держали огромныя земли и барскіе дома на условіяхъ и соглашеніяхъ, которыя оставляли очень мало простора ихъ личной щедрости. Для такихъ землевладѣльцевъ потеря годовой ренты равнялась просрочкѣ моргеджа и безнадежному раззоренію. И все-таки десятками можно считать случаи, въ которыхъ люди не желали предотвратить свою участь давленіемъ на фермеровъ; они предпочитали «идти ко дну вмѣстѣ съ кораблемъ».

Осенью 1846 г. были учреждены общественныя работы; правительство получило полномочіе отъ парламента давать для этихъ предпріятій ссуды баронствамъ. Можно бы найти множество способовъ употребленія этихъ средствъ для продуктивнаго найма, но избраны были дренажи и дороги. Понятно, что скоро добыть требуемый контингентъ инженеровъ для съемки и нивелировки многихъ тысячъ миль дорогъ по всей странѣ было невозможно, а между тѣмъ обстоятельства требовали быстраго выполненія всего плана работъ. Въ результатѣ получилась во всѣхъ отношеніяхъ печальная неудача. Несчастный народъ въ это время былъ уже слишкомъ истощенъ и слабъ для того, чтобы работать, а усилія, требуемыя работой, подъ суровымъ небомъ зимы только ускоряли наступленіе смерти. Съ разсвѣтомъ люди брели къ перекличкѣ, потомъ тщетно пытались возить тачку или поднимать тяжести и, наконецъ, падали въ обморокъ на взрытую землю или ложились подлѣ дороги, чтобы больше уже не вставать. Что же касается до «дорогъ», на которыя была потрачена такая громада денегъ и пожертвовано столько жизней, то едва ли хоть одна изъ нихъ доведена до конца. Цѣлыя мили поросшихъ травой земляныхъ работъ по всей странѣ и теперь еще указываютъ на ихъ направленіе и напоминаютъ потомству объ одной изъ гигантскихъ ошибокъ времени голода.

Опустошеніе, производимое смертью, замѣтно выразилось прежде всего въ томъ, что похороны начали терять свою тор-

---

тинъ", принцъ Коннемарскій, заразился тифомъ и погибъ, исполняя обязанности магистрата. Одинъ изъ самыхъ трогательныхъ разсказовъ, какіе мнѣ приходилось слышать, я получилъ отъ очевидца того, какъ м-ръ Нолянъ изъ Баллиндерри (отецъ капитана Дж. П. Нолана, чл. пар.) погибъ, борясь съ тифомъ въ Тюатскомъ рабочемъ домѣ среди горя народа, который оплакиваетъ его и до сегодня. *Прим. авт.*

жественность, а затѣмъ и совсѣмъ исчезли. Среди ирландскаго народа похороны всегда были важнымъ событіемъ и участіе въ процессіи всѣхъ сосѣдей и друзей считалось ихъ священной обязанностью. «Бѣдныя» похороны, т.-е. мало провожатыхъ, считались неуваженіемъ къ покойному и ставились въ упрекъ живымъ. Самый убогій крестьянинъ хоронился приходскимъ *cortége*. Но въ 1846 г. всякій могъ наблюдать сокращеніе толпы провожатыхъ по мѣрѣ того, какъ число похоронъ возрастало, пока наконецъ дѣло не дошло до того, что стали останавливать середи дороги прохожихъ и просить хоть немного проводить покойника. Но скоро уже нельзя стало достать ни гроба, ни савана. Каждый день на улицахъ и на дорогахъ находили по нѣскольку бѣдняковъ какъ бы спящихъ, на самомъ же дѣлѣ холодныхъ и окоченѣвшихъ. Въ нашемъ округѣ было обыкновеннымъ явленіемъ, что по утру, когда отворяли переднюю дверь, возлѣ нея находили трупъ какой-нибудь жертвы, отдыхавшей ночью подъ ея защитой. Мы устроили подписку и нанимали двухъ человѣкъ съ лошадью и телѣгой ѣздить каждый день по округу и собирать мертвыхъ. Одного по одному свозили ихъ къ огромной ямѣ Ардобрачейскаго аббатства и бросали черезъ подвижное дно гроба въ общую могилу. Въ отдаленныхъ земледѣльческихъ округахъ не бывало даже и такой грубой могилы. Въ полѣ или придорожной канавѣ лежали трупы, какъ упали, пока чья-нибудь добродѣтельная рука не прикрывала ихъ окружающею землей.

Особенно большую смертность и ужасную панику наводила лихорадка, являвшаяся всюду вслѣдъ за голодомъ. Этотъ страшный разрушитель, разъ онъ явился, не щадилъ ни класса, ни богатства, ни бѣдности. Пока былъ одинъ голодъ, можно было навѣщать страдавшихъ безъ опасности для жизни; не то теперь,— подходить къ больнымъ на разстояніе дѣйствія заразы значило идти на вѣрную смерть. Цѣлыя семейства умирали безъ помощи и посѣтителей. Сосѣди устраивали имъ могилу изъ разрушенныхъ стѣнъ хижины, въ которой они умирали *).

Никакое перо не способно описать, никакой языкъ — пересказать безчисленныхъ фактовъ героизма и самопожертвованія, какія это страшное несчастіе вызвало со стороны преимущественно двухъ классовъ общества: католическаго духовенства и

*) Я самъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1847 г. помогалъ въ такой работѣ при раздирающихъ сердце обстоятельствахъ.

Прим. авт.

даровыхъ врачей Ирландіи. Я назвалъ католическое, а не протестантское, духовенство—не потому, чтобы послѣднее не дало доказательствъ своей поразительной преданности *), а потому, что на первое, очевидно, падала вся тяжесть испытанія. Для нихъ не было отступленія: католическій священникъ обязанъ повиноваться призыву дать умирающему послѣднее религіозное напутствіе въ чумной палатѣ или тифозномъ баракѣ, еслибы даже за этимъ навѣрно послѣдовала его собственная смерть. Смертность среди этихъ двухъ классовъ—духовенства и докторовъ—была огромная. Имена христіанскихъ героевъ, мучениковъ за человѣчество, не красуются ни въ какомъ придворномъ спискѣ,—пусть же они блистаютъ на вѣчныхъ страницахъ ярче звѣздъ!

Однако даже эта темная туча ирландскаго голода имѣла свою свѣтлую сторону. Если тяжело вспоминать несчастныя ошибки нерѣшительности и паники, то всякій можетъ съ благодарностью отдохнуть на фактахъ самаритянской благотворительности, трогательномъ великодушіи и живѣйшей симпатіи. Благородно поступалъ англійскій народъ, но не менѣе щедрою показала себя и великая Американская республика, гдѣ тогда уже нашли себѣ пріютъ многія тысячи ирландцемъ. Изъ каждаго значительнаго города Англіи стекались пожертвованія, достигавшія въ цѣломъ сотенъ тысячъ фунтовъ. Изъ Америки приходили поистинѣ трогательныя проявленія національной симпатіи. Нѣкоторые граждане Штатовъ пожертвовали два груза хлѣба, а американское правительство рѣшило дать для перевозки ихъ въ Ирландію суда. Согласно этому, два военныхъ фрегата—Масе-

*) Протестантскимъ викаріемъ нашего прихода въ 1847 г. былъ преподоб. ный Александръ Бенъ Галловеллъ, впослѣдствіи ректоръ Клонакисети, а теперь, кажется, живущій гдѣ-то въ Ланкаширѣ. Среди его собственной паствы было сравнительно немного страждущихъ отъ голода; но онъ каждый день рисковалъ своею жизнью въ отчаянныхъ усиліяхъ спасать погибавшихъ вокругъ себя. Одинъ бѣдный горбунъ, по имени Ричардъ О'Брайенъ, лежалъ умирающимъ отъ чумы въ пустой хижинѣ въ мѣстечкѣ „Костомъ Гопъ". М-ръ Галловеллъ, проходя мимо, услыхалъ стоны въ хижинѣ и вошелъ туда. Потрясающій видъ представился его глазамъ: въ темномъ углу на пукѣ гнилой соломы лежалъ бѣдный „Дикъ" почти нагой,—вмѣсто платья вокругъ его тѣла болталось нѣсколько тряпокъ. М-ръ Галловеллъ кинулся къ двери и, увидавъ прохожаго, закричалъ: „Ей, молодой другъ, бѣги скорѣй съ этимъ шиллингомъ, принеси мнѣ вина". Потомъ опять вошелъ въ хижину, снялъ свое собственное бѣлье и своими руками надѣлъ на зачумленнаго горбуна фланелевую куртку, штаны и рубаху, только-что снятую съ себя. Я знаю, что все это было именно такъ, потому что я былъ тѣмъ „молодымъ другомъ", который пошелъ и принесъ вина.

donian и Samestown—были разоружены, ихъ верхнія палубы сняты, поставлены грузовыя перегородки, они наполнены до планшировъ лучшей американскою мукой и бисквитами и отправлены исполнять свою благодѣтельную миссію. Какъ разъ передъ этимъ случилось, что британскія морскія власти положительно отказались дать корабль для той же цѣли, такъ какъ это было противно всѣмъ правиламъ морскаго министерства (что дѣйствительно правда) и тѣмъ вызвали не мало горькихъ чувствъ. Такой фактъ составлялъ совершенный контрастъ съ отиравкой частными обществами нѣсколькихъ депутацій и спеціальныхъ агентовъ жертвователей, обязанныхъ лично посѣтить наиболѣе пострадавшіе округи Ирландіи и своими собственными руками раздать привезенныя пособія.

На первомъ планѣ въ этомъ благомъ дѣлѣ стоитъ «Общество друзей» и его англійскіе члены со своимъ центральнымъ комитетомъ въ Дублинѣ. Между самыми дѣйствительными и безстрашными изъ его представителей былъ молодой йоркширскій квакеръ, котораго имя, я не сомнѣваюсь, до сихъ поръ тепло вспоминается конемарскими крестьянами. Рѣшившись спасать народъ, онъ ѣздилъ изъ деревни въ деревню, ходилъ пѣшкомъ черезъ болота и топи, переплывалъ въ лодкѣ черезъ озера и лазилъ по горамъ, всюду борясь со смертью, валившей людей другъ на друга. Его корреспонденція съ мѣста дѣятельности сама по себѣ составляетъ картинный памятникъ ирландскаго голода. Этому молодому «йоркширскому квакеру» 1847 года, спустя четверть столѣтія, суждено было сдѣлаться министромъ короны: это—достопочтенный В. Э. Форстеръ, членъ парламента *).

Со времени голода и до самаго появленія превосходнаго труда преподобнаго м-ра О'Рорке, «Исторіи ирландскаго голода», по-истинѣ единственной полною лѣтописью событій того времени былъ рапортъ «ирландскаго комитета Общества друзей». Замѣчательно, что даже теперь путешественникъ, посѣщающій западъ и югъ Ирландіи и желающій услышать отъ самого народа воспоминанія о времени голода, найдетъ въ его словахъ благодарность, смѣшанную съ обвиненіями почти относительно каждаго благотворительнаго агентства того періода; только безкорыстная, добрая, быстрая и великодушная дѣятельность «комитета друзей» не потребуетъ его защиты. Рядомъ съ дорогою памятью католическихъ

*) Теперешній государственный секретарь Ирландіи.

священниковъ, страдавшихъ и умиравшихъ вмѣстѣ съ народомъ въ то страшное время, ирландскіе католики даютъ мѣсто въ своей молитвѣ: «Благослови ихъ Богъ» и добрымъ квакерамъ—Аврааму Билю, погибшему отъ голодной лихорадки, Джонатану Пиму, Ричарду Аллену, Ричарду Веббу и Вильяму-Эдуарду Форстеру.

Ирландскій голодъ 1847 года имѣлъ такія послѣдствія, которыя сдѣлали его однимъ изъ самыхъ важныхъ событій ирландской исторіи за послѣднія болѣе чѣмъ 200 лѣтъ. Для того, кто зналъ страну прежде, кто изучалъ ее послѣ и видѣлъ, какъ многое разрушено и измѣнено въ ней, невозможно не придти къ заключенію, что Ирландіи стараго времени уже болѣе не видать.

Я охотно готовъ вѣрить, что потери будутъ возстановлены, а пріобрѣтенія удержаны. Но боюсь, многія хорошія вещи исчезли навсегда. «Здѣсь 20 миль разстоянія, сэръ,—сказалъ мнѣ докторъ,—а до голода на всемъ этомъ пространствѣ не было ни одного замка».

Подъ давленіемъ голода, изможденныя существа бродили вокругъ сараевъ и амбаровъ, воруя зерно, картофель, капусту, рѣпу,—словомъ, все, что можно было ѣсть. Позднѣе приходилось караулить съ ружьемъ въ рукахъ засѣянныя поля, чтобы сѣмена не были выкопаны и съѣдены сырьемъ. Такое положеніе вещей нанесло роковой ударъ многимъ прекраснѣйшимъ чертамъ ирландской сельской жизни: оно разрушило наивную довѣрчивость, не запиравшую дверей; оно навсегда уничтожило обычай, бывшій общепринятой обязанностью по всему острову — это гостепріимство, дававшее ночлегъ и радостный привѣтъ всякому бѣдному страннику, который его попроситъ. Страхъ «лихорадки» заперъ всѣ двери даже тамъ, гдѣ не было причины опасаться воровства, и разъ убитый обычай уже больше не оживалъ. Тысяча добрыхъ привычекъ и сосѣдскихъ обыкновеній были унесены этимъ временемъ. Тамъ, гдѣ цѣлые три года среди тревогъ и бѣдствій раздавалось *Sauve qui peut*, человѣческая природа съузилась въ своихъ симпатіяхъ и «всякій самъ за себя» надолго сдѣлалось лозунгомъ жизни и поведенія. Испытанія «сорокъ седьмаго» видимо сильно повліяли на великодушные и чистосердечные нравы сельскаго населенія. Древнія забавы и веселья исчезли повсюду и во многихъ частяхъ Ирландіи никогда болѣе не возвращались. Уличныя игры, состязанія и деревенскіе танцы уже болѣе не видны.

Однакожь нужно сознаться, что вмѣстѣ съ серьезностью, оставленной въ ирландскомъ народѣ періодомъ голода, въ его характерѣ появились и многія другія замѣтныя перемѣны къ лучшему. Осторожность, предусмотрительность и экономія изучаются и цѣнятся теперь, какъ никогда прежде. Замѣтно больше положительности, методичности и пунктуальности въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Всѣ серьезнѣй сознаютъ свою отвѣтственность. Кажется, въ первый разъ начали задумываться о будущности и имѣть въ виду его превратности. Бо́льшая настойчивость въ достиженіи цѣлей, бо́льшія постоянство и рѣшительность характера отличаютъ ирландскаго крестьянина новой эры. Богу было угодно, чтобы среди такихъ неизмѣримыхъ страданій на измученную націю пала частица благословенія.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Воскресная пѣснь.

Вездѣ гудятъ колокола,
Ликуютъ люди, и свѣтла,
Чиста лазурь небесъ.
Съ весной воскресли лѣсъ и долъ
И громко праздничный глаголъ
Звучитъ: «Христосъ воскресъ!»
Но грустно мнѣ въ толпѣ людской....
Я знаю: только звукъ густой,
Лишь слово на устахъ...
Хоть и лобзаетъ брата братъ,
Христосъ по-прежнему распятъ,—
Распятъ въ людскихъ сердцахъ...
Свобода, братство и любовь!
Гдѣ вы?... Какъ прежде, льются кровь
И слезы на землѣ.
«Христосъ воскресъ!» лепечемъ мы,
Но тонемъ въ безднѣ лжи и тьмы
Съ проклятьемъ на челѣ...
И съ грустной думою моей
Къ могиламъ милыхъ и друзей
Иду я въ тишину.
Какъ сладко въ небѣ голубомъ!
Тамъ лѣсъ, играя съ вѣтеркомъ,
Привѣтствуетъ весну;
Тамъ вешней мирною красой
Блеститъ подснѣжникъ голубой,
И жавронокъ, звеня,

Съ мольбою праздничной своей
Летитъ съ воскреснувшихъ полей
Въ златомъ сіяньи дня.
Предвѣстьемъ радостнымъ кругомъ
Все дышетъ въ блескѣ золотомъ;
И мнится, въ тишинѣ,
Изъ зеленѣющихъ листовъ,
Знакомыхъ, милыхъ голосовъ
Звучитъ привѣтъ ко мнѣ:
«Давно изъ міра мы ушли
И въ лонѣ матери земли
Давно нашъ прахъ истлѣлъ.
Мы не дождались, чтобы свѣтъ
Постигъ Христа святой завѣтъ,—
Таковъ и твой удѣлъ.
И ты сойдешь, и за тобой
Друзья сойдутъ своей чредой.
Но вѣрь: придетъ пора,
Всѣ возродимся снова мы
Изъ нѣдръ и тлѣнія и тьмы
Для правды и добра.
Такъ сѣй святыя сѣмена!
Придетъ желанная весна:
И братство, и любовь
Весь міръ сплотятъ въ семью одну,
И мы, встрѣчая ту весну,
Соединимся вновь...
И вѣрь: во дни эпохи той
Раздастся громкій и святой
Глаголъ самихъ небесъ,—
Не только звукомъ на устахъ,
Но глубоко въ людскихъ сердцахъ,—
Воскресъ Христосъ, воскресъ!»

Л. Пальминъ.

Опытное знаніе и философія.

Глубокое паденіе метафизической философіи въ настоящее время есть фактъ, который не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ глазахъ огромнаго большинства образованныхъ людей объективное достоинство всякихъ отвлеченно-философскихъ, говоря иначе—метафизическихъ, построеній не многимъ или вовсе не возвышается надъ фантастическими предположеніями такихъ, прежде широко господствовавшихъ, а теперь давно забытыхъ, наукъ, каковы алхимія и астрологія. Въ попыткахъ человѣческаго ума рѣшать вопросъ о первыхъ причинахъ, истинной природѣ и окончательномъ назначеніи вещей,—попыткахъ, проходящихъ черезъ всю исторію человѣческаго рода,—хотятъ видѣть только рядъ грубыхъ логическихъ ошибокъ или произвольное творчество фантазіи и ничего болѣе. Льюисъ, конечно, былъ правъ, начавши свою исторію философіи слѣдующими словами: «Во всей Европѣ философія потеряла кредитъ».

А между тѣмъ не болѣе 50 лѣтъ назадъ нѣмецкая метафизика въ разныхъ формахъ и видоизмѣненіяхъ, прямо или путемъ косвенныхъ вліяній, почти безраздѣльно царила надъ мыслящими умами большей части Европы. И эта метафизика заявляла такія огромныя притязанія, распространяла свою область такъ далеко, что время ея процвѣтанія можно назвать эпохою наибольшаго довѣрія къ метафизическимъ пріемамъ мысли, потому что прежде философія очень рѣдко въ такой степени полагалась на выводы чисто-отвлеченнаго мышленія. На метафизику въ это время, очевидно, смотрѣли совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь. Что же случилось съ тѣхъ поръ? Отчего безусловную вѣру смѣнило столь же безусловное сомнѣніе?—На этотъ вопросъ существуетъ много отвѣтовъ, но мы остановимся на двухъ главныхъ, наиболѣе для насъ интересныхъ.

Одни говорятъ, что современное паденіе метафизики есть результатъ весьма естественной реакціи противъ крайняго увлеченія ею. Нѣмецкая философія поставила себѣ слишкомъ широкую задачу и была не въ силахъ съ нею справиться. Она искала не только общихъ началъ знанія, но думала объяснить по существу все разнообразіе конкретныхъ явленій и предписывать законы частнымъ наукамъ. Всѣ сферы человѣческаго знанія были замкнуты въ тѣсныя рамки отвлеченной діалектики и все, что не могло въ нихъ умѣститься, объявлялось ложнымъ и не имѣющимъ права войти въ систему истинной науки. Но такое притязаніе было слишкомъ самонадѣянно,—пріемы абстрактнаго мышленія не настолько богаты, чтобы съ ихъ помощью можно было получить такъ много. Власть метафизики въ непринадлежащей ей области была тиранніей, и протестъ долженъ былъ обнаружиться рано или поздно. Если софистическій характеръ отвлеченно-философскихъ доказательствъ въ рѣшеніи вопросовъ положительной науки и не былъ ясенъ для всѣхъ, то во всякомъ случаѣ не могъ не возбуждать чувства тягостнаго недоумѣнія и неудовлетворенности во всѣхъ искренно мыслящихъ людяхъ. И это чувство, конечно, только должно было укрѣпляться, когда провозглашенное за откровеніе абсолютной истины иногда оказывалось просто фактически-невѣрнымъ. А примѣровъ такой невѣрности можно отыскать не мало въ универсальныхъ построеніяхъ Шеллинга, Гегеля и ихъ учениковъ. Въ ихъ рукахъ философія слишкомъ часто обращалась въ пустую формалистику, посредствомъ которой всякую случайную гипотезу можно было облечь въ достоинство аксіомы разума. Когда, напр., Гегель въ своей «Философіи природы» утверждаетъ абсолютную неподвижность солнца, когда, съ другой стороны, астрономія на основаніи фактическихъ данныхъ доказываетъ движеніе всей солнечной системы къ созвѣздію Геркулеса,—какое впечатлѣніе должно производить подобное противорѣчіе на всякій непредубѣжденный умъ? Философія не оказывается ли слишкомъ явно въ комическомъ положеніи пророка, предсказанія котораго не выполняются?

Причина паденія философскихъ системъ Шеллинга и Гегеля, разумѣется, лежитъ не въ одномъ только этомъ: самыя начала, отъ которыхъ онѣ отправлялись, носили односторонній характеръ. Но что односторонность вызвала не смѣну одной метафизики другою, а отрицаніе всякой метафизики вообще, это можно объяснить только чрезмѣрностью требованій отъ метафизики, вве-

денныхъ въ общее сознаніе нѣмецкими философами. Въ немъ такъ слилось понятіе о метафизической философіи съ представленіемъ абсолютнаго всеобъемлющаго знанія, что признать невозможность втораго—значило отрицать первую.

Но слѣдуетъ ли въ самомъ дѣлѣ одно изъ другаго? Пусть всеобъемлющее, метафизически-построенное, знаніе, которое при этомъ обладало бы абсолютною достовѣрностью, невозможно: значитъ ли это, что лишь такое знаніе заслуживаетъ довѣрія, которое, строго ограничиваясь областью явленій, все строитъ на основаніи наблюденія и опыта? Только ли чувственно-воспринимаемое можетъ быть дѣйствительно познано, или возможны нѣкоторыя сужденія, выходящія за предѣлы субъективно-чувственнаго и утверждающія объективные признаки объективныхъ вещей? Если сужденія послѣдняго рода вообще возможны, метафизика никогда не исчезнетъ, хотя бы ея предѣлы и съузились весьма, сравнительно съ широкими выводами философовъ прежняго времени.

Однако не многіе удовлетворяются такою скромною оцѣнкой современнаго антиметафизическаго движенія. Гораздо охотнѣе принимается другое мнѣніе: метафизика безвозвратно принадлежитъ прошлому человѣчества. Исторія метафизическихъ системъ представляетъ изъ себя лишь рядъ заблужденій, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга, безъ всякаго истиннаго движенія впередъ. Процессъ точныхъ наукъ показываетъ, какъ постепенно ограничивается область произвольныхъ умозрѣній, и надо надѣяться, что, наконецъ, наступитъ время, когда всякія притязанія метафизики должны будутъ замолкнуть предъ положительнымъ знаніемъ. Причина неудачи всѣхъ метафизическихъ построеній ясна сама по себѣ: цѣль метафизики заключается въ познаніи сущности или безотносительной природы вещей; но человѣческое знаніе по самому своему существу совершенно относительно. Поэтому всякая наша попытка узнать безотносительное вводитъ насъ только въ нескончаемый рядъ противорѣчій и мы не подвигаемся ни на шагъ въ рѣшеніи невозможной задачи. Область условнаго, область явленій—вотъ что единственно доступно для насъ. Изучая ихъ, мы пользуемся точными методами и доходимъ до полезныхъ и достовѣрныхъ обобщеній. Но дальше законовъ явленій мы не можемъ надѣяться познать что-нибудь, и если захотимъ эти выводы условнаго знанія обратить въ законы вещей въ себѣ, мы тѣмъ самымъ тотчасъ же вступимъ въ ту

безвыходно-фантастическую область, которая носитъ общее названіе метафизики. Такъ разсуждаетъ школа, обыкновенно называемая позитивною, хотя ея представители раздѣляются на нѣсколько группъ и изъ нихъ лишь послѣдователи Огюста Конта присвоиваютъ себѣ это имя.

Различіе обоихъ воззрѣній сводится, очевидно, къ вопросу *о степени относительности человѣческаго знанія*. Одни признаютъ эту относительность въ ограниченномъ только смыслѣ, другіе приписываютъ ей вполнѣ безусловный характеръ. Послѣднее мнѣніе прежде всего утверждаетъ совершенную невозможность достовѣрныхъ сужденій о какихъ бы то ни было безотносительныхъ свойствахъ вещей. За то, ограничивая знаніе сферою условныхъ явленій, позитивная философія ставитъ себѣ въ особенную заслугу свое строгое отношеніе къ истинѣ: лишь точныя, путемъ дѣйствительно научныхъ методовъ доказанныя, истины должны быть содержаніемъ знанія,—съ этимъ тезисомъ, конечно, согласны всѣ ея сторонники. Но что же? Самая точка отправленія этой философіи доказана ли со всею научною строгостью и осмотрительностью? При оцѣнкѣ современнаго отрицательнаго движенія въ философіи являются слѣдующіе вопросы:

Совершенная невозможность метафизическаго знанія есть ли въ настоящее время точная, со всею научною очевидностью и полнотою доказанная, истина, или это—только спорное мнѣніе?

Если признать невозможность метафизики за вещь научно-доказанную, то какую общую научно-разработанную теорію можно разсматривать какъ ея оправданіе, и существуетъ ли такая теорія у позитивной школы?

Очевидно, что подобная теорія могла бы явиться лишь какъ выводъ изъ всесторонняго изслѣдованія природы метафизическаго мышленія въ его специфическихъ пріемахъ и особыхъ задачахъ. Только изъ логической несостоятельности такихъ пріемовъ, изъ несоразмѣрности познавательныхъ способностей съ смѣлыми требованіями безусловно достовѣрнаго, по существу своему объективнаго, знанія можетъ вытекать невозможность метафизической философіи. Другими словами, такой выводъ предполагаетъ, во-первыхъ, всестороннюю критику метафизическаго мышленія и, во-вторыхъ, научно-установившуюся теорію познанія. Этимъ путемъ шелъ Кантъ въ своей «Критикѣ чистаго разума», когда онъ стремился доказать, что всѣ построенія метафизики суть невольныя иллюзіи человѣческаго ума. Лишь указавъ предвари-

тельно первые источники всякаго познанія вообще, лишь выдѣливъ роль апріорныхъ формъ разсудка и чувственности съ одной стороны и опытнаго матеріала съ другой,—онъ рѣшился утверждать, что всякое знаніе по необходимости феноменально и, слѣдовательно, знаніе вещей въ себѣ безусловно немыслимо. Свое заключеніе онъ подтвердилъ тщательнымъ разборомъ логическихъ пріемовъ и положеній современной ему метафизики. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на выводы, изложенные въ «Критикѣ чистаго разума», во всякомъ случаѣ нужно сознаться, что это твореніе представляетъ изъ себя нѣчто въ высшей степени стройное и законченное, и кантіанцы въ своемъ отрицаніи метафизической философіи всегда могутъ указать на основанія весьма рѣшительныя и опредѣленныя. Но въ настоящее время почти невозможно встрѣтить такихъ вѣрныхъ послѣдователей Канта, которые вполнѣ принимали бы всѣ его посылки. Позитивисты всего менѣе согласны съ его основными воззрѣніями на способности человѣческаго духа. Представляетъ ли нынѣ господствующее отрицаніе метафизической философіи столь же строго развитыя основанія? Большая часть представителей школы позитивной, въ собственномъ смыслѣ, въ этомъ вопросѣ ограничивается ссылкою на знаменитый законъ трехъ фазисовъ развитія человѣческаго сознанія, указанный Огюстомъ Контомъ. По этому закону каждая изъ нашихъ общихъ идей, каждая вѣтвь нашихъ познаній послѣдовательно проходитъ черезъ три различныя теоретическія состоянія: состояніе теологическое или фиктивное, состояніе метафизическое или абстрактное и состояніе научное или положительное. Въ теологическомъ состояніи умъ человѣка, направляясь къ разслѣдованію внутренней природы вещей, къ первымъ и конечнымъ причинамъ всѣхъ явленій,—представляетъ ихъ произведенными прямымъ и непрерывнымъ дѣйствіемъ сверхъестественныхъ дѣятелей. Въ состояніи метафизическомъ сверхъестественные дѣятели замѣняются представленіемъ объ абстрактныхъ силахъ или сущностяхъ вещей. Въ состояніи положительномъ человѣческій умъ, отказываясь отъ познанія начала и конечнаго назначенія вселенной, такъ какъ такое познаніе невозможно, стремится только открыть дѣйствующіе законы явленій, т. е. неизмѣнныя отношенія ихъ послѣдовательности и подобія. Нѣтъ сомнѣнія, что законъ Конта осуждаетъ на безнадежную несостоятельность всякія, когда-либо существовавшія, метафизическія теоріи. Но самъ онъ можетъ ли обойтись безъ установившейся

теоріи познанія, или, напротивъ, предполагаетъ ее какъ свое единственно-мыслимое оправданіе? Отвѣтъ едва ли способенъ возбуждать сомнѣнія.

На законъ Конта нужно смотрѣть или какъ на обобщеніе изъ наблюденій надъ историческою жизнію человѣчества, или какъ на выводъ изъ дознанной ограниченности человѣческихъ способностей. Но можетъ ли онъ быть первымъ? Онъ обнимаетъ всю исторію человѣчества въ ея цѣломъ,—дозволительно ли такой всеобщій характеръ придавать наблюденіямъ надъ явленіями сравнительно очень короткаго періода исторіи, если внутренній смыслъ этихъ явленій нами не опредѣленъ заранѣе? Далѣе, точно ли историческіе факты непреложнымъ образомъ доказываютъ послѣдовательную смѣну трехъ міросозерцаній, взаимно другъ друга исключающихъ?... Во-первыхъ, ни метафизика, ни положительная наука, въ ихъ развитомъ состояніи, никогда не были общимъ достояніемъ всего человѣческаго рода; во-вторыхъ, если въ теологіи, метафизикѣ и положительномъ знаніи видѣть лишь три особыя точки зрѣнія на существующее, то нѣтъ основанія предполагать ихъ постепенное появленіе въ исторіи другъ за другомъ. Напротивъ, въ самыя отдаленныя эпохи своего бытія люди всегда имѣли кромѣ чисто-религіозныхъ представленій о живыхъ дѣятеляхъ, управляющихъ міромъ, и нѣкоторыя, безъ сомнѣнія, очень грубыя, идеи о внутренней природѣ и строеніи вещей, а также извѣстный запасъ положительныхъ свѣдѣній, полученныхъ изъ опыта. Правда, отъ скудныхъ обобщеній дикаря до высокаго состоянія положительной науки въ настоящее время шагъ огромный; но вѣдь и отъ грубаго фетишизма до христіанства также разстояніе не маленькое. Поэтому теологія (точнѣе сказать религія), метафизика и положительное знаніе не суть явленія другъ за другомъ слѣдующія и другъ друга вытѣсняющія, но всегда существовали и развивались совмѣстно. Справедливо, что эти три области идей безразлично смѣшивались въ сознаніи первобытнаго человѣка и только въ процессѣ послѣдующаго развитія выдѣлялись другъ отъ друга. Но тогда почему же и фактъ эмансипаціи положительныхъ наукъ отъ вліяній теологическихъ и метафизическихъ, приводимый Контомъ какъ главное доказательство вѣрности его закона, не понятъ только въ смыслѣ частнаго случая одного общаго факта, который заключается въ постепенномъ обособленіи трехъ категорій идей, различныхъ по существу? Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе важное подтвержденіе своего

закона Контъ видитъ въ неопредѣленности и безсодержательности теологическихъ и метафизическихъ объясненій феноменовъ природы и въ невозможности путемъ такихъ гипотезъ открыть дѣйствительные законы явленій. Замѣчаніе было бы очень вѣскимъ, еслибы религія и философія ставили своею главною задачей истолкованіе отдѣльныхъ явленій природы. Но кто не знаетъ, что такое пониманіе вовсе не сообразно съ ихъ истинною сущностью и что какъ религія въ своихъ теоретическихъ положеніяхъ, такъ и философія одинаково стремятся прежде всего объяснить происхожденіе, общую природу и конечное назначеніе существующаго въ его общности и цѣлости, т.-е. начинаютъ именно тамъ, гдѣ положительное знаніе останавливается? А если такъ, почему положительное знаніе должно непремѣнно упразднить и философію, и религію, и почему, напротивъ, не предположить для будущаго человѣчества возможности полной гармоніи между этими тремя сферами? И дѣйствительно, мы видимъ, что философы религіознаго направленія постоянно стремятся къ такому объединенію знанія. Удастся ли имъ когда-нибудь привести въ исполненіе свою задачу, этого историкъ не можетъ сказать съ увѣренностью; но, съ другой стороны, нельзя развѣ просто хотя бы вообразить себѣ только такое идеальное состояніе знанія, когда со всею точностью доказанные законы явленій сочетаются съ глубокимъ пониманіемъ внутренней природы вещей, опредѣляющей собою эти законы къ бытію, а сама эта природа найдетъ свое окончательное объясненіе въ идеѣ разумно-духовнаго абсолютнаго начала? Историческіе факты сами по себѣ ничего не говорятъ противъ возможности такихъ предположеній.

Сдѣланныя сейчасъ замѣчанія о законѣ Конта не представляютъ изъ себя ничего новаго; недостатки его указывались уже неоднократно. Но важность, конечно, не въ новизнѣ, а въ томъ, что хотя подобныя возраженія были много уже разъ высказаны, они не нашли, сколько намъ извѣстно, настоящаго отвѣта со стороны многочисленныхъ представителей позитивной философіи. Послѣдніе предпочитаютъ вовсе игнорировать критику своихъ противниковъ,—лучшее доказательство ея справедливости. Смѣло можно сказать, что съ чисто-исторической точки зрѣнія законъ Конта есть одна изъ тѣхъ философскихъ схемъ исторіи, какихъ много появилось въ началѣ нынѣшняго и въ концѣ прошлаго столѣтія,—ничѣмъ не хуже, да и не лучше другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, единственное его оправданіе состоитъ въ *предполагаемой*

относительности и *ограниченности человѣческаго познанія*. Самъ Контъ, однако, не думалъ доказывать это краеугольное положеніе своего философскаго міросозерцанія; онъ принялъ его за истину, доказанную прежде, отъ которой и отправляется во всѣхъ своихъ выводахъ. Гносеологическаго вопроса (т. е. вопроса о природѣ познанія) Контъ не касался, да и не могъ его рѣшать по самому существу своей философіи, такъ какъ въ его іерархіи наукъ общей логики и психологіи не было отведено самостоятельнаго мѣста, а теорія познанія, конечно, стоитъ въ ближайшей связи съ этими двумя науками.

Послѣдующіе философы позитивной или эмпирической школы старались возмѣстить этотъ недостатокъ въ системѣ Конта. Такъ, наиболѣе между ними выдающійся Джонъ Стюартъ Милль въ своей логикѣ отправляется отъ той общей идеи, что всякое дѣйствительное познаніе въ своемъ первомъ источникѣ предполагаетъ индукцію. Этимъ самымъ уже рѣшался вопросъ о метафизикѣ, потому что никакіе онтологическіе вопросы (т. е. вопросы о независимой отъ условій опыта природѣ вещей) не могутъ быть рѣшены путемъ индуктивныхъ обобщеній отъ наблюденія и опыта (глубокая связь между исключительнымъ признаніемъ индуктивнаго метода и отрицаніемъ возможности всякаго онтологическаго познанія будетъ показана далѣе). Но однако, чтобы дать научную доказательность этому главному гносеологическому положенію Миллевой логики, слѣдовало бы его подтвердить тщательнымъ анализомъ метафизическаго мышленія, существованіе котораго во всякомъ случаѣ есть неопровержимый фактъ исторіи идей. Дѣло можно было бы считать разрѣшеннымъ лишь тогда, когда было бы доказано, что основныя истины метафизики суть не болѣе какъ путемъ незаконныхъ и логически-несостоятельныхъ пріемовъ распространенныя индуктивныя обобщенія. Нельзя сказать, чтобы Милль вовсе не касался этого вопроса,—онъ не разъ пытается доказать индуктивное происхожденіе такъ-называемыхъ необходимыхъ или очевидныхъ истинъ,—но онъ произвольно сосредоточиваетъ свое главное вниманіе на происхожденіи математическихъ аксіомъ. Даже и въ этомъ частномъ вопросѣ его выводы не вполнѣ рѣшительны: онъ старается показать не столько *несомнѣнность* индуктивнаго происхожденія основныхъ истинъ математики, сколько *возможность* его; характеръ его доказательствъ полемическій,—они сводятся къ тому

лишь утвержденію, что въ мысли объ индуктивномъ происхожденіи аксіомъ нѣтъ внутренняго противорѣчія.

Относительно вопросовъ спеціально-метафизическихъ Милль въ своей логикѣ не дѣлаетъ никакой попытки систематическаго анализа. Наиболѣе выразительный примѣръ метода, которому слѣдовалъ Милль въ своемъ анализѣ метафизическихъ идей, представляетъ глава объ апріористическихъ заблужденіяхъ. Хотя и въ ней на ряду съ тезисами метафизиковъ разсматриваются положенія чуждыя философіи, наприм. нѣкоторые законы механики, и наконецъ просто различные человѣческіе предразсудки, но въ ней Милль стремится съ возможною опредѣленностью указать общій принципъ всякихъ заблужденій апріористическаго мышленія и, слѣдовательно, также источникъ спеціально-метафизическихъ заблужденій. По его мнѣнію, этотъ принципъ заключается въ склонности нашего ума предполагать, что *истинное относительно нашихъ идей о вещахъ должно быть истинно и относительно самыхъ вещей*. Иначе—эта склонность выражается въ двухъ положеніяхъ, имѣющихъ притязаніе на достовѣрность аксіомъ: *вещи, которыхъ мы не можемъ представить себѣ вмѣстѣ, не могутъ сосуществовать; вещи, которыя мы (съ необходимостію) представляемъ себѣ вмѣстѣ, должны сосуществовать*. Люди, принимающіе эти мнимыя аксіомы, не думаютъ о томъ, что идея не можетъ заставить факты сообразоваться съ нею; и метафизики всѣхъ вѣковъ тратятъ свой трудъ на то только, чтобы выпутывать изъ своихъ идей о вещахъ то, что они сами въ нихъ впутали. Приговоръ очень строгій, но нельзя въ то же время не признать, что критика Милля имѣетъ недостатки весьма существенные. Во-первыхъ, самое выраженіе, которое придается мнимымъ аксіомамъ апріорнаго мышленія, не отличается точностью. Апріористическое знаніе и въ частности метафизика имѣютъ дѣло не съ одними только законами совмѣстности вещей, а слѣдовательно и основныя аксіомы такого знанія не должны бы были ограничиваться утвержденіемъ ихъ совмѣстнаго существованія. Самъ Милль долженъ былъ расширить ихъ смыслъ и, видоизмѣнивъ вторую формулу, выразилъ ее такъ: чего нельзя себѣ представить, то должно быть ложно. Но гораздо болѣе важное замѣчаніе можно сдѣлать относительно внутренняго смысла, какой влагаетъ Милль въ выставляемое имъ основное предположеніе всякаго апріорнаго мышленія. Конечно, ни одинъ метафизикъ никогда не думалъ, что связь идей въ его головѣ производитъ связь вещей

во внѣшнемъ мірѣ; это было бы слишкомъ нелѣпо, да наконецъ, чтобы признать существованіе необходимыхъ истинъ, для этого и не нужно такъ много: достаточно сдѣлать гораздо болѣе скромное предположеніе, а именно, что наши идеи суть дѣйствительныя изображенія свойствъ и аттрибутовъ вещей,—слѣд., отношенія, замѣченныя между идеями, присущи и вещамъ. Если именно это воззрѣніе подразумѣваетъ Милль въ своихъ двухъ формулахъ и если въ немъ видитъ главную причину заблужденій метафизиковъ, то въ такомъ случаѣ онъ беретъ на себя, конечно, несравненно болѣе, чѣмъ хочетъ самъ. Такое воззрѣніе не есть специфическое убѣжденіе метафизика, а составляетъ неизбѣжное предположеніе всякаго знанія вообще. Наше довѣріе къ какому бы то ни было акту мысли безмолвно предполагаетъ вѣру въ соотвѣтствіе идей и вещей. Когда я отъ ряда единичныхъ фактовъ черезъ наведеніе прихожу къ общему закону и въ новыхъ фактахъ нахожу подтвержденіе и повѣрку моего вывода, я могу видѣть въ моихъ умственныхъ дѣйствіяхъ характеръ истины лишь въ томъ случаѣ, если согласіе идеальнаго представленія о фактѣ съ идеальнымъ представленіемъ закона совершенно равняется для меня дѣйствительному соотвѣтствію факта и закона. Разъ мною овладѣваетъ сомнѣніе въ этомъ тождествѣ, для меня уже невозможно никакое знаніе, потому что внѣ моихъ идеальныхъ представленій я не могу мыслить ни о фактѣ, ни о законѣ. Вопросъ о томъ, суть ли наши идеи отображенія дѣйствительныхъ свойствъ вещей, или только фикціи нашего ума, не содержащія въ себѣ истины, хотя бы и появившіяся въ нашемъ сознаніи по поводу воспріятій опыта,—есть роковой вопросъ не только для философіи, но, смѣемъ думать, и для всякаго знанія вообще, ибо при второмъ его рѣшеніи открывается широкій путь самому безграничному скептицизму. И если только одно априористическое знаніе опирается на заблужденіе, послѣднее должно заключаться не въ простомъ утвержденіи соотвѣтствія идей и вещей, а въ чемъ-нибудь другомъ.

Далѣе Милль постоянно отождествляетъ *немыслимое* съ *непредставляемымъ*. При этомъ онъ вездѣ только предполагаетъ его, не пытаясь доказывать. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, самый главный недостатокъ его аргументовъ противъ необходимыхъ истинъ. Не только въ философіи, но и въ обыденномъ сознаніи наглядныя представленія всегда различаютъ отъ общихъ идей.

А съ такой точки зрѣнія немыслимое не будетъ непремѣнно неудобопредставляемымъ, какъ, наоборотъ, и неудобопредставляемое или невоображаемое—немыслимымъ. Можно указать не мало случаевъ несовпаденія обоихъ понятій. Я, напримѣръ, могу весьма отчетливо мыслить разстояніе солнца отъ земли; но, конечно, никакими усиліями воображенія не достигну того, чтобы наглядно и осязательно представить его себѣ. Я могу мыслить невѣроятно большія, даже безконечныя числа, но фантазія моя совершенно отказывается представить сколько-нибудь сложное число во всѣхъ составляющихъ его единицахъ. Такихъ примѣровъ можно указать великое множество. Обратно, есть вещи удобопредставляемыя, но которыхъ я не мыслю существующими при наличномъ состояніи моихъ познаній. Я легко могу представить себѣ тѣло безъ всякой тяжести, но, размышляя о дѣйствительности, непремѣнно предполагаю нѣкоторый вѣсъ у всякаго тѣлеснаго предмета.

Нѣкоторые психологи, слѣдующіе началамъ подновленнаго номинализма, старались свести все содержаніе мышленія на наглядныя представленія, вызываемыя общими названіями по неизбѣжнымъ законамъ ассоціаціи идей. Милль, очевидно, держится этой теоріи. Однако всѣ попытки, сдѣланныя до сихъ поръ, чтобы доказать ее, остаются очень неудачными, если имѣть въ виду поражающую неясность въ объясненіи процессовъ отвлеченнаго мышленія, которая отмѣчаетъ попытки подобнаго рода. Мысля понятіе *человѣкъ* вообще,—такъ приблизительно разсуждаютъ эти психологи,—я непремѣнно представляю какого-нибудь конкретнаго человѣка и общность моей мысли заключается лишь въ томъ, что я, употребляя имя *человѣкъ*, сознаю при этомъ возможность назвать этимъ именемъ и всякое другое существо, имѣющее нѣкоторыя опредѣленныя общія качества съ представляемымъ мною лицомъ. Не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы замѣтить, что такое объясненіе убиваетъ само себя. Какъ сознать возможность употребить извѣстное названіе для всякаго человѣка, не имѣя предварительно идеи не о какомъ-нибудь опредѣленномъ индивидуальномъ человѣкѣ (ибо такая идея ничему бы не помогла), но о всякомъ человѣкѣ вообще? Какъ бы мы ни понимали это сознаніе общей возможности употребить имя такъ или иначе, какую бы степень опредѣленности ни приписывали мы ему, оно во всякомъ случаѣ не можетъ быть тождественно съ наглядными представленіемъ отдѣльныхъ пред-

метовъ. Отождествленіе общихъ идей съ сопровождающими ихъ въ нашемъ сознаніи конкретными образами еще имѣетъ нѣкоторое правдоподобіе для понятій, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ отвлеченія отъ непосредственно созерцаемаго чувственнаго матеріала. Но какія наглядныя представленія, какія возобновленныя по невольной ассоціаціи слуховыя, зрительныя или мускульныя ощущенія составляютъ содержаніе такихъ, наприм., понятій, какъ *государство*, *общество*, *наука?* Обыкновенно возражаютъ, что въ подобныхъ случаяхъ ассоціаціи идей бываютъ слишкомъ сложны, а потому неуловимы для самонаблюденія и непередаваемы. Но если мы въ этихъ понятіяхъ мыслимъ только наглядныя представленія, если эти наглядныя представленія, съ другой стороны, неуловимы для нашего сознанія,—не значитъ ли это, что самыя понятія неуловимы для ума, т. е. что мы въ нихъ ровно ничего не мыслимъ? Выводъ странный, но отъ него трудно отдѣлаться.

Впрочемъ, допустивъ даже, что общія идеи возникаютъ просто изъ различнаго сочетанія наглядныхъ представленій, мы все-таки должны будемъ согласиться, что существованіе представленій въ формѣ понятій есть для нихъ состояніе специфическое, особенное и, стало-быть, мысль во всякомъ случаѣ отличается отъ представленія хотя бы такъ, какъ всякій видъ отличается отъ своего рода, слѣдовательно и для номиналиста даже *немыслимость* не можетъ быть отождествляема съ *неудобопредставляемостью*.

Если такимъ образомъ даже эти два понятія безразлично смѣшиваются въ логикѣ Милля, то нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ нигдѣ не дѣлаетъ попытки указать различныя категоріи вещей немыслимыхъ, то-есть опредѣлить *различные виды немыслимости*. А между тѣмъ слово *немыслимость*, взятое и въ собственномъ значеніи, употребляется не всегда одинаково. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Когда мнѣ скажутъ: желтый звукъ, круглый квадратъ, часть бо́льшая цѣлаго,—я не пойму этихъ выраженій и то, что̀ ими обозначается, будетъ для меня безусловно-немыслимою вещью. Но когда противникамъ Колумба говорили объ антиподахъ, вѣдь послѣдніе имъ казались также совершенно немыслимыми существами? Одинакова ли немыслимость въ обоихъ примѣрахъ? Пока слова *круглый* и *квадратъ* сохранятъ то значеніе, которое имъ приписывается теперь,—съ выраженіемъ круглый квадратъ мы не будемъ соединять никакой опредѣленной идеи, потому что съ содержаніемъ понятія квадратъ признакъ

круглоты не совмѣстимъ. Трудно сказать, какое огромное и коренное перерожденіе должно претерпѣть человѣческое сознаніе, чтобы выраженія подобныя приведеннымъ для него перестали быть *сочетаніемъ словъ*, *не вызывающимъ никакой идеи*, или если обратиться къ разбираемому примѣру, чтобы круглота, оставаясь круглотою, была понята какъ качество квадрата, въ которомъ, тѣмъ не менѣе, мыслилось бы то же самое, что мыслится и теперь. Здѣсь является немыслимость *логическая* или *идеальная*, т. е. такая, которая лежитъ въ самой природѣ понятій: ясно сознанные признаки одного исключаютъ признаки другаго, и только если сознаніе перестаетъ быть самимъ собою, можно представить это отношеніе понятій измѣнившимся. Такого рода немыслимость получается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда утверждаютъ что-либо противоположное очевиднымъ аксіомамъ разума. Въ примѣрѣ антиподовъ условія совсѣмъ другія. Что собственно не дозволяло современникамъ Колумба думать, что существуютъ люди на другой сторонѣ земли, противоположной той, на которой они сами живутъ?—То, что тогда выходило, что есть люди, которые ходятъ вверхъ ногами. Что же именно? Развѣ человѣческая фантазія совсѣмъ неспособна представить такую вещь?—Очевидно, этого сказать невозможно. Довольно самаго поверхностнаго знакомства съ миѳологіями различныхъ народовъ, чтобъ убѣдиться, что и болѣе прихотливые образы создавались въ самыя первобытныя эпохи жизни человѣчества. Или между содержаніемъ понятія *человѣкъ* и признакомъ хожденія внизъ головою замѣчается внутреннее противорѣчіе?—Этого опять никакъ нельзя сказать уже потому, что понятія *вверхъ* и *внизъ* не заключаютъ въ себѣ отчетливыхъ логическихъ признаковъ, будучи прямо взяты изъ міра наглядныхъ представленій. Итакъ, антиподъ и воображаемъ, и отвлеченно мыслимъ, и это—не только для насъ, а для всякаго ума, въ чемъ заключается его отличіе отъ такихъ идей, какъ круглый квадратъ или часть бо́льшая цѣлаго, которыхъ ни вообразить, ни отвлеченно мыслить нельзя. Если же нѣкоторые современники Колумба все-таки считали антиподовъ невозможными, то къ этому ихъ побуждала не внутренняя логическая несообразность понятія «антиподъ», а смутное и невѣрное пониманіе законовъ силы тяжести. Центръ, изъ котораго исходитъ ея дѣйствіе, полагался гдѣ-то безгранично внизу обитаемой нами поверхности. При этомъ антиподы дѣйствительно казались немыслимыми, но не въ силу внутренняго противорѣчія въ поня-

тіи о нихъ, а потому, что господствовавшее въ умахъ, отрицавшихъ возможность ихъ, представленіе о мірѣ и его законахъ не допускало признать за ними *фактическое существованіе*. Иными словами, здѣсь была не *логическая*, а *реальная* немыслимость, т. е. немыслимость совсѣмъ другаго рода. Милль не обратилъ вниманія на это совершенно неизбѣжное различіе, но, пользуясь употребленіемъ одного и того же отвлеченнаго термина, отождествилъ обозначаемыя имъ вещи и отъ измѣнчивости и условности всего реально-немыслимаго или немыслимаго за фактъ сдѣлалъ выводъ къ неустойчивости всего немыслимаго логически въ настоящемъ значеніи этого слова, — софизмъ слишкомъ прозрачный, чтобъ имъ можно было оправдать отрицаніе необходимыхъ истинъ разума. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что считать что-нибудь недѣйствительнымъ или невѣроятнымъ не значитъ еще быть неспособнымъ мыслить это невѣроятное.

Наиболѣе смущающій примѣръ того, какъ положенія, первоначально казавшіяся нелѣпыми, потомъ получаютъ характеръ истины, указанъ Миллемъ въ общераспространенномъ нынѣ убѣжденіи, что тѣла способны дѣйствовать другъ на друга на разстояніи. Что вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ, повидимому, должно бы было считаться неоспоримою истиной, и когда впервые изученіе феноменовъ природы заставило приписать вещамъ способность дѣйствовать черезъ промежуточныя пространства, отдѣляющія ихъ отъ другихъ вещей, это показалось въ такой мѣрѣ невозможнымъ, что ученые старались придумать матеріальную среду, передающую взаимное вліяніе удаленныхъ другъ отъ друга тѣлъ. Между тѣмъ, въ настоящее время, этотъ фактъ настолько кажется понятнымъ и простымъ, что мы съ трудомъ можемъ представить себѣ, чтобъ онъ могъ когда-нибудь возбуждать недоумѣнія.

Съ перваго взгляда можно подумать, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ логическою немыслимостью, которая перестала быть таковою: что вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ, это можетъ показаться простымъ выводомъ изъ закона противорѣчія, ибо дѣйствіе необходимо подразумѣваетъ уже нѣкоторое присутствіе вещи. Однако въ дѣйствительности это не болѣе какъ одинъ изъ примѣровъ реальной немыслимости. Переходъ отъ прежнихъ сомнѣній къ спокойному признанію факта совершился благодаря перемѣнѣ въ воззрѣніяхъ на внутреннюю природу вещества. Пока господствовалъ картезіанскій механиче-

скій взглядъ на матерію, т. е. пока она отождествлялась съ наполняемымъ ею пространствомъ, дѣйствіе на разстояніи не могло быть принято, потому что все бытіе тѣла ограничивалось предѣлами того мѣста, которое оно занимало. Но когда механическую теорію смѣнило динамическое пониманіе матеріи, этотъ выводъ долженъ былъ измѣниться. Видимое тѣло въ динамическомъ міросозерцаніи стало только центромъ расходящихся силъ, самое же бытіе предмета захватывало и центръ, и перефирію ихъ дѣйствія. Динамизмъ въ сущности отрицаетъ безусловно пустое пространство и расширяетъ существованіе каждаго атома до безконечности, заставляя его присутствовать въ каждой точкѣ вселенной своими силами, которыя хотя и не воспринимаются прямо нашимъ чувствомъ, однако имѣютъ вполнѣ конкретную природу. Динамическая теорія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ тезисахъ, успѣла уже сдѣлаться убѣжденіемъ большинства. Но что для механическаго воззрѣнія на вещество до сего времени немыслимо признать дѣйствіе на разстояніи, этому можно найти весьма вѣскія доказательства. Ограничимся указаніемъ на знаменитаго физика аббата Сэкки.

Въ настоящемъ мѣстѣ мы не можемъ пускаться въ болѣе подробный разборъ знаменитаго сочиненія Милля. Скажемъ только, что по самой задачѣ его логики всѣ замѣчанія, соприкасающіяся съ теоріей познанія, по необходимости носятъ характеръ *эпизодическій*. Какъ всякая логика, она имѣетъ своимъ главнымъ предметомъ логическіе пріемы мышленія, причемъ авторъ ея съ намѣреніемъ уклонялся отъ рѣшенія вопросовъ, ближайшимъ образомъ относящихся къ психологіи, а потому она по самому своему характеру не можетъ дать отвѣта въ вопросѣ о границахъ человѣческаго разума.

Повидимому, большее значеніе въ этомъ смыслѣ имѣетъ другое сочиненіе Милля: «Обзоръ философіи Вилліама Гамильтона». Въ немъ Миль даетъ замѣчательно остроумную и тонкую критику теорій этого мыслителя, и при этомъ ему нерѣдко приходится имѣть дѣло съ положеніями чисто-метафизическаго свойства. Но все же нельзя смотрѣть на это сочиненіе какъ на анализъ метафизическаго мышленія вообще: во-первыхъ, Гамильтонъ—представитель лишь одной философской школы, и школы развившей совершенно своеобразныя идеи, которыя никакъ не могутъ служить типомъ всякой метафизической философіи. Притомъ онъ даже не можетъ быть названъ метафизикомъ въ стро-

гомъ смыслѣ слова: онъ знаменитъ—какъ защитникъ теоріи относительности человѣческаго познанія и если допускалъ познаваемость нѣкоторыхъ опредѣленій, принадлежащихъ вещамъ въ себѣ, то лишь путемъ непосредственнаго воспріятія. Во-вторыхъ, Милль въ своей критикѣ удѣлитъ слишкомъ много вниманія разбору внутреннихъ непослѣдовательностей и противорѣчій, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ Гамильтона. Эти противорѣчія, конечно, имѣютъ свое значеніе для характеристики образа мыслей этого философа, но едва ли имъ можно придавать общій интересъ.

Изъ другихъ замѣчательныхъ произведеній, касающихся нашего вопроса и написанныхъ представителями эмпирической школы, можно еще указать на сочиненіе Герберта Спенсера: «О первыхъ началахъ». Въ немъ нѣсколько главъ посвящено обстоятельному разбору метафизическихъ идей. Но и про это сочиненіе никакъ нельзя сказать, чтобъ оно было окончательнымъ и вполнѣ совершеннымъ выраженіемъ научно-критическаго анализа метафизической философіи. Авторъ слишкомъ вѣренъ преданіямъ шотландской школы, чтобъ его можно было считать вполнѣ свободнымъ отъ всякихъ метафизическихъ предположеній. Его «Непознаваемое начало», конечно, не принадлежитъ къ разряду идей, эмпирически доказуемыхъ; его апріорныя положенія философіи, своею достовѣрностью превышающія всякое обобщеніе опыта, еще менѣе доказываютъ, чтобъ онъ былъ вполнѣ послѣдовательнымъ представителемъ эмпиризма. Далѣе, его критика далеко не отличается оригинальностью и вообще главы ей посвященныя представляютъ самую слабую часть его замѣчательной книги. Самое оригинальное въ ней — это теорія символизма въ человѣческомъ мышленіи, которую авторъ выставляетъ какъ главное оправданіе своего отрицательнаго отношенія къ религіознымъ и метафизическимъ идеямъ. Выходя изъ предположенія о тождествѣ пониманія предмета съ представленіемъ о немъ, онъ утверждаетъ, что мы на самомъ дѣлѣ понимаемъ очень немногія вещи, все же остальное, чего нельзя прямо представить, понимаемъ только символически, т. е. замѣняемъ представленіе о предметѣ другими представленіями, имѣющими съ нимъ сходство, которыя служатъ символами или знаками его истинной природы. Въ этомъ случаѣ мы впадаемъ въ иллюзію, такъ какъ предполагаемъ себя понимающими то, чего мы на самомъ дѣлѣ не понимаемъ. Эта иллюзія не приноситъ вреда, когда мы всегда можемъ представленія символическія обратить въ дѣйствительныя;

но въ иныхъ случаяхъ этого сдѣлать нельзя, и тогда въ нашемъ умѣ являются понятія безсодержательныя и ложныя по существу. Къ разряду такихъ понятій относятся всѣ религіозныя и метафизическія идеи.

Этой теоріи, конечно, нельзя отказать въ большомъ остроуміи, но весьма сомнительно, чтобъ она когда-нибудь могла имѣть серьезное значеніе. Вѣдь метафизическія и религіозныя идеи не суть что-либо исключительное: во всѣ времена всякій человѣкъ былъ и бываетъ имъ до извѣстной степени причастенъ; говоря просто, выходитъ, что человѣчество во всю свою исторію жило идеями, въ которыхъ нѣтъ ни содержанія, ни смысла, т. е. полагало, что оно о чемъ-то думаетъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ не думало ни о чемъ. Отрицать фактъ есть наиболѣе легкое, но за то и наименѣе цѣнное его объясненіе.

Мы не можемъ разбирать здѣсь всѣхъ замѣчаній Герберта Спенсера относительно различныхъ теологическихъ и метафизическихъ идей. Повторимъ только, что въ нихъ мало самобытнаго и большая часть выраженныхъ имъ мнѣній ведетъ свое начало отъ Канта съ одной, отъ Гамильтона и Манселя съ другой стороны.

Если такимъ образомъ у корифеевъ современной эмпирической философіи нельзя найти окончательнаго рѣшенія занимающаго насъ вопроса, то незачѣмъ обращаться къ ихъ менѣе выдающимся ученикамъ. Большая ихъ часть только повторяетъ уже сказанное ихъ вождями. Общій выводъ долженъ быть одинъ: позитивная школа въ отрицаніи метафизической философіи не много прибавила къ тому, что было высказано раньше ея эмпиризмомъ и сенсуализмомъ въ Англіи и Франціи. Причина этого понятна сама собою. Теперь невозвратно прошло время смѣлыхъ гипотезъ въ наукѣ о духѣ,—то время, когда всякое построеніе духовныхъ способностей, въ сущности вытекавшее изъ совершенно метафизическихъ началъ (все равно, откуда эти начала ни заимствовались, изъ матеріализма или спиритуализма), принималось на вѣру при малѣйшемъ правдоподобіи. Требуются посылки дѣйствительно доказанныя научнымъ путемъ. А между тѣмъ психологія, хотя эта наука и успѣла за послѣднее время значительно двинуться впередъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (главнымъ образомъ въ рѣшеніи вопросовъ психо-физіологическихъ), до сихъ поръ оказывается еще очень несовершенною и несостоятельною въ объясненіи такихъ сложныхъ явленій, какъ разумъ, воля, творчество. Въ этой области, можно

сказать, она почти еще ни на шагъ не тронулась. Но, съ другой стороны, вполнѣ очевидно, что тогда только съ дѣйствительнымъ правомъ можно будетъ указать непобѣдимыя границы разума, когда наука будетъ въ состояніи отвѣчать съ совершенною опредѣленностью на слѣдующіе, напр., вопросы: какая психическая природа концепцій разума,—въ чемъ заключается душевная дѣятельность, называемая отвлеченіемъ,—въ чемъ состоитъ различіе между представленіями, понятіями и идеями и существуетъ ли это различіе,—какимъ путемъ создаются новыя идеи, изъ какихъ элементарныхъ дѣятельностей души слагается сужденіе и т. д.,—то-есть когда творческая дѣятельность ума будетъ выяснена до прозрачности.

Слѣдовательно, споръ между метафизикой и опытомъ, между философіей и скептицизмомъ далеко еще не приведенъ къ концу. Однако въ большинствѣ случаевъ смотрятъ на дѣло совсѣмъ иначе и просто свысока игнорируютъ область метафизическихъ вопросовъ. Нельзя даже сказать, чтобы спеціальный характеръ и особыя задачи метафизической философіи понимались хотя бы съ приблизительною точностью. Правда, слова: *метафизика, метафизическій*, употребляются очень часто въ современной литературѣ, но больше для выраженія порицанія и неудовольствія. А между тѣмъ установленіе опредѣленнаго значенія за терминами есть первое и необходимое условіе всякаго спора, тѣмъ болѣе философскаго. Враждебное отношеніе къ метафизикѣ понятно для того времени, когда она своимъ сухимъ формализмомъ и своими нетерпимыми притязаніями представляла значительное препятствіе для развитія положительныхъ наукъ. Тогда вражда и часто несправедливыя обвиненія объяснялись настоятельною потребностію въ свободѣ изслѣдованія и страстнымъ увлеченіемъ борьбою. Теперь метафизика не только упала во мнѣніи толпы, но и обнаруживаетъ глубокое внутреннее безплодіе: наше время не произвело ни великихъ идей, ни великихъ именъ въ этой сферѣ. Не пора ли перестать бояться сраженнаго врага и отнестись къ нему объективно и безпристрастно? Допустимъ даже, что религіозныя и метафизическія идеи представляютъ изъ себя лишь хаосъ всякихъ заблужденій; но вѣдь этими заблужденіями двигалась исторія человѣчества, а этого достаточно, чтобъ отнестись къ нимъ съ уваженіемъ и справедливостью.

Итакъ, вотъ вопросы огромной важности при современномъ состояніи философской науки:

1. Что такое метафизика? Гдѣ начинается ея область? Отъ рѣшенія какихъ вопросовъ должны мы совершенно и навсегда отказаться, отрицая возможность ея?

2. Почему метафизика отрицается? Какія доселѣ выработаны основанія для такого отрицанія и насколько тверды и безспорны эти основанія?

Что такое метафизика?—На этотъ вопросъ не такъ легко отвѣтить, какъ оно можетъ показаться съ перваго взгляда. Задачи метафизическаго знанія или того, что на обыкновенномъ языкѣ выдѣляютъ изъ ряда другихъ наукъ подъ именемъ *философіи*, опредѣляются далеко не одинаково, смотря по различію точекъ зрѣнія. Такое разнообразіе опредѣленій во многомъ зависитъ отъ той причины, что мыслители, признающіе возможность достовѣрныхъ метафизическихъ выводовъ, обыкновенно имѣютъ въ виду не то, что̀ метафизика̀ есть на самомъ дѣлѣ и чѣмъ она была исторически, а чѣмъ *она должна быть* въ системѣ истиннаго знанія. Этой послѣдней задачи пока мы не въ состояніи рѣшать. Для насъ важно точно опредѣлить *общую* природу метафизики, какъ знанія *особеннаго*, имѣющаго свой спеціальный предметъ, заявляющаго притязанія на первое и господствующее мѣсто среди другихъ наукъ,—знанія, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ являвшагося во всѣ эпохи исторіи человѣческой мысли, но которое, въ настоящее время, наиболѣе распространенною школою философіи осуждается какъ ложное и по самому существу своему неспособное оправдать возлагаемыя на него надежды. Очевидно, чтобы получить такое опредѣленіе, всего скорѣе нужно обратиться къ представителямъ этой, отрицающей метафизику, школы: во-первыхъ, они, въ своемъ отрицаніи, имѣютъ въ виду не какую-нибудь отдѣльную систему метафизики, а всякую метафизику вообще; во-вторыхъ, они заинтересованы быть-можетъ болѣе, чѣмъ всякая другая школа, въ томъ, чтобы понятіе объ этой фиктивной наукѣ было указано со всею возможною опредѣленностью, чтобы съ совершенною точностью были выдѣлены задачи и вопросы, которые она себѣ присвоиваетъ.

Но если мы обратимся къ самымъ лучшимъ и авторитетнымъ, по общему признанію, философамъ современнаго позитивизма, насъ постигнетъ нѣкоторое разочарованіе; въ ихъ понятіяхъ о метафизикѣ именно нѣтъ той отчетливости, какой можно было бы ожидать отъ нихъ. Наприм. Контъ, объ историческомъ законѣ

котораго мы уже имѣли случай говорить, объясняетъ метафизическое воззрѣніе на міръ слѣдующимъ образомъ:

«Въ состояніи метафизическомъ, которое собственно есть просто общее видоизмѣненіе теологическаго, сверхъестественные дѣятели замѣщаются *абстрактными силами*, истинными сущностями (entité) (олицетворенными абстракціями), внутренно-присущими всѣмъ существамъ міра и признанными за способныя отъ себя производить всѣ наблюдаемыя явленія, объясненіе которыхъ поэтому состоитъ въ указаніи каждому явленію соотвѣтствующей сущности... Теологическая система достигла высшей степени совершенства, къ какому только была способна, когда замѣнила разновидную игру многочисленныхъ и независимыхъ божествъ, какихъ воображали сначала, провидящею дѣятельностью единаго Существа. Точно также послѣднее выраженіе метафизической системы заключается въ признаніи, вмѣсто различныхъ частныхъ сущностей, единой и всеобщей сущности—природы, которая разсматривается какъ единственный источникъ всѣхъ явленій».

Итакъ, по Конту, общая мысль метафизическаго міросозерцанія сводится къ слѣдующему положенію: существуютъ абстрактныя силы, сущности, олицетворенныя абстракціи, своею дѣятельностью производящія всѣ явленія міра, причемъ каждому явленію соотвѣтствуетъ своя особенная сущность. Прогрессъ же метафизической философіи заключается въ постепенномъ развитіи идеи о единой сущности — природѣ, какъ источникѣ всѣхъ явленій, вмѣсто прежняго признанія безконечной множественности сущностей. Я не думаю, чтобы такое объясненіе можно было назвать полнымъ и всестороннимъ опредѣленіемъ особенной природы метафизическихъ идей. Ихъ отождествленіе съ отвлеченными силами, съ олицетвореннымн абстракціями — само, очевидно, страдаетъ большею отвлеченностью, граничащею съ неясностью. Что говорятъ намъ эти слова: истинная сущность, присущая явленію, абстрактная сила, отъ себя производящая явленіе, и т. п.? Заключается ли въ нихъ, по крайней мѣрѣ, настолько содержанія, чтобы мы всегда безошибочно могли опредѣлить, какія изъ идей нашего ума мы должны отнести къ разряду представленій метафизическихъ, какія нѣтъ?—Конечно, въ этомъ только должно состоять мѣрило достаточности и полноты въ опредѣленіи природы метафизическаго воззрѣнія на существующее, а я никакъ не думаю, чтобы простая постановка подъ рядъ словъ: сущность, сила, абстракція и т. д.—давала слишкомъ богатыя средства для

рѣшенія вышеупомянутой задачи, ибо эти слова, конечно, скорѣе нуждаются въ объясненіи, нежели тѣ болѣе конкретныя идеи нашего ума, которыхъ значеніе и мѣсто въ системѣ человѣческаго знанія они должны указывать.

Изъ общности и отвлеченности главныхъ терминовъ вытекаетъ неопредѣленность теоріи историческаго развитія метафизики. Смыслъ философскаго развитія человѣчества сводится къ тому, что мы отъ идеи о безконечномъ множествѣ сущностей явленій постепенно приходимъ къ понятію объ одной только сущности ихъ. Можно ли думать, чтобы такова была окончательная формула, всеобъединяющій законъ, который объясняетъ всѣ видоизмѣненія и все разнообразіе направленій въ исторіи философіи? Даже проще: вѣрно ли передаетъ онъ историческіе факты? До сихъ поръ мы не знаемъ со всею строгостью проведенной попытки обнять имъ исторію философскихъ идей въ ея цѣломъ, да и трудно надѣяться въ эту узкую и весьма отвлеченную въ то же время формулу втиснуть метафизическое мышленіе всѣхъ вѣковъ въ живомъ многоразличіи его явленій.

Если обратимся къ другому знаменитому представителю теперь господствующей школы, отрицающей метафизику, къ Джону Стюарту Миллю, мы одинаково не найдемъ болѣе опредѣленныхъ указаній на задачи и природу метафизическаго знанія. Слова: сила, сущность, отвлеченная природа вещи, способность—и у него стоятъ на первомъ планѣ. «Образъ мышленія, который Контъ называетъ метафизическимъ, объясняетъ явленія, относя ихъ не къ дѣйствіямъ воли существъ земныхъ или небесныхъ, но къ *реализированнымъ абстракціямъ*... Это—*способности* или *силы*, или *скрытыя качества*, разсматриваемыя какъ реальныя существованія, внутренно присущія конкретнымъ тѣламъ, хотя и отличныя отъ нихъ, въ которыхъ они находятся и которыя они нѣкоторымъ образомъ одушевляютъ»... Въ метафизическомъ міровоззрѣніи «явленія объясняются предположенными стремленіями и наклонностями абстракціи «природы», которая хотя и разсматривается какъ нѣчто безличное, однако представляется дѣйствующею по нѣкотораго ряда мотивамъ, и болѣе или менѣе аналогичнымъ образомъ, съ существами сознающими себя. Такъ, Аристотель приписываетъ природѣ стремленіе къ лучшему... Когда люди чувствовали необходимость дать имя этимъ воображаемымъ существамъ, они ихъ называли «природою вещи», «сущностью» или «силами ей присущими», или другими различными именами».

Поэтому вездѣ, гдѣ Милль старается доказать непознаваемость вещей въ себѣ, онъ говоритъ о непостижимости и таинственности ихъ сущности или внутренней природы. «Внутренняя природа мыслящаго начала, точно также какъ и внутренняя природа вещества, остается—и при нашихъ способностяхъ должна остаться—для насъ совершенно темною... Есть нѣчто, что я называю моимъ *я*, или, выражаясь иначе, моимъ духомъ, и *что̀ признаю отличнымъ* отъ ощущеній, мыслей и проч. Но о томъ, каково это существо, хотя я же его и составляю, я не имѣю свѣдѣній, кромѣ ряда его состояній сознанія». И о веществѣ: «Итакъ, то, что обнаруживаетъ свои свойства,—другими словами, то, въ чемъ пребываютъ кажущіяся причины, то, чему они принадлежатъ, — называется ихъ субъектомъ, или субстанціей, или субстратомъ. Обыкновенно этому субъекту явленій протяженности, твердости и т. д. даютъ названіе матеріи и матеріальной субстанціи, и вотъ почему, какъ *различаемое* отъ проявляемыхъ качествъ, это есть имя чего-то неизвѣстнаго и непостигаемаго».

Пониманіе метафизической задачи, выраженное корифеями позитивизма, слѣпо раздѣляется ихъ послѣдователями. Въ настоящее время сдѣлалось ходячимъ мнѣніе, что метафизика занимается рѣшеніемъ вопросовъ о таинственныхъ сущностяхъ вещей и тѣмъ отличается отъ положительной науки, которая, бросивъ всѣ подобные вопросы, занимается простымъ изученіемъ дѣйствительности въ ея живыхъ и конкретныхъ проявленіяхъ. Мы уже указывали на неопредѣленность терминовъ *сущность* и *сила*, которые составляютъ главную опору такого пониманія. Но, кромѣ неопредѣленности, можно указать другую сторону въ этомъ объясненіи метафизическаго мышленія, которая дѣлаетъ его положительно непригоднымъ. При всей неясности слова *сущность*, съ нимъ у всѣхъ представителей позитивной школы постоянно соединяется *одна и та же мысль*. Сущность есть то, что присутствуетъ въ каждой конкретной вещи, лежитъ въ основаніи всѣхъ ея дѣйствительныхъ свойствъ, т. е. производитъ ихъ изъ себя, и что однако отличается отъ этой вещи и ея свойствъ, что существуетъ отъ нихъ отдѣльно и самостоятельно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе понять эти выраженія: «реальныя существованія, внутренно присущія конкретнымъ тѣламъ, хотя и отличныя отъ нихъ; олицетворенныя абстракціи, присущія всѣмъ существамъ міра и признанныя способными производить всѣ наблюдаемыя явленія» и т. д.?

Но если это справедливо, если подъ словомъ *сущность* позитивисты разумѣютъ воображаемое абстрактное бытіе, присутствующее въ каждой вещи, опредѣляющее изъ себя ея качества и состоянія, и однако само отъ этихъ качествъ и состояній отличное,—слѣдовательно, нѣчто безкачественное и неизмѣнное въ каждомъ предметѣ и тѣмъ не менѣе существующее реально,—если, далѣе, въ признаніи и изученіи этихъ неизмѣнно безкачественныхъ существъ полагается главная особенность и главная задача всякой, когда-либо являвшейся, метафизики,—то такой взглядъ на метафизическое мышленіе совершенно невѣренъ и въ историческомъ отношеніи. Очень немногія философскія ученія отправлялись отъ сущностей, понятыхъ въ этомъ смыслѣ. Нѣсколько примѣровъ, на удачу взятыхъ, мнѣ кажется, какъ нельзя лучше, подтвердятъ это.

Въ XVII вѣкѣ, а отчасти и въ XVIII картезіанская метафизика широко господствовала надъ умами Европы, и до сихъ поръ ея видоизмѣненіямъ принадлежитъ еще очень видное мѣсто среди другихъ философскихъ системъ. Поэтому философія Декарта можетъ быть очень хорошимъ мѣриломъ вѣрности теоріи позитивистовъ. Что же, можно ли у него найти хотя какое-нибудь подобіе съ предполагаемымъ главнымъ утвержденіемъ всякой метафизики? Признаетъ ли онъ въ каждой вещи внутреннее раздвоеніе на безкачественную, или, лучше сказать, существующую до всякаго еще качества, сущность и на самую вещь, какъ уже существующую съ опредѣленными качествами и въ опредѣленныхъ состояніяхъ?—Я думаю, самое общее знакомство съ метафизикой Декарта не позволитъ долго думать надъ этимъ вопросомъ. Декартъ признавалъ существованіе трехъ началъ въ мірѣ: духа конечнаго, существенное опредѣленіе котораго есть мышленіе,—матеріи, сущность которой состоитъ въ протяженіи,—и безконечнаго духа, Бога, съ основными свойствами Его природы—абсолютнымъ совершенствомъ, премудростью и всемогуществомъ. Первыя два начала суть субстанціи конечныя, послѣднее—субстанція безконечная, опредѣляющая двѣ первыя къ бытію и установляющая между ними связь и взаимнодѣйствіе. Если обратимся къ каждому изъ этихъ началъ въ отдѣльности, мы, во-первыхъ, повстрѣчаемся съ тѣмъ положеніемъ, что бытіе субстанціи находится въ неразрывной связи съ ея существеннымъ опредѣленіемъ и безъ него немыслимо. Духъ есть мыслящая вещь, и только это, и если перестанетъ мыслить, отъ его бытія не

останется ровно ничего. Тѣло есть вещь протяженная, и только это,—слѣдовательно, еслибъ у него исчезло протяженіе, тѣла уже не было бы. Итакъ, и тѣло, и духъ — субстанціи, но не такія, которыя существовали бы прежде, чѣмъ онѣ стали данною опредѣленною вещью. Напротивъ, въ нихъ нѣтъ ничего такого, что получило бы бытіе раньше, чѣмъ духъ сталъ мыслить и тѣло явилось протяженнымъ. Правда, Декартъ употребляетъ терминъ «сущность» и называетъ мышленіе сущностью духа, а протяженность—сущностью тѣла. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ понималъ слово *сущность* въ смыслѣ позитивистовъ, т. е. видѣлъ въ мышленіи и протяженности отдѣльныя отъ духа и тѣла абстрактныя существа, реально существующія внѣ частныхъ опредѣленій духа и тѣла въ данный моментъ. Совершенно наоборотъ: какъ мышленіе не можетъ существовать безъ мыслящаго субъекта, такъ и протяженіе—безъ субстанціи, имъ обладающей. И далѣе: тѣло никогда не можетъ быть просто лишь протяженнымъ; это его опредѣленіе влечетъ за собою цѣлый рядъ другихъ, имъ обусловленныхъ: въ каждый моментъ своего существованія тѣло имѣетъ ту или другую фигуру, находится въ томъ или другомъ состояніи движенія или покоя. Эти новыя опредѣленія, вытекающія изъ протяженности, суть виды, или модусы, протяженнаго бытія. Въ мысли мы можемъ отдѣлить протяженность отъ ея модусовъ, но реально они никогда не существуютъ и не могутъ существовать порознь. То же самое должно сказать и относительно духа: его жизнь опредѣляется различными модусами мышленія, каковы—познаніе, ощущеніе, воля, страсть. Духъ—ничто внѣ мышленія, и мышленіе нигдѣ не является какъ мышленіе вообще, но непремѣнно облекается въ какую-нибудь конкретную форму.

Въ непосредственной связи съ ученіемъ Декарта стоитъ философія Спинозы. Въ ней, повидимому, больше данныхъ, чтобы найти нѣкоторое сходство съ общей теоріей позитивистовъ. Спиноза въ основѣ всѣхъ вещей полагаетъ единую безусловную субстанцію, которую отождествляетъ съ *природою*. Эта субстанція есть единственный источникъ всѣхъ опредѣленій конечныхъ вещей; сама же въ себѣ она не носитъ никакого ограниченія, стоитъ выше всякой опредѣленности и особенности, почему безусловная безконечность есть ея основное свойство. Итакъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ понятіемъ сущности, безусловной и неизмѣнной, возвышающейся надъ всякой качественною обособленностью

и по внутренней необходимости своей природы производящей все разнообразіе конечнаго міра. Но при болѣе глубокомъ анализѣ мы тотчасъ замѣтимъ, что и это понятіе имѣетъ слишкомъ мало общаго съ *сущностями* и *силами* воззрѣній позитивистовъ на метафизическія теоріи. Во-первыхъ, субстанція Спиносы едина,—стало-быть, его философія совпадаетъ только съ контовскою высшею точкой развитія метафизическаго міросозерцанія, когда идея единой и всеобщей сущности вытѣсняетъ прежнее представленіе объ особенныхъ сущностяхъ каждой отдѣльной вещи; во-вторыхъ, она не есть что-либо противостоящее міру вещей и отличное отъ него. Спиноза нигдѣ не признаетъ свою субстанцію за начало трансцендентное міру; поэтому она не есть бытіе безкачественное, но такое, которое совмѣщаетъ въ себѣ особенныя свойства всѣхъ вещей, которое имманентно имъ; отсюда—безконечное множество аттрибутовъ единой субстанціи.

Монадологія Лейбница еще менѣе оправдываетъ разбираемое воззрѣніе позитивистовъ. Монады—живыя, качественно опредѣленныя единицы. Въ понятіи о нихъ нѣтъ и слѣда двойственности существованія, которая признается неизбѣжнымъ предположеніемъ всякой метафизики. Философія Вольфа представляетъ изъ себя нѣчто среднее между идеями Лейбница и Декарта; слѣдовательно, о ней нѣтъ основанія говорить отдѣльно.

Нѣмецкій идеализмъ прямо отрицаетъ бытіе какихъ-либо неподвижныхъ сущностей, внѣшнихъ саморазвивающемуся духу; а самая природа этого духа не есть что-нибудь неподвижное и замкнутое, но творческій процессъ самораскрытія, созидающій всѣ формы міровой жизни. Абсолютное и живая, вѣчно движущаяся въ безконечномъ разнообразіи опредѣленій, дѣйствительность отождествляются между собою. Очевидно, къ идеямъ такого рода совсѣмъ уже нельзя примѣнить позитивистическую теорію метафизики.

Въ самомъ дѣлѣ, лишь очень немного можно указать случаевъ, въ которыхъ эта теорія получала бы хотя приблизительное подтвержденіе. Сюда, между прочимъ, можно отнести метафизику схоластиковъ-реалистовъ. Ихъ идеи, какъ кажется, по преимуществу служили образцомъ при созданіи этой теоріи. Схоластическій реализмъ признаетъ конкретное бытіе родовыхъ сущностей вещей, соотвѣтствующихъ нашимъ общимъ названіямъ предметовъ; къ этимъ родовымъ сущностямъ наиболѣе прилагается выраженіе—«реализованныя абстракціи». Онѣ отличаются

отъ единичныхъ вещей, существуютъ независимо отъ нихъ и въ то же время утверждаютъ ихъ въ бытіи и даютъ имъ дѣйствительность, составляя ихъ общую природу, безъ которой немыслимы частныя и особенныя ихъ опредѣленія. Но, при всемъ видимомъ согласіи такой метафизики съ разсматриваемою теоріей, нельзя обойти и весьма замѣтное несоотвѣтствіе между ними. Сущности эти не принадлежатъ каждой отдѣльной вещи и носятъ родовой характеръ; онѣ не предшествуютъ качествамъ вещей, а сами суть наиболѣе общія ихъ свойства, хотя и признаются существующими отъ нихъ независимо. Далѣе, никакъ не слѣдуетъ забывать тѣсной связи между метафизикой родовыхъ сущностей и строго-теологическимъ общимъ міросозерцаніемъ схоластиковъ. Родовыя сущности—не столько самостоятельныя существа, сколько идеальные типы вещей, *присущіе* божественному разуму, которыми направляется дѣятельность творческой воли. Лишь немногіе схоластики придавали имъ значеніе индивидуальныхъ духовъ, управляющихъ міромъ. Впрочемъ, это послѣднее воззрѣніе еще менѣе оправдываетъ теорію Конта.

Много сходства съ метафизикой реалистовъ представляетъ философія Платона. Ея *идеи*—также общія идеальныя начала вещей, которыя существуютъ отдѣльно отъ нихъ въ нѣкоторомъ *умномъ мѣстѣ*. Но и въ этой философіи нельзя искать совершеннаго оправданія воззрѣній позитивистовъ. Идеи, правда, неизмѣнныя трансцендентныя начала, но онѣ носятъ внутри себя конкретное, законченное опредѣленіе; это—не только тенденціи къ произведенію качества, но онѣ сами составляютъ гармоническій міръ качественно различныхъ божественныхъ существъ. Во-вторыхъ, идеямъ нельзя придавать значенія субстанцій конечнаго міра. По Платону, онѣ не могли бы сами по себѣ произвести ничего измѣнчиваго и подлежащаго недостатку. Рядомъ съ міромъ идей лежитъ матерія, и дѣйствительность возникаетъ уже изъ взаимнодѣйствія этихъ двухъ началъ. При этомъ идеи признаются сами по себѣ неспособными соприкасаться съ матеріальной областью. Ихъ связь устанавливается нѣкоторою третьею силою — «душой міра».

Матеріалистическая метафизика, какъ мы думаемъ, совсѣмъ уже не допускаетъ толкованій въ смыслѣ дуализма абстрактныхъ сущностей и конкретныхъ проявленій. Главный тезисъ матеріализма — признаніе данной внѣшней дѣйствительности и ея опредѣленій за окончательную и единственную норму всякаго

объективнаго существованія. Этимъ самымъ въ принципѣ отрицается все трансцендентное въ мірѣ. Даже *атомисты* въ этомъ случаѣ не представляютъ исключенія. Хотя они и утверждаютъ, что все существующее возникло изъ разнообразныхъ сочетаній простыхъ недѣлимыхъ единицъ, неизмѣнныхъ по существу, но эти единицы, конечно, нельзя отождествлять съ предполагаемыми *абстрактными существами* вещей. Атомы не противополагаются міру явленій; напротивъ, явленія—только различные виды ихъ собственнаго бытія. Неизмѣнность приписывается имъ только въ условномъ смыслѣ: они не могутъ измѣняться внутренно, по своимъ качествамъ, но за то постоянно подвергаются перемѣнамъ относительно своего положенія въ пространствѣ и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ атомамъ.

По странному недоразумѣнію, разбираемая теорія преимущественно оправдывается на системахъ скептическихъ, т.-е. такихъ, которыя отрицательно относятся къ возможности истинной метафизики и настаиваютъ на совершенной условности всѣхъ человѣческихъ познаній. Мы хотимъ сказать, что въ скептическихъ ученіяхъ, кромѣ отрицательныхъ выводовъ, рядомъ съ ними существуетъ нѣкоторая положительная сторона, т.-е. они обыкновенно отправляются отъ догматическихъ предположеній, иногда высказанныхъ, иногда скрытыхъ и только косвенно подразумѣваемыхъ. Въ этихъ-то основныхъ идеяхъ скептицизма обыкновенно утверждается дѣйствительное существованіе особыхъ, непостижимыхъ сущностей вещей, которыхъ истинная природа не выражается ни въ какомъ явленіи и которыя въ силу этого совершенно непознаваемы. Такъ, въ древнемъ мірѣ скептицизмъ впервые появляется среди элейской школы, утверждавшей, что въ самомъ дѣлѣ существуетъ только безусловно-простое, внутренно-безразличное, абсолютно-единое и безконечное бытіе; все же конечное, измѣнчивое, качественно-опредѣленное есть непонятный обманъ нашихъ чувствъ, скрывающій отъ насъ истину. Изъ этого выводилось далѣе, что стало-быть всякое познаніе, основанное на изученіи чувственныхъ явленій, необходимо-призрачно и исполнено всевозможныхъ противорѣчій. Новое время подтверждаетъ то же самое: Кантъ подлѣ міра явленій ставитъ *Ding an sich*, которая съ ними не имѣетъ ничего общаго, хотя ее и слѣдуетъ всего скорѣе понять какъ субстратъ феноменальнаго міра. Для насъ доступны только явленія и ихъ формы существованія,—слѣдовательно, наше познаніе необходимо-условно и не содержитъ

въ себѣ объективной истины. Подобнымъ же образомъ Шопенгауеръ, хотя и создавшій своеобразную метафизику, но твердо отстаивавшій условность разумнаго познанія, утверждаетъ, что міръ, какъ воля, совершенно отличается отъ міра представленій съ его формами и поэтому непознаваемъ въ своей внутренней сущности. Между новѣйшими мыслителями, отличавшимися своимъ скептическимъ отношеніемъ къ метафизикѣ, мы уже указывали на Милля и приводили его доказательства непознаваемости матеріи и духа. Послѣднее въ особенности характеристично: выходитъ, что мы знаемъ дѣйствительныя состоянія и свойства духа и, тѣмъ не менѣе, не знаемъ, что такое духъ. Очевидно, въ этомъ тезисѣ подразумѣвается, что свойства и состоянія духа и самый духъ—двѣ вещи совершенно различныя. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій Милль оговаривается и подвергаетъ сомнѣнію бытіе непостижимаго субъекта духовной жизни, отличнаго отъ нити состояній нашего сознанія. Но во всякомъ случаѣ онъ слишкомъ часто возвращается къ мысли о непостижимости внутренней природы духовныхъ процессовъ, чтобъ это сомнѣніе можно было считать серьезнымъ. Другой знаменитый мыслитель нашего времени, Гербертъ Спенсеръ, дѣлаетъ однимъ изъ главныхъ положеній своей философіи—признаніе нѣкотораго непознаваемаго начала въ мірѣ, къ которому вѣчно стремится человѣческій умъ и котораго никогда не можетъ постигнуть, потому что опредѣленія, добываемыя изъ міра явленій, совершенно неприложимы къ нему.

Но, чтобы вполнѣ оцѣнить отношеніе англійской школы къ этому вопросу, всего лучше обратиться къ одному изъ самыхъ первыхъ и самыхъ геніальныхъ представителей англійской философіи — Локку. Вопросу о сущностяхъ онъ посвящаетъ цѣлую главу. Вотъ какъ объясняетъ онъ возникновеніе идеи о субстанціи въ нашемъ умѣ: «Кто возьметъ на себя трудъ подумать надъ понятіемъ, которое онъ имѣетъ о чистой субстанціи вообще, тотъ увидитъ, что онъ относитъ его къ какому-то неизвѣстному субъекту, который совершенно непостижимъ для него и который онъ признаетъ за основу качествъ, способныхъ возбудить простыя идеи въ нашемъ духѣ,—качествъ, обыкновенно называемыхъ акциденціями. Въ самомъ дѣлѣ, пускай спросятъ у кого-нибудь, что онъ разумѣетъ подъ субъектомъ тяжести и свѣта.—Ему нечего будетъ сказать, какъ только то, что это—твердыя и протяженныя частицы. Но если его спросятъ, что же такое та вещь, ко-

торой внутренно присущи твердость и протяженіе,—онъ будетъ въ не меньшемъ затрудненіи, чѣмъ тотъ индѣецъ, который былъ спрошенъ, на чемъ стоитъ земля. Индѣецъ отвѣчалъ: на слонѣ. Тогда его спросили: на что же опирается слонъ?—онъ отвѣчалъ: на большой черепахѣ. Когда же его спросили опять: на чемъ тогда утверждена черепаха?—онъ возразилъ, что это есть *нѣчто*, что-то такое, чего онъ не знаетъ... Такъ какъ всякое представленіе о томъ, что мы называемъ общимъ именемъ субстанціи, есть не болѣе какъ идея предмета намъ неизвѣстнаго и понимаемаго нами какъ основа свойствъ, коихъ существованіе открыто намъ и которыя, по нашему мнѣнію, не могутъ существовать *sine re substante*, безъ нѣкоторой вещи, содержащей ихъ въ себѣ,—то мы даемъ этой основѣ имя субстанціи, которое, точно переведенное, сообразно своему истинному смыслу, обозначаетъ находящееся *подъ чѣмъ-нибудь*, служащее опорою... Поэтому, когда мы говоримъ о какой-нибудь субстанціи, мы говоримъ, что это—вещь, имѣющая тѣ или другія свойства; напримѣръ, тѣло есть вещь протяженная, имѣющая фигуру и подлежащая движенію... *Этотъ способъ выражаться и подобные ему доказываютъ, что субстанція постоянно предполагается чѣмъ-то отличнымъ отъ протяженія, фигуры и движенія*». И Локкъ не видитъ въ этомъ противупоставленіи субстанціи ея качествамъ только простое предположеніе человѣческаго ума,—оно въ его глазахъ имѣетъ объективную цѣнность. Въ четвертой книгѣ своего знаменитаго сочиненія онъ пользуется имъ, какъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ непознаваемости вещей.

Въ вопросѣ о непознаваемости *тѣлъ* Локка въ особенности интересно сравнить съ Декартомъ. Въ ихъ взглядахъ много общаго: какъ Декартъ, такъ и Локкъ одинаково признаютъ раздѣленіе воспринимаемыхъ свойствъ матеріи на первичныя и вторичныя. Оба думаютъ, что наше представленіе о первыхъ выражаютъ объективныя опредѣленія тѣлъ, каковы—протяженность, фигура, движеніе. Изъ этого Декартъ заключаетъ, что истинная природа тѣлъ намъ извѣстна; она состоитъ въ протяженіи и его модусахъ, и если ихъ отнять, отъ тѣла останется одно названіе. Напротивъ, Локкъ строго настаиваетъ на непостижимости самаго существа матеріальныхъ вещей; мы знаемъ ихъ объективныя качества, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сущность тѣлъ отъ того дѣлалась намъ доступнѣе.

Итакъ, оказывается, что идеи, въ которыхъ обыкновенно полагается существенная особенность метафизическаго воззрѣнія на міръ, въ дѣйствительности составляютъ характеристическій признакъ системъ враждебныхъ метафизикѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Разъ принявши радикальную противуположность между сферой являемыхъ свойствъ и состояній вещей и содержащими ихъ сущностями, не переходящими ни въ какую конкретную форму бытія, очевидно, придется бросить всякую надежду когда-нибудь узнать о нихъ что-нибудь больше простаго ихъ существованія. Наше познаніе, во всякомъ случаѣ, должно отправляться отъ непосредственно-даннаго, т.-е. отъ явленій; а чему же способны научить они насъ, если сдѣланное противоположеніе вѣрно?... Далѣе, подъ сущностями разумѣются внутреннія начала вещей, существующія въ нихъ до всякихъ опредѣленныхъ свойствъ и независимо отъ нихъ, т.-е., какъ мы сказали выше, то въ вещахъ, что существовало въ нихъ прежде, чѣмъ онѣ получили свою дѣйствительную природу. Но *что же* тогда познавать въ этихъ сущностяхъ?... Ихъ называютъ олицетвореннымі абстракціями. Въ самомъ дѣлѣ, эти абстрактныя существа представляютъ изъ себя такіе крайніе продукты отвлеченія, въ которыхъ не остается уже ровно никакого содержанія. Такимъ образомъ въ самомъ предположеніи такихъ сущностей необходимо кроется зародышъ скептицизма.

Наоборотъ, философскій скептицизмъ не мыслимъ безъ какихъ-нибудь предположеній въ этомъ родѣ. Главный тезисъ всякаго скептицизма—то, что въ явленіяхъ не содержится никакой истины, а поэтому мы никогда не можемъ надѣяться постигнуть вещи въ ихъ дѣйствительности. Предложеніе: «дѣйствительность вещей намъ прямо недоступна»,—по всей справедливости, и имѣетъ силу для нашего познанія внѣшняго міра. Его мы въ самомъ дѣлѣ воспринимаемъ только въ явленіяхъ нашего сознанія, черезъ идеальные символы или знаки, въ которыхъ отражаются присущія внѣшней дѣйствительности опредѣленія и которыя представляютъ изъ себя сложный продуктъ взаимнодѣйствія внутренняго и внѣшняго начала. Но что сказать о нашей внутренней дѣйствительности, о жизни нашего *я*?... Можно ли въ смыслѣ сколько-нибудь понятномъ утверждать, что мы не знаемъ непосредственно состояній нашего сознанія, когда мы только то и называемъ состояніями сознанія, что непосредственно сознаемъ? Но слѣдуетъ ли изъ этого, что если мы не знаемъ *объекта* во

всей его истинѣ, то, во всякомъ случаѣ, *субъектъ* доступенъ намъ непосредственно, т. е. такъ, какъ онъ есть, во всей полнотѣ его реальныхъ опредѣленій?... Этотъ выводъ и былъ бы неизбѣженъ, еслибы мысль не могла призвать на помощь слѣдующее, чисто-метафизическое, соображеніе: мы въ самомъ дѣлѣ познаемъ непосредственно состоянія, свойства, способности нашего *я*; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы само *я*, какъ субъектъ, испытывающій эти состоянія, имѣющій эти свойства и способности, было намъ сколько-нибудь извѣстно. А изъ этого соображенія уже выводится слѣдующая аксіома скептицизма: ни въ явленіяхъ внутренняго сознанія, ни въ явленіяхъ внѣшняго чувства не выражается истинная природа вещей, а слѣдовательно вообще истина для насъ недостижима.

Такимъ образомъ отрицательная школа свое собственное пониманіе вещей, упраздняющее самую возможность метафизики, сдѣлала исходною точкой всякой метафизической философіи. Мы не будемъ долго останавливаться на разъясненіи причинъ такой странной ошибки. Можетъ-быть она произошла отъ весьма естественной наклонности видѣть въ своихъ собственныхъ идеяхъ убѣжденіе всего человѣчества; можетъ-быть въ ней просто выразилось неясно сказавшееся желаніе обнаружить, чѣмъ бы собственно должна была заниматься метафизика, еслибъ она была возможна. Въ частности у Конта она могла произойти отъ того, что онъ почти не имѣлъ въ виду метафизическихъ ученій въ строгомъ смыслѣ слова, а скорѣе выросшія на почвѣ метафизики теоріи естествознанія. Не надо наконецъ забывать просто общности и двусмысленности терминовъ; обыкновенно употребляя ихъ въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ, сторонники позитивистической теоріи, можетъ-быть, не имѣютъ его въ виду тамъ, гдѣ ими приходится обозначать представленія, вовсе не соотвѣтствующія ихъ обыкновенному значенію, такъ что является темнота лишь въ формѣ выраженія мысли.

Какъ бы то ни было, нужно признать, что эта теорія не только не даетъ настоящаго понятія о задачахъ метафизики, но и ложно освѣщаетъ историческіе факты. Поэтому на ней нельзя остановиться, и чтобы дать ясный и точный отвѣтъ на предложенный выше вопросъ объ особенномъ предметѣ метафизическаго вѣдѣнія, придется искать какого-нибудь другаго источника. Впрочемъ хотя отрицательная школа и не даетъ вполнѣ удовлетворяющаго объясненія особенной природы метафизическаго мыш-

ленія, но мы все-таки должны имѣть въ виду ея начала,—мы должны помнить, что обсуждаемъ пока метафизическую философію только какъ міросозерцаніе, отрицаемое господствующими въ настоящее время ученіями, и съ точки зрѣнія этого отрицанія,—именно намъ нужно опредѣлить, что отрицается подъ именемъ метафизики... Если отрицательная школа даетъ невѣрную характеристику метафизическихъ идей, являвшихся въ исторіи человѣческой мысли, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы самое отрицаніе этихъ идей съ точки зрѣнія этой школы не имѣло за собою достаточныхъ основаній. Какой же главный критеріумъ при такомъ отрицаніи? Во имя чего отрицается метафизика?—Безъ сомнѣнія, не во имя того, чтобъ отрицалось всякое знаніе вообще, какъ то дѣлали скептики древняго міра, но ради методовъ, которыми пользуется метафизика и которые осуждаютъ ее какъ знаніе ложное,—слѣд., во имя другаго, уже истиннаго, знанія, обозначаемаго именемъ положительной науки, и его положительныхъ методовъ. Итакъ, метафизическое знаніе есть нѣчто *прямо противоположное* знанію положительному — вотъ первое опредѣленіе, которое мы можемъ дать метафизикѣ. Подъ это очень общее опредѣленіе подходятъ всѣ когда-либо существовавшія метафизическія идеи, и какъ бы онѣ ни добывались, всегда можно утверждать, что методы мышленія, которымъ слѣдовали развивавшіе ихъ философы, не были методами положительной науки. Но въ основѣ всѣхъ нашихъ сужденій о вещахъ, которыя выставляются какъ истины разумнаго знанія, лежатъ либо положительно-научные, либо противоположные имъ методы мышленія; въ теологическомъ или религіозномъ состояніи еще нѣтъ никакихъ методовъ, нѣтъ знанія, въ собственномъ смыслѣ, и міросозерцаніе зиждется на непосредственномъ творчествѣ нашего духа, т. е. на силѣ *вѣры* и *фантазіи*. Итакъ, всякое утвержденіе въ области знанія, основанное не на методахъ положительной науки, тѣмъ самымъ попадаетъ въ разрядъ метафизическихъ гипотезъ. Что такъ дѣйствительно смотрятъ на дѣло сторонники положительнаго знанія, — доказывается уже упомянутымъ выше очень широкимъ употребленіемъ терминовъ: метафизика, метафизическій и т. п. Такъ, Огюстъ Контъ всякую теорію, хотя бы она касалась самой частной и исключительной области явленій, но утверждающую больше, чѣмъ на то уполномочиваетъ строгое пониманіе требованій положительнаго метода, называетъ метафизическою.

Изъ этого вытекаетъ, что всякій вопросъ знанія можетъ имѣть двоякое рѣшеніе: метафизическое и положительно-научное. Но есть вопросы, которые вовсе не подлежатъ научному рѣшенію; очевидно, они-то и должны составлять спеціальное достояніе метафизики, какъ системы познаній, уже вполнѣ независимой, которой никакая другая наука замѣнить не можетъ, все равно возможна или невозможна такая система. Но если такъ, то для опредѣленія категоріи вопросовъ, спеціально метафизическихъ, всего лучше идти отрицательнымъ путемъ: указавъ границы положительнаго знанія, точно узнавъ, *что только* доступно его изслѣдованію, мы тѣмъ самымъ получимъ остатокъ вопросовъ, на которые могла бы дать отвѣты одна метафизика, еслибъ эта наука была возможна. Этимъ самымъ опредѣлится *предметъ* метафизическаго знанія, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія его отношеній къ положительной наукѣ. Впослѣдствіи мы постараемся доказать, что такое опредѣленіе задачъ метафизики вѣрно исторически, т. е. что понятіе о ней, такимъ образомъ выведенное, не только подтверждается самымъ смысломъ слова *метафизика* (по наиболѣе соотвѣтствующему толкованію, наука о сверхчувственномъ), но и сообразуется съ общимъ содержаніемъ извѣстныхъ въ исторіи метафизическихъ системъ, такъ какъ эти задачи существеннымъ образомъ входили въ догматическую философію всѣхъ временъ и народовъ, хотя можетъ - быть и не онѣ однѣ. Этимъ только можно объяснить, почему мыслители позитивной школы, несмотря на свое довольно неопредѣленное представленіе о положительныхъ задачахъ метафизики, почти никогда не ошибаются, когда имъ приходится рѣшать практическій вопросъ, какая система имѣетъ метафизическій характеръ и какая—нѣтъ.

Итакъ, наша задача состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить границы положительнаго знанія. Но положительное знаніе, какъ съ этимъ конечно согласятся всѣ представители современнаго отрицательнаго направленія въ философіи, есть знаніе эмпирическое, т. е. отправляющееся отъ опыта и построенное по эмпирическимъ методамъ изслѣдованія. Мы предпочтемъ этотъ второй терминъ въ виду его опредѣленности. Съ словомъ *положительный* у насъ не соединяется еще никакой мысли объ опытѣ; притомъ въ философіи онъ нерѣдко употреблялся для обозначенія воззрѣній, противоположныхъ эмпиризму. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ слѣдующему: гдѣ кончается компетентность эмпирическаго вѣдѣнія и какіе вопросы для него совершенно не разрѣшимы?

Мы должны оговориться: писателямъ, разсуждающимъ о разныхъ метафизическихъ вопросахъ, очень часто приходится обращаться къ эмпирической философіи, опредѣлять ея главныя положенія, а если нужно, то и опровергать ихъ. При этомъ они обыкновенно разбираютъ поочередно идеи каждаго изъ мыслителей этого направленія и этимъ путемъ уже стараются вывести, въ чемъ состоитъ существенная природа самого направленія. Но кто возьметъ на себя такую задачу, тотъ оказывается въ концѣ концовъ въ очень затруднительномъ положеніи: между разсматриваемыми идеями часто не только нѣтъ согласія, но замѣчается и открытое противорѣчіе. То, что можно сказать про выводы одного мыслителя, не примѣняется къ другому; оттого и возраженія по необходимости получаютъ совершенно частный характеръ. Между философами эмпирической школы, конечно, есть много общаго, потому что они всѣ отправляются отъ одной и той же главной мысли; но много есть и различій, зависящихъ преимущественно отъ недостаточной вѣрности этой основной идеѣ и отъ внесенія въ системы чуждыхъ имъ элементовъ. Въ частности, по вопросу о предѣлахъ эмпирическаго вѣдѣнія, одни изъ философовъ неопредѣленно съуживаютъ эти предѣлы, другіе неопредѣленно расширяютъ ихъ. Чтобы рѣшить вопросъ, какимъ изъ этихъ выводовъ оказать предпочтеніе,—надо имѣть какой-нибудь посторонній критеріумъ для сужденія о нихъ. Но откуда взять его, если не изъ самаго эмпирическаго принципа? Итакъ, намъ остается только одинъ исходъ: говоря о границахъ эмпирическаго знанія, мы будемъ имѣть въ виду только то, что съ логическою необходимостью вытекаетъ изъ его природы или основныхъ началъ, и только до этой степени будемъ пользоваться выводами отдѣльныхъ системъ и школъ эмпирической философіи. Другими словами, мы будемъ имѣть дѣло съ эмпиризмомъ *въ его логической идеѣ*, или, если намъ позволятъ это выраженіе, съ *идеальнымъ эмпиризмомъ*.

Исходное положеніе эмпирической философіи, по моему мнѣнію, можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: мы ничего не знаемъ кромѣ явленій, но и явленія мы знаемъ не абсолютно, но лишь относительно,—мы не знаемъ ни сущности ихъ, ни того, какимъ путемъ *они стали явленіями*. Все содержаніе нашего знанія ограничивается отношеніями послѣдовательности, совмѣстности и сходства явленій между собою. Эти отношенія постоянны, т. е. они одни и тѣ же при одинаковыхъ обстоятельствахъ.

Постоянныя сходства, связывающія явленія между собой, и постоянныя послѣдовательности, которыя ихъ соединяютъ, какъ всегда предшествующія и всегда послѣдующія,—составляютъ то, что называется законами явленій. Законы явленій—это все, что мы о нихъ знаемъ, потому что ихъ внутренняя сущность и ихъ первыя причины, дѣйствующія или конечныя, для насъ непроницаемы. Эти законы представляютъ изъ себя результатъ обобщеній отъ наблюденія частныхъ случаевъ послѣдовательности и подобія, потому что непосредственно намъ доступны только эти частные случаи. Процессъ ума, которымъ мы отъ частныхъ случаевъ переходимъ къ общимъ истинамъ, есть *наведеніе*. Всякое наше общее познаніе въ концѣ концовъ основано на немъ, и поэтому *наведеніе есть послѣдній источникъ всякой достовѣрности*.

Почти буквально этими словами выразилъ основную идею эмпирической доктрины Милль въ своемъ сочиненіи «Огюстъ Контъ и позитивизмъ», и я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ ея искреннихъ послѣдователей сталъ спорить противъ такого объясненія. Мнѣ кажется впрочемъ, что его можно значительно сократить и что оно все можетъ быть приведено къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: *мы ничего не знаемъ кромѣ явленій*; *наведеніе есть послѣдній источникъ всякой достовѣрности*.

Изъ этого съ совершенною очевидностью слѣдуетъ, что всякое наше познаніе для того, чтобы быть истиннымъ, должно непремѣнно относиться къ *явленіямъ* и утверждать *не болѣе ихъ совмѣстности, послѣдовательности и подобія съ другими явленіями*. И, наоборотъ, *всякое утвержденіе разума, каково бы ни было его содержаніе, относящееся къ вещамъ, которыхъ нельзя назвать явленіями, и опредѣляющее какія-нибудь отношенія, отличныя отъ послѣдовательности, смежности и подобія явленій—есть безусловно ложное*.

Но что же *можно* назвать явленіемъ? Что означаетъ это слово?

Выше мы указывали на неопредѣленность слова *сущность* и даже прямо—на ложныя представленія, которыя съ нимъ соединяются. Терминъ *явленіе* претерпѣваетъ въ философіи подобную же участь. М. И. Каринскій въ своей замѣчательно-талантливой и оригинальной статьѣ: «Явленіе и дѣйствительность»—справедливо утверждаетъ, что это одинъ изъ самыхъ многосмысленныхъ терминовъ, какіе только употребляются въ метафизическихъ си-

стемахъ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ одинаково обозначаются понятія, часто не имѣющія между собою совсѣмъ ничего общаго. Впрочемъ, можно указать два значенія этого слова, которыя всего чаще соединяются съ нимъ въ философіи и къ которымъ, быть-можетъ, нужно свести и всякое другое его употребленіе. Во-первыхъ, явленіемъ называется всякое событіе, всякое состояніе въ жизни какого бы то ни было существа или, лучше сказать, сама вещь, поскольку она исключительно опредѣляется даннымъ событіемъ и состояніемъ *). Всякое бытіе, опредѣлившее себя въ актѣ или поставившее себя въ отношеніе къ чему-нибудь отъ себя различному,—всякое бытіе, находящееся во взаимнодѣйствіи съ другими существами, тѣмъ самымъ уже *явилось*. Въ этомъ смыслѣ явленіемъ будетъ все получившее конкретную форму и дѣйственность,—все, что не находится въ чисто *потенціальномъ состояніи силы*, которая еще не перешла въ дѣятельность и не получила никакихъ опредѣленій ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ,—все подлежащее перемѣнѣ, въ отличіе отъ неподвижнаго міра предполагаемыхъ сущностей. Но, понимая этотъ терминъ такимъ образомъ, мы должны назвать явленіемъ рѣшительно всякую дѣйствительно-существующую вещь. Въ такомъ случаѣ и мельчайшій атомъ, и солнечная система съ ея сложными законами, и наше тѣло со всѣмъ разнообразіемъ его жизненныхъ процессовъ, и всякая другая вещь, тѣлесная или духовная—это безразлично—одинаково суть явленія. Если строго-эмпирическому знанію доступны явленія въ этомъ смыслѣ слова, то трудно даже придумать, что же собственно относится къ области эмпирически-непознаваемаго, потому что предположеніе о какомъ-то еще мірѣ сущностей, какъ вещей не имѣющихъ совсѣмъ никакихъ опредѣленій, по малой мѣрѣ въ высшей степени сомнительно.

Кажется, именно въ такомъ смыслѣ понимаетъ слово «явленіе» большинство тѣхъ приверженцевъ позитивной философіи, которые никогда не занимались спеціально философскими науками. Быть-можетъ даже у философовъ по профессіи иногда высказывается подобное же пониманіе, и тогда они, конечно, правы въ своемъ радикальномъ отрицаніи всѣхъ притязаній метафизики. Но возможно ли такое пониманіе? Умѣстно ли оно въ вопросѣ о предметѣ эмпирическаго знанія?

---

*) М. И. Каринскій: „Явленіе и дѣйствительность". Въ этомъ смыслѣ мы употребляемъ этотъ терминъ, когда говоримъ, напр., о явленіяхъ природы, общественной жизни и т. п.

Существуетъ другой смыслъ термина «явленіе»,—тотъ смыслъ, который соединяется съ нимъ въ психологіи. Имъ обозначаютъ вообще *всякое состояніе нашего духа*, будь ли то чисто-субъективное движеніе нашего существа или воспріятіе внѣшнихъ предметовъ. Такъ, всякое состояніе радости или страданія, всякое настроеніе воли, всякій процессъ размышленія и, съ другой стороны, всякій звукъ, который я слышу, всякій цвѣтъ, мною видимый, и всякое другое состояніе внѣшней чувствительности—будутъ «явленія» въ этомъ смыслѣ: это—*субъективный* или *психологическій* смыслъ термина «явленіе», въ отличіе отъ перваго его значенія, которое можно назвать *объективнымъ*.

Въ какомъ же смыслѣ нужно понимать этотъ терминъ, когда говорятъ: эмпирическому знанію доступны только явленія и ничего болѣе? Согласно мнѣнію наиболѣе строгихъ мыслителей, его слѣдуетъ разумѣть только *во второмъ* или *субъективномъ* смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, *знать вещь эмпирически*—означаетъ знать ее черезъ *наблюденіе* и *опытъ*. Но наблюдать и испытывать вещь мы можемъ только черезъ чувство и въ состояніяхъ нашего чувства. Чтобы наблюдать, надо видѣть, слышать, осязать, и т. д. Я наблюдаю, положимъ, движеніе поѣзда по полотну желѣзной дороги. Все мое наблюденіе слагается изъ двухъ категорій воспріятій—зрительныхъ и слуховыхъ: я *вижу* цвѣтъ и форму локомотива, *вижу* цвѣтъ и форму вагоновъ, *вижу* движеніе этихъ предметовъ, опредѣленныхъ для меня сейчасъ указанными признаками цвѣта и формы,—*слышу* шумъ то приближающійся, то удаляющійся. Говоря не совсѣмъ обычнымъ языкомъ, мое наблюденіе въ данномъ случаѣ ограничивается тѣмъ, что я вижу рядъ цвѣтовыхъ пятенъ извѣстной формы, мѣняющихъ свое мѣсто, и при этомъ слышу нѣкоторый однообразный звукъ; все же то, что я въ своемъ умѣ присоединяю къ этимъ простымъ воспріятіямъ, есть уже результатъ предшествующихъ опытовъ. Напротивъ, свойства и отношенія предметовъ, которыя не суть въ то же время свойства и отношенія воспріятій, лежатъ внѣ области нашего опыта. Атомъ, напр., есть нѣчто опредѣленное по своей природѣ и свойствамъ, есть нѣкоторое *особенное* бытіе, носящее въ себѣ специфическую форму существованія,—стало-быть, нѣчто проявленное и осуществленное; поэтому его можно назвать *явленіемъ* въ первомъ, объективномъ, смыслѣ слова. Но онъ никогда не былъ предметомъ нашего чувства и, по самымъ вѣроятнымъ предположеніямъ, никогда имъ и не будетъ; слѣдов.,

атомъ не есть понятіе эмпирическое, но умозрительное, а различные виды его существованія, которыя мы подразумѣваемъ, разсуждая о немъ, образуютъ нѣчто умопостигаемое. Но и всякая вещь, данная въ опытѣ, имѣетъ двѣ стороны: во-первыхъ, она обладаетъ нѣкоторыми ощущаемыми свойствами, каковы: цвѣтъ, звучность, твердость или мягкость, шероховатость или гладкость. Во-вторыхъ, мы приписываемъ ей опредѣленія, принадлежащія ей независимо отъ нашихъ чувствъ и чувственно въ ней не воспринимаемся. Такъ, мы думаемъ, что она существуетъ и тогда, когда ни мы сами и ни кто другой не наблюдаютъ ея, и въ это время продолжаетъ имѣть опредѣленную сумму способностей возбудить въ насъ тѣ или другія ощущенія, если мы опять станемъ наблюдать ее. Это послѣднее понятіе о вещи есть, очевидно, лишь выведенное изъ тѣхъ ея свойствъ, которыя мы познаемъ черезъ опытъ.

Итакъ, не всѣ свойства вещей непосредственно даны намъ въ воспріятіи. Но, по крайней мѣрѣ, можемъ ли мы сказать, наоборотъ, что въ нашихъ воспріятіяхъ во всякомъ случаѣ мы познаемъ дѣйствительныя свойства предметовъ? Другими словами, воспринимаемое нами въ вещахъ точно ли принадлежитъ имъ? Этотъ вопросъ находится въ непосредственной связи съ другимъ: предметъ, нами видимый, слышимый, осязаемый, есть ли то предполагаемое нѣчто, которое находится внѣ насъ и производитъ эти воспріятія зрѣнія, слуха и осязанія,—или это только идеальный образъ того самобытно-существующаго предмета, идеальное посредство между нашимъ духомъ и въ себѣ сущею внѣшностью, нѣкоторая замѣна ея для насъ, образъ, можетъ-быть воспроизводящій объективный предметъ, подобный ему, но не одно и то же съ нимъ? *Субъективное* явленіе въ насъ. есть ли по существованію своему вещь нумерически тождественная съ *объективнымъ* явленіемъ, какъ нѣкоторымъ состояніемъ внѣ насъ лежащей дѣйствительности? Этотъ столъ, на которомъ я пишу, для меня является сочетаніемъ чернаго цвѣта, четырехъ-угольной формы, осязаемой мною твердости, глухаго звука, который я услышу, если ударю по немъ, и другихъ чувственныхъ свойствъ; на самомъ дѣлѣ онъ состоитъ изъ безчисленнаго множества атомовъ, формы которыхъ я не знаю, которымъ не могу приписать никакого цвѣта, тѣмъ менѣе звука, и которые находятся между собою въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, для меня совершенно неизвѣстныхъ. Можно ли сказать, что мой видимый столъ

и этотъ безконечно сложный и безконечно разнообразный аггрегатъ атомовъ—одно и то же? Многія весьма обыкновенныя соображенія заставляютъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, по крайней мѣрѣ философа, не допускающаго какихъ-либо предвзятыхъ метафизическихъ выводовъ. Всякому извѣстно, что воспринимаемый нами образъ измѣняется въ своей величинѣ при нашемъ приближеніи къ предмету воспріятія или удаленіи отъ него. Но въ то же время мы не имѣемъ никакихъ основаній думать, чтобы предметъ при этомъ дѣйствительно становился то больше, то меньше. Итакъ, воспринимаемый нами образъ и предметъ воспріятія—не одно и то же. Я вижу передъ собою дерево на значительномъ разстояніи; въ полѣ моего зрѣнія оно занимаетъ мѣсто гораздо ничтожнѣйшее, нежели самыя маленькія вещи, которыя лежатъ подлѣ меня; я начинаю идти къ нему и оно растетъ съ каждымъ моимъ шагомъ, пока не сдѣлается такимъ огромнымъ, что я сразу могу видѣть только очень малую его часть. Что же, дерево въ самомъ дѣлѣ выросло, пока я шелъ къ нему?—Конечно, этого никто не подумаетъ, а стало-быть видимое дерево и дѣйствительное дерево — двѣ различныя вещи. Юмъ такъ формулируетъ это доказательство: «Столъ, который мы видимъ, кажется меньше при нашемъ удаленіи; но настоящій столъ, который существуетъ независимо отъ насъ, не испытываетъ никакой *перемѣны*. Итакъ, то, что было въ душѣ, былъ только его образъ. Это—очевидный выводъ разума и ни одинъ мыслитель никогда не сомнѣвался, что предметы, которые мы разсматриваемъ, когда говоримъ: *этотъ* домъ или *это* дерево,—суть только представленія души, только измѣнчивые образы или изображенія тѣхъ предметовъ, которые существуютъ самобытно и въ однообразныхъ формахъ».

Ридовская школа возставала противъ этого умозаключенія и утверждала, что этотъ фактъ измѣнчивости нашихъ воспріятій, напротивъ, доказываетъ ихъ объективность. Еслибы было наоборотъ, еслибы наши воспріятія оставались все тѣ же, когда наше отношеніе къ предметамъ стало другимъ, это въ самомъ дѣлѣ доказывало бы, что воспринимаемые нами образы суть чисто-субъективное порожденіе нашего духа. Возраженіе это, очевидно, основано на двусмысленномъ пониманіи слова *объективность*. Перемѣны въ нашихъ воспріятіяхъ, конечно, доказываютъ объективность ихъ, но въ томъ лишь смыслѣ, что они не изъ одного нашего духа произошли, что для ихъ произведенія нужно было

участіе еще нѣкотораго посторонняго дѣятеля, а никакъ не въ томъ, что эти воспріятія и этотъ посторонній дѣятель суть одинъ и тотъ же предметъ.

Въ философіи существуютъ два совершенно противоположныя рѣшенія вопроса о внѣшнемъ мірѣ. Одна школа совсѣмъ отрицаетъ бытіе внѣшней дѣйствительности и видитъ въ нашемъ воспринимаемомъ мірѣ лишь своеобразное выраженіе творчества нашего духа; другая признаетъ объективный міръ за субстанціонально и независимо существующій. Очевидно, для первой школы въ нашихъ воспріятіяхъ нѣтъ ничего объективнаго. Но и вторая далеко не всѣ свойства воспринимаемыхъ образовъ относитъ къ вещамъ въ себѣ: такъ, въ философіи, еще со временъ Декарта, твердо установилось дѣленіе ощущаемыхъ свойствъ на *первичныя* и *вторичныя* качества вещей. Вотъ какъ объясняетъ это различіе Локкъ: «Необходимо различать идеи, поскольку онѣ суть воспріятія нашего духа и поскольку онѣ видоизмѣненія матеріи въ тѣлахъ, которыя производятъ эти воспріятія въ нашемъ духѣ... Въ виду этого, въ тѣлахъ надо различать два рода качествъ: во-первыхъ, тѣ, которыя совершенно неотдѣлимы отъ тѣла, въ какомъ бы состояніи они ни были, такъ что оно ихъ сохраняетъ всегда, какія бы видоизмѣненія тѣло ни испытывало. Эти качества тѣла, которыя не могутъ быть отдѣлены отъ него, я называю качествами *оригинальными и первичными*, каковы: твердость, протяженность, фигура, число, движеніе или покой, которыя производятъ въ насъ простыя идеи, какъ каждый можетъ убѣдиться самъ. Во-вторыхъ, существуютъ качества, которыя въ тѣлѣ, въ дѣйствительности, не что иное, какъ *способность произвести въ насъ различныя ощущенія посредствомъ своихъ первичныхъ качествъ*, т.-е. посредствомъ плотности, фигуры, сочетанія и движенія его незамѣтныхъ частицъ. Таковы: цвѣта, звуки, вкусы и т. д. Этимъ качествамъ я даю названіе *вторичныхъ*... Легко, мнѣ кажется, изъ этого вывести то заключеніе, что идеи первичныхъ качествъ тѣлъ похожи на эти качества и что оригиналы этихъ идей существуютъ реально въ тѣлахъ, но что идеи, произведенныя въ насъ вторичными качествами, не похожи на нихъ ни въ какомъ отношеніи и что въ тѣлахъ нѣтъ ничего, что имѣло бы даже *подобіе* съ этими идеями».

Итакъ, съ этой точки зрѣнія воспринимаемыя нами свойства раздѣляются на двѣ категоріи: одни изъ нихъ принадлежатъ вещамъ, самимъ по себѣ, другія же вносятся въ предметы нашими

чувствами и внѣ чувствъ существовать не могутъ. Здѣсь вопросъ не въ томъ, насколько вѣрно сдѣлано самое раздѣленіе, и можно ли доказать, что качества, понятыя за первичныя, точно принадлежатъ внѣшнимъ вещамъ въ нихъ самихъ,—важно, что философія всегда признавала субъективность *очень многихъ воспринимаемыхъ свойствъ вещей*. То, что прежде было отвлеченнымъ выводомъ, въ настоящее время есть истина положительной науки. Можно считать доказаннымъ, что воспринимаемый нами цвѣтъ есть не болѣе какъ результатъ дрожанія эфира, которое подѣйствовало на нашъ зрительный нервъ, а звукъ—отраженіе колебаній воздуха въ нашемъ слуховомъ органѣ. Подобнымъ же образомъ объясняется возникновеніе всѣхъ другихъ чувственныхъ опредѣленій воспринимаемыхъ предметовъ. Впрочемъ, къ такому же заключенію можно прійти и по соображеніямъ здраваго смысла. Что такое, напримѣръ, звукъ, котораго никто не слышитъ? Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что звуки существуютъ объективно и независимо отъ нашихъ чувствъ. Пока звукъ никѣмъ не услышанъ, онъ, очевидно, не будетъ *тѣмъ, что въ немъ слышится*, а чѣмъ-то другимъ; онъ долженъ имѣть нѣкоторую особенную форму существованія прежде, чѣмъ къ нему присоединится, при извѣстныхъ условіяхъ, т. е. въ присутствіи существа одареннаго слухомъ, это качество *слышимости*. Но, слѣдовательно, до тѣхъ поръ онъ и не будетъ тѣмъ, что обозначается словомъ «звукъ». Будетъ ли это колебаніе воздуха, или какое-нибудь другое состояніе матеріи, онъ останется только причиной ощущенія, не имѣющею ничего общаго съ самымъ существеннымъ качествомъ этого ощущенія. Итакъ, по общему воззрѣнію, между воспринимаемыми свойствами только первичныя дѣйствительно принадлежатъ вещамъ. Но какъ мы воспринимаемъ эти первичныя качества? Одни изъ нихъ, собственно говоря, не суть и воспріятія, а только выводы изъ нихъ. Таковы, напримѣръ, непроницаемость и вѣсомость тѣлъ. Правда, мы имѣемъ непосредственное ощущеніе сопротивленія и давленія со стороны внѣшнихъ предметомъ; но почувствовать невозможность дальше двинуть свою руку—не значитъ еще воспринимать присущую тѣлу безконечную силу сопротивленія всякой попыткѣ занять мѣсто составляющихъ его атомовъ, не давъ имъ въ то же время другаго равновеликаго мѣста. Напротивъ, понятіе о *безконечности* и *всеобщности* этой силы есть чисто выводное и умозрительное, тѣмъ болѣе, что она въ этомъ своемъ качествѣ присуща только

атомамъ, какъ послѣднимъ единицамъ сложенія, образующаго конкретный предметъ. Точно также въ ощущеніи давленія нѣтъ еще никакой идеи о стремленіи всѣхъ окружающихъ насъ тѣлъ къ центру земли. Чтобы возникло это представленіе, нужно предварительно обобщить многіе наблюдаемые факты, которые сами по себѣ даютъ только *послѣдовательность* событій. Я вижу паденіе камня на землю, когда поднявшая его рука выпускаетъ его; вижу этотъ опытъ и подобные ему повторенными безчисленное количество разъ и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. Поэтому данная послѣдовательность событій получаетъ для меня характеръ *закона,* и я, чтобъ объяснить ее, составляю понятіе о *нѣкоторой силѣ,* влекущей тѣла къ землѣ. Очевидно, и это понятіе будетъ *выведенное.* Итакъ, ощущенія сопротивленія и давленія суть лишь субъективныя состоянія, непохожія въ своихъ чисто-ощутимыхъ особенностяхъ на природу производящихъ ихъ силъ; а наши понятія объ этихъ объективныхъ силахъ не представляютъ изъ себя простаго воспроизведенія нашихъ воспріятій, но сложный продуктъ умозаключенія. Другія первичныя качества, какъ протяженность, фигура, хотя и воспринимаются нами непосредственно, но находятся въ такой неразрывной связи съ другими, чисто уже чувственными, свойствами воспринимаемыхъ образовъ, что ихъ, по всей справедливости, можно считать только наиболѣе отвлеченными элементами послѣднихъ. Видимая мнѣ протяженность листа бумаги есть только протяженность того бѣлаго пятна въ полѣ моего зрѣнія, которымъ является для моего глаза этотъ листъ. Фигура его не болѣе какъ форма этого же самаго пятна, на всемъ протяженіи обозначаемая переходомъ бѣлаго цвѣта въ какой-нибудь другой, который я мысленно соединяю съ инымъ предметомъ, а не бумагою. Осязаемая мною протяженность какой-нибудь вещи есть лишь особенное качество воспріятій осязанія, въ силу котораго каждое изъ нихъ получаетъ *мѣстный* характеръ. Но разъ *цвѣтъ*, видимый нами, есть явленіе субъективное, то и протяженность цвѣта такъ же субъективна, какъ и онъ; это же самое справедливо и для воспріятій осязанія. Слѣдовательно, видимая протяженность и дѣйствительная протяженность—не одно и то же. Мы не воспринимаемъ ни одного изъ первичныхъ качествъ такимъ, каково оно само въ себѣ. Что это дѣйствительно такъ, мы убѣдимся, если вспомнимъ, что было говорено выше о измѣнчивости нашихъ воспріятій при

перемѣнахъ въ нашемъ разстояніи отъ воспринимаемыхъ предметовъ; собственно эта измѣнчивость преимущественно *относится къ протяженности и формѣ воспринимаемыхъ образовъ*. Итакъ, воспринимаемая протяженность такъ же субъективна, какъ и всѣ вообще нами воспринимаемыя качества. Но видимое нами пространство есть только сумма всѣхъ протяженностей, воспринимаемыхъ заразъ и вмѣстѣ. Слѣдовательно, вообще воспринимаемое пространство не есть внѣ насъ существующая независимая дѣйствительность, но чисто-субъективный образъ въ нашемъ духѣ. Этотъ образъ можетъ имѣть полное подобіе съ объективнымъ пространствомъ, но все же они будутъ различаться между собою, какъ оригиналъ и копія. Поэтому нельзя считать парадоксомъ ученіе Мальбранша, по которому духъ человѣческій никогда не соприкасается съ пространствомъ тѣлеснымъ, но созерцаетъ всѣ вещи въ *идеальномъ пространствѣ*. Въ его выводахъ лишь нужно сдѣлать слѣдующую поправку: онъ признавалъ одно идеальное пространство для всѣхъ духовъ, подобно тому, какъ реальное пространство одно для всѣхъ матеріальныхъ тѣлъ. Въ дѣйствительности каждое сознаніе имѣетъ свои отдѣльныя воспріятія, совершенно недоступныя для другихъ сознаній. Поэтому каждое сознающее себя существо видитъ всѣ вещи въ своемъ особомъ идеальномъ пространствѣ (если употреблять этотъ терминъ). Такихъ пространствъ столько же, сколько сознаній, хотя реальное пространство и признается единымъ.

Итакъ, общій выводъ изъ сказаннаго будетъ тотъ, что воспринимаемые нами образы по всѣмъ своимъ свойствамъ субъективны.

Можно указать еще одно соображеніе, доказывающее субъективность воспринимаемаго міра. Общепризнанная истина современной психологіи, что предметъ никогда не дѣйствуетъ на нашу чувствительность непосредственно, никогда не переносится въ нее прямо. Когда я вижу столъ, то не онъ есть непосредственная причина моего воспріятія стола,—столъ служитъ только поверхностью, извѣстнымъ образомъ отражающею солнечные лучи; отраженные лучи производятъ особое дѣйствіе на мой зрительный нервъ; изъ этого дѣйствія развивается цѣлый рядъ процессовъ, конечнымъ результатомъ которыхъ является ощущеніе или воспріятіе. Другими словами, воспринимаемый предметъ—только самое отдаленное звено въ цѣпи причинъ, производящихъ ощущеніе. То, что непосредственно предшествуетъ ощущенію, есть мозговое

раздраженіе; но и оно, какъ съ этимъ согласно большинство психологовъ всѣхъ направленій, еще не есть самый психическій актъ воспріятія: мой чувственно опредѣленный образъ стола не равняется объективному движенію мозговаго вещества и есть нѣчто генерически отъ него отличное уже потому, что никакое вещество само по себѣ не носитъ чувственныхъ опредѣленій, которыя впервые вносятся въ него нашею воспріимчивостью. Но этотъ образъ не равняется и внѣ меня находящемуся дѣйствительному столу, въ тотъ моментъ его бытія, когда онъ началъ рядъ причинъ, въ концѣ образующихъ воспріятіе стола или идеальный его образъ во мнѣ, ибо состояніе стола, начинающее цѣпь причинъ, и возникновеніе самого воспріятія существуютъ въ разные моменты времени. Поэтому справедливо можно сказать, что мы никогда не воспринимаемъ современную намъ дѣйствительность, а только прошлую. Нѣкоторыя звѣзды видимы нами такъ, какими онѣ были за нѣсколько тысячелѣтій назадъ; но и для предметовъ болѣе близкихъ всегда нужно предполагать нѣкоторый промежутокъ времени между состояніемъ предмета и воспріятіемъ этого состоянія въ нашемъ духѣ, хотя бы такой промежутокъ былъ менѣе всякой воображаемой величины.

Впрочемъ существуетъ цѣлая школа мыслителей, которая отрицаетъ эти выводы и признаетъ, что нашъ духъ непосредственно воспринимаетъ предметы внѣшняго міра, и что, слѣдовательно, объектъ нашего непосредственнаго вѣдѣнія—не состоянія сознанія, не идеальные только образы вещей въ нашемъ *я*, но самыя внѣшнія вещи. Эти идеи впервые систематически высказалъ Ридъ, создавшій ученіе о перцепціяхъ, какъ непосредственныхъ воспріятіяхъ вещей, которое впослѣдствіи испытало всякія видоизмѣненія. Одну изъ послѣднихъ его формъ представляетъ философія Гамильтона, вызвавшая прекрасныя возраженія Милля, къ которымъ врядъ ли возможно прибавить что-нибудь еще. Такое воззрѣніе, которое нужно назвать *интуитивнымъ*, впрочемъ нельзя считать исключительнымъ достояніемъ шотландской философіи,—въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и подъ различными именами оно не разъ высказывалось и высказывается до сихъ поръ. Общія его начала, мнѣ кажется, можно выразить слѣдующимъ образомъ:

Источникъ всѣхъ недоразумѣній въ вопросѣ о воспріятіи внѣшняго міра заключается въ ложной аналогіи между бытіемъ матеріальнымъ и духовнымъ. Мы переносимъ общія свойства ма-

теріи на духъ, тогда какъ этотъ послѣдній можетъ имѣть совершенно своеобразную природу. Между матеріальными предметами мыслимо лишь чисто внѣшнее отношеніе. Дѣйствіе одного тѣла на другое можетъ выразиться только въ томъ, что подлежащее дѣйствію тѣло получитъ какое-нибудь особое направленіе своего движенія въ цѣломъ или частяхъ. Но при этомъ оно останется тѣмъ, чѣмъ было прежде, т. е. атомы его составляющіе останутся тѣ же, свойства ихъ не измѣнятся и оно не испытаетъ никакого *внутренняго* прибавленія къ своему бытію, ибо внѣшняя причина даетъ лишь механическій толчокъ къ перемѣнамъ въ данномъ тѣлѣ, но сама не переходитъ въ нихъ, не дѣлается живымъ элементомъ, *частію его бытія*. Измѣненія ограничиваются природой и составомъ этого тѣла и могутъ не имѣть никакого подобія съ качествами возбуждающей причины; во всякомъ случаѣ эта причина не тождественна съ производимыми ею перемѣнами. Когда одинъ биллiардный шаръ приводится въ движеніе другимъ, то, что вносится въ него этимъ актомъ, есть только начало его собственнаго движенія; но онъ остается попрежнему одинокимъ въ своемъ существованіи, его движеніе не есть движеніе другаго шара. Перенесемъ эти свойства всего матеріальнаго на духъ: предположимъ, что духъ есть только особая форма вещества, и тогда получимъ, что предметъ, возбуждающій его дѣятельность, есть нѣчто безусловно для него внѣшнее, что онъ содержитъ въ себѣ только свои собственныя внутреннія движенія, причины которыхъ вѣчно остаются непонятны и чужды ему, и что непосредственное вѣдѣніе всякаго духовнаго существа ограничивается его единоличными внутренними измѣненіями.

Но на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ совсѣмъ другое представленіе о природѣ воспріятія,—мы не можемъ отдѣлаться отъ той мысли, что въ этомъ актѣ субъектъ относится къ нѣкоторому реально-отличному отъ него объекту и, такъ сказать, внутренно *усвоиваетъ его себѣ*. Поэтому самое умозаключеніе по аналогіи невѣрно. Мы должны приписать духу особенную, невещественную природу. Духъ имѣетъ способность выходить за свои границы, вступать во внутреннее взаимнодѣйствіе съ вещами и обнимать ихъ такъ, какъ онѣ суть сами въ себѣ, т. е. въ ихъ безотносительности.

Очевидны, однако, недостатки этой теоріи. Во-первыхъ, она слишкомъ обща и отвлеченна; ея защитники обыкновенно просто

обходятъ возраженія подобныя тѣмъ, какія представлены нами выше въ доказательство субъективности воспринимаемыхъ явленій, или даютъ очень темныя и искуственныя объясненія. Во-вторыхъ, она опирается на совершенно метафизическое предположеніе о полной противоположности духа и тѣла, которая при этомъ понимается очень своеобразно: какъ бы мы ни думали о внутренней природѣ духа и матеріи, сомнительно, чтобы можно было представить себѣ конкретное отношеніе между двумя вещами, въ которомъ *одинъ изъ соотносящихся членовъ существовалъ бы безотносительно, т. е. внѣ отношенія*. Въ такомъ предположеніи едва ли не вербальное противорѣчіе. А между тѣмъ именно это продразумѣвается, когда говорятъ, что духъ способенъ воспринимать вещи такъ, какъ онѣ суть сами въ себѣ.

Оцѣнка наша интуитивной теоріи была бы несправедлива, еслибы мы остановились только на этихъ отрицательныхъ замѣчаніяхъ. Въ ней заключается одна глубоко вѣрная мысль: матеріализмъ, дѣйствительно, былъ всегда источникомъ исключительно субъективнаго пониманія природы психическихъ воспріятій. Съ точки зрѣнія послѣдовательнаго матеріализма каждое воспріятіе необходимо имѣетъ непосредственную связь съ внутренними движеніями мозга и нервной системы, а весь остальной міръ—лишь внѣшняя среда, изъ которой исходятъ возбужденія, толчки для такихъ движеній. Но и по отношенію къ этимъ перемѣнамъ въ мозговомъ веществѣ психическое явленіе есть бытіе *особенное, sui generis*. Правда, для матеріалиста онѣ—только особое состояніе матеріальнаго движенія, но это состояніе, конечно, не похоже по своимъ чувственнымъ особенностямъ на обыкновенное механическое движеніе, или по крайней мѣрѣ это послѣднее выражается въ событіяхъ психической жизни въ формѣ не адэкватной, не истинной, призрачной. Слѣдовательно, всякій психическій актъ хотя и возбужденъ извнѣ, но конкретнымъ образомъ не содержитъ въ себѣ ничего внѣшняго ему и, такъ сказать, уединенъ въ своемъ бытіи; каждое наше воспріятіе имѣетъ отношеніе только къ самому себѣ. Съ этой точки зрѣнія мы *воспринимаемъ* не объектъ, хотя бы и видоизмѣненный природою воспринимающаго духа, *но само воспріятіе*, если только слова «воспринимать» и «воспріятіе» еще можно употреблять въ этомъ случаѣ. Отсюда происходитъ та аномалія, что изъ матеріалистическихъ системъ весьма нерѣдко развивается ультраидеалистическая психологія. Этимъ же общимъ свойствомъ мате-

ріалистическаго міросозерцанія, быть-можетъ, всего лучше объясняется, почему въ новѣйшей психологіи могло появиться радикальное отрицаніе первоначальнаго различія между внутренними движеніями воспринимающаго субъекта и объективными воспріятіями внѣшняго чувства. Именно утверждаютъ, что всякое воспріятіе зрѣнія, осязанія и т. д. съ самаго начала было чисто внутреннимъ актомъ, не имѣвшимъ наиболѣе существеннаго признака объективности, какого-либо пространственнаго опредѣленія, и что идея протяженности воспринимаемыхъ образовъ есть результатъ сравнительно поздняго развитія и очень сложной работы законовъ ассоціаціи, — ученіе, которое, конечно, должно показаться весьма неяснымъ каждому, кто дастъ себѣ трудъ внимательно подумать надъ нимъ.

Указанная нами особенность матеріализма подтверждается исторически весьма обычнымъ его переходомъ въ идеалистическій скептицизмъ. Нужна была философія Гоббеса, съ ея возникающими въ мозгу изолированными чувственными образами, чтобъ явились потомъ Локкъ, Беркли и Юмъ. Нуженъ былъ матеріализмъ энциклопедистовъ XVIII вѣка, чтобы могла зародиться позитивная философія въ ея современной формѣ. Позитивизмъ, это правда, нельзя вполнѣ отождествить съ идеалистическимъ скептицизмомъ; но что онъ очень близокъ къ нему, это доказываютъ англійскіе послѣдователи позитивной школы. Обо всемъ этомъ намъ придется много и подробно говорить впослѣдствіи. Теперь мы только хотѣли избѣгнуть упрека въ недостаточно-безпристрастномъ отношеніи къ интуитивной теоріи.

Каковы бы ни были, впрочемъ, достоинства и недостатки этой теоріи, эмпирическая философія не можетъ принять ее уже потому, что она всецѣло стоитъ на метафизической почвѣ. Поэтому можно считать за неподлежащее спору, въ какомъ смыслѣ строгій мыслитель эмпирической школы долженъ понимать слово «явленіе», насколько онъ имъ обозначаетъ чувственно-данное въ опытѣ. Явленія суть *измѣненія нашего психическаго существа*, *состоянія нашего сознанія*, *а не внѣшнія намъ вещи*.

Наша задача, какъ мы ее выразили прежде, состоитъ въ томъ, чтобъ указать особенный предметъ метафизическаго познанія, опредѣливъ естественныя границы такого знанія, въ которое не входятъ никакіе метафизическіе элементы, т. е. знанія исключительно эмпирическаго. Какъ мы видѣли выше, главный тезисъ эмпирической философіи состоитъ въ томъ, что всякое

наше познаніе, чтобы быть истиннымъ, должно имѣть своимъ предметомъ явленія и утверждать не болѣе совмѣстности, послѣдовательности и подобія ихъ, насколько эти отношенія могутъ быть выведены изъ правильныхъ наведеній; и что, напротивъ, всякое сужденіе о предметахъ, которые не суть явленія, или предполагающее относительно явленій что-нибудь большее ихъ совмѣстности, послѣдовательности и подобія — ложно.

Поставимъ на мѣсто слова «явленіе» то, что имъ соозначается, и получимъ:

Мы знаемъ и можемъ знать только субъективныя состоянія нашего духа и законы послѣдовательности, совмѣстности и подобія этихъ состояній, открываемые наведеніемъ отъ частныхъ случаевъ; всякая попытка выйти изъ этихъ роковыхъ границъ и узнать что-нибудь болѣе должна непремѣнно кончиться полною неудачей.

Но что же выходитъ изъ предыдущаго? — Стало-быть, съ точки зрѣнія эмпиризма, наша собственная душевная жизнь есть единственный возможный предметъ человѣческаго знанія? Не парадоксальный ли это выводъ? Развѣ такъ обыкновенно понимаются задачи положительнаго знанія? Огромное множество нашихъ не только научныхъ, но и повседневныхъ сужденій относится къ такимъ вещамъ, которыя лежатъ за предѣлами нашей психической жизни. Въ большинствѣ ихъ мы прямо или косвенно утверждаемъ бытіе 1) либо предметовъ внѣшняго матеріальнаго міра, 2) либо подобныхъ намъ сознающихъ существъ, 3) либо нѣкоторыхъ безусловно неизмѣнныхъ, никакихъ исключеній не допускающихъ, отношеній между вещами. Какъ должна смотрѣть на эти предположенія логически послѣдовательная, себѣ вѣрная эмпирическая философія? Какъ она рѣшаетъ и должна рѣшать сюда относящіеся вопросы? И, главное, что такое матерія и матеріальныя вещи для строго эмпирическаго философа? Какъ эмпирическая психологія объясняетъ возникновеніе въ насъ понятія о веществѣ?—Не вдаваясь въ излишнія подробности, мы укажемъ только главные пункты эмпирической теоріи.

Въ нашей душевной жизни существуетъ два порядка явленій, которыя мы различаемъ непосредственно: одни изъ явленій мы разсматриваемъ какъ наши собственныя состоянія, видимъ въ нихъ разнообразныя модификаціи нашего *я;* другія мы представляемъ лежащими внѣ предѣловъ нашей внутренней жизни, противустоящими намъ,—въ нихъ мы усматриваемъ *не я* въ раз-

личныхъ видахъ его существованія. Но и тѣ и другія явленія одинаковы въ своемъ корнѣ. Наши представленія о *свѣтѣ* и о *внѣшнихъ вещахъ*—двѣ вѣтви на одномъ стволѣ, на простомъ ощущеніи. Душевная жизнь начинается съ этихъ простыхъ ощущеній, которыя всѣ выражаютъ собою только различныя состоянія духа, безъ всякаго первоначальнаго распаденія на два противоположные полюса. *Они—самъ духъ, подлежащій впечатлѣнію.* Ощущеніе цвѣта какого-нибудь предмета есть духъ въ одномъ его состояніи, ощущеніе запаха—тотъ же духъ въ другомъ состояніи. Въ духѣ нѣтъ ничего, кромѣ потока ощущеній. Но впослѣдствіи мы начинаемъ дѣлать различіе между ощущеніями *пассивными* и ощущеніями *движенія и сопротивленія.* Мы противополагаемъ ихъ другъ другу и нить ощущеній пассивныхъ сливается для насъ въ одно представленіе объ *я* или *субъектѣ*, а чувства движенія и сопротивленія даютъ содержаніе нашему понятію о *не—я* или *объектѣ*. Главною помощью при такомъ различеніи служитъ идея *протяженности*, постепенно развивающаяся изъ ощущеній движенія и сопротивленія. Протяженность и сопротивленіе суть два самые существенные признака, характеризующіе наше понятіе о матеріальномъ тѣлѣ. Только тогда, такимъ образомъ, когда мы получимъ представленіе о внѣшнемъ мірѣ, возникаетъ въ насъ идея о насъ самихъ и мы начинаемъ употреблять мѣстоименіе *я*, обозначая имъ тѣ состоянія нашего духа, которыя не успѣли объектироваться въ представленія внѣшнихъ вещей. Контрастъ *я* и *не—я* образуется одновременно изъ распадающагося по двумъ русламъ потока ощущеній. Слѣдовательно, одинъ и тотъ же духъ въ одно и то же время есть и наблюдатель, и предметъ наблюденія; непосредственно сознаваемая противуположность внутренняго и внѣшняго въ нашемъ воспріятіи, вещества и духа, есть лишь фикція, иллюзія нашего ума, хотя и необходимо возникающая по законамъ ассоціаціи идей.

Какъ же изъ этихъ данныхъ объясняется наше цѣльное понятіе о матеріи, какъ субстратѣ явленій внѣшняго чувства? Для этого достаточно признать только слѣдующія вещи: 1) человѣческій духъ способенъ къ *ожиданію:* разъ имѣвъ дѣйствительныя ощущенія, мы способны составить идею объ ощущеніяхъ возможныхъ, т. е. такихъ, которыя мы могли бы чувствовать, еслибы предстояли опредѣленныя условія, природу которыхъ мы изучили во многихъ случаяхъ опытомъ. 2) Законы ассоціаціи

идеи. Ихъ можно, въ свою очередь, свести къ слѣдующимъ положеніямъ: нашъ умъ имѣетъ склонность мыслить вмѣстѣ явленія *подобныя* между собою; нашъ умъ наклоненъ мыслить вмѣстѣ явленія, которыя были наблюдаемы въ тѣсной смежности, т. е. испытанныя или одновременно, или въ непосредственной преемственности; ассоціаціи, порождаемыя смежностью, становятся болѣе несомнѣнны, быстры и нераздѣльны отъ повторенія; когда связь между двумя идеями установилась крѣпко, мы не только *идеи* двухъ фактовъ мыслимъ нераздѣльно, но намъ *начинаетъ казаться*, что и самые факты связаны подобнымъ же образомъ.

Въ нашемъ опытѣ между явленіями внѣшняго чувства существуютъ нѣкоторыя единообразія послѣдовательности и совмѣстности. Эти единообразія производятъ безчисленныя ассоціаціи идей въ нашемъ духѣ. Наблюдая одинъ только какой-нибудь феноменъ, я съ необыкновенною живостью вспоминаю другіе, которые связаны съ нимъ и должны получить бытіе при выполненіи нѣкоторыхъ условій. Мое отношеніе къ находящейся предо мной закрытой книгѣ въ данный моментъ ограничивается тѣмъ, что я имѣю зрительное воспріятіе ея цвѣта и формы; но, глядя на нее, я вспоминаю то особенное впечатлѣніе осязанія, которое получалъ я прежде, дотрогиваясь до нея, и которое получилъ бы теперь, еслибы протянулъ руку; я вспоминаю, что написано на ея заглавной страницѣ и что я прочиталъ бы теперь, еслибы раскрылъ ее,—вспоминаю ея содержаніе, вспоминаю ея автора и поводъ, по которому написана книга. Другими словами, простое воспріятіе зрѣнія служитъ для меня знакомъ обширной группы другихъ воспріятій, изъ которыхъ иныя я могъ бы получить и въ настоящее время, иныя были бы доступны для меня въ прошломъ, еслибъ я былъ поставленъ въ удобныя для того обстоятельства. При этомъ очень часто бываетъ, что эти мыслимыя только и предполагаемыя явленія интересуютъ меня гораздо болѣе, чѣмъ вызывающее ихъ въ моемъ сознаніи дѣйствительное воспріятіе духа. Другое свойство этихъ возможныхъ событій—ихъ законообразность: они возникаютъ въ моемъ умѣ только въ силу ихъ взаимной связи; я лишь тѣ явленія считаю *возможными*, которыя подчиняются общимъ единообразіямъ послѣдовательности и сосуществованія. Напротивъ, конкретное содержаніе моего опыта очень часто зависитъ отъ совершенно случайныхъ дѣйствій: я сейчасъ смотрѣлъ на книгу и непосредственно послѣ этого могу

перенести мой взглядъ на какой-нибудь другой предметъ, напр. на столъ, и тогда въ моемъ дѣйствительномъ опытѣ воспріятіе стола будетъ слѣдовать за воспріятіемъ книги; но, конечно, такая послѣдовательность явленій не выражаетъ постояннаго единообразія ихъ послѣдовательности. Такъ въ умѣ моемъ устанавливается различеніе двухъ сферъ событій: во-первыхъ, дѣйствительныхъ состояній нашего внѣшняго сознанія, случайныхъ и измѣнчивыхъ по своей природѣ, и, во-вторыхъ, возможныхъ состояній его, отличительный характеръ которыхъ—прочность и неизмѣнность отношеній. Единообразіе возможныхъ явленій служитъ объясненіемъ нашихъ дѣйствительныхъ воспріятій: въ конкретномъ опытѣ не можетъ явиться ничего, что не вытекало бы изъ неизмѣнныхъ отношеній феноменовъ возможнаго опыта. Поэтому мы начинаемъ смотрѣть на сферу возможныхъ состояній сознанія какъ на *субстратъ* и *причину* опыта дѣйствительнаго. Этимъ завершается образованіе нашего понятія о внѣшней субстанціи. Такимъ образомъ матерія есть *признаваемая нами сумма возможныхъ опытовъ, подлежащихъ строгимъ законамъ единообразія*. Къ этому признанію въ сущности сводится все мое довѣріе къ внѣшней дѣйствительности. Когда я утверждаю, что комната, изъ которой я только-что ушелъ, осталась и безъ меня такою же, какою была, подъ этимъ я разумѣю, что еслибъ я поставилъ себя въ прежнія условія, то увидалъ бы опять комнату и находящіяся въ ней вещи такими же, какъ и прежде, и на самомъ дѣлѣ мы не думаемъ при этомъ ни о чемъ большемъ. Только метафизики, разсуждая о внѣшнихъ вещахъ, приписываютъ имъ самобытность въ себѣ; подобныхъ утонченныхъ опредѣленій не знаетъ обыкновенный человѣческій умъ, и относительно внѣшняго міра здравый смыслъ утверждаетъ не болѣе того, что признаетъ въ немъ и философія Беркли. Въ этомъ убѣдится каждый, разобравъ хорошенько то представленіе, которое онъ имѣетъ о дѣйствительномъ существованіи вещей внѣ момента ихъ наблюденія въ чьемъ-нибудь сознаніи. Онъ, конечно, увидитъ, что всѣ непосредственно приписываемыя вещамъ опредѣленія носятъ совершенно чувственный характеръ, а стало-быть въ нихъ не мыслится ничего, кромѣ возможныхъ опытовъ.

Можно спорить противъ окончательныхъ выводовъ этой теоріи. Можно не соглашаться съ предположеніемъ, что здравый смыслъ въ бытіи внѣшняго міра понимаетъ возможныя состоянія духа и ничего болѣе: этому противорѣчитъ уже тотъ фактъ, который

признается и эмпирическою теоріей, что мы видимъ въ матеріи *субстратъ*, производящую *причину* нашего субъективнаго опыта. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ мыслить какъ субстратъ то, чего совсѣмъ нѣтъ, что только можетъ быть или будетъ. Правда, обыкновенное человѣческое сознаніе не знаетъ такихъ терминовъ, какъ *бытіе вещей въ себѣ* и ему подобныхъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ оно совсѣмъ, хотя бы не вполнѣ сознательно, не вносило въ вещи опредѣленій или, если угодно, точекъ зрѣнія, впослѣдствіи обозначаемыхъ самыми отвлеченными выраженіями. Указывается еще на то, что мы, размышляя о внѣшнихъ вещахъ, не можемъ ихъ вообразить иначе, какъ приписавъ имъ чувственныя качества. Это, конечно, вѣрно. Причина этого—въ природѣ нашего воображенія, которое непремѣнно должно имѣть дѣло съ чувственнымъ матеріаломъ. Но все-таки воззрѣніе здраваго смысла не есть то, что утверждаетъ идеалистическая философія: воображая отсутствующій предметъ, идеалистъ видитъ въ немъ или будущее, или прошлое, или только могущее быть; *обыкновенный человѣческій смыслъ* понимаетъ въ немъ то, что *есть*, и есть *теперь*,—различіе далеко не такъ ничтожное, чтобъ его можно было ставить ни во что; въ обоихъ случаяхъ *воображаютъ* одно, но *мыслятъ* разное.

Впрочемъ, важность не въ томъ, насколько эмпирическая теорія хорошо объясняетъ возникновеніе нашей идеи о веществѣ (мы представили ее такъ, какъ она изложена у Милля). Ея выводы интересны въ другомъ отношеніи: философія, признающая индукцію единственнымъ источникомъ всякаго достовѣрнаго знанія, въ самомъ дѣлѣ можетъ признать существованіе внѣшнихъ вещей только въ смыслѣ возможностей опыта, т. е. какъ возможныхъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ состояній нашего духа.

Дѣйствительно, къ какой элементарной формѣ сводится процессъ всякой индукціи? Наблюдая различныя отношенія между явленіями, мы, на основаніи много разъ повторенныхъ случаевъ, при самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ сопутствующихъ обстоятельствъ, опредѣляемъ нѣкоторыя изъ этихъ отношеній какъ постоянныя или такія, повторенія которыхъ мы всегда можемъ съ вѣроятностью ожидать въ будущемъ, когда будутъ на-лицо явленія. Другими словами: мы отъ отдѣльныхъ случаевъ подобія, совмѣстности и послѣдовательности приходимъ къ убѣжденію этихъ отношеній какъ *общаго* и *постояннаго* свойства данныхъ феноменовъ, а отсюда уже дѣлаемъ выводъ къ случаямъ не су-

ществующимъ. Слѣдовательно, общій выводъ индукціи никогда не можетъ возвыситься до предметовъ неоднородныхъ съ тѣми, которые указаны въ посылкахъ. Я наблюдаю, положимъ, цѣлый рядъ фактовъ, въ которыхъ феноменъ *a* является предшествующимъ феномену *b*; изъ этого я заключаю, что *a* вообще предшествуетъ *b*. Въ заключеніи содержится только сужденіе объ *a* и *b*, но въ немъ нельзя найти отношенія къ какимъ-нибудь другимъ предметамъ, напр. *c* и *d*. Всѣ наши индукціи отправляются отъ чувственно-наблюдаемаго или отъ нашихъ духовныхъ состояній. Слѣдовательно, и всякій индуктивный выводъ долженъ относиться только къ нимъ и не касаться никакихъ другихъ вещей, которыя по своей природѣ не суть явленія нашей души. Итакъ, всякая попытка индуктивно познать матеріальный міръ внѣ насъ будетъ незаконнымъ расширеніемъ индуктивнаго процесса, будетъ тѣмъ внесеніемъ *c* и *d* на мѣсто *a* и *b*, о которомъ мы сейчасъ говорили. И это не только въ настоящее время, при несовершенномъ состояніи нашихъ познаній, на что иногда ссылаются, но навсегда, если мы признаемъ индукцію исключительнымъ критеріумомъ истины. Такое ограниченіе лежитъ въ самой сущности индуктивнаго познанія; сколько бы мы ни продолжали прямую линію, мы никогда не получимъ плоскость; какъ бы подробно ни изучили мы законы совмѣстности, подобія и послѣдовательности наблюдаемыхъ явленій, мы никогда не узнаемъ того, что лежитъ внѣ ихъ области, *за ними*. Этотъ выводъ неизбѣженъ для истиннаго послѣдователя эмпирической философіи, и можно указать большое количество мѣстъ у самыхъ лучшихъ ея представителей (особенно у Милля), гдѣ онъ утверждается самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

Противъ сказаннаго нами о природѣ индукціи могутъ однако представиться возраженія, которыя нужно разсмотрѣть для того, чтобы наша мысль получила необходимую ясность. Мы сказали, что индуктивный выводъ никогда не включаетъ въ себѣ предметовъ неоднородныхъ съ указанными въ посылкахъ. Можно возразить, что терминъ *неоднородный* имѣетъ очень широкій и поэтому неопредѣленный смыслъ и что въ индуктивномъ обобщеніи мы возвышаемся отъ чувственно-даннаго къ тому, что̀ еще не имѣло мѣста въ опытѣ, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Самый процессъ умозаключенія отъ общаго къ частному, выражающійся въ силлогизмѣ, можно представить какъ выводъ мысли отъ ряда извѣстныхъ случаевъ къ одному или нѣкоторымъ неизвѣстнымъ

и такимъ образомъ сблизить его съ индуктивнымъ умозаключеніемъ. А тогда мысленный переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному является главною особенностью всякаго индуктивнаго процесса; и если выразимъ ее въ такой общей формѣ, предположеніе о возможности индуктивныхъ выводовъ относительно всякихъ неизвѣстныхъ вещей, къ какой бы категоріи существъ онѣ ни принадлежали, получаетъ нѣкоторую вѣроятность, и заранѣе положенное ограниченіе области индуктивнаго познанія можетъ показаться произвольнымъ. Поэтому намъ необходимо отвѣтить на слѣдующій вопросъ: чѣмъ посредствуется въ индукціи логическій переходъ отъ наблюдаемаго къ небывшему еще въ опытѣ?

Многими мыслителями неоднократно высказывалась мысль, что обобщеніе по наведенію, выводъ отъ частныхъ случаевъ къ общему правилу не есть правомѣрный логическій процессъ. На этомъ особенно настаивалъ Юмъ, и недовѣріе къ индуктивнымъ обобщеніямъ есть главный источникъ его скептицизма. Въ самомъ дѣлѣ, всякое такое обобщеніе утверждаетъ больше, чѣмъ дано въ посылкахъ. До какой бы высокой степени совершенства ни достигалъ нашъ опытъ, все-таки онъ можетъ имѣть дѣло только съ единичными случаями, — слѣдовательно, утвержденіе общаго закона непремѣнно должно заключать въ себѣ подразумѣваемый скачокъ отъ конечнаго количества событій къ ихъ неопредѣленному, или, если законъ принимается съ безусловнымъ характеромъ всеобщности, къ безконечному множеству. Совершенно правильна логически лишь такъ-называемая полная индукція; но за то она не даетъ общихъ истинъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Всякая же попытка индуктивно вывести общее правило можетъ имѣть различныя степени вѣроятности, но не способна получить характеръ безусловной достовѣрности.

Однако, во всякомъ случаѣ, эти общія сужденія имѣютъ относительную степень вѣроятности. Что же даетъ имъ эту вѣроятность? Почему, узнавъ одни явленія, я могу приписать что-нибудь другимъ, мнѣ еще неизвѣстнымъ? Что въ познанныхъ явленіяхъ уполномочиваетъ меня въ такому перенесенію знанія? Признаки каждаго явленія распадаются на двѣ категоріи: признаки общіе, то-есть принадлежащіе данному явленію вмѣстѣ съ другими явленіями, и признаки индивидуальные, которые принадлежатъ ему одному, составляя его специфическую природу. Эти ли особенныя, индивидуальныя качества явленія позволяютъ намъ заключить, что относящееся къ одному явленію относится

и къ другому?—Очевидно, нѣтъ: когда я отъ смерти Петра, Павла и др. заключаю къ смертности человѣческаго рода вообще, я это дѣлаю не потому, что Петръ и Павелъ имѣютъ нѣкоторыя особыя личныя качества, но потому, что они—*люди,* т. е. имѣютъ нѣкоторыя *общія* свойства со всѣми людьми. Фактъ ихъ смерти важенъ для нашего вывода лишь въ томъ отношеніи, что они дали собою конкретный примѣръ связи человѣческой природы съ свойствомъ смертности. Логическая недостаточность индуктивнаго обобщенія заключается въ томъ, что мы никогда не можетъ на частныхъ случаяхъ съ совершенною достовѣрностью узнать, точно ли связь данныхъ общихъ свойствъ безусловна и точно ли она лежитъ въ самыхъ этихъ свойствахъ, а не опредѣляется особенными условіями наблюдаемаго бытія по времени и мѣсту.

Но если частные случаи въ индуктивномъ процессѣ интересуютъ лишь настолько, насколько въ нихъ высказывается связь общихъ свойствъ многихъ явленій, изъ этого слѣдуетъ, что истинный предметъ индукціи есть *связь общихъ свойствъ или аттрибутовъ явленій.* Напримѣръ, отвлеченная формула всякаго вопроса о законѣ постоянной послѣдовательности какихъ-нибудь явленій будетъ такая: феноменъ, обладающій свойствомъ *a,* точно ли всегда сопровождается феноменомъ, имѣющимъ свойство *b?* Дѣйствительно, всѣ методы индуктивнаго изслѣдованія рѣшаютъ одну и ту же задачу: точно ли данное свойство связано съ нѣкоторымъ другимъ свойствомъ, какъ бы ни были различны предметы, которымъ свойства принадлежатъ,—а поэтому и самое индуктивное обобщеніе не содержитъ ничего, кромѣ этой связи. Сужденіе: «люди смертны»—есть прямой выводъ изъ другаго: *свойство человѣчности* связано съ *свойствомъ смертности,* и только это послѣднее есть непосредственный результатъ индукціи. Правда, мы обыкновенно не выражаемся такъ, подставляя вмѣсто свойства имя предмета, имѣющаго это свойство, но природа индуктивнаго процесса отъ этого, конечно, нисколько не измѣняется. Это—процессъ по существу своему аналитическій, а не синтетическій: на самомъ дѣлѣ мы выводимъ только вѣроятность связи свойствъ изъ тѣхъ фактовъ, въ которыхъ эта связь вѣроятна, а индуктивное заключеніе къ неизвѣстнымъ еще предметамъ основывается на томъ, что имъ приписываются извѣстныя уже свойства. Когда я говорю, что данный человѣкъ умретъ когда-нибудь, я лишь замѣняю названіе свойства названіемъ предмета, какъ и въ общемъ сужденіи: «люди смертны».

Если сказанное вѣрно, то значеніе первой посылки во всякомъ силлогизмѣ опредѣляется само собою. Вопросъ объ этомъ значеніи есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ въ логикѣ. Существовало мнѣніе, что силлогизмъ самъ по себѣ не можетъ дать никакой новой истины, потому что въ первой посылкѣ необходимо уже заранѣе понимается то, что потомъ выводится въ заключеніи. Въ силлогизмѣ: «люди смертны; Кай человѣкъ, — слѣдовательно, Кай смертенъ»—мы въ первомъ сужденіи: «люди смертны»—подразумѣваемъ третье: «Кай смертенъ»—прежде, чѣмъ оно высказано. Однако несомнѣнно, что дедуктивнымъ путемъ мы достигаемъ многихъ новыхъ познаній. Это побудило Милля создать особую теорію силлогизма. Онъ объясняетъ всякій силлогизмъ какъ умозаключеніе отъ частнаго къ частному. Въ сужденіи: «всѣ люди смертны»—мы подразумѣваемъ отдѣльные случаи своего и чужаго наблюденія; бо́льшая посылка есть только запись пережитыхъ опытовъ. «Общія предложенія... суть только сокращенія, какъ бы скорописныя утвержденія частныхъ фактовъ, на которыхъ мы, въ представляющемся случаѣ, считаемъ себя въ правѣ основываться какъ на доказанныхъ... Всякій выводъ дѣлается отъ частнаго къ частному. Общія предложенія суть только реэстры такихъ, уже сдѣланныхъ, выводовъ и короткія формулы для дѣланія новыхъ; слѣдовательно бо́льшая посылка есть такого рода формула. Заключеніе есть выводъ, сдѣланный не *изъ* формулы, а *сообразно* формулѣ. Настоящій логическій антецедентъ или настоящую логическую посылку составляютъ частные факты, изъ которыхъ общее предложеніе собрано посредствомъ наведенія». Но если бо́льшая посылка есть только запись, сокращенный знакъ прежде полученныхъ опытовъ, то она не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія внѣ указываемыхъ ею для насъ частныхъ фактовъ. Сокращенный знакъ, смыслъ котораго мы забыли, перестаетъ быть знакомъ. Итакъ, нужно предположить, что мы, произнося сужденіе: «всѣ люди смертны», непремѣнно вспоминаемъ или всѣ, или по крайней мѣрѣ большую часть извѣстныхъ намъ случаевъ смертности. Однако такое предположеніе было бы психологически невѣрнымъ. Каждый испыталъ на себѣ, что при произнесеніи общаго предложенія мы мыслимъ далеко не всѣ намъ извѣстные случаи, но нашему уму представляются весьма немногіе, иногда не болѣе одного; кромѣ того, наша мысль очень мало сосредоточивается на нихъ. Если вся сила логическаго доказательства заключается въ соединяемыхъ съ общимъ

предложеніемъ единичныхъ фактахъ, то силлогизмъ получитъ такую форму: «Павелъ умеръ; Петръ умеръ (положимъ, при произнесеніи первой посылки намъ представились только эти факты); Тимоѳей—человѣкъ,—стало-быть и онъ умретъ». Конечно, такой силлогизмъ построить невозможно или, по крайней мѣрѣ, нельзя думать, чтобы всѣ его члены были на-лицо. И какъ бы ни увеличивали число случаевъ, подразумѣваемыхъ въ большей посылкѣ, меньшая посылка будетъ совершенно лишнею частью умозаключенія *) до тѣхъ поръ, пока большая не перестанетъ

*) Правда, съ точки зрѣнія Милля, меньшая посылка должна быть выражена иначе: вмѣсто «Тимоѳей—человѣкъ» должны, въ соотвѣтствіе съ большею посылкой, стоять также два сужденія: «Тимоѳей похожъ на Петра», «Тимоѳей похожъ на Павла». Но для насъ важно не то, какъ можно произвольно видоизмѣнить форму всякаго силлогизма, непремѣнно желая обратить его изъ заключенія отъ общаго къ частному въ заключеніе отъ частнаго къ частному (что такое превращеніе можно сдѣлать, это несомнѣнно),— а то, дѣйствительно ли при произнесеніи силлогизма во всѣхъ случаяхъ нашему уму представляется именно такой смыслъ меньшей посылки, который вносится превращеніемъ. Если относительно сужденія: «люди смертны»,—можно еще доказывать, что, говоря: *люди*, мы необходимо представляемъ какія-нибудь опредѣленныя лица, такъ какъ наша мысль не можетъ имѣть характера безусловной всеобщности, то въ сужденіи: «Тимоѳей—человѣкъ», совсѣмъ нѣтъ побудительныхъ причинъ предполагать, чтобы съ словомъ «человѣкъ» соединялась идея о другихъ еще людяхъ кромѣ Тимоѳея. Конкретное представленіе дано собственнымъ именемъ; словомъ *человѣкъ* въ этомъ случаѣ просто указывается группа свойствъ, приписываемыхъ этому конкретному представленію. Правда, понятіе *человѣкъ* образовалось путемъ сравненія сходныхъ свойствъ у всѣхъ людей. Но разъ понятіе сложилось такимъ образомъ, мы уже не думаемъ о предметахъ, отъ которыхъ оно отвлечено. Говоря: «Тимоѳей—человѣкъ», мы такъ сказать *подчеркиваемъ* принадлежность ему нѣкоторыхъ свойствъ и можемъ вовсе не имѣть въ мысли его сходства съ какими-нибудь другими существами, обладающими подобными же свойствами. Другими словами, это сужденіе указываетъ *качество*, а не *отношеніе* предмета. Если такова его истинная природа, почему же, ставъ посылкой силлогизма, оно вдругъ измѣнитъ свое содержаніе, оставаясь при прежней формѣ выраженія? Если даже допустить, что въ какомъ-нибудь частномъ случаѣ вмѣстѣ съ мыслью о человѣчности Тимоѳея у насъ возникла идея о его сходствѣ въ этомъ качествѣ съ нѣкоторыми другими лицами, почему мы непремѣнно усмотримъ его сходство именно съ Петромъ и Павломъ? Мы уже говорили выше, что единичныя представленія при произнесеніи такихъ общихъ названій, какъ *люди* и *человѣкъ*, неожиданно являются по случайнымъ, темнымъ ассоціаціямъ и такъ же быстро исчезаютъ, потому что въ самыхъ названіяхъ нѣтъ ничего, что задерживало бы ихъ и сосредоточивало на нихъ вниманіе. Если вся сила въ этихъ единичныхъ, случайно возникшихъ представленіяхъ, то не долженъ ли иногда самъ силлогизмъ выразиться въ такой нелѣпой формѣ: «Павелъ и Петръ умерли; Тимоѳей похожъ на Ивана и Ѳедора,—слѣдовательно, онъ умретъ»,—ибо въ словахъ *люди* и *человѣкъ* нѣтъ ничего такого, что скорѣе вынуждало бы вспомнить Павла и Петра, чѣмъ Ивана и Ѳедора.

быть простымъ напоминаніемъ частныхъ фактовъ и не обратится въ прямо выраженное или подразумѣваемое утвержденіе связи смертности съ человѣческою природою вообще. Эта связь и указывается словомъ *всѣ*.

Въ самомъ дѣлѣ, всеобщность формы первой посылки даетъ ей преимущественную логическую силу и отличаетъ силлогизмъ отъ простой аналогіи. А между тѣмъ съ точки зрѣнія разбираемой теоріи эта общность является, повидимому, совсѣмъ ненужною. Милль хочетъ смягчить этотъ выводъ и утверждаетъ, что общая форма большей посылки необходима, какъ повѣрка правильности сдѣланнаго заключенія (причемъ общая истина, очевидно, теряетъ характеръ просто сокращеннаго знака частныхъ фактовъ). Мы тогда только можемъ сдѣлать выводъ къ одному частному случаю, когда имѣемъ право признать его для всѣхъ случаевъ того же рода. Сужденіе: «Кай смертенъ» — можетъ быть доказано намъ извѣстными частными случаями лишь тогда, когда ими же доказывается другая истина, что «всѣ люди смертны». Итакъ, выходитъ, что достовѣрность частнаго вывода зависитъ отъ степени вѣроятности общей истины. Не показываетъ ли это, что и самое убѣжденіе въ частной истинѣ зависитъ отъ вѣры въ общее положеніе и стало-быть общій законъ служитъ логическимъ основаніемъ, чтобы признать единичный фактъ? Милль не согласенъ съ этимъ: общее сужденіе есть только *повторочный доводъ*, а не основа заключенія, которая лежитъ въ частныхъ наблюденіяхъ. Но почему же частный выводъ справедливъ лишь тогда, когда на мѣсто его можетъ быть поставленъ общій?—Очевидно потому, что основанія того и другаго одинаковы. Но на чемъ основывается всякая общая истина

Но даже пусть меньшая посылка дастъ намъ представленія о Павлѣ и Петрѣ; то обстоятельство, что мы сходство Тимоѳея съ ними обозначаемъ словомъ *человѣкъ*, показываетъ, что мы подразумѣваемъ не сходство ихъ въ различныхъ отношеніяхъ, т. е. въ такихъ качествахъ, которыя, принадлежа Павлу, не принадлежатъ Петру, и наоборотъ (напр. Тимоѳей можетъ походить на Павла цвѣтомъ волосъ, но отличается отъ него ростомъ, и, напротивъ, можетъ имѣть одинъ ростъ съ Петромъ, но другой цвѣтъ волосъ),—а имѣемъ въ виду свойства общія имъ тремъ, а также и всѣмъ другимъ людямъ. Говоря иначе, смыслъ силлогизма заключается въ томъ, что мы, наблюдая сходство даннаго предмета съ другими въ нѣкоторыхъ общихъ всѣмъ имъ аттрибутахъ, заключаемъ къ присутствію у него другихъ аттрибутовъ, которые прямо въ немъ не замѣчаются, но которые въ другихъ однородныхъ съ нимъ предметахъ связаны съ первыми, т. е. связь общихъ свойствъ есть неизбѣжное предположеніе всякаго силлогистическаго довода.

наведенія?—На утверждаемой связи общихъ свойствъ предметовъ, какъ это мы старались доказать выше. Слѣдовательно, и для частнаго вывода истинное оправданіе заключается не въ единичныхъ фактахъ, въ ихъ индивидуальности, которые даютъ только матеріалъ для обобщеній, а въ признаніи *связи общихъ свойствъ* этихъ фактовъ.

Итакъ, самая чистая форма силлогизма будетъ слѣдующая: смертность есть признакъ человѣческой природы; данное лицо имѣетъ человѣческую природу,—слѣдовательно, ему присущъ признакъ смертности. Или, выражаясь отвлеченно: свойство a связано съ свойствомъ b; данный предметъ имѣетъ свойство a,—слѣдовательно, онъ имѣетъ и свойство b. Но обыкновенный языкъ избѣгаетъ обозначенія свойствъ въ ихъ отвлеченности и прямо называетъ предметы, обладающіе этими свойствами. Поэтому первая посылка мѣняетъ свою форму и получаетъ такой видъ: предметы имѣющіе свойство a обладаютъ свойствомъ b. Такъ въ нашемъ примѣрѣ словомъ *человѣкъ* мы обозначаемъ существо обладающее человѣческою природою. Но отъ такой перемѣны въ выраженіи сущность первой посылки не измѣняется. Говоря: «люди смертны», мы можемъ совсѣмъ не думать объ отдѣльныхъ лицахъ,—намъ достаточно имѣть ясное понятіе объ общихъ признакахъ людей и явленія смерти. Но если такъ, то общая истина не есть только повѣрочный доводъ; она — самое основаніе заключенія, выраженное въ конкретной формѣ, которая всегда безъ ущерба для выводовъ можетъ быть замѣнена формою болѣе абстрактною. Далѣе, тогда становится понятнымъ, какъ силлогизмъ можетъ давать новыя познанія: мы можемъ знать связь свойствъ, не зная всѣхъ предметовъ, которымъ принадлежатъ они; меньшая посылка не содержится и не мыслится съ необходимостью въ большей.

Изъ этого слѣдуетъ, что мы тогда только можемъ дѣлать индуктивныя умозаключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, когда предполагаемъ между ними общія свойства, подлежащія нашему непосредственному наблюденію; но все наблюдаемое—чувственно; слѣдовательно, мы способны заключать только отъ чувственнаго къ чувственному черезъ чувственныя свойства, т. е., пользуясь одной индукціей, нельзя прійти къ знанію реальныхъ вещей *).

*) М. И. Каринскій: „Борьба противъ силлогизма“. Въ ней вопросъ о большей посылкѣ разобранъ съ замѣчательной ясностью и, какъ кажется, авторъ приходитъ въ концѣ концовъ къ выводу сходному съ нашимъ

Этимъ самымъ рѣшается вопросъ о матеріи, какъ объективной и независимой отъ насъ субстанціи: строго-послѣдовательная индуктивная философія должна отринуть ее, или по крайней мѣрѣ отвергнуть всякую попытку доказать ея бытіе положительнымъ образомъ. Но какъ же эта философія должна отнестись къ двумъ другимъ вопросамъ, которые мы поставили выше: можетъ ли она признать независимое отъ насъ бытіе другихъ чувствующихъ существъ и можетъ ли утверждать какіе-либо законы природы за безусловно-неизмѣнные? Къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ мы теперь обратимся. Заранѣе позволяемъ себѣ сказать только одно. Если и на эти вопросы эмпиризмъ по внутренней логикѣ своихъ началъ долженъ отвѣчать отрицательно, мы прійдемъ къ слѣдующимъ, можетъ-быть неожиданнымъ, выводамъ: эмпиризмъ въ истинной своей формѣ ничѣмъ не отличается отъ самаго рѣшительнаго скептицизма; позитивная философія далеко не осуществляетъ подлиннаго типа философіи индуктивной и слишкомъ часто прикрывается обрывками той самой метафизики, къ которой питаетъ столь непобѣдимое презрѣніе.

Л. Л—ицъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КЕСАРЬ.

РОМАНЪ

Георга Эберса.

Глава восьмая *).

Тиціанъ приказалъ своему возницѣ ѣхать немедленно на Лохію. Путь, по которому быстро покатилась колесница, пролегалъ мимо дворца префектуры, расположеннаго въ Брухіи, и онъ велѣлъ остановить коней у роскошнаго, съ мраморными колоннами, подъѣзда, чтобы зайти къ себѣ, ибо письмо, скрытое у него на груди подъ тогой, заключало въ себѣ извѣстіе, которое могло заставить его возвратиться домой не ранѣе слѣдующаго утра.

Не останавливаясь, миновалъ онъ передніе покои и мужскую пріемную, гдѣ толпились, съ донесеніями и въ ожиданіи приказаній, чиновники, центуріоны и ликторы, и прямо отправился отыскивать свою жену въ предназначенномъ для женщинъ помѣщеніи, прилегавшемъ къ обширному саду префектуры.

Матрона, заслышавъ знакомые шаги, поспѣшила ему на встрѣчу.

— Я не ошиблась! — съ искреннею радостью воскликнула она. — Какъ хорошо, что ты могъ сегодня отдѣлаться такъ скоро! Я не ждала тебя ранѣе окончанія ужина.

— Но я и пришелъ, къ сожалѣнію, не надолго, — возразилъ Тиціанъ, вступая въ комнату жены. — Вели подать мнѣ ломоть хлѣба и кубокъ разбавленнаго вина. Впрочемъ, не надо, — тутъ уже все приготовлено, что мнѣ нужно, будто я приказывалъ самъ. Ты права, я на этотъ разъ пробылъ у Сабины менѣе обыкно-

*) *Русская Мысль*, апрѣль.

веннаго, но она ухитрилась въ короткій промежутокъ времени наговорить такъ много ѣдкаго, словно мы разговаривали съ нею цѣлый день. Черезъ пять минутъ я долженъ снова тебя покинуть, а когда я вернусь—извѣстно однимъ богамъ. Мнѣ трудно и непріятно даже выговорить это, но всѣ наши старанія, наши хлопоты, весь спѣшный и тяжелый трудъ бѣднаго Понтія пропали даромъ.

Съ этими словами префектъ опустился на ложе подлѣ небольшаго стола, на который жена его поставила спрошенные имъ кубокъ вина и хлѣбъ.

— Бѣдный ты мой!—сказала она, проводя рукой по его посѣдѣвшимъ волосамъ. — Развѣ Адріанъ все-таки рѣшился поселиться въ Кесареумѣ?

— Нѣтъ, не то!... (Выйди изъ комнаты, Сира!—сказалъ онъ рабынѣ.) Ты сейчасъ узнаешь... Вотъ письмо кесаря. Прочти мнѣ его, пожалуйста, еще разъ.

Юлія, жена префекта, развернула свитокъ папируса и начала читать:

«Адріанъ — другу своему Тиціану, намѣстнику египетскому. Глубочайшая тайна.—Адріанъ письменно привѣтствуетъ Тиціана, какъ онъ часто дѣлалъ это въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ началѣ своихъ скучныхъ дѣловыхъ посланій. Завтра же онъ надѣется привѣтствовать друга своей юности и мудраго помощника не только отъ всего сердца, но также рукою и устами. За симъ, для ясности, слѣдующее: Я прибуду въ Александрію уже завтра, пятнадцатаго декабря, къ вечеру, совершенно одинъ, съ Антиноемъ, рабомъ Мастороиъ и тайнымъ секретаремъ моимъ Флегономъ. Мы высадимся въ маленькой лохіадской гавани и корабль мой можно будетъ отмѣтить по большой серебряной звѣздѣ на носу. Если же ночь наступитъ ранѣе моего прибытія, то три красные фонаря, зажженные на вершинѣ мачты, извѣстятъ тебя о приближеніи друга.—Что касается до ученыхъ и остроумныхъ мужей, которыхъ ты выслалъ мнѣ на встрѣчу, чтобы занимать меня на пути, но главное, конечно, чтобы выгадать больше времени для передѣлки стараго гнѣзда,— откуда, кстати, я надѣюсь, вы не успѣли еще повыгнать всѣхъ птицъ Минервы,—то я отправилъ ихъ обратно, не желая лишать Сабину со всею ея челядью такого развлеченія и понапрасну отрывать знаменитыхъ александрійцевъ отъ ихъ ученыхъ трудовъ. Мнѣ ихъ вовсе не нужно. Если, впрочемъ, что можетъ статься, послалъ ихъ не ты, то

прошу у тебя извиненія. Человѣку всегда нѣсколько обидно, когда его уличаютъ въ томъ, что онъ ошибся въ разсчетѣ, хотя, конечно, легче объяснить случившееся, чѣмъ предусмотрѣть будущее. Или быть-можетъ наоборотъ?... Я вознагражу твоихъ мудрецовъ за ихъ безполезное путешествіе, поспоривъ съ ними въ академіи объ этомъ вопросѣ. Грамматикъ, у котораго ученость выглядываетъ изъ каждаго волоска на головѣ, болѣе предается покою, чѣмъ слѣдуетъ для его здоровья, и это быстрое движеніе, на которое онъ рѣшился ради меня, послужитъ къ удлиненію его жизни.—Мы пріѣдемъ въ простой одеждѣ и будемъ ночевать на Лохіи. Ты знаешь, что мнѣ не разъ приходилось отдыхать на голой землѣ и что, когда приходится, я такъ же спокойно сплю на камышевой подстилкѣ, какъ и на мягкомъ ложѣ. Изголовье мое слѣдуетъ за мною: это моя молосская собака, которую ты, безъ сомнѣнія, помнишь. Комнатка, гдѣ я могъ бы безъ помѣхи предпринимать свои вычисленія относительно будущаго года, вѣроятно, найдется.—Все это тщательно сохрани въ тайнѣ, чтобы ни одна человѣческая душа не могла догадаться о моемъ прибытіи,—объ этомъ я прошу тебя такъ убѣдительно, какъ только можетъ твой другъ и императоръ. Даже малѣйшее приготовленіе съ твоей стороны не должно выдать, кого ты ожидаешь. Ничего не приказываю моему милому Тиціану, но еще разъ прошу исполнить мое желаніе. Какъ радуюсь я тому, что снова увижусь съ тобою, и сколько удовольствія доставитъ мнѣ суматоха, которую я надѣюсь найти на Лохіи! Художникамъ, которыми, безъ сомнѣнія, кишитъ теперь старый дворецъ, ты представишь меня какъ архитектора Клавдія Венатора изъ Рима, пріѣхавшаго, чтобы содѣйствовать Понтію своими совѣтами. Съ Понтіемъ, выстроившимъ такія прекрасныя зданія для Ирода Аттика, я встрѣчался у этого богача-софиста и онъ, навѣрное, меня узнаетъ. Сообщи ему поэтому о моихъ намѣреніяхъ. Онъ человѣкъ серьезный, на котораго можно положиться,—не болтунъ и не вѣтрепинъ, забывающій все на свѣтѣ. Итакъ, сдѣлай его повѣреннымъ нашей тайны, но впрочемъ только тогда, когда судно мое будетъ уже въ виду. Прощай и будь здоровъ!»

— Ну, что же ты на это скажешь?—спросилъ Тиціанъ, принимая посланіе императора изъ рукъ жены.—Развѣ это не досадно? Работа наша такъ славно подвигалась впередъ.

— Но, можетъ-быть,—возразила Юлія, задумчиво улыбаясь,—вы все-таки не успѣли бы окончить. Въ томъ положеніи,

въ какомъ дѣло находится теперь, вамъ этого вовсе и не нужно, а Адріанъ все же увидитъ ваши добрыя намѣренія. Меня это письмо радуетъ, потому что оно снимаетъ тяжелую отвѣтственность съ твоихъ и безъ того уже слишкомъ обремененныхъ плечъ.

— Ты всегда разсудишь вѣрно!— воскликнулъ префектъ.— Хорошо, что я зашелъ къ тебѣ,—теперь я буду ожидать императора съ сильно-облегченнымъ сердцемъ. Спрячь хорошенько это письмо и пока до свиданія. Эта разлука съ тобою на нѣсколько часовъ для меня будетъ началомъ цѣлаго ряда безпокойныхъ дней.

Тиціанъ протянулъ руку женѣ.

— Прежде чѣмъ ты уйдешь,—сказала она, удерживая руку его въ своей рукѣ и крѣпко пожимая ее,—я должна признаться тебѣ, что чувствую въ себѣ нѣкоторую гордость.

— Ты имѣешь на это право.

— Ни однимъ словомъ не попросилъ ты меня молчать.

— Потому, что ты уже не разъ блистательно выдерживала испытанія. Но, конечно, и ты—женщина и къ тому же очень красивая.

— Да, старая бабушка съ сѣдѣющими волосами.

— И все-таки еще величественнѣе и очаровательнѣе тысячи хваленыхъ красавицъ, болѣе юныхъ годами.

— Ты желаешь, чтобъ я на старости лѣтъ промѣняла свою женскую гордость на суетное тщеславіе?

— Нѣтъ, нѣтъ! Оборотъ нашего разговора заставилъ меня внимательно вглядѣться въ твои черты и припомнить соболѣзнующіе вздохи Сабины о томъ, что красавица Юлія такъ подурнѣла. Но гдѣ же найдешь женщину твоихъ лѣтъ съ такой осанкой, съ такими нетронутыми временемъ чертами, такимъ гладкимъ, чистымъ лбомъ, такими глубокими, добрыми глазами, такъ чудесно изваянными руками...

— Да замолчи же!— воскликнула Юлія,— ты заставляешь меня краснѣть.

— А развѣ это не должно меня радовать, что такъ легко вызвать краску на лицо моей старой римской матроны?... Ты совершенно непохожа на остальныхъ женщинъ.

— Потому, что ты не похожъ на остальныхъ мужчинъ.

— Ты мастерица льстить... Съ тѣхъ поръ, какъ дѣти уѣхали, кажется, будто мы снова начинаемъ нашу брачную жизнь.

— Въ домѣ нѣтъ болѣе яблоковъ раздора.

— Изъ-за того, что особенно дорого, конечно, всего легче поссориться. Но, однако, пора,—прощай еще разъ.

Тиціанъ поцѣловалъ жену въ лобъ и быстрыми шагами направился къ выходу, но Юлія вернула его.

— Кое-что можно однако сдѣлать для кесаря,—сказала она.— Я ежедневно посылаю архитектору ужинъ. Сегодня онъ будетъ втрое обильнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Превосходно!

— Ну, такъ прощай.

— Прощай! Мы увидимся такъ скоро, какъ только позволятъ боги и императоръ.

Когда префектъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія, на морѣ не было видно корабля съ серебряною звѣздою на носу.

Солнце медленно зашло, но судно съ тремя красными фонарями все еще не показывалось на горизонтѣ.

Тиціанъ зашелъ отдохнуть въ домикъ смотрителя гавани и сообщилъ ему, что выѣхалъ встрѣтить ожидаемаго изъ Рима знаменитаго архитектора, который долженъ помочь Понтію своими совѣтами при работахъ на Лохіи. Хозяинъ нашелъ честь, оказываемую префектомъ чужестранному художнику, вполнѣ понятной,—весь городъ уже зналъ, съ какой неслыханною поспѣшностью и съ какими страшными затратами отдѣлывается для пріема кесаря старый Птолемеевскій дворецъ.

Ожидая появленія корабля, префектъ размышлялъ о молодомъ ваятелѣ Поллуксѣ, съ которымъ онъ недавно познакомился, и объ его матери въ уютномъ, миловидномъ домикѣ привратника.

Съ свойственнымъ ему добродушіемъ онъ немедленно отправилъ одного изъ своихъ ликторовъ къ старой Доридѣ и велѣлъ просить ее подождать ложиться на покой, потому что онъ, префектъ, прибудетъ на Лохію только поздно вечеромъ или можетъ-быть ночью.

— Скажи этой старушкѣ,—конечно отъ себя, а не отъ меня,—приказывалъ Тиціанъ,—что я можетъ-быть зайду и къ ней. Пусть она уберетъ свою комнатку и получше ее освѣтитъ.

На Лохіи никто и не подозрѣвалъ, какая честь предстояла старинному дворцу.

Послѣ того, какъ Веръ, жена его и Бальбилла покинули дворецъ, ваятель Поллуксъ съ новымъ рвеніемъ принялся за дѣло. Проработавъ болѣе часа, онъ вышелъ изъ своей каморки, лѣ-

ниво потянулся и крикнулъ Понтію, стоявшему на подмосткахъ на другомъ концѣ залы:

— Мнѣ надо либо отдохнуть, либо приняться за что-нибудь новое. И то и другое одинаково спасаетъ меня отъ утомленія. Не то же ли бываетъ и съ тобою?

— Совершенно то же,—отозвался архитекторъ, продолжая раздавать приказанія рабамъ, которые ставили новую капитель въ коринѳскомъ стилѣ на мѣсто старой, развалившейся отъ времени.

— Не отрывайся отъ своего дѣла, — снова крикнулъ ему Поллуксъ.—Я только попрошу тебя сказать моему хозяину Паппію, когда онъ придетъ сюда съ антикваріемъ Габиніемъ, что они найдутъ меня на площадкѣ, которую мы осматривали съ тобою вчера. Я иду ставить новую голову на торсъ Вероники. Мой подмастерье уже давно долженъ былъ бы покончить съ приготовительными работами, но этотъ молодецъ родился на свѣтъ лѣвшой, и такъ какъ онъ вѣчно прищуриваетъ одинъ глазъ, то все прямое кажется ему косымъ и, наоборотъ, все косое, по законамъ оптики, кажется ему прямымъ. Деревянный штифтъ, на которомъ должна держаться новая голова, онъ навѣрное ухитрился укрѣпить въ шеѣ какъ-нибудь криво; а такъ какъ ни одинъ историкъ не сообщаетъ, чтобы Вероника когда-либо держала голову на бокъ,—какъ вотъ этотъ маляръ за тобой, — то мнѣ придется взяться за дѣло самому. Черезъ полчаса, надѣюсь, мудрая царица перестанетъ принадлежать къ безголовымъ женщинамъ.

— Откуда у тебя новая головка?—спросилъ Понтій.

— Изъ тайнаго архива моихъ статистическихъ воспоминаній,—отвѣчалъ Поллуксъ.—Ты ее видѣлъ?

— Да.

— И она тебѣ нравится?

— Очень даже.

— Въ такомъ случаѣ она достойна жизни,—весело проговорилъ Поллуксъ, оставляя залу. При этомъ онъ послалъ архитектору привѣтствіе лѣвою рукой, а правою заткнулъ себѣ за ухо вѣточку гвоздики, сломленную имъ поутру на одномъ изъ оконъ сторожки.

На площадкѣ ученикъ его лучше исполнилъ свою задачу, чѣмъ можно было ожидать; но Поллуксъ остался совершенно недоволенъ своими собственными распоряженіями. Головка, предназначенная для Вероники, какъ и многіе другіе бюсты, стоявшіе

на той же сторонѣ террасы, должна была стоять задомъ къ балкону дворцоваго управителя, а между тѣмъ ваятель для того только и рѣшился разстаться съ дорогимъ для него произведеніемъ, чтобы подруга его дѣтства могла во всякое время любоваться вѣрно схваченными чертами своей покойной матери.

Къ счастію, онъ нашелъ, что бюсты не укрѣплены на высокихъ пьедесталахъ, а держатся на нихъ только собственной своею тяжестью, и потому рѣшился, нарушивъ историческій порядокъ царицъ, предпринять нѣкоторое перемѣщеніе и поставить спиною къ дому знаменитую Клеопатру, такъ чтобы головка Селениной матери могла быть обращена къ нему лицомъ.

Чтобы тотчасъ же привести въ исполненіе свое намѣреніе, онъ позвалъ нѣсколько рабовъ, которые и принялись вмѣстѣ съ нимъ за перестановку бюстовъ.

Дружные крики и громкій говоръ ихъ, равно какъ повелительный голосъ ваятеля, раздавшіеся на этомъ давно никѣмъ не посѣщаемомъ мѣстѣ, не замедлили привлечь молоденькую зрительницу, которая уже разъ незадолго передъ тѣмъ показалась было на балконѣ управительскаго жилища, но скоро исчезла, увидавъ чумазую, сплошь покрытую гипсовыми пятнами фигуру рабочаго.

На этотъ разъ она осталась однако на балконѣ и съ любопытствомъ слѣдила за каждымъ движеніемъ Поллукса, лица котораго она разглядѣть не могла, такъ какъ, руководя рабочими, онъ все время поворачивался къ ней спиной.

Наконецъ головка была поставлена и укрѣплена на предназначенномъ для нея мѣстѣ. Холщовое покрывало защищало ее отъ порчи при перемѣщеніи и скрывало отъ глазъ.

Радостно вздохнувъ, художникъ повернулся съ довольнымъ видомъ къ жилищу управителя; въ ту же минуту съ балкона послышался звонкій, веселый голосъ дѣвушки:

— Длинновязый Поллуксъ!... Въ самомъ дѣлѣ, это длинновязый Поллуксъ!... Какъ я рада!

Съ этими словами дѣвушка громко захлопала въ ладоши.

— А ты, ты—маленькая Арсиноя!—крикнулъ ей въ свою очередь обрадованный ваятель. — Вѣчные боги! что сталось съ этимъ крошечнымъ созданіемъ!...

— Я еще и не думаю переставать расти,—со смѣхомъ отвѣчала дочь дворцоваго управителя, поднимаясь на цыпочки, чтобы казаться какъ можно выше, и ласково кивая ему своей

хорошенькою головкой. — Но какой теперь у тебя-то почтенный видъ, съ густою бородой и этимъ орлинымъ носомъ!... Селена только сегодня сказала мнѣ, что и ты хозяйничаешь тутъ во дворцѣ вмѣстѣ съ другими.

Глаза художника, будто прикованные, слѣдовали за каждымъ жестомъ дѣвушки.

Есть поэтическія натуры, въ воображеніи которыхъ все необыкновенное, что имъ случается видѣть или переживать, немедленно слагается въ художественный разсказъ или выливается въ рядъ гармоническихъ стиховъ; такъ точно и Поллуксъ не могъ встрѣтить прекраснаго человѣческаго образа безъ того, чтобы тотчасъ же не привести его въ связь съ тѣмъ искусствомъ, которому онъ посвятилъ свои творческія силы.

«Какъ есть Галатея, и прелесть какая Галатея, — думалъ онъ, не сводя очарованнаго взгляда съ фигуры и личика Арсиноп.—Будто она только-что вышла изъ морскихъ волнъ,—такою свѣжестью, радостью и здоровьемъ дышетъ этотъ образъ передо мною. А эти маленькіе локоны?... Какъ плавно развѣваются они на воздухѣ, будто еще плывутъ на поверхности воды. Вотъ она съ ласковымъ привѣтствіемъ наклоняется впередъ. Какъ округленно, какъ изящно каждое движеніе! Кажется, что это—дочь Нерея, ласкаясь, прижимается къ могучей волнѣ, которая то высоко поднимается къ небу, то глубоко опускается въ морскую бездну. Формою головы и греческими чертами лица она похожа на Селену и на мать, но старшая сестра напоминаетъ образъ Прометея до роковаго похищенія, а Арсиноя — образъ того же героя, но когда священное пламя уже разлилось по его жиламъ».

Все это художникъ продумалъ и прочувствовалъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, но дѣвушкѣ молчаніе ея нѣмаго поклонника показалось невыносимо-долгимъ и скучнымъ.

— Ты даже не поздоровался со мною, какъ слѣдуетъ! —нетерпѣливо закричала она.—Что ты тамъ дѣлаешь внизу?

— А вотъ посмотри,—отозвался онъ и сдернулъ холщовое покрывало, скрывавшее его удачное произведеніе.

Арсиноя всѣмъ корпусомъ перекинулась черезъ перила балкона, заслонила отъ свѣта рукою глаза и болѣе минуты ничего не отвѣчала.

Потомъ она внезапно выпрямилась и съ крикомъ: «матушка, матушка!»—опрометью бросилась во внутренность дома.

«Ну, теперь она призоветъ отца и испортитъ Селенѣ ея радость», — подумалъ Поллуксъ, окончательно устанавливая на мѣсто тяжелый мраморъ, увѣнчанный новой гипсовою головкой. Впрочемъ, пусть онъ себѣ приходитъ. Теперь *мы* здѣсь хозяева и врядъ ли Керавнъ осмѣлится прикоснуться къ собственности императора.

Скрестивъ руки на могучей груди, онъ остановился въ раздумьи противъ бюста.

«Пестрота, жалкая пестрота!—бормоталъ онъ тихо.—Мы не творимъ тутъ, а штопаемъ, стараясь изъ разныхъ тряпокъ смастерить платье для императора. Еслибъ это было не для Адріана, еслибы Діотима и дѣти ея не нуждались въ деньгахъ, я бы и пальцемъ не двинулъ здѣсь болѣе».

Чтобы достигнуть отъ жилища управителя до площадки, на которой стоялъ ваятель, нужно было миновать нѣсколько переходовъ и два или три раза спускаться внизъ по лѣстницамъ, и все-таки прошло немного болѣе минуты съ тѣхъ поръ, какъ Арсиноя исчезла съ балкона, до того мгновенія, какъ она уже появилась подлѣ Поллукса.

Взволнованная, съ раскраснѣвшимися щеками, тихо отстранила она ваятеля и стала на то мѣсто, которое онъ занималъ, чтобы получше наглядѣться на любимыя черты.

«Матушка, матушка!» — воскликнула она, и тихія, свѣтлыя слезы текли по ея щекамъ, и она позабыла и о художникѣ, и о присутствіи мастеровыхъ и рабовъ, которые толпились вокругъ и глядѣли на нее съ недоумѣніемъ и страхомъ, будто на одержимую бѣсомъ.

Поллуксъ молча отступилъ на нѣсколько шаговъ. Онъ былъ растроганъ до глубины души, видя потоки слезъ, которыя текли по щекамъ недавно веселаго ребенка, и невольно подумалъ, что стоитъ еще быть добрымъ, если можно заслужить за это такую теплую, долговѣчную любовь, какую заслужила эта бѣдная покойная женщина на мраморномъ пьедесталѣ.

Долго стояла Арсиноя, какъ бы въ экстазѣ, передъ его произведеніемъ.

— Ты это сдѣлалъ? — спросила она, наконецъ, приходя въ себя и обращаясь къ Поллуксу.

— Да,—отвѣчалъ онъ, опуская глаза.

— И совершенно по памяти?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ знаешь, что я тебѣ скажу?

— Ну?

— А то, что ясновидящая на праздникѣ Адониса была права, когда пѣла въ Ялемѣ, что половину работы художника выполняютъ боги.

— Арсиноя! — воскликнулъ Поллуксъ, почувствовавъ при этихъ словахъ, будто жаркій ключъ ударилъ ему въ сердце, и съ благодарнымъ взглядомъ схвативъ ея маленькую руку. Она быстро отдернула ее, потому что на балконѣ показалась сестра ея Селена, звавшая ее по имени.

Хотя Поллуксъ, ставя свое произведеніе на этомъ мѣстѣ, имѣлъ въ виду не Арсиною, а именно старшую подругу своего дѣтства, тѣмъ не менѣе появленіе ея въ эту минуту подѣйствовало охлаждающимъ и непріятнымъ образомъ на его взволнованную душу.

— Вотъ изображеніе твоей матери,—обратился онъ къ Селенѣ поясняющимъ тономъ, указывая на бюстъ.

— Вижу,—холодно отвѣтила она.—Послѣ я взгляну на него поближе... Иди же скорѣй, Арсиноя,—отецъ желаетъ съ тобою говорить!

Поллуксъ снова остался одинъ.

Селена, возвращаясь въ комнату отца, грустно покачала блѣднолицей головой и тихо прошептала:

«Это предназначалось для меня, какъ говорилъ Поллуксъ... Разъ въ жизни что-нибудь для меня, но и эта радость испорчена».

Глава девятая.

Дворцовый управитель, къ которому Селена призвала младшую сестру свою Арсиною, только-что возвратился изъ собранія гражданъ. Старый черный рабъ, всегда сопутствовавшій ему, снялъ съ его плечъ шафранно-желтый паллій, а съ головы золотой обручъ, которымъ господинъ его украшалъ внѣ дома свои завитые волосы.

Керавнъ казался сильно разгорѣченнымъ, глаза его были еще болѣе на выкатѣ, чѣмъ обыкновенно, и крупныя капли пота блестѣли у него на лбу.

На ласковое привѣтствіе Арсинои онъ машинально отвѣтилъ двумя-тремя словами и, прежде чѣмъ сообщить дочерямъ важ-

ную новость, о которой намѣревался имъ говорить, онъ нѣкоторое время молча прохаживался передъ ними взадъ и впередъ, надувая при этомъ свои и безъ того полныя щеки и скрестивъ руки на груди.

Селена начинала тревожиться, а личико Арсинои все болѣе выражало нетерпѣніе.

— Слышали вы, — началъ онъ наконецъ, — о блестящихъ торжествахъ, которыя готовятся въ честь кесаря?

Селена утвердительно кивнула головой.

— Еще бы! — воскликнула ея сестра. — Ты досталъ намъ мѣста на скамьяхъ совѣта и мы все это увидимъ?

— Не перебивай меня! — сердито остановилъ ее отецъ. — Дѣло не въ томъ, чтобы вы что-нибудь видѣли. Всѣ граждане получили приглашеніе позволить дочерямъ своимъ принять участіе въ предполагаемыхъ торжествахъ и желающіе должны объявить поэтому, сколько дѣвушекъ имѣется у каждаго въ домѣ.

— Мы будемъ участвовать въ театральныхъ представленіяхъ?! — спросила Арсиноя и радостно захлопала въ ладоши.

— Я хотѣлъ удалиться прежде, чѣмъ послѣдовало это приглашеніе, но корабельный мастеръ Трифонъ, у котораго мастерская тамъ внизу, подлѣ императорской гавани, объявилъ собранію, что, по словамъ его сыновей, у меня двѣ красавицы дочери. Откуда они это знаютъ?

При этихъ послѣднихъ словахъ сѣдыя брови управителя высоко поднялись вверхъ и лицо его покраснѣло по самый лобъ.

Селена только пожала плечами.

— Верфь Трифона, — сказала Арсиноя, — лежитъ тамъ внизу и намъ часто приходилось проходить мимо нея, но ни его самого, ни его сыновей мы не знаемъ. Развѣ ты ихъ видала, Селена?... Во всякомъ случаѣ, съ ихъ стороны очень любезно, что они называютъ насъ красавицами.

— Никто не смѣетъ заниматься вашей наружностью, кто не проситъ васъ у меня въ жены себѣ! — сердито отвѣчалъ Керавнъ.

— Что же ты отвѣтилъ Трифону? — спросила Селена.

— Я сдѣлалъ то, что мнѣ предписывалъ долгъ. Вашъ отецъ управляетъ дворцомъ, который, какъ тамъ ни говори, принадлежитъ императору и Римскому государству; я буду принимать Адріана, какъ гостя, въ этомъ жилищѣ моихъ отцовъ и потому менѣе другихъ гражданъ могу отказаться отъ участія

въ тѣхъ ночестяхъ, которыя постановилъ оказать ему городской совѣтъ.

— Значитъ, мы можетъ?— спросила Арсиноя, приближаясь къ отцу, чтобы приласкаться къ нему.

Но Керавнъ не былъ на этотъ разъ расположенъ принимать ея ласки.

— Оставь меня! — крикнулъ онъ съ досадой и продолжалъ:—Если Адріанъ меня спроситъ: «гдѣ были твои дочери во время моего чествованія, Керавнъ», и я долженъ буду отвѣчать: ихъ не было между дочерьми благородныхъ гражданъ,—то это оскорбитъ кесаря, къ которому я въ сущности душевно расположенъ. Все это я обдумалъ и потому назвалъ ваши имена и обѣщалъ прислать васъ въ собраніе дѣвушекъ въ большой театръ. Вы встрѣтитесь тамъ съ знатнѣйшими матронами и дочерьми благороднѣйшихъ гражданъ города, и лучшіе живописцы и ваятели опредѣлятъ, къ какому роду представленій всего болѣе подходите вы по своей наружности.

— Но развѣ можемъ мы, отецъ,—воскликнула Селена,—показаться на этомъ собраніи въ нашихъ простыхъ одеждахъ, а откуда же возьмемъ денегъ, чтобы достать себѣ новыя?

— Мы можемъ нарядиться въ чистую бѣлую шерстяную одежду и украсить себя свѣтлыми лентами, и тогда намъ не стыдно будетъ стоять между другими дѣвушками,—увѣряла Арсиноя, становись между сестрою и отцомъ.

— Это не то, что меня озабочиваетъ,—возразилъ управитель.—Для собранія-то вы какъ-нибудь одѣнетесь, а вотъ костюмы, костюмы-то!... Только бѣднѣйшимъ гражданамъ совѣтъ выдаетъ средства на ихъ приготовленіе, но насъ, конечно, унизило бы быть причисленными къ бѣднякамъ. Вы меня понимаете, дѣти?

— Я не буду участвовать въ процессіи, — рѣшительнымъ голосомъ объявила Селена, но Арсиноя перебила ее:

— Быть бѣднымъ неудобно и досадно, но это, конечно, не стыдъ. Знатнѣйшіе римляне древнихъ временъ считали честью умереть бѣдными людьми. Наше македонское происхожденіе у насъ останется, если городъ и заплатитъ за наши костюмы.

— Довольно!—крикнулъ Керавнъ.—Уже не въ первый разъ замѣчаю я въ тебѣ такой низкій, не соотвѣтствующій твоему рожденію, образъ мыслей... Невыгоды бѣдности не позорятъ и благороднаго гражданина, но пользоваться тѣми выгодами, которыя

она предоставляетъ, онъ можетъ только тогда, когда рѣшается забыть свое благородное происхожденіе.

Управителю стоило не малаго труда выразить, и притомъ въ такой формѣ, эту послѣднюю мысль, которая, вполнѣ передавая то, что онъ чувствовалъ, казалась ему однако чужой, хотя онъ и не могъ припомнить, отъ кого онъ ее слышалъ. Со всѣми признаками изнеможенія медленно опустился онъ на подушку дивана, занимавшаго глубокую боковую нишу его обширнаго покоя.

Въ этомъ покоѣ, гласило преданіе, Клеопатра раздѣляла съ Антоніемъ тѣ пиршества, изысканная и неподражаемая утонченность которыхъ услащалась всѣми дарами искусства и остроумія.

Именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь покоился Керавнъ, стояло нѣкогда ложе, на которомъ возлежали во время трапезы знаменитые любовники, и хотя весь полъ этого помѣщенія былъ прекрасной работы, но здѣсь находилась, составленная изъ разноцвѣтныхъ камней, картина, такъ прекрасно и художественно-исполненная, что Керавнъ всегда строго запрещалъ дѣтямъ становиться на нее ногами. Это, конечно, онъ дѣлалъ не столько изъ уваженія къ этому произведенію искусства, сколько потому, что такое запрещеніе передавалось въ родѣ его отъ отца къ сыну. Картина изображала свадьбу Ѳетиды и Пелея. Диванъ покрывалъ только нижній край этой великолѣпной мозаики, украшенной нѣсколькими группами прелестныхъ амуровъ.

Керавнъ приказалъ дочери подать ему кубокъ вина, но она предварительно сильно разбавила виноградный сокъ водою.

Всячески выражая свое отвращеніе, Керавнъ отпилъ до половины разбавленное содержимое бокала.

— Хотите ли вы знать,—сказалъ онъ затѣмъ,—сколько будетъ стоить каждый изъ вашихъ нарядовъ, если мы не пожелаемъ оставаться слишкомъ далеко позади другихъ?

— Сколько же?—боязливо спросила Арсиноя.

— Портной Филинъ, работающій для театра, говоритъ, что менѣе чѣмъ на семьсотъ драхмъ невозможно получить ничего порядочнаго.

— Ну, вотъ! Ты же не думаешь серьезно о такой безумной тратѣ!—воскликнула Селена.—У насъ нѣтъ ничего, и я желала бы знать, кто согласится намъ дать взаймы!...

Младшая дочь управителя озадаченно смотрѣла на кончики своихъ пальцевъ и молчала; но глаза ея, наполнившіеся слезами, выдавали то, что она чувствовала въ эту минуту.

Керавнъ былъ обрадованъ молчаливымъ согласіемъ, которое Арсиноя, казалось, выражала на его желаніе во что бы то ни стало дать ей возможность участвовать въ торжествѣ. Онъ даже позабылъ, что только-что онъ упрекалъ ее въ недостойномъ образѣ мыслей.

— Малютка моя всегда чувствуетъ именно то, что должно,— сказалъ онъ.—Тебѣ же, Селена, я серьезно совѣтую подумать, что я—твой отецъ и что я запрещаю тебѣ принимать со мною наставительный тонъ. Ты къ нему привыкла въ твоемъ обращеніи съ дѣтьми и можешь продолжать употреблять его съ ними. Тысяча четыреста драхмъ кажутся съ перваго взгляда значительною суммой, но если матерію и разныя украшенія, которыя вамъ понадобятся, купить умѣло и осмотрительно, то все это можно будетъ, вѣроятно, послѣ празднествъ продать опять и даже съ выгодой.

— Съ выгодой!—горько усмѣхнулась Селена. — Даже половины не платятъ за старыя вещи, а иногда не даютъ и четверти... Нѣтъ, хоть выгони меня изъ дома, но я не стану помогать еще болѣе толкать насъ въ бездну нищеты,—я не приму участія въ этихъ представленіяхъ.

Кровь не прилила на этотъ разъ къ головѣ управителя, онъ не разсердился, а напротивъ спокойно и даже отчасти съ довольнымъ видомъ поднялъ свой взглядъ на дочерей, какъ бы сравнивая ихъ между собою. Онъ по-своему любилъ каждую: Селену,—какъ свое умное, Арсиною же какъ свое прекрасное дитя, а здѣсь въ сущности дѣло заключалось для него только въ томъ, чтобъ удовлетворить своему тщеславію. Эта цѣль могла быть достигнута и при помощи одной его младшей дочери.

— Ну, въ такомъ случаѣ оставайся, пожалуй, съ дѣтьми,— сказалъ онъ Селенѣ. — Мы извинимся за тебя, сославшись на слабость твоего здоровья, и, дѣйствительно, ты ужасъ какъ блѣдна сегодня. Къ тому же для одной Арсинои я скорѣе достану средства.

На щекахъ младшей дочери Керавна снова появились двѣ прелестныя ямочки, но щеки Селены были такъ же безкровны, какъ ея блѣдныя губы.

— Отецъ, отецъ!—умоляющимъ голосомъ заговорила она,—ни хлѣбопекъ, ни мясникъ вотъ уже два мѣсяца не получаютъ отъ насъ ни одной сестерціи, а ты хочешь бросить на вѣтеръ сразу семьсотъ драхмъ!

— Бросить на вѣтеръ?—въ негодованіи проговорилъ Керавнъ, впрочемъ довольно покойнымъ голосомъ. — Селена! я еще разъ запрещаю тебѣ говорить такъ со мною... Самые богатые молодые граждане участвуютъ въ зрѣлищахъ; Арсиноя красива и, кто знаетъ, можетъ-быть одинъ изъ нихъ изберетъ ее себѣ въ супруги. Развѣ это называется бросать деньги на вѣтеръ, когда отецъ старается для своего ребенка отыскать достойнаго супруга?... Да много ли ты, наконецъ, знаешь о томъ, что у меня есть?...

— У насъ нѣтъ ровно ничего, поэтому я, конечно, ничего не могу знать объ этомъ!—воскликнула дѣвушка внѣ себя отъ волненія.

— Ты думаешь? — протяжно и многозначительно улыбаясь произнесъ Керавнъ.—А это по-твоему ничего не стоитъ, что лежитъ тамъ въ шкапу и стоитъ на каминѣ?... Изъ любви къ вамъ я соглашусь разстаться съ этимъ богатствомъ. Конечно, ониксовая пряжка, кольца, золотой обручъ и поясъ...

— Все это изъ позолоченнаго серебра, — безжалостно перебила его Селена. — Настоящее золото нашего дѣда ты продалъ послѣ смерти матери.

— Надо же было сжечь ее и похоронить соотвѣтственно нашему достоинству,—возразилъ Керавнъ.—Но теперь я не желаю думать объ этихъ печальныхъ дняхъ.

— Тебѣ слѣдуетъ подумать о нихъ, отецъ!

— Молчи!... То, что относится къ моему наряду, я, понятно, отдать не могу, потому что я долженъ явиться къ императору въ своемъ настоящемъ видѣ; но подумай, сколько дадутъ за этого маленькаго бронзоваго амура, за этотъ кубокъ Плутарха, такъ искусно вырѣзанный изъ слоновой кости, а главное—за эту картину?... Ея прежній владѣлецъ былъ твердо увѣренъ, что она нарисована здѣсь, въ Александріи, самимъ Ахиллесомъ. Вы сейчасъ узнаете, что стоятъ всѣ эти маленькія вещицы,—какъ будто сами боги все устроили къ лучшему: возвращаясь домой, я встрѣтилъ здѣсь во дворцѣ антикварія Габинія изъ Никеи. Онъ обѣщался, покончивъ свои дѣла съ архитекторомъ, зайти ко мнѣ, осмотрѣть мои сокровища и купить на чистыя денежки то, что ему пригодится. Если мой «Апеллесъ» ему по-

нравится, онъ дастъ за него одного десять талантовъ; да если онъ даже заплатитъ за него только половину или десятую часть этой суммы, то я все-таки заставлю тебя, Селена, хоть разъ въ жизни разрѣшить себѣ маленькое удовольствіе.

— Увидимъ,—отвѣчала блѣдная дѣвушка, пожимая плечами.

— Покажи ему и мечъ, который, какъ ты разсказываешь, принадлежалъ Антонію, — воскликнула Арсиноя, — и если онъ дастъ тебѣ за него хорошія деньги, ты купишь мнѣ золотой браслетъ.

— Да, и совершенно такой же Селенѣ. Впрочемъ, на мечъ я возлагаю самыя ничтожныя надежды, потому что знатокъ едва ли признаетъ его за настоящій... Но у меня имѣются еще другія, совсѣмъ другія вещи. Тише!... Это должно-быть Габиній. Скорѣй, Селена, накинь мнѣ опять на плечи хитонъ. Мой обручъ, Арсиноя! Состоятельному человѣку всегда предлагаютъ лучшія цѣны, чѣмъ бѣдному. Я приказалъ рабу дожидаться купца въ передней,—такъ всегда дѣлается во всякомъ порядочномъ домѣ.

Антикварій былъ маленькій, худощавый человѣкъ, который, благодаря своему лукавству и счастью, добился весьма почетнаго положенія среди своихъ товарищей по профессіи и нажилъ себѣ значительное состояніе. Прилежаніе и навыкъ выработали изъ него знатока и никто не былъ въ состояніи лучше его отличить дѣйствительно прекрасное отъ посредственнаго и плохаго, настоящее отъ поддѣльнаго. Трудно было найти болѣе вѣрный въ этомъ отношеніи глазъ, но Габиній былъ грубъ въ обращеніи со всякимъ, отъ кого ему нечего было ожидать. Конечно, тамъ, гдѣ въ виду имѣлся барышъ, онъ могъ дѣлаться учтивымъ до низкопоклонства и проявлять непреодолимое терпѣніе.

На этотъ разъ онъ долго съ любезнымъ вниманіемъ выслушивалъ управителя, пока тотъ съ важностью увѣрялъ его, что всѣ эти бездѣлушки успѣли уже ему надоѣсть и что ему безразлично, сохранять ли ихъ у себя, или передать кому-либо другому. Во всякомъ случаѣ,—говорилъ онъ,—ему доставитъ удовольствіе показать ихъ такому знатоку, какъ Габинію, и онъ даже охотно разстанется съ этимъ мертвымъ капиталомъ, если ему предложатъ за него порядочную сумму. Одинъ предметъ за другимъ проходилъ черезъ привычныя руки знатока и ставился предъ нимъ на столъ, чтобъ онъ могъ разглядѣть каждую вещь со всѣхъ сторонъ.

Антикварій былъ очень молчаливъ и только качалъ головой, осматривая и взвѣшивая подаваемыя ему вещи. Всѣ отвѣтъ на разсказы Керавна о происхожденіи той или другой вещи онъ ограничивался двумя-тремя словами въ родѣ: «Да?» «Ты думаешь?» «Неужели?»

— Ну, что же ты скажешь? — спросилъ управитель послѣ того, какъ послѣдняя изъ вещей его побывала въ рукахъ купца.

Начало этой фразы было сказано самоувѣренно, конецъ же былъ произнесенъ почти испуганно, потому что Габиній только улыбнулся и снова покачалъ головой.

— Тутъ есть миленькія вещицы,—сказалъ онъ,—но ничего такого, о чемъ стоило бы говорить. Я совѣтую тебѣ оставить ихъ у себя,—тебѣ онѣ дороги, а мнѣ мало разсчета ихъ покупать.

Керавнъ не рѣшался взглянуть на Селену, которая не отрывала своихъ исполненныхъ боязни глазъ отъ устъ купца; Арсиноя, не менѣе внимательно слѣдившая за его движеніями, не упала духомъ при отвѣтѣ Габинія.

— И эта картина также не имѣетъ никакой цѣны?—спросила она, указывая пальцемъ на отцовскаго «Апеллеса».

— Очень жаль, что я долженъ увѣрить такую прелестную дѣвочку въ томъ, что и картина ничего не стóитъ,—возразилъ торговецъ, поглаживая свою сѣдую, курчавую бородку.—Къ несчастію, мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ очень слабой копіей. Оригиналъ находится въ виллѣ Плинія на Лариссномъ озерѣ, которую владѣлецъ называетъ котурномъ. Копія же эта для меня положительно непригодна.

— А этотъ рѣзной кубокъ?—спросилъ Керавнъ.—Онъ нѣкогда принадлежалъ Плутарху,—это я могу доказать,—и былъ, говорятъ, подаренъ ему императоромъ Траяномъ.

— Это, дѣйствительно, самая хорошенькая вещь изо всей коллекціи,—отвѣчалъ Габиній,—но болѣе четырехъ сотъ драхмъ она, конечно, не стоитъ.

— Ну, а этотъ кипрскій цилиндръ съ такою прекрасною гравировкой?

Управитель взялъ со стола гладко-отшлифованный хрусталь, но руки его до такой степени дрожали отъ волненія, что онъ, не успѣвъ подать его антикварію, уронилъ его на полъ. Со звономъ покатился онъ по полу и по гладкой мозаической картинѣ до самаго дивана.

Керавнъ собирался уже нагнуться, чтобы поднять свою драгоцѣнность, но обѣ дочери удержали его.

— Отецъ, не дѣлай этого! — воскликнула Селена. — Врачъ строго запретилъ тебѣ наклоняться.

Пока управитель ворча старался оттолкнуть отъ себя дѣвушекъ, торговецъ уже опустился на одно колѣно, чтобы поднять цилиндръ. Но этому прекрасно-сложенному, худощавому человѣку, казалось, было гораздо легче нагнуться и опуститься на полъ, чѣмъ подняться съ него, потому что прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ снова всталъ на ноги передъ Керавномъ.

Черты его приняли сосредоточенное выраженіе, онъ снова взялъ, приписываемое Апеллесу, произведеніе, усѣлся съ нимъ на диванъ и, казалось, совершенно погрузился въ созерцаніе этой картины, скрывавшей лицо его отъ трехъ присутствовавшихъ. Но его нисколько не занимало то, что онъ держалъ въ рукахъ,—взоръ его былъ устремленъ на лежавшую у ногъ его свадьбу Ѳетиды и Пелея, въ которой онъ все болѣе и болѣе открывалъ новыя и неоцѣнимыя достоинства.

Пока Антикварій въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ сидѣлъ, повидимому занятый картиной мнимаго Апеллеса, лицо Керавна нѣсколько оживилось, Селена вздохнула свободнѣе, а Арсиноя, приблизившись къ управителю и взявши его за руку, тихо шепнула ему на ухо.

— Не отдавай ему своего Апеллеса дешево и не забывай о моемъ браслетѣ.

Наконецъ Габиній всталъ, оглядѣлъ стоявшіе передъ нимъ на столѣ предметы и сказалъ гораздо короче и болѣе дѣловымъ тономъ, чѣмъ прежде:

— За всѣ эти вещи я могу предложить тебѣ,—позволь... двадцать, семьдесятъ, четыреста, четыреста пятьдесятъ,—я могу предложить тебѣ шестьсотъ пятьдесятъ драхмъ и ни одной сестерціи болѣе.

— Ты шутишь?—воскликнулъ Керавнъ.

— Ни одной сестерціи болѣе,—спокойно повторилъ тотъ.— Нажить при этомъ я ничего не хочу, но не хочу также и покупать съ вѣрнымъ разсчетомъ на убытокъ. Я думаю, тебѣ это, какъ разсудительному и справедливому человѣку, совершенно понятно. Что же касается до Апеллеса...

— Ну?

— Что касается до Апеллеса, то онъ еще, пожалуй, могъ бы представить для меня нѣкоторую цѣнность, но только при нѣкоторыхъ условіяхъ. Тутъ дѣло совершенно особаго рода. Вы, прелестныя дѣвушки, хорошо знаете, что самое ремесло мое научаетъ меня цѣнить все прекрасное, тѣмъ не менѣе мнѣ приходится попросить васъ оставить меня на нѣкоторое время съ вашимъ отцомъ наединѣ. Намъ нужно поговорить съ нимъ объ этой картинѣ.

Керавнъ сдѣлалъ знакъ своимъ дочерямъ и онѣ немедленно удалились.

Прежде чѣмъ дверь за ними затворилась, торговецъ крикнулъ имъ въ слѣдъ:

— Уже смеркается,—не могу ли я попросить васъ прислать намъ съ рабомъ лампу, которая бы горѣла какъ можно ярче.

— Что-жь ты находишь въ картинѣ?—спросилъ Керавнъ.

— Давай, пока не принесутъ огня, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ,—предложилъ Габиній.

— Ну, такъ присядь сюда на подушки,—сказалъ Керавнъ:— ты сдѣлаешь этимъ удовольствіе мнѣ, а можетъ-быть и самъ получишь его.

Они усѣлись на диванъ.

— Такія миленькія вещицы,—началъ Габиній,— которыя собирались такъ заботливо и съ такою любовью, не охотно выпускаются изъ рукъ,—я знаю это по долгому опыту. Многіе, продавшіе мнѣ свои маленькія древности, разбогатѣвъ потомъ, предлагали мнѣ за нихъ часто вдесятеро дороже, чѣмъ получили за нихъ сами, лишь бы имѣть ихъ опять у себя, но, къ сожалѣнію, совершенно напрасно. Что вѣрно относительно другихъ, то вѣрно и относительно тебя. Еслибы ты въ эту минуту не нуждался въ деньгахъ, то врядъ ли бы предложилъ мнѣ купить эти вещи.

— Я долженъ просить тебя,—прервалъ было Керавнъ антикварія, но тотъ въ свою очередь перебилъ его:

— Даже богачи имѣютъ иногда недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ; этого никто не знаетъ лучше меня, у котораго,— я долженъ въ этомъ сознаться,—имѣются въ распоряженіи довольно значительныя суммы. Именно теперь мнѣ было бы легко вывести тебя изъ затруднительнаго положенія.

— Вотъ мой Апеллесъ, — поспѣшилъ вставить свое слово управитель.—Онъ принадлежитъ тебѣ, если только мы сойдемся въ условіяхъ.

— Вотъ наконецъ и огонь!—воскликнулъ Габиній, увидавъ стараго раба съ трехсвѣтною лампой, которую Селена наскоро снабдила новою свѣтильней.

— Ты позволишь?—пробормоталъ онъ, обращаясь къ Керавну и, не дожидаясь отвѣта, поставилъ лампу посреди́нѣ мозаической картины.

Управитель озадаченно и вопросительно посмотрѣлъ на странаго человѣка, но Габиній уже не обращалъ на него вниманія. Снова опустившись на колѣни, онъ ощупывалъ руками мозаику и пожиралъ глазами превосходное изображеніе Пелеевой свадьбы.

— Ты что-нибудь потерялъ?—спросилъ его Керавнъ.

— Нѣтъ, ничего. Вотъ... здѣсь, въ углу... Ну, теперь я узнаю... Довольно... Могу я поставить лампу на столъ? Такъ?... А теперь вернемся къ нашему дѣлу.

— Съ большимъ удовольствіемъ! Но имѣй въ виду, что дѣло идетъ теперь не о драхмахъ, а о цѣлыхъ аттическихъ талантахъ.

— Само собою разумѣется, и я предлагаю тебѣ пять такихъ талантовъ, т.-е. сумму, на которую ты во многихъ кварталахъ города можешь купить себѣ хорошенькій помѣстительный домъ.

На этотъ разъ кровь снова прилила къ головѣ управителя. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ не могъ выговорить ни одного слова,—такъ сильно билось у него сердце. Наконецъ, онъ настолько овладѣлъ собою, что, рѣшившись про себя не выпускать на этотъ разъ счастія изъ рукъ и не продешевить свой товаръ, твердымъ голосомъ произнесъ:

— Пять талантовъ—цѣна невозможная. Предлагай больше.

— Ну, скажемъ шесть.

— Если дашь теперь вдвое болѣе, то мы сойдемся.

— Болѣе десяти талантовъ я ни въ какомъ случаѣ дать тебѣ не могу. На эти деньги можно выстроить себѣ маленькій дворецъ.

— Я остаюсь при двѣнадцати.

— Ну, что дѣлать, будь по-твоему, но ни сестерціи болѣе.

— Мнѣ трудно разстаться съ этимъ благороднымъ произведеніемъ искусства,—со вздохомъ проговорилъ Керавнъ,—но я согласенъ и уступаю тебѣ моего Апеллеса.

— Дѣло идетъ вовсе не объ этой доскѣ, которая не имѣетъ почти никакой цѣнности,—ею ты можешь наслаждаться и впредь,—возразилъ торговецъ:—я покупаю другое художественное произ-

веденіе въ этой комнатѣ, до сихъ поръ казавшееся тебѣ едва достойнымъ вниманія. Я его открылъ и у меня есть богатый покупщикъ, который именно ищетъ нѣчто подобное.

— Я тебя не понимаю.

— Все въ этой комнатѣ, я полагаю, принадлежитъ тебѣ?

— А то кому же еще?

— Значитъ, ты всѣмъ, что здѣсь ни находится, можешь распоряжаться?

— Конечно.

— Ну, такъ двѣнадцать аттическихъ талантовъ я предлагаю тебѣ за эту картину подъ нашими ногами.

— За мозаику, за эту мозаику?.. Она принадлежитъ къ дворцу.

— Она принадлежитъ къ твоему жилищу, которое, какъ я слышалъ изъ твоихъ собственныхъ устъ, уже болѣе ста лѣтъ находится во владѣніи твоего рода. Я знаю законъ, который гласитъ, что все, что въ продолженіе ста лѣтъ находилось въ неоспоримомъ владѣніи семейства, становится собственностью этого послѣдняго.

— Эта мозаика принадлежитъ дворцу.

— Я утверждаю противное. Она—принадлежность твоего родоваго жилища и ты свободно можешь ею распоряжаться.

— Она принадлежитъ дворцу.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Ты—ея собственникъ! Завтра утромъ ты получишь двѣнадцать аттическихъ талантовъ золотомъ, а я попозднѣе, съ помощію сына, осторожно выну изъ пола картину, упакую ее и затѣмъ, когда стемнѣетъ, отправлю къ себѣ. Позаботься только о томъ, чтобы припасти коверъ, которымъ мы покроемъ пока пустое мѣсто. Въ томъ, чтобы тайна была тщательно сохранена, я, конечно, такъ же заинтересованъ, какъ и ты, даже болѣе тебя.

— Мозаика принадлежитъ дворцу! — закричалъ управитель на этотъ разъ уже громовымъ голосомъ.—Ты слышишь, она принадлежитъ дворцу, и всякому, кто къ ней прикоснется, я переломаю кости.

Съ этими словами Керавнъ поднялся съ своего мѣста. Онъ задыхался. Щеки и лобъ его были красиѣе вишенъ, а поднятые къ антикварію кулаки дрожали.

Габиній въ испугѣ отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ.

— Ты, значитъ, не желаешь получить мои двѣнадцать талантовъ?—спросилъ онъ.

— Я хочу... я хочу...—хрипѣлъ Керавнъ,—я хочу показать тебѣ, какъ я поступаю съ тѣмъ, кто меня принимаетъ за мошенника... Вонъ, негодяй, и ни слова болѣе ни о картинѣ, ни о кражѣ въ потьмахъ, или я позову на тебя ликторовъ префекта и заставлю заковать тебя въ оковы, гнусный мошенникъ!...

Габиній быстро направился къ двери, но тамъ онъ еще разъ обернулся лицомъ къ стонавшему и задыхавшемуся колоссу и крикнулъ, переступая порогъ:

— Оставь свою рухлядь у себя. Мы еще съ тобой поговоримъ.

Когда Селена и Арсиноя возвратились, онѣ нашли отца съ наклоненною далеко впередъ головою на диванѣ и тяжело дышавшаго.

Въ испугѣ бросились онѣ къ нему, но онъ безъ передышки прокричалъ.

— Воды, глотокъ воды!... Воръ!... Разбойникъ!...

Безъ всякой душевной борьбы отвергнулъ этотъ, тѣснимый нуждою, человѣкъ то, что обѣщало такое свѣтлое, заманчивое будущее ему и его семейству; но въ то же время онъ безъ малѣйшаго колебанія занялъ бы такую же или даже вдвое большую сумму все равно у бѣднаго или у богатаго, прекрасно сознавая, что никогда не будетъ въ состояніи отдать ее.

Онъ нисколько не гордился своимъ поступкомъ, который казался ему только естественнымъ для человѣка благороднаго, македонскаго происхожденія.

Самая мысль о томъ, чтобы согласиться на предложеніе торговца, ему не пришла даже въ голову,—это лежало для него внѣ области возможнаго.

Но откуда было взять ему теперь деньги, необходимыя для костюма Арсинои? Какимъ образомъ сдержать обѣщаніе, данное въ собраніи гражданъ?

Цѣлый часъ размышлялъ онъ объ этомъ, лежа на подушкахъ дивана. Потомъ онъ досталъ изъ ящика навощенную табличку и началъ вырѣзать на ней письмо къ префекту. Онъ хотѣлъ черезъ Тиціана предоставить въ распоряженіе императора превосходную мозаическую картину, находившуюся въ его жилищѣ; но онъ не дописалъ своего посланія, потому что скоро окончательно запутался въ трескучихъ фразахъ. Наконецъ, отчаявшись въ успѣхѣ своего труда, онъ бросилъ въ ящикъ недоконченное письмо и улегся спать.

Глава десятая.

Въ то время, какъ скорбь царила въ квартирѣ управителя и горькое разочарованіе, соединенное со страхомъ за будущее, омрачало души ея обитателей, въ залѣ музъ происходилъ веселый ужинъ и громкій смѣхъ раздавался подъ ея высокими сводами.

Юлія, жена префекта, прислала архитектору на Лохію тщательно приготовленную трапезу, достаточную для удовлетворенія шести голодныхъ желудковъ. Разложивъ присланныя корзины и поставивъ блюдо за блюдомъ на самый просторный изъ находившихся въ залѣ столовъ, рабъ Понтія поспѣшилъ призвать своего господина, чтобы показать ему всѣ эти чудеса кулинарнаго искусства.

— Тиціанъ, очевидно, считаетъ меня за крокодила, или скорѣе за двухъ,—пробормоталъ Понтій, качая головой при видѣ такого изобилія яствъ.

Зайдя за перегородку ваятеля, гдѣ находился въ эту минуту и Паппій, хозяинъ Поллукса, онъ просилъ обоихъ поужинать съ нимъ.

Кромѣ того онъ пригласилъ двухъ живописцевъ и одного наиболѣе выдающагося изъ всѣхъ городскихъ мозаистовъ, которые весь день дѣятельно проработали надъ подновленіемъ старыхъ, потускнѣвшихъ отъ времени, картинъ и надъ исправленіемъ половъ. Скоро за хорошимъ виномъ и веселымъ разговоромъ начали быстро пустѣть блюда, вазы и коробки.

Кто въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ пробовалъ работать головою или руками, или же и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, тотъ знаетъ, что такое голодъ, а художники, созванные Понтіемъ на Лохію, вотъ уже нѣсколько дней трудились до изнеможенія. Всякій старался изо всѣхъ силъ, во-первыхъ, конечно, чтобы сдѣлать удовольствіе любимому всѣми Понтію и удовлетворить свое собственное чувство изящнаго, а во-вторыхъ, чтобы представить императору образчикъ своихъ способностей и показать ему, до чего достигло искусство въ Александріи.

Когда блюда были убраны и насытившіеся собесѣдники омыли и вытерли руки, кубки снова наполнились изъ кувшина, который величиною своей вполнѣ соотвѣтствовалъ сытности съѣденнаго ужина.

Одинъ изъ живописцевъ предложилъ устроить основательную пирушку и избрать распорядителемъ празднества ваятеля Паппія,

который былъ извѣстенъ не только какъ художникъ, но и какъ превосходный застольный ораторъ. Но учитель молодаго Поллукса отказался отъ этой чести, увѣряя, что она должна выпасть на долю достойнѣйшаго изъ нихъ, того, кто вступивъ такъ недавно въ этотъ пустой дворецъ, съумѣлъ, какъ новый Девкаліонъ, не изъ податливаго камня, а прямо изъ ничего вызвать къ жизни немало такихъ благородныхъ художниковъ, какъ присутствующіе, и цѣлыя сотни искусныхъ и опытныхъ рабочихъ. Объясняя затѣмъ, что онъ лучше владѣетъ молоткомъ и рѣзцомъ, нежели языкомъ, и не привыкъ къ произнесенію рѣчей, онъ облекъ свое желаніе видѣть Понтія во главѣ пиршества, именно въ форму торжественной рѣчи.

Но ему не суждено было довести до конца этотъ образчикъ своего ораторскаго искусства,—въ залу музъ поспѣшно вошелъ привратникъ императорскаго дворца, Эвфоріонъ, отецъ молодаго Поллукса, съ письмомъ въ рукахъ, которое онъ немедленно передалъ архитектору.

— Просятъ прочесть сейчасъ же,—сказалъ вошедшій, съ театральною важностью кланяясь художникамъ.—Ликторъ префекта принесъ это,—если только мое желаніе исполнится,—счастливое посланіе... Да замолчите же, проклятыя, или я пришибу васъ на мѣстѣ!

Эти послѣднія слова, плохо гармонировавшія съ началомъ его рѣчи, разсчитанной для слуха великихъ художниковъ, относились къ тремъ четвероногимъ граціямъ его жены, которыя противъ его воли послѣдовали за нимъ и съ лаемъ и визгомъ прыгали теперь вокругъ стола съ незначительными остатками съѣденнаго ужина.

Понтій любилъ животныхъ и успѣлъ уже познакомиться съ собачонками старой Дориды.

— Я приглашаю трехъ маленькихъ гостей на остатки нашего ужина,—сказалъ онъ, открывая письмо префекта. — Накорми ихъ чѣмъ-нибудь, Эвфоріонъ, а то, что ты найдешь болѣе пригоднымъ для собственнаго желудка, пусть достается ему.

Пока архитекторъ, пробѣжавъ уже разъ быстро посланіе, теперь перечитывалъ его внимательнѣе, пѣвецъ наложилъ на тарелку нѣсколько лакомыхъ кусковъ для любимицъ своей жены, а потомъ приблизилъ къ своему орлиному носу послѣдній оставшійся нетронутымъ пирогъ, вмѣстѣ съ блюдомъ, на которомъ онъ лежалъ.

— Это для людей или для собакъ? — спросилъ онъ своего сына, указывая пальцемъ на пирогъ.

— Для боговъ! — отвѣчалъ Поллуксъ. — Отнеси его матери, — она не прочь будетъ отвѣдать разокъ амброзіи.

— Веселаго вечера! — воскликнулъ пѣвецъ, отвѣшивая поклонъ занятымъ осушеніемъ кубковъ художникамъ, и, сопровождаемый собачонками, съ паштетомъ въ рукахъ оставилъ залу.

Едва успѣлъ онъ выйдти, какъ Паппій, потоки краснорѣчія котораго были прерваны приходомъ Эвфоріона, снова поднялъ кубокъ и началъ:

— Итакъ, нашъ Девкаліонъ, нашъ болѣе чѣмъ Девкаліонъ...

— Извини меня, — остановилъ ваятеля Понтій, — если прерву твою рѣчь, начало которой обѣщало такъ много. — Письмо это содержитъ важныя извѣстія и пиръ намъ придется отложить до другаго раза, также какъ и твою застольную рѣчь...

— Это была вовсе не застольная рѣчь, — началъ Паппій, — ибо если разсудительный человѣкъ...

Понтій снова перебилъ его.

— Тиціанъ пишетъ мнѣ, — сказалъ онъ, — что намѣревается побывать на Лохіи сегодня вечеромъ. Каждую минуту онъ можетъ пріѣхать, и не одинъ, а съ моимъ товарищемъ по искусству, Клавдіемъ Венаторомъ, изъ Рима. Это — художникъ, который приглашенъ помочь мнѣ своими совѣтами.

— Я никогда не слыхалъ еще этого имени, — сказалъ Паппій, который мало заботился какъ о личности, такъ и о произведеніяхъ другихъ художниковъ.

— Это очень странно, — возразилъ Понтій, закрывая двойную таблицу, заключавшую извѣстіе, что императоръ пріѣдетъ въ этотъ же день.

— Онъ обладаетъ какимъ-либо талантомъ? — спросилъ Поллуксъ.

— Болѣе всѣхъ насъ, — возразилъ Понтій. — Это замѣчательный человѣкъ.

— Вотъ это прекрасно! — воскликнулъ Поллуксъ. — Я люблю видѣть великихъ людей. Когда встрѣчаешь ихъ взглядъ, кажется, будто часть силы, которою они полны, переходитъ въ насъ, и невольно стараешься вытянуться и думаешь: хорошо было бы когда-нибудь достигнуть хоть до подбородка такого человѣка.

— Къ чему это болѣзненное честолюбіе? — тономъ увѣщанія перебилъ Паппій своего ученика. — Не тотъ достигаетъ величія,

кто поднимается на цыпочки, а кто прилежно исполняетъ свою обязанность.

— Это онъ дѣлаетъ добросовѣстно, — сказалъ архитекторъ, поднимаясь съ мѣста и кладя Поллуксу руку на плечо.—Мы всѣ дѣлаемъ здѣсь свое дѣло. Завтра съ восходомъ солнца будьте каждый на своемъ мѣстѣ. Мнѣ будетъ пріятно предъ моимъ сотоварищемъ, если всѣ вы явитесь во-время.

Художники встали, выражая свою благодарность и сожалѣніе.

— Продолженіе этого вечера остается за тобой! — воскликнулъ одинъ изъ живописцевъ, а Паппій, прощаясь съ Понтіемъ, прибавилъ:

— Когда мы снова сойдемся, я тебѣ покажу, что я понимаю подъ застольною рѣчью. Она можетъ-быть понравится твоему римскому гостю. Мнѣ любопытно знать, что скажетъ онъ о нашей Уранiи. Поллуксъ недурно выполнилъ свою часть работы и я также посвятилъ ей часокъ-другой, которые, кажется, были для нея не безполезны. Чѣмъ проще нашъ матеріалъ, тѣмъ болѣе я буду радъ, если статуя понравится императору,—вѣдь онъ самъ немножко ваятель.

— Вотъ еслибъ Адріанъ это услыхалъ! — замѣтилъ одинъ изъ живописцевъ.—Онъ желаетъ слыть за замѣчательнаго артиста, за перваго художника нашего времени. Говорятъ, что онъ велѣлъ умертвить великаго задчаго Аполлодора, который возвелъ для Траяна такія великолѣпныя зданія. А за что?—За то, что этотъ честный человѣкъ назвалъ когда-то мазней и пачканьемъ работу императора и не захотѣлъ одобрить его плана для храма Венеры въ Римѣ.

— Это — басня! — отвѣтилъ Понтій на такое обвиненіе. — Аполлодоръ дѣйствительно умеръ въ тюрьмѣ, но между его заточеніемъ и сужденіемъ его о талантѣ кесаря очень мало общаго... Однако, извините меня, господа,—мнѣ еще разъ нужно пересмотрѣть чертежи и смѣты.

Архитекторъ удалился, но Поллуксъ продолжалъ завязавшійся разговоръ.

— Я одного не понимаю,—сказалъ онъ,—какъ тотъ, кто занимается въ одно и то же время столькими искусствами, какъ Адріанъ,—тотъ, на комъ лежатъ кромѣ того заботы о государствѣ и управленіи имъ, кто страстно любитъ охоту и возится со всякаго рода ученымъ хламомъ,—какъ такой человѣкъ можетъ сразу созвать въ гнѣздо свои пять чувствъ, летающія у него

въ различныхъ направленіяхъ, въ случаѣ, если онъ пожелаетъ употребить ихъ на занятіе какимъ-либо однимъ, отдѣльнымъ искусствомъ. Голова его должна быть похожа на этотъ хорошенькій, такъ скоро опустошенный нами, салатникъ, въ которомъ Паншій открылъ три рода рыбы, черное и бѣлое мясо, устрицъ и еще пять другихъ составныхъ частей.

— Кто же станетъ отрицать, — перебилъ его Паншій, — что если дарованіе—мать, а прилежаніе—отецъ всякой художественной дѣятельности, то упражненіе должно быть воспитателемъ художника? Съ тѣхъ поръ, какъ Адріанъ занялся ваяніемъ и живописью,—всюду, а также и здѣсь, стало модным заниматься этими искусствами, и между богатыми молодыми людьми, посѣщающими мою мастерскую, у нѣкоторыхъ есть положительный талантъ, но ни одинъ изъ нихъ никогда не произведетъ ничего дѣйствительно прекраснаго, потому что гимназія, бани, игры, пиры и кто ихъ знаетъ, что еще—отнимаютъ у нихъ такъ много времени, что имъ некогда уже заняться серьезно.

— Да,—прибавилъ одинъ изъ живописцевъ,—безъ принужденія и скуки ученическихъ лѣтъ никто не можетъ достигнуть свободнаго и художественнаго творчества. Въ риторской школѣ, на охотѣ и на войнѣ рисовать не учатся. Только тогда, когда ученикъ научился терпѣливо сидѣть на мѣстѣ и трудиться не переставая въ продолженіе шести часовъ, я начинаю вѣрить, что изъ него можетъ выйти нѣчто порядочное. Видѣлъ ли кто изъ васъ какое-нибудь произведеніе кесаря?

— Я видѣлъ, — отвѣчалъ мозаистъ.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по приказанію Адріана, мнѣ была переслана картина, которую онъ написалъ. Я долженъ былъ воспроизвести ее мозаикой. Это былъ завтракъ: дыни, тыквы, яблоки и зеленые листья. Рисунокъ былъ такъ себѣ, колоритъ непозволительно ярокъ, но композиція понравилась мнѣ своей округленностью и полнотой. Лучше, — думаешь, глядя на картину, — такое чрезмѣрное богатство, чѣмъ жалкая нищета. Громадные плоды подъ сочными, черезчуръ яркими листьями имѣли въ себѣ что-то такое чудовищное, что, казалось, они выросли въ самомъ саду изобилія; но въ цѣломъ все это было довольно порядочно. Въ моей мозаической работѣ я сдѣлалъ краски нѣсколько менѣе яркими. Копію съ этой картины вы еще можете видѣть у меня. Она виситъ въ залѣ моихъ рисовальщиковъ. Богатый Неалкъ велѣлъ на своей фабрикѣ выткать по ней коверъ, которымъ Понтій хочетъ за-

вѣсить одну изъ стѣнъ рабочей комнаты тамъ, внизу. Я съ своей стороны сдѣлалъ прекрасную раму для этой картины.

— Скажи лучше—для ея творца. Или еще вѣрнѣй—на случай, если онъ вздумаетъ посѣтить твою мастерскую, — засмѣялся болѣе разговорчивый живописецъ.—А что, въ самомъ дѣлѣ, пожалуетъ къ намъ кесарь или нѣтъ? Я бы охотно продалъ ему мое «Посѣщеніе Александромъ храма Юпитера Аммона».

— Я надѣюсь, что, когда у васъ разговоръ зайдетъ о цѣнѣ, ты поступишь съ нимъ какъ съ собратомъ?—спросилъ улыбаясь его товарищъ.

— Я буду руководиться твоимъ примѣромъ,—возразилъ тотъ.

— Въ такомъ случаѣ ты врядъ ли продешевишь свою картину,—воскликнулъ Паппій.—Эвсторгій знаетъ цѣну своимъ произведеніямъ. Впрочемъ, если Адріанъ вздумаетъ дѣлать заказы всѣмъ мастерамъ, искусствомъ которыхъ ему случалось заниматься, ему понадобится особый флотъ, чтобы доставить свои покупки въ Римъ.

— Говорятъ,—сказалъ, смѣясь, живописецъ Эвсторгій,— что онъ живописецъ между поэтами, ваятель между живописцами, астрономъ между музыкантами, софистъ между художниками, т. е. что онъ съ успѣхомъ подвизается въ каждомъ искусствѣ и каждой наукѣ, смотря на нихъ какъ на стороннее занятіе.

Въ то время, какъ Эвсторгій еще говорилъ, Понтій снова вернулся къ художникамъ, все еще окружавшимъ столъ, на которомъ стояло недопитое ими вино.

Онъ услышалъ послѣднія слова живописца, перебилъ его и сказалъ:

— Но ты позабываешь, другъ, что онъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова правитель между правителями, да и не одними только современными. Каждый изъ васъ, безъ сомнѣнія, въ своей отрасли искусства творитъ большее и совершеннѣйшее, но за то какъ великъ тотъ человѣкъ, который не съ праздным любопытствомъ, но серьезно и съ умѣньемъ относится ко всему, что можетъ обнять человѣческій духъ и выразить въ образахъ творческая сила. Я знаю его, и знаю, что онъ любитъ хорошихъ художниковъ и старается поощрять ихъ истинно-царскою щедростью. Но у него всюду есть уши и онъ скоро становится непримиримымъ врагомъ того, кто задѣваетъ его самолюбіе. Удерживайте поэтому теперь ваши александрійскіе языки и примите къ свѣдѣнію, что собратъ мой по строительному искусству, котораго я

ожидаю изъ Рима, очень близокъ къ Адріану. Онъ ему ровесникъ, даже похожъ на него, и не скрываетъ отъ него ничего, что слышитъ о немъ. Оставьте же ваши толки объ императорѣ и не судите диллетанта въ пурпурѣ строже, чѣмъ вашихъ богатыхъ учениковъ-любителей, для которыхъ такъ легко срываются съ вашихъ губъ выраженія, въ родѣ: «превосходно», «очень мило», или «замѣчательно чисто!»... Не взыщите за этотъ наставительный тонъ,—вы знаете, что я васъ искренно люблю.

Эти послѣднія слова были произнесены съ тою мужественною задушевностью, которая такъ шла къ густому голосу архитектора и пріобрѣтала ему довѣріе даже противника.

Обмѣнявшись поклонами и рукопожатіями, художники оставили залу, рабъ унесъ кувшинъ съ виномъ и убралъ со стола, на которомъ Понтій сталъ раскладывать свои чертежи и смѣты.

Но онъ не долго оставался одинъ,—вскорѣ подлѣ него очутился Поллуксъ.

— Я выпрыгнулъ изъ своей клѣтки,—сказалъ онъ, дотрогиваясь пальцемъ до своего носа,—чтобы сказать тебѣ еще нѣсколько словъ.

— Ну?

— Приближается часъ, когда я попытаюсь отплатить тебѣ за тѣ благодѣянія, которыя ты въ разныя времена оказывалъ моему желудку. Матушка можетъ завтра предложить тебѣ блюдо своей капусты. Прежде было нельзя, потому что единственный въ своемъ родѣ колбасникъ, царь своего ремесла, только разъ въ недѣлю приготовляетъ свои сочныя маленькія трубочки. Нѣсколько часовъ тому назадъ онъ окончилъ свои колбаски и завтра матушка разогрѣетъ намъ къ завтраку это благородное кушанье, которое приготовлено уже сегодня, потому что, какъ я уже говорилъ тебѣ, оно только въ подогрѣтомъ состояніи становится идеальнымъ. За то, что потомъ будетъ подано сладкаго, мы опять-таки будемъ обязаны искусству моей матери, а сестра моя прислала вина, что веселитъ и оживляетъ духъ,

«Тяжкое бремя заботъ съ удрученнаго сердца снимая».

— Я приду,—отвѣчалъ Понтій,—если нашъ гость оставитъ мнѣ часокъ свободнаго времени, и съ удовольствіемъ отвѣдаю вкуснаго кушанья. Но что ты знаешь, веселая птичка, «о тяжкомъ бремени заботъ?»

— Это слово пришлось какъ разъ для гекзаметра,—возразилъ Поллуксъ.—Я отъ своего отца, который, когда не сторо-

житъ у воротъ, поетъ или слагаетъ стихи, унаслѣдовалъ печальную привычку, какъ скоро что-нибудь волнуетъ мнѣ душу, говорить стихами.

— Ты сегодня былъ молчаливѣй, чѣмъ обыкновенно, и все-таки мнѣ казалось, что ты чѣмъ-то невыразимо доволенъ. Не только твое лицо, но и весь ты, длинновязый человѣкъ, имѣлъ видъ сосуда наполненнаго радостью.

— Да и хорошо же, дѣйствительно, на свѣтѣ!—воскликнулъ Поллуксъ, съ наслажденіемъ потянувшись и высоко поднявъ надъ головою руки къ небу.

— Развѣ случилось для тебя что-нибудь особенно пріятное?

— Въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Я живу здѣсь въ прекраснѣйшемъ обществѣ, работа спорится у меня въ рукахъ, а сегодня,—не зачѣмъ мнѣ это скрывать,—было и нѣчто особенное. Я встрѣтился снова съ одной старой знакомой.

— Со старой?

— Уже шестнадцать лѣтъ, какъ я ее знаю; но когда я видѣлъ ее въ первый разъ, она лежала еще въ пеленкахъ.

— Значитъ, этой достойной подругѣ болѣе шестнадцати, можетъ-быть уже семнадцать лѣтъ?... Что же, этотъ другъ счастливый или счастіе только слѣдуетъ за нимъ?...

Между тѣмъ какъ архитекторъ задумчиво и какъ бы обращаясь болѣе къ самому себѣ произносилъ эти слова, Поллуксъ къ чему-то прислушивался.

— Что тамъ можетъ происходить теперь на дворѣ?—сказалъ онъ потомъ.—Развѣ ты не слышишь громовый лай большой собаки между тоненькимъ тявканьемъ трехъ грацій?

— Это Тиціанъ ведетъ съ собой архитектора изъ Рима,—сказалъ Понтій волнуясь.—Я пойду ему навстрѣчу. Но еще словечко, мой другъ! И у тебя также александрійскій язычокъ. Пожалуйста, не смѣйся въ присутствіи этого римлянина надъ художественными способностями императора. Я повторяю тебѣ: человѣкъ, который сейчасъ пріѣхалъ, превосходитъ всѣхъ насъ, а вѣдь ничего не можетъ быть противнѣе, какъ слышать, когда малые люди поднимаютъ шумъ изъ-за того, что имъ удалось найти въ великомъ человѣкѣ больное мѣсто, которое случайно осталось цѣлымъ на ихъ собственномъ крохотномъ тѣльцѣ. Художникъ, котораго я жду, великъ, но императоръ Адріанъ еще болѣе великъ. Ну, теперь пойди за свою перегородку, а завтра я буду твоимъ гостемъ.

Глава одиннадцатая.

Понтій накинулъ плащъ поверхъ хитона, который онъ обыкновенно носилъ во время работы, и пошелъ навстрѣчу властителю міра. Онъ былъ совершенно спокоенъ, а если сердце его билось нѣсколько быстрѣе обыкновеннаго, то это только потому, что онъ радъ былъ снова увидать этого удивительнаго человѣка, личность котораго произвела на него нѣкогда глубокое впечатлѣніе.

Вполнѣ сознавая, что онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, и не заслуживаетъ порицанія, Понтій миновалъ длинный рядъ покоевъ и вышелъ черезъ главныя двери на дворцовый дворъ, гдѣ множество рабочихъ было занято при свѣтѣ факеловъ укладкой новыхъ мраморныхъ плитъ.

Ни эти люди, ни ихъ надсмотрщики не обращали вниманія на лай собакъ и громкій говоръ, раздававшійся съ нѣкотораго времени подлѣ домика привратника, ибо рабочимъ и подрядчикамъ было обѣщано особое вознагражденіе, если они вымостятъ извѣстное пространство къ опредѣленному часу.

Никто не подозрѣвалъ, кому принадлежитъ звучный мужской голосъ, разносившійся по двору со стороны воротъ.

Императоръ былъ задержанъ неблагопріятными вѣтрами и высадился на берегъ немного позднѣе.

Попривѣтствовавъ съ сердечною теплотой Тиціана, какъ своего дорогаго, стариннаго друга, Адріанъ вступилъ съ Антиноемъ на колесницу префекта, между тѣмъ какъ тайный секретарь его Флегонъ, врачъ Гермогенъ и рабъ Масторъ съ багажомъ, къ которому принадлежали также и походныя постели, слѣдовали за ними въ особой повозкѣ.

Прибрежные сторожа загородили было дорогу быстро катившейся по темной улицѣ колесницѣ и огромному догу, нарушавшему своимъ лаемъ ночную тишину, но, узнавъ Тиціана, почтительно отступили въ сторону.

Привратникъ и его жена, согласно выраженному префектомъ желанію, не ложились и какъ только пѣвецъ услыхалъ приближеніе колесницы, везшей императора, онъ поспѣшилъ растворить дворцовыя ворота. Работы, производившіяся здѣсь для исправленія попорченной мостовой, заставили Тиціана и его спутника сойти съ колесницы у воротъ и пройти около самаго домика привратника.

Адріанъ, отъ взгляда котораго на пути не ускользало ничего, что казалось ему достойнымъ вниманія, остановился передъ открытою настежъ дверью жилища Эвфоріона и заглянулъ въ уютную, украшенную цвѣтами, птицами и статуей Аполлона горницу, на порогѣ которой Дорида въ самой праздничной одеждѣ ожидала префекта. Тиціанъ, привыкшій при каждомъ посѣщеніи своемъ Лохіи обмѣниваться съ нею нѣсколькими веселыми и разумными словами, сердечно привѣтствовалъ ее.

Маленькія собачонки уже разбрелись было по своимъ корзинкамъ, но теперь, почуявъ близость чужой собаки, онѣ съ громкимъ тявканьемъ ринулись мимо своей госпожи наружу, такъ что Дорида, отвѣчая на привѣтствіе своего ласковаго покровителя, вынуждена была не разъ крикнуть на Эвфросину, Аглаю и Талію.

— Прелестно! Очаровательно! — воскликнулъ Адріанъ, указывая на домикъ. — Идиллія! Чистѣйшая идиллія! Кто бы могъ ожидать найти такой привѣтливый, мирный уголокъ въ самомъ безпокойномъ, шумномъ городѣ имперіи!

— Мы съ Понтіемъ были также поражены этимъ гнѣздышкомъ и потому оставили его нетронутымъ,— сказалъ префектъ.

— Разумные люди понимаютъ другъ друга и я вамъ искренно благодаренъ за то, что вы пощадили этотъ домикъ,—возразилъ кесарь.—Какое благопріятное, по-истинѣ счастливое, предзнаменованіе! Граціи принимаютъ меня въ этихъ старыхъ стѣнахъ: Аглая, Эвфросина и Талія.

— Добро пожаловать, господинъ!— воскликнула Дорида навстрѣчу префекту.

— Мы запоздали,—сказалъ Тиціанъ.

— Это не бѣда,— засмѣялась старушка. — Здѣсь на Лохіи мы вотъ уже съ недѣлю разучились отличать день отъ ночи, а доброе никогда не поздно.

— А я дѣйствительно привожу сегодня съ собою прекраснаго гостя,—сказалъ Тиціанъ,—великаго римскаго архитектора, Клавдія Венатора. Онъ только нѣсколько минутъ тому назадъ сошелъ съ корабля..

— Въ такомъ случаѣ глотокъ вина ему не повредитъ. У насъ дома есть отличное мареотійское бѣлое вино, изъ лежащаго на берегу моря сада моей дочери. Если другъ твой желаетъ сдѣлать честь скромнымъ людямъ, то я прошу его зайти къ намъ. У насъ, сударь, довольно чисто, а кубокъ я ему подамъ такой, что его не стыдно было бы подать самому императору. Кто

знаетъ, что вы найдете тамъ наверху среди этого ужаснаго безпорядка!

— Я съ удовольствіемъ принимаю твое приглашеніе,— проговорилъ Адріанъ.—Сейчасъ видно по твоему лицу, что ты угощаешь насъ охотно, а за твой домикъ тебѣ просто можно позавидовать.

— Когда зацвѣтутъ вьющіеся розаны и жимолость, такъ будетъ еще красивѣе, — съ самодовольною улыбкой возразила Дорида, наполняя кубокъ.

— А вотъ и вода, если ты захочешь разбавить, — прибавила она.

Кесарь взялъ въ руки вырѣзанный Поллуксомъ кубокъ, съ удивленіемъ осмотрѣлъ его и сказалъ, прежде чѣмъ поднести его къ губамъ:

— Какая у тебя, матушка, прекрасная, мастерски сдѣланная вещь! Изъ чего же здѣсь долженъ пить императоръ, если привратники имѣютъ такую посуду? Кому принадлежитъ эта превосходная работа?

— Мой сынъ вырѣзалъ для меня этотъ кубокъ въ свободные часы!

— Онъ хорошій ваятель,—замѣтилъ Тиціанъ.

Императоръ съ наслажденіемъ отпилъ половину кубка и поставилъ его на столъ.

— Отличный напитокъ!— сказалъ онъ.— Благодарю тебя, матушка.

— А я тебя за то, что ты меня называешь матерью. Нѣтъ болѣе лестнаго имени для женщины, воспитавшей троихъ дѣтей, а у меня трое такихъ, которыхъ не стыдно показать.

— Такъ желаю тебѣ счастія съ ними, матушка!—возразилъ кесарь.— Мы еще увидимся, потому что я нѣсколько дней останусь на Лохіи.

— Теперь, среди этой суматохи?

— Этотъ знаменитый архитекторъ,— сказалъ, пояснивъ, Тиціанъ,—пріѣхалъ помочь нашему Понтію.

— Ему не нужно ничьей помощи!—воскликнула старуха.— Онъ—человѣкъ крѣпкаго закала. Осмотрительность и энергія его, какъ говоритъ мой сынъ, не имѣютъ себѣ подобныхъ. Впрочемъ, я и сама видѣла, какъ онъ распоряжается, а я знаю толкъ въ людяхъ.

— Что же тебѣ особенно въ немъ понравилось?— спросилъ Адріанъ, восхищенный непринужденнымъ обращеніемъ старушки.

— Онъ ни минуты не теряетъ спокойствія духа среди этого спѣха, не говоритъ ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало словъ, способенъ быть строгимъ, когда это нужно, и ласково обращается съ подчиненными. Чего онъ стоитъ, какъ художникъ, я оцѣнить не съумѣю, но достовѣрно знаю одно, что онъ — справедливый, хорошій человѣкъ.

— Я самъ его знаю,— сказалъ императоръ,—и ты рисуешь его совершенно вѣрно; но мнѣ онъ, очевидно, показался строже, чѣмъ тебѣ.

— Какъ мужчина, онъ долженъ иногда являться суровымъ, но онъ бываетъ такимъ только тамъ, гдѣ это необходимо, а насколько онъ въ состояніи быть добрымъ, это мы видимъ ежедневно. Когда приходится часто оставаться одной, невольно создаешь себѣ свои собственныя мысли, и я замѣтила, что кто очень строгъ и свысока обращается съ своими подчиненными, тотъ, значитъ, самъ не особенно великъ, потому что считаетъ необходимымъ избѣгать опасности быть сочтеннымъ за такого же бѣдняка, какъ тотъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. Кто же дѣйствительно достойный человѣкъ, тотъ знаетъ, что это сейчасъ видно, если онъ станетъ обращаться съ нами даже какъ съ ровней. Такъ поступаетъ Понтій, такъ же поступаютъ и благородный намѣстникъ Тиціанъ и ты, какъ его другъ. Хорошо, что ты пріѣхалъ; но, какъ я уже сказала, архитекторъ, работающій тамъ наверху, обойдется и безъ твоей помощи.

— Ты, кажется, не слишкомъ высокаго мнѣнія о моихъ способностяхъ. Это мнѣ жаль, потому что ты, вѣроятно, много видѣла на своемъ вѣку и научилась судить людей...

Дорида ласково взглянула на императора своимъ умнымъ и испытующимъ взглядомъ и отвѣчала съ убѣжденіемъ въ голосѣ:

— Ты... ты имѣешь въ себѣ нѣчто великое и очень можетъ быть, что глазъ твой увидитъ то, что ускользаетъ отъ Понтія. Есть избранники между людьми, къ которымъ музы особенно благоволятъ; къ числу ихъ ты будешь вѣчно принадлежать.

— Что наводитъ тебя на это предположеніе?

— Я угадываю это по твоему взгляду... Это написано на твоемъ челѣ.

— Пророчица!...

— Ничуть не бывало, но я мать, взростившая двухъ сыновей, которымъ небожители также даровали нѣчто особенное, чего я не въ состояніи описать. На ихъ лицахъ я какъ-то замѣтила это «нѣчто» и когда потомъ мнѣ приходилось встрѣчать то же самое у другихъ художниковъ и людей,—эти люди всегда оказывались величайшими въ своей сферѣ. Что ты въ своей области превосходишь всѣхъ остальныхъ, въ этомъ я готова поклясться!

— Не спѣши клясться такъ скоро,— засмѣялся кесарь.—Мы еще разъ поговоримъ съ тобою, матушка, и при послѣднемъ прощаніи я спрошу тебя, не ошиблась ли ты все-таки на мой счетъ... Ну, пойдемъ Телемакъ! Тебя, кажется, особенно забавляютъ этой птицы старушки!

Эти послѣднія слова относились къ Антиною, который переходилъ отъ одной клѣтки къ другой и съ любопытствомъ и наслажденіемъ разсматривалъ заснувшихъ теперь крылатыхъ любимицъ хозяйки.

— Это твой сынъ?—спросила Дорида, указывая на юношу.

— Нѣтъ, матушка. Это только мой ученикъ, но я считаю его какъ бы собственнымъ своимъ сыномъ.

— Какой красивый малый!

— Посмотрите, пожалуйста, наша старушка-то еще заглядывается на юношей!

— Это мы не забываемъ до нашего сотаго года или скорѣе до той минуты, когда Парка пресѣчетъ нашу жизненную нить.

— Каково признаніе?!

— Дай мнѣ докончить. Мы, женщины, никогда не отучаемся радоваться, глядя на красивыхъ молодцовъ; но только, пока мы еще молоды, мы спрашивали о томъ, что могутъ они дать намъ въ замѣнъ. На старости же намъ вполнѣ достаточно, если мы можемъ оказать имъ какую-либо ласку. Слышишь ты, молодой господинъ? Ты всегда найдешь меня здѣсь, если тебѣ понадобится что-нибудь такое, чѣмъ я могу тебѣ услужить. Подобно улиткѣ, я рѣдко покидаю свой домикъ.

— До свиданія! — воскликнулъ Адріанъ, вступая со своими спутниками на дворъ.

Здѣсь пришлось пробираться съ трудомъ по исковерканной, изрытой мостовой.

Тиціанъ шелъ впереди императора и Антиноя и повелитель міра могъ обмѣняться съ своимъ намѣстникомъ только нѣсколь-

кими словами, выражавшими его удовольствіе относительно этой первой пріятной встрѣчи.

Адріанъ осторожно подвигался впередъ и довольная улыбка играла на его губахъ.

Сужденіе простой, умной женщины изъ народа доставило ему больше удовольствія, чѣмъ напыщенныя пѣсни, въ которыхъ воспѣвалъ его Месомедъ и другіе ему подобные, и тѣ льстивыя рѣчи, которыми обыкновенно осыпали его софисты и риторы.

Старуха считала его за простаго художника; она не могла знать, кто онъ такой, и все-таки узнала... А что если Тиціанъ какъ-нибудь неосторожно проговорился?... Знала или догадывалась эта женщина, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло?

Крайняя подозрительность Адріана просыпалась все болѣе и болѣе. Онъ начиналъ считать слова жены привратника заученными, ея обращеніе и пріемъ—результатомъ предшествовавшихъ распоряженій префекта. Внезапно остановившись, онъ попросилъ Тиціана немного подождать его, а Антиноя удержать около себя собаку.

Самъ онъ повернулъ назадъ, снова приблизился къ жилищу привратника и совершенно не по-царски, незамѣтно, подкрался къ нему.

Остановившись передъ все еще открытою настежъ дверью домика, онъ сталъ прислушиваться къ разговору, который Дорида вела съ своимъ супругомъ.

— Красивый мужчина!—говорилъ Эвфоріонъ.—Онъ нѣсколько похожъ на императора.

— О, нѣтъ!—возражала Дорида.—Припомни только статую Адріана въ саду Панеума: выраженіе лица у нея какое-то недовольное и насмѣшливое; у архитектора же этого лобъ дѣйствительно строгій, но въ чертахъ лица его свѣтятся ласковость и доброта. Только борода заставляетъ при взглядѣ на одного вспоминать другаго. Адріанъ могъ бы порадоваться, еслибы былъ похожъ на гостя префекта.

— Дѣйствительно, этотъ красивѣе,—какъ бы это выразиться... богоподобнѣе, чѣмъ холодная мраморная статуя,—продекламировалъ Эвфоріонъ. — Это, безъ сомнѣнія, какой-нибудь знатный вельможа, но въ то же время и художникъ. Нельзя ли какъ-нибудь подѣйствовать на него черезъ Понтія, Паппія, Аристея или кого-либо изъ извѣстныхъ живописцевъ, чтобъ онъ сыгралъ въ нашей труппѣ на торжественномъ представленіи прорицателя

Калхаса? Онъ выполнилъ бы эту роль получше, чѣмъ этотъ сухощавый рѣзчикъ изъ слоновой кости, Филемонъ. Передай-ка мнѣ лиру! Я снова позабылъ начало послѣдней строфы. О, эта ужасная память!... Благодарю тебя.

Эвфоріонъ съ силой ударилъ по струнамъ и запѣлъ своимъ все еще сносно звучащимъ, хорошо обработаннымъ, голосомъ:

— «Сабина! Слава тебѣ, Сабина!... Слава и побѣда могущественной богинѣ Сабинѣ!..»—Еслибы только Поллуксъ былъ здѣсь, онъ тотчасъ же напомнилъ бы мнѣ настоящія слова. — «Слава, побѣдоносная слава стократной Сабинѣ!...» Какая безсмыслица! — «Слава, божественная слава побѣдоносной Сабинѣ!...» Все не такъ!... Еслибы какой-нибудь крокодилъ захотѣлъ съѣсть эту Сабину, я охотно отдалъ бы ему въ придачу этотъ свѣжій пирогъ тамъ на полкѣ!... Но постой, кажется, теперь вспомнилъ... «Слава, стократная слава могущественной богинѣ Сабинѣ!»

Адріанъ все слышалъ ясно.

Оставивъ Эвфоріона повторять свой стихъ двадцать и болѣе разъ, чтобы запечатлѣть его въ своей упрямой памяти, кесарь повернулся спиной къ домику привратника и быстрыми шагами вернулся къ ожидавшимъ его спутникамъ.

Не безъ труда пробираясь между ними среди сидѣвшихъ тамъ и сямъ на полу рабочими, онъ нѣсколько разъ похлопывалъ Тиціана по плечу и наконецъ воскликнулъ, отвѣчая на привѣтствіе встрѣтившаго ихъ Понтія:

— Я благословляю тотъ часъ, когда я рѣшился пріѣхать сюда пораньше. Хорошій вечеръ! Отличный для меня вечеръ!!

Въ теченіе многихъ лѣтъ императоръ не чувствовалъ себя такимъ безпечнымъ и веселымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Когда же онъ, несмотря на поздній часъ, нашелъ, что во дворцѣ еще всюду идетъ дѣятельная работа, и увидалъ, какъ много уже сдѣлано для его возобновленія, этотъ неутомимый человѣкъ не могъ удержаться, чтобы не выразить своего удовольствія и, обращаясь къ Антиною, воскликнулъ:

— Видишь? И въ нашъ прозаическій вѣкъ съ сильною волей, прилежаніемъ и умѣньемъ можно еще дѣлать чудеса!... Объясни мнѣ, мой Понтій, какимъ образомъ воздвигъ ты эти чудовищные лѣса?

Глава двѣнадцатая.

За веселымъ вступленіемъ императора въ свое полуготовое жилище на Лохіи суждено было слѣдовать еще нѣсколькимъ не менѣе веселымъ ночнымъ часамъ.

Понтій предложилъ ему приказать временно приготовить для него нѣсколько хорошо сохранившихся комнатъ, первоначально предназначавшихся для размѣщенія свиты. Изъ оконъ одной изъ нихъ открывался свободный видъ на гавань, городъ и островъ Антиродосъ.

Благодаря предусмотрительности архитектора, привычнымъ рукамъ раба Мастора и множеству занятыхъ на Лохіи и пригодныхъ для всякаго рода службы рабочихъ, все было въ скоромъ времени устроено для ночнаго отдохновенія Адріана и его спутниковъ.

Покойное ложе, присланное префектомъ для Понтія, было перенесено въ спальную императора, а въ другихъ комнатахъ поставили походныя кровати для Антиноя и остальной свиты.

Столы, диваны и всякаго рода утварь были уже доставлены александрійскими фабриками, но лежали еще не распакованными въ тюкахъ и ящикахъ на большомъ, срединномъ, дворѣ дворца. Все это было теперь наскоро разложено и, насколько оказалось пригоднымъ, разставлено въ быстро приготовленныхъ комнатахъ.

Прежде чѣмъ Адріанъ, сопровождаемый префектомъ, осмотрѣлъ послѣднюю комнату, гдѣ были предприняты работы для возобновленія, Понтій уже покончилъ съ своими распоряженіями и могъ сообщить Адріану утѣшительное извѣстіе, что онъ уже сегодня найдетъ удобное ложе и сносное пристанище, а завтра хорошо устроенную комнату.

— Прекрасно, прекрасно, превосходно!—восклицалъ повелитель, осматривая свое помѣщеніе.—Право, можно подумать, что вамъ помогаютъ трудолюбивыя божества... Полей-ка мнѣ воды на руки, Масторъ, а потомъ и за ужинъ! Я голоденъ, какъ собака нищаго!

— Я думаю, мы найдемъ все, что тебѣ нужно,—возразилъ Тиціанъ, между тѣмъ какъ Адріанъ мылъ себѣ руки и украшенное бородою лицо.—Ты, вѣдь, не истребилъ всего, что мы прислали тебѣ сегодня на Лохію, мой Понтій?

— Къ несчастію, да,—со вздохомъ отвѣчалъ архитекторъ.

— Но я вѣдь распорядился, чтобы тебѣ прислали ужинъ на пять человѣкъ.

— Онъ и насытилъ шестъ голодныхъ художниковъ. Еслибъ я только могъ догадаться, для кого предназначалась такая обильная трапеза!... Что же теперь дѣлать? Вино и хлѣбъ есть еще тамъ въ залѣ музъ, между тѣмъ...

— Этимъ можно и удовольствоваться, — возразилъ императоръ, вытирая лицо. — Во время дакійской войны, въ Нумидіи и нерѣдко на охотѣ я былъ доволенъ, если только не было недостатка въ томъ или другомъ.

Лицо Антиноя, который былъ очень утомленъ и голоденъ, приняло при этихъ словахъ его повелителя озабоченное и печальное выраженіе.

Адріанъ тотчасъ же это замѣтилъ.

— Молодежи,—сказалъ онъ, улыбаясь,—нужно болѣе чѣмъ хлѣбъ и вино для того, чтобы жить. Вы вѣдь показывали мнѣ сейчасъ входъ въ жилище дворцоваго управителя, развѣ у него нельзя найти кусокъ мяса, сыру или что-нибудь такое?

— Врядъ ли,—отвѣчалъ Понтій. — Этотъ человѣкъ набиваетъ свой толстый желудокъ и своихъ восьмерыхъ дѣтей хлѣбомъ и кашей. Но, во всякомъ случаѣ, спросъ—не бѣда.

— Такъ пошли же къ нему, а насъ проводи поскорѣе въ залу, гдѣ музы сохраняютъ для меня и для него хлѣбъ и вино, которые онѣ не всегда даруютъ даже своимъ любимцамъ.

Понтій поспѣшилъ исполнить желаніе кесаря.

На пути въ залу музъ Адріанъ спросилъ его:

— Развѣ здѣшній управитель въ такомъ жалкомъ положеніи, что принужденъ довольствоваться такою плохою пищей?

— Онъ имѣетъ даровое помѣщеніе и двѣсти драхмъ жалованья въ мѣсяцъ.

— Ну, это не такъ еще мало. Какъ его зовутъ и какого это рода человѣкъ?

— Зовутъ его Керавномъ. Онъ стариннаго македонскаго происхожденія. Предки его съ незапамятныхъ временъ исправляли ту должность, которую онъ занимаетъ, и онъ даже утверждаетъ, что находится черезъ какую-то любовницу одного изъ Лагидовъ въ родствѣ съ вымершимъ царскимъ домомъ. Керавнъ засѣдаетъ въ совѣтѣ гражданъ и никогда не выходитъ на улицу иначе, какъ въ сопровожденіи своего раба, принадлежащаго впрочемъ къ числу тѣхъ, которыхъ торговцы невольниками даютъ на

рынкѣ въ придачу покупателямъ. Толщиною своей онъ напоминаетъ откормленнаго хомяка, одѣвается какъ сенаторъ, любитель древностей и рѣдкостей, которыя онъ покупаетъ на свои послѣдніе гроши. Бѣдность онъ свою переноситъ скорѣе съ высокомѣріемъ, чѣмъ съ достоинствомъ, но въ сущности это честный человѣкъ, который можетъ быть даже полезнымъ, если умѣть съ нимъ обращаться.

— Значитъ, порядочный чудакъ. Ты говоришь, что онъ толстъ,—что же, онъ веселаго нрава?

— Совсѣмъ напротивъ.

— Ну, толстые да еще угрюмые люди для меня невыносимы. Что это за огороженное мѣсто здѣсь въ залѣ?

— За этой перегородкой работаетъ лучшій ученикъ Паннія, Поллуксъ. Это сынъ уже знакомой тебѣ четы привратниковъ. Онъ тебѣ, вѣроятно, понравится.

— Позови-ка его!—попросилъ императоръ.

Прежде чѣмъ архитекторъ успѣлъ исполнить это порученіе, голова ваятеля показалась надъ перегородкой.

Молодой человѣкъ, услыхавъ голоса и шаги приближавшихся, влѣзъ на высокіе козлы, почтительно привѣтствовалъ оттуда префекта и намѣревался уже, удовлетворивъ своему любопытству, спрыгнуть на землю, когда Понтій крикнулъ ему, что архитекторъ Клавдій Венаторъ изъ Рима желаетъ съ нимъ познакомиться.

— Это очень любезно съ его стороны, а еще болѣе съ твоей, — воскликнулъ Поллуксъ,—ибо только черезъ тебя онъ могъ узнать, что я существую на бѣломъ свѣтѣ и нѣсколько научился дѣйствовать рѣзцомъ и молоткомъ. Позволь мнѣ, господинъ, спуститься съ моего четырехногаго котурна, такъ какъ при такомъ положеніи ты вынужденъ глядѣть на меня вверхъ, а судя по тому, что мнѣ разсказывалъ Понтій о твоемъ талантѣ, это было бы несообразно.

— Оставайся тамъ, гдѣ ты есть, — возразилъ Адріанъ. — Между товарищами по искусству не нужны никакія церемоніи. Что ты тамъ дѣлаешь за своей перегородкой?

— Я сейчасъ отодвину одну изъ рамъ, чтобы показать тебѣ нашу Уранію. И полезно, и пріятно выслушать сужденіе человѣка, который серьезно понимаетъ дѣло.

— Потомъ, другъ, потомъ! Сперва дай мнѣ съѣсть кусокъ хлѣба, а то жестокость моего голода легко можетъ повліять на мое сужденіе.

Архитекторъ подалъ въ эту минуту императору поднос съ хлѣбомъ, солью и кубкомъ вина, который только-что принесъ ему рабъ.

— Да это пища узниковъ, Понтій!—воскликнулъ Поллуксъ, увидавъ это скудное угощеніе. — Неужели у насъ не имѣется ничего болѣе въ домѣ?

— Вѣроятно, ты сильно помогъ опустошить блюда, присланныя мною архитектору, — замѣтилъ префектъ, грозя пальцемъ Поллуксу.

— Ты омрачаешь сладкое воспоминаніе,—вздохнулъ ваятель съ комическою горестью.—Но, клянусь Геркулесомъ, я дѣйствительно не мало-таки потрудился въ общемъ дѣлѣ истребленія. Еслибы только... Стой! Мнѣ приходитъ въ голову мысль, достойная самого Аристотеля. Завтракъ, на который я приглашалъ тебя пожаловать завтра, благороднѣйшій Понтій, стоитъ уже совсѣмъ готовый у моей матери и можетъ быть разогрѣтъ въ нѣсколько минутъ. Не пугайся, господинъ,—дѣло идетъ о капустѣ съ сосисками,—о кушаньи, которое, какъ душа египтянина, въ состояніи возрожденія обладаетъ болѣе благородными качествами, чѣмъ при первомъ своемъ появленіи на свѣтъ.

— Превосходно! — воскликнулъ Адріанъ. — Капуста съ сосисками!

Улыбаясь и облизываясь, онъ отеръ рукою свои полныя губы и потомъ громко расхохотался, услыхавъ радостное, искреннее «А!», вырвавшееся изъ устъ Антиноя, ближе подошедшаго, въ эту минуту, къ перегородкѣ.

— Нёбо и желудокъ, видно, также способны наслаждаться заманчивыми картинами будущаго,—замѣтилъ Адріанъ, указывая префекту на своего любимца.

Онъ однако истолковалъ не вѣрно радостное восклицаніе этого послѣдняго. Названіе простаго кушанья, которое мать его въ Виѳиніи часто подавала на столѣ своего небогатаго домика, напомнило Антиною родину и дѣтскіе годы и перенесло его въ близкую его сердцу среду. Быстрое, внезапное движеніе сердца, а не только пріятное раздраженіе нёба, заставило его вскрикнуть. Онъ радовался вмѣстѣ съ тѣмъ и просто родному кушанью и ни за что не промѣнялъ бы его на самое изысканное угощеніе.

Поллуксъ вышелъ изъ-за своей перегородки.

— Черезъ четверть часа,—сказалъ онъ,—я возвращусь къ вамъ съ своимъ превращеннымъ въ ужинъ завтракомъ. Утолите

только грубѣйшій голодъ хлѣбомъ съ солью, потому что кушанье, приготовляемое моей матушкой, должно не только насыщать, но и доставлять спокойное и разумное наслажденіе.

— Поклонись отъ меня госпожѣ Доридѣ!—крикнулъ Адріанъ въ слѣдъ ваятелю.

— Чудесный малый!—прибавилъ онъ затѣмъ, обращаясь къ Тиціану и Понтію, когда Поллуксъ оставилъ залу. — Мнѣ любопытно узнать, на что онъ способенъ, какъ художникъ.

— Такъ послѣдуй за мною, — отвѣчалъ Понтій и повелъ Адріана за перегородку.

— Что ты скажешь объ этой Уранiи? Голова музы—работы Паппія, тѣло же и одежды собственноручно вылѣплены Поллуксомъ и въ очень короткое время, только въ нѣсколько дней.

Царственный художникъ сталъ со скрещенными на груди руками напротивъ статуи и долго глядѣлъ на нее, храня молчаніе.

Потомъ онъ одобрительно закивалъ своей бородатой головой.

— Глубоко продуманное и удивительно смѣло и свободно исполненное произведеніе,—сказалъ онъ серьезно.—Какому-нибудь Фидію не пришлось бы постыдиться этого стянутаго на груди плаща. Все величественно, своеобразно и правдиво. Вѣроятно, молодой художникъ пользовался своей моделью здѣсь на Лохіи?

— Я не видалъ никакой модели и полагаю, что вся эта фигура создана имъ изъ головы,—возразилъ Понтій.

— Это невозможно, совершенно невозможно! — воскликнулъ императоръ тономъ знатока, который увѣренъ въ томъ, что онъ говоритъ.—Такія линіи, такія формы не въ состояніи былъ бы выдумать никакой Пракситель. Ихъ нужно было видѣть, лѣпить подъ свѣжими впечатлѣніями жизни. Мы его спросимъ объ этомъ. Для чего приготовлена эта новая глиняная масса?

— Можетъ-быть для бюста какой-нибудь царицы изъ дома Лагидовъ. Завтра ты увидишь головку Вероники, работы нашего молодаго друга,—головку, которая, какъ мнѣ кажется, принадлежитъ къ лучшему, что когда-либо было создано въ Александріи.

— Да что, волшебствомъ что ли занимается этотъ молодецъ?—спросилъ Адріанъ.—Изготовить въ такой короткій срокъ эту Уранію и законченную женскую головку, да это... просто-напросто невозможно.

Понтій сообщилъ тогда императору, что Поллуксъ поставилъ заранѣе приготовленную гипсовую головку на существующій уже

торсъ и, отвѣчая безъ стѣсненія на его вопросы, мало-по-малу выдалъ то, къ какимъ хитростямъ пришлось прибѣгать, чтобы придать давно заброшенному, полуразрушенному зданію приличный и въ своемъ родѣ блестящій видъ.

Онъ откровенно сознался, что въ его работахъ имѣлась въ виду только призрачная внѣшность и вообще разговаривалъ съ Адріаномъ такъ, какъ говорилъ бы о томъ же самомъ предметѣ со всякимъ другимъ товарищемъ по искусству.

Между тѣмъ какъ императоръ и архитекторъ оживленно бесѣдовали такимъ образомъ, а тайный секретарь Флегонъ разсказывалъ префекту о разныхъ приключеніяхъ съ ними во время ихъ путешествія, въ залѣ музъ снова появился Поллуксъ, на этотъ разъ въ сопровожденіи своего отца.

Пѣвецъ несъ на подносѣ дымящееся кушанье, свѣжее печенье и тотъ самый пирогъ, который онъ нѣсколько времени передъ тѣмъ взялъ для жены своей со стола архитектора.

Поллуксъ прижималъ къ груди довольно объемистый о двухъ ручкахъ кувшинъ съ мареотійскимъ виномъ, на скорую руку обвитый имъ зелеными вѣтками плюща.

Черезъ нѣсколько минутъ императоръ уже возлежалъ на приготовленномъ для него около стола ложѣ и храбро принимался за вкусную трапезу.

Онъ былъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, усадилъ рядомъ съ собою Антиноя и тайнаго секретаря, собственноручно накладывалъ имъ изрядныя порціи на тарелки, которыя они должны были подставлять, и при этомъ увѣрялъ, что онъ дѣлаетъ это для того, чтобъ они не выловили изъ капусты самыя лакомыя сосиски.

Мареотійское вино также заслужило его милостивое вниманіе и кубокъ его быстро осушался.

Когда дѣло дошло наконецъ до пирога, выраженіе лица его внезапно измѣнилось.

Наморщивъ лобъ, онъ бросилъ недовѣрчивый взглядъ на префекта.

— Какъ могутъ эти люди имѣть такое кушанье? — серьезнымъ и строгимъ голосомъ отнесся онъ къ нему.

— Откуда у тебя этотъ пирогъ?—спросилъ Тиціанъ пѣвца.

— Онъ достался на мою долю отъ ужина, который архитекторъ давалъ сегодня художникамъ,—отвѣчалъ Эвфоріонъ.—Кости

были отданы граціямъ, а это блюдо, оставшееся нетронутымъ, предоставлено было мнѣ самому для моей жены. Она съ удовольствіемъ предлагаетъ его знаменитому гостю Понтія.

Тиціанъ расхохотался.

— Вотъ какимъ образомъ,—сказалъ онъ,—объясняется, значитъ, полное исчезновеніе обильнаго ужина, присланнаго нами архитектору. Этотъ пирогъ,—дай-ка мнѣ взглянуть на него!—этотъ пирогъ былъ приготовленъ по указаніямъ Вера. Онъ вчера назвался къ намъ завтракать и научилъ моего повара приготовлять его.

— Ни одинъ платоникъ не восхваляетъ такъ ревностно ученія своего наставника, какъ Веръ высокія достоинства этого кушанья,—сказалъ императоръ, веселость котораго немедленно возвратилась, какъ только онъ увидалъ, что и въ этомъ случаѣ нечего думать объ искуственности и намѣренной подготовкѣ сдѣланной ему встрѣчи.—Какихъ только глупостей не выдумаетъ это избалованное счастіемъ дитя! Онъ, вѣроятно, уже стряпаетъ теперь собственными руками.

— До этого онъ еще не дошелъ,—отвѣчалъ префектъ;—но онъ велѣлъ поставить для себя въ кухнѣ ложе, растянулся на немъ и оттуда научалъ моего повара, какимъ образомъ приготовлять этотъ паштетъ, который, говорятъ, и тебѣ... я хотѣлъ сказать, который и императору очень нравится. Начинка состоитъ изъ фазана, ветчины и вымени.

— Я раздѣляю въ этомъ вкусъ Адріана,—засмѣялся императоръ, усердно принимаясь за кусокъ хваленаго пирога.—Вы угощаете меня на славу, друзья мои, и дѣлаете меня своимъ должникомъ.

— Какъ твое имя, молодой человѣкъ?

— Поллуксъ.

— Твоя Уранія, Поллуксъ, прекрасное произведеніе, но Понтій увѣряетъ, что ты будто бы выполнилъ плащъ безъ всякой модели. Я повторяю: это—просто-напросто невозможно!

— Ты вѣрно разсудилъ. Я работалъ, глядя на дѣвушку, которая стояла передо мною.

Императоръ взглянулъ на архитектора, какъ бы желая сказать: я это зналъ.

— Когда же?—въ удивленіи воскликнулъ Понтій.—Я еще ни разу не видалъ здѣсь ни одного женскаго существа.

— Недавно.

— Но я ни на одну минуту не оставлялъ Лохіи, ни разу не ложился отдыхать ранѣе полуночи и всякій равъ былъ снова на ногахъ задолго до восхода солнца.

— Но между тѣмъ временемъ, когда ты засыпалъ, и тѣмъ, когда ты просыпался, проходило все-таки нѣсколько часовъ,— возразилъ Поллуксъ.

— Молодость, молодость!—воскликнулъ императоръ и сатирическая улыбка появилась у него на губахъ.—Разлучи Дамона и Филиду желѣзными затворами,—они все-таки найдутъ другъ къ другу дорогу черезъ замочныя скважины.

Эвфоріонъ удивленно и внимательно взглянулъ на сына, а Понтій, качая головой, поспѣшилъ замять дальнѣйшіе разспросы. Адріанъ поднялся съ своего ложа, позволилъ Антиною и тайному секретарю отправиться спать, въ ласковыхъ выраженіяхъ попросилъ Тиціана вернуться домой и привѣтствовать отъ его имени свою супругу, и потребовалъ, чтобы Поллуксъ свелъ его за свою перегородку, утверждая, что онъ не утомленъ и привыкъ довольствоваться нѣсколькими часами сна.

Поллуксъ все болѣе и болѣе поддавался вліянію могущественной натурѣ римскаго архитектора.

Отъ его вниманія не ускользнуло то, какъ сильно походитъ сѣдобородый римлянинъ на императора, но Понтій уже предупредилъ его объ этомъ замѣчательномъ сходствѣ: къ тому же въ глазахъ и въ очертаніи рта Клавдія Венатора было нѣчто такое, чего онъ не замѣчалъ ни на одномъ изображеніи императора.

Когда они пробыли нѣкоторое время передъ его едва только оконченною статуей, уваженіе, которое онъ чувствовалъ къ новому гостю лохіадскаго дворца, непомѣрно увеличилось; съ серьезной откровенностью указалъ ему Адріанъ на нѣкоторыя ошибки, замѣченныя имъ въ его произведеніи, и, расхваливая достоинство быстро возникшей статуи, въ короткихъ и сильныхъ выраженіяхъ изложилъ свое собственное воззрѣніе на идею Уранія.

Потомъ онъ ясно и въ то же время кратко развилъ передъ Поллуксомъ, какъ, по его мнѣнію, долженъ относиться пластическій художникъ къ своимъ задачамъ.

Сердце молодаго человѣка забилось сильнѣе; по временамъ его бросало въ холодъ и въ жаръ, ибо изъ бородатыхъ устъ этого величественнаго человѣка онъ слушалъ въ благозвучныхъ и понятныхъ выраженіяхъ тѣ самыя мысли, которыя не разъ преду-

гадывалъ самъ и смутно чувствовалъ прежде, но для которыхъ, учась, наблюдая и творя, онъ никогда не старался найти подходящаго выраженія.

И какъ ласково выслушивалъ великій художникъ его робкія, нерѣшительныя замѣчанія! Какія вѣскія умѣлъ онъ дѣлать на нихъ возраженія.

Съ такимъ человѣкомъ онъ никогда еще не встрѣчался и никогда еще не преклонялся такъ охотно передъ превосходствомъ и высшею силой чужаго разума.

Наступилъ второй часъ по-полуночи, когда Адріанъ, остановившись передъ грубо вылѣпленнымъ глинянымъ бюстомъ, спросилъ Поллукса:

— Что будетъ изъ этого?

— Женская головка,—отвѣчалъ тотъ.

— Вѣроятно, головка твоей храброй натурщицы, которая смѣло пробирается ночью на Лохію?

— Нѣтъ, знатная дама согласилась послужить мнѣ моделью.

— Изъ Александріи?

— О, нѣтъ! Красавица изъ свиты императрицы.

— Какъ ее зовутъ? Я знаю всѣхъ римлянокъ.

— Бальбиллой.

— Бальбилла?... Есть нѣсколько женщинъ, носящихъ это имя. Какая наружность у той, о которой ты говоришь?—спросилъ Адріанъ съ плутовски-испытующимъ взглядомъ.

— На это отвѣтить довольно трудно,—возразилъ художникъ, который, увидавъ улыбку на лицѣ своего серьезнаго, сѣдобородаго собесѣдника, снова почувствовалъ возвращеніе своей обычной веселости.—Но погоди! Ты видалъ павлиновъ, распускающихъ свой хвостъ колесомъ? Вообрази себѣ, что каждый глазокъ на хвостѣ птицы Геры обращается въ круглый, хорошенькій локонъ, помѣсти подъ это колесо очаровательное, умное дѣвичье личико съ вздернутымъ носикомъ и нѣсколько черезчуръ высокимъ лбомъ—и ты получишь представленіе о знатной дѣвушкѣ, которая позволяетъ мнѣ изваять свой бюстъ.

Адріанъ весело разсмѣялся и, сбросивъ съ себя свой паллій, воскликнулъ:

— Отступи немного назадъ. Я знаю эту дѣвушку, и, если я имѣю въ виду не ту, то ты мнѣ скажешь.

Не окончивъ еще этихъ словъ, онъ запустилъ свои жилистыя руки въ мягкую глину. Какъ опытный ваятель, разминая

ее, придавая ей желаемую форму, отрывая куски и снова прилѣпляя ихъ, онъ сдѣлалъ наконецъ изъ нея женское лицо съ цѣлымъ ворохомъ локоновъ надъ нимъ. Лицо это имѣло замѣчательное сходство съ лицомъ Бальбиллы, но передавало каждую изъ ея рѣзко бросающихся въ глаза особенностей въ такомъ смѣшномъ и преувеличенномъ видѣ, что Поллуксъ не зналъ, что дѣлать отъ удовольствія.

Когда Адріанъ отступилъ наконецъ на нѣсколько шаговъ отъ своей удачной каррикатуры и потребовалъ, чтобы Поллуксъ сказалъ ему, та ли это римлянка, о которой онъ говорилъ, молодой ваятель воскликнулъ:

— Такъ же вѣрно, что это она, какъ и то, что ты не только великій архитекторъ, но и превосходный ваятель! Бюстъ твой грубъ, но за то невообразимо, удивительно-характеристиченъ!

Императору, казалось, пластическая шутка его доставляла большое удовольствіе, потому что онъ долго со смѣхомъ любовался на нее.

Совершенно другія чувства волновали, очевидно, въ эти минуты архитектора Понтія.

Съ напряженнымъ вниманіемъ и неподдѣльнымъ участіемъ прислушивался онъ къ разговору ваятеля съ Адріаномъ и слѣдилъ затѣмъ за началомъ работы этого послѣдняго.

Позднѣе онъ отвернулся отъ произведенія кесаря, ибо ненавидѣлъ всякое осмѣяніе прекрасныхъ формъ, которое доставляло, какъ онъ не разъ замѣчалъ, не малое удовольствіе египтянамъ.

Ему было даже больно видѣть опозореннымъ такимъ образомъ прелестное, богато-одаренное природою, беззащитное существо, къ которому онъ чувствовалъ себя привязаннымъ узами благодарности; его мучило также и то, что это дѣлалъ такой человѣкъ, какъ императоръ.

Онъ въ первый разъ увидалъ сегодня Бальбиллу, но уже ранѣе слышалъ отъ Тиціана, что она находится съ императрицей въ Кесареумѣ, и узналъ отъ того же префекта, что она приходится внучкой тому самому намѣстнику Клавдію Бальбиллу, который даровалъ свободу его дѣду, ученому греческому рабу.

Съ благодарнымъ участіемъ и преданностью обошелся онъ съ нею, когда она посѣтила дворецъ. Ея веселая, живая натура радовала его и при каждомъ необдуманномъ словѣ, сказанномъ ею, ему такъ и хотѣлось предостеречь ее какимъ-нибудь знакомъ, какъ будто узы крови или старинная дружба давали ему на это право.

Нахально-вызывающая манера, съ какой обращался съ ней легкомысленный сердцекрушитель Веръ, возмутила его до глубины души и показалась ему столь опасной, что долго послѣ того, какъ благородные посѣтители покинули Лохію, онъ все еще думалъ о ней, давая себѣ слово, по мѣрѣ силъ, охранять внуку благодѣтеля его рода.

Онъ считалъ своей священною обязанностью оберегать и защищать дѣвушку, представлявшуюся его воображенію легкою, прекрасною пѣвчею птичкой.

Каррикатура, быстро изваянная императоромъ, показалась ему поруганіемъ надъ тѣмъ, что должно было почитаться особенно святымъ.

А сѣдѣющій властелинъ все еще продолжалъ стоять передъ своимъ уродливымъ произведеніемъ и неустанно наслаждаться имъ.

Это было больно для Понтія, ибо, какъ и всѣмъ благороднымъ натурамъ, ему тяжело было находить нѣчто мелкое, обыденное въ характерѣ человѣка, на котораго онъ взиралъ доселѣ какъ на великое, необычайное явленіе.

Какъ художникъ, императоръ не долженъ бы оскорблять такимъ образомъ красоты, а какъ человѣкъ — беззащитной невинности.

Въ душѣ архитектора, который принадлежалъ до этого вечера къ числу горячихъ поклонниковъ кесаря, шевельнулось теперь чувство какой-то непріязни къ нему и онъ даже обрадовался, когда Адріанъ заявилъ о своемъ желаніи отправиться на отдыхъ.

Въ приготовленной для него комнатѣ императоръ нашелъ все, что онъ привыкъ видѣть у себя въ опочивальнѣ.

— Такого пріятнаго вечера мнѣ ни разу не случилось провести вотъ уже много лѣтъ,— сказалъ онъ въ то время, какъ Масторъ раздѣвалъ его, зажигалъ ему ночную лампочку и поправлялъ подушки.—Хорошо ли постлали постель Антиною?

— Такъ же, какъ въ Римѣ.

— А собака?

— Я положу для нея коврикъ въ галлереѣ, передъ твоимъ порогомъ.

— Накормили ее?

— Да, ей дали костей, хлѣба и воды.

— Надо надѣяться, и ты не забылъ поужинать?,

— Я не былъ голоденъ,— хлѣба и вина было въ изобиліи.

— Завтра насъ угостятъ получше... Ну, покойной ночи. Будьте осторожны въ своихъ словахъ, чтобы какъ-нибудь не выдать моего присутствія. Нѣсколько дней провести здѣсь въ совершенномъ покоѣ—это было бы безподобно!

Съ этими словами кесарь повернулся къ стѣнѣ и скоро задремалъ.

Рабъ Масторъ также прилегъ отдохнуть, положивъ предварительно передъ дверью спальни своего повелителя коверъ для молосской собаки Адріана.

Голова его склонилась на щитъ, обтянутый толстою бычачьей кожей. Неудобно было это ложе, но Масторъ уже много лѣтъ не имѣлъ лучшаго, и все-таки покоился обыкновенно тѣмъ же безмятежнымъ сномъ, какимъ онъ спалъ бывало въ дѣтствѣ. Но сегодня сонъ летѣлъ отъ него прочь, и онъ время отъ времени дотрогивался рукою до своихъ широко-открытыхъ глазъ, чтобъ осушить соленую жидкость, которая поминутно наполняла ихъ.

Долгое время онъ мужественно удерживался отъ слезъ, ибо императоръ любилъ видѣть вокругъ себя только веселыя лица и даже какъ-то разъ сказалъ, что собственно ради веселыхъ глазъ его онъ и довѣрилъ ему заботы о своей особѣ.

Бѣдный веселый Масторъ!

Онъ былъ только рабъ, но и у него было сердце, открытое для радости и горя, для веселья и печали, для ненависти и любви!

Когда онъ былъ еще ребенкомъ, деревня, въ которой родился и росъ, досталась въ руки непріятелей его племени.

Онъ и его братъ были проданы въ рабство сначала въ Малую Азію, а впослѣдствіи, такъ какъ оба они были особенно красивые бѣлокурые мальчики, ихъ отвезли въ Римъ.

Тамъ они были куплены для императора.

Мастора взяли въ услуженіе къ самому Адріану, а брата его заставили работать въ саду.

Обоимъ недоставало только свободы и ничто не мучило ихъ кромѣ тоски по родинѣ.

Но и эта тоска исчезла безслѣдно, когда онъ женился на дочкѣ несвободнаго смотрителя императорскихъ садовъ.

Это была живая, маленькая женщина, съ огненными глазами, обращавшая на себя вниманіе всякаго прохожаго.

Бѣдному рабу служба его оставляла не много времени для того, чтобы радоваться на свою хорошенькую подругу и двухъ

дѣтей, которыхъ она ему родила; но самая мысль, что она принадлежитъ ему, уже дѣлала его счастливымъ и онъ спокойно отправлялся съ своимъ повелителемъ на охоту или странствовалъ по необъятной имперіи.

Уже семь мѣсяцевъ онъ не получалъ однако никакого извѣстія о своихъ домашнихъ; въ Пелузіумѣ пришло наконецъ письмо къ нему, которое вмѣстѣ съ посланіями, назначенными для императора, было отправлено изъ Остіи въ Египетъ.

Онъ не умѣлъ читать, а императоръ покинулъ Пелузіумъ съ такою поспѣшностью, что онъ только уже на Лохіи могъ добиться того, чтобы познакомиться съ содержаніемъ письма.

Передъ отходомъ ко сну Антиной прочиталъ ему нѣсколько строкъ, написанныхъ для брата его общественнымъ писцомъ. Въ строкахъ этихъ заключалось извѣстіе, которое должно было сокрушить даже сердце раба.

Его прекрасная, маленькая жена бѣжала изъ его дома и скиталась теперь по бѣлому свѣту съ какимъ-то корабельнымъ мастеромъ изъ Греціи; старшій мальчикъ его, любимецъ отца, умеръ, а его бѣлокурая, хорошенькая малютка Туллія, съ бѣлыми зубками, пухленькими ручонками и розовыми пальчиками, которыми она такъ часто принималась ласково гладить или ерошить его коротко-остриженную голову,—его маленькая дочка помѣщена въ тотъ жалкій домъ, подъ низкою кровлей котораго воспитываются дѣти умершихъ рабовъ.

Не далѣе какъ два часа тому назадъ воображенію его рисовался собственный его домашній очагъ и кругъ любимыхъ имъ существъ, а теперь все, все это безвозвратно погибло... Но какъ, однако, ни былъ силенъ ударъ жестокой судьбы, какъ ни грызла сердце его лютая скорбь, онъ не смѣлъ ни рыдать, ни стонать; онъ не рѣшался даже повернуться съ лѣваго бока на правый, ибо сонъ его господина былъ чутокъ и малѣйшій шорохъ могъ разбудить его.

Какъ прежде, такъ и теперь придется ему при солнечномъ восходѣ съ веселымъ лицомъ привѣтствовать императора... И все-таки ему казалось, что онъ непремѣнно долженъ погибнуть, погибнуть вмѣстѣ съ поруганнымъ своимъ очагомъ и такъ внезапно, такъ быстро скрывшимся отъ него счастіемъ...

Горе рвало его сердце на части, но онъ не стоналъ и не двигался.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ВЪ УСТЬЯХЪ И ВЪ МОРѢ *).

(Сѣверо-каспійскіе очерки.)

V.

Вдоль черней.

Ѣду, ѣду—слѣду нѣту,
Рѣжу, рѣжу—крови нѣту.

Луны нѣтъ, но глубокое темное небо засыпано звѣздами. Точно сверкающія золотистыя сѣмена, кинутыя по темно-синей нивѣ, лежатъ онѣ то гуще, то рѣже,—то, едва видимыя, утопаютъ въ почвѣ, то сверкаютъ крупными зернами Юпитера или Венеры на самомъ виду. Даже въ темномъ, чуть колышимомъ, точно тихо дышащемъ морѣ ярко отразились онѣ, пошевеливаясь въ водѣ.

Тихая, теплая, быстро наступающая осенняя ночь...

Но и въ морѣ, тамъ и сямъ, горятъ свои звѣзды, собственныя планеты, багровыя, какъ Марсъ, огнистыми снопами колеблясь въ тихой, темной водѣ. Что это такое?... Съ каждымъ шагомъ впередъ, чѣмъ ближе къ странному свѣтилу, передъ наблюдателемъ все яснѣе и яснѣе, опредѣленнѣе и опредѣленнѣе вырисовывается во мракѣ аркообразное устье печи, полной раскаленныхъ угольевъ или ярко пылающихъ дровъ. Моряки давно пошабашили, собрались вокругъ камелька и мѣстный морской клубъ открылся. Можно побиться объ закладъ, что члены его, иногда столкнувшіеся со всѣхъ концовъ Россіи, для свѣжаго человѣка будутъ поинтереснѣе членовъ столичныхъ клубовъ и что кормовую часть судна, гдѣ собрались они, едва ли кто рѣшится окрестить име-

*) *Русская Мысль* 1880 г., кн. 4, 7, 8 и 10.—Окончаніе.

немъ «вральни». Хотя и тутъ отведено широкое мѣсто ужасающимъ политическимъ предположеніямъ, толкованіямъ и догадкамъ, шутовству и балагурству, личной корысти и злобѣ промысловаго дня, но во всемъ этомъ звучитъ такая искренняя, правдивая, чуть ли не стихійно-народная нота, которой самый смыслъ утраченъ подъ золочеными плафонами.

Теперь, по обыкновенію, въ чугунномъ котлѣ, вмазанномъ въ кубообразную невысокую печь, варится кирпичный чай, а около устья ея ярко вычищенный самоваръ свѣтитъ своею мелкою рѣшеткою, точно чудовище, оскалившее раскаленные зубы.

Центръ группы изъ семи или шести человѣкъ, тихо тронутыхъ свѣтомъ золотыхъ угольевъ, составляютъ два лица: нѣсколько уже знакомый намъ Звягинъ и сѣдой, благообразный, худой старикъ съ темными, проницательными, умнымм глазами, похожій на святаго отшельника или пустынножителя, какихъ можно видѣть на старыхъ иконахъ. Сходство это дополняется древностью старика, о лѣтахъ котораго ходило что-то вродѣ преданія, подтверждаемаго, впрочемъ, очевидцами, что ему далеко *за сто*, и миѳическою бородой, которая, по тому же преданію, никогда не видала не только бритвы, но и ножницъ, и достигала владѣльцу чуть ли не до колѣнъ, располагаясь подъ бѣльемъ по его старческому тѣлу, но аккуратно подобранная и перевязанная черной шелковою косынкой на шеѣ. Такимъ образомъ никому изъ лицъ, встрѣчавшихъ Петра Дмитріевича, не могло придти въ голову, что маленькая сѣдая бородка его выходитъ изъ всякихъ опредѣленныхъ и даже мало опредѣленныхъ границъ.

Да, сидѣвшаго звали Петромъ Дмитріевичемъ. Это былъ хозяинъ рыбопромышленникъ, Несторъ между эмбенцами, всѣми уважаемый за свою несомнѣнную честность.

Однако, говоря правду, Петръ Дмитріевичъ, несмотря на свою трезвую столѣтнюю жизнь и полутора-аршинную бороду, нисколько не походилъ на аскета или анахорета; напротивъ, вѣроятно, вслѣдствіе этой строго-воздержной жизни, онъ оставлялъ въ васъ впечатлѣніе какого-то сѣдаго юноши, жаждущаго жизни, подвижнаго и живаго, какъ ртуть. Онъ принадлежалъ къ типу тѣхъ юркихъ, чистенькихъ старичковъ, которыхъ никогда лѣтомъ, даже въ морѣ, не увидишь иначе, какъ въ высокой плюшевой шляпѣ почтенныхъ лѣтъ и моды, въ черной шелковой косынкѣ, вмѣсто галстука, въ такой же шелковой манишкѣ, въ двубортномъ жилетѣ съ какими-нибудь разводами или букетцами, въ

длинномъ сюртукѣ и шароварахъ-брюкахъ, исчезавшихъ въ мягкихъ сапожкахъ бураками и съ легкимъ, вѣжливымъ скрипомъ.

Петръ Дмитріевичъ всю свою жизнь не зналъ вина и былъ дѣвственникомъ до шестидесяти или семидесяти-лѣтняго возраста, когда женился, впрочемъ, на молодой дѣвушкѣ-сиротѣ. Не мудрено, что старикъ такъ долго сохранилъ свои умственныя и физическія силы: ходилъ, наприм., онъ такъ скоро и далеко, что за нимъ не поспѣвали и утомлялись молодые люди, признаваясь, что Петръ Дмитріевичъ «уходитъ хоть кого». Въ самомъ дѣлѣ, сухой—кожа да кости — старикъ имѣлъ обыкновеніе бѣгать такой спорой и легкою рысью, что съ нимъ отказывались состязаться даже надежные ходоки.

Однако, среди всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствъ Петра Дмитріевича была одна несчастная страстишка, съ которой онъ не умѣлъ, да, кажется, и не хотѣлъ бороться, это—карты, съ которыми старикъ не разставался. «Тутъ грѣха нѣтъ!»—обыкновенно, какъ бы извиняясь, говаривалъ онъ и готовъ былъ играть со всякимъ и во всякое время, днемъ и ночью, въ морѣ и въ степи, въ пути, на привалѣ, въ гостяхъ и дома. Такъ какъ Петръ Дмитріевичъ, кромѣ того, что эмбенецъ, былъ еще и зимовичъ, то даже во время своихъ зимнихъ путешествій, съ вѣчнымъ припѣвомъ: «а что, не сыграть ли?...»—онъ тащилъ изъ кармана колоду картъ и начиналъ сдавать въ «стуколку» или «три листа»—не только на привалѣ, но и дорогою, въ саняхъ, суя карты партнёрамъ прямо въ руки, чтобъ ихъ не разнесло вѣтромъ и вьюгой. Про страсть старика къ картамъ въ Астрахани, гдѣ онъ жилъ, знали всѣ и разсказывали за несомнѣнную истину, какъ однажды, послѣ ранней обѣдни, въ Свѣтлое Воскресенье, одинъ изъ среды рыбопромышленниковъ зазвалъ къ себѣ нѣсколькихъ другихъ и въ числѣ ихъ Петра Дмитріевича. Когда гости разговѣлись и позакусили, послѣдній не выдержалъ и обратился къ присутствовавшимъ съ обычнымъ предложеніемъ: «а что, братики, не сыграть ли?...» На замѣчаніе хозяина, что еще поздней обѣдни не было и что картъ въ домѣ нѣтъ, онъ отвѣчалъ, что «тутъ грѣха нѣтъ», и съ торжествомъ извлекъ изъ кармана двѣ новенькія, праздничныя, колоды—и игра началась. Послѣ этого всѣ уже знали, что карты всегда есть у старика. Но ничего не было пріятнѣе ему, какъ застать кругъ играющихъ. Лицо его мгновенно озарялось весельемъ и радостью и съ восклицаніемъ: «игра молодцамъ!»—онъ присаживался къ столу. Однако, несмотря на

непреоборимую страсть, корысти не было въ старикѣ; напротивъ, пользуясь его слабостью и довѣрчивостью, его собственные рабочіе, въ теченіе долгихъ вечеровъ въ морѣ, выигрывали у хозяина значительные куши. Игралъ онъ смѣло, счастливо и бойко, но, въ концѣ концовъ, почти всегда оставался въ проигрышѣ, потому что вставалъ изъ-за стола послѣднимъ, давая своимъ противникамъ время и проиграться, и отыграться. Знавшіе страсть старика къ игрѣ пользовались ею и отыгрывались.

Но что было важнѣе всего, это то, что старикъ могъ бы служить живой, умной, правдивою лѣтописью края для человѣка, умѣвшаго читать, если, главное, заставить говорить Петра Дмитріевича, что было далеко не легкимъ дѣломъ. Почтенный старикъ не любилъ толковать о своихъ годахъ и видимо уменьшалъ ихъ, а потому какъ-то вскользь касался минувшаго, могущаго послужить къ ихъ опредѣленію. Это была слабость человѣка, чувствовавшаго еще потребность жить съ живыми. Какъ живой человѣкъ смотрѣлъ онъ и на прошедшее, касаясь его, и отнюдь не восхищался имъ въ ущербъ и укоръ настоящему.

По правую руку отъ хозяина озарялось чуть замѣтно улыбавшееся, полное иронiи, лицо мужчины среднихъ лѣтъ съ бѣлокурыми волосами, съ большою бородой съ просѣдью и голубовато-сѣрыми симпатичными глазами. Одѣтый по-европейски въ скромную сѣрую пару—пиджакъ и иныя принадлежности костюма, онъ выглядѣлъ чѣмъ-то вродѣ солиднаго прикащика, управляющаго или мелкаго хозяина. Надо предполагать, что онъ велъ или поддерживалъ разговоръ, такъ какъ его нѣсколько надорванный, но пріятный теноръ дрожалъ еще въ воздухѣ и въ глазахъ, сквозь напускную серьезность, трепетала плохо скрываемая хитрость, иронія.

Около печи, подкладывая рдѣвшіе золотомъ уголья въ самоваръ, возился, присѣвъ на корточки, какой-то комочекъ въ ватной стеганкѣ и шароварахъ, съ румянымъ отъ жара, пожилымъ и необыкновенно добродушнымъ лицомъ. Маленькая темнорусая бородка, всклокоченная голова, сверкавшіе, мышиные, веселые глазки и простоватая улыбка, лежавшая во всѣхъ морщинахъ лица, — все это напоминало какого-то маленькаго сказочнаго гнома, любовно относящагося къ окружающему міру, готоваго веселить его, переносить его неблагодарность и вообще служить всякому, не совсѣмъ дурному, человѣку.

— Такъ какъ же, Иванъ Иванычъ, а?... Отчего сомовники?... Разскажи пожалуйста,—звучалъ теноръ, мнимо-серьезно обращаясь

вправо, во тьму, въ которой сопѣла, то разгораясь, то притухая, трубочка-носогрѣйка. Съ каждымъ втягиваніемъ не совсѣмъ-то благовоннаго дыма передъ разгоравшеюся трубкой появлялась, точно вспыхивая, смышленая курчавая голова и умные сѣрые глаза, тронутые улыбкой съ какимъ-то добродушнымъ, хоть и «себѣ на умѣ», выраженіемъ, не лишеннымъ присущей народу иронiи.

— Слыхали, чай!—засмѣялся Иванъ Ивановичъ, стараясь, повидимому, вытянуть всѣ внутренности изъ носогрѣйки, протащить ее сквозь чубучокъ и вывернуть на изнанку. Благовоніе тютюна медленно расплывалось въ чистомъ и ясномъ воздухѣ.

— Ну те, Иванъ Иванычъ, эку вонищу зельемъ своимъ пустилъ!... Сосетъ ровно соску,—запротестовалъ Петръ Дмитріевичъ и носогрѣйка, придавленная заскорузлымъ ловецкимъ пальцемъ, исчезла въ ватныхъ шароварахъ, крайне полезныхъ на тотъ случай, еслибы понадобилось чему горѣть.

— Ничего не знаю, вѣрно тебѣ говорю,—звучалъ теноръ, обращаясь къ Ивану Ивановичу.—Совралъ, чай, Андрюнька?...

— Чего врать-то,—раздается молодой голосъ изъ темноты, царствующей надъ печью и за печью.—Это кажный знаетъ, кто они такіе, краснояры-то... Да вы, Аверьянъ Александрычъ, Якунчика-то спросите,—ишь посмѣивается. Нечево тутъ!...

Накаленное лицо Якунчика дѣйствительно тихо посмѣивалось. Иванъ Ивановичъ и Якунчикъ, носившіе фамилію Якунчиковъ, были два Аякса своего рода,—бѣдные компаньоны по лову, оба краснояры, оба добродушнѣйшіе изъ смертныхъ, оба неразлучные. Во всякомъ случаѣ, однако, добродушіе у каждаго изъ нихъ было особенное, свое собственное. Въ мышиныхъ глазкахъ Якунчика оно смотрѣло простовато, а въ сѣрыхъ Ивана Ивановича сознательно и какъ бы критически, но все-таки это было искреннее, живое, неподдѣльное добродушіе.

— Такъ какъ же, Василій Семенычъ,—обратился къ Аяксу-Якунчику Аверьянъ Александровичъ,—не вретъ онъ? Почему же сомовники?

— Почему?—раздается изъ-за печи.—Сома со звономъ встрѣчали—вотъ почему!

Лица собесѣдниковъ при послѣднихъ словахъ озаряются улыбкою ярче, нежели жаромъ печи.

— Какъ, сома со звономъ?—съ притворнымъ изумленіемъ вскочилъ пиджакъ.—Что такое?... Иванъ Иванычъ, да скажи пожалуйста, было что-нибудь такое, а?...

— Былъ такой грѣхъ,—саркастически ухмыльнулся Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Какъ же это?...

— А такъ. Архерея ждали у насъ въ городѣ,—по епархіи, вишь ты, ѣздилъ. На Вшивомъ ли *), на Чуркѣ ли **) остановился въ то время,—ну, оттоль къ намъ и ждали... Извѣстно, въ коитo вѣки и попалъ-то, да и начальству прозѣвать не хотѣлось, чтобы честь честью!... По Бузану-то,—лѣсисто тамъ,—значитъ, караулить и поставили лодки, то-есть въ виду одна у одной. Передней-то и наказали: завидишь—маячь, молъ, чтобы другъ по дружкѣ, значитъ... А на колокольнѣ ждутъ ужь, чтобы, какъ маякъ, то-есть, такъ и ударить по всѣмъ... Ну, долгонько ждали-таки, потомъ видятъ—маячатъ, кричатъ,—извѣстно, во всѣ колокола и ударили... Звонили, звонили,—нѣтъ владыки. Что, молъ, это за аказія?... А народъ на берегу ждетъ. Весь городъ собрался. Что, молъ, это долго?... Наконецъ, видятъ, идетъ лодка, подходитъ, ловецкая однако... Кинулись къ ловцу, спрашиваютъ: «что-жь, молъ, это такое? Гдѣ владыка-то, не видалъ ли?»—«Какой владыка?»—«Вѣстимо какой, архерей! Одинъ, чай,

---

*) *Вшивое*—село, собственно Марѳино, Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда, лежитъ на берегу того же большаго рукава Волги, что и городъ Красный-Яръ, верстъ около 30-ти ниже Бузана. Необходимо замѣтить, что большинство населенныхъ мѣстъ губерніи носятъ обыкновенно по два названія: одно, такъ сказать, оффиціальное, по храму, если таковой имѣется, и другое, обязанное своимъ происхожденіемъ, надо полагать, тѣмъ мутнымъ бродячимъ силамъ, подонкамъ народа, которые когда-то стекали сюда, первоначально наводняли край и осаждались въ немъ. Послѣднее, вслѣдствіе давности, завоевало себѣ право гражданства въ народѣ и потому чаще употребляется имъ. Эти миленькія названія отличаются такою выразительностію, своеобразнымъ букетомъ и такою полнѣйшею беззастѣнчивостію и непосредственностію, что яснѣе всего говорятъ о крестныхъ отцахъ, давшихъ ихъ. Начиная съ Астрахани, вы безпрестанно слышите такого рода географическіе термины: Грязная, Солдатская, Безродная, Заманиловка, Теребиловка, Обираловка, Облупинская (площадь) и т. п. Это—въ городѣ; но не успѣете выглянуть изъ него, какъ васъ привѣтствуютъ: Безпутные, Голодные и Дурновскіе, затѣмъ пойдутъ Раздоринскіе, Пришибы, Воровскіе, Гнилухи, Кровавинскіе, Могильные, Погромные, Лихобабины и, наконецъ, даже такіе, которые несовсѣмъ-то удобно ложатся подъ перо.

**) *Чурка*—рѣка, отбрасываемая вправо Бузаномъ, нѣсколько верстъ выше Марѳина. *Чурка*—ватага и промыселъ Базилевскаго, извѣстные силою своего вооруженія, улововъ и приготовленія частиковой, чешуйчатой рыбы. *Чуркинскій монастырь*, который, по рѣкѣ, тоже носитъ въ народѣ названіе *Чурки*. Онъ владѣетъ собственными рыболовными угодьями и своими силами эксплоатируетъ ихъ, т. е. производитъ собственный ловъ и приготовленіе рыбныхъ товаровъ.

у насъ».—«А Господь его знаетъ,—никакого я архерея не видалъ, кромѣ этого рази»..: Да и приподними парусъ-то.—«Глянь-ка, вотъ, ко мнѣ каковъ архерей пожаловалъ!» Къ лодкѣ всѣ, глядятъ, а онъ тамъ, сомище, страшенный лежитъ, черный весь, позѣвываетъ только, да махалкой поводитъ, — такъ и ахнули! А оно што вышло-то?... Недалечко отъ передней лодки, что̀ на караулѣ стояла, одинъ изъ краснояръ изъ нашихъ сома клочилъ *),—ну, и ничего, клочитъ себѣ, да клочитъ знай... Какъ на грѣхъ, и попади ему такой шайтанъ, что никоимъ ты его манеромъ не вытащишь въ лодку-то. Бился, бился сердешный ловецъ-то съ нимъ,—нейдетъ и шабашъ, хоть назадъ пущай и съ удой - то... Однако, видитъ лодку не вдалекѣ и давай маячить, кричитъ къ тому же благимъ матомъ. Вторая - то лодка, должно, и завидѣла,—«ѣдетъ», молъ!... Ну, одна по другой,—въ городѣ - то звонъ и подняли, а пока время, пока што, забагрить сома-то ловцу подсобили, вотъ онъ съ нимъ подъ звонъ, значитъ, въ городъ-отъ и въѣхалъ. Такъ-то!... Съ этихъ поръ, значитъ, вотъ эхбешники-то эти сомовниками насъ и кличутъ,—заключилъ Иванъ Иванычъ, мотнувъ головой въ темноту.

Кругомъ засмѣялись.

— Да, нечего, ужь!—послышался чей-то степенный, даже угрюмый голосъ изъ тьмы,—нечего!... Мало вы, и кромѣ что сомъ, разныхъ дѣловъ-то натворили... Сказывай дальше, — правдой-то никого не задразнишь... За одно ужь!

— Это что-жь такое еще будетъ?—повидимому съ соболѣзнованіемъ обратился къ Аяксамъ Аверьянъ Александровичъ, едва удерживаясь отъ смѣха.—Какая такая еще правда?

— Брешутъ все,—покачивая всклокоченной головой, смѣялся Якунчикъ.

— Брешутъ!... А мерина-то кто въ банѣ запарилъ, а?—слышенъ тотъ же упрямый голосъ изъ тьмы.

— Какъ, то-есть, мерина, да еще въ банѣ?... Ну, ужь это, братъ, ты,—кто это тамъ, дядя Семенъ што ли?—напраслину, кажется,

*) *Клочить сома*—ловить сома, обыкновенно съ лодки, удочками, и подманивать его на голосъ лягушекъ, до которыхъ онъ большой охотникъ. Для производства звука, подобнаго кваканью лягушки, употребляется нѣчто вродѣ деревяннаго уполовника съ черпакомъ малыхъ размѣровъ. Обращенное отверстіемъ внизъ, къ поверхности воды, такое орудіе при ударѣ по ней производитъ бульканье вродѣ звука «клокъ!» при выходѣ запертаго и сжатаго подъ нимъ воздуха и, такимъ образомъ, подражаетъ кваканью земноводнаго. На удочки насаживаются тоже лягушки.

впередъ знающій такой, письменный человѣкъ да по закону ее и давай допытывать.

— Кто такова?...

Та молчитъ.

— Кто такова?... Эй, ты, отвѣчай по пунктамъ!

Та молчитъ.

— За запирательство отвѣчать будешь, мотри!

Свинья хрюкнула.

— Какъ?... До ты по-русски толкуй!... Слышь, на какомъ языкѣ съ тобой говорятъ?... Отвѣчай сейчасъ, кто такова и сколькихъ лѣтъ отъ роду?

— Авдотья Матвѣвна, признайся! Запрешься, хуже будетъ,— уговариваютъ ее близстоящіе, а Авдотья Матвѣевна прижалась задомъ къ изгороди и съ такимъ презрѣніемъ смотритъ на почтеннѣйшую публику своими подслѣповатыми глазами, точно хочетъ сказать: «Держи карманъ! Ахъ, вы олухи, черти, — ишь что выдумали!»... Такъ-таки и не сказала ни слова,—хрючитъ по-своему, да и все, понимай тутъ!... Бились, бились: и грозили-то, и добромъ просили,—уперлась на своемъ и шабашъ.

Дѣлать нечего, присудили загнать ее въ караулку въ такую, вродѣ арестантской, и продержать тамъ денекъ-другой безъ воды, безъ хлѣба, — авось выдохнется, молъ, упрямство-то, пардону запроситъ... Ну, загнали и заперли тамъ,—хрючь, молъ, себѣ на здоровье, покель не заговоришь.

Долго бы, пожалуй, упрямой Авдотьѣ Матвѣевнѣ сидѣть подъ замкомъ, еслибы догадливѣйшіе изъ гражданъ, ради улики, не повалили къ ея обиталищу, чтобы засвидѣтельствовать несомнѣнное отсутствіе хозяйки. Бабы, дѣйствительно, не оказалось дома. Правда начинала торжествовать и теперь оставалось только потерпѣть малость, пока свинья, понуждаемая голодомъ, не обратится въ бабу.

Каково же было удивленіе толпы, возвращавшейся отъ домика Авдотьи, когда она увидала эту самую Авдотью, шедшую ей на встрѣчу, но уже въ своемъ настоящемъ, бабьемъ, образѣ. Ее сейчасъ обступили.

— Эй, тетка, тебя кто же это выпустилъ, а?—обратился къ ней тотъ же допрощикъ.

Баба стояла и смотрѣла на вопросителя и окружавшихъ изумленными глазами.

— Чего молчишь-то!... Опять хрючать начнешь?... Эй ты, тебя спрашиваю!—приступалъ онъ къ озадаченной женщинѣ.

— Да тебѣ чего-нь отъ меня надоть, а?... Чего ты меня середь дороги-то остановилъ?—мало-по-малу приходила въ себя не совсѣмъ-то миролюбивая Авдотья Матвѣевна, инстинктивно принимая оборонительную позу.

— Какъ, чего надо?... Кто тебя выпустилъ?... Русскимъ языкомъ тебя спрашиваю, аль нѣтъ? Оглохла што-ль?...

— Да ты што, въ самомъ дѣлѣ, ошалѣлъ што ли? Чего меня выпущать-то, откель?! Аль я воровка какая?!... А вы што буркалы-то вылупили?—обвела она сердитыми глазами окружавшихъ, сильно повышая голосъ, начинавшій переходить въ крикъ.—«Кто тебя выпустилъ, кто тебя выпустилъ?»—передразнила она письменнаго человѣка.—Кто выпустилъ?—да сама ушла!... Къ тебѣ што ли докладываться пойду, лѣшій ты эдакій?

— Слышите, люди добрые, *сама ушла!*—торжествующимъ голосомъ обратился импровизованный слѣдователь къ толпѣ.—Втюрилась, тетенька, проговорилась!—бросилъ онъ доведенной до границъ недоумѣнія Авдотьѣ Матвѣевнѣ.—Еслибы ты не оборотень была, какъ бы ты изъ караулки ушла, а?... Ну-ка?!... То-то! А то свинья, извѣстно!... Сказывай, подрылась што-ль?...

Тетка Авдотья начинала наконецъ мало-по-малу понимать, въ чемъ дѣло. А такъ какъ для нея не было названія горшаго «оборотня», то она вспыхнула какъ порохъ и, задыхаясь, съ визгомъ и остервененіемъ настоящей вѣдьмы, начала отважно наступать на оторопѣвшаго въ свою очередь слѣдователя.

— Ахъ ты, сволочь проклятая, подлецъ ты этакій!... Ты што это вздумалъ, а?... Издѣваться?... Ругатель ты этакій, охальникъ! Ты думаешь, что я—бѣдная, горькая женщина, такъ на тебя и суда нѣтъ?... Врешь, воровскіе твои глаза, врешь!!.. Я къ губернатору дойду!—чуть не плача, вопила Авдотья.—Я еще сама воровскія-то твои бѣльма выцарапаю!—Въ толпѣ послышался смѣхъ.—Ахъ ты, батюшки мои, свѣты, да што же это такое, а?... А вы што?—бросилась она къ окружающимъ.—Ахъ вы, олухи, олухи оголтѣлые!... Чѣмъ бы вступиться за женщину за беззащитную, а вы ржать!.... Лошади, лошади вы и есть!—со злобой и презрѣніемъ покачала она головой и храбро подалась впередъ, такъ что толпа шарахнулась отъ беззащитной женщины, въ самомъ дѣлѣ напоминая собою косякъ лошадей.

— Вишь ты, заговорила! Бабой-то сдѣлалась, что значитъ, сказалась сейчасъ... Чего-жь ты даве-то ломалась? Мало тебя добромъ просили?—оправившись, приступилъ опять къ Авдотьѣ письменный человѣкъ.

— Что?!.. Въ кабакѣ видно глаза-то оставилъ, подлый ты человѣкъ, память-то пропилъ видно!... Кому ты и что лопочешь-то, помнишь ли?... Я, чай, тебя съ недѣлю и въ харю-то въ твою поганую не видала... Ты што говоришь-то, понимаешь ли?—протестовала не успѣвшая успокоиться, все болѣе и болѣе сбиваемая съ панталыку, Авдотья.

— Ну, нѣтъ, тетенька, шалишь! Теперь ужь поздно на попятный-то,—сама похвалилась, што сама ушла.

— Люди добрые, да што-жь это такое будетъ?—взвизгнула баба къ окружавшимъ, вновь обращаясь въ вѣдьму.—Чего ему отъ меня надо?... Куда я ушла, откель ушла, кто меня выпущалъ—не пойму я ни рожна тутъ!... Чортъ этакій, дьяволъ, лѣшій проклятый!!... Да вѣдь я у кумы у Сидорихи была,—куда-жь я ушла-то, откель?... Дерево!

— Ребята, слыхали, што плететъ, а?... Ай баба!... Пойдемъ-ка, мы вотъ тебѣ укажемъ, у какой такой Сидорихи ты была, откель ушла ты. Пойдемъ-ка... У кого ключъ-то?

Изъ толпы подали ключъ письменному человѣку.

— Ну-ка, налѣво кругомъ, маршъ!—скомандовалъ онъ потерявшей послѣднія крупицы разсудка Авдотьѣ Матвѣевнѣ.

Толпа было двинулась, но Авдотья, совершенно освирѣпѣвшая, стала наступать на командира.

— Это куда я съ тобой пойду, подлая твоя рожа, куда?!... Чего я тамъ не видала, разбойничья твоя душа?!

— Куда велятъ, туда и иди!... Покажемъ тамъ.

— На-ка вотъ тебѣ, чортова голова!—и при этомъ Авдотья Матвѣевна внезапно подступила вплоть къ своему преслѣдователю и изо всей своей бабьей силы и ярости плюнула, точно выстрѣлила, ему въ лицо!

Однако, несмотря на этотъ отважный приступъ, а можетъ-быть большею частью даже благодаря ему, силами толпы она должна была совершить шествіе къ караулкѣ, во время котораго ругня съ провожатыми и съ письменнымъ человѣкомъ не прекращалась.

Наконецъ, прибыли на мѣсто. Нѣкоторые обошли караулку, тщетно отыскивая, гдѣ подрылась бѣглянка, а письменный че-

ловѣкъ подступилъ къ двери, но не успѣлъ еще вложить ключа въ сердечко замка, какъ въ карауліѣ послышалось недовольное, вопросительное хрюканье. Всѣ остолбенѣли и отпиравшій разинулъ ротъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Это что же такое? — пронеслось въ толпѣ. Мнимая Авдотья Матвѣевна тоже укоризненно хрюкала, словно хотѣла сказать: «ну, что, олухи? За какимъ лѣшимъ меня сюда сажали?» Всѣ смотрѣли другъ на друга изумленными глазами.

— Ну-кось, отворяй, чего стоишь-то? — со смѣхомъ раздалось кругомъ. Ошеломленный письменный человѣкъ осторожно пріотворилъ дверь. Изъ караулки выскочила соскучившаяся, надо полагать, свинья, но бѣжать ей было некуда, такъ какъ кругомъ тѣсно стояла толпа.

— Мамка, мамка!—вдругъ раздался звонкій ребячій крикъ,— глянь-ка, Чернобочка-то наша—вотъ она гдѣ!

На голосъ мальчонки сквозь толпу продралась растрепанная баба и начала костить слишкомъ прозорливыхъ обчественниковъ.

— Смотри-ка, а!... Ахъ, Царица Небесная! Вы што-жь это, ошалѣли, што ли?... Ишь ты какое дѣло нашли—надъ свиньей потѣшаться вздумали... Чернобочка моя, Чернобочка, сердешная моя!—причитала женщина, кидаясь къ обиженной свиньѣ, которая совалась ей въ ноги и хрюкала, точно жаловалась.

— Такъ это, стало, твоя свинья-то? — спросилъ кто-то въ толпѣ.

— А то нѣтъ,—ваша, видно?... Дурни этакіе,—пра, дурни!

— Вотъ тебѣ и Авдотья Матвѣевна!

Выборные стояли разиня ротъ, а Авдотья пушила ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Такъ-таки и должны были признать свинью Чернобочкой. Хитрый народъ эти бабы!

Слушая эти насмѣшки надъ красноярами, человѣкъ, незнакомый съ ними, долженъ по-неволѣ составить себѣ не совсѣмъ-то лестное понятіе объ ихъ умственныхъ способностяхъ. На дѣлѣ это вовсе не такъ. Населеніе Краснаго-Яра и его уѣзда—народъ очень смышленый, самостоятельный и зубастый, иногда до дерзости, — *вотъ народъ*, какъ говорится, «отъ семи собакъ отгрызется». Но эта-то способность «отгрызаться», кажется, и служитъ первою причиной ироническаго отношенія къ нимъ остальнаго населенія края. Нелѣпости, простофильство и дикіе

поступки способнаго и зубастаго человѣка скорѣе распространяются и подхватываются народнымъ остроуміемъ, нежели глупости и промахи смирнаго простофили, по поговоркѣ: «лежачаго не бьютъ». Надо сознаться, впрочемъ, что подпочвой разсказамъ о красноярахъ служитъ быль, что естественно, если принять во вниманіе образцовое невѣжество города и уѣзда, особенно въ недалекомъ прошломъ. Спеціализированіе способностей, съ дѣтства направляемыхъ въ сторону рыболовства, — міра, въ которомъ суждено вращаться здѣшнему человѣку въ теченіе цѣлой жизни,— дѣлаетъ изъ него какого-то Іону, заключеннаго во чревѣ китовѣ. Потому нечего удивляться, что здѣсь самыя дикія понятія уживаются мирно съ далеко недюжинными способностями. Темнота и тѣснота китова чрева!

— А давно это было? — полюбопытствовалъ Аверьянъ Александровичъ, какъ скоро исторія объ Авдотьѣ Матвѣевнѣ была исчерпана.

— Что это такое?

— Да свинью-то вы допрашивали?

— А кто ее знаетъ!... При царѣ Горохѣ, можетъ.

— Чего при Горохѣ!... Ни ахти давно было,—подхватывается вновь во тьмѣ.—Нечево тутъ!

— А ты вотъ што, дядюшка Семенъ, чѣмъ о людяхъ-то, о себѣ лучше бы поразсказалъ, право! За вашими-то какія такія качества есть?

— А есть нешто, Иванъ Иванычъ? — съ участіемъ спрашивалъ Аверьянъ Александровичъ.

— Вона!... Да ты его спрашивай, пущай самъ говоритъ.

— Семенъ, слышишь?... Чего молчишь-то?

— Объ чемъ говорить-то? Не знаю я ничего такого,—послышался раздражительно-недовольный отвѣтъ.

— Ишь ты! На свои-то дѣла память у него какая короткая.

— Помнить-то нечего такого!... Зубоскальство одно.

— Иванъ Иванычъ, да скажи хоть ты! Знаешь, чай, что они такое натворили?—приступаетъ пиджакъ.

— Сказать-то, пущай, отчего не сказать, да дѣло-то не больно ловкое. Не даромъ запирается Семенъ... Уголовщина!

За печью поднимается неясное рычаніе, пересыпаемое несомнѣнною руганью словъ и сдержаннымъ хохотомъ Андрюньки.

— Что-жъ это, Семенъ? Видно не любишь?... Нечего сердиться-то,—мы не доказчики,—утѣшаетъ Аверьянъ Александро-

вичъ, подливая масла въ огонь. Рычаніе дѣлается все явственнѣе и ругань рѣзче и выразительнѣе. Ясно, что тронуто больное мѣсто дяди Семена.

— Нечего тутъ съ нимъ! Сказывай, что это они сдѣлали?... Сказывай! Онъ будетъ ругаться, а мы что ему за потатчики?— съ искуственнымъ азартомъ и сердцемъ рѣзко обратился Аверьянъ Александровичъ къ Ивану Ивановичу.

— Разсказать-то я тебѣ въ ихнемъ дѣлѣ ничего не могу,— мудреное больно.

— То-есть какъ же?

— Да вотъ, нашински-то дѣла я тебѣ всѣ, какъ слѣдуетъ, растолковалъ — какъ, што и почему, а ихъ самъ квартальный не разберетъ, какимъ, то-есть, манеромъ... Да!

— Да ты прежде скажи, что они сдѣлали-то.

— Сказываютъ, телушку огурцомъ зарѣзали.

— Что?!...—Изумленіе Аверьяна Александровича было таково, что всѣ покатились со смѣху. За печью кто-то съ остервененіемъ плюнулъ.—Самъ ты посуди, Иванъ Ивановичъ, развѣ это можно?...—помолчавъ, сообразилъ онъ. —На чемъ же они огурецъ-то точили, а?... И какъ они ее рѣзали?... Непонятно совсѣмъ.

— Я тебѣ сказывалъ—не понятно. Ужь песъ ихъ знаетъ, какъ тамъ они ее рѣзали,—зарѣзали только... Да ты дядю Семена объ этомъ дѣлѣ спроси,—ему лучше знать.

Доходившее до ярости раздраженіе Семена и нерѣдко, во время разсказа этой исторіи, переходившее въ драку, давало понятіе о томъ, на сколько онъ любилъ ее. Несмотря на его солидные годы, стоило за обѣдомъ показать ему огурецъ, даже безъ умысла попотчивать имъ или кивнуть на шедшую мимо телушку, чтобы произвести въ немъ припадокъ умоизступленія и сдѣлать его поступки совершенно невмѣняемыми. Вѣроятно, каждому изъ читателей случалось встрѣчать подобныхъ субъектовъ.

Такъ было и теперь. Вѣроятно, во избѣжаніе огуречно-телячей исторіи, онъ плюнулъ съ омерзеніемъ, крѣпко выругался и зашагалъ было прочь отъ собесѣдниковъ, но голосъ старика-хозяина остановилъ его.

— Постой, постой! Куда ты, умная голова? Самоваръ-то кипитъ. Бери, тащи въ каюту! Полно тебѣ объ телушкѣ-то убиваться... Андрюнька! свѣчу тамъ зажги.

Изъ тьмы появился пожилой, угрюмый, всклокоченный рабочій и, ворча, сталъ пробираться къ пыхтѣвшему самовару.

— Тебѣ-то какъ не стыдно!—укоризненно ворчалъ онъ, относясь къ хозяину. — Старикъ почтенный, а зубы тоже скалишь!... Чѣмъ бы унять жеребцовъ-то, а ты самъ... Еще хозяинъ прозываешься... Ишь ржутъ! Чему обрадовались?...

Семенъ порывисто подхватилъ самоваръ, высоко поднялъ его и на проломъ двинулся къ каютѣ, словно намѣреваясь ошпарить хохотавшихъ собесѣдниковъ.

— Вотъ дуракъ-то, право, дуракъ!—послалъ вслѣдъ уходившему Петръ Дмитріевичъ. — Ровно махонькій! Самъ любитъ на чужой счетъ языкъ чесать, а скажи ему про телушку или огурцомъ попотчуй,—излаетъ тебя, хоть незнамый ему будь вовсе... Ну, всѣ и узнаютъ, что такой дуракъ!... Однако, гости честные, Николай Васильичъ, Аверьянъ Александрычъ, прошу покорно — чайку! Въ каюту прошу, Иванъ Иванычъ, Василій Семенычъ!

Старикъ поднялся съ мѣста и исчезъ во мракѣ по направленію къ каютѣ. Сидѣвшіе, одинъ за другимъ, тоже разбрелись по темной палубѣ загроможденнаго судна, сначала едва различая окружавшее. Однако, съ каждымъ моментомъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, глазъ все болѣе и болѣе привыкалъ къ темнотѣ, мало-по-малу выдѣляя предметы, еще недавно совершенно тонувшіе во тьмѣ. Мачты и стеньги трехмачтоваго судна прежде всего вырѣзались въ вызвѣздѣвшемъ небѣ: оснащенныя паутиною вантовъ, онѣ тихо колебались въ вышинѣ, застя то ту звѣзду, то другую. Темная масса воды лѣнивою и крупною волной едва колебалась вокругъ судна. Было тихо; только якорный канатъ то, тихо напрягаясь, поднимался надъ водою, тонкими струйками стекавшей и капавшей съ него, то погружался, скрываясь въ ней вновь. Равномѣрные, сочные всплески его точно мѣрили ночь, воцарившуюся въ морѣ. Послѣдніе огни гасли, послѣдніе уголья чуть рдѣли, покрываемые пушистымъ пепломъ, точно хотѣвшимъ сказать имъ: «спите!»... Несмотря на конецъ сентября, кое-гдѣ пѣлъ рѣдкій комаръ,—значитъ, судно стояло въ черняхъ, окутанное тихой, теплой осенней ночью.

Однако, свѣтъ изъ каюты скоро напомнилъ о чаѣ и привлекъ бродившихъ по палубѣ внизъ.

Маленькая каютка, слабо освѣщенная стеариновою свѣчкой, была полна бѣлаго пара бурлившаго самовара, густо стлавшагося по низкому потолку и выползавшаго на вольный воздухъ. Прямо противъ входа кидался въ глаза столъ съ чайными принадлежностями. Самоваръ, приборъ, бѣлый калачъ, крендели,

несящіе *вверху*.*) имя баранокъ, тарелка съ икрою и другая съ печеною кайвой. Слѣва, въ самой корнѣ—темныя иконы съ тонкой восковою свѣчей, прилѣпленной къ одной изъ нихъ; справа—жесткое старческое ложе хозяина, покрытое плотнымъ персидскимъ ковромъ; около стола—два складные рѣшетчатые стула въ видѣ буквы X и небольшой красный сундучокъ—тоже импровизованный стулъ — все это составляло незатѣйливую обстановку каюты. Можно было подумать, что она не составляла постояннаго мѣстопребыванія старика, такъ какъ онъ имѣлъ на Эмбѣ три такія посудины и нерѣдко переѣзжалъ съ одной на другую.

За чаемъ Звягинъ неоднократно покушался навести хозяина на предметы разговора, интересные для себя, особенно о прошлой жизни населенія, объ условіяхъ лова и т. п., но старикъ какъ-то туго подавался на это. Онъ ограничивался долгое время короткими, отрывочными отвѣтами, изъ которыхъ трудно было извлечь что-нибудь общее, имѣющее опредѣленную физіономію.

Этотъ странный, какой-то страдательный индифферентизмъ къ минувшему, даже къ собственной жизни, брошенной въ архивъ забвенія, къ сожалѣнію, слишкомъ часто приходится наблюдать въ русскомъ народѣ, хотя не легко объяснить и оправдать его. Бѣдность ли и сѣрое однообразіе самой жизни, мало ли измѣнившіяся формы ея, наличные ли интересы, застящіе прошедшее—Богъ вѣсть!... Кому не случалось встрѣчать стариковъ, пережившихъ часто цѣлые общественные катаклизмы, долгіе періоды времени жившихъ ихъ послѣдствіями, отъ которыхъ, съ величайшими усиліями, едва-едва удалось добыть самыя поверхностныя свѣдѣнія о нихъ, какъ будто люди эти оставались совершенно въ сторонѣ, посторонними и нетронутыми событіемъ.

Несмотря на несомнѣнный умъ, память и относительное развитіе старика, то же повторялось и здѣсь, пока, наконецъ, усилія Звягина не возымѣли нѣкотораго успѣха.

— По которому году въ море-то вышелъ?—понукалъ Николай Васильевичъ хозяина, подталкивая его точными вопросами.

— Хе-хе-хе! Мальчонкой еще...

— Вотъ бы и разсказалъ что изъ дѣтства-то.

— Любопытно вѣдь...

---

*) *Вверху*—вверхъ по Волгѣ. Обыкновенно подразумѣвается средняя полоса Россіи.

— Чудной ты!... Чего любопытно-то?... Дѣло дѣтское,—извѣстно, что на умѣ-то было, о чемъ думалось тогда...

— Глаза-то, чай, были... Неужли такъ все и осталось, безъ перемѣны,—а?

— Какъ то-есть?

— Да такъ. Развѣ все одно—что теперь, что за семьдесятъ лѣтъ? Перемѣны, чай, были же? Ну, суда, орудія, условія лова, люди, наконецъ,—мало ли что!

— Куда! похожаго нѣтъ... Мало ли перемѣны въ это время!

— Вотъ то-то... Развѣ это не любопытно? Что ты помнишь, того намъ и не вспомнить,—такъ и пропадаетъ жизнь-то минувшая безъ слѣда.

Петръ Дмитріевичъ задумался, точно что соображалъ.

— Какъ перемѣнъ не быть! За мое время и моря-то не узнаешь... Мы, вотъ, сюда на Эмбу, я помню, ты думаешь, какъ ходили?

— Какъ же?... Не понимаю что-то... Путь-то одинъ... Суда развѣ другія?...

— То-то и есть! И суда-то другія, и путь-то другой были. Еще лодокъ этихъ и судовъ-то съ косыми парусами не знали... До казачьихъ-то водъ мы проранами на веслахъ ходили—вотъ што!

— Какъ, и весной-то?...

— Да, и весной.

— Что-жь, рыба-то васъ ждала, что-ль, бѣлякъ-то?... Не заставали, чай, густой-то?...

— Не заставали, пускай, да и не надо было,—и такъ въ волю налавливались. Не эстолько рыбы-то было, что сейчасъ.

— Значитъ, по-твоему, меньше рыбы-то стало?

— Да какъ тебѣ сказать-то? Родитель покойникъ сказывалъ, да и самъ я помню, по полтинѣ за штуку, за бѣлугу-то за семи-четвертовую, хозяева водъ да и арендаторы-то ловцамъ жаловали. Поштучно брали рыбу-то... Кажись, по теперешнему судить, тутъ и на мѣшокъ муки не наловишь, а въ старые годы налавливались... Вотъ ты и суди, что ея было, рыбы-то!

— Отчасти, пожалуй, и такъ, а главное—ловца-то нынче вдесятеро больше сдѣлалось, Петръ Дмитріевичъ! Гдѣ прежде рыба-то въ однѣ руки шла, тамъ ее теперь на десятерыхъ дѣлить надо.

— Вѣрно... Чѣмъ ловили-то, ты спроси? Бывало на пятьдесятъ перетягъ поймаешь столько, что теперь на триста, четыреста не придется.

— Ну, а все-таки по полтинѣ за бѣлугу—трудно вѣрится. Въ самомъ дѣлѣ, на хлѣбъ не заработаешь.

— Вѣрно тебѣ сказываю, до семи четвертей — полтина, до восьми—выше, до девяти—еще выше, а икру или икряную рыбу—по уговору, отдѣльно. Мѣрой рыбу-то брали... Да ты чему дивишься? Вѣдь море-то до четырехъ-саженной глубины барское было, помѣщичье. Допрежь ловили-то все крестьяне почесть,—што хотѣли господа-то, то и давали... Куда пойдешь?

— Откуда здѣсь крестьяне-то взялись? Неужели все жалованные? Вѣдь безлюдье, чай, было здѣсь?...

— Были которые и жалованные, а много которыхъ баре-то сверху сюда гнали изъ другихъ имѣній, вродѣ какъ бы опальныхъ. Цѣлыя села выселяли... Однихъ хохловъ, что!... А у чего имъ сердешнымъ сидѣть здѣсь было? Ты то возьми—камышъ да солончакъ... По неволѣ за рыболовство примались. Кабала—одно слово! Оттого баре и милліоны-то наживали или вонъ арендаторы, хоть бы Сапожниковы или Манаровы. Да это еще что! При крѣпостномъ-то правѣ што было, такъ вчужѣ морозъ по кожѣ деретъ. Крестьянинъ-то вовсе закабаленъ былъ. Помѣщикъ-то его и въ ловъ справитъ, помѣщикъ и продовольствіе дастъ,—мужикъ-то весь его и съ потрохами, что называется, вѣчный барщинникъ, кругомъ закрѣпощенъ, вѣчный должникъ, да еще и крестьянинъ-то къ тому, — извѣстно, дѣлай съ нимъ, что вздумаешь, хоть ремни изъ спины рѣжь!... Бѣдовыя времена были, Николай Васильичъ, бѣдовыя! — произнесъ потомъ старикъ, подувая въ блюдце и прихлебывая горячій чай.—Да ужь на што для насъ, для вольныхъ людей, и то вспомнить нехорошо. Ровно царства какія особыя здѣсь у помѣщиковъ-то, у владѣльцевъ, были, право! Захочетъ обидѣть тебя, какъ шельма какая промысловая, и обидитъ. Мало того, по міру пуститъ—и суда искать негдѣ.

— Это какже такъ?

— Говорю—царства особыя были... Да куда царства,—никакого закона не знали! Начальствомъ-то вертѣли, какъ хотѣли. Извѣстно, тузы все, рука вездѣ, такъ и губернаторовъ не больно уважали. Опять — деньги... Мелкота-то вся чиновничья закуплена была, да и старшимъ-то грѣхомъ перепадало,—такъ какой тутъ судъ?... Захочетъ тебя разуть разъѣздной какой, по враждѣ или по дурости, да не войдетъ въ твое дѣло контора,—и идти некуда... Такъ-то! Да не то, что помѣщики, и арен-

даторы-то такъ поступали, если не хуже. Сами-то владѣльцы—баре большіе были, знатные, въ Питерѣ проживали,—управляющіе больше наживались... Ну, воды-то въ аренду сдавать и стали, а тутъ ужъ, извѣстно, купецъ наготовѣ. Такъ вотъ этакій купецъ-то тоже своего рода царькомъ дѣлался. Возьметъ если лицевыя (къ морю) воды,—ну, и владѣетъ до четырехъ саженъ. Самъ знаешь, черти отмелыя, чуть не день ходу до нихъ, до четырехъ-то саженъ. Палестина-то вся его,—какъ ее минешь? Море—его, рѣки его и земли его. Вотъ ты и пойми. Въ море, значитъ, идешь чужой водой, изъ моря, съ рыбою, тоже чужой водой,—мало ли тутъ грѣха можетъ статься, особенно если на злаго человѣка угодишь?

— Какимъ же это образомъ? Объясни толкомъ.

— А такимъ. Ловцу-то если дашь чуть не полтину за рубль, такъ будешь его караулить. По чернямъ-то поневолѣ покупщики и обловщики появились. Оно и понятно: купить дешевую рыбу кому не лестно, да и продать-то еще лестнѣй. Ловецъ-то иной въ долгу по уши арендатору-то: сдай ему рыбу—въ уплату пойдетъ, а на сторону-то—хоть рубль, да мой. Такъ-то! Воровство-то развести не долго, да искоренять его трудно. Самъ знаешь, до чего разбаловался ловецъ: и условія другія, и цѣны хорошія,—нечего говорить,—а все жалуются хозяева-то.

— Ну, жалобы эти извѣстны,—о нихъ не стоитъ говорить. Кабы у насъ купецъ-то думать учился, такъ плохой ловъ простыми, законными путями объяснилъ бы, а то онъ, собственной практикой видно, дальше подозрѣнія и обвиненія нейдетъ. Укажи-ка хоть одного, который бы отъ воровской покупки рыбы-то житъ пошелъ,—анъ и не найдешь. И выходитъ все это—грошевое и пустое дѣло, которое никому и изъяну-то нанести не можетъ. Только купеческая голова способна воображать, что вѣки-вѣчные въ морѣ одни и тѣ же уловы будутъ. Что они знаютъ по своей части, предприниматели-то эти?... Невѣжество непроходимое,—карманомъ думаютъ!... Да ну ихъ къ чорту! Разговоръ-то ты совсѣмъ въ сторону своротилъ... Да. Ну, такъ вотъ, если ужъ теперь хозяинъ ловца-то бережетъ, такъ въ старое время, при дешевыхъ-то цѣнахъ, и толковать нечего. Строгости это у нихъ на промыслахъ были—ни приведи Боже! Разъѣздные да досмотрщики хуже полиціи всякой,—ни пройти, ни проѣхать, говорю тебѣ... Одними допросами замаютъ тебя: какъ, да когда, да гдѣ рыбу бралъ, гдѣ ловилъ, да куда идешь,—бѣда, одно слово! А главное—не у на-

ныхъ ли, молъ, ловцовъ понупалъ... Даже горе возьметъ! По неволѣ иной разъ скажешь што. А скажи што супротивъ, да не покажется оно, такъ отведутъ твою лодку-то съ рыбой на ватагу, да тамъ и привяжутъ,—какъ, молъ, контора рѣшитъ... Ну, и ступай въ Астрахань, разбирайся тамъ въ конторѣ-то. А то бывали и такіе примѣры: и вовсе рыбу-то себѣ на выходъ перетаскаютъ,—жалуйся поди!...

— Ну, такъ, чай, и отдавали?... Всякому своего жаль... Этакъ и до смертоубійства недалеко!

— А то нѣтъ, не бывало, думаешь?... Всего случалось. Война безперечь въ черняхъ-то шла... Разъѣздные, я помню, какіе выбирались — богатыри, зубастые, дерзкіе. Сами-то чуть ли не изъ разбойниковъ. Ну, такія они уже себѣ и артели подбирали, чтобы козырь къ козырю, значитъ, молодецъ къ молодцу, — обловщикъ или перекупщикъ какой встрѣнется, такъ чтобы не выскользнулъ, а заортачится, такъ на себя пеняй: пришибъ да и за бортъ,—жизнь-то не больно дорога. А чѣмъ докажешь?... Одно море темное, да небо синее... И охота же это у нихъ на лодки на скорыя была! Бывало такую соорудуютъ, что только «урви да умчи», чтобы мигомъ было. Бывало завидитъ тебя такая-то, да если дастъ тебѣ маякъ: «сажай», молъ,— ну, и сажай, некуда тутъ идти,—не уйдешь, какъ бы далеко ни былъ... Ну, вотъ, ты и подумай, что-жь ты съ такимъ народомъ подѣлаешь?... Опять вооружены: если далеко, да думаешь лыжи навострить, того и гляди—пуля тебѣ въ догонку, другая, а то и третья свистнетъ,—посадишь тутъ по неволѣ. Правда, въ парусъ спервоначалу больше стрѣляли, а вѣдь кто поручится, что какая шальная не чиркнетъ тебя?

— Зачѣмъ же это въ парусъ-то?—съ любопытствомъ спросилъ Аверьянъ Александровичъ.

— Хе-хе-хе-хе! Зачѣмъ въ парусъ? — Извѣстно, страху на тебя нагонитъ, да и парусъ-то изрѣшетитъ,—вѣтромъ-то его, значитъ, такъ ужь и не беретъ... Такъ вотъ, какъ воды-то свои владѣльцы и арендаторы по морю оберегали! Видно, было чѣмъ покорыстоваться.

— Неужели такъ дѣла-то эти и проходили безъ послѣдствій?—спросилъ, подумавъ, Звягинъ.

— Можетъ и было што,—кто его знаетъ... А больше, чай, Богъ одинъ судилъ... И теперь проходитъ не мало, поди. Хотя, правду сказать, тихо нынче въ морѣ-то, а все, нѣтъ-нѣтъ, анъ

глядишь—и спинулъ человѣкъ. Чай и на твоихъ глазахъ не мало народу въ морѣ пропало... Про Столыпинникова, про казака, чай слыхалъ?

— Да, слыхалъ.

— Вотъ видишь! А Наяновское, Сызрановское, Банцыкинское дѣла давно развѣ были?... Гдѣ люди-то?—Въ томъ же морѣ остались, а ужь, кажись, тутъ ли не улики?... И вещи-то убитыхъ найдены, и улики собраны, а всѣ сухи изъ воды вышли. Самому тебѣ это вѣдомо, а ты дивишься, что въ старое время зря дѣла эти проходили. Чудакъ ты, Николай Васильичъ, право чудакъ! Ты то пойми, что тамъ и сила была, и связи, и деньги, а теперь што—а?.. Захочетъ тебя твой киргизъ рабочій ухлопать, да такъ, до втораго пришествія, суда и не найдешь.

— Ну, теперь промысловая жизнь—другая, времена Стеньки Разина прошли.

— Разину-то, сказываютъ, больно радъ народъ здѣсь былъ.

— Да, если встарину тутъ у васъ такіе паны хозяйничали, такъ и Разину обрадуешься.

— То-то я тебѣ и сказываю. Слыхалъ я—отъ батюшки, отъ покойнаго, впрямь слыхалъ. Такъ вотъ што было, а ты спрашиваешь: похоже ли, молъ, на старое теперь-то... Ишь чего придумалъ... Время другое теперь, другъ ты мой,—время другое! Человѣкъ-то сталъ вольный, ловъ вольный, воды морскія въ казну отошли,—лови, гдѣ знаешь! Цѣны для ловца хорошія,—изъ-за чего теперь воевать-то? Я и то говорю: нѣтъ-нѣтъ, да на лихаго человѣка и наскочишь.

— Ну, кто же кого обижалъ-то больше: разъѣздные закупателей и обловщиковъ, или тѣ разъѣздныхъ?

— А какъ придется... Чья возьметъ, то и есть. Въ морѣ-то хуже еще, чѣмъ на бѣломъ свѣтѣ,—сказываютъ: кто силенъ, тотъ и воленъ... Ну, одначе, и на ихъ милость, на разъѣздныхъ-то на этихъ, были тоже свои молодцы, лицомъ въ грязь не давали. Знали ихъ тоже по чернямъ-то, побаивались...

— Что-жь за люди такіе?

— Разные тутъ были—кто съ борку, кто съ сосенки... Такіе ужь собирались, чтобъ удаль удалью, а силу силой встрѣтить можно было. Вотъ тутъ-то настоящія-то баталіи и бывали. Этакіе-то соберутся вотъ,—о чемъ жалѣть?... Голова давно въ петлѣ почесть... Лодку справятъ,—одно слово, сами хозяева,—справятъ, да въ море-то въ знакомое и выйдутъ душу повеселить. Съ та-

ними-то и разъѣздные боялись схватываться, по неволѣ развѣ. Правду сказать, тѣ и другіе другъ друга не токмо въ лицо, но по имени и по отчеству знали, понимали, въ моготу ли противникъ, и не связывались, а иной и прямо уступали. Развѣ старыя зло и обида припоминались,—ну, тутъ ужь разсчитываться за нихъ приводилось, — дѣлать нечего... Да, такіе молодцы по морю-то шатались, что никому и ничему спуску не давали — ни разъѣздному, ни гурьевцу, ни своему брату-астраханцу. Нагрянетъ на тебя этакая орава, гости незваные,—ну, тутъ ужь располагайся, угощай... А и попросятъ чего, не отказывай; гдѣ и своя рука владыкой окажется, такъ не очень-то въ задоръ иди, сквозь пальцы посматривай, иначе хуже бы чего не было.

— Какже, чай, такіе люди извѣстны были? Неужели въ городѣ и управы на нихъ нельзя найти было?

— Извѣстны!... Пріятели со всѣми были, по-пріятельски и навѣщали. Никто и не ссорился,—надежнѣе такъ-то было. Пріѣдутъ, бывало, къ тебѣ на посуду, — напьются, насквернословятъ, нашумятъ, икры или клея тамъ возьмутъ, мѣшокъ-другой муки или пшена *выпросятъ*, да вдобавокъ, пожалуй, еще и наглумятся надъ тобою, а ты радъ-радёхонекъ, что провалились-то, наконецъ, унесъ ихъ песъ. А то судиться?—Куда ужь!.... И доказательствъ иной разъ нѣтъ, да и о головѣ своей думается, если жаловаться-то вздумаешь... Море-то широко... Богъ вѣсть, гдѣ встрѣтиться приведется... Не найдутъ и костей-то. Еслибъ у насъ прибирали разбойныхъ-то людей, а то всѣ по вольному свѣту гуляютъ. Вспомни Наянова: справедливымъ человѣкомъ вышелъ. А киргизицки, что убили Сызранова или Банщикина?... Почитай ихъ дѣло: вѣдь безсомнѣнные убійцы,—съ поличнымъ захвачены.

— Да какже ихъ отпустили-то?

— А денегъ было при нихъ много послѣ хозяевъ-то убитыхъ, такъ правы оказались.

— Такъ и не нашлись деньги-то?

— Нашелъ, можетъ, кто, да не сказываетъ, — засмѣялся Петръ Дмитріевичъ.

Между тѣмъ отъ чая одинъ собесѣдникъ за другимъ отказывались и съ послѣдней опрокинутою чашкой самоваръ былъ прибранъ, столъ очищенъ и старикъ вынулъ колоду картъ съ обычнымъ припѣвомъ:

— Что золотое время-то терять, други мои, не сыграть ли?

— Постой-ка!... Родные-то Стоблинникова тоже вѣдь, кажется, искали его послѣ пропажи-то? Тѣло вѣдь, кажется, гдѣ-то на островъ выкинуло?

— Говорили такъ... Значитъ—само море темное выдало, а то до сихъ поръ не знали бы, за здравіе или за упокой поминать, а умъ мало ли хлопотали!—посмѣялся отвѣтить хозяинъ, тасуя карты и подсаживаясь поближе къ столу.

Видя, что теперь невозможны никакіе разговоры, Звягинъ отказался отъ игры и вышелъ на палубу.

Влажной, но теплой ночною тьмой охватило его. Изъ-за далекаго горизонта тихо колебавшагося моря выдвигался раскаленный комокъ луны. Звягинъ пробрался въ носовую часть судна, усѣлся, прислонясь къ фалбитню, и сталъ наблюдать выроставшую луну и отраженіе, крупно дробимое моремъ. Мало-по-малу мысли его ушли въ сторону и предъ вперившимися вдаль глазами росла, вмѣстѣ съ луною, темная, поглощенная моремъ, судьба Стоблинникова, точно шорохъ и тихій всплескъ волнъ мѣрно и грустно нашептывали ее...

Еще недавно жилъ гдѣ-то вверхъ по Уралу—на форпостѣ ли какомъ, или, просто-напросто, въ самомъ городѣ Уральскѣ—казакъ по прозванью Стоблинниковъ. Оставимъ въ покоѣ его семейныхъ,—не въ нихъ дѣло, не въ нихъ и слово,—дѣло въ томъ, что повадился казакъ ежегодно въ Гурьевъ въ гости навѣдываться, а какими путями—кому это надобно? Съ рыбаками ли рѣчными, съ сѣтями ли плавными сплывалъ по Яику, что нынѣ Ураломъ зовутъ, или какъ купецъ-молодецъ, торговый казакъ, съѣзжалъ подводами многоконными—рыбки купить или подрядъ взять, извозъ, то-есть, положить,—кто его знаетъ?... Ѣздилъ такъ Стоблинниковъ въ Гурьевъ-городокъ не годъ и не два и, надо полагать, торговою частью занимался,—по крайности, на торговлю больше вниманія обращалъ и выгоднаго дѣльца изыскивалъ. Извѣстно, рыбою, да на торгу, на міру торговомъ, да на завидущихъ глазахъ купецкихъ,—какое ужь дѣло?—годъ-другой пользу возьмешь, годъ-другой почти только лошадей прокормишь, а иной годъ и такой случится, что изъ своего кошеля впору добавлять. Товаръ начетистый, капризный: время, бываетъ, теплое стоитъ, покупатель вверху тоже прихимистый,—однимъ словомъ, не ахти какое корыстное дѣло,—поневолѣ инаго искать станешь. Вотъ и поводишь носомъ-то, нюхомъ причуешь, не

потянетъ ли, молъ, какимъ дѣльцемъ подходящимъ. А найдись такое, да если его притомъ еще и люди не раскусили,—ну тогда только желѣзо, пока горячо,—горячія денежки каждый годъ отложишь. Сторона такая, дичь непролазная, добра много кругомъ лежитъ, да брать его некому,—людей нѣтъ. Тутъ ли не золотая розсыпь торговому бывалому человѣку!... Не даромъ про Яикъ и пѣсня сложена, про Горыновичъ-то:

Серебряно твое донышко,
Золотые твои бережки...

А море-то темное—темь зеленая!... Копи-ка его!

Много ли, мало ли времени протекло, а пронюхалъ-таки Столбинниковъ золотое дѣльце. Указалъ ему кто-то изъ благопріятелей или просто бѣдный, но знающій человѣкъ, что больно, дескать, выгодно икорку собирать прямо въ морѣ, отъ ловца отъ труженика, не дожидаясь ея на базарѣ, въ сутолокѣ торговой,—однимъ словомъ, чтобы товара не на печи ждать, а самому къ нему подвинуться, на встрѣчу идти. И ловца-то отъ лова не оторвешь, и конкурента избѣжишь,—значитъ, выгода общая. А если въ морѣ-то въ соленомъ еще чаркой-другой водки продавца спрыснешь, такъ и говорить нечего. Пускай въ лѣвой сторонѣ, на эмбенской грани, вольные ловцы-астраханцы стоятъ, и то задешево купить можно; а что въ правой-то, у помѣщика или арендатора какого, такъ ловцы-то совсѣмъ дешево ряжены, продать радъ всякій. Опять отъ здѣшнихъ тоже, отъ сторожевыхъ казаковъ, не мало и совсѣмъ дешево наберешь, съ Ракушечьяго *) съ самаго, въ устьяхъ, на Пешныхъ... Вездѣ караулятъ, чтобы рыбы никто не ловилъ въ запретныхъ мѣстахъ, и, надо правду сказать, строго свою обязанность соблюдаютъ,—ну, да не себя же имъ караулить, и то надо сказать. Словомъ, какъ ни поверни, выгодное это дѣльце представлялось.

— Попробуй, попытай! Не больно эта хитрость-то велика, только людей надо знать.

— Такъ и быть,—согласился казакъ съ добрымъ человѣкомъ и попыталъ.

---

*) *Ракушечій* Култукъ, т. е. заливъ, вправо отъ главнаго устья Урала. Въ немъ пристань, носящая тоже названіе Ракушечей. Покупка и отправка рыбныхъ продуктовъ, свозимыхъ съ моря казаками-рыболовами. Рыболовство весеннее и осеннее производится казаками въ извѣстное время, съ лица—отъ устьевъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ и по жеребьямъ, а сзади лицевыхъ порядковъ— по своему усмотрѣнію, свободно.

Результатъ оказался хорошимъ, выше всѣхъ ожиданій, и Стоблинниковъ сталъ собирать икорку ежегодно, привыкъ къ дѣлу и людямъ и ходилъ за сборомъ въ море уже не одинъ, а съ кормщикомъ-киргизомъ.

Правду говоря, не больно трудное это и дѣло было. Выйдетъ это Стоблинниковъ на взморье, обойдетъ свои посты казачьи, а тамъ ступай, куда разсудишь,—запрету нѣтъ. Въ лѣвую сторону вздумается—милости просимъ: по Эмбѣ астраханской сотни судовъ раскиданы, только отъ одного къ другому въ гости заходи,—безъ икры не вернешься; въ правую, къ Богатинскому *), еще лучше чай,—воды помѣщичьи, ловцы арендаторскіе, на обухѣ рожь молотятъ, таковъ и умолотъ. Свисни только, такъ и сырой, и дѣланной тебѣ привезутъ. Конечно, тутъ съ опаской надо, какъ бы на какого надсмотрщика не наскочить,—ну, да на это глаза во лбу есть. Впрочемъ, имѣлъ ли какое опредѣленное понятіе казакъ о томъ, что такое промысловый ловъ, запретныя воды, разъѣздной—не извѣстно. Можетъ-быть онъ думалъ, что всѣ воды на свѣтѣ, опричь казачьихъ, царевы,—кто его знаетъ,—а торговля—извѣстно, какая. Цѣны настоящія верховыя и гурьевскія базарныя казакъ знаетъ, а ловецъ что знаетъ въ морѣ-то? Опять торговаться и браковать можно: эта—суха, эта жидка, эта съ хрустомъ, а эта горчитъ. Сноровка-то извѣстная,—поди, разбирай тутъ,—не на базарѣ, изъ рукъ не вырвешь. Водка тоже свое дѣло дѣлаетъ, уступки проситъ... Такъ оно и идетъ. Ну, а умаслишь ловца-продавца, сторгуешься,—тутъ ужь какія хлопоты?... Товаръ готовый, клади на вѣсы да вѣсь—только и всего.

Какъ бы тамъ ни было, по скудости ли рыбы въ лѣвой сторонѣ, для испытанія ли дѣла, по иной ли какой причинѣ, только вздумалось Стоблинникову попытать одну весну икорное дѣльце и въ правой сторонѣ... Добрый путь!

---

*) *Богатинскій*—казачій форпостъ, населенный при устьяхъ рѣчки Баксая, впадающей въ Каспійское море и въ недавнее еще время составлявшей правый рукавъ Урала, изъ котораго она вытекала. Теперь вверху, у самаго Урала, она пересохла и наполняется только въ полую воду. Не имѣя теченія, обыкновенно, вода въ ней, отъ смѣси съ морскою, солоновата. Море противъ ея устьевъ такъ заметано и отмело, что во время выгоновъ совершенно обсыхаетъ и даже въ меженную воду доступъ къ форпосту возможенъ только въ самыхъ мелкихъ судахъ и лодкахъ. Казаки занимаются въ небольшихъ размѣрахъ скотоводствомъ и рыболовствомъ.

Раздолье весной въ морѣ!... Вѣтерокъ подуваетъ и солнце не печетъ, какъ лѣтомъ. Дышешь, точно пьешь что,—нектаръ вмѣсто воздуха, влажный, живящій, пьяный! Мирныя грёзы и тихія волны идутъ Богъ вѣстъ откуда и куда,—встаютъ и ложатся, встаютъ и ложатся, золотимыя солнцемъ и воображеніемъ. О чемъ-то вѣчномъ, безпредѣльномъ, неизбѣжномъ, какъ міровой законъ, напоминаетъ этотъ ходъ, точно мѣрный ходъ міроваго маятника. Такъ дѣйствуетъ на душу колеблющееся однообразіе огромнаго горизонта открытаго моря. Развѣ чайка, сверкая въ синемъ небѣ серебристыми крыльями, вдругъ упадетъ въ мутно-зеленоватую воду и качается на ней комкомъ бѣлой пѣны.

И не раздражаетъ, не утомляетъ море,—напротивъ, успокоиваетъ. Теряешься въ этой безпредѣльности, точно волна межъ биллiонами другихъ... Встаетъ и ложится, встаетъ и ложится... А въ самомъ-то дѣлѣ что́ она такое, что́ мы въ жизни, въ исторіи, въ природѣ?—Только дыханіе моря, лишь всплескъ вѣчности...

Конечно, ни о чемъ подобномъ не приходило въ голову Столбинникова, но не чувствовать моря, его простора и мира было нельзя. Лодка шла весело. Влажный вешній воздухъ текъ легкимъ, но густымъ, вѣтеркомъ и упруго ложился въ паруса. Скрылись мачты, чернѣвшія въ Ракушечьемъ, слился съ горизонтомъ и потонулъ за нимъ островокъ Каменный, миновали кургайскія казачьи суда, стоявшія на лову, а лодка шла по вестъ-зюйдъ-весту и потерялась за гранью войсковыхъ водъ... Потерялась и не нашлась,—съ той поры слуху не стало о Столбинниковѣ... Пропалъ казакъ, сгинулъ безъ вѣсти. Въ темную ли ночь грозная морская буря опрокинула и захлестала его лодку, шкотомъ ли его въ море выбросило, спутникъ ли киргизъ покорыстовался душой и казной христіанскою, или самъ неосторожно за бортъ свернулся,—какъ узнаешь?... Ни лодки, ни хозяина, ни киргиза найти не могли. Впрочемъ, хозяина признали, говорятъ: черезъ годъ или больше море нашло. Разложившійся, полуистлѣлый трупъ, сказываютъ, гдѣ-то на островахъ выкинуло,—такъ, по кресту ли, по ключу ли на поясѣ, вишь ты, признали хозяина. Больше признать было не по чему, — промыло казачьи косточки.

А исторія шла своимъ чередомъ.

Вечерѣло. Оранжевые полутоны ложились на западѣ. Золотые снопы спускавшагося къ горизонту солнца гигантскимъ зо-

лотымъ вѣеромъ раздвинулись по небосклону; тихій вѣтерокъ то западалъ, то тянулъ отъ сѣверо-востока. По сѣверо-западному горизонту ясно виднѣлись песчано-известковые бугры, а по сопкамъ, островамъ и косамъ темнѣли зеленѣвшіе молодые камышки; кое-гдѣ сновали одинокія ловецкія лодки; рѣдкія суда недвижимо стояли въ морѣ. Утомленная вода, едва журча, шептала подъ водорѣзомъ и лѣниво крутилась за рулемъ. Какъ бы засыпая, затихали послѣдніе крики чаекъ. Самый вѣтеръ стихалъ, точно собираясь на отдыхъ; паруса то повисали, то вспыхивали золотымъ румянцемъ заката. Замолкали послѣдніе голоса моря. Хорошо было кругомъ!... Лодка Столбинникова еле подвигалась впередъ.

— Магометъ-бекъ, на посуду держи, мористѣе-то,—около переночуемъ, можетъ. Ты здѣсь мѣста-то знаешь ли?

— Не больно ладна знаю... Мало знаю. Можетъ середка дальше тутъ пойдетъ, хозяинъ.

— А противъ какихъ мѣстъ будемъ теперь, какъ думаешь?

— Пороховой *) прошли... Вонъ... взади-то, вонъ, бугоръ-то маячитъ.

— Какже такъ Пороховой? Ты сказывалъ вѣдь, его еще давеча утромъ прошли?

Киргизъ осклабился.

— То бугоръ былъ Пороховой... Ватага тоже есть Пороховой.

— Пороховинская?... Слыхалъ я.

— Пороховински, Пороховински!... Она будетъ.

— Сажать, што ли?

— Сажать надо, хозяинъ... Коса есть, осередокъ есть,—куда пойдешь?

— Ну, вотъ, спросимъ. Гдѣ лучше, тамъ и посадимъ. Отъ ватаги-то, чай, надо отойти малость. Держи на посуду-то.

Лодка пошла по зюйду, къ темному судну и лодкамъ, тихо колебавшимся за его кормою.

---

*) *Пороховой*—бугоръ. По одному преданію, это тотъ бугоръ, на которомъ хранилъ свои пороховые запасы Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ, а по другому, казачьи отряды, ходившіе для усмиренія Внутренней Букеевской орды, въ предѣлахъ которой онъ и лежитъ. Онъ находится на сѣверо-восточномъ берегу моря, на самой грани астраханскихъ и казачьихъ водъ, не вдалекѣ отъ Баксая и Богатинскаго форпоста, почему и самая грань носитъ названіе Баксайской, точно также какъ восточная—Эмбенской.

Прошло съ четверть часа, пока казакъ стоялъ подъ бортомъ судна, наконецъ парусъ взбѣжалъ вверхъ по мачтѣ и лодка тихо двинулась по вѣтру. Между тѣмъ въ то же время отъ темной бахромы молодаго камыша тихо отдѣлилась небольшая щегольская лодка-реюшка, поставила три паруса на распашку *) и пошла на перерѣзъ казаку, не обращавшему на нее ни малѣйшаго вниманія. Только тогда, когда лодки стали болѣе и болѣе сближаться, кормщикъ-киргизъ предупредилъ хозяина:

— Гляди-ка, пожалуйста, чего это? Ровно на насъ идетъ...

Смутившійся Стоблинниковъ сталъ вглядываться въ настигавшую лодку, но всячески старался ободрять себя.

— Да, на перерѣзъ идетъ... Въ море, чай,—соображалъ онъ.

— Нѣтъ, на насъ вернула... Все къ западу забираетъ. Смотри, какъ бы дурной человѣкъ не былъ...

Стоблинниковъ пробѣжалъ по палубѣ, спустился въ каюту и вскорѣ возвратился, вооруженный старою казачьею фузеей, изъ которой всего успѣшнѣе могло убить или искалѣчить стрѣляющаго. Киргизъ тоже подвинулъ къ себѣ топоръ.

Лодки все болѣе и болѣе сближались. Черневая замѣтно насѣдала на преслѣдуемую. Цѣль ея была несомнѣнна, но мертвое молчаніе не нарушалось и все болѣе давило несчастнаго казака.

— Сажай!—вдругъ раздалось сзади точно изъ тромбона.

Казакъ продолжалъ идти, не подавая отвѣта.

— Эй ты, на свойской!... Сажай, тебѣ говорятъ! Забагрю, хуже будетъ!

— Надо сажать, хозяинъ,—тихо посовѣтовалъ киргизъ.—Куда уйдешь? Смотри, какой лодка,— ровно мартышка. Плохо будетъ, бить станетъ, бѣда совсѣмъ.

— Ну, сажай, што ли,—согласился отощавшій казакъ.

— Сейчасъ сажаемъ, сейчасъ!—крикнулъ онъ на голосъ.—Чего вамъ?

Отвѣта не послѣдовало.

Лодка повернулась носомъ къ вѣтру, парусъ заполоскалъ и, быстро скользя по мачтѣ бѣлою пеленой, упалъ на палубу, точно раненая морская птица свернула подбитыя бѣлыя крылья.

*) *На распашку.*—Идти парусомъ „на распашку“ можно только при попутномъ вѣтрѣ. Это значитъ, что если одинъ парусъ лежитъ на лѣвый галсъ, то другой поднимаютъ на правый и такимъ образомъ увеличиваютъ площадь парусовъ. При поднятіи двухъ парусовъ на одну сторону, при прямомъ попутномъ вѣтрѣ, передній, разумѣется, не будетъ работать, загораживаемый заднимъ.

Трехпарусная лодка мигомъ настигла остановившуюся казачью, тоже заполоскала и стала бортъ о бортъ съ нею, захвативъ ее багромъ, но не роняя парусовъ. Въ ней было четыре человѣка: двое русскихъ и двое киргизъ, всѣ атлетическаго тѣлосложенія.

Одинъ изъ богатырей, съ длинною рыжею бородой, поднялся въ кормѣ во весь свой саженный ростъ. Судя по наружности и одеждѣ, онъ былъ старшимъ на лодкѣ.

— Чья лодка?—грубо и рѣзко крикнулъ онъ.

— Гурьевска!

— Далеко ли Богъ несетъ?

— Въ Астрахань!

— А на посуду зачѣмъ забѣгалъ?

— Спрашивалъ, противъ какого мѣста стоимъ.

— Знаемъ мы!... Долгонько справки-то наводили.

— Потолковали малость... Мѣстовъ вашихъ не знаемъ... Заночевать было думали.

— Такъ, такъ!... Что у тебя ровно пустая лодка-то? Съ чѣмъ идешь?

— Икры малость есть...

— Да, вонъ оно што!... А накладная ваша соляная есть? Покажь-ка.

Казакъ замялся и смѣшался.

— Чего-жь ты? Проглотилъ языкъ-отъ што-ль? Чего молчишь-то?—съ сердитой усмѣшкой допытывалъ рыжій богатырь, повидимому разъѣздной.

— По правдѣ тебѣ объяснить, добрый человѣкъ, нѣтъ у меня накладной: на Эмбѣ икру-то сбиралъ, отъ астраханцевъ, отъ вольныхъ ловцовъ,—поправился казакъ.

— Што ты изъ меня дурака-то строишь? Лѣшій тебя знаетъ, гдѣ ты ее сбиралъ-то!... Добрый человѣкъ, добрый человѣкъ,—передразнилъ онъ казака. — Придется тебя, чортову башку, на промыселъ вести... Тамъ разсмотрятъ.

Стоблинникова повело при одной мысли о промыслѣ,—такъ не нравился онъ ему. Сдернувъ съ головы низенькую барашковую шапку, онъ сталъ кланяться и просить разъѣзднаго.

— Ваше степенство, будь благодѣтелемъ, пропусти... Занапрасно,—пра, занапрасно... По глупости накладной не взялъ,—деньжонокъ пожалѣлъ.

— Сколько икры-то?

— Пудовъ близъ ста тридцати есть.

— Ищь ты!—разъѣздной выругался нецензурными словами.— Идешь безвѣстно откуда и куда, бумагъ у тебя нѣтъ, затесался въ чужія воды, да пусти тебя... Песъ, право, песъ!

Разъѣздной вскочилъ въ лодку казака.

— Кузьмичъ, подь-ка сюда!—крикнулъ онъ другому русскому.

Изъ кормы поднялся такой же здоровенный корявый парень, похожій на кормщика, и тоже впрыгнулъ въ казачью лодку.

— Кажь икру-то, Стенькино отродье*)! Откройте люки-то!

Люки на свойской были вскрыты. Послѣдній свѣтъ заходящаго солнца еще изрядно освѣщалъ трюмъ. Разъѣздной спустился въ него съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ фунсѣ казака, отбросилъ намоченныя рогожи, предохранявшія икру отъ жара, и сталъ осматривать ее. Икра была не въ уборѣ, а въ холщевыхъ мѣшкахъ, кульяхъ, даже въ мѣшкахъ изъ-подъ муки; боченковъ было только нѣсколько, видимо недавно набитыхъ. Тутъ же лежали только-что опростанные невымытые кульки и мѣшки, а въ нѣкоторыхъ была, несомнѣнно, свѣже-сдѣланная паюсная икра, не успѣвшая еще какъ слѣдуетъ осѣсть и стечь.

— Такъ это ты на Эмбѣ готовилъ, песъ этакій?... Тоже обмануть хочетъ.

Казакъ забожился, заклялся и старался объяснить свѣже-приготовленную икру покупкою у своихъ гранныхъ казаковъ.

Извѣстно, что первый воръ у насъ, обыкновенно, надсмотрщикъ, а бѣдному гранному казаку, поставленному наблюдать за правильностью лова, хранить грань,—неужели сидѣть среди рыбы и смотрѣть на нее?... Да какое же рыбацкое сердце утерпитъ не взять рыбы въ морѣ?... Въ этомъ случаѣ даже старые, законнѣлые казаки-старообрядцы готовы за жучку**) продать все свое войско—и Богъ велѣлъ! Сквалыжническое, грубо-корыстное войсковое общество даетъ бѣднымъ старикамъ, выгоняя изъ дома за сотни верстъ, такую нищенскую, ничтожную плату, нѣчто въ родѣ солдатскаго жалованья, что ея не хватаетъ и на сапоги.

Разъѣздной поднялся изъ трюма, ругаясь всячески и не обращая уже на просьбы казака, попробовавшаго было повалиться въ ноги, никакого вниманія.

---

*) *Стенькино отродье*—брань, отъ которой гурьевцы выходятъ изъ себя. Разумѣется, дѣло идетъ о Стенькѣ Разинѣ.

**) *Жучка*—твердый, костистый наростъ вдоль спины и боковъ красной, хряще-скелетной рыбы, т. е. бѣлуги, осетра и севрюги.

— Сволочь,—право, сволочь! И вѣсы съ собою возитъ... Жидовская душа!... Съ грани то?... Отпусти тебя!... Ванже, сейчасъ. Мало за васъ, за лѣшихъ, достается намъ!... Пусть смотритель разбираетъ.

Не мало казакъ отпаливался, просилъ и чаемъ, и водкой, пробовалъ и поторговаться, но ничего не дѣйствовало. Можно было предположить, что разъѣздной и безъ угощенія надѣялся добраться до водки или разсчитывалъ на болѣе солидный выкупъ, нежели ему сулилъ разсчетливый казакъ, только онъ, повидимому, и подъ ладъ не давался.

— Кузьмичъ, бери якорь-то отъ него на корму!... Нечего тутъ!... На Забурунье [1]) пойдемъ...

Лодка разъѣзднаго тронулась, напрягла якорный канатъ казачьей и потащила ее по весть-зайдъ-весту.

— Эй ты, какого рожна ротъ-то разинулъ? Ставь парусъ!... Вишь, вѣтеръ-то! До завтра што-ль идти? «Жараза» [2])!—передразнилъ онъ казака.

Парусъ поставили и лодки пошли дружнѣе. Съ задней время отъ времени повторялись оправданія и просьбы объ отпускѣ, но въ отвѣтъ слышались ругань и смѣхъ.

Солнце уже стояло надъ самымъ горизонтомъ, когда на немъ показалась черная точка, которая медленно, но постепенно росла. Вѣтеръ откидывался къ осту и начиналъ подувать *голуменами* [3]). Ударитъ легко, побѣжитъ темною рябью по гладкой водѣ, протечетъ мимо тебя и уляжется на короткое время. Потомъ повторяется та же исторія. Паруса оживутъ, напрягутся, лодка пойдетъ скорѣе, вода заговоритъ подъ килемъ и водорѣзомъ, бѣлая пѣна тихо забурлитъ за рулемъ, но столбъ вѣтра проходитъ и все стихаетъ, только темная рябь дальше полетъ по поверхности моря. Лодка, недавно черневшая на горизонтѣ, теперь обрелась [4]) и пошла въ черни, быстро выростая и пересѣкая путь нашимъ пловцамъ.

---

[1]) *Забурунье*. Ихъ три: большое, среднее и малое. Вслѣдствіе прорановъ, отдѣляющихъ ихъ отъ материка (кряжа), они принимаются за острова. Всѣ вмѣстѣ составляли прежде владѣнія Юсупова и на среднемъ была, да и до сихъ поръ есть, его ватага.

[2]) *Жараза* — зараза. Такъ дразнятъ казаковъ за выговоръ ихъ собственнымъ обычнымъ восклицаніемъ.

[3]) *Дуть голуменами*—дуть съ неодинаковою силой, непостоянно.

[4]) *Обрелиться*—обнести рей и парусъ съ одной стороны мачты на другую. Рейтъ—идти къ извѣстной точкѣ по ломаной линіи, пользуясь силою вѣтра спереди, т. е. противнаго.

Солнце, наконецъ, сѣло, но въ воздухѣ было еще свѣтло. Теплыя рдѣющія сумерки еще горѣли, мало-по-малу подергиваясь пепломъ заката. На востокѣ ярче и ярче начинали мигать звѣзды. Туманъ, легко курившійся надъ водою, сметало проходящимъ вѣтромъ. Царило глубокое безмолвіе; только киргизъ на разъѣздновской лодкѣ тянулъ безконечную импровизацію, героемъ которой былъ едва ли не захваченный Столбинниковъ, потому что «казакъ урусъ» часто мелькало среди монотонно-грустнаго воя. Все словно задумалось.

Прошло около часа.

— Сажай! Эй ты, разъѣздной, сажай, тебѣ сказываютъ!... Куда лѣзешь?

Внезапно всѣ очнулись.

— Это што еще? Ахъ, ты... Пошелъ съ дороги, а то и тебя привяжемъ!—крикнулъ удивленный и разсерженный разъѣздной, вглядываясь по направленію голоса.

Впереди, поперекъ, стояла, чуть колеблясь и полоща тремя парусами, небольшая острая свойская лодка, обернутая носомъ къ вѣтру и видимо задержанная на ходу. На ней виднѣлось пять или шесть человѣкъ.

— Ой ли!—слышалось съ лодки.—Вотъ бѣда-то!—глухо смѣялись тамъ.—Да что ты, рыжій песъ, ослѣпъ што ли?... Стой, говорятъ!

Рыжій должно-быть призналъ встрѣчныхъ, потому что остановилъ лодку.

— Чего вамъ?—угрюмымъ, но много упавшимъ тономъ обратился онъ въ ихъ сторону.

— То-то... Ты куда его ведешь?

— А вамъ што?... Я васъ не допрашиваю.

— Вишь ты! Да ты, можетъ, обобралъ его или обидѣлъ, такъ тебѣ и смотрѣть въ зубы-то?

— Братцы,—взмолился казакъ встрѣчнымъ, видя, что ихъ много.—Вступитесь, ради Христа!... Взялъ на пути, ведетъ не знаю куда, грозитъ не знаю за что,—говоритъ, будто я отъ ихъ ловцовъ икру скупалъ... А напраслина все это,—ей же ей, напраслина... Съ Эмбы иду я, — тамъ, у вольныхъ, точно, покупалъ, а здѣсь зерна, то-есть, не бралъ... Вступитесь, будьте благодѣтелями!

Лодки сблизились и теперь стояли рядомъ.

— Стой, промысловая крыса! Ты его съ поличнымъ взялъ?

— Мое дѣло!—буркнулъ рыжій.

— Слушай-ка, пріятель, а ты будь пообходительнѣе! До грѣха дѣла не доводи, а то, неровенъ часъ, послѣ и вѣжливо заговоришь, да поздно будетъ.

— Какое съ поличнымъ, люди добрые!—вопилъ Стоблинниковъ.—По пути, сказываю, по пути взялъ... Что икра у меня есть, такъ развѣ это поличное?... Говорю, съ Эмбы бѣгу.

— Какже это такъ, чиновникъ почтенный, давно ли это черезъ ваши воды ходить-то нельзя—а?

— Ворамъ не указано!

— Вотъ оно што... Да ты самъ-отъ давно ли въ честные люди выписался, что ходишь? — На лодкѣ опять послышался дружный смѣхъ и даже Стоблинниковъ пріободрился и захохоталъ.—А если ты его съ поличнымъ не взялъ, куда-жь ты его ведешь? Такихъ правовъ нѣтъ. Отпусти-ка его безъ грѣха... Выдавайте якорь-то...

— Чего отпустить-то?.. Привыкли въ морѣ хозяйничать... Поличное, поличное!... Ты загляни ему въ трюмъ, тамъ и увидишь поличное.

— Да это съ какого такого резона ты ему въ трюмъ лазалъ, а?... По какому такому праву? Рази вамъ указано досматривать? Вѣдь это разбой денной, болѣ ничего. Очумѣли вы съ хозяиномъ-то со своимъ. Поди, полѣзай къ намъ, взгляни!—захохотали на лодкѣ вновь.

— Степанъ, Данило!—распорядился невысокій, сложенный брускомъ мужчина съ темными волосами и не совсѣмъ чистымъ лицомъ.—Якорь-то казачій берите сюда!... Чего съ нимъ разговаривать!...

Несмотря на ругань и крики разъѣзднаго, два здоровенные парня—одинъ съ глупо-улыбавшимся лицомъ, съ черными курчавыми волосами на большой головѣ и небольшой бородкѣ, и другой, бѣлокурый, молодцоватый — взяли изъ разъѣздновской лодки якорь казака и перенесли на свою. Казакъ кланялся и просилъ прихватить себя на малое время. Разъѣздной рычалъ, но до рукопашной расправы дѣла не доводилъ,—партія была слишкомъ неровная.

— Иди-ка, иди своей дорогой, да поѣдешь на Джамбай, молебенъ отслужи, что въ добромъ здоровьи вернулся! — кричалъ черноволосый сатиръ, оттолкнувшись и нѣсколько разошедшись

съ лодкой разъѣзднаго, которая продолжала путь по весту, а спасители и спасенный обрѣлись и пошли по зюйдъ-осту.

Солнце уже сѣло давно и тихо воцарялась хмурая мгла. Вѣтеръ прибавлялъ отъ остъ-нордъ-оста. Надъ торопливою зыбью закипали бѣлые гребешки. Лодка тихо подвигалась на глубь.

— Ну, какже, братъ, угощеніе будетъ што-ль?

— Будетъ, будетъ! Со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ.

— Такъ тащи сюда водку-то! У насъ просторнѣе.

Переговоры велись—однимъ съ носу, другими съ кормы своей лодки. Вскорѣ Стоблинниковъ, съ боченкомъ подъ мышкой, перешелъ на переднюю.

Между тѣмъ въ трюмѣ ея вспыхнулъ огонь и освѣтилъ его. Кое-какой хламъ, необходимый въ морѣ, столъ, прикрѣпленный посреди, около мачты, и койки, придѣланныя кругомъ, къ бокамъ лодки—вотъ все, представлявшееся взору.

Все отличалось какимъ-то запустѣніемъ, безхозяйностью и нечистоплотностью. Въ мачту, надъ столомъ, впрочемъ, были врѣзаны небольшіе мѣдные складни.

Казакъ принесъ водку и икры на закуску, хозяева нарѣзали балыка, хлѣба, и пошла круговая.

Время шло и бесѣда, чѣмъ дальше, дѣлалась шумнѣй и разнузданнѣй, собесѣдники мрачнѣе, шутки злѣе, насмѣшки ехиднѣе и, время отъ времени, проскакивали грубо-обидные намеки, прямо желавшіе задѣть и ищущіе ссоры.

Должно оговориться, что между казаками и русскими ловцами, и даже вообще между нерыми и русскимъ промысловымъ населеніемъ и народомъ—искони существовала, да и до сихъ поръ существуетъ, замѣтная рознь. Русскій мужикъ и казакъ до сихъ поръ, сталкиваясь, смотрятъ другъ на друга если не съ ненавистью, то ужь во всякомъ случаѣ съ недоброжелательствомъ, что, впрочемъ, легко объясняется. Со стороны казака—это старыя историческія дрожжи, которыхъ пузыри проскакиваютъ еще въ немъ со временъ «рыцарства»: такъ глубоко они внѣдрились въ его характеръ. Ляшская закваска тоже есть здѣсь. Презрѣніе къ труду и его представителямъ, имѣвшее мѣсто во времена набѣговъ, грабежей и кочевой военной жизни, понятіе о хлопѣ и коцапѣ, какъ о волѣ, если не ниже,—все это перешло съ Днѣпра и Украйны на Донъ, на Волгу, на Яикъ и засѣло тамъ вмѣстѣ съ пришельцами, упрямо старавшимися застыть въ своихъ старыхъ формахъ, до нашихъ дней.

«Живите, дѣтки, доколь Москва не узнала».

Нечего говорить, что, не знающій власти, свободолюбивый, казакъ-вольница привыкъ съ сожалѣніемъ и неуваженіемъ смотрѣть вообще на все, несущее на себѣ какія бы то ни было экономическія тяготы, какое бы то ни было тягло, и въ особенности презиралъ раба, закрѣпощеннаго. Но время шло, народъ росъ, форма жизни и отношенія мѣнялись, новый міръ нарождался и даже казачье гнѣздо, въ видѣ старой общины, успѣло треснуть и обратиться въ видъ монополіи сильнаго, а казаки просмотрѣли все это и не измѣнили своего взгляда на своего сосѣда, новаго гражданина—русскаго крестьянина. Въ свою очередь и этотъ русскій мужикъ, котораго казакъ когда-то третировалъ ничѣмъ не лучше животнаго, да и теперь, въ силу преданія, покушается третировать такъ же, почувствовалъ себя болѣе свободнымъ, нежели самъ этотъ казакъ въ тюрьмѣ своей разбитой крѣпости-общины, и не совсѣмъ-то, кажется, позабылъ свои старые счеты. Само собою разумѣется, что тутъ не могли установиться особенно дружелюбныя отношенія. Экономическій, т. е. фабричный и торговый, ростъ народа окончательно задавилъ казака, который никуда негоденъ въ томъ и другомъ отношеніяхъ, и наплывъ этого торговаго мужика экономически поработилъ его. Само собою разумѣется, что народъ—промышленникъ, земледѣлецъ—и клочокъ его, того же народа, отбившійся и не пріурочившій себя ни къ чему, конкурировать не могутъ. И въ настоящее время очень любопытно наблюдать хоть бы въ Гурьевѣ, какъ этотъ мужикъ преспокойно и самымъ самоувѣреннымъ образомъ лѣзетъ на плечи къ казаку, который его даже и за человѣка-то не считалъ, а тотъ погибается все ниже и везетъ его все дальше. Люди, начавши съ торговли вареною грушей, съ ковки лошадей, со вставки стеколъ, съ плотничнаго топора,—люди, заторговавшіе на гроши обувью, скобянымъ товаромъ и разной мануфактурной и галантерейною завалью,—въ свою очередь не очень-то лестнаго мнѣнія объ этихъ «лыцаряхъ», отъ которыхъ даже рыбное дѣло и скотоводство мало-по-малу отбираютъ умѣлыя и дѣйствительно трудолюбивыя руки... Какъ тутъ не коситься другъ на друга?

Еще сильнѣе антоганизмъ этотъ проявляется въ дѣлѣ рыболовства. Въ морѣ не поставишь границъ, сообщеніе между устьями Волги и Эмбой, т. е. всѣми эмбенскими водами, производится черезъ морскія казачьи воды, потому столкновенія безпре-

станицы и въ недавнее время оканчивались самымъ варварскимъ образомъ. Казачье начальство до такой степени мало развито и малограмотно и до такой степени рѣдко находится въ степени внѣшняемости (говорю о мелкомъ постовомъ офицерствѣ въ морѣ), что оно въ недалекомъ прошломъ, до введенія въ Гурьевѣ русскаго начальства, встрѣчало каждаго русскаго промышленника въ морѣ какъ открытаго врага и обращалось съ нимъ—какъ теперь не обращаются уже и съ открытымъ врагомъ. И суда искать было негдѣ. Можно догадаться, какимъ миротворнымъ образомъ дѣйствовало это на взаимныя отношенія русскаго населенія и казачества. Разумѣется, при случаѣ, когда сила была на его сторонѣ, русскій взыскивалъ всѣ свои обиды, проторы и убытки съ перваго попавшагося подъ руку казака, но уже съ хорошими процентами. Десятилѣтія шли такъ, и можно догадаться, какую пріязнь они воспитывали въ массѣ.

Такимъ образомъ вообще трудно было ожидать добра отъ бесѣды Столбинникова съ этими великорусскими молодцами. Если же принять во вниманіе дѣйствіе вина и положеніе казака, который былъ въ морѣ, ночью, между невѣдомо какими людьми, съ деньгами, цѣннымъ товаромъ и совершенно безпомощный, то должно сознаться, что Столбинникову, пожалуй, было бы надежнѣе продолжать свое путешествіе съ разъѣздинымъ, нежели идти на глубь моря, невѣдомо куда, зачѣмъ и съ кѣмъ.

Къ ужасу своему, казакъ, до сихъ поръ не сознававшій своего положенія, вмѣстѣ съ измѣненіемъ тона бесѣды началъ чувствовать себя какъ-то очень неловко, точно въ западнѣ. Проклиная себя, что самъ влѣзъ въ нее, онъ инстинктивно озирался и вглядывался въ суровыя, насмѣшливыя и ехидныя лица, окружавшія его.

При нѣкоторыхъ откровенныхъ намекахъ и несовсѣмъ-то сдержанныхъ выраженіяхъ почтеннѣйшей публики, Столбинниковъ ощущалъ, какъ что-то ползло вверхъ по его спинѣ и перебирало волоса затылка непріятною прохладой, отдававшей, однако, испариной. Казакъ сталъ сдержаннѣе, поддакивалъ и думалъ только о томъ, какъ бы половчѣе вывернуться изъ мертвой петли, готовой сомкнуться надъ нимъ. Но возможное ли это дѣло?— былъ вопросъ, въ которомъ замеръ несчастный. Что дѣлать? Прекратить ли затянувшуюся бесѣду и попытаться распроститься съ пріятелями, остаться ли ночевать съ ними, не подавая никакого вида подозрѣнія, и ночью, если понадобится, от-

рѣзать якорь и улизнуть, или прямо поторговаться и подѣлиться деньгами? Эти и подобные вопросы бродили и сталкивались безпорядочно въ его, точно пришибленной, головѣ, но опредѣленнаго рѣшенія не складывалось. Онъ ждалъ чего-то, какого-то чуда избавленія и иногда ему живо воображалось, что это сонъ, страшный, гнетущій кошмаръ, отъ котораго вотъ-вотъ вскрикнетъ и проснется. Почему-то передъ нимъ брели картины дома и родимой семьи и приходили на память такія сцены минувшаго, которымъ здѣсь было менѣе всего мѣста и которыя ему не приходили въ голову никогда. Странное дѣло, невидимому, онъ становился болѣе человѣкомъ въ нестерпимыя минуты этого страха угрюмаго конца; но попытка дѣлалась невыносима и онъ порывисто рѣшилъ прервать ее и лучше знать ужасное, нежели теряться въ догадкахъ о немъ и, вмѣсто одной муки, создавать себѣ сотни.

— А что, не пора ли, товарищи? Не рано теперь будетъ.

— Это чего такое?—удивленно спросилъ приземистый, плотный, черноволосый молодецъ, съ не совсѣмъ чистымъ лицомъ, съ черными умными глазами со стальнымъ блескомъ и отталкивающею физіономіей. Онъ сидѣлъ рядомъ со Стоблинниковымъ.

— Поспать пора бы, говорю,—вчера совсѣмъ мало спалъ.

— Вона!... Кто же тебѣ мѣшаетъ? Ложись, да спи... Вонъ койки-то.

— То-то, намъ, чай, распроститься бы время,—не по пути, вѣдь... Отблагодарить бы васъ чѣмъ, отдарить, значитъ, по силѣ мочи, да каждый своей дорогой и разошлись бы.

— Напрасно, почтенный, не хочешь здѣсь, у насъ, лечь,—дѣло-то спокойнѣе было бы....

— Нѣтъ, нѣтъ, сдѣлайте ужь такую милость. Не по пути, вѣдь.

— Ну, видно, нечего съ тобою дѣлать,—не пеняй опосля! Сейчасъ вотъ. Ребята, подите-ка, наметните, сколь много воды подъ нами.—При этомъ сидѣвшій рядомъ со Стоблинниковымъ сдѣлалъ двумъ крайнимъ внушительный знакъ глазами. Тѣ встали изъ-за стола и поднялись на верхъ, на палубу, точно привидѣнія, потонувъ во мракѣ ночи.

Наступило глухое молчаніе Лодка клевала носомъ, поднимаясь на валы и падая съ нихъ. Слышались всплески и шипѣніе воды. Непереносная тоска сосала сердце казака, но, странное дѣло, ему не хотѣлось пошевелить ни пальцемъ, ни языкомъ;

онъ точно застывалъ въ какомъ-то мертвомъ столбнякѣ, только воображеніе его работало съ лихорадочною быстротой и ему опять казалось, что все это—сонъ, отъ котораго онъ сейчасъ проснется... А между тѣмъ его ѣли мучительныя мысли. «Зачѣмъ это онъ послалъ наметывать?—думалъ онъ.—Не даромъ это... Спрошу».

— Ты зачѣмъ это?...

Но казакъ такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ и полными ужаса глазами.

— Вай...яй!—раздался дикій крикъ въ морѣ и внезапно замеръ во мракѣ ночи, точно обрубленный, сдѣлавъ тишину ея еще мертвеннѣе и ужаснѣе.

— Что это такое, братцы мои? Это, вѣдь, киргизъ мой!—какимъ-то тоскливо-жалобнымъ тономъ вскрикнулъ казакъ, обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ частности.

Присутствовавшіе угрюмо молчали. Въ сердцѣ казака захолонуло, а по тѣлу проступилъ холодный потъ.

— Родимые мои,— обратился онъ къ молчавшимъ тѣмъ же жалобнымъ тономъ,— ужли вы мнѣ какое злое дѣло сдѣлаете? Чѣмъ же я виноватъ передъ вами, скажите вы мнѣ? Ужли душу христіанскую не пожалѣете?... Скажите мнѣ все, не томите вы меня!

— Слушай-ка, пріятель, что шумѣть-то зря?— тихо и медленно обратился къ казаку сидѣвшій съ нимъ рядомъ черноватый, смуглый мужчина, словно стараясь убѣдить его въ пользѣ какой-то необходимой ему и полезной операціи.—Зря шумѣть нечего... Вотъ, если ты православный, помолился бы лучше,— наставительно добавилъ онъ.—А то «чѣмъ виноватъ, чѣмъ виноватъ»!—Да ничѣмъ ты передъ нами не виноватъ и не винитъ тебя никто! Жизнь наша грѣшная, пропащая виновата во всемъ... Што-жь, ты ее усовѣщевать станешь, што ли? — съ какою-то горькой и наглой усмѣшкой взглянулъ онъ прямо въ испуганные, молящіе глаза казака.—Душа христіанская!.. А какая намъ корысть въ ней, въ душѣ-то твоей?—Никакой нѣтъ... Ты насчетъ чего иного прочаго говори—это такъ. Ты то посуди, вѣдь мы такого случая-то, можетъ статься, года ждемъ,— ужли-жь такъ тебя изъ рукъ и выпустить?!—съ нѣкоторымъ насмѣшливымъ ехидствомъ, прищурясь, закончилъ онъ.

Этотъ спокойный, открытый цинизмъ, обращавшійся къ разсудку жертвы, эта философія волка надъ овцою—сильнѣе гнѣва,

угрозъ и ругательствъ сияли въ душѣ казака послѣдній призракъ надежды, но она воскресала опять и опять, потому что умираетъ послѣдняя.

— Господи!... Да возьмите у меня все, выбросьте куда на берегъ, хоть въ рубахѣ одной!... Богу я за это за васъ молить буду!—со слезами и отчаяніемъ вскричалъ несчастный.

— Такъ-то оно, можетъ, и такъ, только все это, братъ, вилами на водѣ писано,—сарказтически возразилъ тотъ же черный.—Кто тебя тамъ знаетъ, какъ ты поступать будешь?... Бѣда-то минетъ, такъ капитала пожалѣешь и, пожалуй, съ полиціей учнешь насъ искать, такъ-то!... Вѣдь, за дѣла-то за эти, самъ знаешь, не хвалятъ... Вотъ вспомнишь это, аль и подумаешь пустить-то тебя,—всякому своя шкура дорога!

Въ это время выходившіе спустились съ палубы въ трюмъ.

— Что тамъ?—обратился къ нимъ говорившій.

Одинъ изъ вошедшихъ кивнулъ утвердительно головой и остановился сзади дрожавшаго казака.

Стоблинникова, видѣвшаго этотъ безмолвный знакъ, точно ударило что и онъ, рыдая, повалился на колѣна, къ ногамъ сосѣда.

— Православные!—закричалъ онъ.—Ради Господа не губите души даромъ... Семьяный я,—пожалѣйте хоть семью-то!... Отпустите меня! Спасъ Христосъ порукой, слова не скажу! Можетъ у самихъ у васъ жены и дѣти малыя есть,—зачтетъ Богъ имъ эту милость вашу!—вскрикивалъ онъ, припадая къ ногамъ и обнимая колѣна сидѣвшихъ.—Сами подумайте, куда я искать на васъ пойду, кто вы такіе, знаю ли я?... Гдѣ у меня доказатели, кто меня слушать станетъ?!.. Не проливайте вы крови неповинной православной. Берите все и Господь съ вами. Капиталъ—наживное дѣло...

Между сидѣвшими поднялся глухой говоръ. Нѣкоторые видимо были тронуты.

— Чего его бить-то, въ самомъ дѣлѣ, ребята?... Куда онъ пойдетъ, кого искать станетъ, чѣмъ докажетъ? — послышались соболѣзнующіе голоса. Отпустимъ его, чѣмъ на душу грѣхъ-то брать, высадимъ гдѣ ни на есть, а тамъ и слухомъ мы о немъ не слыхали и видомъ не видали—только и всего!... Правду парень-то сказываетъ.

— Батюшка, Господи милостивый!—поднялся казакъ на колѣняхъ, поднявъ плачущіе глаза на мѣдные складни и крестясь

большимъ двуперстнымъ крестомъ,—всели Ты въ нихъ простость, не попусти пропасть запапрасно!...

— Такъ какъ же, ребята, отпустить, значитъ?... Думайте!— обратился къ товарищамъ черный.

Въ это время, замиравшій отъ сомнѣній и надеждъ, казакъ только-что положилъ земной поклонъ и поднялся на колѣняхъ передъ образомъ. Вдругъ въ полумракѣ сверкнуло и свистнуло что-то, хрястнуло жестоко и тяжело, и бѣдный Столбинниковъ, съ непотухшей еще надеждой въ сердцѣ, повалился на лѣвый бокъ съ разбитымъ черепомъ и захрипѣлъ.

Стоявшій сзади быстро ударилъ его обухомъ топора въ високъ и повторилъ ударъ. Хрипъ смолкъ.

Очевидно, дѣло было неожиданное для самихъ соучастниковъ, потому что, послѣ минутнаго столбняка, всѣ повскакали съ мѣстъ и раздались укорявшіе и протестующіе голоса.

— Што это ты, зачѣмъ билъ? Кто тебѣ приказывалъ? Напрасно зашибъ, зря... Не по уговору это!—наступали остальные на убійцу.

— Не по уговору?!.. Ты захочешь на каторгу идти и я за тобою? Спасибо вамъ!... Дѣло начинать, надо умѣть концы хоронить... Зря зашибъ?! Черти вы, черти! Видѣлъ васъ разъѣздной-то, аль нѣтъ, олухи? Стоило казаку до промысла дойти, чтобъ и имена-то наши, да и мѣстожительства переписать. Всѣхъ бы, какъ куръ въ курятникѣ, и переловили... Умные люди, нечего говорить!

Все смолкло и замерло въ недоумѣніи, какъ бы соображая сказанное.

— Настоящее дѣло,—согласился черный.—Чего рты-то разинули? Вѣрно вамъ говорятъ. Осмотрите его да и за бортъ!—мотнулъ онъ головою на трупъ.—Нечего тутъ думать-то.

Трупъ обыскали, выволокли на палубу и вскорѣ въ мертвомъ молчаніи ночи послышался всплескъ воды. Грѣшное тѣло и звѣрское дѣло, казалось, тонули безъ слѣда въ тихомъ, темномъ, глухомъ морѣ; только мерцавшія звѣзды — безстрастныя Божьи очи—видѣли все. «Концы въ воду!»—послышалось въ темнотѣ.

Глухая ночь. Пусто въ морѣ. Крупные валы катятся отъ норд-веста, то поднимая, то опуская одинокую лодку безъ парусовъ и безъ людей, несомую прихотью теченія. Тяжелое чувство морской болѣзни подползаетъ къ сердцу и начинаетъ сосать его, при видѣ этихъ дикихъ и нестройныхъ взмаховъ и колеба-

ній мачтъ. Разнузданная матерія, гигантскій маятникъ, который колышетъ всѣ ваши внутренности, давитъ полость груди и гонитъ взболтанную кровь къ головѣ. Отвернитесь, глядите въ неподвижное небо, хотя невесело и тамъ. Только сѣрыя облака ползутъ, то застилая, то открывая рѣдкія, неясныя звѣзды...

Но... что это?—Огонь! Пламенный язычокъ вырвался изъ трюма, лизнулъ осмоленные края легкаго люка, быстро юркнулъ синеватою змѣйкой и исчезъ во тьмѣ. Вотъ опять и опять. Снова потухъ, но оставилъ горячій золотой слѣдъ обожженной, рдѣющей коймы. Наконецъ пламя дружно вырвалось въ щели. Сухіе, легкіе, смоленные люки затрещали, пожираемые имъ. Изъ носовой и кормовой каютъ повалилъ густой красноватый дымъ и смоленую палубу и корпусъ лодки охватила масса огня. Она поползла вверхъ по стройнымъ чернымъ мачтамъ и бакштокамъ, пламенными парусами окутывала реи и трепетала во мракѣ яркими факелами огненныхъ флаговъ, раздуваемыхъ вѣтромъ и размахами несомой лодки. Пирамида пламени опрокинулась въ темномъ взволнованномъ морѣ и легла блѣдными заревомъ въ низко идущихъ облакахъ. Искры мелкихъ угольковъ стрекали и шипя падали въ воду. Трескъ сухаго дерева, точно бѣглый ружейный огонь, далеко разносился по водной всколыханной пустынѣ.

Не кому было смотрѣть и слушать,—живаго существа не было, казалось, въ морѣ. Густой мракъ глядѣлъ еще гуще и непроглядиѣе послѣ яркаго клочка пламени.

А между тѣмъ у зрѣлища были свои, и очень внимательные, зрители. Тамъ, тамъ, далеко, въ глубокой тьмѣ, шесть паръ жадныхъ глазъ ревниво слѣдили за своимъ послѣднимъ дѣломъ.

По весту уносилась черная масса лодки съ едва сѣрѣвшими парусами и темными людскими тѣнями въ кормѣ.

— Лихо деретъ!—слышится чей-то знакомый голосъ.

— Такъ-то вотъ наши душеньки будутъ горѣть на томъ свѣтѣ,—вдумчиво замѣчаетъ кто-то и осѣкается. Мертвое, тяжелое безмолвіе служитъ ему отвѣтомъ и давитъ свинцомъ. Кругомъ, точно огромная могила, колышется угрюмое, темное море. Столбъ краснаго пламени и дыма на горизонѣ вдругъ точно вздрагиваетъ и взлетаетъ къ небесамъ снопомъ огненнаго праха.

— Машта упала,—поясняетъ первый голосъ.—А што давя киргизишку-то пришибли што ли?—тихо любопытствуетъ онъ.

— И не думали,—безъ того обошлось.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Сошли мы съ Данилкой къ ему въ лодку-то, а онъ свернулся и спитъ въ носу у борта. Ну, мы приспособились, подхватили его, да и за бортъ... Чай, и проснуться не успѣлъ, какъ въ воду мырнулъ. Вымырнулъ, однако, собака, за кормой ужь... Чай слышали, какъ вякнулъ?

— То-то, слыхать было.

Свѣтъ отъ догоравшей лодки начиналъ меркнуть и скоро одно обугленное днище ея шипѣло, заливаемое водой.

Въ мягкомъ широкомъ ложѣ моря тише и тише шепчутъ засыпающія волны, въ темно-синей безднѣ неба все выше и выше всплываетъ бѣлая лебедь — луна. Въ воображеніи Звягина все реальнѣй и подробнѣй вырисовывается и растетъ сцена убійства.

«А что?—приходя въ себя, думаетъ онъ. — Попробуй, разскажи кому не бывалому или напиши это,—вѣдь за плодъ досужей фантазіи примутъ, за безпардоннаго романиста сочтутъ. «Кто, молъ, все это видѣлъ, а въ особенности — кто могъ эту сцену передать?»

Какъ кто?—А тѣ двѣнадцать глазъ, которые участвовали въ ней,—развѣ они ослѣпли на то время?!

Кто не плавалъ долгое время ни въ морѣ водномъ, ни въ морѣ народномъ, тотъ не знаетъ, что всплываетъ иногда на ихъ поверхности. Придетъ время и—мало что улежитъ на ихъ днѣ. Трупъ взмоютъ и носятъ волны перваго, а злое, темное дѣло не минетъ людской волны—мірской молвы—и далеко, далеко потечетъ и унесется ею.

Просится наружу узница-тайна, невоздержъ человѣческій языкъ. Братъ, жена, другъ, любовница,—какъ тутъ не обмолвиться?... А вино?... А бесѣда съ глазъ на глазъ?.... Вѣдь, свидѣтелей нѣтъ,—нечего больно таиться-то,—и вырывается невоздержанное слово, котораго не воротишь. Эта птица не вьетъ себѣ гнѣзда нигдѣ и летитъ впередъ и впередъ. Разъ вырвалось слово—тайнѣ конецъ! Она пойдетъ бродить отъ одного къ другому, сперва тихо и робко, шепотомъ и вполголоса, а потомъ закричитъ на весь крещоный міръ.

То не выдумка, въ основѣ чего лежитъ честный фактъ. Вы видите и слышите его правду не только въ жизни моря воднаго, иль голосѣ моря народнаго, но даже и въ морѣ безбрежномъ созданій искусства свободнаго.

Н. Бобылевъ.

НОЧИ.

Альфреда де-Мюссэ.

(Переводъ съ французскаго.)

II.

Майская ночь.

Муза.

Поэтъ! возьми свою святую лиру,—
Сегодня въ ночь рождается весна...
Даруя жизнь проснувшемуся міру,
Она прійдетъ цвѣтами убрана.
Блеснетъ заря и пташекъ щебетанье
Раздастся вновь, подъ ропотъ вешнихъ водъ.
Воспрянь, поэтъ,—повсюду ликованье!
Иди ко мнѣ,—тебя подруга ждетъ!...

Поэтъ.

Долина дремлетъ подъ навѣсомъ
Беззвѣздной ночи; міръ заснулъ...
Мнѣ показалось, что надъ лѣсомъ
Какой-то призракъ промелькнулъ;
Онъ проносился въ отдаленьи,
Скользя надъ сонною землей.
Какое странное видѣнье!
Оно блеснуло лишь мгновенье
И скрылось въ темнотѣ ночной...

---

*) *Русская Мысль*, апрѣль.

Муза.

Весна идетъ!... Ужь рощи зеленѣютъ,
На страстный зовъ откликнулась земля,
И дѣвственныя розы заалѣютъ,
И травами покроются поля.
Повсюду льются волны аромата;
Еще милѣй прощальный лучъ заката.
Отъ страстныхъ думъ дрожишь и млѣешь ты...
Все зацвѣтетъ. Въ природѣ дышетъ счастье;
Она полна восторговъ сладострастья,
Какъ брачный одръ ликующей четы.

Поэтъ.

Какъ сердце бьется! Страхъ невольный
Мнѣ давитъ грудь, дышать мнѣ больно,
Отъ тяжкихъ думъ спасенья нѣтъ...
Не дверь ли кто-то отворяетъ?...
Уныло лампа догораетъ,
Бросая въ кельѣ тусклый свѣтъ...
Во мнѣ тревога и волненье;
Я одинокъ,—никто нейдетъ;
Все спитъ кругомъ; ужь полночь бьетъ...
Какъ тяжело уединенье!
Какъ нищеты ужасенъ гнетъ!

Муза.

Иди ко мнѣ! Я жду твои лобзанья...
Томленіемъ и нѣгой міръ объятъ;
Я вся дрожу отъ страстнаго желанья;
Я жду тебя; уста мои горятъ...
Лѣнивое дитя! красой сіяя,
Передъ тобой твой свѣтлый идеалъ;
Ты помнишь ли, какъ, страсто замирая,
Ты первый разъ въ мои объятья палъ?
Въ моей любви нашелъ ты утѣшенье,
Измѣнницу забылъ ты для меня...
Теперь и ты уйми мое волненье,—
Съ тобой, поэтъ, хочу молиться я.

Поэтъ.

О, муза! голосъ сердцу милый,
Смутясь душой, я слышу вновь;
Ты для меня—восторгъ и сила,
Ты мнѣ одна не измѣнила,
Ты мнѣ одна даришь любовь.
Опять мои прозрѣли вѣжды...
Сестра! я шлю тебѣ привѣтъ...
Въ душѣ проснулися надежды;
Лучи твоей златой одежды
Въ больную грудь вливаютъ свѣтъ.

Муза.

Воспрянь, поэтъ! Забудь свои страданья!
Одинъ сидѣлъ ты, плача и скорбя,
И я, полна любви и состраданья,
Сошла съ небесъ, чтобъ утѣшать тебя...
Прошли года, а горе не заснуло
Въ твоей груди; ты мрачно хмуришь бровь;
Какъ призракъ злой, погибшая любовь
Передъ тобой быть-можетъ промелькнула...
Очнись отъ сна! Пусть пѣсня прозвучитъ,—
Она души твоей излѣчитъ раны,
Помчимся мы въ невѣдомыя страны
И пѣснь твоя до Бога долетитъ...
Помчимся мы на крыльяхъ вдохновенья
Въ волшебный міръ фантазіи и сновъ,
Гдѣ ты найдешь отраду и забвенье
И отдохнешь отъ жизненныхъ оковъ.
Умчимся въ даль,—здѣсь міръ постылъ и тѣсенъ;
Въ Шотландію направимъ свой полетъ
Иль въ Грецію, отчизну дивныхъ пѣсенъ,
Гдѣ полонъ аромата сладкій медъ.
Мы отдохнемъ въ тѣни садовъ Мессины,
Гдѣ вѣчно синь прозрачный сводъ небесъ;
Мы посѣтимъ роскошныя долины,
Гдѣ сладко дремлетъ синій Титаресъ...
Мы полетимъ къ Италіи счастливой,
Увидимъ Аргосъ, мрачный Пелеонъ

И берега сребристаго залива,
Гдѣ на Камиру смотритъ Олоссонъ.
Что будемъ пѣть: любви восторгъ и сладость,
Войну иль миръ, унынье или радость?...
Раздастся-ль гимнъ Тому, кто создалъ свѣтъ,
Чьей благости конца и мѣры нѣтъ,
Кто міръ наполнилъ вѣчною любовью?...
Мы скажемъ ли Торквинью: «прочь, злодѣй!
«Ты руки обагрялъ невинной кровью,—
«Исчезни навсегда?»—На днѣ морей
Искать пойдемъ ли жемчугъ драгоцѣнный?
Злодѣю ли напишемъ приговоръ,
Иль скорбь утѣшимъ пѣснью вдохновенной?
Съ охотникомъ пойдемъ ли въ темный боръ?
Рога трубятъ; собакъ несется стая;
Олень упалъ,—онъ выбился изъ силъ
И слезы льетъ, о дѣтяхъ вспоминая.
Охотникъ острый ножъ въ него вонзилъ
И сердце жертвы, чуждый сожалѣнья,
Голоднымъ псамъ онъ бросилъ на съѣденье...
Разскажемъ ли, какъ, грѣшныхъ думъ полна,
Идетъ во храмъ красавица младая,
Святымъ словамъ разсѣянно внимая,
О миломъ сладко думаетъ она?...
Склоняя взоръ, она съ нимъ ждетъ свиданья.
Какъ тяжелы минуты ожиданья!...
Насъ вдохновитъ ли слава громкихъ дѣлъ?
Мы скажемъ ли прошедшему: «воскресни!»
И повторимъ ли пламенныя пѣсни,
Что трубадуръ въ былые годы пѣлъ?
Я вся дрожу отъ нѣги и томленья...
Смутясь душой, поэтъ, услышь меня!...
Пускай мой слухъ твое ласкаетъ пѣнье,—
Я слезъ хочу, лобзаній жажду я...

Поэтъ.

Сестра, ты жаждешь поцѣлуя,
Ты хочешь слезъ,—тебѣ могу я
Ихъ подарить!... Въ далекій край
Съ улыбкой свѣтлой улетая,

О днях былых воспоминая,
Поэта ты не забывай.
Меня не тешитъ упованье,
Судьба мнѣ счастья не сулитъ,
Я даже не пою страданье,—
Мои уста хранятъ молчанье
И только сердце говоритъ...

Муза.

Твои признанья слышать я хотѣла,—
Зачѣмъ же на устахъ твоихъ печать?...
Лишь для того съ небесъ я прилетѣла,
Чтобъ хоть на мигъ твой тяжкій сонъ прервать.
Въ душѣ твоей унынье и тревога;
Потоки слезъ мрачатъ твой грустный вѣкъ;
Ихъ не стыдись,—онѣ дойдутъ до Бога:
Чѣмъ больше скорбь, тѣмъ выше человѣкъ!
Но скорбь свою, поэтъ, скрывать не надо,—
Чѣмъ пѣснь грустнѣй, тѣмъ сладостнѣй она.
Иная пѣснь лишь мукъ да слезъ полна,
А ей вѣнецъ безсмертія награда...
Густѣетъ тьма и стелется туманъ...
Летя къ гнѣзду, усталый и голодный,
Въ обратный путь стремится пеликанъ.
Онъ цѣлый день провелъ въ борьбѣ безплодной,
Его зоветъ голодная семья
И, мыслено дѣля добычу дня,
Бѣжитъ къ нему. Больной и утомленный,
Прикрывъ дѣтей повиснувшимъ крыломъ,
Онъ ихъ ведетъ къ скалѣ уединенной
И, муки полнъ, глядитъ на все кругомъ...
По берегу и въ волнахъ океана
Онъ пищи для дѣтей съ тоской искалъ,
Но цѣлый день безплодно потерялъ.
И вотъ въ груди его чернѣетъ рана
И алою струею кровь течетъ,—
Онъ вмѣсто пищи сердце имъ даетъ...
На смертный пиръ глядитъ безмолвно онъ,
Голодною семьею окруженъ;
Ей жизнь свою съ любовью отдавая,

Онъ, весь дрожа, купается въ крови
И падаетъ безъ силъ, изнемогая
Отъ ужаса, страданья и любви...
Когда-жь страдать нѣтъ больше силъ и воли,
Боясь, что смерть не кончитъ грустныхъ дней,
Боясь найти пощаду отъ дѣтей,—
Онъ клювомъ грудь пронзаетъ и отъ боли
Вдругъ издаетъ такой унылый крикъ,
Что съ берега испуганныя птицы
Уносятся шумящей вереницей.
Такъ этотъ стонъ пронзителенъ и дикъ,—
Унылый стонъ послѣдней съ жизнью битвы,—
Что путника объемлетъ страхъ нѣмой...
Онъ, трепеща, твердитъ свои молитвы
И, слыша смерти зовъ, спѣшитъ домой.
Такъ дѣлаютъ великіе поэты...
Какъ съ ними схожъ унылый пеликанъ!
Они на міръ бросаютъ волны свѣта,—
Они поютъ, а грудь болитъ отъ ранъ.
Когда поэтъ порою воспѣваетъ
Свою тоску, погибшую любовь,—
Со щпагой пѣснь сходна: она сверкаетъ,
Но на концѣ ея алѣетъ кровь...

Поэтъ.

О, ненасытная подруга!
Не искушай мой слабый умъ...
Когда шумитъ и злится вьюга,
Никто песку не ввѣритъ думъ.
Прошла пора, когда участье
Во всѣхъ искалъ я, вѣря въ счастье;
Съ тѣхъ поръ узналъ я много мукъ.
И если пѣсни понесутся,—
Со стономъ струны разорвутся
И лира выпадетъ изъ рукъ.

П. Козловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Лира Орфея.

(Изъ Аккермана.)

Когда, вакханками растерзанный, Орфей
Упалъ ихъ жертвою, его златая лира
Носилась по волнамъ лазоревыхъ зыбей,
Чуть-чуть колеблемыхъ дыханіемъ зефира.
Со струнъ ея срывалъ онъ дивныхъ звуковъ рой,
И гармонически надъ ними пѣли волны,
Какъ будто бы тѣснясь влюбленною толпой,
И лиру удержать старались, нѣгой полны.
А около нея, по дикимъ берегамъ,
Гдѣ громоздилися лишь скалы да каменья,
Вставали и цвѣли въ тѣ чудныя мгновенья
Роскошные цвѣты внезапно здѣсь и тамъ.
О, какъ теперь отъ насъ далеко время это!
У вѣтра, волнъ и скалъ давно ужь нѣтъ ушей,
Цвѣты не разцвѣтутъ отъ звонкихъ струнъ поэта
И даже заперты для нихъ сердца людей....

Л. Пальминъ.

УѢЗДЪ.

Всякій пишущій имѣетъ право требовать, чтобъ его статью разсматривали съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ онъ самъ на предметъ, а не съ той, которую имѣетъ критикъ и которая можетъ быть совершенно отлична. Можно находить, что точка зрѣнія автора—невѣрная и ложная: но тогда нечего и спорить: ни къ какимъ результатамъ не могутъ прійти люди, смотрящіе на предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, — это только безполезная трата времени.

Точка зрѣнія, съ которой я пишу свою статью, *практическая*, то-есть я стараюсь открыть непосредственные выводы изъ наблюденій надъ фактами данной мѣстности и даннаго времени, справедливые только *относительно* современныхъ условій. Соціальныя теоріи, стремящіяся обобщить эти факты и возвести ихъ въ синтезъ законовъ, дѣйствующихъ въ теченіе по крайней мѣрѣ болѣе обширнаго періода извѣстной культурной эпохи, — я оставляю въ сторонѣ; и поэтому съ людьми теоріи, желающими устраивать общество по готовымъ рубрикамъ, я общаго ничего не имѣю и въ споръ съ ними вступать не буду. Поясню примѣромъ. У насъ есть партіи сторонниковъ и защитниковъ общинъ съ теоретической точки зрѣнія. Первые говорятъ, что община есть первоначальная и желанная форма общежитія; а потому государственное устройство должно быть приноровлено къ этой нормѣ и имѣть въ виду преимущественное развитіе общины, предназначенной въ концѣ концовъ поглотить личность и связанныя съ нею всѣ другія формы землевладѣнія и промышленности. Послѣдніе говорятъ, что община есть тормозъ современной экономической жизни и что освобожденіе личности, вслѣдствіе распаденія общины, есть необходимый шагъ нашего дальнѣйшаго развитія на пути цивилизаціи. Съ теоретической стороны я считаю этотъ вопросъ не рѣшеннымъ по недостатку данныхъ какъ съ моей, такъ и съ другой стороны, а потому я не принадлежу ни къ тому, ни къ другому лагерю. Для меня община въ настоящую минуту есть непреложный фактъ народной жизни и относиться къ ней я могу съ этой только точки зрѣнія. Я не вижу ни возможности,

ни права разрушать общину, коль скоро значительная масса населенія считаетъ ее удобною для своего общежитія; не вижу, съ другой стороны, возможности и права навязывать эту форму другой части населенія, развившейся и дѣйствующей при другихъ условіяхъ и вовсе не желающей подчиняться формѣ, для нея чуждой и непривычной. По-моему община и личное хозяйство должны стоять подъ одинаковой охраной государства, не пользуясь привилегіей и не испытывая насилія. Съ этой практической, объективной стороны я *желаю* относиться ко всѣмъ явленіямъ окружающей среды и потому отъ лицъ со мною несогласныхъ мнѣ было бы желательно выслушать: 1) насколько наблюденія мои надъ фактами переданы вѣрно и 2) насколько непосредственные выводы изъ этихъ наблюденій съ логической стороны точны. Что же касается до теоретическихъ разногласій, то споръ для меня совершенно немыслимъ, такъ какъ, повторяю, такой теоріи общественнаго развитія, въ которой можно бы было признать достоинство по крайней мѣрѣ гипотезы, основанной на значительномъ числѣ наблюденій, надлежащимъ образомъ провѣренныхъ и установленныхъ, каковы гипотезы въ естественныхъ наукахъ, — я не знаю.

Въ одномъ изъ московскихъ ежедневныхъ изданій *) я помѣстилъ рядъ статей, гдѣ и изложилъ нѣкоторыя ближайшія мѣры къ преобразованію существующихъ уѣздныхъ учрежденій. Но я тогда стоялъ на слѣдующей точкѣ зрѣнія. Я предполагалъ, что всѣ существующія теперь учрежденія должны остаться, не подвергаясь коренной ломкѣ; поэтому задача моя была узкая и краткосрочная—пріискать тѣ палліативы, съ помощью которыхъ существующія учрежденія, при небольшемъ измѣненіи, могли бы продолжать дѣйствовать съ большею пользой, нежели до сихъ поръ. Постараюсь задачу свою расширить. Разсматривая уѣздъ не какъ систему существующихъ учрежденій, а какъ живую единицу, сплоченную изъ разнообразныхъ группъ, ее населяющихъ, постараюсь рѣшить вопросъ, въ какой формѣ должны представляться учрежденія, чтобы соотвѣтствовать взаимнымъ отношеніямъ, потребностямъ и интересамъ различныхъ группъ, составляющихъ уѣздъ. Само собой разумѣется, что если моя практическая точка зрѣнія правильна и устойчива и наблюденія подмѣчены мною вѣрно и сообразно съ дѣйствительностью, то внутренняго, логическаго противорѣчія между прежними и теперешними моими статьями не окажется. Но что предлагаемыя теперь мною мѣры будутъ другія, а не тѣ, какія были въ прежнихъ статьяхъ, это само собой понятно; я не могу повторять прежнихъ, точно также какъ архитекторъ не можетъ предлагать ту же смѣту и фасадъ, если въ одномъ случаѣ ему предлагаютъ построить прочный и постоянный домъ, а въ другомъ—временную лѣтнюю бесѣдку.

---

*) *Русскій Курьеръ*.

Затѣмъ, послѣ этого необходимаго вступленія, перехожу прямо къ вопросу.

Перенесемся нѣсколько назадъ и возьмемъ уѣздъ, какъ мы его запомнили, въ эпоху крѣпостнаго права. Это былъ полный просторъ помѣщичьей власти: земля принадлежала помѣщикамъ, жили на ней ихъ подданные—крестьяне; въ рукахъ у помѣщика были всѣ государственныя функціи—судъ, полиція и администрація. Казенное и удѣльное управленія составлены были совершенно по образцу помѣщичьяго управленія и ни въ чемъ не нарушали единообразія тоновъ въ общей картинѣ. Были, правда, клочки земель, принадлежавшихъ въ собственность лицамъ не дворянскаго происхожденія, но это были ничтожныя исключенія. Таковъ былъ видъ большинства русскихъ губерній, за исключеніемъ немногихъ, куда не проникло крѣпостное право и гдѣ барина замѣнилъ чиновникъ, въ особенности, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, введенный въ самую суть крестьянскаго хозяйства и крестьянской семьи наравнѣ съ полноправнымъ помѣщикомъ. Такой порядокъ сложился издавна. Когда государство съ финансовой точки зрѣнія нашло необходимымъ прикрѣпить къ землѣ свободно передвигавшееся или бродячее и недоступное для обложенія населеніе,—потребовалось въ каждой мѣстности поставить особаго правительственнаго агента для удержанія населенія на мѣстѣ и для управленія. Государство обратилось къ служилому сословію, которое было необходимо для внѣшней защиты и въ интересахъ котораго отчасти осуществлено было самое прикрѣпленіе. Мало-по-малу служилый человѣкъ получалъ изъ рукъ государства въ свое мѣстное завѣдываніе различныя функціи правительственной власти, которыя прежде ускользали отъ центральнаго надзора и самостоятельно вѣдались общиною. Служилый классъ при Екатеринѣ обратился въ «вѣрное россійское дворянство», которому всецѣло было передано внутреннее мѣстное управленіе и которое всегда считалось и было на самомъ дѣлѣ самымъ надежнымъ оплотомъ самодержавія. Екатерининское устройство намъ хорошо извѣстно,—оно окончилось на нашихъ глазахъ. Въ губерніи былъ губернаторъ и былъ онъ тамъ «яко хозяинъ», представитель полной и неограниченной, самодержавной, власти. Но непосредственное представительство центральнаго правительства имъ и кончалось. За городскою чертой начинался уѣздъ, гдѣ представителями и органами являлись дворяне: одни—въ качествѣ оплачиваемыхъ и состоящихъ на службѣ, но выборныхъ изъ дворянства чиновниковъ, а другіе—въ качествѣ даровыхъ органовъ правительства въ награду за поддержку имъ крѣпостнаго права. Такимъ образомъ каждый помѣщикъ былъ не только хозяйственный распорядитель даровой крѣпостной силы, но и правительственный агентъ, несущій полицейскія и судейскія обязанности. Это очень хорошо сознавали крѣпостники и самая дѣйствительная ихъ угроза правительству была: гдѣ оно возьметъ столько оплачиваемыхъ правительственныхъ агентовъ, сколько живетъ ихъ въ

мѣстности даровыхъ, на иждивеніи крѣпостнаго права? Время показало, что свобода есть гарантія гораздо болѣе существенная и менѣе дорогая, нежели изобиліе надзирателей и агентовъ правительства, хотя бы и даровыхъ. Но, тѣмъ не менѣе, пока масса была невѣжественна и равнодушно переносила свое безправное положеніе и обязательный трудъ, — такая организація была прочна. Дворянство, на которое опиралось правительство,—каково бы оно ни было,—представляло интеллигентное меньшинство своего времени и изъ его среды выходило то—правда, медленное, но все-таки поступательное—движеніе, которое приближало Россію къ цивилизованной Европѣ, а не отталкивало отъ нея.

Крѣпостное право уничтожилось и—пошатнуло весь строй. Нѣтъ ничего печальнѣе и безотраднѣе русскаго *консерватора*... Вотъ человѣкъ, у котораго подъ ногами нѣтъ никакой почвы. Вся его дѣятельность можетъ состоять въ нескончаемыхъ сѣтованіяхъ о разныхъ несчастныхъ и неприглядныхъ сторонахъ нашей обстановки: объ обѣдненіи, о развратѣ, пьянствѣ, голодѣ, болѣзняхъ и т. п. Но спросите его, какъ помочь бѣдѣ, и онъ ничѣмъ вамъ не отвѣтитъ, кромѣ молчанія или не отвѣчающаго на вопросъ увѣренія, что прежде было лучше. Да ему, бѣдному, и отвѣчать нечего: онъ понимаетъ, что его pium desiderium — возстановленіе крѣпостнаго права — настолько же возможно, насколько поднятіе мертвыхъ изъ гробовъ. А у насъ все еще продолжаютъ воевать съ какими-то крѣпостниками или консерваторами!... Ихъ нѣтъ и быть не можетъ; а если они есть, то это—послѣдніе могиканы, достойные изученія и описанія, какъ исчезающая навсегда рѣдкость; сражаться же съ ними значитъ напоминать Донъ-Кихота и вѣтряныя мельницы. Правда, у консерваторовъ, сохранившихъ воспоминаніе о «вотчинной полиціи» крѣпостнаго права, которая удержана въ Положеніи, какъ переходная мѣра на первое время,—сложилось убѣжденіе, что слѣдуетъ крестьянъ ввести въ систему общаго управленія, въ видѣ образованія въ данной мѣстности безсословной волости или округа, гдѣ правящимъ сословіемъ должна явиться интеллигенція, въ видѣ проживающихъ тамъ дворянъ и вообще крупныхъ личныхъ землевладѣльцевъ. Многіе изъ консерваторовъ убѣждены, что такое возстановленіе ихъ функціи, въ качествѣ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, поведетъ, несомнѣнно, къ возстановленію привилегированнаго положенія частнаго землевладѣнія и отчасти къ распаденію крестьянской поземельной общины. Согласиться на подобное устройство невозможно, потому что необходимость его не вызывается никакими показаніями въ самой жизни уѣзднаго населенія; кромѣ того, такое положеніе цѣльной отдѣльной группы, созидаемое словомъ закона, на самомъ дѣлѣ могло бы удержать массу крестьянскаго населенія въ теперешнемъ невѣжествѣ нѣсколько долѣе, чѣмъ слѣдуетъ и возможно при законномъ просторѣ ея самодѣятельности. Но тѣ плоды, которые желаютъ пожинать консерваторы, становясь во главѣ существующей крестьянской общины,

именно въ силу закона, созрѣли только въ ихъ самообольщенной фантазіи. Помѣщикамъ въ теченіе девятилѣтняго срока послѣ введенія уставной грамоты разрѣшена была вотчинная полиція въ средѣ временно-обязанныхъ крестьянъ. Многіе ли изъ нихъ воспользовались этимъ правомъ?—Ни одинъ. А почему?—Да потому, что каждый чувствовалъ, что это право—бумажное, за которымъ не стоитъ никакой дѣйствительной силы и осуществлять его не стоитъ,—крестьяне не послушаютъ, а заставить ихъ некому, да и нельзя. Если кто-либо изъ помѣщиковъ такъ или иначе держалъ и послѣ того крестьянъ въ зависимости отъ себя и вымогалъ отъ нихъ всякія уступки и невольныя соглашенія, то это—землевладѣлецъ, имѣвшій возможность стѣснить ихъ въ земельныхъ угодьяхъ и держать ихъ въ экономической отъ себя зависимости.

Такимъ образомъ мечта консервативнаго дворянства, экономически безсильнаго, сохранить словомъ закона свое чисто-политическое преобладаніе, чтобы на немъ вновь построить утраченное въ настоящую минуту экономическое значеніе,—менѣе заманчивая, но, къ счастію, несбыточная. Для крестьянской общины наростающій кулакъ гораздо опаснѣе исчезающаго консерватора-крѣпостника. Между тѣмъ у насъ есть цѣлая либеральная фракція, о которой скажу ниже, смѣшивающая эти праздныя вожделѣнія крѣпостника-консерватора съ законнымъ желаніемъ до извѣстной степени оградить мѣстную интеллигенцію отъ совершеннаго затопленія общиннымъ началомъ въ смыслѣ полнаго приниженія личности предъ инстинктами толпы. Сторонники этой фракціи убѣждены, что, какимъ бы путемъ образованный человѣкъ ни достигнулъ руководящаго значенія во всесословной волости, масса должна потерять свою самостоятельность и обратиться въ нѣчто стадное, не имѣющее голоса и покорное своему вождю. Откуда явилось и какъ сложилось подобное убѣжденіе, не знаю. Единственнымъ его доказательствомъ приводятъ односторонне и невѣрно понятую историческую аналогію. Извѣстно, что поземельная община жила вездѣ въ Европѣ на собственныхъ земляхъ и что она перешла въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ съ тѣхъ поръ, какъ они явились во главѣ этой свободной общины въ качествѣ начальственныхъ или первенствующихъ ея членовъ. Отсюда замѣчаютъ по аналогіи, что подобное положеніе въ русской всесословной волости интеллигентныхъ лицъ изъ группы частныхъ землевладѣльцевъ поведетъ къ обезземеленію крестьянъ, распаденію сельской общины и къ новому, еще горшему, подчиненію крестьянскаго сословія, хотя на словахъ оно будетъ продолжать считаться политически-независимымъ и равноправнымъ съ другими. Для того, чтобъ аналогія могла быть примѣнена, какъ руководящій масштабъ, необходимо, чтобы на мѣстѣ ея происхожденія были приняты въ соображеніе всѣ производящія причины примѣняемаго явленія и чтобы всѣ онѣ, или по крайней мѣрѣ наиболѣе существенныя, повторялись на мѣстѣ примѣненія. Но, во-первыхъ, появленіе во главѣ западныхъ свободныхъ общинъ крупныхъ землевладѣль-

цевъ было не единственною причиной обезземеленія крестьянства и утраты со стороны поземельныхъ общинъ самостоятельности,—весь экономическій строй этой эпохи способствовалъ уничтоженію не достаточно защищеннаго крестьянскаго землевладѣнія и возникновенію крупнаго, способнаго къ защитѣ подъ руководствомъ опытнаго и полноправнаго вождя. Во-вторыхъ, ни духъ времени, ни экономическія условія нашей жизни не способствуютъ въ данную минуту распространенію крупнаго землевладѣнія; напротивъ, крупное землевладѣніе приноситъ тѣмъ меньше дохода, чѣмъ оно крупнѣе, и стремится къ раздробленію. Слѣдовательно, примѣненіе сказанной аналогіи изъ западно-европейской исторіи къ теперешней нашей жизни совершенно произвольно и не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. А изъ прошедшаго и настоящаго нашей крестьянской общины вывести заключеніе о возможности ея подчиненія такимъ путемъ—нѣтъ никакого основанія. Сторонники народа, защищающіе его съ такой излишнею ревностію отъ мнимой опасности, не знаютъ самого народа и безсознательно для самихъ себя кладутъ на него незаслуженное пятно. Повторяю, я вовсе не желаю во главѣ каждой всесословной волости видѣть начальникомъ дворянина-землевладѣльца; да и желать-то этого смѣшно,—не откуда взять у насъ столько дворянъ, имѣющихъ возможность посвятить себя на исполненіе такихъ обязанностей. Но я желаю только разъяснить, въ какую грубую ошибку можно впасть, если начать защищать отъ мнимой опасности, не ознакомившись хорошенько съ самимъ защищаемымъ. Если русское крестьянство таково, что, по истеченіи двадцати лѣтъ со времени его освобожденія, достаточно во главѣ значительной его массы поставить начальственное лице изъ другаго сословія, чтобы снова обратить крестьянъ въ крѣпостное состояніе, если не de jure, то de facto, или по крайней мѣрѣ затормозить имъ дорогу къ самостоятельному развитію,—то что же это за пассивная и неспособная масса и чего отъ нея ожидать?!... Значитъ, ея судьба—вѣчное и безвыходное подданство если не дворянину, такъ кулаку, чиновнику, образованному проходимцу... Я не слѣдую модѣ,—не смотрю на крестьянъ сквозь идеальныя очки,—я наглядно вижу всѣ пороки и дурныя стороны крестьянскаго сословія и порой рѣзко ихъ высказываю, такъ что А. И. Кошелевъ упрекаетъ меня въ слишкомъ мрачномъ взглядѣ на крестьянство. Какъ быть?—я жилъ и живу съ крестьянами, а не смотрю на нихъ въ окна загороднаго дворца или не читаю о нихъ изъ книжки; но я знаю и всѣ хорошія стороны крестьянской среды и потому, гдѣ нужно, отношусь къ ней съ болѣе искреннимъ и сознательнымъ уваженіемъ, нежели многіе непрошенные доброжелатели. Поставьте столько дворянъ, сколько вамъ угодно, во главѣ крестьянскихъ волостей. Пока эти дворяне будутъ честно и разумно править и оберегать крестьянскіе интересы, крестьяне будутъ имъ охотно повиноваться и глубоко уважать; но какъ скоро эти же самые дворяне возьмутся за преслѣдованіе своихъ лично-сословныхъ интересовъ,

идущихъ въ разрѣзъ съ крестьянскими, сейчасъ же ихъ значеніе упадетъ, какъ будто его и не бывало,—одной выдержкой пассивнаго сопротивленія крестьянская среда опрокинетъ и этихъ дворянъ-начальниковъ, и силу, ихъ поставившую и поддерживающую. Въ земскихъ собраніяхъ крестьяне появились недавно и пока еще не заняли того виднаго мѣста, которое имъ предстоитъ; но ихъ политическій тактъ и способность къ отстаиванію своихъ правъ обнаружились уже достаточно. Вдалъ я не разъ, какъ самонадѣянный боецъ изъ земскихъ дѣятелей хочетъ выѣхать на крестьянской шеѣ; пока онъ поддѣлывается къ крестьянамъ и проводитъ ихъ интересы, крестьяне его хвалятъ и единодушно поддерживаютъ, хотя не вѣрятъ, стоятъ на-сторожѣ и лукаво посмѣиваются, что за радѣтель выискался; но лишь боецъ сброситъ маску и выступитъ съ своими личными или совершенно чуждыми для крестьянъ цѣлями,—они мгновенно измѣняются и точно такъ же единодушно вотируютъ противъ. Наоборотъ, если человѣкъ долгое время шелъ прямою дорогой, не подлаживаясь къ крестьянамъ и сохраняя безпристрастное для всѣхъ группъ отношеніе, то онъ, безъ всякаго съ своей стороны домогательства, получитъ именно у гласныхъ изъ крестьянъ самый прочный и сочувственный авторитетъ. И потому либералы-народники напрасно напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобы защитить крестьянскую массу отъ грозящихъ ей опасностей: эта масса, въ теченіе тысячелѣтій, несмотря на всѣ невзгоды и крѣпостное право, съумѣвшая сохранить и защитить свой общинный строй,—не нуждается въ постороннихъ защитникахъ; она сама найдетъ свой путь и изъ среды себя самой выставитъ руководящее образованное меньшинство во главу дальнѣйшаго развитія русской жизни. Но для насъ, для существующаго теперь интеллигентнаго меньшинства, не только законный инстинктъ самосохраненія, но забота о будущемъ отечества, о самой этой массѣ, если дѣйствительно интересы ея намъ не чужды,—должны побудить къ сохраненію того *первенствующаго* руководящаго положенія, которое, по силѣ вещей, въ каждой культурной странѣ занимаетъ наличная интеллигенція. Мы должны сохранить наше мѣсто готовое, обезпеченное и почетное для вновь выдѣляющихся силъ изъ всѣхъ сословій общества, а не топить себя самихъ и вмѣстѣ съ нами на первыхъ порахъ вновь присоединяющихся въ безразличной толпѣ мірскаго созыва, подводящаго подъ мертвящій уровень огульнаго невѣжества и неподвижности и пробуждающійся талантъ, и пробивающуюся новую смѣлую мысль...

Дальнѣйшее мое изложеніе объяснитъ, что я разумѣю подъ именемъ *сохраненія первенствующаго или руководящаго положенія для образованнаго меньшинства*, и потому отъ этого небольшаго отступленія я возвращусь къ прерванному историческому изложенію.

Я сказалъ, что крѣпостное право разрушилось и пошатнуло весь строй... Изъ этого пошатнувшагося строя выдѣлилась сюрпризомъ огромная масса, существованіе которой всѣмъ было не вдомекъ и которая

вдругъ получила права, однаковыя со всѣми остальными слоями общества, ее до сихъ поръ не замѣчавшими.

Да, именно сюрпризомъ!... И потому отношеніе всѣхъ остальныхъ слоевъ къ крестьянамъ на первыхъ порахъ было далеко не нормальное, а какое-то изумленное и не вошедшее въ границы, какъ отношеніе ко всякому сюрпризу.

Крестьянство, какъ народную массу, открыли прежде всего славянофилы,—въ этомъ ихъ самая главная и безспорная заслуга,—но открыли въ *теоріи*, а не на практикѣ, ибо на самомъ дѣлѣ въ то время крестьянъ, какъ *народа*, не существовало. Крестьяне даже не присягали новому государю наравнѣ съ цѣлою Россіей,—они какъ будто считались подданными не прямо царскими, а барскими. Живое чутье ученаго дѣятеля, сохранившаго связь съ своей народной обстановкой, помогло славянофиламъ прежде другихъ догадаться, что въ Россіи, кромѣ одѣтаго въ нѣмецкое платье и обученаго западной наукѣ меньшинства, существуютъ еще милліоны людей хотя и безправныхъ, но родныхъ по вѣрѣ, языку и народнымъ воспоминаніямъ. Но славянофилы сами были ученики западной науки и у нея привыкли спрашивать отвѣта на поставленные вопросы. На вопросъ о крестьянствѣ западная наука не отвѣчала: дѣятельные элементы ея цивилизаціи давно уже перешли и проявились въ образъ другихъ сословій, а съ послѣдними связана исторія европейской цивилизаціи; крестьянство же, оставшееся въ меньшинствѣ и обезземеленное, выродившееся въ рабочій пролетаріатъ, представляетъ не активный элементъ, а болѣзненный продуктъ и тревожное большинство переходнаго состоянія западной культуры. Не получивъ отвѣта на самый живой вопросъ русской жизни, славянофилы къ открытому ими, въ смыслѣ крестьянства, сюрпризу отнеслись точно такъ, какъ всегда относится человѣкъ къ таинственному и непонятному,—они обратили его въ *миѳъ* *). За то, что западная наука не дала отвѣта на чуждый ей вопросъ изъ русской жизни, они безвозвратно осудили самую науку: ложь европейской науки, гніеніе Запада и необходимость какой-то небывалой, самобытно-русской, цивилизаціи были послѣдствіемъ того ученическаго отношенія къ наукѣ, которое у насъ гос-

---

*) Съ этимъ и со многимъ, что говоритъ авторъ о такъ-называемомъ славянофильскомъ направленіи, мы согласиться не можемъ. Конечно, и вначалѣ были и, пожалуй, теперь имѣются славянофилы (за таковыхъ, по крайней мѣрѣ, себя выдающіе), которые высказывали и нынѣ проповѣдуютъ странныя, вовсе противорѣчащія духу упомянутаго направленія мнѣнія; но принимать этихъ господъ за дѣйствительныхъ сторонниковъ и послѣдователей Хомякова и высказываемыя ими мнѣнія за его ученіе—ошибочно. Постараемся со-временемъ изложить это ученіе на точномъ основаніи того, что они писали, и тогда ясно будетъ, что эти люди вовсе не вдавались въ „миѳъ“ и не думали ни воскрешать Россію прежнихъ временъ, ни чуждаться европейской науки и европейской образованности.

Ред.

ществовало въ то время. Западную науку мы выучивали и результаты ея непосредственно старались примѣнять къ вопросамъ, поставленнымъ русскою жизнью: очевидно, получались невѣрные результаты, такіе же, какъ отъ примѣненія, напр., опытныхъ таблицъ древеснаго прироста, вычисленнаго въ Германіи, къ нашимъ сѣвернымъ непроходимымъ лѣсамъ. Но мы не понимали, что сама западная наука еще не закончила своихъ результатовъ и что въ ней не столько важны самые результаты, представляющіе только готовую точку отправленія, сколько путь, которымъ она ихъ достигла, указывающій направленіе для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Самобытная и живая мысль, воспитанная на народной почвѣ и близко съ ней знакомая, еще не пробивалась въ то время среди образованнаго меньшинства, чтобы связать себя на равныхъ правахъ съ западною наукой и принести свой собственный вкладъ. Эта самобытная мысль въ умахъ лучшихъ людей только пробуждалась въ видѣ неопредѣленнаго искательства и на первыхъ порахъ не признала своихъ родителей, отреклась отъ пробудившей и вызвавшей ее западной науки. Вмѣсто науки и знанія славянофильство, какъ первобытный мыслитель юныхъ эпохъ цивилизаціи, поставило впередъ мистицизмъ и вѣру. Въ какой-то таинственно смутной амальгамѣ идеаловъ русской цивилизаціи представлялись славянофиламъ аттрибуты русской народности—православіе и самодержавіе; вмѣсто трезваго отношенія къ природѣ и окружающимъ, вмѣсто культурной борьбы и тревожной, возбужденной, захватывающей дѣятельности Запада, вмѣсто парламентарныхъ формъ, въ средѣ которыхъ заключаются по возможности равноправныя сдѣлки между живыми экономическими группами, на которыя распадается общество данной страны,—славянофилы возводили въ принципъ для народной жизни чисто нравственныя начала христіанскаго аскетизма: нищенство духомъ, смиреніе, убожество и любовь; этимъ народомъ какихъ-то отшельниковъ отъ міра сего они хотѣли править въ смыслѣ объединенія чрезъ идеально-духовный символъ, проявляемый самодержавнымъ царемъ, призывающимъ изрѣдка на совѣтъ соборъ изъ мѣстныхъ людей, сходящихся изъ всѣхъ окраинъ обширной, 80-тимилліонной, Имперіи. Такое общественное устройство, очевидно, есть плодъ фантазіи, выросшей въ минуту пробужденія самобытной мысли, когда она еще не успѣла окрѣпнуть и стать на ноги, пока она не оріентировалась и не успѣла занять подобающее мѣсто, примкнуть въ историческомъ преемствѣ къ общему ходу научнаго роста. Славянофильство, съ этой точки зрѣнія, было необходимое и почтенное звѣно нашего умственнаго развитія, но оно осталось позади, мы его пережили, и возвратъ къ нему есть безполезный и невозможный для мыслящаго человѣка анахронизмъ. Но ученическое наше отношеніе къ западной наукѣ не можетъ сгладиться вдругъ и продолжаетъ оказывать свое вліяніе до сихъ поръ. Передъ сюрпризомъ внезапно появившагося крестьянства растерялись и продолжаютъ теряться видные и почтенные наши предста-

вители западной науки. Одни, какъ уважаемый Б. Н. Чичеринъ, кристаллизовались и ушли въ доктрину. Овладѣвъ съ полнымъ знаніемъ дѣла готовыми результатами западной науки въ моментъ собственнаго своего изученія, они, поклонники западно-римской, основанной на исключительномъ преобладаніи индивидуализма, государственности, не хотятъ видѣть вновь нарождающихся требованій жизни и требуютъ насильственнаго примѣненія извѣстныхъ имъ внѣшнихъ формъ, какъ будто вся суть — въ этихъ формахъ, а не въ прикрытомъ ими внутреннемъ содержаніи. На Западѣ крестьянская община существовала и уступила мѣсто городскому среднему сословію, вынесшему на своихъ плечахъ подвигъ цивилизаціи; поэтому и въ Россіи—долой общину, пусть изъ нея выдѣлятся кулаки, матеріально обезпеченные для цивилизаціи, въ руки которыхъ слѣдуетъ отдать будущее Русской земли... Другіе, въ лицѣ, напримѣръ, К. Д. Кавелина, у котораго кабинетное мышленіе не совсѣмъ стерло живую и чуткую впечатлительность къ явленіямъ окружающей среды,—отнеслись къ крестьянству въ сущности такъ же, какъ и славянофилы. Для славянофиловъ Русское государство представлялось въ видѣ таинственнаго религіознаго мноа, какого-то небывалаго объединенія съ православнымъ самодержцемъ во главѣ. Для изумленныхъ выучениковъ западной науки будущее Россіи является въ смыслѣ ученой загадки, какого-то небывалаго мужицкаго царства, непохожаго на все остальное человѣчество и вырабатывающаго для себя какую-то особую, невѣдомую культуру. Такое отношеніе къ крестьянству и къ цѣльной русской жизни указываетъ только одно: надо присмотрѣться къ вызвавшему его сюрпризу, изучить, понять его такъ, какъ онъ есть, а не судить о немъ по неприложимой указкѣ чужаго изслѣдованія или по неправильному сказу возбужденной и разыгравшейся фантазіи, всегда предшествующей спокойной логикѣ анализирующаго мышленія и представляющей предметъ въ извращенномъ, неестественномъ состояніи. Между тѣмъ это упорное доктринерство съ одной стороны и безпомощная растерянность съ другой у насъ, гдѣ наука не успѣла еще пустить глубокихъ корней, а явленія современной жизни получили своеобразный характеръ, требующій не ученическаго повторенія чужихъ результатовъ, а самобытнаго изслѣдованія, — именно и служатъ прямымъ объясненіемъ теоретическаго нигилизма и незаконнаго отвращенія молодаго поколѣнія отъ всей старой науки, изучавшей различныя стороны проявленія общественнаго строя. Изъ того, что общественная наука, въ лицѣ оффиціальныхъ ея представителей, не даетъ у насъ непосредственнаго и опредѣленнаго отвѣта на вновь народившіяся потребности жизни, всегда опережающей науку,— можно заключить только то, что нѣкоторыя обобщенія въ наукѣ не соотвѣтствуютъ данному времени и должны быть пополнены и исправлены продолжающимся наблюденіемъ и изслѣдованіемъ; но, въ силу этой временной неудовлетворительности, отрицать вовсе науку со всѣмъ ея старымъ до-

стояніемъ — значитъ отрицать всю прежнюю историческую цивилизацію, весь запасъ опыта и знаній, добытыхъ трудомъ минувшихъ поколѣній, что немыслимо для культурнаго народа. Очевидно, что нигилизмъ есть явленіе временное, неестественное, вызванное неподготовленностью къ переходной эпохѣ и отсутствіемъ самостоятельной научной разработки явленій народной жизни; что отрицаніе науки со стороны молодаго поколѣнія есть только преходящій результатъ черезчуръ ученическаго отношенія къ трудамъ западныхъ ученыхъ, прежнихъ оффиціальныхъ представителей университетскаго образованія, не дававшихъ пробудившимся молодымъ умамъ ничего, кромѣ сухой и неприложимой доктрины. Явившееся сюрпризомъ крестьянство, со времени освобожденія, стало реальнымъ фактомъ и потребовало для себя извѣстнаго мѣста среди другихъ слоевъ общества, доселѣ его не признававшихъ. Положеніе 19 февраля совершенно правильно разрѣшило этотъ вопросъ: оно признало, что крестьянъ на первыхъ порахъ надо поставить совершенно *особнякомъ*, въ видѣ отдѣльнаго сословія, не имѣющаго ничего общаго съ другими, въ видѣ особаго status in statu, имѣющаго свою администрацію, свой судъ, свою податную систему, свое внутреннее хозяйственное управленіе. Крестьянская волость совершенно независима и не имѣетъ ничего общаго съ сосѣдями: ей на первыхъ порахъ предоставлено было право отдѣльнаго ходатайства о своихъ нуждахъ, забота объ образованіи и призрѣніи неимущихъ, обезпеченіе народнаго здоровья, охраненіе безопасности и благоустройства внутри ея предѣловъ; но за предѣлами этой волости для ней начиналось все чужое,—волости не связаны были ни между собой, ни съ своими сосѣдями, не принадлежащими къ волостному сходу. На первыхъ порахъ такое уединенное, но самостоятельное выдѣленіе каждой волости было необходимо: оно должно было пріучать членовъ схода къ общественному самоуправленію и защищало крестьянскую массу отъ воздѣйствія на нее другихъ ближайшихъ слоевъ, которыя, на первыхъ порахъ, могли затормозить ея развитіе и тѣмъ или другимъ путемъ подчинить ее себѣ.

Это явившееся сюрпризомъ крестьянство съ своей особою организаціей, сильное прежде всего своею многочисленностью, на первыхъ порахъ ошеломило и заставило растеряться всѣ прежде существовавшіе слои. Прежде всего его взяла подъ свое покровительство литература: «все для крестьянъ и ничего для другихъ. Крестьяне одни составляютъ народъ будущаго, а остальное—негодная шелуха, до тѣхъ поръ ихъ притѣснявшая, а теперь осужденная на погибель», — такой въ сущности былъ лозунгъ литературы временъ освобожденія. Этотъ лозунгъ, какъ онъ ни одностороненъ, не только не служитъ укоромъ литературѣ, но, напротивъ, доказываетъ, что она стояла въ уровень съ своимъ призваніемъ и задачею. Защита нуждавшейся въ ней, только-что освобожденной, массы и борьба съ крѣпостникомъ, тогда еще крѣпкимъ и стоявшимъ во всеоружіи, не могла совершаться тономъ спокойно-приличнаго обсужденія,—она естественно

переходила въ страсть, она вдавалась въ крайность, но она дѣлала свое историческое дѣло. Счастье для Россіи, что вся ея литература правильно поняла задачу дня и перешла въ лагерь освобожденія. Вслѣдъ за литературой туда же направилось и все либеральное, интеллигентное меньшинство, ряды котораго постепенно увеличивались. Но мало-по-малу жизнь обошла литературу, которая слишкомъ долго повторяетъ зады. Обостренное положеніе сословій и необходимость для крестьянской общины стоять особнякомъ прекратились. Лозунгомъ жизни пересталъ быть прежній литературный лозунгъ: «все для крестьянъ и ничего для другихъ»,—его замѣнилъ другой, болѣе человѣчный и спокойный: «все для всѣхъ въ равной степени, ни для кого привилегіи, ни для кого обиды и преслѣдованія». Не слѣдуетъ забывать, что нигдѣ культурный народъ не составляется изъ одной безразличной массы, какъ бы она ни была многочисленна, и что въ средѣ этого народа иногда выдѣляется интеллигентный слой меньшинства, не только имѣющій право на существованіе, но предназначенный быть естественнымъ руководителемъ этой менѣе подвижной и мыслящей массы. Безъ этого неосуществима гражданская свобода въ ея истинномъ значеніи,—свобода, которая, по прекрасному опредѣленію Либера (on civil liberty) есть такое устойчивое состояніе равновѣсія, которое одинаково дѣлаетъ невозможнымъ и преобладаніе большинства надъ личностью, и насиліе личности надъ большинствомъ. Жизнь культурнаго государства всего ближе можно сравнить съ растеніемъ. Внизу, скрытый въ землѣ, незримый для окружающихъ роется въ землѣ корень: это—занятое воздѣлываніемъ земли крестьянское населеніе. Корень изъ себя выдѣляетъ и питаетъ добываемыми имъ соками покрытый листвой, выходящій наружу, стволъ: это—промышленно-торговое среднее сословіе, которое, разрастаясь, придаетъ пышный видъ и опредѣленную физіономію растенію. На концахъ вѣтокъ распускаются цвѣты, украшенія растенія—интеллигенція въ жизни народовъ, служащая непосредственнымъ органомъ прогресса и цивилизаціи. И только послѣ цвѣтенія созрѣваетъ плодъ или сѣмя дальнѣйшаго размноженія вида, только въ силу плодотворной дѣятельности поддерживаемой народнымъ уваженіемъ интеллигенціи созрѣваетъ умственное наслѣдіе народа, его вкладъ и связь съ всемірно-историческимъ развитіемъ человѣчества. Если всецѣло освобождается корень отъ препятствій и если ему дается возможно-полная свобода распространенія, то растеніе только крѣпнетъ, роскошнѣе цвѣтетъ и скорѣе приноситъ самые обильные плоды. Въ этомъ смыслѣ освобожденіе крестьянъ, расширеніе ихъ правъ наравнѣ съ другими и уничтоженіе всякихъ препятствій къ упроченію ихъ матеріальнаго и умственнаго развитія—должно сопровождаться увеличеніемъ и почетнымъ положеніемъ интеллигентнаго слоя; тогда въ концѣ концовъ въ общую сокровищницу цивилизаціи внесетъ сколь возможно болѣе плодовъ наша русская* самодѣятельность. Но въ этомъ смыслѣ Россія не есть небывалое мужицкое, а общекультурное государство, ничѣмъ не отличающееся

въ своемъ общемъ поступательномъ движеніи отъ обычнаго хода всемірной исторіи. И на Западѣ было крестьянство, въ смыслѣ лежащей внизу, фундаментомъ, и питающей своими развѣтвленіями корневой массы; но Западъ временно позабылъ о немъ; верхнія части растенія, широко раскинувшись, заглушили и заслонили ушедшій въ землю корень и, несмотря на роскошь цвѣта и обиліе плодовъ, ростъ западной цивилизаціи временно заторможился болѣзнью—пролетаріатомъ. У насъ все растеніе было сдавлено, лишено было простора и не получало надлежащаго питанія,—понятно, что наша Русь до сихъ поръ росла въ видѣ дикаго бурьяна, на которомъ изрѣдка появлялся лишь пустоцвѣтъ, не приносившій плода. Но если въ то время, когда освободился корень и растеніе получило возможность правильнаго питанія и роста, мы оборвемъ существующіе листья, которыми оно до сихъ поръ дышало, и тѣ немногіе цвѣты, которые теперь же могутъ созрѣть плодами,—то не значитъ ли это заторможить ростъ, а можетъ-быть и вовсе погубить растеніе?... Между тѣмъ тенденціозный лозунгъ: «все для крестьянъ», удержавшійся въ литературѣ и въ той фракціи либеральной партіи, которая руководится исключительна печатью и работой мысли, а не опытомъ жизни,—именно стремится къ подобному насильственному и вредному обрыванію. Что всякая попытка къ улучшенію быта крестьянскаго сословія со стороны правительства или общественныхъ учрежденій вызываетъ сочувствіе въ печати и въ средѣ благомыслящихъ людей,—это понятно и въ порядкѣ вещей. Но у насъ надо имѣть нѣкоторый запасъ гражданскаго мужества, чтобы печатно выйти въ защиту другихъ сословій, особенно если эта защита соприкасается съ крестьянскими интересами и не признаетъ ихъ преобладающими, не жертвуетъ имъ своими законными и естественными правами. Всеобщая эксплуатація крестьянъ со всѣхъ сторонъ—помѣщиками, фабрикантами, кулаками—есть излюбленная, модная тема, изъ-за которой не видно никакихъ другихъ явленій общественной жизни, какъ будто ничего другаго не совершается, не существуетъ въ обществѣ никакихъ иныхъ стремленій и интересовъ. Газетный корреспондентъ не старается уловить задачу и смыслъ совершающейся на его глазахъ своеобразной жизни: онъ пишетъ на заданную тему, по готовому шаблону, кое-гдѣ прибавитъ и украситъ, чтобы было рельефнѣе, и спокоенъ за помѣщеніе своей статьи, отвѣчающей на запросъ. Оттого у насъ литература не представляетъ вѣрнаго снимка съ обошедшей ее жизни,—печать осталась назади и вслѣдствіе того мало-по-малу, къ несчастію, теряетъ свою силу, которую она пріобрѣла на первыхъ порахъ, ставъ впереди общества страстной, но искреннею истолковательницей стремленій лучшей его половины. Это происходитъ вслѣдствіе того, что печать, получившая въ послѣднее время исключительно публицистическое направленіе, находится въ рукахъ молодыхъ силъ, болѣе или менѣе получившихъ общее образованіе, одушевленныхъ честными и человѣчными стремленіями, но совершенно незнакомыхъ съ практическою жизнью. Въ

дѣлѣ публицистики никакой талантъ и никакая ученость не могутъ замѣнить необходимаго жизненнаго опыта. Самымъ вліятельнымъ, современнымъ у насъ публицистомъ, произносящимъ всегда вѣское слово, является кн. А. И. Васильчиковъ. Онъ—не человѣкъ науки, онъ—не блестящій публицистическій талантъ, но онъ—человѣкъ жизни, вносящій въ нее честныя и безпристрастныя убѣжденія, свободный отъ всякой тенденціозности въ ту или другую сторону и настолько мыслящій, чтобы avoir le courage de ses opinions, чтобы спокойно и беззастѣнчиво высказывать собственныя мысли, почерпнутыя изъ своихъ наблюденій, а не увлекаться безъ разсужденія и оглядки общимъ потокомъ. Кружокъ либеральной партіи, ближе всего стоящій къ литературѣ, самъ изъ нея непосредственно черпающій и въ свою очередь представляющій для нея ближайшую почву, состоитъ также изъ этихъ незнакомыхъ съ внутреннею жизнью друзей народа. Большинство нашей интеллигентной молодежи воспитывалось въ столицахъ и за границей и находило для себя помѣщеніе и занятіе въ Петербургѣ и отчасти въ Москвѣ; для нихъ крестьянство до сихъ поръ осталось сюрпризомъ, а русская жизнь—интереснымъ наблюденіемъ туриста. Когда совершилось великое, бьющее въ глаза событіе освобожденія, когда настала для всѣхъ необходимость прекратить свои счеты со старымъ и установить иныя, совершенно новыя отношенія,—общее образованіе исполнило свою задачу: людямъ его получившимъ оно указало настоящій путь, литературу, гдѣ оно сосредоточилось, подняло на недосягаемую высоту и сдѣлало ее руководительницей жизни. Но когда жизнь вошла въ свою колею, когда началось ея тихое, мѣрное теченіе, доступное наблюденію лишь на самомъ берегу,—одного общаго образованія стало недостаточно, потребовалось изученіе на мѣстѣ, непосредственное общеніе съ жизнію. Когда крестьянство на первыхъ порахъ явилось сюрпризомъ,—было своевременно и достаточно приготовить ему торжественную встрѣчу, привѣтствовать его благими пожеланіями, даже въ ущербъ другимъ, и всѣми силами защищать отъ дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ опасностей. Но когда крестьянинъ занялъ свое мѣсто и прочно вдвинулся среди другихъ общественныхъ слоевъ, тогда уже нельзя ограничиваться привѣтствіями издалека, а необходимо ближе съ нимъ ознакомиться и отъ него самого услышать, что ему нужно и къ чему онъ стремится. Этого-то именно и не сдѣлали наши либералы. Отношенія ихъ къ крестьянству до сихъ поръ какіе-то неестественныя и натянутыя. Одни, гордые своимъ европейскимъ образованіемъ, съ самопожертвованіемъ готовы на него истратить свой рубль, подавая его въ видѣ милостыни; но они въ глубинѣ своей аристократической натуры презираютъ эту грубую, невѣжественную и пьяную массу, забывая, что масса, сама по себѣ, не виновата въ своемъ невѣжествѣ и пьянствѣ и что подъ неприглядною оболочкой въ этой массѣ бьется русское сердце, способное на всякій подвигъ добра и правды, работаетъ практическій русскій умъ, приноравливающійся ко всякой обстановкѣ, создавшій крѣпкое Русское госу-

дарство и въ самомъ себѣ носящій его великую будущность. Этихъ чуждающихся ея людей и издалека подающихъ ей милостыню масса игнорируетъ. Другіе, повидимому, съ безполезнымъ самоуниженіемъ преклоняются предъ этою массой, отрекаются даже отъ своего образованія, но въ сущности также не желаютъ признать за нею равнаго человѣческаго достоинства. Для нихъ крестьянинъ—меньшой братъ, Антонъ Горемыка, котораго преслѣдуютъ и эксплуатируютъ со всѣхъ сторонъ и которому не только слѣдуетъ подать милостыню, но котораго необходимо поднять, обласкать, облагодѣтельствовать своею помощью и совѣтомъ. Такихъ друзей масса вышучиваетъ: сначала принимаетъ она ихъ заигрыванья и, если можно, извлекаетъ изъ нихъ для себя практическую пользу, а потомъ съ насмѣшкой отталкиваетъ... Нѣтъ, не такими пріемами слѣдуетъ изучать крестьянина и сходиться съ нимъ. Подходите къ нему просто, уважайте въ немъ искренне равнаго съ вами человѣка, не изображайте изъ себя ни благодушнаго учителя, ни заискивающаго ученика, и тогда вы въ концѣ концовъ поймете въ настоящемъ свѣтѣ русскаго крестьянина, а онъ увидитъ въ васъ сочувственнаго ему и полезнаго образованнаго человѣка. Но для этого надо жить въ провинціи, сходиться съ крестьяниномъ не въ праздной, мимолетной бесѣдѣ, которой онъ не придаетъ никакого значенія, а на дѣлѣ, какого бы сорта оно ни было...

Личныя обстоятельства, тотчасъ послѣ университетской скамьи, приковали меня къ отдаленному захолустью; но съ теченіемъ времени я сознательно и безповоротно втянулся въ этотъ полный жизни и интереса микрокосмъ. Чѣмъ долѣе я жилъ и набирался опытности, тѣмъ крѣпче становилось во мнѣ убѣжденіе, что школа (наука и образованіе) тогда только перестаетъ быть отвлеченною доктриной и приноситъ настоящую пользу, когда она процѣжена школою жизни; что настоящая приготовительная среда въ практической дѣятельности—здѣсь, внутри народа, среди того крестьянства, на служеніе которому желаютъ приготовить себя либеральные русскіе люди; что дѣйствительное рѣшеніе вопросовъ русской жизни совершится не въ петербургской чиновничьей канцеляріи и не въ квартирѣ редакціи, а на мѣстѣ, въ провинціи, гдѣ постепенно высвобождается настоящая, не искуственная и не подмалеванная формальнымъ европеизмомъ и напускной, модною фразеологіей русская жизнь, съ настоящими ея требованіями и поставленными изъ глубины ея задачами. Въ теченіе не видной, но продолжительной литературной дѣятельности я постоянно указывалъ съ самаго начала на эту необходимость для интеллигентнаго меньшинства примкнуть къ мѣстному самоуправленію, какъ къ единственной приготовительной школѣ для практической дѣятельности. Но интеллигентныя силы не только не шли,—напротивъ, онѣ уходили изъ мѣстности. Молодое поколѣніе, съ свойственнымъ ему чутьемъ угадывающее потребности данной минуты, созпало необходимость «идти въ народъ»; но, подъ вліяніемъ многихъ печальныхъ обстоятельствъ и ослож-

неній, оно шло туда не для порядка и умиротворенія, а для разрушенія и смуты, и такимъ образомъ, вмѣсто пользы для себя и для народа, приносило для себя погибель, а для массы—соблазнъ и заблужденіе. Между тѣмъ я глубоко убѣжденъ, что самое серьезное требованіе настоящаго времени есть именно это непосредственное участіе интеллигенціи во внутренней жизни страны. Рисуя въ моей послѣдней статьѣ («На рубежѣ») мрачную, но правдивую картину всеобщей распатанности, я не обрѣлъ другаго якоря спасенія. Настоящая моя статья есть необходимое продолженіе,—она служитъ отвѣтомъ на вопросъ: возможно ли и какимъ образомъ создать на мѣстахъ такое удобное и почетное положеніе, которое бы привлекало обратно стремящуюся вонъ интеллигенцію...

Пока этотъ вопросъ не рѣшенъ въ утвердительную сторону,—положеніе наше безнадежно. Реформы не принесутъ пользы, если онѣ не найдутъ на мѣстахъ подготовленныхъ и способныхъ исполнителей; печать не въ состояніи руководить обществомъ, пока она не пополнется дѣятелями, на опытѣ близко и прочно познакомившимися съ потребностями и задачами внутренней жизни; общественные дѣятели не въ состояніи объединиться и выработать для себя опредѣленную программу дѣятельности, пока они не пройдутъ общей подготовительной школы среди разнообразной мѣстной обстановки, требующей сиҳтеза, основаннаго на опытѣ, а не на личной логикѣ соглашающихся.

Отвѣчая на поставленный вопросъ, я снова вернусь къ прерванному историческому изложенію и постараюсь извлечь отвѣтъ только на основаніи анализа совершившихся фактовъ, безъ всякой предвзятой мысли и оставаясь спокойно-равнодушнымъ ко всѣмъ общественнымъ слоямъ современнаго общества.

Положеніе 19-го февраля, какъ я уже сказалъ, выдвинуло въ уѣздѣ стоящую особнякомъ, въ видѣ status in statu, крестьянскую волость, получившую свою администрацію, свой судъ, свою податную систему, свое хозяйственное управленіе, но не связанную ни съ другими волостями, ни съ своими сосѣдями,—изъ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому обществу. Только за помѣщикомъ сохранено было право попечительства надъ временно-обязанными крестьянами и вотчинная полиція, оказавшіеся jus nudum, правомъ въ сущности неприложимымъ, которымъ никто не воспользовался. Посмотримъ, какое, вслѣдствіе этого неожиданнаго сюрприза, произошло измѣненіе въ физіономіи бывшаго чисто-помѣщичьяго уѣзда.

Начнемъ съ самой крестьянской массы. Крестьянство, въ общемъ смыслѣ, на первыхъ же порахъ обнаружило тотъ глубокій практическій смыслъ и политическій тактъ, которые составляютъ основу величія русскаго народа. Спокойно и просто крестьяне приняли и для нихъ неожиданную реформу; съ очевидною для всѣхъ готовностью къ пассивному отпору они парализовали предоставленное помѣщикамъ буквою Положенія

право вмѣшательства во внутреннія свои дѣла; сохраненіемъ порядка они доказали, что въ нихъ сильна внутренняя, скрытая, способность къ самоуправленію. Послѣ этого опыта никто не посмѣетъ отрицать, что русскій крестьянинъ представляетъ то ядро, которому принадлежитъ вся будущность нашей родины и изъ котораго должны выдѣлиться всѣ другія сословія или группы, необходимыя при раздѣленіи сложной государственной работы. Но, въ частности, современное освобожденію крестьянское населеніе, выросшее подъ гнетомъ крѣпостнаго права, не оказалось и не могло оказаться на высотѣ порученной ему широкой задачи. Мы видимъ, что, по собственной иниціативѣ, крестьяне въ своемъ общественномъ хозяйствѣ никакихъ улучшеній не предпринимали: школъ и больницъ не строили, бѣдныхъ не призрѣвали и даже, въ виду частыхъ растратъ собранныхъ съ нихъ податей, не дѣлали своевременно, обязательно имъ указанныхъ Положеніемъ, учетовъ сборщикамъ и должностнымъ лицамъ. Напротивъ, они растратили почти вездѣ общественные капиталы и хлѣбные запасы, перешедшіе въ непосредственное ихъ завѣдываніе. Мало того, если возвышеніе податей и продажа имущества, преимущественно скота, за недоимку дѣйствительно составляютъ одну изъ главныхъ причинъ обѣдненія крестьянъ,—если нельзя не признать, что отрѣзка состоявшихъ въ пользованіи крестьянъ земель, по преимуществу сѣнокосныхъ и выгонныхъ, неблагопріятно отозвалась на ихъ земледѣльческомъ промыслѣ,—то, съ другой стороны, положительно справедливо, что крестьяне, со времени крѣпостнаго права, стали меньше работать и болѣе предались разгулу. Я могу привести слѣдующій наглядный примѣръ. У меня было, между прочимъ, оброчное имѣніе въ Костромскомъ уѣздѣ, теперь сданное на выкупъ; крестьяне платили умѣренный оброкъ (60 руб. ассиг., или 17 р. 14 к. сер. съ тягла), были очень зажиточные и между ними были довольно крупные подрядчики, занимавшіеся отхожими промыслами. Я имѣлъ право, на основаніи Положенія, отрѣзать около *двухъ третей* земли, въ томъ числѣ нѣсколько сотъ десятинъ порядочнаго лѣса, но не отрѣзалъ ни одной сажени,—слѣдовательно, поземельное владѣніе крестьянъ осталось въ томъ же видѣ и на недостатокъ надѣла они жаловаться не могутъ. Что же?—въ настоящее время и слѣдовъ прежняго благосостоянія не видно, все—голь перекатная. Я сохранилъ очень хорошія отношенія съ этими крестьянами. Мнѣ приходилось не разъ бывать у нихъ въ качествѣ частнаго лица и я спрашивалъ, отъ чего такая перемѣна. «Да такъ, батюшка, и сами не знаемъ отъ чего,—такъ ужь видно случилось!» Отвѣтъ совершенно искренній и вполнѣ обстоятельный. Воспользовавшись свободой отъ принудительнаго труда, человѣкъ естественно захотѣлъ поуменьшить свою тягу, отставалъ отъ работы, самъ того не провѣряя, да такъ и случилось, что обѣднялъ. Это—въ порядкѣ вещей и совершенно законно; но я вѣдь и не пишу обвинительнаго акта противъ крестьянъ,—я излагаю факты, причемъ желаю ихъ изложить такъ, какъ они есть, не

прикрашивая ихъ и не извращая, чтобъ обставить какую-нибудь предвзятую мысль. Если масса была до такой степени не развита, что она не въ состояніи была регулировать свой домашній трудъ, то можно ли отъ нея ожидать умѣнья справиться совершенно самостоятельно со всею широтой предоставленнаго ей самоуправленія? На повѣрку вышло, что крестьянское самоуправленіе дошло до крайнихъ предѣловъ неурядицы и вызвало со стороны правительства вопросъ объ его переустройствѣ. Все это, мнѣ кажется, факты совершенно общеизвѣстные, никѣмъ не заподозрѣнные, и я не понимаю, почему мой взглядъ на крестьянское самоуправленіе А. И. Кошелевъ называетъ «мрачнымъ». Если, оставаясь вѣрнымъ, онъ вышелъ мрачнымъ, то я тутъ не при чемъ,—вѣдь, не извращать же мнѣ истину только для того, чтобъ она казалась веселой или розовой... А если взглядъ мой потому мраченъ, что онъ невѣренъ, то пусть г. Кошелевъ укажетъ, въ чемъ заключаются невѣрности.

Отвѣчая на вопросъ о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій, при условіи оставленія за волостью ея прежняго положенія—обособленной, но самостоятельной единицы, сохраняющей свой судъ, администрацію, податную систему и завѣдываніе своимъ общественнымъ хозяйствомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, — я предложилъ замѣнить теперешнихъ выборныхъ непремѣнныхъ членовъ назначаемыми отъ правительства чиновниками. Это г. Кошелевъ находитъ страннымъ и желаетъ избавить крестьянское управленіе отъ такихъ «опекуновъ». Я думаю, что я въ моемъ предложеніи былъ только послѣдователенъ. Я бы спросилъ г. Кошелева: находитъ ли онъ возможнымъ устранить всякій надзоръ за волостями въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ, и со всѣми обязанностями, какія на нихъ возложены Положеніемъ и послѣдующими узаконеніями. Я думаю, что ни г. Кошелевъ, и ни кто другой, сколько-нибудь знакомый съ современнымъ положеніемъ волостнаго и сельскаго управленія, не признаетъ возможнымъ подобное оставленіе ихъ безъ всякаго надзора. А если надзоръ необходимъ, то единственное его условіе — наиболѣе доступная гарантія его успѣха. Этому существенному условію должно подчиняться рѣшеніе вопроса, въ какой формѣ надзоръ долженъ быть установленъ — выборный, или по назначенію отъ правительства. Я думаю, что, при недостаткѣ у насъ мѣстныхъ людей, выборъ отъ правительства, не стѣсненный цензомъ и во всякомъ случаѣ болѣе широкій, представляетъ болѣе гарантій успѣха; а контроль общественный—единственное обезпеченіе добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей со стороны должностнаго лица—гораздо надежнѣе въ отношеніи къ назначенному правительствомъ пришлому лицу, нежели въ отношеніи къ мѣстному выборному дѣятелю, всегда имѣющему въ уѣздѣ связи и защищаемому всѣмъ избравшимъ его большинствомъ. Затѣмъ это признанное необходимымъ надзирающее лице въ концѣ концовъ все-таки будетъ вполнѣ зависящій отъ правительства чиновникъ, приставленный къ волости главнымъ образомъ для надзора за

точнымъ исполненіемъ распоряженій начальства,—слѣд., не все ли равно въ сущности, будетъ ли онъ выборный, или прямо назначенный?... Но, обсуждая вопросъ съ другой точки зрѣнія, смотря на крестьянское самоуправленіе не какъ на status quo, а какъ на нормальное требованіе современной уѣздной жизни, я нѣсколько измѣню предложенную мною постановку, какъ видно будетъ впослѣдствіи. Я позволилъ себѣ это отступленіе только изъ желанія дать отвѣтъ А. И. Кошелеву, возраженій котораго, какъ человѣка практически знакомаго съ дѣломъ, я не могу обойти, въ видахъ разъясненія вопроса.

Чтобъ установить необходимый надзоръ и связь между стоящими особнякомъ независимыми волостями и развязать поземельныя отношенія между крестьянами и прежними ихъ владѣльцами, правительство создало новую должность мировыхъ посредниковъ—изъ мѣстныхъ дворянъ землевладѣльцевъ—и мировые съѣзды, гдѣ они съѣзжались, подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, для разбора болѣе важныхъ дѣлъ. Эти посредники, какъ я изложилъ въ статьѣ моей о крестьянскихъ присутствіяхъ, на первыхъ порахъ затормозили самостоятельное отправленіе крестьянскаго самоуправленія, но они были, какъ всякому извѣстно, необходимыми и благодѣтельными опекунами освобожденной массы: безъ ихъ содѣйствія—не извѣстно—на столько ли спокойно и безобидно совершилось бы введеніе реформы 19 февраля. Въ настоящемъ институтѣ правительство въ первый разъ, для проведенія въ жизни такой коренной реформы, признало нужнымъ привлечь на мѣста интеллигентное и притомъ сословное меньшинство. Для него правительство создало удобное, независимое и почетное положеніе и дало ему въ руки живое дѣло. И вотъ интеллигенція пришла отвсюду: изъ арміи, съ университетской скамьи, изъ министерскихъ канцелярій, изъ отставныхъ и никогда не служившихъ, изъ людей никогда не бывавшихъ въ своихъ помѣстьяхъ и ничѣмъ дотолѣ не связанныхъ съ своею мѣстностью. За немногими исключеніями, эти люди, сошедшіеся съ разныхъ концовъ Россіи и принявшіеся за дѣло въ мѣстностяхъ иногда вовсе для нихъ незнакомыхъ, поступали какъ будто по предварительно-установленной программѣ: у нихъ были одинакія стремленія, одна система дѣйствій и отношеній къ крестьянской и помѣщичьей средѣ; они различались между собой только оттѣнками чисто-субъективнаго свойства, но ихъ объективное міровоззрѣніе относительно своего призванія вездѣ было проведено съ поразительнымъ однообразіемъ. Вчерашній крѣпостникъ назавтра обращался въ посредника, сочувственно относящагося къ крестьянамъ и горячо защищающаго ихъ отъ незаконныхъ притязаній людей, съ которыми онъ только-что стоялъ въ одномъ лагерѣ. Это—не преувеличеніе: я видѣлъ воочію подобныя превращенія и могъ бы ихъ назвать по именамъ. Такова сила живаго дѣла: оно неотразимо приспособляетъ къ своей внутренней задачѣ всякаго дѣятеля, который за него берется, или неумолимо его выбрасываетъ. Кончилось жи-

вое дѣло — введены были уставныя грамоты и пущено было въ ходъ крестьянское самоуправленіе—и эти пришлые лучшіе люди ушли, а замѣнившій ихъ случайный подборъ желавшихъ воспользоваться вакансіей и содержаніемъ не только не былъ ихъ продолжателемъ, но уронилъ самое званіе посредника, такъ что пришлось правительству его уничтожить. Это явленіе исполнено глубокаго смысла и поученія. Здѣсь уже не выводъ одинокаго наблюдателя, который можно спокойно принимать или не принимать,—здѣсь сама народная жизнь наглядно и краснорѣчиво отвѣчала, какимъ путемъ должны быть разрѣшаемы важнѣйшіе ея вопросы, какая комбинація ближе, надежнѣе и лучше всего внесетъ порядокъ и правильность отправленій въ нашъ внутренній строй. Приливъ на мѣста сословной дворянской интеллигенціи съ самопожертвованіемъ вынесъ на своихъ плечахъ всю тягость великой реформы и примирилъ крестьянъ съ помѣщиками, несмотря на то, что не было недостатка и въ то время въ раздувавшихъ вражду между сословіями. Только приливъ на мѣста безсословной интеллигенціи, готовой на нѣкоторое самопожертвованіе, поможетъ намъ вынести все бремя переходной эпохи и объединить разрозненныя группы въ обществѣ. Но, чтобы собралась отвсюду эта безсословная интеллигенція, надо на каждомъ мѣстѣ дать ей въ руки постоянное живое дѣло, надо создать для нея положеніе удобное, независимое и почетное. Какимъ образомъ этого достигнуть, увидимъ впослѣдствіи.

Въ уѣздѣ эпохи освобожденія послѣ крестьянъ самыми видными элементами оставались помѣщики и мѣстная администрація, т. е. собственно полиція.

Положеніе помѣщика въ то время было печальное. Вчера полноправный хозяинъ уѣзда, онъ завтра почувствовалъ себя вдругъ одинокимъ и беззащитнымъ: отъ самой его усадьбы начиналась независимая волость освобожденныхъ изъ-подъ его власти крестьянъ; за нихъ стоялъ горой всевластный въ ту пору посредникъ; имъ покровительствовала администрація, внезапно почувствовавшая въ себѣ какое-то «либеральное вѣяніе» и тоже «любовь къ меньшему брату». Подъ давленіемъ силы обстоятельствъ помѣщикъ уступилъ, спѣшилъ кое-какъ раздѣлаться, бросалъ хозяйство, переселялся въ города, въ столицы, за границу, кому куда привелось. И правду сказать, помѣщику, который не имѣлъ въ то время оффиціальнаго положенія, жилось настолько скверно, что и нельзя было не бѣжать... Литература и столичные либералы, не знакомые съ ходомъ дѣла на мѣстахъ, создали общій и повсемѣстный типъ помѣщика—алчнаго и свирѣпаго крѣпостника, готоваго всегда и вездѣ притѣснить и надуть освобожденнаго крестьянина; но такого общаго и повсемѣстнаго типа на дѣлѣ не существовало. Обирали крестьянъ высокопоставленныя лица, для которыхъ губернаторы прятали въ карманъ свое «либеральное вѣяніе» и обращались по-прежнему въ покорныхъ и на все готовыхъ исполнителей начальственныхъ внушеній, но рядовой дворянинъ этою

привилегіей не пользовался. Притомъ же въ немъ даже и не было этой закваски, иначе изъ среды его не выдвинулись бы мировые посредники, не явились бы впослѣдствіи безсословные искренніе земскіе дѣятели. Рядовой дворянинъ охотно шелъ на безобидную сдѣлку, лишь бы скорѣе развязались руки и можно было оріентироваться въ новомъ положеніи; онъ и въ настоящее время представляетъ готовый запасъ интеллигенціи, отчинившей свои сословныя традиціи и предназначившей себя на честную службу царю, народу и мѣстному обществу. Этотъ элементъ заслуживаетъ сохраненія и утопить его въ безразличной массѣ или подъ наплывомъ кулаковъ и кабатчиковъ было бы незаконное и прискорбное дѣло...

Что касается до полиціи, то ни въ одномъ государствѣ она не была такъ дискредитирована и потому безсильна, какъ у насъ, потому что ни въ одномъ государствѣ на полицію не возлагали столько въ сущности до нея не касающихся, но для общества ненавистныхъ обязанностей. Сознавая весь вредъ такого безсилія полицейской власти, подъ усиленіемъ полиціи у насъ обыкновенно понимаютъ увеличеніе численнаго ея состава. Еслибы возможно было достигнуть того, чтобы возлѣ каждаго жителя находилось по двое полицейскихъ, то, дѣйствительно, ни о чемъ другомъ, кромѣ увеличенія численнаго состава, и заботиться было бы нечего; но какъ это очевидно невозможно и какъ всегда на одного полицейскаго будутъ приходиться тысячи жителей, — то однимъ увеличеніемъ состава полиціи ничего достигнуть нельзя. Напротивъ, необходимо *уменьшить* этотъ составъ, чтобъ имѣть со всѣхъ сторонъ большую возможность надежнаго выбора чиновъ полиціи и усилить ея власть *поднятіемъ ея нравственнаго кредита*. Поднять же нравственный кредитъ полиціи можно единственно сложеніемъ съ нея всѣхъ обязанностей ненавистныхъ для общества и оставленіемъ за нею лишь тѣхъ, которыя признаются полезными со стороны всякаго общества, внушаютъ съ его стороны къ полиціи должное уваженіе и нравственно ее поднимаютъ и облагораживаютъ въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей.

Для доказательства, разберемъ, какъ у насъ была поставлена полиція со времени крѣпостнаго права. Въ помѣщичье время, когда главой уѣздной полиціи былъ исправникъ, выбираемый дворянствомъ, главнымъ занятіемъ полиціи было сѣчь крестьянъ и дворовыхъ по указанію помѣщика, прекращать ихъ своевольство и непослушаніе, гдѣ они, выведенные изъ терпѣнія, пассивно или активно отказывали въ повиновеніи, и лакействовать передъ начальствомъ и мѣстными магнатами. Что касается до отправленія въ то время полиціей своей государственной или служебной функціи, то я уже назвалъ ее стариннымъ кормленіемъ, только не отъ правительства, а отъ дворянства, точно также какъ въ эпоху Грознаго исправникъ смотрѣлъ на свое служебное дѣло — на преслѣдованіе преступленій и на разборъ мелкихъ споровъ—какъ на источникъ обогащенія: появленіе полицейскаго чина въ селеніи неминуемо сопровождалось без-

конечными поборами. Не удивительно, что населеніе дурно относилось къ такой полиціи и встрѣчу съ нею считало за истинное несчастье, скрывая, во избѣжаніе этой встрѣчи, слѣды преступленія и жертвуя сохраненіемъ собственной безопасности. Со времени освобожденія полиція стала непосредственно назначаться губернскою властью и оклады чиновъ ея были значительно увеличены. Справедливость требуетъ заявить, что это возвышеніе окладовъ, духъ времени и боязнь печатнаго обличенія истребили взяточничество въ полицейской средѣ,—если оно и проявляется иногда, то въ видѣ исключенія. Только въ послѣднее время оно начинаетъ воскресать съ легкой руки вновь введенныхъ урядниковъ: вотъ къ чему можетъ повести неблаговременное «увеличеніе численнаго состава чиновъ полиціи». Но измѣнилось ли ложное положеніе, въ которое у насъ поставленъ чиновникъ полиціи, начиная съ исправника? Эпоха освобожденія сильно урѣзала на первыхъ порахъ кругъ вѣдомства полиціи: посредники совершенно отстранили ее отъ крестьянскаго населенія. Но на полиціи осталась непріятная обязанность: при всѣхъ такъ-называемыхъ «возмущеніяхъ» и «неповиновеніяхъ» на сцену для сѣченія крестьянъ, хватанія ихъ въ остроги, ссылки въ отдаленныя мѣста явилась полиція. Въ то время, когда всѣ другія власти являлись волей или неволей защитниками крестьянскаго населенія, одна полиція въ глазахъ населенія исполняла неблагодарную роль защитницы отмѣненнаго крѣпостнаго права. Это было тѣмъ непригляднѣе, что всѣ подобныя возмущенія и неповиновенія происходили единственно отъ недоразумѣнія или отъ слишкомъ притѣснительныхъ дѣйствій помѣщика, хотя и опиравшагося на букву закона. И народъ, и мѣстное общество хорошо это сознавали; поэтому свое негодованіе они главнымъ образомъ сосредоточивали на исполнителяхъ, что и было естественно, хотя и несправедливо, въ виду произведенныхъ ими истязаній. Прошло первое время, крѣпостное право окончательно сгладилось и не требовало защиты; полиція явилась отвѣтственнымъ сборщикомъ недоимокъ. Въ этой своей функціи она чаще всего встрѣчается съ населеніемъ. Спокойное и мирное селеніе, занятое отправленіемъ своего тягла, тогда только впервые знакомится съ полицейскимъ чиновникомъ, когда онъ является туда тащить за рога послѣднюю корову изъ двора на уплату недоимки. Развѣ подобное положеніе можетъ внушить уваженіе къ полиціи и пробудить къ ней довѣріе въ обществѣ?... А затѣмъ настало тревожное, печальное время, когда потребовалось слѣдить за благонадежностью всѣхъ и каждаго. Обязанность эта также перешла къ полиціи. Часто неумѣлые и слишкомъ усердные ея агенты невольно злоупотребляли ею: оставляя на свободѣ дѣйствительныхъ, но хитрыхъ злоумышленниковъ, они не рѣдко хватали совсѣмъ невинныхъ, почему-то показавшихся подозрительными, слушали безъ провѣрки всякія сплетни и этимъ усугубили непріятное къ себѣ отношеніе общества, смотрящаго на чиновника полиціи не какъ на оберегателя его общественной и домашней безопасности, а какъ на неумѣлаго

и вреднаго шпіона... Вотъ эти-то обязанности необходимо снять съ полиціи, чтобы придать ей уваженіе въ глазахъ народа, безъ котораго она будетъ всегда безсильна, какъ бы ни увеличивался ея численный составъ. Полиція тогда только дѣйствительна, когда общество съ ней за-одно и всегда готово ей помочь; а если все общество отъ нея отвернулось и всегда готово противодѣйствовать или тормозить полицейскія распоряженія, то задача полиціи становится не только трудною, но совершенно невыполнимою, какъ бы ни было велико ея усердіе. Поэтому коренными мѣрами для усиленія значенія полиціи представляются:

1. Снятіе съ полиціи обязанностей по взысканію всякихъ податей, сборовъ и недоимокъ, съ порученіемъ этихъ обязанностей особымъ сборщикамъ, распоряжающимся во всѣхъ случаяхъ отдѣльно и самостоятельно.

2. Снятіе съ полиціи отвѣтственной обязанности по наблюденію за благонадежностью, вводя политическія преступленія и проступки въ общую категорію и поручивъ ихъ обнаруженіе и преслѣдованіе тѣмъ судебнымъ учрежденіямъ, на которыя вообще возложено уголовное преслѣдованіе. Тогда за полиціей останется только производство предварительнаго дознанія относительно лицъ, дѣйствительно совершившихъ политическое преступленіе или проступокъ, а не право безконтрольной повѣрки политической благонадежности каждаго жителя, по собственному усмотрѣнію полицейскаго чиновника.

3. Оставленіе за полиціей только существенныхъ ея обязанностей, какъ-то: исполненіе всякихъ административныхъ распоряженій начальства, первоначальное преслѣдованіе преступленій и проступковъ въ порядкѣ, указанномъ въ законахъ, охраненіе общественнаго благочинія и прекращеніе уличныхъ и домашнихъ безпорядковъ.

Нѣтъ ни одного благомыслящаго человѣка въ обществѣ, который бы не отнесся съ должнымъ уваженіемъ къ полиціи, усердно и честно исполняющей обязанности послѣдней категоріи,—который бы не помогъ ей въ нужномъ случаѣ и не защитилъ ее, въ случаѣ опасности со стороны злоумышленниковъ. Въ то же время уменьшеніе лежащихъ на полиціи обязанностей, въ связи съ общественною поддержкой, не только не потребуетъ увеличенія численнаго состава полиціи, но дастъ возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ сократить его и привлечетъ въ штатъ полиціи болѣе надежныхъ людей, которые въ настоящее время избѣгаютъ полицейской службы, такъ низко упавшей въ глазахъ общества. Увеличеніе состава полиціи, кромѣ того, намъ и не по средствамъ: и безъ того расходы на нее растутъ не по годамъ, а по днямъ и часамъ,—и безъ того они ложатся непомѣрною обязательною тяжестью на скудные бюджеты земства и городовъ, не оставляя ничего для столь же необходимыхъ потребностей образованія, обезпеченія народнаго здравія и т. п.

Толки объ усиленіи полиціи начались тотчасъ послѣ освобожденія, но тогда они были направлены въ другую сторону. Теперь вопросъ идетъ

объ усиленіи по преимуществу численнаго состава низшихъ агентовъ полиціи потому, что она признается не достаточно вездѣсущею. Тогда вопросъ шелъ о поднятіи ея значенія въ лицѣ начальника полиціи, долженствовавшаго быть первенствующимъ и объединяющимъ представителемъ центральнаго правительства въ уѣздѣ. Такой смыслъ имѣло предполагавшееся учрежденіе уѣздныхъ начальниковъ. Но правительство само отказалось отъ этой мысли. Повидимому, само правительство, ранѣе исполненія, убѣдилось, что такое осложненіе администраціи не поведетъ къ хорошимъ результатамъ. Сами губернаторы—можетъ-быть изъ ревности и нежеланія раздѣлить свою власть—несочувственно отнеслись къ этимъ, какъ они мѣтко назвали, «уѣзднымъ губернаторамъ». Тѣмъ не менѣе въ уѣздѣ должно было появиться лице первенствующее и объединяющее различныя отрасли мѣстнаго управленія. Правительство остановилось въ этомъ случаѣ на уѣздномъ предводителѣ дворянства. Въ настоящее время предводитель—скорѣе не представитель сословія, гдѣ всѣ его обязанности ограничиваются предсѣдательствомъ въ дворянской опекѣ, а правительственный чиновникъ: онъ—предсѣдатель уѣзднаго земскаго собранія, уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, присутствія по воинской повинности, училищнаго совѣта, комитета по охраненію общественнаго здравія, старшій директоръ мѣстнаго отдѣленія попечительнаго о тюрьмахъ комитета, предсѣдатель коммиссіи по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей и лицъ, подлежащихъ избранію въ мировые судьи. На сколько-нибудь добросовѣстное исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей необходимо затратить среднимъ числомъ по два дня въ недѣлю. Отъ обыкновеннаго правительственаго чиновника предводитель отличается тѣмъ, что онъ избирается своимъ сословіемъ, не получаетъ отъ правительства содержанія и пользуется нѣкоторою независимостью, а именно: предводитель утверждается губернаторомъ только съ формальной стороны, числится въ V классѣ государственной службы, не можетъ быть удаленъ, устраненъ или переведенъ и подвергаться административнымъ взысканіямъ, предается суду по должности лишь по опредѣленію правительствующаго сената, отъ него одного получаетъ указы и предписанія и со всѣми другими лицами и учрежденіями сносится на равныхъ правахъ. Итакъ, придавая такое важное значеніе должности уѣзднаго предводителя, правительство имѣло въ виду поставить во главѣ уѣзда выборное лицо изъ мѣстной интеллигенціи, придавъ ему до извѣстной степени независимое положеніе. Какой достигнутъ этимъ результатъ?—Можно сказать положительно, что тамъ, гдѣ всѣ эти условія выполнены, т.-е. тамъ, гдѣ дворянство сознательно выбирало достойное лице, гдѣ предводитель является представителемъ интеллигенціи, въ истинномъ, лучшемъ смыслѣ этого слова, и гдѣ его независимость не подкапывается упорнымъ противодѣйствіемъ со стороны губернской администраціи, — дѣятельность предводителя приноситъ существенную пользу и въ правительственномъ, и въ общественномъ смыслѣ

Нерѣдко отъ любаго губернатора вы услышите подобную фразу: «о такомъ-то уѣздѣ я не забочусь,—тамъ у *меня* предводитель хорошій». Съ другой стороны есть много примѣровъ, гдѣ земство и города различными способами заявляли свое сочувствіе къ дѣятельности уѣздныхъ предводителей. Значитъ, въ принципѣ опытъ удался. Но онъ представляетъ два неудобства, которыя легко могутъ быть устранены. Во-первыхъ, должность предводителя—безвозмездная, между тѣмъ она поглощаетъ столько времени и требуетъ такой затраты труда, что при ней постоянное занятіе своимъ личнымъ дѣломъ становится невозможнымъ. Оттого, при настоящемъ обѣдненіи дворянства и необходимости для большинства зарабатывать свой хлѣбъ личнымъ трудомъ, выборъ въ предводители основывается большею частью на согласіи матеріально-обезпеченнаго и проживающаго въ имѣніи помѣщика, нежели на его личныхъ качествахъ. Слѣдовательно, это выборъ самый ограниченный,—только случайно имущественное положеніе можетъ совпадать съ дѣйствительнымъ образованіемъ и совершенною благонамѣренностью, преслѣдующею вездѣ пользу чисто-общественную, а не личную. Комбинація, къ которой по большей части прибѣгаютъ недостаточные люди, избранные въ предводители, чтобъ откуда-нибудь получить содержаніе,—соединеніе званія уѣзднаго предводителя и предсѣдателя уѣздной земской управы, — до такой степени неудобна и некрасива, что многія дворянскія собранія постановленіемъ своимъ воспретили подобное соединеніе лицамъ, избраннымъ въ предводители. Во-вторыхъ, нахожденіе во главѣ цѣлаго уѣзда лица избираемаго однимъ сословіемъ—несправедливо. Голоса, отрекающіеся отъ этой привилегіи, слышны изъ среды самого дворянства на его собраніяхъ. Итакъ, удерживая несомнѣнно-полезный принципъ, введенный правительствомъ, желательно исправить его слѣдующимъ образомъ. Пусть на мѣсто предводителя дворянства, со всѣми его правами и преимуществами, встанетъ земскій выборный, избранный всѣми сословіями на избирательномъ съѣздѣ для выбора гласныхъ отъ землевладѣльцевъ. Единственнымъ требованіемъ для этого лица слѣдуетъ выставить только ручательство, что онъ дѣйствительно принадлежитъ къ интеллигенціи, т.-е. образовательный цензъ, окончаніе курса въ университетѣ и только. За совершеннымъ отсутствіемъ или забаллотированіемъ такихъ лицъ въ мѣстности, можно допустить лицъ, получившихъ образованіе и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Затѣмъ, въ отношеніи къ избираемымъ, не слѣдуетъ стѣсняться ни ихъ сословіемъ, ни имущественнымъ цензомъ, допустивъ даже,—если собраніе этого пожелаетъ, — выборъ лица, не принадлежащаго вовсе къ данной мѣстности, но удовлетворяющаго образовательному цензу, окончившаго курсъ въ университетѣ или равномъ высшемъ учебномъ учрежденіи. Само собою разумѣется, что, не желая ставить выборные шансы въ зависимость отъ матеріальнаго положенія лица, земство можетъ назначить земскому предводителю содержаніе по своему усмотрѣнію.

Итакъ, уѣздъ послѣ реформы 19 февраля представлялся въ слѣдующемъ видѣ: съ одной стороны стоящія особнякомъ крестьянскія волости съ своимъ особымъ отдѣльнымъ судомъ и управленіемъ, а съ другой—также стоящіе особнякомъ и ничѣмъ не связанные ни съ крестьянскимъ населеніемъ, ни между собою личные землевладѣльцы изъ дворянъ и другихъ сословій; во главѣ этого уѣзда, со временъ крѣпостнаго права, остался уѣздный предводитель дворянства. Съ перваго разу въ этой организаціи поражаетъ огромный пробѣлъ: это — всеобщая разрозненность между отдѣльными единицами уѣзднаго населенія. Такой пробѣлъ не могъ долго оставаться,—необходимо должно было появиться новое учрежденіе, гдѣ всѣ эти разрозненныя единицы должны сойтись и сообща обсуждать свои мѣстныя общественныя нужды и потребности. И дѣйствительно, такая задача возложена была на *земскія учрежденія*. Слѣдовательно, центръ тяжести—въ нихъ: для правильнаго и успѣшнаго теченія внутренней уѣздной жизни необходимо, чтобы земскія учрежденія соотвѣтствовали своему назначенію и вполнѣ выражали объединеніе тѣхъ отдѣльныхъ группъ и единицъ, на которыя распредѣлилось уѣздное населеніе. И потому я займусь главнымъ образомъ вопросомъ объ устройствѣ земскихъ учрежденій. Я не буду касаться разныхъ второстепенныхъ недостатковъ и неудобствъ, которыя не разъ обсуждались въ печати; я оставлю въ сторонѣ неуравнительность представительства, которой и трудно было достигнуть сразу. Съ своей точки зрѣнія я совершенно сочувствую, что правительство на первыхъ порахъ упрочило перевѣсъ за сословіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ то время представляемыхъ преимущественно дворянскою интеллигенціей. Опытъ доказалъ, что дворянство, на сей разъ, съумѣло воспользоваться своимъ положеніемъ, какъ слѣдуетъ: оно не преслѣдовало своихъ сословныхъ цѣлей, не стремилось обратить земство въ проводникъ своихъ интересовъ и всѣ мѣры, клонившіяся къ сложенію съ крестьянскаго сословія натуральныхъ повинностей, къ распространенію грамотности и медицины среди народа проведены, на первыхъ же земскихъ собраніяхъ, гласными изъ среды дворянъ. Конечно, были исключенія, но гдѣ ихъ не бываетъ!... Говоря о земскихъ учрежденіяхъ, я прямо приступлю къ тѣмъ результатамъ, которые успѣли обнаружиться въ теченіе пятнадцатилѣтней ихъ дѣятельности.

Опытъ показалъ, что жизненною силой обладаютъ только уѣздныя собранія, а губернскія оказались мертворожденными, какъ многія изъ новѣйшихъ нашихъ учрежденій *). Это всего лучше доказывается тѣмъ, что

*) Этого мнѣнія мы никакъ не раздѣляемъ. Признавая великую важность уѣздныхъ земскихъ учрежденій и не желая нисколько, чтобы губернскія земскія учрежденія присвоивали себѣ дѣла и власть уѣздныхъ собраній и управъ, мы считаемъ первыя совершенно необходимыми для развитія и преуспѣянія земскаго дѣла. Имѣются, конечно, и прекрасныя уѣздныя земскія собранія, и плохія, даже очень плохія, губернскія собранія; но какъ послѣднія состоятъ

къ уѣзднымъ собраніямъ постоянно приливаютъ новыя силы; даже кулаки и капиталисты, смотрящіе на все съ карманной точки зрѣнія,—тѣ самые, что въ началѣ смотрѣли на земскія собранія съ улыбкой: «пусть-де въ нихъ собираются господа, выдумавшіе для себя эту затѣю и выгнанные, какъ на повинность, крестьяне»,—теперь не прочь совсѣмъ ихъ заполонить, «потому дѣло живое, за кожу беретъ». Напротивъ, губернскія собранія все рѣдѣютъ, гласные перестаютъ ихъ посѣщать иначе, какъ для выборовъ, люди самые преданные земскому дѣлу ихъ оставляютъ. А отчего?—Оттого, что уѣздныя земскія собранія обсуждаютъ, и обсуждаютъ иногда очень усердно и обстоятельно, простые, но насущные вопросы о неотложныхъ потребностяхъ своей мѣстности, на глазахъ у общества, живо заинтересованнаго и ожидающаго рѣшенія, а не откладыванія его въ долгій ящикъ. А что такое губернскія собранія?—Въ большинствѣ случаевъ это говорильни, можетъ-быть пріятныя для охотниковъ упражняться предъ цѣлымъ обществомъ обязательныхъ слушателей въ ораторскомъ искусствѣ, но для дѣла совершенно безплодныя. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только поближе разобрать теперешнюю дѣятельность губернскихъ собраній. Правда, въ началѣ губернскія собранія были необходимы и принесли свою несомнѣнную долю пользы. Они собрали и объединили такъ сказать сливки мѣстной интеллигенціи изъ всѣхъ уѣздовъ губерніи; они пріучили къ веденію общественной, такъ сказать парламентской, дѣятельности; они на первыхъ порахъ разработали всѣ важнѣйшіе вопросы земской дѣятельности и выработали общія основанія,—указали тотъ путь, по которому слѣдовало идти, чтобы съ большею гарантіей успѣха достигнуть хорошаго результата; они на первыхъ порахъ учредили различныя заведенія, которыя были не подъ силу отдѣльнымъ уѣздамъ, какъ, напримѣръ, семинаріи для сельскихъ наставниковъ и на-

---

изъ лучшихъ, самыхъ вліятельныхъ гласныхъ уѣздныхъ собраній, то они (губернскіе) не могутъ не быть самыми дѣйствительными, всего болѣе развитыми представителями мѣстности. Прискорбно, что у насъ губерніи слишкомъ отдѣлены отъ сосѣднихъ губерній и не имѣютъ, въ земскомъ отношеніи, никакой связи и единства между собою: часто мѣры противъ эпизоотій, противъ разныхъ червей, противъ конокрадства и проч. не могутъ быть приняты потому, что нѣтъ возможности сговориться на этотъ счетъ со смежными губерніями; что же будетъ при предлагаемомъ обособленіи даже уѣздовъ?... Необходимо, по нашему мнѣнію, не обособлять земства, а сколько возможно обобщать ихъ,—въ этомъ вѣрнѣйшій залогъ ихъ преуспѣянія. Интересовъ общихъ въ губерніи много,—дайте только просторъ земской дѣятельности, и они будутъ постепенно и постоянно множиться и усиливаться.—Въ уѣздныхъ собраніяхъ часто одинъ человѣкъ или одна партія преобладаетъ, и это вполнѣ понятно, ибо мы еще очень бѣдны въ отношеніи развитыхъ людей. Въ губернскомъ собраніи вопросы и дѣла разсматриваются съ разныхъ сторонъ; тутъ, конечно, болѣе споровъ, болѣе рѣчей, но и обсужденіе предметовъ съ разныхъ сторонъ, и заключенія—болѣе основательныя.

Ред.

ставницъ, фельдшерскія, ветеринарныя, ремесленныя школы и т. п. Однимъ словомъ, они были хорошею приготовительною школой; но этимъ роль ихъ и окончилась. Въ настоящее время что дѣлаютъ губернскія земскія учрежденія?—Существенную и постоянную дѣятельность ихъ можно разсмотрѣть по слѣдующимъ рубрикамъ.

I. Завѣдываніе богоугодными заведеніями, перешедшими изъ прежняго приказа общественнаго призрѣнія (больница, богадѣльня, домъ умалишенныхъ и т. п.) и учрежденіями, основанными губернскимъ земствомъ на свои капиталы и сборы. Это—самая существенная забота для губернскаго собранія и предметъ занятій для губернской управы. Для одной этой цѣли не стоитъ сохранять губернское земское собраніе. Несравненно съ большею пользой для дѣла надзоръ за этими заведеніями можетъ быть переданъ спеціальной коммиссіи, въ которую каждый уѣздъ назначаетъ по одному члену. Коммиссія эта собирается разъ въ годъ въ назначенное время, обревизовываетъ въ подробности ходъ дѣла во всѣхъ учрежденіяхъ, составляетъ смѣту расходовъ и приходовъ, разрѣшаетъ необходимые ремонты и новыя постройки въ предѣлахъ для каждаго учрежденія установленныхъ, распредѣляетъ налогъ или сборъ, потребный для содержанія, между уѣздами на принятыхъ основаніяхъ и вноситъ, чрезъ своего члена, предположенія о необходимомъ расширеніи и улучшеніи на обсужденіе собранія каждаго уѣзда. Расширенія учрежденій приводятся въ исполненіе тою же коммиссіей въ томъ смыслѣ и размѣрѣ, какъ изъявило согласіе большинство уѣздныхъ земскихъ собраній. Непосредственное управленіе всѣми этими учрежденіями поручается лицу, которое члены коммиссіи избираютъ шарами изъ числа желающихъ, допущенныхъ по благонадежности къ баллотированію; это лицо вполнѣ замѣняетъ предсѣдателя губернской управы, съ правомъ приглашенія и перемѣны своего помощника и всего персонала служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ. Тотъ же завѣдующій получаетъ, хранитъ и расходуетъ капиталы, поступившіе изъ приказовъ общественнаго призрѣнія и отдѣленные земствомъ для содержанія своихъ учрежденій, всякія поступленія за лѣченіе въ нихъ и содержаніе и вспомогательные сборы отъ уѣздовъ, въ томъ размѣрѣ, какъ они будутъ назначены спеціальною коммиссіей. Я полагаю, что надзоръ за земскими учрежденіями со стороны спеціальной коммиссіи будетъ несравненно серьезнѣе, нежели теперешній надзоръ со стороны губернскаго собранія. Члены ревизіонной коммиссіи послѣдняго, провѣряя, кромѣ учрежденій, все счетоводство и производство управы и въ то же время посѣщая засѣданія собранія, не имѣютъ времени, чтобы близко и всесторонне вникнуть въ ходъ общественнаго хозяйства по губернскимъ заведеніямъ; а собраніе, выслушивая часто скороспѣлый докладъ и принимая его на вѣру, безъ возможности провѣрки, почти всегда безусловно соглашается съ ревизіонною коммиссіей, если только она не предлагаетъ слишкомъ большихъ затратъ на улучшенія. Спеціальная коммиссія, за-

нятая исключительно своимъ дѣломъ и отвѣтственная въ лицѣ каждаго члена предъ своимъ уѣзднымъ собраніемъ, будетъ имѣть болѣе времени для серьезной ревизіи и, именно вслѣдствіе спеціализированія своей задачи, исполнитъ ее съ бо́льшею аккуратностью и осмотрительностью. Завѣдываніе заведеніями, посредствомъ приглашеннаго со стороны лица,— также по выбору членовъ коммиссіи, какъ членовъ губернской управы по выбору гласныхъ, — въ существѣ дѣла ничѣмъ не отличается отъ завѣдыванія тѣми же заведеніями членомъ послѣдней. Кромѣ того, наблюдающая коммиссія можетъ сейчасъ же удалить лице, оказавшееся неисправнымъ; а удалить предсѣдателя или члена управы, почему-либо заручившагося поддержкой большинства, не такъ легко, если даже онъ и не особенно усердно исполняетъ принятыя на себя обязанности. Между тѣмъ содержаніе одного завѣдывающаго лица съ помощникомъ обойдется земству гораздо дешевле, нежели цѣлая губернская управа. Кромѣ того, относительно увеличенія расходовъ, коммиссія, безъ сомнѣнія, будетъ бережливѣе и осторожнѣе губернскаго собранія, тѣмъ болѣе, что всякая прибавка должна будетъ пройти чрезъ всѣ уѣздныя собранія. Эта сдержанность и бережливость относительно губернскихъ земскихъ заведеній не мѣшаетъ,— губернскія заведенія, въ особенности больницы и богадѣльни, не только приведены въ надлежащій видъ, но поражаютъ роскошью, свыше необходимаго. Каждое губернское собраніе что-нибудь прибавитъ и улучшитъ,—вѣдь нельзя же разойтись, не проявивъ ничѣмъ своей дѣятельности. Это было бы весьма справедливо и полезно, еслибы въ то же время уѣзды не были лишены самой насущной медицинской помощи.

Мы вообще не умѣемъ регулировать удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей: у насъ всегда и вездѣ—гдѣ густо, а гдѣ пусто!... Поэтому дѣло не проиграетъ, если роскошь въ губернскихъ заведеніяхъ нѣсколько посократится и эти деньги пойдутъ на обзаведеніе въ уѣздахъ пріемныхъ покоевъ и сельскихъ больницъ, представляющихъ самую насущную потребность, когда населеніе тысячами валится отъ эпидемическихъ болѣзней, лишенное всякой медицинской помощи.

II. Выполненіе той доли лежащихъ на земствѣ повинностей, которую губернское земство приняло на себя. Сюда относится почти исключительно участіе губернскаго земства въ исправленіи путей сообщенія, или такъ-называемая дорожная повинность. Дорожный вопросъ—самое больное мѣсто земскаго хозяйства. Во-первыхъ, вопросъ этотъ не конченъ: дороги у насъ раздѣляются на почтовыя и торговыя, которыя исправляются земствомъ, и проселочныя, поправка которыхъ лежитъ на обязанности владѣльцевъ, землями которыхъ пролегаетъ дорога. Исправленіе проселочныхъ дорогъ часто превышаетъ средства владѣльцевъ; кромѣ того, за ними никто собственно не наблюдаетъ и потому онѣ вовсе не чинятся, такъ что проѣздъ по нимъ становится годъ отъ году опаснѣе и такъ или иначе про-

селочныя дороги должны будутъ перейти въ вѣдѣніе земства. По крайней мѣрѣ вопросъ о нихъ не разъ уже поднимался въ каждомъ земствѣ и затронутъ также въ правительственныхъ сферахъ. Во-вторыхъ, при рѣдкости неселенія, дорожная повинность такъ тяжело и неуравнительно ложится на нѣкоторыя мѣстности, что онѣ не могутъ обойтись безъ посторонней помощи. На основаніи послѣдняго, земскія учрежденія пришли къ различнымъ системамъ веденія дорожнаго хозяйства: одни земства, какъ костромское, отнесли всѣ дороги къ уѣзднымъ, а другія, какъ новгородское, всѣ — къ губернскимъ; большинство земствъ избрало смѣшанную систему, отнеся извѣстную часть особенно дорогихъ сооруженій на счетъ губернскаго земства, а остальное исправленіе—на счетъ уѣздовъ. Мнѣ кажется, опытъ достаточно разъяснилъ, что система по-уѣзднаго исправленія дорогъ, помимо всякаго вмѣшательства губернскаго земства, съ практической точки зрѣнія гораздо цѣлесообразнѣе. Уѣздная земская управа имѣетъ всегда передъ глазами пути сообщенія въ своемъ уѣздѣ; она всегда можетъ ремонтировать сейчасъ же всякое поврежденіе и можетъ исправлять дороги возможно дешево, подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ, хозяйственнымъ способомъ. Въ обзорѣ дѣятельности ветлужскаго земства за истекшее десятилѣтіе желающіе могутъ получить свѣдѣніе, что мостъ, сооруженіе котораго, по смѣтѣ и подъ наблюденіемъ губернской строительной и дорожной коммиссіи, до введенія земскихъ учрежденій, обошлось до 17.000 руб.,—вновь построенъ былъ управою, съ нѣкоторыми улучшеніями, за 1.500 руб. Этой дешевизны не можетъ достигнуть губернская управа. Сама она производитъ дорожныхъ сооруженій подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ не можетъ во всѣхъ уѣздахъ,—слѣдовательно, ей или приходится отдавать сооруженія съ торговъ и по смѣтѣ, составленной техникомъ, или, по большей части, передавать это земское порученіе уѣздной управѣ. Во что обходятся сооруженія, отдаваемыя съ торговъ по смѣтѣ, составленной техникомъ,—извѣстно у насъ всѣмъ и каждому; а уѣздная управа, получивъ отъ губернской порученіе, не относящееся прямо къ своей обязанности, за неисполненіе котораго она лично не отвѣчаетъ, конечно, не употребитъ той заботливости и не сдѣлаетъ того сбереженія, которое могло бы произойти, если-бы то же сооруженіе уѣздная управа производила по порученію своего уѣзднаго земства, на его деньги и подъ своею личной отвѣтственностью. И потому непосредственное и неизбѣжное обращеніе всей или части дорожной повинности въ губернскую есть ея сравнительное вздорожаніе. Это—непреложный законъ всякаго хозяйства, которое хозяинъ (губернская управа) обязанъ вести заглазно, чрезъ другія руки и внѣ возможности личнаго присмотра. Если же дѣйствительно въ уѣздѣ случатся особенно важныя и цѣнныя дорожныя сооруженія, которыя превосходятъ его денежныя средства и ложатся на него, очевидно, неуравнительно относительно другихъ, то лучше помочь уѣзду другимъ путемъ. Если уѣздъ

получить возможность устроить подобное сооруженіе разъ навсегда въ самомъ удовлетворительномъ и прочномъ видѣ—путемъ разсроченной по уплатѣ правительственной субсидіи или посредствомъ выпуска облигацій, погашаемыхъ въ извѣстный срокъ по тиражу, подъ гарантіей цѣлаго уѣзднаго земства, или, наконецъ, чрезъ заемъ на выгодныхъ условіяхъ,— то эта тяжесть разложена будетъ на продолжительный срокъ и не будетъ превышать платежныхъ силъ уѣзда. Что же касается до текущаго ремонта путей сообщенія, пролегающихъ въ уѣздѣ, то эта обязанность оставлена на немъ и тѣми губернскими земствами, которыя признаютъ необходимость распредѣленія дорожной повинности между уѣздомъ и губерніей. Вообще же говоря, принципъ отвѣтственности за себя каждаго уѣзда въ земско-хозяйственномъ отношеніи есть самый справедливый, простой и цѣлесообразный. Если же существуютъ уѣзды-пролетаріи, которые не въ состояніи снабдить себя даже предметами первой необходимости, то поднять на ноги и содержать этихъ пролетаріевъ должно государство, народъ, а не другая какая средняя инстанція въ видѣ губерніи, которая для такой помощи слишкомъ ничтожна, да и ничѣмъ не вызывается. Чѣмъ, напримѣръ, Ветлужскій уѣздъ виноватъ, что Костромскимъ уѣздомъ пролегаетъ обширная и дорого стоющая дамба, по которой жителю Ветлужскаго уѣзда и ѣздить не приходится? Почему Ветлужскій уѣзъ долженъ въ этомъ случаѣ помочь Костромскому и за это лишиться возможности открыть у себя необходимую школу, на которую Костромской уѣздъ ничего конечно не дастъ? Вообще уравненіе уѣздовъ между собою въ дѣлѣ земскаго хозяйства есть дѣло крайне трудное и всегда произвольное, причемъ нѣсколько ближайшихъ уѣздовъ, имѣющихъ общіе пути сообщенія, всегда могутъ жить на счетъ отдаленныхъ и уединенныхъ. Оттого на Западѣ мѣстностямъ, не имѣющимъ возможности устроить вдругъ пролегающіе по нимъ пути сообщенія, помогаетъ правительство. Что же касается до устройства въ складчину земскихъ учрежденій, непосильныхъ для одного уѣзда, то это удобоприложимо только къ спеціальнымъ учрежденіямъ—для подготовки будущихъ служащихъ для земства (учителей и учительницъ, фельдшеровъ, ветеринаровъ, повивальныхъ бабокъ и т. п.); но эти заведенія еще съ большимъ удобствомъ могутъ учреждаться на складчину нѣсколькихъ губерній или уѣздовъ, съ тѣмъ, что завѣдываніе ими поступитъ къ земству того уѣзда, гдѣ учрежденіе будетъ открыто, съ правомъ контроля для всѣхъ земскихъ единицъ, участвующихъ въ складчинѣ.

III. Завѣдываніе губернскимъ продовольственнымъ и страховымъ капиталомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ губернская управа есть только передаточная инстанція, которая хранитъ капиталы, ведетъ имъ счетъ и передаетъ для непосредственнаго пользованія со стороны населенія въ распоряженіе уѣздныхъ управъ. Мало того: опытъ показалъ, что губернія есть слишкомъ мелкая единица, чтобы представлять достаточную стра-

ховую гарантію отъ огня и неурожая. Страховой капиталъ во многихъ губерніяхъ ничтоженъ и, съ разрѣшенія правительства, онѣ прибѣгли къ временнымъ позаимствованіямъ изъ продовольственнаго; но эта мѣра только обходная, чтобы на время уклониться отъ отвѣта на серьезный и насущный вопросъ. Голодъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ, что губернскаго продовольственнаго капитала далеко не достаточно, чтобъ удовлетворить нуждамъ населенія, коль скоро неурожай постигнетъ значительную часть губерніи. Единственная возможность радикальнаго разрѣшенія этого вопроса состоитъ въ возвратѣ къ старому порядку, по которому оба капитала считались государственными и страхованіе распространялось на всю имперію. Чѣмъ страховой районъ шире, тѣмъ возмѣщеніе убытковъ легче; а такая крупная единица, какъ цѣлая Русская имперія, можетъ безопасно и дешево гарантировать запасомъ капитала случайныя невзгоды отдѣльныхъ мѣстностей, что для губерніи оказывается невозможно. Устройство этого дѣла очень просто. По страхованію страховые платежи крестьянами и теперь вносятся въ уѣздное казначейство,—слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы поступить въ депозитъ губернской управы, они поступятъ въ депозитъ государственнаго казначейства за счетъ спеціальнаго страховаго капитала; а страховыя выдачи будетъ производить, за счетъ того же капитала, уѣздное казначейство изъ своихъ наличныхъ суммъ по ассигновкамъ уѣздныхъ управъ. Что же касается до распорядительныхъ дѣйствій по страхованію, то они и теперь лежатъ отчасти на уѣздныхъ управахъ: губернская управа, какъ всякая передаточная центральная инстанція, только тормозитъ дѣло. Продовольственный губернскій капиталъ долженъ быть сосредоточенъ также въ Государственномъ банкѣ и требуемыя уѣздомъ суммы на продовольствіе должны отпускаться изъ мѣстнаго казначейства или отдѣленія Государственнаго банка.

IV. Земство съ нѣкотораго времени получило такъ сказать совѣщательный голосъ въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ государственнаго благоустройства: на предварительное обсужденіе губернскихъ и уѣздныхъ собраній правительство въ извѣстныхъ случаяхъ передаетъ законопроекты, составленные въ высшихъ правительственныхъ инстанціяхъ, чтобы прежде ихъ утвержденія прислушаться къ общественному о нихъ мнѣнію страны. Я не думаю, чтобъ этотъ путь далъ настоящіе результаты,—это, очевидно, путь обходный, временный. Конечно, лучше дать высказаться порознь отдѣльнымъ общественнымъ группамъ, нежели прямо обращать въ законъ чисто-канцелярскую работу, не провѣренную съ условіями и требованіями жизни; но эти отдѣльные земскіе отзывы, которые каждое земство даетъ не сговорившись съ другими, только съ точки зрѣнія чисто мѣстныхъ условій, и пускаясь кто въ лѣсъ, кто по-дрова,—представляютъ такой пестрый и не поддающійся настоящей сводкѣ матеріалъ, что извлечь изъ него истинный и серьезный общій результатъ въ высшей степени трудно. Представьте себѣ, что вы желаете объ извѣстномъ вопросѣ имѣть

мнѣніе отъ цѣлаго общества членовъ, собравшихся изъ разныхъ мѣстностей. Если вы ихъ разсадите отдѣльно и заставите каждаго отвѣчать письменно на заданный вопросъ, то какую вы получите путаницу разнообразныхъ мнѣній, въ которыхъ выразится и субъективное направленіе отвѣчающаго, и степень его подготовки, и мѣстныя особенности того кругозора, который подлежалъ его наблюденію! Едва ли по этой разнообразной путаницѣ вы доберетесь до сути дѣла. Но если вы дадите возможность всѣмъ членамъ этого общества обсудить вопросъ вмѣстѣ и сговориться, при чемъ выяснится и объединится чисто-личная и мѣстная сторона взглядовъ каждаго, то они дойдутъ до отвѣта, представляющаго возможное примиреніе дѣйствительныхъ и для всѣхъ общихъ интересовъ, затронутыхъ разсматриваемымъ вопросомъ: du choc des opinions jaillit la verité. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Безплодность этихъ разрозненныхъ отвѣтовъ приведетъ къ необходимости отвѣта сообща, то-есть къ какому-либо центральному учрежденію, гдѣ представители отъ всѣхъ земствъ будутъ подавать свой голосъ при обсужденіи вносимыхъ правительствомъ законопроектовъ.

V. На земство правительство возлагаетъ распредѣленіе между уѣздами и между городами различныхъ государственныхъ сборовъ, желая этимъ путемъ достигнуть большей уравнительности между плательщиками. Послѣдствіемъ этого является ариѳметическая выкладка: валовая цифра государственнаго сбора, предназначеннаго на губернію, ариѳметически разсчитывается между уѣздами на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ распредѣляется между ними сумма назначаемаго земствомъ губернскаго сбора, а между городами—сообразно городской оцѣнкѣ, самими городами составленной. Но, во-первыхъ, такую выкладку гораздо скорѣе можно произвести при самомъ составленіи государственной смѣты: стоитъ только въ печатныхъ сборникахъ найти основанія раскладки губернскаго сбора и оцѣночную вѣдомость имуществъ для каждаго города и примѣнить ту манипуляцію, которою обыкновенно занимается бухгалтеръ губернской управы. Затѣмъ, развѣ этотъ пріемъ сколь-нибудь гарантируетъ уравнительность? Возьмемъ, напримѣръ, государственный поземельный налогъ: онъ платится по всей Россіи одинаково съ валовой единицы. Въ Костромской губерніи, напримѣръ, числится 7.752.395 дес., а въ Черниговской—4.796.458 д.; государственный сборъ составляетъ, положимъ, 1 коп. на валовую дес.,—слѣдовательно, по разсчету назначается на Костромскую губ. 77.524 р. и на Черниговскую—47.964 р.; а разсчитывая по числу населенія мужскаго пола, придется на 1 въ Костромской губ. 13 к., а въ Черниговской—5 к. Очевидно, что точка отправленія распредѣленія налога между губерніями страдаетъ крайнею неуравнительностью. Затѣмъ губернскому собранію предоставляется—общую цифру, падающую на губернію, напримѣръ, на Костромскую 77.524 р., распредѣлить между уѣздами уже не по разсчету числа валовыхъ десятинъ въ каждомъ уѣздѣ, а по усмотрѣнію губерн-

ского земскаго собранія. Очень немногія губернскія земства, подобно рязанскому, предприняли серьезныя работы по сравнительному изслѣдованію платежныхъ силъ уѣздовъ между собой; большинство ограничилось на первыхъ порахъ пріисканіемъ сколько-нибудь удовлетворительной фикціи для уравненія уѣздовъ, которая, подъ именемъ общихъ основаній для раскладки губернскаго земскаго сбора, удерживается неизмѣнно. Конечно, и распредѣленіе между уѣздами государственнаго сбора на основаніи этой фикціи уравнительнѣе, нежели по валовому числу десятинъ; но пока уѣздныя земскія собранія сами не примутся или не будутъ заставлены обязательно предпринять по однообразной для одинаковыхъ мѣстностей формѣ описаніе и оцѣнку доходности всѣхъ подлежащихъ обложенію имуществъ, до тѣхъ поръ нельзя ни судить правильно объ относительномъ размѣрѣ платежной способности различныхъ уѣздовъ, ни предпринять уравнительной раскладки между отдѣльными плательщиками. Когда же это будетъ сдѣлано и статистическія данныя будутъ обнародованы, тогда, повторяемъ, механическимъ процессомъ вычисленія съ одинаковымъ удобствомъ могутъ заняться и бухгалтеры земскихъ управъ, и канцелярскіе чиновники министерства финансовъ, такъ что въ распредѣленіи государственныхъ сборовъ между уѣздами и отдѣльными плательщиками въ сущности нѣтъ никакой необходимости.

Вотъ и всѣ существенныя и постоянныя дѣла и вопросы, относящіеся къ предмету вѣдомства губернскихъ земскихъ учрежденій. Очевидно, что если эти учрежденія будутъ закрыты, то земство ничего не потеряетъ, но, напротивъ, экономически выиграетъ. Это и понятно. Земское хозяйство можетъ идти правильно и успѣшно только тогда, когда оно распространяется на районъ съ однородными условіями и интересами, доступный непосредственному надзору исполнительныхъ органовъ земства. Губернія есть крупная административная, т.-е. искуственная, единица, въ которой соединены уѣзды, имѣющіе совершенно различныя условія и никакихъ общихъ между собою интересовъ. Оттого уѣзды ближайшіе къ губернскому городу всегда живутъ на счетъ отдаленныхъ; оттого во многихъ губернскихъ собраніяхъ уѣзды съ одинакими интересами разбиваются на враждебныя между собою фракціи: лѣсные уѣзды стоятъ особнякомъ отъ земледѣльческихъ, черноземные—отъ нечерноземныхъ, фабричные и промышленные — отъ чисто-земледѣльческихъ. И дѣйствительно, между этими категоріями, замежеванными въ одну площадь только чертой губернской границы, проведенной по усмотрѣнію администраціи, общаго ничего нѣтъ. Поэтому раздѣленіе земскихъ потребностей на *губернскія* и *уѣздныя*, — раздѣленіе, основанное только на существующемъ фактѣ. Подраздѣленіе губерніи на уѣзды—чисто-фиктивное и искуственное, а не вытекающее изъ сущности дѣла. Если вы всмотритесь въ различные пріемы этого распредѣленія по разнымъ губерніямъ, то вы не подмѣтите никакой общей руководящей мысли: съ очевидностью, бьющею въ глаза,

видно, что это распредѣленіе выражало только болѣе или менѣе субъективныя централизаторскія наклонности того созыва гласныхъ, который имъ занимался. Если въ начальномъ собраніи, какъ въ Новгородѣ, сплотился кружокъ людей энергическихъ, желавшихъ на первое время взять земское дѣло въ свои руки, то появлялась система централизаціи, все сосредоточивавшая въ губерніи и мало оставлявшая самодѣятельности уѣзда. Если, напротивъ, первоначальное собраніе состояло изъ людей скромныхъ и недовѣрчивымъ къ себѣ, то являлась обратная система децентрализаціи или предоставленія всего въ вѣдѣніе уѣздныхъ учрежденій. Но замѣчательно, что сама земская жизнь высказалась вездѣ за послѣднюю систему *децентрализаціи*. Нѣтъ примѣра, чтобы, послѣ первоначальнаго распредѣленія, потребности, прежде лежавшія на уѣздѣ, переходили въ завѣдываніе губернскихъ земскихъ учрежденій; напротивъ, обратныхъ примѣровъ можно привести не одинъ.

Совсѣмъ иное должно сказать объ уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ: ихъ жизненность обезпечена, и чѣмъ дальше, тѣмъ глубже они будутъ входить въ плоть и въ кровь нашей внутренней дѣятельности. Оттого правильная постановка и отправленіе уѣзныхъ земскихъ учрежденій есть самое надежное ручательство порядка и благоустройства въ мѣстности, на сколько они могутъ быть обусловлены и достигнуты *учрежденіями*, а не качествами самого населенія.

Уѣздныя учрежденія главнымъ образомъ страдаютъ точно тѣмъ же недостаткомъ, какъ и губернскія: уѣздъ—слишкомъ крупная единица для непосредственнаго земскаго хозяйства. На Западѣ центромъ объединенія и типомъ начальной единицы общественнаго хозяйства является приходъ: это—такая единица, гдѣ условія мѣстной жизни и интересы населенія совершенно однообразны, люди извѣстны другъ другу и исполнительные органы общественнаго хозяйства могутъ сдѣлать все своими руками и за каждымъ присмотрѣть, насколько точно и своевременно онъ исполняетъ свои повинности или обязанности. У насъ приходъ не имѣетъ этого исторически-объединяющаго значенія; кромѣ того, черезчуръ дробныя единицы, какъ приходъ или теперешняя волость, у насъ слишкомъ бѣдны, чтобы вынести тяжесть расходовъ по самоуправленію, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могутъ выставить лица достаточно интеллигентнаго, чтобы завѣдывать всѣми отраслями общественнаго хозяйства. Но во всякомъ случаѣ уѣздъ—слишкомъ крупная единица. Это есть главная причина, почему земство до сихъ поръ такъ мало въ сущности сдѣлало для поднятія своей мѣстности. Уѣздное земское собраніе часто совершенно обстоятельно и всесторонне обсуживаетъ вопросъ и пріискиваетъ мѣры для его удовлетворенія, но въ результатѣ оказывается нуль. А отчего?—оттого, что у него нѣтъ исполнительныхъ силъ и его обсужденіе остается бумажнымъ пожеланіемъ. Еслибъ управа могла во всемъ своемъ составѣ безпрестанно двигаться по уѣзду, изображая собой на самомъ

дѣлѣ perpetuum mobile, то и тогда, въ виду пространства, разсѣянности населенія и непривычки подчиняться добровольно требованіямъ, поступающимъ извнѣ, она не могла бы исполнить своими руками всѣхъ разнообразныхъ дѣлъ по земскому хозяйству уѣзда и надъ всѣмъ имѣть надлежащій надзоръ. Слѣдовательно, она, по самой силѣ вещей, не можетъ быть, единственно въ своемъ лицѣ, исполнительнымъ органомъ земства,—она не можетъ обойтись безъ помощниковъ. Гдѣ же она найдетъ этихъ помощниковъ и къ кому ей обратиться?... Къ полиціи?—Но полиція смотритъ на просьбы управы какъ на порученія совершенно посторонняго и, въ большинствѣ случаевъ, враждебнаго лица. Да въ сущности и нѣтъ никакого основанія, чтобы правительственный органъ, какимъ, безъ сомнѣнія, является всякій полицейскій чинъ, былъ на посылкахъ у общественнаго учрежденія. Къ волостному начальству?—Но и для него порученія управы посторонняя обуза; кромѣ того, волостной писарь — fac-totum всего Россійскаго государства—и безъ того заваленъ работой свыше физическихъ силъ, а волостной старшина есть настоящій и не имѣющій отдыха разсыльный полицейскаго управленія. Кромѣ того, волостное управленіе есть сословное крестьянское учрежденіе, содержимое на ихъ деньги,—на какомъ же основаніи оно можетъ быть привлечено къ исполнительнымъ дѣйствіямъ по дѣламъ чисто-земскаго свойства? Итакъ, управа сама исполнить всего не можетъ, а помощи она нигдѣ ни легально, ни фактически не можетъ ни искать, ни найти. Слѣдовательно, какими бы благими желаніями ни одушевлены были гласные, сошедшіеся на собраніи, какъ бы разумно и практично ни обсуждали своихъ нуждъ и потребностей, въ результатѣ всегда получится или ничего, или очень мало. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. По привычкѣ вездѣ искать виноватаго, а не анализировать причины явленія, общество вездѣ винитъ людей, своихъ выборныхъ, членовъ управъ. Но вѣдь есть же между ними честные, добросовѣстные и усердные дѣятели,—отчего же и тѣ достигаютъ ничтожныхъ результатовъ сравнительно съ собственнымъ желаніемъ и затраченнымъ трудомъ? — Оттого, что задача непосильная, исполнить ее физически невозможно.

Итакъ, первое, что представляется необходимымъ, это—подраздѣленіе уѣзда на извѣстныя части (называйте ихъ какъ хотите—участокъ, округъ, выть, волость, станъ и т. п.). Изъ этихъ названій я выбираю *участокъ*, такъ какъ этотъ терминъ у насъ уже существуетъ на административномъ языкѣ (судебный, воинско-призывной, военно-конскій). Уѣздъ дѣлится на столько участковъ, сколько въ немъ существуетъ однородныхъ группъ, представляющихъ удобство соединенія по числу жителей и пространству для непосредственнаго завѣдыванія мѣстнымъ хозяйствомъ и для покрытія необходимыхъ для сего расходовъ. Распредѣленіе каждаго уѣзда на участки можетъ быть предоставлено,—какъ это до сихъ поръ и дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, — существующему уѣздному земскому собранію. Этотъ участокъ долженъ представлять дѣйствительный центръ объедине-

нія для всѣхъ въ немъ живущихъ и начальную единицу какъ земскаго, такъ и государственнаго строя. Средній его діаметръ не долженъ по возможности имѣть свыше 50 верстъ. Для достиженія этой цѣли должно быть не преобразовано, а совершенно уничтожено отдѣльное крестьянское самоуправленіе. Временно оно могло и должно было существовать, но какъ скоро крестьянство входитъ въ общую колею государственной жизни, на равныхъ правахъ со всѣми остальными сословіями, то оно должно пользоваться и общимъ самоуправленіемъ, не имѣя ни права, ни необходимости удержать свое отдѣльное, сословное, status in statu. Уничтожить это самоуправленіе тѣмъ легче, что его на самомъ дѣлѣ нѣтъ,— это какое-то недоразумѣніе, которое приготовляются *преобразовать*... Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ общественнымъ нуждамъ собственно крестьянскаго населенія помогаютъ волостное или сельское правленіе, старшина и старосты? Что они предсѣдательствуютъ на судѣ, обсуждающемъ свои внутренніе, хозяйственные вопросы и прикладываютъ печати, въ этомъ нѣтъ никакой надобности, это—пустая, ненужная формальность. Всякій деревенскій сходъ—безъ предсѣдателя и безъ печати—точно такъ же разсудитъ это дѣло и каждый отдѣльный домохозяинъ подчинится словесному рѣшенію громады, не придавая никакого значенія ни роли предсѣдателя, ни должностной печати. Затѣмъ все остальное старшина и староста дѣлаютъ не для крестьянъ: они собираютъ подати и выбиваютъ недоимку, сажаютъ рядовыхъ крестьянъ за проступки, по собственному усмотрѣнію, въ кутузку, исполняютъ всѣ предписанія и распоряженія полиціи, судебныхъ слѣдователей, земской управы и всевозможныхъ мѣстныхъ и проѣзжающихъ начальствъ. Даже частное, проживающее въ уѣздѣ, лице, если оно имѣетъ вѣсъ, можетъ призвать волостнаго старшину *попросить* его *приказать* крестьянамъ исправить непроѣзжую проселочную дорогу. И это называется *крестьянскимъ самоуправленіемъ*!... И это, съ усердіемъ достойнымъ лучшей участи, защищаетъ иной либералъ-теоретикъ, какъ неприкосновенный палладіумъ крестьянской свободы!... Въ сущности, повторяю, волостной старшина есть низшій агентъ или разсыльный, а писарь заваленный свыше физическихъ силъ—fac-totum для всевозможныхъ губернскихъ и уѣздныхъ, правительственныхъ и земскихъ начальственныхъ учрежденій и лицъ. Положеніе ихъ безвыходно до смѣшнаго. Напримѣръ, для Высочайшаго губернаторскаго отчета требуется по извѣстной формѣ вѣдомость о количествѣ скота по губерніи. Вѣдомость эту губернатору обязанъ представить исправникъ. Исправникъ предписываетъ волостному правленію представить по формѣ вѣдомость о количествѣ скота у «лицъ проживающихъ въ волости», включая сюда, разумѣется, и частныхъ землевладѣльцевъ. Положимъ, какой-нибудь черезчуръ добросовѣстный писарь, не желая писать со стѣнки, придетъ ко мнѣ, проживающему въ предѣлахъ волости помѣщику, съ вопросомъ: сколько у меня скота. Вѣдь я могу не только не отвѣчать ему, но просто его выгнать,

сказавши, что я къ волости не принадлежу и съ волостнымъ писаремъ ничего общаго не имѣю. И такъ всегда и вездѣ: de facto волостное правленіе, какъ низшая полицейская инстанція, до нѣкоторой степени мое начальство, а de jure я могу его выгонять, какъ скоро оно явится для дѣйствительнаго исполненія обязанностей, на него начальствомъ возложенныхъ. Не очевидно ли, что подобный курьезный порядокъ надо совсѣмъ уничтожить и что слово «преобразованіе» въ отношеніи къ нему—ѣдкій сарказмъ?... Одно, что можетъ и должно остаться отъ крестьянскаго самоуправленія—это отдѣльный крестьянскій судъ въ первой инстанціи. Судъ этотъ всего удобнѣе пріурочить къ приходу. Точно такъ же, какъ теперь крестьяне выбираютъ церковнаго старосту, они могутъ выбрать извѣстное число приходскихъ судей, собирающихся въ условномъ мѣстѣ и въ извѣстные, назначенные, сроки. Но въ томъ или другомъ видѣ судъ этотъ долженъ быть подчиненъ мировому судьѣ, какъ высшей инстанціи. Что же касается до инстанцій кассаціонныхъ, то мудрено о нихъ толковать въ примѣненіи къ суду, который никакихъ установленныхъ обрядовыхъ формальностей не имѣетъ и руководствуется мѣстнымъ обычаемъ, а не законодательнымъ кодексомъ, неправильное примѣненіе котораго составляетъ одинъ изъ главныхъ кассаціонныхъ мотивовъ.

Такимъ образомъ въ округѣ соединяются между собою частные землевладѣльцы и отдѣльныя крестьянскія поземельныя общины. Подъ крестьянскою поземельною общиной разумѣется всякая совокупность крестьянскаго населенія, пользующагося извѣстнымъ поземельнымъ надѣломъ на общинномъ правѣ, расположена ли она въ особомъ селеніи, или въ цѣлой группѣ, или въ отдѣльныхъ частяхъ селенія. Это понятіе соотвѣтствуетъ понятію о вотчинномъ сельскомъ обществѣ въ Положеніи 19-го февраля, т. е. объ обществѣ крестьянъ, вышедшихъ изъ-подъ зависимости одного помѣщика и получившихъ общій надѣлъ по одной уставной грамотѣ. Поземельная крестьянская община въ своемъ внутреннемъ хозяйствѣ пользуется такою же полною самостоятельностью, какъ и частный землевладѣлецъ: она имѣетъ право распредѣлять общинную землю между своими сочленами по собственному усмотрѣнію, раскладывать между ними подати и накопившуюся недоимку, принимать кого пожелаетъ въ свою среду и увольнять желающихъ выйти изъ общины, принимать или не принимать возвращенныхъ на мѣсто родины преступниковъ и ссыльныхъ, исключать и передавать въ распоряженіе правительства лицъ неоднократно подвергавшихся судебному преслѣдованію за преступленія и проступки, разрѣшать семейные раздѣлы, назначать опекуновъ и попечителей и повѣрять ихъ дѣйствія, облагать своихъ членовъ сборами на покрытіе общественныхъ нуждъ и вообще приводить въ исполненіе по собственному усмотрѣнію всѣ мѣры, не выходящія изъ круга хозяйственной дѣятельности самой общины. Община сама избираетъ лице, которому вручается отвѣтственная исполнительная власть по всѣмъ отраслямъ

общиннаго хозяйства, съ тѣмъ, что лице это не должно нести и принимать на себя какихъ-либо обязанностей и порученій со стороны лицъ начальственныхъ и вообще посторонннихъ для общины лицъ. Если крестьянская община будетъ поставлена такимъ образомъ, то я согласенъ съ А. И. Кошелевымъ въ совершенной неумѣстности какихъ бы то ни было опекуновъ и надзирателей: въ этой сферѣ крестьяне разберутся сами собой лучше, нежели при какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ; да они и разбирались такимъ образомъ сами,—въ эти дѣла, подлежащія въ настоящее время почти всецѣло вѣдѣнію сельскаго схода, ни одно начальство никогда не мѣшалось. При этомъ замѣчательно, что жалобы на волостные сходы поступаютъ часто, на сельскіе же весьма рѣдко. Но если волость должна оставаться тѣмъ, что она есть, т. е. низшей административно-полицейской инстанціей, къ которой должны обращаться всѣ правительственныя и общественныя учрежденія и отъ которой зависитъ въ сущности внѣшній порядокъ и благочиніе на мѣстахъ, то въ этомъ случаѣ нельзя оставить волостное и сельское начальство безъ надзора. А какъ всѣ эти обязанности относятся къ правительственной функціи, то я совершенно послѣдовательно находилъ и нахожу, что надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ долженъ быть порученъ не выборному лицу, а чиновнику.

Всѣ личные землевладѣльцы, населяющіе округъ, и представители крестьянскихъ поземельныхъ общинъ ежегодно, въ извѣстный срокъ, составляютъ *«очередное участковое собраніе»*. Количество приглашаемыхъ отъ крестьянскихъ общинъ въ участковое собраніе представителей опредѣляется пропорціональнымъ отношеніемъ земли, находящейся въ пользованіи всѣхъ крестьянскихъ общинъ въ участкѣ, относительно всего ея пространства, принадлежащаго частнымъ землевладѣльцамъ, но съ тѣмъ, чтобы всякая крестьянская община, какъ бы она ни была мала, имѣла непремѣнно своего представителя въ участковомъ собраніи. Разсчетъ о количествѣ представителей крестьянскихъ общинъ въ участковомъ собраніи по вотчинамъ составляется уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Частные владѣльцы женскаго пола, а равно отсутствующіе и не желающіе лично прибыть въ собраніе—имѣютъ право неограниченнаго представительства, въ силу данной на сей предметъ довѣренности, но съ тѣмъ, что никто изъ наличныхъ членовъ собранія не можетъ располагать свыше двухъ голосовъ. Представители общинъ, почему-либо выбывшіе до истеченія срока или не имѣющіе возможности лично прибыть въ собраніе, замѣняются кандидатами. Срокъ, на который выбираются уполномоченные отъ общинъ, зависитъ отъ самихъ общинъ; но о перемѣнѣ уполномоченныхъ каждый разъ долженъ быть немедленно увѣдомленъ участковый предводитель. Казна и удѣлъ, въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣютъ своихъ представителей въ участковомъ собраніи на тѣхъ же основаніи, какъ они имѣли до сихъ поръ въ земскихъ; духовное сословіе, какъ освобож-

денное отъ участія въ сборахъ на мѣстныя нужды, въ участковомъ собраніи не участвуетъ. Вѣдомства, церкви и монастыри, владѣющія облагаемымъ имуществомъ, общества, компаніи и вообще юридическія лица, которымъ принадлежитъ какое-либо недвижимое имущество въ предѣлахъ участка, также получаютъ право присылать своего представителя въ участковое собраніе.

Участковое собраніе немедленно приступаетъ къ выбору изъ среды себя *участковаго предводителя*, который предсѣдательствуетъ въ собраніи и въ теченіе года, до слѣдующаго собранія, остается исполнительною властью, завѣдывающею всѣмъ земскимъ хозяйствомъ участка. Само собою разумѣется, что онъ можетъ быть избираемъ вновь столько разъ, сколько пожелаетъ собраніе. Затѣмъ участковое собраніе избираетъ *гласныхъ* въ уѣздное земское собраніе. Число гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія остается то же самое, какъ и въ настоящее время; но они распредѣляются между участками пропорціонально мужскому населенію, живущему въ предѣлахъ каждаго участка. Въ гласные могутъ избираться и лица отсутствующія, лишь бы они принадлежали къ числу землевладѣльцевъ участка. Гласные живущіе на мѣстѣ обязаны, по приглашенію участковаго предводителя, помогать ему въ отправленіи общественныхъ дѣлъ и порученій участковаго собранія.

Предметы вѣдомства участковаго собранія слѣдующіе:

1. Опредѣленіе содержанія участковаго предводителя и состоящаго при немъ письмоводителя, а также для разъѣздовъ его и помогающихъ ему гласныхъ, въ случаѣ исполненія послѣдними дѣлъ относящихся къ общественному хозяйству, выставка лошадей натурою или установленіе выдачи разъѣздныхъ денегъ въ размѣрѣ, установленномъ собраніемъ.

2. Устройство натурою или денежнымъ сборомъ проселочныхъ дорогъ въ предѣлахъ участка, распредѣленіе жителей по отбыванію этой повинности или обложеніе ихъ денежнымъ сборомъ на сей предметъ и ходатайство предъ уѣзднымъ собраніемъ объ обращеніи особенно важныхъ и трудно исправляемыхъ проселочныхъ дорогъ въ разрядъ торговыхъ.

3. Составленіе предположеній объ исправленіи и смѣтѣ по почтовымъ и торговымъ путямъ сообщенія и представленіе ихъ на утвержденіе уѣзднаго собранія, а затѣмъ исполненіе въ томъ размѣрѣ и видѣ и тѣмъ способомъ, какъ укажетъ уѣздное собраніе.

4. Содержаніе школъ грамотности и ремесленныхъ въ размѣрѣ, minimum котораго назначается уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, снабженіе ихъ всѣми необходимыми потребностями, устройство школьныхъ библіотекъ, народныхъ чтеній и вообще принятіе всѣхъ мѣръ по начальному народному образованію.

5. Содержаніе пріемныхъ покоевъ, фельдшеровъ, повивальныхъ бабокъ или сельскихъ повитухъ и оспопрививателей въ размѣрѣ, minimum котораго укажетъ уѣздное земское собраніе, и вообще всѣ мѣры по охраненію

народнаго здравія въ обыкновенное время въ предѣлахъ участка, по возможности приглашеніе въ участокъ особаго врача, призрѣніе увѣчныхъ и умалишенныхъ.

6. Содержаніе ветеринарнаго фельдшера для принятія первоначальныхъ мѣръ противъ эпизоотіи (скотскихъ падежей).

7. Мѣры по обезпеченію народнаго продовольствія: заведеніе въ участкѣ центральнаго депо для выдачи крестьянамъ и землевладѣльцамъ улучшенныхъ сѣмянъ за деньги или въ кредитъ; завѣдываніе сельскими запасными магазинами въ крестьянскихъ общинахъ, разрѣшеніе выдачъ, надзоръ за поступленіемъ ссудъ и установленіе сборовъ хлѣбомъ для пополненія запасовъ; пріобрѣтеніе въ случаѣ голода или чрезмѣрнаго поднятія цѣны на хлѣбъ изъ другихъ мѣстностей и раздача хлѣба нуждающимся за деньги, по цѣнѣ покупки или въ кредитъ; представленіе куда слѣдуетъ объ отпускѣ на это потребной суммы и возвратъ ея посредствомъ выручки отъ продажи или уплаты кредита; постоянное веденіе списковъ о наличныхъ средствахъ продовольствія у крестьянъ по установленной формѣ.

8. Завѣдываніе дѣломъ по обязательному взаимному земскому застрахованію и распоряженіе по устройству селеній послѣ пожара.

9. Поощреніе сельскаго хозяйства и господствующей въ участкѣ промышленности: выписка для раздачи за деньги желающимъ сѣмянъ, льна и масличныхъ растеній; распространеніе простѣйшихъ земледѣльческихъ машинъ, пріобрѣтеніе производителей улучшенныхъ породъ домашнихъ животныхъ; содѣйствіе распространенію обществъ для закупки оптомъ сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для кустарной промышленности; содѣйствіе устройству ссудныхъ товариществъ и т. п.

10. Установленіе наиболѣе удобныхъ сроковъ для внесенія періодическихъ государственныхъ и земскихъ сборовъ со стороны населенія участка.

11. Опредѣленіе числа и мѣстности для открытія питейныхъ заведеній въ предѣлахъ участка и выдача разрѣшенія на взятіе патентовъ.

12. Разрѣшеніе устройства новыхъ и всякихъ измѣненій въ старыхъ торгахъ, базарахъ, ярмаркахъ, пристаняхъ и бечевникахъ на судоходныхъ и сплавныхъ рѣкахъ; обязательныя распоряженія по устройству мельницъ и вододѣйствующихъ заведеній при послѣднихъ и надзоръ за ихъ исполненіемъ, съ правомъ привлеченія уклоняющихся къ суду.

13. Утвержденіе смѣты и раскладки сборовъ на всѣ потребности участковаго хозяйства между всѣми предметами обложенія и отдѣльными плательщиками, на основаніяхъ, предварительно утвержденныхъ земскимъ собраніемъ, и представленіе этихъ утвержденныхъ смѣтъ и раскладокъ въ уѣздное собраніе для зависящихъ съ его стороны распоряженій.

14. Содержаніе участковаго мироваго судьи и мѣста заключенія по его приговору.

15. Составленіе и веденіе призывныхъ списковъ по участкамъ, регистрація запаса арміи и флота, наемъ помѣщенія для призывнаго пункта по отправленію воинской повинности и выборъ лицъ, завѣдующихъ воинско-конскою повинностью.

16. Составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей и представленіе ихъ въ уѣздную коммиссію, на которую возложено разсмотрѣніе ихъ, и препровожденіе, куда слѣдуетъ; назначеніе вознагражденія присяжнымъ засѣдателямъ, если участокъ признаетъ это необходимымъ для лицъ несостоятельныхъ, но вносимыхъ въ списки.

17. Составленіе карты участка и описаніе прилегающихъ въ немъ путей сообщенія, сухопутныхъ и водяныхъ; собраніе и обработка всѣхъ статистическихъ свѣдѣній о положеніи участка по установленной формѣ и представленіе этихъ свѣдѣній въ уѣздное земское собраніе и губернское статистическое бюро.

18. Для исполненія неотложныхъ потребностей, превышающихъ годовой бюджетъ, участку должно быть предоставлено право выпуска, съ разрѣшенія правительства, подъ гарантіей всего участка, облигаціонныхъ займовъ, съ установленіемъ извѣстнаго процента и срочнаго погашенія по тарифу. Я не вхожу въ подробности заключенія, уплаты по купонамъ и погашенія этихъ займовъ, но само собою разумѣется, что въ смѣту участковыхъ повинностей должны ежегодно вноситься сборы на уплату процентовъ по купонамъ и на производство тиража по погашенію. Кромѣ того, для реальнаго осуществленія этихъ займовъ необходимо, чтобы за участковыми облигаціями признано было право залога въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ и пріема обезпеченіемъ въ казенныхъ и земскихъ подрядахъ и поставкахъ, а купоны отъ этихъ облигацій принимались въ уплату всѣхъ вообще государственныхъ и земскихъ податей и сборовъ. Только тогда эти облигаціи получатъ право гражданства на денежномъ рынкѣ; но во всякомъ случаѣ онѣ не представляются рискованными бумагами, такъ какъ гарантирующій ихъ участокъ не можетъ обанкротиться.

19. Представленіе уѣздному земскому собранію о всѣхъ пользахъ и нуждахъ участка въ сферѣ его общественнаго хозяйства и экономической жизни.

20. Разрѣшеніе жалобъ, поступившихъ на участковаго предводителя отъ всякихъ мѣстъ и лицъ на неправильныя его дѣйствія по веденію участковаго земскаго хозяйства и исполненію порученій собранія, съ правомъ со стороны послѣдняго предавать предводителя суду посредствомъ закрытой подачи голосовъ, по жалобѣ сторонннихъ лицъ или по иниціативѣ самого собранія.

21. Разсмотрѣніе ежегодно представляемаго собранію участковымъ предводителемъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ по участковому хозяйству и по исполненію порученій собранія, о состояніи участковыхъ уч-

реженій и дѣятельности служащихъ лицъ, о движеніи поступившихъ и израсходованныхъ суммъ, съ предъявленіемъ наличнаго остатка, и вообще о состояніи уѣзда; составленіе, если собраніе признаетъ нужнымъ, инструкцій участковому предводителю и уѣзднымъ гласнымъ. Собраніе имѣетъ право ревизіи всего дѣлопроизводства и счетоводства предводителя, а равно всѣхъ его построекъ и сооруженій и состоящихъ подъ его надзоромъ общественныхъ учрежденій чрезъ своихъ членовъ или особыхъ уполномоченныхъ. Такимъ образомъ каждая мѣстность будетъ обезпечена удовлетвореніемъ всѣхъ насущныхъ потребностей общественной жизни, въ размѣрѣ, допускающемъ исполненіе на дѣлѣ, а не на бумагѣ, и въ томъ minimum, который установляется помимо ея. Необходимость такой системы очевидна. Распредѣленіе учрежденій для удовлетворенія этимъ потребностямъ со стороны уѣзднаго земскаго собранія заставляетъ желать весьма многаго. Часто это распредѣленіе основано на мотивахъ случайныхъ и личныхъ; вслѣдствіе того одна мѣстность награждена всѣмъ, относительно говоря, съ избыткомъ, а другія лишены совершенно всего, а между тѣмъ и тѣ и другія платятъ одинакій налогъ. Кромѣ того нельзя пока допустить у насъ основной единицы—опредѣлять размѣръ насущныхъ потребностей общественной жизни по своему, безконтрольному, усмотрѣнію; нельзя допускать, что уѣзды сравнительно бѣдные тратятъ тысячи и десятки тысячъ на народное образованіе и медицину, а точно такіе же или даже болѣе богатые расходуютъ на эти предметы сотни рублей, оставляя населеніе, на произволъ судьбы, безъ школъ и врачебной помощи. Если же среди участковъ найдутся мѣстности-пролетаріи, которыя не въ состояніи доставить себѣ подобнаго minimum'а самыхъ существенныхъ потребностей общественной жизни, то ихъ слѣдуетъ поднять на счетъ цѣлаго государства, выдачей соразмѣрной субсидіи. Это—единственный справедливый и неизбѣжный способъ, будетъ ли это сдѣлано изъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, или на счетъ спеціальнаго дополнительнаго сбора на пространствѣ цѣлой имперіи.

Земскій участокъ, представляя собою основную единицу земскаго хозяйства, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить и основною единицей для всего государственнаго строя, а именно въ немъ должны находиться:

1. По административно-полицейскому управленію—полицейскій чиновникъ или теперешній становой приставъ, съ надлежащимъ числомъ низшихъ полицейскихъ служителей, имъ опредѣляемыхъ и увольняемыхъ.

2. По судебному вѣдомству—мировой судья.

3. По судебно-полицейскому: обязанности эти возлагаются на участковаго врача, съ тѣмъ, что правительственное жалованье, получаемое уѣзднымъ врачомъ, въ видѣ субсидіи, распредѣляется поровну между всѣми участками уѣзда и поступаетъ въ счетъ получаемаго участковымъ врачомъ отъ земства содержанія.

4. Въ фискальномъ отношеніи: въ участкѣ должны состоять одинъ или нѣсколько сборщиковъ, которые должны вести окладныя книги всѣмъ государственнымъ сборамъ въ предѣлахъ участка, собирать эти сборы и вносить въ казначейство, принимать мѣры къ пополненію недоимокъ, независимо отъ полиціи, въ порядкѣ, установленномъ закономъ. Полицію эти сборщики могутъ призывать на помощь только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они встрѣтятъ явное сопротивленіе своимъ законнымъ распоряженіямъ; опись и продажу имущества они, въ случаяхъ указанныхъ закономъ, производятъ сами, но приглашая понятыхъ или сторонніхъ свидѣтелей въ каждомъ таковомъ случаѣ. Кромѣ того, при публичной продажѣ чьего-либо имущества за недоимку имѣетъ право присутствовать участковый предводитель, а родственники и наслѣдники хозяина—право выкупа въ теченіе извѣстнаго срока. Сборщики податей состоятъ въ непосредственномъ подчиненіи уѣзднаго казначейства и ведутъ съ нимъ постоянный текущій счетъ. Учрежденіе такихъ сборщиковъ необходимо; но не слѣдуетъ опасаться, что ихъ потребуется столько же, сколько въ настоящее время существуетъ у крестьянъ должностныхъ лицъ для сбора податей и недоимокъ. Сложеніе солянаго налога, ожидаемое уничтоженіе подушной подати и пониженіе выкупныхъ платежей достаточно облегчатъ крестьянское населеніе, чтобы не выбивать у него недоимки исключительно насильственными мѣрами. Установленіе въ каждомъ участкѣ сроковъ, наиболѣе удобныхъ для взноса податей, по характеру преобладающаго мѣстнаго промысла пріучитъ крестьянъ къ своевременной и аккуратной уплатѣ. При этихъ условіяхъ потребуется небольшое число сборщиковъ по каждому участку, и притомъ оно будетъ тѣмъ болѣе уменьшаться, чѣмъ уравнительнѣе будутъ разлагаться подати и усиливаться привычка къ ихъ очищенію, не доводя себя до хлопотъ. Сборщики, при поступленіи своемъ на должность, должны внести въ обезпеченіе извѣстный залогъ. На нихъ же возлагается взысканіе земскихъ уѣздныхъ и участковыхъ сборовъ и помѣщичьихъ оброковъ, за что они пользуются удержаніемъ, при каждомъ поступленіи, извѣстнаго, установленнаго закономъ, процента. Замѣчу мимоходомъ, что установленіе подобныхъ сборщиковъ должно упразднить дорого стоющее и не приносящее соразмѣрной пользы акцизное управленіе. При существованіи контрольнаго снаряда, непрестанныя поѣздки акцизныхъ чиновниковъ на заводы и вся суета безконечныхъ ревизій, вѣдомостей, журналовъ и пр. производятся единственно съ цѣлью сохранить должность, будто бы обремененную такими трудами, т. е. для отвода глазъ, а не для пользы дѣла.

5. По воинско-конской и воинской повинности земскій участокъ долженъ совпадать съ призывнымъ.

6. По духовному вѣдомству земскій участокъ долженъ совпадать съ благочиннымъ округомъ.

Этимъ сохранятся значительная часть расходовъ на переѣздъ чинов-

никовъ и времени на пересылку другъ къ другу бумагъ, дѣло пойдетъ скорѣе и надежнѣе и различныя отрасли государственнаго управленія и общественнаго хозяйства скорѣе объединятся. Только положительный недостатокъ средствъ или дѣйствительная малозначительность служебныхъ отправленій извѣстной правительственной функціи могутъ повести къ временному соединенію между собою двухъ или нѣсколькихъ участковъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Избранные участкомъ гласные составляютъ *уѣздное земское собраніе*, съ присоединеніемъ къ нимъ гласныхъ отъ городовъ, избираемыхъ на прежнемъ основаніи и въ томъ же числѣ; кромѣ того, въ уѣздномъ собраніи присутствуютъ, также на прежнемъ основаніи, представители казны и удѣла.

Уѣздное земское собраніе прежде всего избираетъ *уѣзднаго земскаго предводителя* на срокъ, который само оно опредѣляетъ, но во всякомъ случаѣ не менѣе трехъ лѣтъ. Уѣздный земскій предводитель предсѣдательствуетъ въ земскомъ собраніи и является исполнительнымъ органомъ по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства въ уѣздѣ. Въ случаѣ его отсутствія или болѣзни мѣсто его заступаетъ предводитель ближайшаго участка. Я уже говорилъ, что въ званіе уѣзднаго предводителя, только за совершеннымъ неимѣніемъ въ виду лицъ съ высшимъ образованіемъ, допускается лице получившее среднее образованіе и что при выборѣ предводителя собраніе не стѣсняется ни принадлежностью его къ уѣзду, ни сословнымъ происхожденіемъ, ни какимъ-либо имущественнымъ цензомъ.

Къ предметамъ вѣдомства уѣзднаго земскаго собранія относятся:

1. Опредѣленіе содержанія уѣзднаго земскаго предводителя и его письмоводителя, и ассигнованіе первому разъѣздныхъ денегъ.

2. Разсмотрѣніе и утвержденіе предположеній и смѣтъ, представленныхъ участкомъ по устройству и управленію почтовыхъ и торговыхъ путей сообщенія, и порученіе участковымъ предводителямъ исполненія, подъ надзоромъ уѣзднаго предводителя, на суммы уѣзднаго земскаго сбора; переводъ, по ходатайству участковъ, проселочныхъ дорогъ въ разрядъ содержимыхъ на уѣздный счетъ.

3. Выдача разъѣздныхъ денегъ въ установленномъ размѣрѣ должностнымъ лицамъ, имѣющимъ на то право въ уѣздѣ и командированнымъ правительствомъ; устройство станцій въ тѣхъ пунктахъ уѣзда, гдѣ проѣздъ оказывается невозможнымъ, по недостатку возчиковъ.

4. Отправленіе натурою или деньгами повинностей этапной, арестантской и воинской.

5. Учрежденіе по возможности двухклассныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ школъ въ уѣздѣ, учрежденіе учительскихъ съѣздовъ и открытіе педагогическихъ курсовъ для наставниковъ.

6. Принятіе мѣръ противъ эпидемій и приглашеніе временныхъ врачей для усиленія медицинскаго персонала.

7. Принятіе ветеринарныхъ мѣръ на скотопрогонныхъ трактахъ и на дорогахъ, гдѣ провозится значительное число кожъ изъ-за предѣловъ уѣзда.

8. Заботы объ учрежденіи по уѣздамъ обществъ сельскаго хозяйства и объ открытіи мѣстныхъ выставокъ.

9. Утвержденіе общихъ основаній для равномѣрной раскладки на всѣ предметы обложенія земскихъ сборовъ по каждому участку.

10. Утвержденіе смѣты и раскладки сборовъ на всѣ потребности уѣзднаго земскаго хозяйства между всѣми предметами обложенія и отдѣльными плательщиками, проживающими въ уѣздѣ.

11. Содержаніе непремѣннаго члена и канцеляріи судебнаго мироваго съѣзда.

12. Содержаніе канцеляріи уѣзднаго воинскаго присутствія и вообще всѣхъ тѣхъ мѣстъ и лицъ уѣзднаго управленія, гдѣ это установлено закономъ, и внесеніе причитающейся на уѣздъ доли на содержаніе мѣстъ и лицъ губернскаго управленія.

13. Выборы членовъ въ коммиссію по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей по уѣзду.

14. Обработка и повѣрка статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ въ участкахъ. Незнаніе своей страны, вслѣдствіе полнаго отсутствія сколько-нибудь внушающихъ довѣріе статистическихъ данныхъ, составляетъ одинъ изъ коренныхъ нашихъ недуговъ; и потому на этомъ вопросѣ я остановлюсь нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что требованія о собираніи статистическихъ данныхъ заявляются со всѣхъ сторонъ. До тѣхъ поръ это собираніе статистическихъ данныхъ у насъ будетъ невозможно, пока не указана будетъ точная статистическая единица, гарантирующая возможность собиранія не возможности точныхъ и надежныхъ свѣдѣній. Такою единицей служебный обычай указалъ намъ волостное правленіе или, точнѣе сказать, волостнаго писаря; но этотъ государственный статистикъ, въ сущности составляющій вѣдомости, прилагаемыя къ губернаторскому всеподданнѣйшему отчету Государю Императору, какъ извѣстно, не внушаетъ никакого довѣрія. Такой низшею статистической единицей можетъ быть только земскій округъ, въ особенности если собранныя въ немъ статистическія свѣдѣнія будутъ разсмотрѣны и провѣрены уѣздными земскими собраніями. Но статистическія свѣдѣнія имѣютъ цѣну тогда только, когда a) они собираются по формѣ, вполнѣ разъясняющей вопросъ, на который форма отвѣчаетъ; b) когда они приноровлены къ мѣстнымъ условіямъ и ограничиваются доступнымъ, не вдаваясь въ подробности, слишкомъ осложняющія работу собиранія свѣдѣній на мѣстахъ; c) когда они вездѣ собираются по однообразной формѣ; и, наконецъ, d) когда они повторяются въ опредѣленные сроки въ указанной постепенности. Поэтому, чтобы собираемыя земствомъ статистическія свѣдѣнія получили общую и настоящую цѣну, нельзя допустить, чтобы программа ихъ собиранія устанавливалась каждымъ уѣздомъ по своему усмотрѣнію. Не-

обходимо, чтобы земство, кромѣ свѣдѣній, спеціально для него необходимыхъ, собирало данныя, имѣющія общій государственный интересъ, по однообразной программѣ, установленной правительствомъ. Съ этою цѣлью должно быть учреждено *государственное статистическое бюро*, которое должно направлять, собирать и сводить всѣ статистическія свѣдѣнія, добытыя въ мѣстныхъ центрахъ. Чтобъ это бюро принесло пользу и достигло своей цѣли, необходимо: чтобъ оно было совершенно независимо и не подчинялось бы, въ видѣ канцеляріи или департамента, никакому министерству; чтобы во главѣ его стояло лице получившее значеніе и имя въ наукѣ, въ родѣ теперешняго предсѣдателя центральнаго статистическаго комитета, П. П. Семенова; чтобъ его дѣятельность не связывалась совѣтомъ и участіемъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, изъ которыхъ многіе—круглые невѣжды въ дѣлѣ статистики. Съ другой стороны, чтобы статистическія условія были приноровлены къ мѣстнымъ условіямъ и соотвѣтствовали постановленнымъ вопросамъ, необходимо: чтобы государственное статистическое бюро выработало программы и формы, отвѣчающія на каждую отдѣльную серію вопросовъ; чтобъ эти программы и формы обсуждены были, безъ всякаго стѣсненія, уѣздными земскими собраніями; чтобы, по полученіи всѣхъ отвѣтовъ, государственное бюро пригласило депутатовъ по каждой особой мѣстности отъ всѣхъ уѣздовъ, которыхъ отвѣты выдались по своей цѣлесообразности или оригинальности, и вмѣстѣ съ ними окончательно утвердило программы и формы по всѣмъ рубрикамъ, обязательныя на пространствѣ цѣлой Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть установлены разряды свѣдѣній, ежегодно собираемыхъ и повторяемыхъ чрезъ извѣстный періодъ, а также способъ повѣрки. Подъ непосредственнымъ подчиненіемъ государственнаго бюро, но въ совершенной независимости отъ губернской администраціи, должны быть учреждены *губернскія статистическія бюро*, на обязанность которыхъ возлагается разсылка формъ, установленныхъ государственнымъ бюро по всѣмъ участкамъ уѣзда, полученіе отъ нихъ свѣдѣній, сводъ ихъ по губерніи, обработка и представленіе въ государственное бюро. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернское бюро посылаетъ въ уѣздныя собранія свое заключеніе о замѣченныхъ въ свѣдѣніяхъ, представленныхъ участками, невѣрностей, неточностей и отступленій отъ формъ, для обязательнаго на будущее время исправленія.

15. Уплата долговъ, заключенныхъ прежнимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и право заключенія облигаціонныхъ займовъ на томъ же основаніи, какъ это разрѣшено для участковыхъ собраній.

16. Разсмотрѣніе представленій участковыхъ собраній о своихъ пользахъ и нуждахъ и внесеніе этихъ ходатайствъ на распоряженіе правительства, если уѣздное собраніе признаетъ ихъ заслуживающими уваженія; ходатайство по собственной иниціативѣ предъ правительствомъ о пользахъ и нуждахъ цѣлаго уѣзда.

17. Разсмотрѣніе ежегодно представляемаго собранію отчета уѣзднаго земскаго предводителя въ томъ же видѣ, какъ отчетъ, представляемый участковымъ предводителемъ и ревизія дѣлопроизводства, счетоводства, сооруженій, ремонтовъ и земскихъ учрежденій, лежащихъ на отвѣтственности предводителя, чрезъ членовъ собранія или особыхъ уполномоченныхъ, не стѣсняясь срокомъ сессіи.

18. Разсмотрѣніе жалобъ, поступившихъ на уѣзднаго земскаго предводителя, съ правомъ со стороны собранія, на основаніи жалобы или по собственной иниціативѣ, устранять до срока уѣзднаго предводителя отъ должности, выбирая въ то же время на мѣсто его другаго, или предавать суду посредствомъ закрытой подачи голосовъ.

19. Выслушиваніе отчета уѣзднаго земскаго предводителя о распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ участковыхъ предводителей, при чемъ уѣздное собраніе, усмотрѣвъ важныя со стороны послѣднихъ злоупотребленія и опущенія, имѣетъ право устранять участковыхъ предводителей отъ должности, поручивъ уѣздному предводителю сдѣлать въ то же время распоряженіе о созывѣ экстреннаго участковаго собранія для выбора новаго предводителя, и предавать его суду посредствомъ закрытой подачи голосовъ.

20. Разборъ жалобъ правительственныхъ и частныхъ лицъ и общинъ на неправильныя по отношенію къ нимъ дѣйствія и неуравнительное обложеніе участковыхъ собраній.

21. Изданіе обязательныхъ для уѣзда постановленій въ порядкѣ, указанномъ правительствомъ, составленіе и утвержденіе штрафныхъ таксъ за порубку и потраву, таксъ на рабочихъ, обязательно призываемыхъ къ тушенію пожаровъ, за простой работы сверхъ договорнаго срока и вообще всѣхъ таксъ и нормъ, какія правительствомъ указаны, разрѣшены и не запрещены.

Уѣздное земское собраніе созывается уѣзднымъ предводителемъ обязательно по истеченіи мѣсяца отъ закрытія послѣдняго участковаго собранія.

На обязанности уѣзднаго земскаго предводителя лежитъ:

1. Завѣдываніе всѣми отраслями, капиталами, суммами и содержимыми на счетъ уѣзднаго земскаго сбора учрежденіями и исполненіе всѣхъ порученій собранія.

2. Предсѣдательство вмѣстѣ съ депутатами отъ сословій въ общей для всѣхъ нихъ опекѣ, назначающей опекуновъ для всѣхъ частныхъ лицъ и повѣряющей дѣйствія какъ этихъ опекуновъ, такъ и назначенныхъ поземельнымъ крестьянскимъ обществомъ надъ своими несовершеннолѣтними членами.

3. Наблюденіе за дѣйствіями участковыхъ предводителей, безъ права вмѣшательства и указанія, посѣщеніе, осмотръ и ревизія всѣхъ земскихъ сооруженій, работъ и учрежденій въ каждомъ участкѣ, по усмотрѣнію

уѣзднаго предводителя, и обязательный докладъ своему собранію о ходѣ земскаго хозяйства въ каждомъ участкѣ.

4. Уѣздные предводители, въ качествѣ депутатовъ отъ уѣздовъ, въ назначенный срокъ съѣзжаются въ городѣ и составляютъ *спеціальную губернскую коммиссію*, которая, какъ я говорилъ выше, ревизуетъ учрежденія содержимыя на губернскій сборъ и приглашаетъ завѣдывающаго ими, а также разсчитываетъ долю, которую обязанъ каждый уѣздъ внести на содержаніе губернскихъ земскихъ учрежденій и мѣстъ и лицъ губернской администраціи. Распредѣленіе между уѣздами производится на основаніи раскладки губернскихъ земскихъ сборовъ между уѣздами, дѣйствовавшей до закрытія губернскихъ земскихъ учрежденій.

Постановленія уѣзднаго земскаго собранія, не выходящія изъ круга его вѣдомства, обязательны для всѣхъ участковыхъ собраній уѣзда, которыя, въ случаѣ отказа или промедленія въ исполненіи, могутъ быть побуждены, по требованію уѣзднаго собранія, судомъ или силою власти. Въ свою очередь участковыя собранія на притѣснительныя или выходящія изъ круга вѣдомства постановленія уѣзднаго собранія могутъ приносить жалобу правительствующему сенату, который отмѣняетъ неправильныя постановленія уѣздныхъ собраній.

Предоставленныя Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ права начальнику губерніи сохраняются за нимъ какъ относительно уѣздныхъ, такъ и относительно участковыхъ собраній.

Представляя въ общихъ чертахъ планъ уѣзднаго устройства, я отдаю его на судъ публики. Вопросъ настолько важенъ, что можетъ быть выслушано мнѣніе каждаго отдѣльнаго лица, что и придаетъ мнѣ смѣлость выступить съ моимъ собственнымъ. Если мое мнѣніе обратитъ чье-нибудь вниманіе и вызоветъ критическія замѣчанія, тѣмъ лучше,—я постараюсь въ возраженіяхъ развить и пополнить недосказанное, или соглашусь, если сила доводовъ окажется на сторонѣ противника.

При разрѣшеніи такихъ серьезныхъ, жизненныхъ, вопросовъ впереди всего должно стоять не личное самолюбіе, а польза дѣла.

Я, впрочемъ, предвижу одно возраженіе весьма вѣское, повидимому неотразимое и совершенно уничтожающее мой проектъ. Но только повидимому... Со всѣхъ сторонъ у насъ слышатся клики: *нѣтъ людей*. Гдѣ же найдутся люди, которые вынесутъ на своихъ плечахъ всю тяжесть такого широкаго, сложнаго и дробнаго проекта?... Я думаю, что всѣ эти клики—плодъ недоразумѣнія. Если справедливо, что только война родитъ героевъ, то еще справедливѣе, что живое, насущное дѣло создаетъ для себя необходимую рабочую силу. Кличъ, что нѣтъ людей, есть въ сущности non sens: если нѣтъ людей, то откуда же явилось общество и что же оно собою представляетъ?... Скажите лучше: *нѣтъ дѣла*! Дайте въ руки дѣло—и руки найдутся. Вѣдь пришли же они при введеніи крестьянской реформы,

въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, появлялись они при открытіи земскихъ учрежденій, въ лицѣ передовыхъ земскихъ дѣятелей. Найдутся они и тогда, когда земство поставлено будетъ въ возможность и необходимость *дѣлать*, а не *писать* и *говорить*. Много молодыхъ силъ, сознавая дѣйствительную потребность, пошло въ народъ, къ сожалѣнію, внося въ среду его смуту и безпорядокъ. Не могу не вѣрить, что они отрезвятся и исполнятъ свое призваніе, идя въ тотъ же народъ съ благими намѣреніями водворить среди него порядокъ, свободу въ ея истинномъ смыслѣ и образованіе. Не могу не вѣрить, ибо иначе можно бы было впасть въ отчаяніе и усомниться въ будущности русскаго народа...

И вотъ тогда, когда либеральная интеллигенція внутри страны пройдетъ необходимую школу практической жизни и опытности, тотъ, «ему-же дадеся талантъ», пусть не зарываетъ его въ землю, пусть онъ смѣло вступитъ въ почтенные ряды публицистической литературы, руководящей общественною жизнію, если литература за ней поспѣваетъ и не остается позади. Тогда наша печать возстановитъ силу, которую она начинаетъ утрачивать и которая такъ необходима для общества, черпающаго свое развитіе по преимуществу на столбцахъ газетъ и журналовъ.

Н. Колюпановъ.

Мартъ 1881 г.
С. Рождественское.

ПОЛЬСКІЯ ПИСЬМА.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Въ мартовской книгѣ журнала *Русская Мысль* напечатали мы статью подъ заглавіемъ «Нѣчто о русско-польскомъ вопросѣ въ нашей журналистикѣ». Судьбѣ угодно было, чтобъ эта статья появилась рядомъ съ редакціонною замѣткой, приглашающей желающихъ примиренія русскихъ съ поляками высказывать свои мысли на страницахъ *Русской Мысли*. Мы откликаемся на этотъ призывъ тѣмъ охотнѣе, что раздѣляемъ основной взглядъ редакціи на этотъ вопросъ. «Та часть Польши,—говорится въ замѣткѣ,—которая замежована въ границы Россіи, должна оставаться въ этихъ границахъ, подъ властью Русскаго государства; но при этомъ польская народность, въ предѣлахъ ея этнографическаго распредѣленія, должна пользоваться полною неприкосновенностью ея національности и свободы ея духовнаго и бытоваго творчества и развитія... Такимъ образомъ подъ охраною русской власти часть польской народности... соблюдется ко дню, когда воскреснетъ славянскій міръ къ самостоятельной, обезпеченной въ своей свободѣ жизни, когда настанетъ пора независимой государственной жизни для Польши. Мы передадимъ тогда польскій народъ въ семью славянскихъ народовъ, какъ охраненнаго нами, здороваго, примиреннаго со всѣми, высоко-даровитаго, полноправнаго, великаго ихъ и нашего брата». Присоединяясь къ этой profession de foi почтенной редакціи журнала *Русской Мысли*, мы начинаемъ рядъ статей о польскомъ вопросѣ, которыя будутъ имѣть цѣлью знакомить русскую публику съ положеніемъ дѣлъ въ центрѣ этнографической Польши, въ Царствѣ Польскомъ, а поляковъ—съ тѣмъ, какъ относятся къ нимъ, по крайней мѣрѣ, тѣ русскіе люди, которые раздѣляютъ принципы редакціи *Русской Мысли*.

Первое письмо я посвящаю самому общему очерку современнаго состоянія *національнаго* вопроса въ Царствѣ Польскомъ, т. е. той части этнографической Польши, которая, выражаясь словами Хомякова, взята

нами подъ нашъ временный интердиктъ и которую мы должны будемъ *соблюсти* ко дню воскресенія славянскаго міра.

За исходный пунктъ своихъ разсужденій я беру весьма интересную статейку, напечатанную подъ заглавіемъ «Błędne Koła» (заколдованные круги или circuli viciosi) въ варшавскомъ еженедѣльникѣ Prawda за 1881 г. (№№ 5, 6 и 8). Дѣло идетъ о судьбахъ польской національности въ Познани, Галиціи и Царствѣ. Авторъ начинаетъ съ Познани, земли прусскаго «забора», гдѣ идетъ борьба польскаго элемента съ германизаціей. Здѣсь германизація сдѣлала наибольшіе успѣхи, такъ что lud polski w Prusach jest nawskróś' zniemszony (онѣмеченъ) и только католицизмъ спаиваетъ этотъ «людъ» въ нѣчто отдѣльное. Но при этомъ многіе чувствуютъ себя болѣе католиками, чѣмъ поляками, а другіе въ католицизмѣ видятъ единое средство спасенія національности. Это не все: прусскіе поляки находятъ защитниковъ среди нѣмцевъ въ такъ-называемомъ центрѣ, а защита эта полякамъ даромъ не обходится, ибо, чтобъ удержать за собою эту партію въ прусской палатѣ, познанчики должны дѣлать ей всякія уступки, защищать разныя феодальныя притязанія и сопротивляться принятію либеральныхъ реформъ. Результатъ отъ такого положенія дѣлъ въ Познани весьма печальный для польской національности, ибо поляки имѣютъ передъ собою здѣсь двѣ дороги, и обѣ онѣ для нихъ фатальны: отказаться отъ клерикализма значитъ въ поступательномъ движеніи съ нѣмецкою цивилизаціей утратить свою народность, а защищать свою народность, средствами клерикальной партіи, значитъ отказаться отъ собственнаго прогресса. Одна изъ этихъ дорогъ ведетъ къ національной смерти, а другая—къ культурному банкротству: дѣйствительно, заколдованный кругъ! И клерикализмъ, и германизмъ грозятъ смертью польскому элементу въ Познани, и все счастье его въ томъ, что римскій первосвященникъ и желѣзный канцлеръ не засѣдаютъ за однимъ столомъ. Положеніе поляковъ въ австрійскомъ «заборѣ», въ Галиціи, несомнѣнно лучше, много лучше; но едва ли основательны надежды тѣхъ, которые смотрятъ на Галицію какъ на страну, изъ которой придетъ искупленіе: здѣсь тоже заколдованный кругъ, въ которомъ приходится вращаться полякамъ. Дѣло въ томъ, что и австрійскіе поляки находятся въ борьбѣ съ нѣмецкимъ элементомъ, а борьба эта и ихъ связываетъ съ реакціонными партіями. Польская партія въ Вѣнѣ, чтобы найти поддержку клерикально-феодальной партіи австрійской въ вопросахъ самоуправленія въ Галиціи, сама должна становиться подъ реакціонное знамя и замедлять прогрессъ не только во всемъ государствѣ, но и въ своемъ собственномъ обществѣ. И эта часть Польши, значитъ, находится на распутіи между денаціонализирующимъ прогрессомъ и національною реакціонностью. Впрочемъ, въ Познани изъ этого заколдованнаго круга нѣтъ выхода,—австрійскіе поляки сами загоняютъ себя въ этотъ заколдованный кругъ своею близорукою политикой: вѣдь у нихъ есть, кажется,

и два университета своихъ (въ Краковѣ и Львовѣ), и національныя школы, и свои суды, и какая ни-на-есть автономія. Была однако минута, когда въ Вѣнѣ образовалась партія польскихъ сецессіонистовъ, но у нея не оказалось ни опредѣленнаго плана, ни энергіи. Странная судьба польскаго племени: гдѣ внѣшнія обстоятельства для него болѣе благопріятны,—кажется, тамъ-то и нѣтъ особенной надежды на прогрессъ. И наоборотъ,—можемъ сказать мы, и можемъ это сказать устами поляка. Царство Польское, по мнѣнію автора статьи «Błędne Koła», находится въ болѣе благопріятномъ отношеніи къ будущему польской національности. Мы подозрѣваемъ, мы даже увѣрены, убѣждены даже, что авторъ высказалъ не всю свою мысль: въ Варшавѣ цензура строга, и особенно въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ строга. Во всякомъ случаѣ, однако, интересно и то, что не досказано, что выражено не вполнѣ. Сравнивая положеніе поляковъ Царства съ положеніемъ ихъ соплеменниковъ прусскаго и австрійскаго «заборовъ», мы находимъ вотъ что: въ Россіи нѣтъ такой партіи, которая поддерживала бы поляковъ, какъ дѣлаютъ это берлинскій «центръ» и австрійская «правая», а консерватизмъ русскій находится въ вѣчномъ антагонизмѣ съ польщизной; поэтому мѣстный консерватизмъ Царства Польскаго такъ и остается явленіемъ мѣстнымъ, не имѣющимъ связей внѣ края или, вѣрнѣе, внѣ національности. Консерватизмъ этотъ, правда, еще сила, и весьма значительная, въ польскомъ обществѣ, для котораго все *свое* имѣетъ значеніе какой-то святыни, что очень понятно въ національности, «взятой подъ интердиктъ», но важно то, что передъ поляками Царства не стоитъ альтернатива прогресса, ведущаго къ національной смерти, и консерватизма, равносильнаго смерти культурной. Намъ кажется,—говоритъ авторъ,—что наша вѣтвь польскаго племени предназначена для самаго быстраго развитія, że w szczepie polskim nasza ga łąź przeznaczona jest do najbujniejszego rozrostu. Пишись эта статья при иныхъ цензурныхъ условіяхъ, мы въ правѣ были бы потребовать отъ автора объясненія того, въ какихъ же отношеніяхъ должна стоять русская Польша къ Россіи и вообще ко всему русскому. Понять однако, по крайней мѣрѣ, одну сторону вопроса не трудно: какъ полякъ, авторъ несомнѣнно желалъ бы, чтобы Царство Польское имѣло болѣе національныхъ правъ въ смыслѣ признанія польскаго языка въ школѣ и въ судѣ. Но есть и другая сторона, которая для насъ весьма ясна. Разъ образованные поляки русскаго «забора» такъ или иначе обязаны знать по-русски и вообще жить общею государственною жизнью съ Россіей, они не могутъ не искать себѣ союзниковъ среди русскихъ. Самъ авторъ статьи «Błędne Koła» говоритъ, что польскій консерватизмъ союзниковъ себѣ въ Россіи не находитъ. Тѣмъ лучше. За то въ Россіи найдутъ сторонниковъ себѣ люди прогресса: эти сторонники не потребуютъ денаціонализированія Польши, какъ того хотятъ нѣмецкіе національ-либералы, и въ то же время всегда будутъ желать, чтобъ она шла не въ ту сторону, куда увлекаютъ ее австрійскіе

и прусскіе ретрограды. Въ сущности то, что я говорю здѣсь, было сказано, только въ другой формѣ, въ упомянутой статьѣ моей: «Нѣчто о русско-польскомъ вопросѣ» (стр. 333) по поводу возможности такъ-называемаго примиренія только между «польскими демократами» и «свободномыслящими россіянами», и на этотъ разъ сохраняя ироническія названія *Новаго Времени*. Я полагаю даже, что со мною согласится и редакція Prawdy, въ которой появились «Błędne Koła»: передо мною 10 нумеровъ этого еженедѣльника, и вотъ что онъ обѣщаетъ въ этомъ отношеніи (замѣтимъ, что Prawda издается первый годъ). Въ № 1 объявляется, что подписчики получатъ въ премію переводъ соч. Пыпина «О польскомъ вопросѣ въ русской литературѣ»; въ № 8 въ «Россійской Хроникѣ» помѣщены некрологи Миллера, Лешкова, Писемскаго и Достоевскаго; въ постоянныхъ фельетонахъ, носящихъ названіе «Liberum veto» и подписанныхъ Poseł Prawdy, то и дѣло встрѣчаются слѣды знакомства автора ихъ съ текущею русскою журналистикой. Отмѣчаемъ это, какъ signum temporis.

Но къ дѣлу. Итакъ, поляки прусскіе и австрійскіе находятся—одни по неволѣ, а другіе добровольно—въ заколдованномъ кругу. Русская Польша въ этомъ отношеніи застрахована, хотя, напримѣръ, преподаваніе въ ея школахъ, начиная съ университета и кончая послѣдними *вейскими шкулками*, ведется по-русски, что, конечно, обрусить не обруситъ, а національное развитіе тормозитъ. Къ вопросу о школьномъ языкѣ мы еще вернемся, но не можемъ не замѣтить, что русскій университетъ въ Варшавѣ положительно должно было бы считать *временно* полезнымъ для самой Польши, такъ или сякъ знакомя молодежь съ русскимъ умственнымъ движеніемъ и не давая ей слишкомъ коснѣть въ національномъ консерватизмѣ, который присущъ польскимъ ученымъ. Оговоримся однако, что, какъ было упомянуто въ статьѣ: «Нѣчто о польско-русскомъ вопросѣ», и русскіе профессора бываютъ консервативны. Собственно говоря, теперь насъ занимаетъ не этотъ вопросъ, а разсмотрѣніе тѣхъ *благопріятныхъ* для польской національности условій, которыя существуютъ въ русской Польшѣ.

Борьба между польскимъ и нѣмецкимъ элементами въ Познани и Галиціи ведется, между прочимъ, на экономической почвѣ: нѣмецкіе промышленники вытѣсняютъ польскихъ; польскимъ крестьянамъ приходится выселяться въ Америку, а на ихъ мѣсто приходятъ нѣмецкіе колонисты; земли, принадлежавшія полякамъ, все болѣе и болѣе переходятъ въ руки нѣмцевъ же. Иное дѣло въ Царствѣ Польскомъ: въ то время, какъ Галиція лишена всякой промышленности и бѣднѣетъ съ каждымъ годомъ, русская Польша охранена ввозными пошлинами отъ конкурренціи нѣмецкой промышленности, а отсутствіе таможенной границы съ Россіей открываетъ передъ нею громадный рынокъ для сбыта своихъ фабрикатовъ; съ другой стороны, въ то время, какъ въ Познани польскій хлопъ доводится до необходимости эмигрировать въ Америку, крестьянская реформа

въ Царствѣ Польскомъ 19 февраля 1864 года создала мелкую собственность на условіяхъ для крестьянъ гораздо болѣе выгодныхъ, нежели тѣ, на которыхъ получили свои надѣлы крестьяне русскіе. И то, и другое служитъ сильною подпорой для національности, которая притомъ здѣсь именно имѣетъ свой центръ: въ Пруссіи поляки живутъ въ перемежку съ нѣмцами, въ Галиціи идетъ борьба польскаго элемента съ русинами, въ Царствѣ поляки живутъ сплошною массой, кромѣ врѣзывающагося въ него клина Холмской Руси. Варшава остается доселѣ главнымъ пунктомъ всей польщизны. Не даромъ, когда Александру I пришла мысль образовать изъ наполеоновскаго княжества Варшавскаго конституціонное Царство Польское, то Австрія и Пруссія возстали противъ этого проекта, предпочитая, чтобы польскія земли прямо вошли въ составъ имперіи Александра I: существованіе національнаго королевства Польскаго, хотя и соединеннаго съ Россіей, ихъ дипломаты считали опаснымъ для Галиціи и Познани; и дѣйствительно, ни для кого въ такой степени не выгодно, какъ именно для Австріи и Пруссіи, то положеніе, въ которое приведена русская Польша послѣ 1830 и 1863 годовъ.

Что Царство Польское благоденствуетъ въ экономическомъ отношеніи, сравнительно съ Галиціей и Познанью, это не подлежитъ сомнѣнію, хотя по поводу одного сочиненія, въ которомъ это доказывается, и происходила горячая полемика. Мы говоримъ здѣсь о сочиненіи варшавскаго профессора Симоненки, антипольское направленіе котораго и старошляхетское міросозерцаніе нѣкоторыхъ его критиковъ были главною причиной бури,— одинъ изъ примѣровъ того, какъ трудно столковаться крайнимъ лагерямъ. Трудъ, о которомъ мы говоримъ, называется: «Царство Польское сравнительно съ Познанью и Галиціей»; вышелъ онъ въ 1878 году, а въ слѣдующемъ году авторъ развилъ свои взгляды въ первомъ томѣ предпринятой имъ «Сравнительной статистики Царства Польскаго и другихъ европейскихъ странъ», въ коемъ читатель можетъ найти и полемику профессора Симоненки съ его польскими критиками (стр. 348—472). Кто не довѣряетъ труду г. Симоненки вслѣдствіе его, какъ многіе находятъ, оффиціально-русскаго направленія и, дѣйствительно, встрѣчающихся въ немъ натяжекъ *), тому совѣтуемъ обратиться къ послѣдней статьѣ Леруа-Больё о Н. А. Милютинѣ, изъ того ряда статей, который печатается въ послѣднихъ книжкахъ Revue des deux Mondes за прошлый годъ и въ первыхъ за нынѣшній: тамъ говорится въ сущности то же самое, а кромѣ того указываемая статья подтверждаетъ общую мысль моего письма, ту именно, что *наиболѣе благопріятныя условія для національнаго развитія поляковъ существуютъ въ русской Польшѣ, хотя дѣйствіе ихъ парализируется существующимъ въ этомъ краю режимомъ*. Оставляя въ сторонѣ Познань, гдѣ польское дѣло стоитъ хуже

*) См. рецензію въ журналѣ *Слово* за 1879 г., № 10.

всего, мы находимъ, что австрійскій режимъ выгоднѣе для поляковъ, чѣмъ русскій (еще бы: автономія, два университета, преподаваніе и судопроизводство на польскомъ языкѣ, свобода печати!), но за то всѣ другія благопріятныя условія, внѣ режима, сосредоточены въ Привислянскомъ краѣ. Интересно въ этомъ отношеніи слово иностранца Леруа-Больё, человѣка бывавшаго и въ Россіи, и въ Польшѣ и изучившаго довольно подробно одну страницу изъ русско-польскихъ отношеній, и мы позволимъ себѣ теперь привести его взгляды.

Мы начнемъ съ весьма остроумнаго и особенно въ настоящее время интереснаго сравненія, которое дѣлаетъ Леруа-Больё въ самомъ концѣ статьи, между Польшей и Ирландіей. Въ положеніи обѣихъ странъ много общаго, и на первый разъ именно это общее бросается въ глаза, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается такая противоположность между Польшей и Ирландіей, что если въ настоящую минуту существуютъ вопросы польскій и ирландскій, то разрѣшить легче, несомнѣнно, первый, а не послѣдній: все сводится къ вопросу о режимѣ въ Польшѣ, а въ Ирландіи—къ тому, чтобы перевернуть все вверхъ дномъ. Съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть на польскій вопросъ весьма оптимистически, еслибъ онъ не осложнялся отношеніями, которыя заставляютъ однихъ утверждать, что польскій вопросъ разрѣшится только тогда, когда *всѣ* поляки будутъ подъ русскою властью, а другихъ, что будто конецъ ему только тогда, когда не будетъ ни одного поляка въ Литвѣ и Руси. Но мы тутъ заняты *только* Царствомъ Польскимъ, а потому и остановимся на сравненіи, которое дѣлаетъ между нимъ и Ирландіей французскій публицистъ. «Польша,—говоритъ Леруа-Больё,—заставляетъ насъ часто думать объ Ирландіи. Оба эти имени сближаются между собою общимъ несчастіемъ, тождествомъ религіи, старыми симпатіями нашей страны... Между Польшей и Ирландіей много чертъ сходства, но въ то же время, можетъ-быть, на самомъ дѣлѣ и столько же чертъ несходства; во многихъ отношеніяхъ ихъ можно только противопоставлять одну другой» *). Дѣло въ томъ, что успокоить совершающуюся нынѣ въ Ирландіи агитацію можетъ только аграрная реформа; но отношеніе Англіи къ Ирландіи по этому вопросу совсѣмъ иное, нежели отношеніе Россіи къ Польшѣ: поземельная аристократія въ Ирландіи вся на сторонѣ Англіи, которая такимъ образомъ на нее опирается, тогда какъ Россія въ Польшѣ имѣла противъ себя именно поземельную аристократію; притомъ соверши Англія аграрную реформу въ Ирландіи, пришлось бы потомъ ее и дома произвести, между тѣмъ какъ Россія въ 1864 году распространила на Польшу тѣ мѣры, которыя испробовала у себя тремя годами ранѣе. «Въ извѣстномъ смыслѣ,—продолжаетъ Леруа-Больё,—можно было бы сказать, что Россія по отношенію къ Польшѣ и Англія по отношенію къ Ирландіи

*) *Revue des deux Mondes*; 15 février 1881, стр. 919.

дѣйствовали совершенно противоположными способами, такъ какъ одна даетъ то, въ чемъ отказываетъ другая, тогда какъ каждая относится къ покоренной странѣ не такъ, какъ другая, и обѣ поступаютъ одинаково односторонне и, слѣдовательно, одинаково ошибочно. Въ Ирландіи Англія слишкомъ часто думала улаживать все политическою свободой, а въ Польшѣ Россія льстила себя надеждой удовлетворить всему экономическими реформами. Въ Лондонѣ слишкомъ часто забывали, что народы, какъ и отдѣльныя личности, не питаются конституціонными правами; въ Петербургѣ недостаточно часто вспоминали евангельское изреченіе: «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ». Такимъ образомъ оба правительства могли бы давать уроки другъ другу. Оба они съумѣли поставить и рѣшить только одну часть вопроса; *но и при всемъ этомъ намъ кажется, что выгода рѣшительно на сторонѣ Россіи и Польши.* Сколь ни представляется трудною политическая проблемма, рѣшеніе ея легче и менѣе настоятельно, нежели рѣшеніе задачи экономической. Какъ бы на зло своимъ страданіямъ, Польша достигла благосостоянія подъ русскимъ владычествомъ, и ничто не мѣшаетъ ея господамъ даровать ей или возвратить когда-либо права и вольности, безъ которыхъ ни одинъ европейскій народъ вѣчно оставаться не можетъ» *). Все это очень вѣрно, и мы охотно приводимъ слова французскаго публициста, несмотря на то, что въ нихъ идетъ рѣчь о вопросахъ политическомъ и экономическомъ, а мы говоримъ здѣсь о національномъ вопросѣ. Но дѣло-то именно и съ этой стороны въ томъ заключается, что положеніе польской національности, въ предѣлахъ Русской имперіи, имѣетъ передъ собой будущее, тогда какъ извѣстно, что ожидаетъ въ скоромъ времени ирландскихъ туземцевъ. Аграрная реформа въ Польшѣ имѣла весьма важное значеніе не только въ экономическомъ, не только въ политическомъ, но и въ національномъ отношеніи: поднявъ разомъ благосостояніе массы, создавъ прочныя узы между большинствомъ населенія и Русскимъ государствомъ (которыя, впрочемъ, будутъ непрочны, если мы будемъ затрогивать языкъ и религію этого населенія), аграрная реформа 1864 г. создала прочную основу для процвѣтанія польской національности въ краѣ. Подымая сельское населеніе изъ его приниженнаго положенія, создавая въ Царствѣ многочисленный классъ мелкихъ собственниковъ, реформа 1864 г. такъ сказать обновила самую польскую національность притокомъ въ нее свѣжихъ силъ. Это не укрылось также отъ наблюдательнаго француза. Русскія руки,—говоритъ Леруа-Больё,—сдѣлали то, о чемъ прежде безуспѣшно мечтали польскіе демократы: вмѣсто узкой основы аристократіи, онѣ приготовили для будущаго польской національности болѣе широкую основу народную. Съ этой точки зрѣнія, по его замѣчанію, главные виновники реформы (т. е. Милютинъ и Черкасскій) должны быть разсматриваемы скорѣе какъ

*) Ibid., стр. 920.

воскресители, а не разрушители польской народности *). Въ своихъ прекрасныхъ статьяхъ Леруа-Больё выяснилъ, почему польскому хлопу реформа 1864 г. принесла болѣе выгодъ, чѣмъ русскому мужику реформа 1861 г. **), и мы упоминаемъ объ этомъ здѣсь лишь затѣмъ, чтобы не показалось страннымъ утвержденіе французскаго публициста, что «аграрное положеніе Царства Польскаго послѣ кризиса 1864 г.—одно изъ лучшихъ въ Европѣ» ***), а въ этомъ вѣдь — залогъ и національнаго преуспѣянія. Такимъ образомъ и Леруа-Больё утверждаетъ, что des trois tronçons de l'ancienne républiques la Pologne russe est sans comparaison la plus prospère. Разсказываютъ, что русскіе противники польской крестьянской реформы понимали ея національное значеніе: «теперь,—говорили они,—мы имѣемъ противъ себя въ Царствѣ только 300.000 поляковъ, а съ новой деревенской организаціей черезъ тридцать лѣтъ противъ насъ ихъ будетъ въ двадцать разъ болѣе». Приводя эти слова, Леруа-Больё замѣчаетъ, что есть средство предотвратить всякую опасность съ этой стороны: стоитъ только правительству уважать національность польскихъ подданныхъ, языкъ ихъ, религію, нравы ****). Извѣстно, замѣтимъ кстати, что наша политика приняла систему обрусенія, но,—цитируемъ снова Леруа-Больё,—à force de combattre le polonisme la Russie a, malgrée elle, dans les provinces de la Vistule favorisé les progrès de son plus redoutable concurrent, le germanisme *****).

Я кончаю это письмо, въ которомъ поставилъ себѣ задачей познакомить читателей *Русской Мысли* съ состояніемъ національнаго вопроса въ русской Польшѣ. Общій выводъ, который можно сдѣлать изъ всего сказаннаго, слѣдующій: нигдѣ польская національность не сильна въ такой степени, какъ въ Царствѣ Польскомъ, ибо здѣсь живетъ большая часть ея, живетъ компактной массой, ибо здѣсь ради своего сохраненія ей нѣтъ надобности бояться прогресса, ибо здѣсь у нея нѣтъ такихъ конкуррентовъ, какъ въ Познани и отчасти въ Галиціи, ибо, наконецъ, она имѣетъ здѣсь широкую народную основу въ крестьянствѣ, надѣленномъ землею великимъ актомъ 19 февраля 1864 года.

Одинъ изъ элементовъ общаго польскаго вопроса заключается въ частномъ вопросѣ: *въ какія отношенія должны мы стать къ польской національности въ такъ-называемомъ Привислянскомъ краѣ?*

Объ этомъ мы и поговоримъ во второмъ письмѣ.

---

*) Ibid., стр. 910.
**) Ibid., 902.
***) Ibid., 906.
****) Ibid., 910.
*****) Ibid., 914.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Свой взглядъ на польскій вопросъ вообще я, мнѣ кажется, достаточно ясно выразилъ въ статьѣ, помѣщенной въ мартовской книгѣ *Русской Мысли*. Оставляя даже въ сторонѣ принципіальную точку зрѣнія, не оправдывающую посягательства на чужую національность, для насъ, несомнѣнно, выгоднѣе на своей западной границѣ имѣть націю дружественную, а не враждебную, въ виду возможности столкновенія съ Германіей, чего можно достигнуть лишь—не раздражая поляковъ; къ числу же раздражающихъ мѣръ относятся всѣ попытки руссификаціи, или, вѣрнѣе, денаціонализированія Польши, выгоднаго лишь для нѣмцевъ. Я полагаю, что этимъ соображеніемъ должна руководиться наша политика по отношенію къ Польшѣ. Почтенный авторъ редакціонной замѣтки по поводу письма Хомякова къ А. О. Смирновой справедливо говоритъ, что изъ трехъ способовъ рѣшенія польскаго вопроса, т.-е. денаціонализаціи Польши, превращенія ея въ особое государство и системы охраненія польской національности союзомъ съ Россіей—возможенъ и желателенъ только третій способъ. Такой отвѣтъ находимъ мы и въ замѣчательныхъ *замѣткахъ польскаго публициста*, которыя, подъ заглавіемъ: «Обрусеніе или объединеніе?», были напечатаны въ фельетонѣ №№ 56, 57 и 58 газеты *Голосъ*, редакція которой помѣстила, кромѣ того, въ № 59 и передовую статью, посвященную вопросу объ обрусеніи или объединеніи. Польскій публицистъ стоитъ за объединеніе, но противъ обрусенія, которое, напротивъ, всегда будетъ поддерживать въ полякахъ сепаратизмъ и подготовлять «новый катаклизмъ». Онъ очень умѣстно приводитъ на память слова Н. А. Милютина объ обрусительной политикѣ 1830—1860 гг. «Мѣры,—писалъ именно Милютинъ,—которыя принимались въ Польшѣ, не могли быть доведены до того, чтобы въ учащейся молодежи изглаживалась польская народность. *Мы не обрусили ни одного поляка, а въ то же время являлись какъ бы посягающими на польскую національность*». Но обрусительная система, введенная послѣ 1831 г., ничто въ сравненіи съ тою, которая стала дѣйствовать съ конца шестидесятыхъ годовъ, а результатомъ ея является доводимый до крайности національный консерватизмъ: русскіе не бывавшіе въ Варшавѣ и понятія о немъ не имѣютъ, а тѣ, которые имѣютъ о немъ понятіе, т.-е. русскіе дѣятели въ Польшѣ, приходятъ отъ него въ раздраженіе, когда только думаютъ, что миссія ихъ—русить, русить и русить. Впрочемъ, рѣчь о томъ, какіе вообще получаются результаты отъ системы обрусенія, мы поведемъ дальше,—теперь рѣчь у насъ пока о *замѣткахъ польскаго публициста*, а онѣ главною своею цѣлью имѣютъ выставить программу такой формы объединенія Польши съ Россіей, при которой интересы страны и государства сходились бы, а не расходились. Сводится эта программа къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. Полная юридическая и фактическая полноправность русской и польской народности передъ государствомъ и закономъ *).

2. Введеніе всѣхъ учрежденій, судебныхъ и административныхъ, существующихъ въ Имперіи, съ употребленіемъ мѣстнаго языка въ органахъ самоуправленія и судопроизводствѣ.

3. Обученіе на польскомъ языкѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго.

Примѣчаніе. Права государственнаго языка опредѣляются тѣмъ, что онъ долженъ остаться оффиціальнымъ языкомъ въ администраціи, а въ школахъ, кромѣ обученія русскому языку, преподаваніе исторіи и географіи Россіи должно происходить на русскомъ же языкѣ.

4. Распространеніе законовъ о печати на Царство Польское въ полномъ объемѣ при уравненіи правъ періодической печати въ Варшавѣ съ петербургскою и московскою.

5. Дозволеніе организаціи ученыхъ и др. обществъ и экономическихъ учрежденій.

Такова программа *польскаго публициста*, который замѣчаетъ при этомъ, что она относится только до Царства Польскаго, какъ края отъ низа до верха польскаго, съ цѣльнымъ почти польскимъ населеніемъ: въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, гдѣ масса населенія малорусская, бѣлорусская или литовская, а только верхніе слои польскіе, не можетъ быть, понятное дѣло, и рѣчи о преподаваніи или судопроизводствѣ на польскомъ языкѣ. Въ заключеніе авторъ программы совершенно вѣрно говоритъ: «До тѣхъ поръ, пока система обрусенія будетъ примѣняема, о сознаніи солидарности интересовъ Царства Польскаго съ Имперіей не можетъ быть и рѣчи. *Обрусеніе неизбѣжно требуетъ мѣръ исключительныхъ, репрессивныхъ*: тайнаго управленія страной, поставленія цѣлаго обширнаго края внѣ закона и такимъ образомъ обособленія его отъ государства. *Это та же политика сепаратизма, гораздо худшая, нежели самая обширная автономія*, потому что общество можетъ дозрѣть до автономіи, но никогда не помирится съ репрессіей. Поэтому нужно избрать одинъ какой-нибудь путь для разрѣшенія польскаго вопроса: или дальнѣйшія попытки обрусенія, или политику государственнаго единенія. Одно съ другимъ не можетъ быть соглашено, потому что одно исключаетъ другое».

Вопросъ поставленъ ясно: система обрусенія требуетъ постановки поляковъ въ иныя условія, нежели тѣ, въ которыхъ находятся русскіе, и такимъ образомъ, вмѣсто объединенія, производитъ разъединеніе; съ другой стороны, кто хочетъ объединенія, тотъ долженъ желать для Польши земскаго и городскаго самоуправленія, суда присяжныхъ и т. п., а получить ихъ Польша не можетъ, пока польскій языкъ будетъ изгоняться

*) Мы нѣсколько иначе распредѣляемъ пункты программы, чѣмъ у автора: мы выбрасываемъ пункты, которые уже заключаются въ другихъ, и не упоминаемъ о сервитутахъ,—это вопросъ экономическій.

изъ суда и школы. Но выходъ изъ этого заколдованнаго круга есть и онъ указанъ въ программѣ *польскаго публициста*. Программу его нельзя назвать неумѣренной: онъ не требуетъ Польши въ границахъ 1772 года, ибо признаетъ національныя права русскаго населенія западныхъ губерній; онъ не мечтаетъ ни о конституціонной хартіи 1815 г., ни объ осуществленіи идей маркиза Велёпольскаго, — онъ указываетъ на *необходимость возвратиться къ политикѣ Н. А. Милютина послѣ подавленія возстанія 1863 года!!!* Это была политика объединительная, а не обрусительная, ибо послѣдняя началась только въ 1869 году, послѣ устраненія Милютина. *Польскій публицистъ* доказываетъ, какъ нельзя болѣе убѣдительно, что это двѣ вещи разныя и что обрусительная система только задерживаетъ соціальное и экономическое развитіе края, раздражая притомъ его населеніе. Это до такой степени вѣрно, что разные писатели разными путями доходятъ до той же мысли: Леруа-Больё въ своихъ статьяхъ о Милютинѣ не иначе смотритъ на эти отношенія. Но это не все еще: *польскій публицистъ* подвергаетъ сомнѣнію самую законность системы, ибо высочайшіе указы 1864 и 1866 гг. обезпечиваютъ польскому народу свободное національное развитіе и формально отмѣнены не были. *Голосъ* въ передовой статьѣ 27 февраля 1881 г. совершенно основательно замѣчаетъ, что поворотъ на путь законности можетъ только увеличить обаяніе Россіи среди поляковъ. Отмѣтимъ еще одну черту въ *замѣткахъ польскаго публициста*: онъ хорошо понимаетъ и ясно представляетъ читателю, что всѣ естественныя условія должны заставлять поляковъ тяготѣть къ Россіи, что на сторонѣ Австріи только искуственныя условія: создай мы такія же условія и у себя, на нашей сторонѣ будутъ сочувствія галицкихъ и познанскихъ поляковъ, что очень важно для нашей внѣшней политики.

Еще одно слово по поводу *замѣтокъ*: въ передовой статьѣ *Голоса* вполнѣ согласно съ нашими собственными мыслями сказано, что «программа *польскаго публициста* можетъ служить почвой, на которой должны встрѣтиться и подать взаимно руки всѣ истинные русскіе и польскіе патріоты»,—что она, эта программа, «должна сдѣлаться и программою тѣхъ русскихъ людей, которые желаютъ внутренняго мира своей странѣ и нормальнаго развитія ея нравственныхъ и матеріальныхъ силъ». Послѣдняго именно и желаютъ «свободномыслящіе россіяне», надъ соединеніемъ съ которыми «польскихъ демократовъ» иронизируетъ *Новое Время*. На почвѣ прогрессивныхъ реформъ только и возможно «примиреніе» русскихъ съ поляками: это, кажется, достаточно было выяснено нами въ статьѣ «Нѣчто о русско-польскомъ вопросѣ въ нашей журналистикѣ». Истинные русскіе и польскіе патріоты должны всячески пропагандировать эту мысль.

Отсылая читателя за подробностями къ самымъ *замѣткамъ объ объединеніи и обрусеніи*, я не стану распространяться о неудобствахъ употребленія русскаго языка въ судахъ и школахъ, особенно низшихъ въ

Польшѣ. Вопросъ о судебномъ языкѣ былъ разсмотрѣнъ уже недавно г. Спасовичемъ въ его рефератѣ, внесенномъ въ петербургское юридическое общество и напечатанномъ во многихъ газетахъ; что же касается до школьнаго языка, то вопросу о немъ особенно посчастливилось въ нашей журналистикѣ за послѣднее время по поводу того, что былъ поднятъ вопросъ о «малорусскомъ словѣ», на которомъ, какъ извѣстно, лежитъ интердиктъ. Въ указанныхъ статьяхъ читатель найдетъ вѣскія доказательства той общей мысли, что съ системой обрусенія невозможенъ прогрессъ въ широкомъ значеніи этого слова. Но вопросъ имѣетъ и политическую сторону, на которую указываетъ неоднократно и *польскій публицистъ*. Для Леруа-Больё политика обрусенія еще понятна тотчасъ послѣ подавленія возстанія 1863 года и въ эпоху, когда Германія была раздроблена, а Пруссія въ Петербургѣ представлялась лишь «смиреннымъ спутникомъ» Россіи, но послѣ 1866 года, послѣ 1870—71 года, въ виду возстановленія Германской имперіи, причемъ въ Берлинѣ не забыли, что Пруссія прежде Россіи царствовала въ Варшавѣ!!!... *). Политическіе интересы, повторяемъ, заставляютъ насъ охранять польскую національность на Вислѣ. Вотъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный нами въ концѣ перваго письма.

Но мы не кончили. Въ первомъ письмѣ мы показали, какое значеніе для оживленія польской національности имѣло экономическое обезпеченіе крестьянства. Это начинаютъ сознавать сами поляки. Въ народѣ, страшащемся за свое національное будущее, это одинъ изъ аргументовъ въ пользу того, чтобъ обратить болѣе вниманія на народную массу, *если нѣтъ для этого другихъ мотивовъ*. Сама національная задача заставляетъ поляковъ обратиться къ разработкѣ того крестьянскаго вопроса, который за послѣднее время у насъ на Руси началъ играть такую выдающуюся роль въ текущей журналистикѣ, — возьмите любую газету, любой «толстый» журналъ, и вы непремѣнно наткнетесь на большую или маленькую статью о крестьянахъ: за 1881 года ими положительно наполнены книжки *Отечественныхъ Записокъ* и *Русской Мысли*. Нельзя сказать, чтобы польская журналистика представляла подобное же зрѣлище. *Безъ національнаго хвастовства мы можемъ сказать, что въ этомъ отношеніи полякамъ слѣдовало бы поучиться у русскихъ*. Они далеко отстали здѣсь отъ насъ и въ своей беллетристикѣ, и въ своей публицистикѣ. Даже люди передовые весьма часто, отучившись смотрѣть на народъ какъ на *быдло* (скотъ), все еще держатъ себя черезчуръ «культурными людьми» по отношенію къ *люду*. Между тѣмъ пора было бы намъ повліять.

Но мы не можемъ вліять, пока общеніе поляковъ съ нами при помощи нашего языка будетъ совершаться не изъ-подъ палки. Палка создаетъ печальное недоразумѣніе. Кто читаетъ польскія газеты, тотъ можетъ видѣть, до какой степени умышленно игнорируется въ нихъ все русское,

*) *Revue des deux Mondes*, 15 févr. 1881, стр. 915.

хотя теперь и тутъ, къ счастію, далеко не то, что было прежде, и хотя этому игнорированію въ значительной мѣрѣ содѣйствовала варшавская цензура (см. № 10 газеты *Порядокъ* и № 25 газеты *Молва*). Видно солоно приходилось, коли игнорированіе всего русскаго возводится многими даже въ особенный признакъ патріотическаго настроенія...

Но придетъ пора, когда жизнь подъ однимъ государственнымъ закономъ, большее знакомство другъ съ другомъ, сознаніе общихъ интересовъ, легкость, съ которою поляки и русскіе начинаютъ понимать языкъ одни другихъ, общія задачи соціальныя—сблизятъ оба общества и одно будетъ учиться у другаго, какъ всѣ мы, европейскіе народы, учимся одни у другихъ. А теперь дѣло стоитъ печально въ Царствѣ Польскомъ. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ другихъ мѣстахъ обширной Руси, куда только судьба заноситъ поляковъ, русскіе и поляки не сторонятся другъ отъ друга и, наприм., польскому студенту въ Имперіи гораздо легче обруситься, чѣмъ русскому въ Варшавѣ ополячиться. Да, знающіе люди единогласно утверждаютъ, что появленіе русскаго въ польскомъ обществѣ варшавскомъ или появленіе поляка въ русскомъ—рѣдкость большая: это два лагеря, между которыми нѣтъ никакихъ отношеній, и, какъ увѣряютъ нѣкоторые русскіе, сами же наши готовы часто смотрѣть на русскаго человѣка, относящагося къ полякамъ по-человѣчески и безъ кваснаго патріотизма, какъ на отступника, какъ на ренегата. То же, какъ говорятъ, и съ польской стороны. Единственное связующее звѣно, кажется, нѣмцы: ихъ и тамъ, и здѣсь принимаютъ. Остряки подшучиваютъ: нѣмецъ и самъ человѣкъ междуславянскій, и языкъ нѣмецкій—междуславянскій. Но если бросить шутки въ сторону, то придется признаться, что такое положеніе невозможно и что скорѣе мы можемъ вліять на поляковъ изъ Петербурга и изъ Москвы чрезъ прессу, чѣмъ посредствомъ личнаго общенія въ Варшавѣ. Рано или поздно, мы надѣемся, отношенія измѣнятся, но вѣдь раньше могутъ, пожалуй, измѣниться внѣшнія обстоятельства: Пруссія помнитъ, что прежде она, а не мы, царствовала въ Варшавѣ, и въ виду одного этого мы должны подумать, чтобъ она не нашла у насъ «царства раздѣльшагося на ся».

Мы говоримъ о «вліяніи», которому должно предшествовать, конечно, «сближеніе». Но сближеніе немыслимо безъ «примиренія», которое въ свою очередь предполагаетъ сближеніе. Гдѣ выходъ изъ этого заколдованнаго круга? Выходъ одинъ — постановка польской національности въ Привислянскомъ краѣ въ нормальныя условія, дарованіе Польшѣ тѣхъ же правъ, которыми пользуются и другія части Россіи. Тогда и отъ польской печати, безцензурной въ Варшавѣ, мы будемъ въ правѣ требовать, чтобъ она вмѣстѣ съ русскою участвовала въ государственной жизни и болѣе знакомила свою публику съ Россіей и ея общественнымъ движеніемъ.

Въ такомъ рѣшеніи вопроса нѣтъ ничего химерическаго. Будущее воскресеніе славянскаго міра — вещь хорошая, но еще отдаленная; но если

ради нея мы должны охранять польскую народность, то еще болѣе требуютъ того же гуманныя идеи XIX вѣка и интересы минуты. Пусть поляки помнятъ хоть то одно, что нѣмецъ смотритъ на польскую землю какъ на страну, которую можно колонизировать, тогда какъ у насъ внѣ Польши, сравнительно густо населенной, такихъ земель не занимать-стать; нѣмцамъ выгодно денаціонализировать Польшу, а для насъ, какъ народа, въ этомъ нѣтъ никакой выгоды. Полякъ въ Познани и Галиціи, для спасенія своей національности, протягиваетъ руку нѣмецкому реакціонеру и отказывается отъ прогресса; поляку въ Царствѣ Польскомъ можетъ протянуть руку только такой русскій человѣкъ, который и въ своей странѣ хлопочетъ о нормальномъ развитіи духовныхъ и матеріальныхъ силъ общества. Пусть поймутъ это поляки, но *пусть поймутъ и русскіе, что существованіе польскаго вопроса въ смыслѣ принятія національности цѣлаго края и изъятія этого края изъ общихъ законовъ Имперіи будетъ составлять одну изъ помѣхъ нашего внутренняго развитія.* Пора стряхнуть намъ съ себя кошмаръ 1863 года: пора однимъ перестать заниматься систематическою травлей поляковъ (новѣйшая привилегія *Новаго Времени* и старая привычка *Московскихъ Вѣдомостей*), пора другимъ перестать игнорировать этотъ вопросъ. «Въ Петербургѣ,— пишетъ *польскій публицистъ*, — привыкли слышать и читать, что «на Шипкѣ все спокойно», полагая, что лимфа обрусенія великолѣпно привилась къ нашему организму. Правда, одинъ изъ газетныхъ караульныхъ предостерегъ кого слѣдуетъ, «чтобы не проспать по-горчаковски». Но онъ навѣрное самъ не далъ себѣ отчета въ томъ, что писалъ: онъ сердился и пожималъ плечами отъ удивленія, что существуютъ какія-то мелкія недоразумѣнія между русскимъ и польскимъ населеніемъ Варшавы». Дѣйствительно, до самаго послѣдняго времени наша пресса игнорировала существованіе польскаго вопроса и, занимаясь славянами, даже забыла, что и поляки — славяне. Оправданіемъ ей развѣ то служило, что по старой памяти поляковъ считаютъ отщепенцами отъ славянства. Доведемъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что если «возвращеніе славянскихъ чувствъ» считать признакомъ выздоровленія любой славянской народности, то можно только радоваться, глядя на поляковъ: когда-нибудь мы познакомимъ читателей *Русской Мысли* съ замѣтнымъ въ послѣднее время въ польской интеллигенціи стремленіемъ сближенія съ чехами, а еще недавно Варшава чествовала у себя двухъ видныхъ представителей лужицкихъ сербовъ.

Кончаю. Вотъ достигнутые пока результаты. Центръ и главный узелъ польскаго вопроса—въ Варшавѣ и Привислянскомъ краѣ: какъ здѣсь онъ будетъ рѣшенъ, отъ этого зависитъ и все остальное. Считать невозможнымъ рѣшеніе польскаго вопроса, пока всѣ поляки, съ одной стороны, не будутъ находиться подъ русскою властью и пока, съ другой, не останется ни одного поляка въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ, — значитъ

вовсе не желать рѣшенія вопроса, поставленнаго самою жизнью и не терпящаго отлагательства. Вообще предупреждаю читателя, что, по возможности, буду держаться практической почвы въ моихъ будущихъ «Польскихъ письмахъ», и могущія встрѣтиться на пути неудачи не заставятъ меня отказаться отъ девиза, которымъ я случайно закончилъ первую свою статью по польскому вопросу въ мартовской книгѣ *Русской Мысли:*

Chociaż nie skończysz, ciągle rób:
Ciebie, nie dzieło porwie grób.

В. Р. К.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. ВОПРОСЫ ДНЯ.

Въ грустное, тяжелое время, нами переживаемое, у многихъ людей является желаніе уйти подальше отъ ужаса и насилія, отъ убійцъ-террористовъ и консервативныхъ крикуновъ, требующихъ «безъ всякихъ формальностей» пустить въ ходъ кулакъ частный и кулакъ государственный. Сравнительно небольшая группа искренне-либеральныхъ людей съ горемъ и страхомъ за родину глядитъ на все происходящее. У фарисеевъ, страсти которыхъ разыгрались, пропали велерѣчивыя фразы о милости, о христіанской любви. Какъ изступленные, кричатъ они противъ необходимости глубокихъ преобразованій въ нашемъ государственномъ устройствѣ, не замѣчая, что великій историческій процессъ совершается непрерывно, что усилія лже-охранителей не охраняютъ отечества, а толкаютъ его на опасный путь. Невозможно управлять великимъ государствомъ безъ *интеллигенціи*. Прошла пора монархій Чингизъ-хана. А Россія давно уже, по словамъ императрицы Екатерины, — *государство европейское*... Отымите отъ народа *интеллигенцію*—и отъ народа отлетитъ историческая душа. Охранители до такой крайности не доходятъ, конечно. Нѣкоторыя изъ враждебныхъ реформамъ изданій не могутъ себѣ и представить отечества безъ редакторовъ этихъ изданій. Кто же тогда будетъ говорить народную правду? Слѣдуетъ *образумиться* только тѣмъ людямъ, которые не согласны во взглядахъ съ означенными изданіями. *Преступны* только желанія либераловъ, ихъ мысли о томъ, что съ исторіей не шутятъ, что общество переросло нѣкоторыя узкія формы, что необходимо снять эти раздражающія, производящія боль рамки.

Желаніе уйти въ деревню, уклониться отъ ежеминутныхъ тревогъ и огорченій, о которомъ мы упомянули, усиливается еще горькимъ убѣжденіемъ въ малочисленности искренне-либеральныхъ людей.

Когда дѣло идетъ о счетѣ кулаковъ, объ опредѣленіи ихъ относительной крѣпости, дѣйствительной интеллигенціи нечего дѣлать,—ей не справиться убѣжденіемъ съ разгулявшимися кровожадными инстинктами толпы. Говорить же честно, свободно, достойно того великаго народа, о судьбѣ

котораго идетъ рѣчь,—трудно, почти невозможно при нынѣшнихъ условіяхъ. Одинъ изъ *охранительныхъ* органовъ, *Петербургскія Вѣдомости*, пріостановленъ на два мѣсяца. Либеральныя газеты, какъ и слѣдовало ожидать, подверглись болѣе печальной участи: *Молва* закрыта на два мѣсяца, *Голосу* дано второе предостереженіе, *Странѣ* дано второе предостереженіе, *Земству* дано первое предостереженіе, *Порядку* запрещена розничная продажа, *Смоленскій Вѣстникъ* (подцензурное изданіе) запрещенъ на *восемь мѣсяцевъ*. Остаются неперечисленными *конфиденціальныя кары*.

Еслибы дѣло шло о личныхъ удобствахъ или выгодахъ, еслибы даже имѣлся въ виду общественный интересъ, но въ ближайшую минуту, то, разумѣется, хорошо было бы уйти отъ злобы дня, потому что на судьбу этого дня мы, либералы, все равно окажемъ лишь незначительное вліяніе. Но, что бы ни говорили противники преобразованій, будущее принадлежитъ этимъ преобразованіямъ. Тяжко жить обществу безъ свободы и великодушія. А потому обратимся къ тѣмъ же вопросамъ и съ тѣми же чувствами, какъ и въ прежнее время, когда разцвѣтала надежда на скорое преобразованіе условій, въ которыя поставлено русское общество вообще и русская печать въ частности.

Заговоривъ о будущемъ, мы заговорили, слѣдовательно, о молодежи, волнующейся, отчасти погибающей на нашихъ глазахъ. Какъ спасти ее? Какъ предохранить ее отъ опасныхъ увлеченій, отъ грубыхъ, иногда непоправимыхъ промаховъ?

Для этой цѣли прежде всего необходимо преобразованіе дѣйствующей системы средняго образованія. Въ университетскихъ волненіяхъ принимаютъ преимущественное участіе студенты перваго и втораго курсовъ. Руководители *системы* взялись за разрѣшеніе не одной педагогической, но и политической задачи: они обѣщали предохранить университеты отъ волненій, воспитать въ гимназіяхъ трудолюбивыхъ, преданныхъ наукѣ и законности, молодыхъ людей. Но цѣль рѣшительно не достигнута. Въ гимназіяхъ царило канцелярское отношеніе къ дѣлу, въ дѣтяхъ истреблялась всякая самостоятельность, ихъ непосильно обременяли полу-механическими работами. Директоръ, инспекторъ, учитель, сторожъ—являлись гимназистамъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, представителями злаго начала, произвола и формальнаго отношенія къ дѣлу. Контрастъ между бездушною, казарменною, дисциплиною гимназій и свободною жизнью студента ошеломлялъ многихъ изъ получившихъ *аттестаты зрѣлости*. Именно къ правильному сужденію и не созрѣвали собственники этихъ аттестатовъ. Одни бросались поэтому въ кутежи, другіе (и такихъ больше) увлекались соціалистическими теоріями, волновались, шумѣли, подвергались исключенію изъ университета, а иногда административной высылкѣ. Послѣдняя раздражала, приводила въ отчаяніе и погубила множество людей...

Въ среднемъ учебномъ заведеніи преподаватель—и вслѣдствіе возраста учащихся, и вслѣдствіе ежедневныхъ занятій съ ними—можетъ легче узнать и сильнѣе повліять на воспитанниковъ, чѣмъ преподаватель университета или другаго высшаго учебнаго заведенія. Въ классѣ рѣдко бываетъ болѣе тридцати-сорока человѣкъ, въ старшихъ же классахъ число учениковъ значительно уменьшается. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, познакомившись съ особенностями характера и способностей гимназиста, воспитатель имѣетъ возможность благотворно подѣйствовать на этого гимназиста. Теперь же предполагается *системою*, что у нашихъ дѣтей одинъ и тотъ же характеръ, однѣ и тѣ же способности. Вмѣсто изсушающаго душу зубренія, послѣ котораго *созрѣвшій* гимназистъ становится совершенно безпомощнымъ и быстро увлекается мало-мальски сильнымъ теченіемъ, въ старшихъ классахъ гимназіи слѣдовало бы отвести болѣе мѣста родной литературѣ и познакомить кончающаго курсъ средняго учебнаго заведенія съ нѣкоторыми изъ величайшихъ произведеній новой западно-европейской литературы. Это возбудитъ, по всей вѣроятности, броженіе мысли, безпокойную работу молодаго ума. Тѣмъ лучше. Въ гимназіи легче направить этотъ созрѣвающій умъ, легче ввести горячую, юную мысль въ надлежащее русло, чѣмъ въ университетѣ. Броженіе все равно наступитъ, если молодой человѣкъ не есть уже молодой Молчалинъ или Держиморда, но наступитъ при гораздо болѣе неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Чтеніе и разборъ геніальныхъ произведеній русскихъ и отчасти иностранныхъ художниковъ облагородитъ стремленія молодежи, привьетъ къ ней чувство прекраснаго и заставитъ сторониться отъ всякаго насилія, отъ всего грубаго и пошлаго. Не на мертвое изученіе мертвыхъ языковъ должны идти лучшіе учебные годы, та пора, когда душа воспитанника чутко-воспріимчива, а на родную словесность, на внимательное чтеніе Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстаго. Въ жизни многихъ людей учитель словесности или исторіи игралъ прекрасную роль. Изъ его устъ многіе впервые слышали проповѣдь гуманности и необходимости, и величія честнаго труда. Конечно, преподаватель всякаго другаго предмета можетъ сильно и благотворно вліять на воспитанниковъ; но наиболѣе благодарный, наиболѣе удобный матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ преподаваніе словесности и отчасти исторіи.

Такое воззрѣніе составляетъ въ настоящее время ересь. Правовѣрные учителя словесности изгоняютъ изъ преподаванія въ старшихъ классахъ гимназіи писателей послѣ Гоголя, напирая на грамматику, благо учить ей легче, чѣмъ словесности. Прискорбныя послѣдствія пониженія литературнаго образованія, по нашему мнѣнію, могутъ быть констатированы каждымъ внимательнымъ наблюдателемъ.

Къ сожалѣнію, наши среднія учебныя заведенія едва ли будутъ преобразованы, въ серьезномъ смыслѣ этого слова, въ ближайшемъ будущемъ. Въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія статсъ-секре-

таремъ А. А. Сабуровымъ въ этомъ отношеніи не было сдѣлано почти ничего. Мы далеки отъ мысли обвинять за это г. управлявшаго министерствомъ: у него было слишкомъ мало времени и слишкомъ много препятствій для плодотворной дѣятельности. За то начальная народная школа фактически была поставлена А. А. Сабуровымъ въ гораздо лучшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ она находилась при графѣ Толстомъ. Прямое и доброжелательное отношеніе г. управлявшаго министерствомъ къ земству и его искренняя преданность святому дѣлу народнаго просвѣщенія побуждаютъ каждаго добросовѣстнаго человѣка помянуть добрымъ словомъ кратковременное управленіе статсъ-секретаря А. А. Сабурова.

Новый министръ народнаго просвѣщенія, баронъ Николаи, по сообщенію петербургскихъ газетъ, выразилъ твердое намѣреніе держаться университетскаго устава 1863 года и вообще *закона*. Послѣднее особенно утѣшительно въ наше время всяческихъ *усмотрѣній*. Другія назначенія на министерскій постъ также вызвали большое вниманіе среди общества. Уничтоженіе министерства почтъ, иностранныхъ вѣроисповѣданій и телеграфовъ встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ всѣми газетами и журналами. Замѣтимъ кстати тѣмъ, кто возстаетъ противъ большаго вліянія, пріобрѣтеннаго русскою повременною печатью, что существуетъ только два средства уменьшить это вліяніе: надо или уничтожить большую часть (а то и всѣ) органовъ либеральной печати, или ввести такія общественныя учрежденія, гдѣ вопросы, обсуждаемые теперь газетами, подвергались бы обсужденію болѣе компетентныхъ людей, точнѣе представляющихъ мнѣнія общества.

Назначеніе на постъ министра государственныхъ имуществъ бывшаго посла въ Константинополѣ, составителя санъ-стефанскаго мирнаго договора съ Турціей, графа Игнатьева, вызвало неудовольствіе въ Вѣнѣ,—слѣдовательно, должно быть очень пріятно русскому обществу. Ожидаются другія перемѣщенія и новыя назначенія. За новыми людьми должны явиться и новыя учрежденія. Скоро ли они явятся? Скоро ли законъ и общественный контроль скуютъ административный произволъ, положатъ конецъ томительной смутѣ?

Правительство уже много разъ призывало общество, но почти всегда для борьбы съ крамолой. Мы думаемъ, что непосредственная борьба съ преступными покушеніями не можетъ быть дѣломъ общественныхъ учрежденій. Для этой цѣли необходимъ ясный и точный законъ, добросовѣстная, умѣлая полиція. Общественное представительство можетъ оградить престолъ другимъ путемъ: оно перевоспитаетъ общество, оно лишитъ группу на все готовыхъ безумцевъ увѣренности въ сочувствіи къ нимъ, будто бы существующемъ, которое не высказывается, думаютъ они, только изъ боязни. Тогда исчезнетъ та нравственная атмосфера недомолвокъ, недоразумѣній и притязательнаго краснобайства, которая по-истинѣ питаетъ преступные замыслы. При настоящихъ порядкахъ поколеблено довѣріе къ убѣжденіямъ,

гласно, законно исповѣдуемымъ. Если эти убѣжденія консервативны, если человѣкъ отстаиваетъ необходимость сохраненія всего существующаго въ государственныхъ учрежденіяхъ, то его заподозриваютъ въ корысти, въ честолюбіи, въ раболѣпіи. Если высказываетъ свои взгляды либералъ, то его упрекаютъ въ трусости, въ хитрости, въ томъ, что онъ не договариваетъ до конца, преднамѣренно закутываетъ свою мысль въ различныя ограниченія. При такихъ условіяхъ общество ничѣмъ, въ серьезномъ смыслѣ слова, не можетъ помочь власти, отъ которой само находится въ полной зависимости. Есть, пожалуй, одно только средство, одна только форма непосредственнаго участія общества въ борьбѣ съ крамолой: это—возстановленіе *слова и дѣла*. Подобныя, или близко къ тому подходящія, желанія, высказываемыя нѣкоторыми органами нашей печати, свидѣтельствуютъ, къ сожалѣнію, о существованіи анархическихъ влеченій въ средѣ нѣкоторой части русскаго общества. Кто высказываетъ такого рода идеи, тотъ отрицаетъ самыя основанія государственнаго строя. Это—пугачевщина на изнанку, и либералы съ одинаковою энергіей отвергаютъ обѣ пугачевщины. При мирномъ же теченіи жизни пугачевцамъ-охранителямъ нѣтъ никакого дѣла до государства: они поглощены своими частными заботами; «ихъ хата съ краю»—въ такомъ устраненіи себя отъ политической жизни государства, будто бы, заключается *духъ* русскаго народа. Но вотъ, благодаря, въ значительной степени, именно такому порядку вещей, такому разъединенію власти и народа (по странному недоразумѣнію оно называется нѣкоторыми *единеніемъ*), благодаря апатіи общества къ вопросамъ государственной жизни, надъ страною проносится бѣда. Печаль и ужасъ овладѣваютъ всѣми; но умъ, привыкшій къ мысли о разъединеніи государства и народа, подыскиваетъ только два рѣшенія: пустить въ ходъ кулаки или тащить въ полицію всѣхъ, почему-либо показавшихся подозрительными напуганному воображенію. Ну, а потомъ что же?—Потомъ: наша хата съ краю; власть сама разберетъ, власть прикажетъ, власть казнитъ... Нѣкоторые публицисты совѣтуютъ, кромѣ того, долготерпѣніе и самоусовершенствованіе чуть не въ монашескомъ духѣ...

Мы утверждаемъ, что великій народъ не можетъ долго существовать въ подобномъ состояніи; что великое государство въ основаніяхъ подтачивается полнымъ отчужденіемъ власти отъ общества.

Уже нѣсколько лѣтъ мы присутствуемъ при величественномъ зрѣлищѣ постепенно и быстро растущаго общественнаго самосознанія. Всегда съ истиннымъ удовольствіемъ стараемся мы заносить на страницы внутренняго обозрѣнія *Русской Мысли* указанія жизни въ этомъ смыслѣ. Преступленіе 1 марта вызвало много трогательныхъ заявленій, но рѣдкое изъ нихъ производитъ столь сильное впечатлѣніе, какъ сдѣланное въ самарскомъ дворянскомъ собраніи г. Нудатовымъ и его товарищами. Мы передадимъ словами *Порядка* (№ 78) происшедшее въ этомъ собраніи.

«8-го марта, около 1 часу пополудни, въ залѣ дворянскаго собранія происходило засѣданіе дворянъ всей Самарской губерніи. Явилось 53 человѣка. Г. губернаторъ объявилъ присутствующимъ дворянамъ о Высочайшемъ манифестѣ, о восшествіи на престолъ Императора Александра III, и послѣ троекратнаго «ура» собраніе было объявлено открытымъ. Губернскій предводитель дворянства, г. Юрасовъ, предложилъ составить адресъ Его Величеству Императору Александру III, и собраніе постановило избрать коммиссію, которая должна отправиться въ Петербургъ для выраженія чувствъ всего дворянства губерніи. Кромѣ губернскаго предводителя и 7 уѣздныхъ, были еще избраны два депутата, Мордвиновъ и графъ Толстой. Поручили также г. Юрасову озаботиться объ украшеніи залы собранія портретомъ вновь вступившаго на престолъ Императора. Послѣ небольшаго перерыва г. Мордвиновъ предложилъ дворянскому собранію ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о разрѣшеніи построить храмъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было совершено преступленіе 1 марта. Подписка на этотъ храмъ должна быть открыта по всей Россіи, потому что, по мнѣнію г. Мордвинова, это дѣло общерусское. Предложеніе это принято всѣмъ собраніемъ.

«Нѣсколько минутъ спустя поднялся уѣздный предводитель николаевскаго дворянства, г. Тенняковъ, старикъ лѣтъ 70, и сказалъ рѣчь о необходимости обсудить мѣры, которыя должны быть приняты дворянствомъ, чтобы подобныя злодѣйскія покушенія не повторялись болѣе. На это одинъ изъ дворянъ, г. Нудатовъ, заявилъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ г. Тенняковымъ въ томъ, что опасность велика, но находитъ, что защита Государя и обсужденіе мѣръ противъ существующаго зла «не подъ силу одному дворянству». Начались горячія пренія на тему о способахъ дѣятельности общества всѣхъ сословій въ интересахъ умиротворенія.

«Говоря о необходимости общественнаго участія, г. Нудатовъ закончилъ: «Господа дворяне! я не врагъ моему отечеству,—я желаю ему счастья, а не бѣдствій. Вотъ я уже на склонѣ дней моихъ, и никто не заподозритъ меня, что я—революціонеръ. Но, ради блага отечества, ради чести и славы его, ради дѣтей нашихъ, я умоляю васъ ходатайствовать, дабы уврачевалось истерзанное смутой отечество!» Онъ самъ былъ растроганъ до слезъ. Все собраніе громомъ рукоплесканій и бурными возгласами: «правда, правда!» вознаградило старика Нудатова. За нимъ поднялся графъ Толстой и сказалъ: «Путь, избираемый нами, не революціонный», и сослался на историческіе примѣры. Предсѣдатель воспользовался опять своимъ veto. Собраніе постановило избрать депутацію, которой поручить лично представить Государю Императору адресъ отъ всего дворянства Самарской губерніи, въ которомъ ходатайствовать предъ Его Величествомъ о предлагаемыхъ дворянствомъ способахъ для обсужденія мѣръ, которыя бы уничтожили горе и страданія отечества, внесенныя въ него смутой. На другой день составленъ адресъ и прибавленъ къ избранной комиссіи еще г. Нудатовъ».

Въ самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Ждановъ заявилъ, что «пора прямо высказать, что желательно расширеніе правъ земства не по какому-либо *отдѣльному* предмету, входящему въ область его вѣдѣнія, а о расширеніи правъ народа и участія его въ лицѣ своихъ представителей въ самоуправленіи всей страны. Мы не для того, — продолжалъ почтенный гласный,—только-что приняли присягу, чтобы сейчасъ обманывать и говорить не то, что думаемъ и желаемъ. Если же боимся высказать наши сокровенныя желанія, то будемъ лучше молчать» *). И многіе, дѣйствительно, предпочитаютъ молчать, изъ весьма понятнаго страха. А молчать въ общественныхъ вопросахъ—значитъ вводить правительство въ заблужденіе, значитъ уродовать общественную жизнь. На героевъ разсчитывать невозможно. Необходимъ такой государственный строй, при которомъ умалчивать, сторониться отъ грозно встающихъ задачъ было бы непростительнымъ малодушіемъ, жалкимъ эгоизмомъ. Теперь этого нѣтъ, и молчать человѣку, желающему перемѣнъ, значитъ поступать благоразумно.

Желаніе этихъ перемѣнъ неудержимо распространяется въ русскомъ обществѣ. Къ законной свободѣ, къ закономъ обезпеченной неприкосновенности личности—вотъ къ чему такъ страстно стремится со дня на день растущая либеральная часть русскаго общества. Чтобы власть пользовалась высокимъ уваженіемъ, чтобъ исчезли недомолвки и ложь въ отношеніяхъ между правительствомъ и обществомъ — вотъ чего хотятъ либералы. За такія стремленія ихъ и называютъ врагами родины и пошлыми людьми велемудрые лже-охранители. Мы дѣйствуемъ по совѣсти, мы говоримъ по мѣрѣ нашего разумѣнія, и видать въ насъ обличенія, подобныя только-что упомянутымъ, могутъ или недобросовѣстные, или ограниченные люди.

О глубокихъ недостаткахъ нашего экономическаго и политическаго строя имѣется уже много данныхъ. Безспорно, что много драгоцѣнныхъ указаній въ этомъ отношеніи даетъ правительству и сенаторская ревизія. *Вѣстникъ Европы*, говоря о наилучшихъ способахъ разработки матеріала, полученнаго ревизующими сенаторами, справедливо замѣчаетъ, что предлагать *общіе* вопросы на обсужденіе *мѣстныхъ* органовъ самоуправленія—не цѣлесообразно.—«Не говоря уже о медленности, которую такой способъ вноситъ въ движеніе вопроса, онъ влечетъ за собою напрасную трату силъ, ведетъ къ неполнотѣ, односторонности, раздробленности высказываемыхъ мнѣній, дѣлаетъ необходимымъ кропотливый трудъ изъ классификаціи и группировки,—трудъ, совершаемый за кулисами и разрушающій собою живое слово общества... Совѣщаніе съ земствомъ должно быть облечено въ другую форму, болѣе удобную и простую,— въ такую форму, которая допускала бы свободный обмѣнъ мыслей и замѣняла бы

*) *Земство*, № 17.

массу разнообразныхъ заключеній мнѣніями большинства и меньшинства, основанными на всестороннемъ обсужденіи предмета».

Однимъ изъ такихъ общихъ вопросовъ является вопросъ о переустройствѣ крестьянскихъ учрежденій. Разнообразныя данныя изъ различныхъ мѣстностей имперіи должны послужить къ выработкѣ, общими, соединенными усиліями, окончательнаго законопроекта, который и могъ бы подлежать рѣшенію верховной власти.

Въ мартовскомъ внутреннемъ обозрѣніи *Русской Мысли* мы говорили: «Все, что было и будетъ высказано по этому поводу въ печати и въ отдѣльныхъ земскихъ собраніяхъ, можетъ послужить только для новаго, общаго земскаго обсужденія и рѣшенія — быть или не быть всесословной волости». Наши взгляды, такимъ образомъ, совпадаютъ со взглядами заслуженнаго бойца за либеральныя земскія идеи, *Вѣстника Европы*. Въ послѣднее время русскіе журналы и газеты перестроились въ два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ считаютъ преобразованія необходимыми, а дальнѣйшую отсрочку ихъ очень опасною для мирнаго развитія Россіи, а въ другомъ требуютъ, чтобы все оставалось по-старому, чтобы заботы правительства и общества пошли исключительно на полицейскія мѣры. Всѣ остальныя подраздѣленія нашихъ партій, по скольку это слово идетъ къ русскимъ порядкамъ, стушевались или потеряли всякое значеніе.

Въ апрѣльскомъ обозрѣніи мы говорили о необходимости созданія у насъ фабричнаго законодательства. 24 марта, въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ, произошло новое несчастіе, служащее прискорбнымъ доказательствомъ этой настоятельной необходимости. Рано утромъ, отъ разбившейся керасиновой лампы, загорѣлся нижній этажъ громаднаго *деревяннаго* корпуса суконной фабрики Бѣлишева. Огонь быстро охватилъ зданіе... Подъ *единственною* лѣстницей, ведущею въ верхній этажъ, стояла бочка керасина. Онъ воспламенился и зажегъ лѣстницу. «Окна имѣли двойныя рамы и внутри на половину закрыты проволочными рѣшетками, оторвать которыя не было возможности. Несчастные фабричные съ большими усиліями вырвали одну рѣшетку, но спастись въ окно не могли, потому что одна дѣвушка, желая избѣгнуть смерти, попробовала кинуться въ окно, но зацѣпилась за раму, повисла на ней и сгорѣла на вѣсу, и такимъ образомъ другимъ путь въ окно былъ заслоненъ. По показанію фабриканта, всѣхъ фабричныхъ сгорѣло двадцать человѣкъ, въ числѣ ихъ было до десяти женщинъ; по словамъ же фабричныхъ, погибло 35 человѣкъ. Въ полицейскую больницу было отправлено въ тотъ же день восемь фабричныхъ едва живыхъ, изъ коихъ двое уже умерли. 25 марта, послѣ полудня, кости нѣкоторыхъ сгорѣвшихъ были положены въ три ящика, сбитыхъ изъ старыхъ досокъ, и отвезены въ церковь, гдѣ совершено было отпѣваніе, за которымъ священникъ перечислилъ 20 именъ».

Я не знаю, что можетъ быть краснорѣчивѣе этого ужасающаго доказательства необходимости поспѣшить фабричнымъ законодательствомъ. Всякія разсужденія были бы въ данномъ случаѣ неумѣстны: *люди сгораютъ живьми* отъ того, что не приняты самыя элементарныя мѣры предосторожности. Кажется, слѣдуетъ принять эти предосторожности.

Еще болѣе важное значеніе имѣютъ вопросы крестьянской жизни. Надо надѣяться, что въ очень близкомъ будущемъ обязательный выкупъ положитъ конецъ всякой зависимости крестьянъ отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ. Нѣкоторыя земства уже давно высказывались въ этомъ смыслѣ. Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ вызвалъ еще болѣе оживленную разработку вопросовъ крестьянскаго и вообще уѣзднаго самоуправленія. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, рязанскому экстренному земскому собранію, въ началѣ мая, уже будутъ представлены два проекта, изъ которыхъ одинъ вводитъ всесословную волость, а другой, отвергая эту мѣру, предлагаетъ рядъ другихъ измѣненій въ уѣздномъ устройствѣ. Усердно занялось тѣми же вопросами и тверское земство, выбравъ съ этою цѣлью особую коммиссію.

Несомнѣнно, что, кромѣ безсословной волости, однимъ изъ наиболѣе важныхъ предметовъ разногласія являлось и является общинное землевладѣніе. Споръ о преимуществахъ и недостаткахъ этой формы землевладѣнія, какъ извѣстно, давно уже ведется въ нашей литературѣ и не прекращается до настоящаго времени. Обратимъ на этотъ разъ вниманіе на статьи г. Бакунина, въ *Тверскомъ Вѣстникѣ* (№№ 12—13): «Нѣчто о личномъ и объ общинномъ землевладѣніи».

Авторъ этихъ статей—противникъ общиннаго землевладѣнія. На первыхъ же порахъ онъ взводитъ большую напраслину на политическую экономію, которая, будто бы, послѣ французской революціи замѣнила философію.

«Если,—говоритъ г. Бакунинъ,—согласно съ нынѣ господствующимъ научнымъ взглядомъ, самъ человѣкъ есть не болѣе какъ только пустая абстракція и вся сила и все значеніе принадлежитъ только политической экономіи и ея положеніямъ, то очень не трудно доказать, что всю природу человѣка должно подладить подъ систему наиболѣе выгодной эксплуатаціи земли и что по указаніямъ политической экономіи онъ долженъ владѣть землею не иначе, какъ общиннымъ порядкомъ, такъ какъ онъ оказывается во всѣхъ отношеніяхъ самымъ экономнымъ, дешевымъ и выгоднымъ; но такой экономіи, дешевизны и выгоды можно достигнуть только при условіи полнѣйшаго забвенія прихоти и всѣхъ требованій самого человѣка, ради котораго эта экономія, дешевизна и выродность дороги и желательны».

Въ приведенныхъ словахъ заключается нѣсколько значительныхъ неточностей. Политическая экономія никогда не признавала общиннаго землевладѣнія *системой наиболѣе выгодной эксплоатаціи земли*. Наоборотъ,

большая часть представителей этой науки рѣшительно высказывались за частную собственность на землю, то-есть, по терминологіи г. Бакунина, за философію. Противники этого взгляда въ свою очередь никогда не настаивали на томъ, что общинное землевладѣніе выгоднѣе для производства, нежели частное. Признавая въ этомъ отношеніи преимущество послѣдняго, они именно выдвигали впередъ *человѣка*, утверждали, что главный вопросъ заключается не въ возможно-большемъ производствѣ, а въ возможно-лучшемъ распредѣленіи. Смыслъ ихъ аргументаціи въ защиту общиннаго землевладѣнія заключается въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, вооружить человѣка только *философіей*—значитъ подчинить его совершенно *политической экономіи*. Въ суровой борьбѣ за существованіе, подъ вліяніемъ неумолимаго закона спроса и предложенія, человѣческая свобода будетъ стиснута и раздавлена.

Во внутреннемъ обозрѣніи неудобно слѣдить за доказательствами и выводами почтеннаго автора статей въ *Тверскомъ Вѣстникѣ*. Ограничимся поэтому еще однимъ возраженіемъ противъ слѣдующей мысли г. Бакунина:

«Res omnium, какъ и res nullius—одинаково непроизводительны, потому что степень производительности обусловливается только степенью любви и силою дѣйствительнаго обладанія, а въ публичномъ домѣ любви не бываетъ».

Res nullius непроизводительна просто потому, что она, какъ ничья покуда вещь, вовсе не пущена въ производство. Отожествленіе ея съ res omnium является, слѣдовательно, ошибкою. Что касается до этой послѣдней, то почему желѣзная дорога въ рукахъ частнаго собственника будетъ производительна, а въ рукахъ государства не производительна? Почему общественная библіотека не производительна, а частная—производительна?

Г. Бакунинъ говоритъ далѣе, что «земля, на которой осуществляется трудъ свободнаго человѣка, есть для него то же самое, что холстъ, на которомъ художникъ, изливая душу, пишетъ картину свою не ради ожидаемой корысти, но лишь въ осуществленіе вдохновляющаго его человѣческаго смысла. Пусть она плохая, не плодотворная земля, но она его,—она его трудомъ и любовью изъята изъ числа продажныхъ вещей и стала непродажною, завѣтною, святою, неприкосновенною; только надъ нею онъ можетъ трудиться, творить и, живя свободнымъ человѣкомъ, выражать и осуществлять всѣ значенія и все необъятное содержаніе человѣческой свободы».

Въ этой мысли есть значительная доля правды, и политическая экономія, вопреки увѣренію почтеннаго автора, никогда не забываетъ различія между землей и другими предметами собственности. Но вѣдь, признавши положеніе г. Бакунина, изъ него должно сдѣлать слѣдующій выводъ: земля, которая *мною* обработана, въ которую *я* вложилъ свой свободный трудъ, должна мнѣ и принадлежать. Что же станется въ та-

комъ случаѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ? Я могу обработывать чужимъ трудомъ тысячи, десятки тысячъ десятинъ; я могу на цѣлый уѣздъ, какъ на холстъ, изливать свою душу, отдавая землю въ аренду, заводя на ней парки, фабрики, питейныя заведенія. Государственная польза, совпадающая въ данномъ случаѣ съ требованіемъ свободы для каждаго гражданина, а не для отдѣльныхъ только счастливцевъ, требуетъ нѣкотораго огражденія упомянутой *художественной* дѣятельности, нѣкотораго сокращенія *холста* въ пользу тѣхъ, у кого нѣтъ даже маленькаго кусочка этого холста.

Внутренній обозрѣватель долженъ указывать на явленія жизни, и поэтому г. Бакунинъ извинитъ насъ за то, что для защиты общиннаго землевладѣнія мы обратимся къ фактамъ, достоинство которыхъ, съ философской точки зрѣнія, можетъ оцѣниваться различно, но которые наводятъ на весьма полезныя практическія соображенія.

Донской Голосъ, какъ и многія другія провинціальныя изданія, давно уже указываетъ на вѣроятныя вредныя послѣдствія *паевой* системы, то-есть раздѣленія общинныхъ земель. Теперь эта газета (№ 17) говоритъ, что «нѣкогда прекрасныя земли Хоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округовъ, попавъ въ безцеремонныя руки ловкихъ эксплуататоровъ, распахиваемыя ими во всю мочь, во многихъ мѣстностяхъ отказываются *подымать* пшеницу-кубанку и ленъ; а казаки, получивъ за нихъ (отъ арендаторовъ) ничтожную плату 30—40 рублей за весь раздѣльный періодъ (12—15 лѣтъ), уже успѣли прожить эту ничтожную сумму и теперь страшно бѣдствуютъ. Большинство изъ нихъ поставлено въ необходимость вести свое нищенское хозяйство на какихъ-нибудь 3—4 десятинахъ ближайшаго поля и, въ свою очередь, испепелить его. Вотъ почему мы снова рѣшаемся обратить вниманіе читателей нашихъ на вопіющее положеніе нашихъ общинныхъ земель и высказать нѣсколько посильныхъ предположеній относительно огражденія ихъ отъ окончательнаго истощенія. До введенія «паевой» системы, когда пользованіе общинными землями лежало на изстари установленныхъ принципахъ,—казачье населеніе, сравнительно съ настоящимъ его положеніемъ, пользовалось гораздо большимъ благосостояніемъ и въ средѣ его не было ни нищихъ, ни голодающихъ. Въ прежнее время вся земля, всѣ угодья, всѣ лѣса, рѣки и озера данной станицы находились въ полномъ и безконтрольномъ вѣдѣніи станичнаго схода, который чрезъ своихъ выборныхъ *ежегодно* и единогласно рѣшалъ, сколько нужно отвести земли подъ попасъ скота, сколько—подъ плодовые табуны, сколько—подъ пахатное поле, сколько—оставить въ запасъ и сколько отдать въ аренду. Площадь каждаго изъ этихъ отводовъ опредѣлялась количествомъ *дѣйствительныхъ* потребностей даннаго общества, т. е. наличностью головъ скота и наличностью членовъ, имѣющихъ право на пользованіе общинною землею. Такимъ образомъ *ежегодно*, съ измѣненіемъ условій потребностей, измѣнялась и площадь даннаго отвода. Въ пахатномъ полѣ

каждый общинникъ пахалъ сколько ему нужно и, главное, пахалъ въ указанномъ мѣстѣ. Богатые казаки, запахивая сравнительно больше, обязывались вносить въ станичную сумму опредѣленную плату, а также жертвовали на училища и церкви; бѣдные же, не имѣя возможности, какъ теперь, отдавать свою долю въ арендное содержаніе, составляли хозяйственныя ассоціаціи, соединяя рабочую силу (воловъ и лошадей) въ плуга, и пахали вмѣстѣ, сколько хватало силъ и энергіи, раздѣляя потомъ продукты хлѣбопашества пропорціонально участію рабочей силы и личнаго труда. Сѣнокосныя же поля и луга равномѣрно разбирались на паи и каждый пайщикъ имѣлъ право распорядиться доставшеюся ему долею, какъ ему заблагоразсудится. При подобной системѣ пользованія общинными землями и угодьями, они, находясь въ вѣдѣніи цѣлаго общества, которое давало право пользоваться ими только членамъ его, были гарантированы отъ быстраго истощенія, такъ какъ подъ пахатное поле отводилась обществомъ извѣстная, сравнительно небольшая, площадь, и всегда оставалось много земли не распаханной, даже въ отведенной площади для этой цѣли, и сѣвооборотъ опредѣлялся пяти-шестилѣтнимъ періодомъ, вполнѣ достаточнымъ для пріобрѣтенія землею производительной силы, обусловливающей болѣе или менѣе порядочные урожаи. Кромѣ того станичныя общества всегда имѣли возможность отводить, изъ своихъ обширныхъ владѣній, извѣстное количество земли для отдачи въ арендное содержаніе и получаемыя за нихъ деньги обращали на составленіе станичнаго капитала, роль котораго была громадна и незамѣнима въ общинномъ хозяйствѣ. Изъ него не только снаряжались бѣдные казаки на службу, но, по приговору общества, выдавалось пособіе погорѣвшимъ, бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, а также училищамъ и церковнымъ причтамъ. Такимъ образомъ прежняя система пользованія, сохраняя съ одной стороны самый важный элементъ народнаго богатства—землю—отъ истощенія, съ другой—охраняла бѣднѣйшихъ членовъ своихъ отъ нищенства и отъ пролетаріата, выступая всегда имъ на помощь въ трудныя минуты ихъ жизни, чѣмъ была гораздо цѣлесообразнѣе настоящей «паевой» системы. Мы—не безусловные сторонники прежней системы пользованія общинными землями, но находимъ въ ней много разумнаго, вполнѣ осмысленнаго и соотвѣтственнаго идеѣ объ общинѣ и совѣтовали бы взять изъ нея только то, что пригодно для улучшенія нашихъ истощенныхъ земель, и добавить, чего недоставало въ ней».[1]

Въ виду этихъ и имъ подобныхъ указаній жизни, мы особенно горячо настаиваемъ на томъ, чтобъ общинное землевладѣніе было избавлено отъ разнообразныхъ путъ, которыя въ настоящее время тормозятъ его правильное развитіе. Частная поземельная собственность (въ особенности мелкая) можетъ свободно расти и въ свою очередь содѣйствовать увеличенію народнаго благосостоянія. Само собою разумѣется, что выходъ изъ общины долженъ быть свободенъ. Прикрѣплять крестьянина къ общинной

землѣ такъ же несправедливо, какъ въ свое время было несправедливо прикрѣплять его къ помѣщичьей землѣ.

Крестьяне,—это давно уже всѣмъ извѣстно,—сильно обременены платежами и облегченіе ихъ является дѣломъ элементарнаго благоразумія. По дорогѣ къ этому облегченію, въ числѣ другихъ препятствій, стоитъ законъ 21 ноября 1866 года. Въ журналѣ *Слово* (въ мартовской книжкѣ) г. Комаровъ напечаталъ статью («Неравномѣрность земскаго обложенія»), въ которой, съ цифрами въ рукахъ, обращаетъ вниманіе на вредъ этого закона. Общимъ основаніемъ податнаго обложенія должна служить (и это было признано временными правилами) цѣнность и доходность имущества. Въ противоположность справедливому требованію правилъ, дополнительный законъ 21 ноября 1866 года говоритъ, что обложеніе фабричныхъ и торговыхъ заведеній должно состоять въ обложеніи только занимаемыхъ ими помѣщеній; кромѣ того, для купеческихъ свидѣтельствъ и патентовъ на заводы и питейныя заведенія установленъ предѣлъ обложенія (до 25% съ цифры государственнаго налога и съ билетовъ на промышленныя заведенія — до 10%). При существованіи подобнаго рода условій крестьянское хозяйство не можетъ развиваться успѣшно ни при общинной, ни при частной формѣ землевладѣнія. Фискальная круговая порука является также однимъ изъ бичей сельскаго общества. Г. Смирновъ справедливо замѣчаетъ *), что во время крѣпостнаго права община существовала, земля разверстывалась, дѣлилась и передѣлялась, но оброки и даже казенныя подати вносились каждымъ домохозяиномъ подъ его личною отвѣтственностью. Въ казенныхъ податяхъ за всѣхъ крестьянъ отвѣчалъ помѣщикъ, а передъ нимъ—каждый домохозяинъ самъ за себя. И до настоящаго времени фискальная круговая порука является въ глазахъ крестьянъ насиліемъ и несправедливостью: «Потому-то,—говоритъ г. Смирновъ,—крестьяне такъ мало принимаютъ участія во взысканіи недоимокъ и такъ рѣдко и неохотно принимаютъ указанныя имъ на этотъ предметъ закономъ мѣры, а предоставляютъ взысканіе волостямъ, которыя, въ свою очередь, обращаютъ взысканіе большею частію не ко всей общинѣ, а къ недоимщикамъ, и почти никогда не прибѣгаютъ къ огульному примѣненію круговой поруки». Съ соображеніями почтеннаго автора, по скольку онѣ относятся къ дѣйствующимъ порядкамъ, нельзя не согласиться.

Есть еще вопросъ русской народной жизни, который давно уже требуетъ разрѣшенія. Этому вопросу на страницахъ *Русской Мысли* отводилось почетное мѣсто. Ему посвящено было въ журналѣ нѣсколько самостоятельныхъ и многосторонніхъ изслѣдованій. Мы говоримъ о расколѣ.

Газета *Старообрядецъ*, издаваемая въ Галиціи, сообщила слѣдующее печальное извѣстіе, которое перешло во всѣ почти русскія газеты: старообрядцы въ той части Бессарабіи, которая присоединена къ Россіи по бер-

*) *Земство*, № 17.

линскому трактату, собираются покинуть родину,—такъ тяжело ихъ положеніе. «Эта часть Бессарабіи,—говоритъ *Голосъ* (№ 84),—заключаетъ въ себѣ около 30.000 русскаго старообрядческаго населенія. Находясь подъ румынскою властью, они пользовались полною свободой вѣроисповѣданія. Когда они отошли къ намъ, у нихъ имѣлись одинъ архіерей, 14 священниковъ, столько же церквей и два монастыря. Съ присоединеніемъ къ Россіи для бессарабскихъ старообрядцевъ начались стѣсненія.

«Какъ извѣстно, у насъ преслѣдуется публичное оказательство раскола. И вотъ, чтобы не было такого «оказательства», мѣстныя власти, руководствуясь существующими правилами, запрещаютъ старообрядцамъ крестные ходы, звонъ въ колокола въ ихъ церквахъ, — запрещаютъ имъ отправлять публично обряды своего богослуженія, къ которымъ мѣстное населеніе привыкло подъ румынскимъ владычествомъ. Въ средѣ старообрядцевъ распространились слухи, что церкви ихъ будутъ запечатаны, что ихъ священниковъ и архіерея «упрячутъ въ Суздаль» и проч. и проч. Вотъ причины, заставляющія бессарабскихъ старообрядцевъ глубоко жалѣть о томъ времени, когда ихъ исповѣданіе было поставлено подъ гарантію румынскаго закона.

«Съ своей стороны, не можемъ не пожалѣть съ глубокимъ сердечнымъ сокрушеніемъ, что дурная постановка вѣроисповѣднаго вопроса производитъ такія прискорбныя, тяжко-болѣзненныя явленія. Бывшіе долгое время подъ властью Румыніи русскіе старообрядцы, дѣти Русской земли, возвращаются въ лоно своей родины, въ государственное единеніе съ народомъ, котораго они составляютъ часть по своему происхожденію. И вотъ ихъ духовная и племенная родина, ихъ новое отечество оказывается для нихъ злою мачихой: отнимаетъ у нихъ самое драгоцѣнное право — право молиться Богу по обычаю ихъ отцовъ и дѣдовъ!... Эти люди подъ иноземнымъ владычествомъ свободно и открыто отправляли свое богослуженіе; теперь же, перешедши отъ иноземнаго владычества къ родному, они съ вѣрою своею должны таиться, не оказывать ея публично. Трудно допустить, чтобы могло найтись болѣе очевидное доказательство всей несостоятельности, въ какую поставлены отношенія государства и церкви къ расколу, и всей необходимости коренныхъ измѣненій въ этихъ отношеніяхъ».

На Россію съ надеждою смотрятъ славянскія племена, думая найти въ ней защиту отъ несправедливыхъ мадьяро-нѣмецкихъ притязаній. Пожелать родинѣ высокаго подъема духа, пожелать ей могучаго развитія свободной личности, честно, законно работающей на общую пользу,—долженъ каждый русскій человѣкъ. Но создать условія для подобнаго развитія въ настоящее время можетъ только высшее правительство. Безспорно, что учрежденія не въ состояніи мгновенно пересоздать запуганнаго въ общественномъ отношеніи, а потому разнузданнаго въ другихъ отношеніяхъ, неустойчиваго, слабаго волей человѣка. Но самоусовершен-

ствованіе *для государства, для общества*, не мыслимо безъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ государства. Чтобы достигнуть идеальнаго совершенства въ личныхъ помыслахъ, чтобы сдѣлать свою жизнь безупречною съ этой стороны, можно покинуть міръ, съ его тревогами и соблазнами. Но общественный дѣятель, каждый гражданинъ долженъ бороться съ этими соблазнами, побѣждать ихъ. Мы привыкли обо всемъ судить и рядить по газетамъ и журналамъ и не имѣть понятія о дѣйствительныхъ затрудненіяхъ при осуществленіи прекрасныхъ идей, о дѣйствительныхъ запросахъ жизни. Наша мысль насильственно разъединена отъ нашего образа дѣйствій, и либераламъ въ этомъ отношеніи неизмѣримо тяжелѣе живется, чѣмъ строгимъ защитникамъ существующаго строя. Но наше завѣтное желаніе, конечно, совпадаетъ съ желаніемъ честной и разумной части нашихъ противниковъ. Оно заключается въ томъ, чтобы для родины наступилъ покой, но не мертвенный, а дающій широкій просторъ добросовѣстной работѣ мысли и дѣятельности каждаго.

Мы кончили это обозрѣніе, когда былъ полученъ № *Московскихъ Вѣдомостей* съ письмомъ профессора В. И. Герье. Письмо это заключаетъ въ себѣ такой добрый урокъ классическимъ педагогамъ, что мы перепечатываемъ его съ особеннымъ удовольствіемъ.

«Господинъ редакторъ!

«Въ № 97 *Московскихъ Вѣдомостей* вы просите «компетентныхъ лицъ» отвѣтить вамъ на слѣдующій вопросъ, считая разъясненіе его *полезнымъ*:

«Правда ли, что когда на женскихъ курсахъ сто дѣвицъ настаивали предъ начальствомъ на удаленіи пятерыхъ изъ своей среды, оскорбившихъ возмутительною выходкой ихъ патріотическое чувство, то начальство совѣтовало имъ прекратить это ходатайство, такъ какъ-де оно можетъ привести къ закрытію курсовъ?»

«Подобнаго коллективнаго заявленія отъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ я никогда не получалъ и приписаннаго мнѣ совѣта имъ не давалъ. Что же касается моихъ личныхъ объясненій съ нѣкоторыми изъ слушательницъ, то это не представляетъ интереса съ той политической точки зрѣнія, которая, повидимому, заставила васъ по поводу университета вспомнить о высшихъ женскихъ курсахъ и сдѣлать мнѣ запросъ о нихъ вторично. Если же вами руководитъ педагогическій интересъ, то я готовъ удовлетворить вашему любопытству, когда предварительно получу разрѣшеніе слѣдующихъ трехъ вопросовъ:

«1) Не думаете ли вы, что обсужденіе въ газетахъ всего того, что происходитъ въ стѣнахъ женскаго учебнаго учрежденія, можетъ вызвать и здѣсь въ учащейся молодежи мысль, будто бы она призвана рѣшать общественныя дѣла и играть общественную роль,—мысль, которая служитъ главнымъ источникомъ безурядицы въ нашихъ университетахъ?

«2) Полагаете ли вы, что лица, руководящія учебными заведеніями, обязаны давать отчетъ печатно всякой газетѣ по всякому вопросу, обращенному къ нимъ на основаніи невѣрныхъ и не провѣренныхъ слуховъ, случайно доходящихъ до редакцій?

«3) Считаете ли вы умѣстнымъ со стороны лицъ завѣдующихъ учебными заведеніями разглашать сдѣланныя ими дисциплинарныя распоряженія и этимъ подвергать дѣвушекъ, доброе имя которыхъ дорого и для ихъ семействъ, сплетнямъ и газетнымъ пересудамъ?

«Учредитель высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ В. Герье.

„8 апрѣля 1881 года".

Говорить такъ, какъ говоритъ въ данномъ случаѣ профессоръ Герье, можетъ только человѣкъ искренне преданный воспитанію юношества. Какая непроходимая бездна отдѣляетъ языкъ и образъ дѣйствія почтеннаго профессора отъ пріемовъ *Московскихъ Вѣдомостей*, — понятно всякому.

В. Г.

---

2. О выкупныхъ платежахъ.

Просматривая, недавно вышедшее, второе изданіе книги пр. Янсона: «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ», мы нашли въ немъ любопытное примѣчаніе полемическаго свойства. «У насъ, — говоритъ авторъ, — есть до сихъ поръ еще помѣщики, которые убѣждены, что выкупъ былъ не только выкупомъ земли, но и выкупомъ личныхъ повинностей. Имъ не мѣшало бы вспомнить, что, еще во время работъ губернскихъ комитетовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ обращалъ ихъ вниманіе на то, что «*Императоръ неоднократно уже призналъ, что личность крестьянина и обязательный его трудъ выкупу подлежать не могутъ*». Эта полемическая замѣтка любопытна тѣмъ, что ея не было въ первомъ изданіи книги Янсона (1877 г.). Тогда не съ кѣмъ и не для чего было полемизировать г. Янсону. Помѣщикъ не заикался о томъ, что крестьяне уплачиваютъ выкупъ лежавшихъ на нихъ личныхъ повинностей въ пользу владѣльца,—онъ или жаловался на несправедливость, оказанную ему реформою 19 февраля 1861 года, или трубилъ въ златокованныя трубы о безкорыстіи и самоотверженіи благороднаго россійскаго дворянства, добровольно отказавшагося отъ вознагражденія за обязательный трудъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ какъ горю помѣщиковъ никто не сочувствовалъ, то они горевали безмолвно, предаваясь наединѣ печальнымъ воспоминаніямъ о невозвратно минувшей привольной жизни. Если же являлась надобность въ слухъ обращаться къ воспоминаніямъ прошлаго, то изъ устъ помѣщиковъ лились ме-

довыл рѣчи о благородномъ *подвигѣ* дворянства, принесшаго свое достояніе на *алтарь отечества*. «Благородный подвигъ» и «алтарь отечества» сдѣлались обычною принадлежностью каждаго торжественнаго дворянскаго обѣда, на которымъ проѣдались выкупныя свидѣтельства. Это постоянное повтореніе одного и того же пріучило общество къ мысли о «благородномъ подвигѣ» и «алтарѣ отечества», какъ будто это были факты, имѣвшіе мѣсто въ дѣйствительности. Да и какое намъ было дѣло до того, принесло ли дворянство жертву на алтарь отечества, или, напротивъ, отъ того же алтаря что-нибудь позаимствовало?... Какъ бы тамъ ни было, а дѣло сдѣлано,—у крестьянъ нельзя отнять свободу, а у помѣщиковъ—выкупныя свидѣтельства. Въ обществѣ не возникало по этому поводу ни вопросовъ, ни сомнѣній, и никому не приходила въ голову пустая затѣя оспаривать застольныя самовосхваленія помѣщиковъ.

Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ и, наконецъ, въ правительственныхъ сферахъ не выяснилось и не окрѣпло сознаніе неотложной необходимости уменьшить лежащіе на крестьянахъ выкупные платежи и вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно прекратить существующія до настоящей поры временно-обязанныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, посредствомъ обязательнаго выкупа надѣловъ. Къ январю 1878 года во временно-обязанныхъ отношеніяхъ оставалось 1.882.696 крестьянъ съ 6.657.919 десятинъ земельнаго надѣла. Помѣщики сами желаютъ прекратить эти двусмысленныя, полукрѣпостныя отношенія къ крестьянамъ, такъ что нѣкоторыя дворянскія собранія прямо высказались за обязательный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ. Но тутъ самъ собою рождается вопросъ: не должны ли помѣщики получить выкупную сумму въ меньшемъ размѣрѣ противъ прежняго? Какъ скоро признано, что выкупные платежи, лежащіе на крестьянахъ, вышедшихъ на выкупъ, превышаютъ средства плательщиковъ и потому непремѣнно должны быть уменьшены, то нѣтъ никакого основанія взваливать на теперешнихъ временно-обязанныхъ крестьянъ ту же непосильную тяжесть, которая подлежитъ уменьшенію для крестьянъ уже вышедшихъ на выкупъ. Непосильная тяжесть выкупныхъ платежей объясняется тѣмъ, что они далеко превышаютъ доходность выкупаемыхъ крестьянами надѣловъ. Отсюда возникаетъ требованіе, чтобы выкупные платежи были приведены въ соразмѣрность съ цѣнностью и доходностью земли. Въ примѣненіи къ крестьянамъ, еще не вышедшимъ на выкупъ, это требованіе не равняется ли уменьшенію выкупной суммы, которую должны получить помѣщики,—не бьетъ ли оно ихъ по карману? Кромѣ того, даже самое уменьшеніе выкупныхъ платежей для тѣхъ крестьянъ, которые уже вышли на выкупъ, не совсѣмъ желательно съ точки зрѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ. Система крупнаго земледѣльческаго хозяйства у насъ основана на самой безцеремонной эксплоатаціи крестьянской бѣдности. Часто случается, что крестьяне нарочно доводятся до раззоренія сосѣдними землевладѣльцами съ тою цѣлью-

чтобы владѣльческія хозяйства всегда имѣли достаточное количество дешевыхъ батраковъ. Улучшеніе экономическаго положенія крестьянъ избавитъ ихъ отъ необходимости вступать въ невыгодныя сдѣлки при продажѣ труда сосѣднимъ землевладѣльцамъ и дастъ возможность и средства выдерживать борьбу за свои интересы, въ настоящее время совершенно беззащитные. Поэтому уменьшеніе выкупныхъ платежей, какъ и всякая другая мѣра къ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ, не можетъ встрѣтить себѣ поддержку въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Но, съ другой стороны, число представителей крупной и даже средней величины поземельной собственности у насъ до такой степени ничтожно, интересы ихъ до того чужды всей массѣ народа и интеллигентнаго общества, что они сами чувствуютъ свое безсиліе и, изъ опасенія возбудить противъ себя общественное мнѣніе, стѣсняются откровенно высказывать все, что у нихъ на душѣ. Оттого они такъ долго молчали по вопросу объ уменьшеніи выкупныхъ платежей. Но вотъ г. Самаринъ выступилъ съ теоріей, могущей служить защитой интересовъ небольшой кучки лицъ, для которыхъ представляется невыгоднымъ разрѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ благопріятномъ для крестьянъ.

Требованіе уменьшенія выкупныхъ платежей исходитъ изъ того основнаго принципа, что вся выкупная операція есть выкупъ земли, перешедшей отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Крестьяне должны уплатить стоимость полученной ими въ надѣлъ земли, но не платятъ выкупа за существовавшія при крѣпостномъ правѣ повинности въ пользу владѣльца. Между тѣмъ выкупные платежи во многихъ мѣстахъ превышаютъ стоимость земли, такъ что помѣщики получили выкупную сумму въ количествѣ большемъ, чѣмъ слѣдовало имъ по справедливости, а крестьяне вынуждены платить за землю болѣе, чѣмъ стоитъ она. Справедливость требуетъ уменьшить выкупные платежи на столько, чтобъ они соотвѣтствовали стоимости выкупаемой крестьянами земли. Но и на этомъ нельзя останавливаться, а необходимо принять въ соображеніе доходность выкупаемыхъ надѣловъ, какъ источникъ для пріобрѣтенія средствъ къ существованію и для уплаты всѣхъ повинностей. Если доходность надѣла слишкомъ низка, такъ что крестьянинъ становится несостоятельнымъ къ полной уплатѣ всѣхъ повинностей, то является необходимость уменьшить послѣднія и для этого наиболѣе вѣрнымъ и справедливымъ средствомъ представляется сокращеніе выкупныхъ платежей. Такъ именно смотритъ на вопросъ о выкупныхъ платежахъ благомыслящая часть общества, которая желаетъ, чтобы, путемъ необременительнаго для крестьянъ выкупа надѣловъ, послѣдовало возможно скорѣйшее уравненіе крестьянскихъ земель, въ отношеніи лежащихъ на нихъ платежей, съ землями частнаго владѣнія. Иной взглядъ проводитъ г. Самаринъ. Онъ исходитъ изъ того положенія, что «*выкупная операція никогда не была и не могла быть выкупомъ собственно земли, а была выкупомъ повинности*, ло-

живущейся частью на землю, частью на лицо». Практическій выводъ отсюда ясенъ: требованіе, чтобы выкупные платежи соотвѣтствовали стоимости выкупаемой земли, не имѣетъ прочнаго основанія, а потому стоимость земли не можетъ служить нормою для уменьшенія размѣра платежей. Если же выкупные платежи не могутъ быть приравнены къ стоимости земли и по праву должны превышать ее, то тѣмъ болѣе не представляется основаній ограничивать размѣръ ихъ на основаніи разсчетовъ о доходности земли; «*уменьшеніе платежей* должно быть *соразмѣрно со средствами крестьянъ, изъ какихъ бы источниковъ средства для платежа повинностей ни добывались крестьянами*». Отсюда естественно возникаетъ требованіе, чтобы выкупные платежи были уменьшены въ тѣхъ только обществахъ, «въ которыхъ они превышаютъ платежныя средства крестьянъ и въ которыхъ поэтому происходитъ постоянное накопленіе безнадежныхъ ко взысканію недоимокъ». Другими словами, нормою для опредѣленія размѣра платежей должна служить продуктивность труда при крайнемъ, возможномъ для человѣка, напряженіи рабочей силы. Это крайнее напряженіе рабочей силы, съ цѣлію пріобрѣтенія средствъ для платежа повинностей помимо дохода отъ надѣльной земли, не должно быть ограничено никакимъ срокомъ. «Справедливо ли,—спрашиваетъ г. Самаринъ,—обременять бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ тяжелымъ выкупомъ лежащей на нихъ повинности и вести дѣло къ полному упраздненію ея въ будущемъ, и въ то же время утверждать оброкъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ видѣ хотя и безсрочной, но довольно умѣренной подати государственной? По нашему мнѣнію, если финансы дозволяютъ принять на счетъ государства часть платежей, лежащихъ на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ, то слѣдовало бы поставить себѣ цѣлью не уравненіе выкупныхъ платежей съ арендными цѣнами на землю, а уравненіе повинностей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ повинностями бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Цѣль эта могла бы быть достигнута посредствомъ постепенной, согласованной со средствами государства, замѣны выкупныхъ платежей оброчною податью». Такимъ образомъ выходитъ, что размѣръ крестьянскихъ платежей не долженъ быть ограниченъ соображеніями о доходности надѣла; крестьяне должны быть обложены такъ, чтобы нуждались въ постороннихъ заработкахъ, а чрезъ это крупные землевладѣльцы не терпѣли недостатка въ рабочихъ и могли бы удерживать рабочую плату на низкомъ уровнѣ. Чтобъ удержать такой порядокъ на вѣчныя времена, слѣдуетъ совершенно отмѣнить выкупъ крестьянскихъ надѣловъ въ теченіе извѣстнаго срока, по истеченіи котораго крестьянская земля, въ отношеніи лежащихъ на ней платежей, уравнивается съ землями частнаго владѣнія. Взамѣнъ выкупныхъ платежей слѣдуетъ обложить крестьянъ безсрочною оброчною податью, которая, уменьшая доходность крестьянской земли по сравненію съ землями частнаго владѣнія, тѣмъ самымъ дастъ новое громадное преимущество крупному землевладѣ-

нію предъ мелкимъ, крестьянскимъ. При этомъ нѣтъ надобности спѣшить замѣною выкупныхъ платежей оброчною податью, но слѣдуетъ достигнуть этого *постепенно*, *согласно со средствами государства*, т. е. можно взимать выкупные платежи, пока средства государства не позволятъ ограничиться меньшимъ доходомъ, такъ что, въ противномъ случаѣ, можно протянуть выкупные платежи безсрочно, стоитъ только назвать ихъ оброчною податью. Проектъ г. Самарина можетъ служить лишь къ возрожденію въ новомъ видѣ крѣпостнаго права.

Еслибы, согласно съ мнѣніемъ г. Самарина, возможно было допустить, что выкупная операція есть выкупъ не земли, но повинности, лежавшей на крестьянахъ при крѣпостномъ правѣ, то тѣмъ самымъ слѣдовало бы признать, что крестьяне обязаны выкупить повинность независимо отъ выкупа земли, такъ что выкупъ повинности для нихъ обязателенъ даже въ случаѣ отказа отъ земли. На самомъ же дѣлѣ Положеніе 19 февраля предоставляло крестьянамъ право отказаться отъ земли и въ такомъ случаѣ они не платятъ выкупныхъ платежей, не выкупаютъ повинности, лежавшей на нихъ при существованіи крѣпостнаго права. Выкупные платежи лежатъ не на всѣхъ крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости по манифесту 19 февраля 1861 г., но только на тѣхъ, которые получили въ надѣлъ опредѣленное количество земли. Отсюда ясно, что крестьяне, получившіе надѣлъ, обязаны выкупить не повинность, лежавшую на нихъ при крѣпостномъ правѣ, но землю, отошедшую къ нимъ изъ владѣнія помѣщиковъ. Такой взглядъ на выкупъ находитъ себѣ подтвержденіе въ многочисленныхъ, приведенныхъ профессоромъ Янсономъ, ссылкахъ на законы и правительственныя разъясненія, которыя до такой степени убѣдительны, что г. Самаринъ не можетъ истолковать ихъ въ иномъ смыслѣ. Съ точки зрѣнія строго юридической, основанной исключительно на законѣ, невозможно иначе смотрѣть на выкупные платежи, какъ на выкупъ земли, отошедшей въ надѣлъ крестьянамъ. Но если мы сойдемъ съ юридической почвы въ область фактовъ, то увидимъ, что выкупные платежи превышаютъ цѣнность выкупаемыхъ надѣловъ, такъ что, кромѣ дѣйствительной цѣнности земли, въ нихъ какъ будто вошла еще какая-то неизвѣстная цѣнность. И дѣйствительно, въ соображеніяхъ редакціонныхъ коммиссій мы находимъ указаніе, что при опредѣленіи величины повинностей, слѣдующихъ съ крестьянъ за земли, отводимыя имъ въ надѣлъ, она была соразмѣрена не съ цѣнностью земли, но съ величиною повинностей, которыя отбывались крестьянами въ пользу помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ. «Еслибы было принято за правило,—говорятъ коммиссіи,—при опредѣленіи будущихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, доискиваться повсемѣстнаго уравненія цѣнности повинностей съ цѣнностью надѣла, или подводить надѣлъ и повинности подъ какое бы то ни было предустановленное отношеніе, то *въ иныхъ мѣстностяхъ*, *конечно*, *ограниченныхъ*, довелось бы, можетъ-быть,

увеличить тягости, лежащія на крестьянахъ; *въ большей же части случаевъ*, наоборотъ, помѣщики не выдержали бы крутаго экономическаго кризиса и, вообще, потери послѣднихъ разложились бы крайне неравномѣрно». Такимъ образомъ редакціонныя коммиссіи, отказавшись отъ мысли опредѣлить величину повинностей соразмѣрно съ цѣнностью надѣла, признали необходимымъ, въ интересахъ помѣщиковъ, соразмѣрить ее съ величиной тѣхъ оброковъ и повинностей, которыми крестьяне были обложены при крѣпостномъ правѣ. Чрезъ это произошла та ужасная путаница, въ которой намъ приходится теперь разбираться. По смыслу закона, крестьяне выкупаютъ надѣлъ, землю, отошедшую къ нимъ отъ помѣщиковъ, а на самомъ дѣлѣ они платятъ выкупъ за существовавшія при крѣпостномъ правѣ повинности въ пользу помѣщиковъ; de jure выходитъ одно, а de facto—совсѣмъ другое. Какъ же теперь намъ разобраться въ этой путаницѣ? Какъ скоро фактъ совершился, то уже нѣтъ возможности вернуть прошлаго. Если крестьяне до сихъ поръ платили выкупъ повинностей, тогда какъ по смыслу закона должны бы были платить выкупъ надѣла, то намъ остается теперь махнуть рукою на то, что было, а на будущее время возстановить законное теченіе дѣлъ.

Несомнѣнно, что, по прямому смыслу закона, крестьяне обязаны платить выкупъ *за отведенный имъ надѣлъ*, а не за повинность, лежавшую на нихъ при крѣпостномъ правѣ. Поэтому будетъ совершенно законно и справедливо соразмѣрить прежде всего выкупъ съ цѣнностью выкупаемой земли, гдѣ стоимость ея ниже выкупной суммы. Но еслибы даже признать справедливость мнѣнія г. Самарина, что выкупная операція есть выкупъ повинности, то и въ такомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній удерживать дальнѣйшее существованіе этой повинности въ видѣ ли безсрочной оброчной подати, или же въ видѣ продолжающагося, въ теченіе извѣстнаго срока, выкупа повинности. Г. Самаринъ самъ же обмолвился замѣчаніемъ, которое мы приводимъ, какъ одинъ изъ аргументовъ въ пользу отмѣны повинности. По словамъ его, «повинность, по происхожденію своему, предшествовала у насъ праву собственности на землю и не только не была послѣдствіемъ этого права, но, наоборотъ, создала его. *Для того*, чтобы крестьяне имѣли возможность нести тягло, имъ давалась земля точно такъ же, какъ помѣщики получали помѣстья и вотчины *для того*, чтобъ они исправно отбывали службу; съ этою же цѣлію, въ концѣ XVI вѣка, крестьяне прикрѣплены были къ землѣ, а прикрѣпленіе силою вещей обратилось въ рабство. Такимъ образомъ повинность является исходнымъ началомъ и для владѣнія крестьянъ землею, и для права собственности на нее помѣщиковъ, и для крѣпостнаго права». Спрашивается: что сталось съ повинностью помѣщиковъ отбывать государственную службу?—Она болѣе не существуетъ, она отмѣнена государственною властью, причемъ помѣщики безъ всякаго выкупа удержали свои помѣстья и вотчины на правахъ собственности. Если дворянство

безъ выкупа было освобождено отъ лежавшей на немъ повинности, то значитъ государство не только имѣетъ право отмѣнить повинность, но и обязано сдѣлать это въ отношеніи къ крестьянамъ, чтобы тѣмъ самымъ соблюсти принципъ равноправности гражданъ, сдѣлавшійся въ настоящее время достояніемъ всего цивилизованнаго міра.

Отмѣнять повинность, лежавшую на крестьянахъ при существованіи крѣпостнаго права, теперь нѣтъ надобности, потому что она отмѣнена манифестомъ 19 февраля 1861 года. Крестьяне выкупаютъ не повинность, но землю, отведенную въ надѣлъ имъ, и первый, элементарный долгъ справедливости требуетъ уравнять выкупные платежи съ дѣйствительною цѣнностью надѣловъ. Но и при соблюденіи этого условія можетъ случиться такъ, что ежегодный выкупной платежъ будетъ превышать ежегодный чистый доходъ отъ выкупаемаго надѣла. Между тѣмъ законъ имѣлъ въ виду, чтобы выкупные платежи покрывались исключительно доходомъ отъ выкупаемаго надѣла, а не сторонними заработками, какъ желалъ бы г. Самаринъ и какъ на самомъ дѣлѣ бываетъ въ настоящее время. Въ статьѣ 3 Общаго положенія сказано: «Помѣщики предоставляютъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе крестьянъ усадебную ихъ осѣдлость и, сверхъ того, *для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ*, то количество полевой земли и другихъ угодій, какое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ мѣстныхъ Положеніяхъ». Ясно, что по смыслу закона, доходъ отъ надѣла долженъ давать средства *для обезпеченія быта крестьянъ*, т. е. для удовлетворенія ихъ обычныхъ потребностей, и покрывать расходы *по выполненію обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ*, т. е. по уплатѣ налоговъ и выкупныхъ платежей. Г. Самаринъ, напротивъ, полагаетъ, что «не теоретическія соображенія объ уравненіи выкупныхъ платежей съ доходностью земли слѣдуетъ имѣть въ виду, а уменьшеніе этихъ платежей соразмѣрно со средствами крестьянъ тамъ, гдѣ въ этомъ оказывается необходимость, изъ какихъ бы источниковъ средства для платежа повинностей ни добывались крестьянами». Онъ отлично понимаетъ, какая существенная разница заключается въ опредѣленіи размѣра выкупныхъ платежей соразмѣрно доходности земли, или же соразмѣрно со средствами крестьянъ. Пользуясь однимъ неудачнымъ выраженіемъ профессора Янсона, онъ говоритъ: «средства для своего существованія крестьяне получаютъ не отъ одной земли, но и отъ промысловъ; очевидно, слѣдовательно, что еслибы для переоброчки было принято основаніе предлагаемое г. Янсономъ—уравненіе выкупныхъ платежей со средствами крестьянъ, то отъ этого неминуемо послѣдовало бы увеличеніе поземельныхъ повинностей крестьянъ не только въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ цѣна на землю удвоилась и даже утроилась, но и въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ особенно развиты промыслы». Не странно ли, что г. Самаринъ предлагаетъ

узаконить ту же соразмѣрность платежей со средствами, которую онъ какъ бы ставитъ въ вину профессору Янсону?... Мы ранѣе уже указали, къ чему приводитъ требованіе соразмѣрить платежи со средствами крестьянъ, т. е. съ доходомъ какъ отъ земли, такъ и отъ сторонніхъ заработковъ. Для выполненія его необходимо заранѣе опредѣлить норму дохода отъ земли и промысловаго труда и тѣмъ самымъ поставить человѣка въ необходимость заработывать не менѣе нормальнаго дохода. Эта необходимость во что бы то ни стало продать трудъ капиталисту (а какія же у насъ еще сторонніе заработки?) уничтожаетъ свободу работника при опредѣленіи величины заработной платы. Громадная масса работниковъ, обязанная по закону добывать средства для уплаты повинностей посредствомъ продажи труда, наводняетъ собою рынокъ, такъ что предложеніе труда получаетъ перевѣсъ надъ спросомъ и клонитъ заработную плату къ пониженію до уровня, опредѣляемаго величиною обычныхъ потребностей. Такимъ образомъ требованіе соразмѣрить платежи крестьянъ со средствами, откуда бы послѣднія ни добывались, въ концѣ концовъ должно вести къ регулированію заработной платы съ ущербомъ для работника и съ выгодою для капиталиста. Тогда крупный землевладѣлецъ всегда будетъ имѣть нужное количество рабочихъ для своихъ имѣній *) и вознаграждать ихъ искуственно-пониженною платою. Но, къ сожалѣнію, нельзя исполнить требованія объ установленіи крестьянскихъ платежей соразмѣрно со средствами, откуда бы послѣднія ни добывались. Промысловые заработки крестьянъ отъ продажи труда не поддаются правильному обложенію, — они до такой степени непостоянны и выгоды отъ нихъ такъ неравномѣрно распредѣлены между отдѣльными лицами, что не представляется никакой возможности достигнуть уравнительнаго обложенія всей массы крестьянскихъ доходовъ. Для выясненія этой невозможности мы ограничимся указаніемъ только одного примѣра. На Сѣверѣ главный промысловый заработокъ крестьянскаго населенія получается отъ лѣсопромышленности, т. е. отъ рубки, вывозки и выгонки лѣсовъ. По цѣлымъ губерніямъ и даже по уѣздамъ заработокъ крестьянъ отъ лѣсопромышленности имѣетъ постоянную, изъ года въ годъ повторяющуюся съ ничтожными колебаніями, величину. Взятый самъ по себѣ въ изолированномъ видѣ, онъ способенъ сдѣлаться предметомъ обложенія, хотя и тутъ будетъ предстоять множество затрудненій и принципъ справедливости будетъ нарушенъ. Но если, въ видахъ податнаго обложенія, мы вздумаемъ слить этотъ заработокъ съ общею массой крестьянскихъ доходовъ, то онъ или совсѣмъ ускользнетъ отъ обложенія, или налогъ будетъ падать не на тѣхъ лицъ, которыя пользуются доходомъ. Дѣло въ томъ, что заработокъ отъ лѣсопромышленности представляетъ постоянную величину только въ обширномъ районѣ, напр., въ уѣздѣ.

*) *Рус. Кур.* 1881 г. № 19, ст. Португалова: „Гибель самарской житницы".

Но если въ предѣлахъ одного уѣзда мы возмемъ отдѣльныя волости, не говоря уже о сельскихъ обществахъ, то здѣсь заработокъ ежегодно подверженъ самымъ рѣзкимъ колебаніямъ: онъ то внезапно исчезаетъ, то опять появляется, то чрезмѣрно увеличивается, то сокращается до ничтожной величины. Это происходитъ отъ того, что лѣсныя работы постоянно переходятъ съ одного мѣста на другое и даютъ заработокъ только селеніямъ ближайшимъ къ мѣсту работъ. По мѣрѣ того, какъ лѣсопромышленникъ переноситъ работы на новое мѣсто, переходитъ и заработокъ отъ однихъ крестьянъ къ другимъ. При такихъ условіяхъ есть ли какая-нибудь возможность строго провести принципъ, чтобы платежи были соразмѣрены со средствами крестьянъ, откуда бы ни добывались эти средства?—Нѣтъ, нельзя слить во-едино постоянный доходъ отъ земли съ непостояннымъ доходомъ отъ лѣсопромышленности, чтобъ этимъ путемъ опредѣлить размѣръ платежей сообразно *со средствами* крестьянъ. Если же при опредѣленіи размѣра платежа будутъ принимаемы въ соображеніе, кромѣ дохода отъ земли, только постоянные промысловые заработки крестьянъ, тогда платежи будутъ падать на крестьянъ не уравнительно и не соразмѣрно со средствами. Въ этомъ случаѣ крестьяне, имѣющіе постоянные заработки, будутъ обложены тяжелѣе сосѣднихъ крестьянъ, имѣющихъ такіе не постоянные заработки, какъ доходъ отъ лѣсныхъ работъ. Справедливость требуетъ, чтобы, при обложеніи, промысловые заработки не были смѣшиваемы съ доходомъ отъ земли и чтобы для опредѣленія размѣра выкупныхъ платежей была принята въ соображеніе доходность выкупаемой земли, но не доходы крестьянина отъ продажи личнаго труда на сторонѣ.

Практическимъ послѣдствіемъ признанія выкупныхъ платежей за выкупъ надѣла является не одно только требованіе уменьшить величину ихъ сообразно со стоимостью выкупаемой земли. Какъ скоро будетъ признано, что для крестьянъ обязательно уплатить только стоимость земли, то это значитъ, что должна быть уменьшена до принятой нормы величина всей выкупной суммы, записанной долгомъ на крестьянахъ. Наоборотъ, если мы признаемъ, что крестьяне обязаны выкупить лежавшую на нихъ при крѣпостномъ правѣ повинность по существующей, будто бы справедливо сдѣланной, оцѣнкѣ, тогда нѣтъ основанія для уменьшенія величины всей выкупной суммы. Въ первомъ случаѣ уменьшеніе размѣра ежегодныхъ платежей можетъ быть сдѣлано въ предѣлахъ опредѣленнаго въ законѣ сорока-девяти-лѣтняго срока (замѣтимъ, срокъ чудовищно-громадный), а во второмъ случаѣ уменьшеніе возможно только подъ условіемъ продленія срока. Продолжительность срока, назначеннаго для уплаты выкупныхъ платежей, имѣетъ самое существенное значеніе въ занимающемъ насъ вопросѣ. Какъ скоро окончится выкупъ, то крестьянская земля, въ отношеніи лежащихъ на ней платежей, совершенно сравняется съ землями частнаго владѣнія, а до тѣхъ поръ земля частнаго землевладѣльца будетъ находиться въ привиле-

гированномъ положеніи сравнительно съ сосѣднею землею крестьянъ. При теперешнемъ положеніи дѣлъ, когда крестьянская земля обремененa выкупными платежами, не представляется возможности привлечь ее еще къ платежу новаго поземельнаго налога, уравнительно падающаго какъ на крестьянскія земли, такъ и на земли частнаго владѣнія. Крестьянскія земли не въ силахъ вынести еще новаго налога, сверхъ существующихъ платежей. Земли же частнаго владѣнія не могутъ быть привлечены къ уплатѣ новаго поземельнаго налога съ освобожденіемъ отъ нея крестьянскихъ земель, потому что такое обложеніе, разсматриваемое съ усвоенной обществомъ традиціонной точки зрѣнія, было бы несправедливостью. Вообще, доколѣ признается справедливымъ, чтобы крестьяне платили выкупъ за землю,—пока, слѣдовательно, государство строго и рѣшительно не держится системы исключительнаго покровительства крестьянскому землевладѣнію, до тѣхъ поръ нѣтъ никакихъ основаній разсчитывать на возможность обложенія налогомъ земель частнаго владѣнія безъ привлеченія къ тому же налогу крестьянскихъ земель. Поэтому вопросъ объ обложеніи земель частнаго владѣнія находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ способности крестьянскихъ земель вынести, сверхъ существующихъ платежей, новый поземельный налогъ наравнѣ съ частными землями. Отсюда понятно, что съ точки зрѣнія частныхъ землевладѣльцевъ весьма желательно, чтобы выкупные платежи, падающіе на однѣ крестьянскія земли, сохранялись въ теченіе возможно болѣе продолжительнаго срока. Увеличить срокъ выкупа надѣловъ—значитъ продлить для земель частнаго владѣнія срокъ льготы отъ налога, или, по крайней мѣрѣ, задержать величину налога на самомъ низкомъ уровнѣ, опредѣляемомъ способностью крестьянскихъ земель вынести такой же налогъ, сверхъ существующихъ платежей. Но г. Самаринъ, не ограничиваясь этимъ, идетъ еще далѣе въ покровительствѣ частному землевладѣнію посредствомъ предоставленія ему льготъ по платежу налоговъ сравнительно съ крестьянскими землями. Онъ предлагаетъ отмѣнить выкупъ и замѣнить выкупные платежи безсрочною оброчною податью, къ платежу которой должны быть привлечены какъ бывшіе помѣщичьи, такъ и государственные крестьяне. Неминуемымъ послѣдствіемъ установленія такой подати, падающей на однѣ крестьянскія земли, должно быть то, что частныя земли будутъ *безсрочно* пользоваться существующею льготою отъ налоговъ. Такъ должно произойти по той причинѣ, что оброчная подать съ крестьянъ, основаніемъ которой служитъ невыкупленная ими повинность, не можетъ распространяться на свободныя отъ повинности земли частнаго владѣнія. Между тѣмъ эта подать, даже «довольно умѣренная», какъ предполагаетъ г. Самаринъ, все-таки будетъ лежать тяжестью, не позволяющею обложенной ею землѣ вынести новый поземельный налогъ, общій для земель какъ частнаго владѣнія, такъ и крестьянскихъ.

Г. Самаринъ въ одной изъ своихъ статей совершенно справедливо высказалъ увѣренность, что либеральная пресса не можетъ погладить его

по головкѣ за защиту мнѣнія, будто выкупъ былъ выкупомъ крѣпостнаго труда. Дальнѣйшее развитіе этого послѣдняго мнѣнія привело къ выводамъ чисто-крѣпостническимъ, равняющимся требованію, чтобы освобожденіе крестьянъ было пріостановлено, чтобы лежавшая на крестьянахъ при существованіи крѣпостнаго права повинность была сохранена въ видѣ безсрочной оброчной подати. Нельзя мириться съ такою мыслью. Слѣдуетъ желать не возрожденія крѣпостнаго права въ видоизмѣненной формѣ, но скорѣйшаго уничтоженія послѣднихъ слѣдовъ возмутительной исторической несправедливости. А для этого нужно лишить ее и послѣдней опоры, какую она можетъ найдти въ мнѣніи, будто выкупные платежи представляютъ выкупъ не земли, но повинности, лежавшей на крестьянахъ при крѣпостномъ правѣ, — нужно окончательно признать, что крестьяне свободны отъ повинности, что для нихъ обязательно выкупить только землю по оцѣнкѣ, не превышающей стоимость земли. Если этотъ принципъ не былъ строго проведенъ въ выкупномъ дѣлѣ, если оцѣнки были сдѣланы чрезвычайно высокія, далеко превышающія стоимость выкупаемой земли, то въ этомъ, строго говоря, нельзя винить ни одну изъ заинтересованныхъ сторонъ—ни крестьянъ, ни помѣщиковъ. Послѣдніе лишились громадныхъ выгодъ, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, такъ что, даже при принятой чрезмѣрно высокой оцѣнкѣ надѣловъ, все-таки они не были вполнѣ вознаграждены за это лишеніе. Притомъ же они получили вознагражденіе въ размѣрѣ, основанномъ на законѣ, исходящемъ отъ верховной государственной власти. Поэтому въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о лишеніи помѣщиковъ тѣхъ выгодъ, которыя предоставлены имъ на законномъ основаніи; въ отношеніи къ нимъ положеніе о выкупѣ должно сохранить полную силу. Но и крестьяне ни мало не виноваты въ томъ, что имъ приходится выкупать землю по оцѣнкѣ, далеко превышающей стоимость земли. Они не принимали никакого участія въ выработкѣ основаній для выкупа, ихъ мнѣнія и согласія никто не спрашивалъ,—имъ оставалось только безропотно подчиняться принудительной силѣ закона. Люди забитые и загнанные,—люди, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ изнывавшіе подъ тяжестью великой исторической неправды,—они покорно склонили головы предъ волею государственной власти. Ихъ обязали платить выкупъ въ извѣстномъ размѣрѣ—и они платили его, и будутъ платить до тѣхъ поръ, пока государство принудительно требуетъ платежей. Государство установило крѣпостное право,—оно же, найдя это установленіе несправедливымъ, отмѣнило его. Государство опредѣлило размѣръ выкупа, оно же можетъ признать этотъ размѣръ несправедливымъ и измѣнить его. Признаніе за помѣщиками права на выгоды, предоставленныя имъ положеніемъ о выкупѣ, не можетъ служить для государства основаніемъ къ сохраненію невыгодныхъ для крестьянъ сторонъ того же положенія. Если нельзя примириться съ обязанностью крестьянъ уплачивать выкупъ въ раз-

мѣрѣ, превышающемъ стоимость выкупаемаго надѣла и если эта обязанность является продолженіемъ той великой исторической несправедливости, которая держала крестьянъ въ многовѣковой крѣпостной зависимости, то государство не только имѣетъ право, но и обязано возстановить нарушенный по отношенію къ крестьянамъ принципъ справедливости въ выкупномъ дѣлѣ. Нужно, чтобы государство признало обязательнымъ для крестьянъ выкупъ въ размѣрѣ стоимости выкупаемой земли и сообразно съ этимъ уменьшило выкупные платежи. Что дѣйствительно стоила земля въ моментъ, когда она поступила въ крестьянскій надѣлъ, ту сумму крестьяне и должны уплатить въ видѣ выкупа, потому что въ тотъ именно моментъ она была, такъ сказать, запродана крестьянамъ. Но такъ какъ въ настоящее время опредѣленіе цѣнъ на землю, существовавшихъ двадцать лѣтъ тому назадъ, представляетъ бездну затрудненій и не можетъ быть сдѣлано съ точностью, то совершенно справедливо было бы опредѣлить размѣръ выкупныхъ платежей такъ, чтобъ они отнюдь не выходили изъ рамокъ теперешней доходности земли. Для этого нужно строго провести провозглашенный Положеніемъ 19 февраля 1861 г. принципъ, что надѣлъ долженъ давать средства для удовлетворенія обычныхъ потребностей крестьянъ и для уплаты повинностей. Если даже признать, что, по недостаточнымъ размѣрамъ надѣловъ, земля не можетъ прокормить всѣхъ крестьянскихъ семействъ, то и въ такомъ случаѣ указанный принципъ все-таки долженъ сохранить свою силу, хотя бы съ ограниченіями, вытекающими изъ несоотвѣтствія величины надѣла съ величиною рабочей силы въ крестьянскихъ семействахъ. Самое элементарное требованіе справедливости состоитъ въ томъ, чтобы работникъ, владѣющій землею въ количествѣ, соотвѣтственномъ рабочей силѣ его, доходомъ отъ труда на собственной землѣ уплачивалъ лежащія на землѣ повинности и пріобрѣталъ средства необходимыя для удовлетворенія обычныхъ потребностей какъ его самого, такъ и нерабочихъ членовъ семейства. Это требованіе, составляющее minimum возможныхъ уступокъ, должно быть удовлетворено во всякомъ случаѣ, такъ что, при опредѣленіи величины средствъ необходимыхъ для удовлетворенія обычныхъ потребностей, если не принимать въ разсчетъ всѣхъ рабочихъ и не рабочихъ членовъ поземельной общины, то во всякомъ случаѣ необходимо взять такое число полныхъ работниковъ, которое соотвѣтствуетъ величинѣ обрабатываемой земли, и къ нимъ присоединить соотвѣтствующее число нерабочихъ членовъ семейства. Словомъ, такъ, или иначе, необходимо опредѣлить новый, справедливый размѣръ платежей за выкупаемую крестьянами землю, чего можно достигнуть не ранѣе, какъ установивши общій принципъ, котораго слѣдуетъ строго держаться при такомъ опредѣленіи. Какой бы принципъ ни былъ избранъ для этого, все равно придется выработать извѣстную программу для изслѣдованія тѣхъ мѣстныхъ особенностей, благодаря которымъ размѣръ выкупа, опредѣляемый по одному

и тому же принципу, подверженъ колебаніямъ въ разныхъ мѣстахъ. Безъ такихъ изслѣдованій, которыхъ въ настоящее время еще не сдѣлано, невозможно даже приблизительно опредѣлить, до какой цифры можетъ дойти сумма ежегодныхъ выкупныхъ платежей, которые должны быть обязательными для крестьянъ взамѣнъ существующихъ платежей, какой бы при этомъ ни былъ принятъ принципъ для опредѣленія размѣра ихъ. Всего ближе было бы поручить подобныя изслѣдованія мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ, которыя, имѣя подъ руками предварительно составленную программу, могли бы быстро собрать и разработать всѣ необходимыя данныя.

Доколѣ не будетъ опредѣлена, хотя бы приблизительно, цифра ежегодныхъ выкупныхъ платежей, долженствующихъ замѣнить существующіе нынѣ платежи, до тѣхъ поръ мы не можемъ знать, на какую сумму вновь установленные платежи будутъ менѣе существующихъ, т. е. какъ великъ будетъ недоборъ по выкупнымъ платежамъ, для покрытія котораго необходимо изыскать средства. Между тѣмъ вопросъ о финансовыхъ средствахъ, для покрытія недобора по случаю уменьшенія выкупныхъ платежей, имѣетъ самое существенное значеніе, потому что отъ успѣшнаго разрѣшенія его зависитъ самая возможность уменьшенія выкупныхъ платежей въ томъ или другомъ размѣрѣ. Этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть разрѣшенъ до тѣхъ поръ, пока мы не знаемъ, какая именно сумма требуется для покрытія предполагаемаго недобора. Но въ то же время можно, не приходя ни къ какому окончательному выводу, указать на источники, которые слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ скоро окончательно выяснится размѣръ необходимой суммы. Печать уже указала, что, въ видахъ уменьшенія выкупныхъ платежей, можно воспользоваться запаснымъ капиталомъ выкупной операціи, составляющимъ около 15 милліоновъ рублей, и остаткомъ отъ ликвидаціонной операціи по прежнимъ кредитнымъ операціямъ въ размѣрѣ 87 милліоновъ рублей, что вмѣстѣ составитъ капиталъ въ 102 милліона рублей. Вотъ первый источникъ, которымъ можно воспользоваться, если только указанный капиталъ существуетъ въ дѣйствительности, а не представляетъ собою одну цифру, числящуюся по счетамъ. Затѣмъ въ печати много говорится о предполагаемомъ сокращеніи въ государственныхъ расходахъ, которымъ также можно было бы воспользоваться для покрытія изъ общихъ государственныхъ доходовъ предполагаемаго недобора по выкупнымъ платежамъ. Но мы уже давно слышали толки о сокращеніи расходовъ, основанные даже на документальныхъ заявленіяхъ правительства, а между тѣмъ, вмѣсто сокращенія, видимъ одно увеличеніе расходовъ. Поэтому было бы въ высшей мѣрѣ наивно вѣрить Богъ вѣсть откуда снова проникшей въ печать надеждѣ на сокращеніе расходовъ и основывать на этой зыбкой почвѣ какіе-нибудь практическіе разсчеты. Наконецъ, есть еще одинъ источникъ для покрытія недобора по выкупнымъ платежамъ — это увеличеніе государственныхъ доходовъ по-

средствомъ обращенія въ поземельный налогъ платимой нынѣ крестьянами подушной подати съ уравнительнымъ привлеченіемъ къ платежу такого же налога земель частнаго владѣнія и съ установленіемъ подоходнаго налога, взимаемаго съ прочихъ видовъ имущества. Такимъ путемъ не только можетъ быть найдена сумма, необходимая для возмѣщенія недобора по выкупнымъ платежамъ, но, что еще важнѣе, будетъ достигнуто, въ извѣстной степени, уравненіе тяжести платежей съ платежными силами всѣхъ безъ исключенія классовъ народа. Существованіе подушной подати представляетъ собою возмутительную историческую неправду. Вѣковыми подушными платежами крестьянъ создалось благосостояніе неподатныхъ классовъ и теперь историческая справедливость требуетъ, чтобы не только была отмѣнена подушная подать, но чтобъ имущественные классы, достигшіе благосостоянія путемъ государственнаго покровительства на счетъ крестьянскихъ платежей, помогли своимъ вѣковымъ кормильцамъ-крестьянамъ въ выкупѣ отведенныхъ имъ надѣловъ. Естественно, что такая помощь будетъ только временная,—весь смыслъ ея заключается только въ томъ, чтобы скорѣе достигнуть полнаго уравненія всѣхъ гражданъ въ отношеніи размѣра платежей, падающихъ на ихъ имущества и доходы. Скорѣйшее достиженіе этой цѣли должно стоять на первомъ планѣ при обсужденіи всѣхъ экономическихъ реформъ, какія предполагаются и могутъ быть предполагаемы правительствомъ. Между тѣмъ предлагаемое г. Самаринымъ установленіе безсрочной оброчной подати взамѣнъ выкупныхъ платежей идетъ въ разрѣзъ съ этою цѣлью,—оно на вѣки закрѣпляетъ неуравнительность крестьянскихъ платежей и привилегированное положеніе остальныхъ имущественныхъ классовъ. Г. Самаринъ, увлекшись мыслью объ облегченіи податной тяжести крестьянства посредствомъ введенія умѣренной оброчной подати, ведетъ дѣло къ закрѣпленію вѣковой неправды, тогда какъ честно понимаемые интересы народа требуютъ возможно-скорѣйшаго уничтоженія этой тяготѣющей надъ крестьянами неправды.

Предложеніемъ объ установленіи, взамѣнъ выкупныхъ платежей, безсрочной оброчной подати какъ для государственныхъ, такъ и для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ г. Самаринъ думалъ разрѣшить поставленный имъ вопросъ: «слѣдуетъ ли имѣть въ виду исключительно уменьшеніе податной тягости, лежащей на крестьянахъ, или же необходимо воспользоваться случаемъ для достиженія еще другихъ, столь же важныхъ цѣлей—устраненія вредныхъ послѣдствій для общиннаго землевладѣнія, которыя влечетъ за собою выкупъ, и уравненія въ повинностяхъ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ. Что же будетъ по окончаніи выкупной операціи?—спрашиваетъ онъ далѣе.—Будетъ ли затѣмъ вѣчно существовать ничѣмъ не оправдываемое дѣленіе крестьянъ на два разряда: бывшихъ помѣщичьихъ, которые будутъ избавлены отъ всякихъ платежей оброчныхъ, и бывшихъ государственныхъ, которые будутъ постоянно платить оброчную подать? Наконецъ, можно ли помириться съ мыслью, что

часть бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ освободится совершенно отъ выкупныхъ платежей черезъ 29 лѣтъ, а другіе, которые еще только приступаютъ къ выкупу, будутъ обременены этими платежами въ продолженіе 49 лѣтъ?» Намъ кажется, что г. Самаринъ совсѣмъ напрасно сбиваетъ въ одну кучу всѣ эти вопросы, которые удобно могутъ быть разрѣшены и безъ облюбованной имъ оброчной подати. Вредное вліяніе на общинное землевладѣніе оказываетъ не вообще выкупъ земли, но 165 ст. Положенія о выкупѣ, которая обязываетъ общество выдѣлить къ одному мѣсту изъ общиннаго владѣнія участокъ земли, если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду. Эта статья легко можетъ быть отмѣнена законодательнымъ порядкомъ безъ отмѣны самаго выкупа. Ранѣе г. Самарина въ печати уже раздавались голоса, указывавшіе на необходимость признать право выкупа надѣловъ только за цѣлою поземельною общиной, а не за отдѣльными домохозяевами, утвердить неотчуждаемость общинныхъ земель въ частную собственность и прочно обезпечить за каждымъ членомъ общины право на равное съ другими такими же членами участіе во всѣхъ выгодахъ общиннаго землевладѣнія. Мы отказываемся понять, на какомъ основаніи г. Самаринъ связываетъ разрѣшеніе этого вопроса съ предположеніемъ о замѣнѣ выкупныхъ платежей оброчною податью. Можетъ-быть онъ хотѣлъ сказать, что съ отмѣною выкупа государство сдѣлается собственникомъ крестьянской земли и тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ право прекратить переходъ земли изъ общиннаго владѣнія въ личную собственность. Но вѣдь право государства выше права собственности, которое само зиждется на признаніи его со стороны государства. А затѣмъ станетъ ли государство покровительствовать общинному или личному владѣнію землею—это еще вопросъ будущаго. Что же касается уравненія въ платежахъ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, то и этотъ вопросъ легко можетъ быть разрѣшенъ безъ замѣны выкупныхъ платежей оброчною податью. Мы совсѣмъ не понимаемъ, почему удобнѣе замѣнить выкупные платежи помѣщичьихъ крестьянъ существующею у государственныхъ крестьянъ оброчною податью, а не наоборотъ—оброчную подать признать выкупнымъ платежомъ. Государство, которое такъ недавно распродавало свои земли за безцѣнокъ разнымъ гг. Климовымъ и Холодковскимъ, не должно барышничать землями, необходимыми для обезпеченія бывшихъ казенныхъ крестьянъ. Оно, безъ всякаго ущерба для себя, можетъ признать оброчную подать выкупнымъ платежомъ, срокъ котораго окончится одновременно съ окончаніемъ срока выкупа надѣловъ бывшими помѣщичьими крестьянами. Такимъ образомъ, признавая дѣломъ справедливости уравнять платежи бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, мы не видимъ никакой надобности для этого замѣнять выкупные платежи оброчною податью, какъ предлагаетъ г. Самаринъ. Нельзя также выводить необходимость обложенія крестьянъ оброчною податью взамѣнъ вы-

купныхъ платежей изъ того соображенія, что справедливость нарушается, если часть бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ освободится совершенно отъ выкупныхъ платежей чрезъ 29 лѣтъ, а другіе, которые еще только приступаютъ къ выкупу, будутъ обременены этими платежами въ продолженіе 49 лѣтъ. Тутъ весь вопросъ заключается только въ томъ, не представляется ли возможность сократить тотъ 20-лѣтній срокъ, въ теченіе котораго одна, и притомъ небольшая, часть помѣщичьихъ крестьянъ обязана будетъ платить выкупъ послѣ полной уплаты его прочими крестьянами. Этотъ вопросъ также легко можетъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, если предполагаемое нынѣ уменьшеніе выкупныхъ платежей будетъ произведено посредствомъ принятія части лежащаго на крестьянахъ долга по выкупной операціи на счетъ общихъ государственныхъ доходовъ. По мѣрѣ того, какъ срокъ выкупа будетъ оканчиваться для крестьянъ, ранѣе вышедшихъ на выкупъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и сумма, ежегодно отчисляемая изъ общихъ государственныхъ доходовъ на покрытіе части крестьянскаго долга по выкупной операціи, тоже будетъ уменьшаться. Но если вмѣсто такого уменьшенія сумма ежегоднаго отчисленія изъ общихъ государственныхъ средствъ на покрытіе крестьянскаго долга будетъ оставаться въ одномъ и томъ же размѣрѣ и образующійся избытокъ будетъ употребленъ на погашеніе выкупнаго долга тѣхъ крестьянъ, которые позже другихъ вышли на выкупъ, тогда указанный выше 20-тилѣтній срокъ сократится весьма значительно. Поэтому мы и не видимъ никакой надобности замѣнять выкупные платежи оброчною податью въ видахъ уравненія крестьянскихъ платежей. Крестьянскіе платежи могутъ быть уравнены и безъ обложенія крестьянъ оброчною податью; а какъ скоро срокъ выкупа окончится, тогда крестьяне будутъ уравнены въ платежахъ не только между собою, но и съ лицами всѣхъ прочихъ классовъ народа. Но если замѣнить выкупные платежи безсрочною оброчною податью, падающею на однихъ крестьянъ, то какимъ образомъ тогда уравнять въ платежахъ крестьянъ съ лицами изъ другихъ классовъ народа? Вотъ вопросъ, на который не потрудится ли г. Самаринъ отвѣтить въ обѣщанномъ имъ продолженіи статей «объ уменьшеніи выкупныхъ платежей».

Въ печать проникло извѣстіе, что недавно въ государственномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ объ уменьшеніи выкупныхъ платежей, причемъ, будто бы, большинствомъ голосовъ рѣшено произвести уменьшеніе платежей повсемѣстно, а не въ нѣкоторыхъ полосахъ Имперіи, какъ сначала передавалось въ печати. Распредѣленіе размѣра уменьшенія по сельскимъ обществамъ будетъ предоставлено земскимъ собраніямъ. Для возмѣщенія потерь казны предполагается прибѣгнуть къ фонду, образовавшемуся изъ отчисленія 1/4 процента при погашеніи выкупа и отъ разницы, вытекающей при погашеніи помѣщичьихъ долговъ старымъ кредитнымъ учрежденіямъ выкупными платежами. Безъ сомнѣнія, всякій желающій добра на-

роду порадовался такому извѣстію и пожелалъ, чтобы, какъ можно скорѣе, безъ всякихъ задержекъ и откладыванія въ дальній ящикъ, осуществилось предположеніе объ уменьшеніи выкупныхъ платежей. Но иначе взглянулъ на дѣло г. Самаринъ. Онъ остался недоволенъ тѣмъ, что правительство спѣшитъ облегченіемъ платежной тяжести, лежащей на крестьянахъ. По его мнѣнію, слѣдовало бы пообождать да хорошенько пообдумать прежде, чѣмъ рѣшиться на такой важный шагъ. Поспѣшность приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, изъ которыхъ одно уже имѣется налицо. Дѣло въ томъ, что г. Самаринъ, напуганный слухами о поспѣшности, съ которою правительство намѣрено дѣйствовать въ дѣлѣ уменьшенія выкупныхъ платежей, долженъ былъ торопиться своими статьями объ уменьшеніи выкупныхъ платежей. «Мы,—говоритъ онъ,—старались достигнуть въ этомъ очеркѣ наибольшей точности, какая намъ была возможна при неполнотѣ источниковъ и при срочности, которую приходилось соблюдать вслѣдствіе слуховъ, — надобно, впрочемъ, надѣяться, невѣрныхъ, — о такомъ поспѣшномъ рѣшеніи разсматриваемаго нами вопроса, которое не соотвѣтствовало бы его важности. Не вполнѣ осмотрительное рѣшеніе его могло бы повести къ замѣшательствамъ и къ трудно исправимымъ послѣдствіямъ, которыя могутъ быть избѣгнуты только при серьезномъ и всестороннемъ изученіи того направленія, которое теперь слѣдуетъ дать крестьянскому дѣлу». Удивительно странно!... Неужели г. Самаринъ не понимаетъ, что самая настоятельная политическая необходимость заставляетъ какъ можно скорѣе уменьшить платежи крестьянъ, пока ими еще не овладѣло полное отчаяніе и не обуяла ихъ бѣшеная злоба? Вѣдь это—фактъ, что крестьяне не въ силахъ платить того, что съ нихъ требуется въ настоящее время. Значитъ—нечего ждать и обдумывать «направленіе, какое слѣдуетъ дать крестьянскому дѣлу», а нужно, немедля ни минуты, уменьшить выкупные платежи повсемѣстно, какъ предполагаетъ правительство. Само собою разумѣется, что такою мѣрою, вызываемою крайнею необходимостью, крестьянскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно. Одновременно съ предположеннымъ повсемѣстнымъ уменьшеніемъ выкупныхъ платежей правительство должно, не откладывая въ дальній ящикъ, заняться принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, поселить въ крестьянахъ надежду, что облегченіе лежащей на нихъ платежной тяжести не остановится на принятой мѣрѣ, что скоро будутъ выработаны новыя, твердыя и справедливыя основанія для опредѣленія размѣра выкупныхъ платежей. Мы привѣтствуемъ, какъ залогъ лучшихъ дней въ будущемъ, именно ту поспѣшность, съ которою правительство взялось за дѣло уменьшенія выкупныхъ платежей. Нужно спѣшить облегченіемъ положенія крестьянъ, потому что они теперь дошли до послѣдней крайности. Неурожаи послѣднихъ лѣтъ и небывалая хлѣбная дороговизна раззорили крестьянъ до такой степени, что они не знаютъ, какъ дотянуть имъ до новаго урожая.

Вслѣдствіе раззоренія крестьянскаго населенія, торговля остановилась и начались банкротства въ торговомъ мірѣ. Нѣтъ сбыта для предметовъ промышленности, фабрики останавливаются, заработная плата упала, у крестьянъ нѣтъ сторонних заработковъ, значитъ—нѣтъ и средствъ на покрытіе текущихъ платежей въ прежнемъ размѣрѣ. Вся надежда осталась на одинъ ожидаемый урожай, — чѣмъ-то онъ порадуетъ насъ? Но, увы, нѣтъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы надѣяться на облегченіе крестьянской доли, а напротивъ нужно ожидать, что будущая зима будетъ весьма тяжелая для крестьянъ. Въ мѣстахъ голодовки значительная часть крестьянскихъ полей осталась незасѣянною, такъ что даже при хорошемъ урожаѣ сборъ хлѣба получится менѣе обыкновеннаго. Въ иныхъ мѣстахъ выданныя крестьянамъ въ ссуду сѣмена оказались никуда негодными и здѣсь совсѣмъ нельзя ждать урожая. На Югѣ ожидается появленіе саранчи, которая въ прошломъ году заложила яйца въ поляхъ. Хлѣбный жучокъ успѣлъ перезимовать въ землѣ и будетъ продолжать опустошительное истребленіе посѣвовъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Крестьянскій скотъ распроданъ отъ нужды, или выпалъ отъ безкормицы и эпизоотій,— значитъ земля удобрена мало и нельзя ждать, чтобъ она дала хорошій урожай. Нѣтъ также надежды и на лѣтній заработокъ, который прежде получался крестьянами отъ обработки помѣщичьихъ земель. Крестьяне, побуждаемые нуждою, еще зимою за безцѣнокъ нанялись къ помѣщикамъ на лѣтнія работы и проѣли полученныя впередъ деньги. Словомъ, куда ни кинь, вездѣ худо, вездѣ—признаки ожидающей крестьянъ зимою тяжкой нужды. Что же будетъ съ нами, если на дѣлѣ осуществятся эти тревожныя ожиданія? Положимъ, что тяжелая зима 1880—1881 г. прошла благополучно,—народъ хотя и голодалъ, но все-таки оставался спокоенъ, и только весною, кое-гдѣ на Югѣ и въ Тверской губерніи, были крестьянскія волненія, окончившіяся благополучно. Но такъ же ли благополучно пройдетъ и будущая зима, если крестьянамъ опять придется терпѣть тяжелую нужду?... Надежда на всесильное русское «авось», да на заѣзженную «кривую» клячу, которая до сихъ поръ благополучно вывозила насъ изъ трудныхъ обстоятельствъ, — эта надежда слишкомъ невѣрна и можетъ быть обманчивою. Гораздо вѣрнѣй будетъ заблаговременно и притомъ какъ можно скорѣй принять мѣры противъ возможныхъ случайностей. Въ ряду этихъ мѣръ весьма существенное значеніе имѣетъ предположеніе объ уменьшеніи выкупныхъ платежей. Поэтому-то правительство и должно спѣшить осуществленіемъ такого предположенія въ полной увѣренности, что весь народъ будетъ радостно привѣтствовать облегченіе невыносимой платежной тяжести. Ошибки, которыя при этомъ могутъ произойти, вслѣдствіе спѣшной работы, едва ли приведутъ къ серьезнымъ затрудненіямъ, если только правительство, не ограничиваясь наскоро сдѣланнымъ уменьшеніемъ выкупныхъ платежей, поставитъ себѣ задачею, такъ или иначе, принципіально и окон-

чательно разрѣшить вопросъ о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Выполненіе послѣдней задачи обязательно для правительства, желающаго оставаться на высотѣ своего историческаго призванія и потребностей народа. «Правительству, государству въ Россіи,—говоритъ проф. Янсонъ въ предисловіи къ послѣднему изданію «Опыта статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ», — въ такой мѣрѣ, какъ ни въ одной странѣ западной Европы, принадлежитъ исторически-крупная роль во всѣхъ экономическихъ движеніяхъ народной жизни. То, что на Западѣ Европы теперь только пропагандируется, какъ высшій принципъ экономической науки,—это передовое значеніе государства въ достиженіи народнаго благосостоянія,—у насъ исторически вошло въ народную жизнь; государственная власть стоитъ у насъ не только у рычага административнаго механизма, но она стоитъ у руля хозяйственнаго преуспѣянія и прогресса. На Западѣ общество добивается отъ государства правительственнаго вмѣшательства въ свои экономическія отношенія, требуетъ, чтобъ оно прониклось хозяйственными идеалами и вело общество къ достиженію этихъ идеаловъ; у насъ такое отношеніе государства къ обществу создалось само собою, по иниціативѣ самого государства». Наше правительство понимаетъ свое историческое призваніе, какъ видно изъ того, что въ циркулярной депешѣ 4-го марта выражено намѣреніе новаго Государя Императора—«посвятить себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами экономическими и соціальными». Будемъ же пока утѣшать себя надеждою, что намѣренія правительства осуществятся вполнѣ согласно съ желаніями и нуждами народа.

Въ заключеніе нужно сказать еще два слова о статьяхъ г. Самарина. Онѣ не кончены и авторъ не торопится окончаніемъ ихъ. Можетъ-быть въ послѣдующихъ статьяхъ г. Самаринъ дастъ такое развитіе своимъ идеямъ, что онѣ получатъ смыслъ, не вполнѣ согласный съ тѣмъ, какой мы нашли въ нихъ. Но это соображеніе не могло отклонить насъ отъ намѣренія высказаться по поводу напечатанныхъ уже статей, не ожидая окончанія ихъ. Нельзя ждать, когда время не терпитъ и вопросъ назрѣваетъ скорѣе, чѣмъ г. Самаринъ пишетъ свои статьи.

С. Пр.

Хроника французской жизни.

II *).

Тунисскій вопросъ.—Опасенія Италіи.—Равнодушіе къ греческимъ дѣламъ.—*Te Deum* по поводу объявленія Румыніи королевствомъ. — Свиданіе Греви съ Гамбеттой. — Возможный успѣхъ scrutin de liste. — Гамбетта на банкетѣ синдикальныхъ палатъ. — Заемъ милліарда. — Тщетныя усилія протекціонизма.—Принятіе новаго таможеннаго тарифа.—Положеніе правительства и высшаго парижскаго общества при извѣстіи о петербургской катастрофѣ.—Обузданіе революціонной прессы. —Пожары магазиновъ „Au Printemps“ и театра въ Ниццѣ.—Теорія Гамбетты о наиболѣе желательной смерти. — „Les contes d'Hoffmann“, „Le tribut de Zamora“ и „Miss Fanfare“. — Принятіе адвоката Русса въ члены французской академіи. — Похвалы Жюлю Фафру.—Послѣдніе романы Кларети, Гальто и Бело.—„Histoire du tribunal révolutionaire“ Валлона, члена института. — „Воспоминанія“ Гранье-де-Кассаньяка.—Театръ Эленшлегера и Гальберга. — Процессъ четы Фридманъ. — Пьеръ Бонапартъ и Николай Рубинштейнъ.

Вотъ мы и съ тунисскимъ вопросомъ. Общество застигнуто было въ расплохъ и до сихъ поръ еще остается въ убѣжденіи, что этотъ вопросъ вызванъ совершенно случайно. Но болѣе внимательные и дальновидные наблюдатели его давно уже предвидѣли. И, дѣйствительно, возникновеніе этого вопроса относится еще ко времени берлинскаго конгресса, во время котораго Франція никакихъ требованій не предъявляла и потому ничего не получила. Тѣмъ не менѣе ея дипломаты не оплошали.

Ни одна изъ великихъ націй, разъ вооружившись, не можетъ оставаться праздной. А такъ какъ для Франціи арена дѣятельности на континентѣ на нѣкоторое еще время закрыта, то ея государственные люди были вынуждены искать исхода для своего воинственнаго настроенія гдѣнибудь внѣ материка Европы. И вотъ та же самая причина, которая подвинула нѣкогда правительство Луи-Филиппа на дѣйствія въ Алжирѣ, направляетъ нынѣшнее правительство республики на Тунисъ. Подобныя историческія явленія не зависятъ отъ воли того или другаго лица: во

*) *Русская Мысль*, апрѣль.

всемъ этомъ заключается какая-то непреоборимая сила, вынужденность положенія, какой-то историческій фатумъ. Боязнь отдалить отъ себя Италію не удержитъ теперь, какъ не удержалъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, страхъ разойдтись съ Англіею. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ такая политика неизбѣжно приведетъ Францію къ изолированію, а слѣдовательно и къ потерѣ ея значенія на континентѣ. Но въ этой потерѣ нѣтъ ничего непріятнаго для корифеевъ того режима, подъ которымъ мы теперь живемъ; они страшно боятся всеобщаго волненія и стараются прежде всего удовлетворить тѣхъ, кто обдѣлываетъ ихъ дѣлишки, спекулянтовъ, коммерсантовъ и т. п.

Одинъ изъ хроникеровъ второй имперіи разсказываетъ, что императрица Евгенія, открывая Суэцкій каналъ, указала Лессепсу, «какъ на дополненіе и увѣнчаніе его миссіи, на уничтоженіе порога, формація котораго изолировала отъ моря древній Тритонскій заливъ, внутреннее африканское море, близъ Габисскаго залива, рядомъ съ тунисскими владѣніями». Вотъ каково, по странному стеченію обстоятельствъ, происхожденіе тунисскаго вопроса. Рудеръ принялся за дѣло и произвелъ разныя нивелированія, необходимыя для возстановленія этого внутренняго моря. Лессепсъ, сдѣлавшись руководителемъ предпріятія, произвелъ осмотръ тунисскихъ schotts *), вслѣдствіе котораго убѣдился въ возможности полнаго успѣха и отправился въ Римъ съ цѣлью убѣдить короля и итальянское правительство, что Италія должна была бы подумать о будущемъ занятіи Триполи, съ которымъ соединяется столько воспоминаній о прошедшемъ величіи Рима, въ отплату того усиленія, къ которому могла бы быть вынуждена Франція на границахъ Алжира съ Тунисомъ. Его настоятельнымъ внушеніямъ придавало особое значеніе то, что онъ совершилъ свою экскурсію на французскомъ военномъ суднѣ, спеціально предоставленномъ въ его распоряженіе.

Доводы Лессепса однако не убѣдили итальянцевъ. Вообще замѣчено, что ни одно изъ итальянскихъ правительствъ никогда не допускало и мысли, чтобы Тунисъ могъ когда-либо попасть въ руки какой-нибудь другой европейской державы и общественное мнѣніе въ Италіи было бы потрясено какъ бы электрическимъ ударомъ отъ одной только возможности возстановленія Карѳагена какою-либо другой великою державой: оттуда вѣдь подъ рукою съ одной стороны Сицилія, а съ другой—Сардинія. Въ этомъ смыслѣ представлена была нота Ваддингтону. Франція, казалось, присоединилась къ мысли итальянскаго правительства, давшаго торжественное обѣщаніе не имѣть никакихъ притязаній на Тунисъ, съ тѣмъ чтобы Тунисъ пользовался полной автономіей и чтобы Франція и Италія ограничивались тамъ равнымъ нравственнымъ вліяніемъ.

---

*) Пониженія уровня пустыни.

Но дѣянія предпринимателей нечистыхъ дѣлъ, раздутыхъ биржевыми флибустьерами, какъ это было и въ началѣ мексиканской экспедиціи, дали себя почувствовать уже и въ Тунисѣ, создавъ тамъ постоянныя столкновенія между французскими колонистами и авторитетомъ бея. Наконецъ, вторженіе крумировъ, почти независимаго племени, обитающаго на границахъ Алжира, дало благовидный предлогъ партизанамъ французскаго вмѣшательства.

Что французское правительство недовольно хищническими народами, это весьма возможно и вѣроятно, но это еще маловажная сторона вопроса. Еслибъ этого предлога не существовало, то, безъ сомнѣнія, найденъ былъ бы другой для такой впечатлительной націи, какова французская, и притомъ такой щекотливой въ вопросѣ о чести,—достаточно только затронуть честь оружія, чтобъ общественное мнѣніе потребовало полнѣйшаго удовлетворенія за понесенное оскорбленіе. Ясно, конечно, что если въ 1830 году оскорбленіе, понесенное алжирскимъ беемъ, было вполнѣ достаточно для того, чтобы придать законный видъ завоеванію Алжира, то теперь гораздо меньшая обида отъ Туниса будетъ признана совершенно достаточнымъ мотивомъ къ учрежденію въ Тунисѣ регентства.

Говорятъ и, конечно, будутъ продолжать говорить, что нельзя оставлять обиду безъ наказанія и что во всѣхъ военныхъ приготовленіяхъ Франціи нѣтъ ни малѣйшаго помысла ни о завоеваніи, ни объ оккупаціи, а между тѣмъ она будетъ понемногу подвигаться все дальше и дальше по Тунисской территоріи.

Движеніе въ Италіи было настолько сильно, что министерство Кайроли, несмотря на его несомнѣнную популярность, лишилось въ палатѣ поддержки большинства и именно потому, что итальянцы никакъ не хотятъ французскаго усиленія. Общественное мнѣніе въ Италіи даже стало упрекать генерала Чальдини, посланника въ Парижѣ, въ томъ, что онъ будто бы легко допустилъ убаюкать себя различными благими завѣреніями и мужчинъ, и женщинъ французской дипломатіи. Когда, десять мѣсяцевъ тому назадъ, генералъ Чальдини соглашался принять снова постъ, который онъ намѣревался оставить вслѣдствіе не особенно благопріятнаго отвѣта Ваддингтона на тѣ настоянія, которыя онъ, Чальдини, дѣлалъ, чтобы въ дѣлахъ Египта Италія имѣла также свою третью долю участія наравнѣ съ Франціей и Англіей, — его съумѣли увѣрить, что онъ не будетъ имѣть новыхъ непріятностей въ вопросѣ о Тунисѣ, но, какъ оказалось теперь, онъ не принялъ для того достаточныхъ предосторожностей.

А между тѣмъ было тѣмъ легче не поддаться обману, что всѣ дѣйствія Франціи въ Тунисѣ вытекали вполнѣ изъ естественнаго хода событій. Странно было думать, что Гамбетта воспротивится настоящему обороту дѣлъ, и, основываясь на его итальянскомъ происхожденіи, предполагать, что онъ въ самомъ дѣлѣ преданъ мысли о союзѣ Франціи съ Италіей. Напротивъ, онъ былъ очень радъ случаю, давшему ему возмож-

ность доказать, что напрасно считаютъ его генуэзцемъ и что онъ—французъ прежде всего.

Непримиримые органы печати старались всѣми силами возбудить противъ него народъ, подобно тому, какъ они это сдѣлали въ греческомъ вопросѣ. Но тутъ они не будутъ имѣть успѣха, ибо если поддержка, оказанная Греціи, могла, какъ думали, вовлечь Францію въ столкновеніе съ той или другой великою державой, не принеся при этомъ никакой матеріальной выгоды, то совсѣмъ другое дѣло въ тунисскомъ вопросѣ: здѣсь уже чувствуется, что можно пріобрѣсти безъ малѣйшей опасности извѣстныя выгоды, и кромѣ того, лавры, которымъ съумѣютъ придать необходимое значеніе и цѣну, дабы осѣнить ими предстоящіе выборы.

Ударъ, наносимый Франціей своей сосѣдкѣ, чрезвычайно чувствителенъ, въ особенности въ данную минуту. Съ одной стороны итальянская палата была уже готова вотировать новый избирательный законъ, который, не доводя до всеобщей подачи голосовъ (suffrage universel), тѣмъ не менѣе болѣе чѣмъ удвоилъ бы настоящій избирательный составъ, а съ другой стороны она заключала съ Ротшильдомъ комбинацію, по природѣ своей способную уничтожить принудительный курсъ (cours forcé). Но вотъ тунисская бомба, разорвавшись среди парламента и нарушивши въ немъ согласіе, заставила отложить на неопредѣленно-долгое время избирательный законъ, а Ротшильдъ сталъ выставлять на видъ различнаго рода затрудненія, чтобы выговорить наиболѣе выгодныя для себя условія. Результатомъ всего этого будетъ, безъ сомнѣнія, цѣлая масса непріятныхъ столкновеній, которыя Италія съ трудомъ забудетъ. А между тѣмъ Италія, со времени самаго паденія имперіи и занятія Рима, только и имѣла одно лишь желаніе—жить въ добромъ согласіи съ Франціей. Самые авторитетные въ Римѣ органы печати, какъ умѣренные, такъ и монархическіе, каковы, напр., Opinione, не переставали подавать свой голосъ за утвержденіе республики во Франціи, и не будетъ ничего невѣроятнаго, если «лѣвая» возвратится къ мадзиніевской политикѣ передъ 1870 годомъ и станетъ искать себѣ поддержки въ Германіи. Германія же, желающая прежде всего ссорить Францію съ Италіей, именно и есть та держава, которая болѣе всѣхъ ободряла Францію въ ея движеніи на Тунисъ. Она отлично понимаетъ, что самымъ лучшимъ отвлеченіемъ Франціи отъ идеи возмездія на континентѣ будетъ, конечно, то, если весь излишне накопившійся воинственный задоръ ея обратится на Африку. И, несмотря на чувство нѣкотораго неудовольствія, которое можетъ испытать отъ всего этого Италія, нѣмцы, безъ сомнѣнія, и пальцемъ не пошевельнутъ, чтобы помѣшать Франціи растратить по Африкѣ свой пылъ, который охватилъ бы ихъ совершенно иначе, еслибы проявился со стороны Рейна. Они ничѣмъ не будутъ пренебрегать, чтобъ установить непріятныя и натянутыя отношенія и посѣять даже раздоръ между Франціей и Италіей.

Кто же можетъ поставить какія-нибудь препятствія этому покушенію на Тунисъ французскаго честолюбія? Ни одна изъ партій не задумывается надъ вопросомъ: имѣетъ ли настоящая политика Франціи въ Тунисѣ какое-нибудь законное оправданіе для себя. «Непримиримые» стараются прежде всего вредить Гамбеттѣ, а Гамбетта думаетъ, что побѣда, какая бы она ни была, во всякомъ случаѣ послужитъ къ усиленію республики, подобно тому, какъ Шатобріанъ въ испанской войнѣ, хотя и антилиберальной, видѣлъ огненное крещеніе бѣлаго знамени.

Большинство французскаго общества разсуждаетъ такъ: «Какіе завидущіе эти иностранцы! Положимъ, Италія можетъ еще имѣть нѣкоторыя основанія быть недовольной,—ну, а Англія?... Что же ей за дѣло, что мы подвинемся немного впередъ тамъ, въ Тунисѣ? Развѣ мы мѣшали ея экспедиціи противъ зулусовъ? Мы вѣдь не вмѣшиваемся въ чужія дѣла,—такъ какое же дѣло и другимъ до нашихъ?» Правительство, весьма вѣроятно, найдетъ себѣ поддержку въ общественномъ мнѣніи всѣмъ своимъ затѣямъ въ Африкѣ, а армія съ восторгомъ встрѣтитъ малѣйшій случай, дающій ей возможность выйти изъ бездѣйствія.

Несомнѣнно, что чѣмъ болѣе французское правительство будетъ устраняться отъ европейскихъ дѣлъ, чѣмъ глубже оно будетъ затягиваться въ африканскія. Даже тѣ, которые болѣе другихъ сохранили еще воспоминаніе о прежней славѣ, будутъ готовы, въ надеждѣ на будущіе туниссіе лавры, простить правительству то, что имъ покинута Греція, какъ это и было при Луи-Филиппѣ, когда алжирскіе тріумфы заставили забыть безпомощное положеніе Италіи. Все, что происходитъ теперь на туниссихъ границахъ, ясно выражаетъ намѣреніе Франціи окончательно оставить въ сторонѣ всякую заботу о Греціи.

Греческій король замѣтилъ корреспонденту одного изъ французскихъ журналовъ, что Бартелеми Сентъ-Илеръ, желая во что бы то ни стало обезпечить миръ, поставилъ его въ опасное положеніе, потому что турки, уступающіе, какъ извѣстно, только силѣ и необходимости (въ проявленіи силы они видятъ перстъ Божій), будутъ тѣмъ долѣе упорствовать въ своемъ отказѣ, что почувствуютъ Европу менѣе единодушной и, слѣдовательно, менѣе могущественной; а съ другой стороны и греки, вооружившись съ такими усиліями и пожертвованіями, конечно, не будутъ въ состояніи спокойно разоружиться, не получа достаточнаго удовлетворенія. Но найдутъ ли греки свою прежнюю энергію 1821 года, чтобы поставить все на ставку?—вотъ въ чемъ вопросъ. Когда нечего терять, тогда легче биться до послѣдней капли крови, нежели тогда, когда владѣютъ чѣмъ-либо, какъ бы мало оно ни было. Греки въ самую послѣднюю минуту скажутъ: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки». Таковы, по крайней мѣрѣ, разсужденія нашихъ парижанъ о дѣлахъ Греціи. Ясно только одно, что и общество, и правительство порѣшили ни въ какомъ случаѣ не вмѣшиваться въ нихъ.

Но если мы перестали быть филэллинами (а единому только Богу извѣстно, какою страстью къ Греціи пылали сердца нашихъ отцовъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ), то мы остались пока еще друзьями румынъ, а почему?—Единственно потому, что румыны ничего отъ насъ не желаютъ и не требуютъ, кромѣ ласковыхъ словъ, а на это мы большіе мастера. Мы съ большою готовностью поспѣшили признать новый титулъ, которымъ угодно было румынской націи почтить своего князя. Бартелеми Сентъ-Илеръ завѣрилъ Когальничано, румынскаго министра, въ неизмѣнности чувствъ, традиціонно питаемыхъ Франціей къ Румыніи, прибавивъ, что правительство республики всегда признавало и признаетъ за каждою націей право избирать себѣ форму правленія, какую она признаетъ для себя болѣе удобной, точно также какъ не позволяетъ никому касаться вопроса объ этомъ правѣ относительно Франціи,—и при этомъ добавилъ: «лишь бы только предстоящая перемѣна на Дунаѣ не была результатомъ какой-нибудь торговой сдѣлки». Это былъ намекъ на слухи, ходившіе въ дипломатическихъ кругахъ, что румынское правительство получило со стороны Австріи признаніе своего новаго титула за желаемыя ею уступки относительно навигаціи по Дунаю. Какъ только былъ поднятъ вопросъ о королевскомъ титулѣ князя Карла, Австрія прямо и категорически отвѣтила, что она не рѣшится признать его, такъ какъ это можетъ повліять ободрительно на сепаратистскія стремленія трансильванскихъ румынъ. Несмотря на это, Боэреско, поддерживая въ парламентѣ проектъ о королевствѣ, заявилъ, что нѣтъ со стороны дипломатіи возраженій противъ права Румыніи стать королевствомъ. Отсюда естественно можно было вывести заключеніе, что букарештскій кабинетъ нашелъ средства заслужить благоволеніе и согласіе Австро-Венгріи. Правительство Франціи также послало приказъ своему министру въ Букарештѣ признать новую форму румынскаго правленія. Въ воскресенье, 3 апрѣля, вся румынская колонія собралась въ своей часовнѣ въ улицѣ Racine для присутствованія при благодарственномъ молебствіи. Присутствовавшая при этомъ княгиня Куза провозгласила treasca, т.-е. румынское привѣтствіе, новому королю.

Что касается до нашей внутренней политики, то вопросъ о системѣ выборовъ все еще стоитъ на первомъ планѣ и, по всему вѣроятію, скоро получитъ окончательное разрѣшеніе. Гамбетта посѣтилъ Греви съ цѣлью убѣдить его въ превосходствѣ, съ республиканской точки зрѣнія, системы выборовъ по департаментскимъ спискамъ (scrutin de liste) надъ системою выборовъ по округамъ (scrutin d'arrondissement),—системы, практиковавшейся во времена іюльской монархіи, возстановленной потомъ при декабрскомъ переворотѣ и приведенной въ исполненіе представителями кулачнаго права въ имперіи. Греви отвѣчалъ, что ему было бы не совсѣмъ благовидно высказаться противъ того способа выборовъ, изъ которыхъ возникла палата, избравшая его президентомъ. Все-таки Гамбетта добился отъ правительства, по крайней мѣрѣ, нейтральнаго положенія при

предстоящихъ парламентскихъ преніяхъ. Сдѣлать это было не легко, ибо Жюль Ферри, какъ извѣстно, — сторонникъ окружныхъ выборовъ и его группа, сильно заинтересованная въ этомъ вопросѣ, могла упрекнуть Греви въ измѣнѣ. Соглашенію помогло то, что трое министровъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и военный, чувствующіе особую преданность дворцу Бурбоновъ, т.-е. Констанъ, Казо и генералъ Фарръ, угрожали подать въ отставку, если кабинетъ выскажется противъ scrutin de liste, и Жюль Ферри, не желая отказаться отъ власти, поспѣшилъ заявить въ коммиссіи по вопросу объ избирательномъ законѣ, что хотя правительство имѣетъ право высказать свое мнѣніе, но на этотъ разъ не воспользуется имъ pro bono publico въ интересахъ согласія въ партіи. А этого только и желалъ Гамбетта. Теперь онъ увѣренъ въ полномъ своемъ успѣхѣ, и тѣмъ болѣе еще, что въ кабинетѣ засѣдаютъ выдающіеся и не заподозрѣные въ гамбеттизмѣ республиканцы, которые уже по одному преданію стоятъ за scrutin de liste, какъ напримѣръ Феликсъ Піа (Félix Pyat), котораго письмо съ особеннымъ удовольствіемъ помѣстилъ на своихъ страницахъ органъ Гамбетты République Française, желая противупоставить его Рошфору. Піа писалъ: «я никогда не откажусь ни отъ одного изъ своихъ принциповъ только потому, что за него случайно будетъ стоять Гамбетта». Мадье-де-Монжо (Madier-de-Montjau), квесторъ, на дняхъ какъ-то заявилъ, что scrutin de liste будетъ имѣть большинство сорока голосовъ. Все, что могъ сдѣлать докладчикъ Буассэ, съ великимъ прискорбіемъ увидѣвшій, что правительство отказывается отъ защиты scrutin d'arrondissement, это—отложить всѣ свои доклады до окончанія пасхальныхъ вакацій. Но всѣ эти оттяжки, весьма вѣроятно, не помѣшаютъ вотировать избирательный законъ и въ палатѣ, и въ сенатѣ, при чемъ, безъ сомнѣнія, будутъ въ состояніи вотировать только лишь возобновленіе системы выборовъ по департаментскимъ спискамъ безъ всякихъ измѣненій, такъ какъ не будетъ времени для новой организаціи раздѣленія государства на участки. А это именно и будетъ имѣть страшно-вредныя послѣдствія, такъ какъ главный недостатокъ выборовъ по департаментскимъ спискамъ заключается въ слишкомъ большомъ числѣ депутатовъ, за которыхъ должно подавать свой голосъ одно и то же лицо.

Все даетъ поводъ предполагать, что выборы должны произойти нынѣшней осенью и приближеніе ихъ возбудило говорливость Гамбетты, котораго давнымъ-давно уже упрекали въ продолжительномъ молчаніи. Онъ молчалъ даже въ кабинетѣ. Какъ-то разъ онъ сказалъ: «меня не заставятъ говорить, когда я хочу молчать», а теперь онъ самъ идетъ на встрѣчу случаямъ выступить ораторомъ и предпочитаетъ для этого цеховыя собранія. Въ послѣдній разъ онъ говорилъ виноторговцамъ и далъ имъ обѣщаніе поддерживать ихъ требованіе уменьшенія карательныхъ мѣръ за подѣлку напитковъ, такъ, чтобы случаи, когда она ограничивается лишь однимъ подливаніемъ воды безъ примѣси какихъ-либо вредныхъ веществъ, раз-

сматривались не какъ преступная фальсификація, а какъ простое разбавленіе. Своею рѣчью къ суконнымъ торговцамъ онъ удовлетворилъ чествовавшихъ его хозяевъ и возбудилъ противъ себя неудовольствіе тѣхъ изъ болѣе или менѣе «непримиримыхъ» журналистовъ, которые были помѣщены такъ, что не могли ничего ни видѣть, ни слышать. Гамбетта рѣшился сравнить себя съ Мирабо, напомнивъ при этомъ, что Мирабо, оттолкнутый своими, т. е. дворянствомъ, взялъ торговое свидѣтельство суконщика, чтобъ имѣть возможность быть выбраннымъ среднимъ сословіемъ. На другой же день послѣ рѣчи общество замѣтило, что сравненіе, сдѣланное Гамбеттою, крайне неудачно не только относительно краснорѣчія (сомнительно, чтобы въ продолженіе цѣлаго столѣтія стали перечитывать разныя разглагольствованія главы оппортюнизма съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ читаютъ знаменитаго оратора великаго учредительнаго собранія 1789 года), но, главнымъ образомъ, и относительно общественнаго положенія того и другаго: если Мирабо изъ дворянства перешелъ въ среднее сословіе, то Гамбетта въ буржуазію вышелъ изъ простаго народа, а это уже не только не одно и то же, а совершенно обратно. Мирабо подрывалъ привилегіи того сословія, къ которому онъ прежде принадлежалъ, тогда какъ Гамбетта оказываетъ услугу привилегированнымъ сословіямъ, заставляя народъ ждать,—тотъ народъ, которому наканунѣ онъ льстилъ и который онъ старается теперь убѣдить, что всѣ тѣ народныя требованія, которыя онъ, Гамбетта, самъ же нѣкогда объявилъ настоятельнѣйшими и не терпящими ни малѣйшаго отлагательства, въ настоящую минуту, разъ что онъ достигъ власти, перестали быть своевременными. Тотъ же самый Гамбетта, который, нѣсколько времени тому назадъ, утверждалъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ буржуазію, что нѣтъ никакихъ соціальныхъ вопросовъ,—говоритъ теперь, что существуетъ цѣлый рядъ маленькихъ вопросовъ, относящихся къ соціальному улучшенію, которыми онъ теперь занятъ въ интересахъ народной массы. Но даже та манера, съ которою онъ приступаетъ къ этимъ вопросамъ, ясно показываетъ, насколько мало онъ съ ними знакомъ.

Въ послѣднее время имперіи соціальный вопросъ поставленъ былъ на практическую почву. Сойдя съ той высоты, на которой держался онъ въ періодъ предшествующій февральской революціи 1848 г. и послѣдующій за ней, онъ сосредоточился въ отдѣльныхъ организаціяхъ: рабочихъ самихъ по себѣ, цеховыхъ по цехамъ, сообразно съ общимъ желаніемъ заинтересованныхъ лицъ. Отсюда возникли такъ-называемыя *синдикальныя* палаты. Въ каждой отдѣльной отрасли промышленности учреждены были палата хозяевъ и палата рабочихъ; результатомъ неизбѣжныхъ столкновеній между обѣими палатами могло быть рѣшеніе поднимаемыхъ вопросовъ, благопріятное для обѣихъ сторонъ, а вслѣдствіе этого предупрежденіе забастовки рабочихъ; и, вообще, учрежденіе этихъ палатъ обезпечивало на будущее время массу улучшеній во всѣхъ отношеніяхъ. Ко-

нечно, не все желаемое и ожидаемое благо могло быть достигнуто сразу. Это еще не бѣда,—важно уже то, что основаніе было положено.

Хозяева, несмотря на преимущественное положеніе своихъ палатъ, съ замѣтнымъ безпокойствомъ слѣдили за постепеннымъ распространеніемъ палатъ рабочихъ. Они предпочитали бы имѣть дѣло съ отдѣльными рабочими, чѣмъ сосплоченными въ группы. Съ своей стороны, рабочіе чувствуютъ настоятельную необходимость группироваться въ цехи, дабы имѣть возможность противустоять условіямъ, часто слишкомъ тяжелымъ, навязываемымъ имъ силою капиталовъ, скопленныхъ въ рукахъ лишь нѣкоторыхъ лицъ.

Въ палатѣ нѣсколько депутатовъ *крайней лѣвой* подумывали дать синдикальнымъ палатамъ законную санкцію. Хотя новый законопроектъ признаетъ ассоціаціи юридическими лицами, а слѣдовательно признаетъ за ними и право владѣнія, рабочіе не очень-то восхищаются тою милостью, которую хотятъ оказать имъ. Новый законъ снимаетъ съ нихъ легальныя путы, это такъ; но самымъ опредѣленіемъ того, что будетъ дозволено сказаннымъ ассоціаціямъ, онъ уже установляетъ такія ограниченія, которыя для рабочихъ будутъ слишкомъ чувствительны. Теперь и рабочія ассоціаціи, и синдикальныя палаты живутъ подъ покровомъ правительственной терпимости, и если въ настоящее время онѣ зависятъ отъ администраціи, то онѣ знаютъ также хорошо, что эта же самая администрація не имѣетъ достаточно-нравственной силы для того, чтобы слишкомъ угнетать ихъ, тогда какъ, благодаря новому закону, онѣ будутъ подлежать вѣдѣнію трибунала, который, какъ извѣстно, состоитъ изъ лицъ мало либеральныхъ и, вообще, не особенно хорошо расположенныхъ къ рабочимъ классамъ.

Въ этихъ жгучихъ вопросахъ Гамбетта, очевидно, склоняется на сторону хозяевъ. До сего времени онъ присутствовалъ лишь на банкетѣ синдикальныхъ палатъ хозяевъ и ему, конечно, трудно было бы вызвать громкіе аплодисменты рабочихъ.

Рабочіе ясно увидали, что они совершенно оставлены тѣми, на которыхъ возлагали большія надежды, которымъ вѣрили и которые, разъ достигнувъ своей цѣли, предпочитаютъ теперь служить интересамъ привилегированныхъ сословій. И потому понятно, отчего они впадаютъ въ скептицизмъ, начинаютъ сомнѣваться даже въ тѣхъ, которые преданы всею душой ихъ дѣлу и интересамъ, и стремятся дѣйствовать сами по себѣ, не имѣя на то достаточно силъ и средствъ. Въ этомъ-то именно и лежитъ причина той эксцентричности, которую мы замѣчаемъ въ большей части конгрессовъ рабочихъ.

Цезарь когда-то былъ очень доволенъ тѣмъ, что имѣлъ долги: чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ больше было и людей, заинтересованныхъ въ его успѣхахъ. Не знаемъ, это ли соображеніе заставляетъ Францію гордиться тѣмъ, что ея заемъ милліарда былъ покрытъ въ пятнадцать разъ;

но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что кредитъ есть одно изъ тѣхъ благъ, которыми легко и злоупотреблять, не потому, что Франція могла когда-нибудь перестать быть наиболѣе состоятельнымъ государствомъ, но потому, что займами она скопляетъ страшное бремя на плечи будущихъ своихъ поколѣній. Въ нашемъ парламентѣ поднятъ теперь вопросъ о новомъ таможенномъ тарифѣ. Совершается поворотъ враждебной протекціонизму. Еслибы нужно было доказывать превосходство свободной торговли надъ протекціонизмомъ, достаточно было бы только выяснить, кто именно является защитникомъ той или другой системы. Протекціонизмъ поддерживается богатыми мануфактуристами. Теперь ихъ самый неутомимый и рьяный апостолъ—Пуйе-Кертье, богатый руанскій промышленникъ, извѣстный своими фабриками, своими милліонами и своею алчностью. Крупные производители стоятъ за протекціонизмъ, а потребители — за свободную торговлю. Устраните послѣднюю, и въ результатѣ получите финансовую олигархію. Однако, послѣ продолжительныхъ и горячихъ преній, таможенный тарифъ въ общемъ видѣ въ концѣ концовъ былъ принятъ сенатомъ со всѣми тѣми измѣненіями, которыя сдѣланы были въ палатѣ депутатовъ, и правительство должно будетъ начать переговоры о новыхъ торговыхъ трактатахъ, основанныхъ, какъ и прежде, на принципѣ свободной торговли.

Парижъ, давно уже привыкшій къ различнаго рода необыкновеннымъ и неожиданнымъ катастрофамъ, былъ пораженъ однако при первомъ извѣстіи о петербургскомъ покушеніи. Правительство стало ласкать себя надеждою, что славяне теперь посдержатъ и даже—кто знаетъ?—можетъ-быть въ одинъ прекрасный день и обратятъ вспятьнѣмецкій элементъ; вѣдь если сказать правду, наши галлы, хвастливые немного, напр., передъ итальянцами, ведутъ себя чрезвычайно скромно съ пруссаками. Они не смѣютъ надѣяться съ однѣми лишь своими силами покончить съ этими ужасными германцами и, безъ сомнѣнія, съ великою готовностью и охотою предоставили бы этотъ трудъ на долю русскихъ. Кстати о русскихъ: наше министерство не могло не быть увѣреннымъ, что оно оскорбило ихъ своимъ отказомъ въ выдачѣ Гартмана, а потому оно тѣмъ сильнѣе выразило свои чувства по случаю насильственной смерти Русскаго Императора. Не ограничившись только рѣчью, Гамбетта предложилъ палатѣ, въ знакъ траура, закрыть засѣданіе. Въ то же время въ парламентѣ были приняты предосторожности, чтобы помѣшать оппозиціи высказаться противъ этой манифестаціи. Послѣ этого и сенатъ не могъ уже сдѣлать меньше того, что сдѣлала палата депутатовъ. Съ другой стороны, русская колонія въ Парижѣ, колонія богатая, очень обширная и уважаемая, въ С.-Жерменскомъ предмѣстьи, и французская аристократія, въ лицѣ представителей своихъ лучшихъ фамилій, присутствовала при совершеніи заупокойной литургіи въ русской церкви въ улицѣ Дарю. Тамъ находились даже лица, которыя никогда не присутствуютъ на легитимистскихъ

мессахъ 21 января, совершаемыхъ въ улицѣ д'Анжу, въ Chapelle expiatoire. Въ русской церкви кромѣ оффиціальнаго міра и потомковъ крестоносцевъ, присутствовалъ и принцъ Наполеонъ въ Андреевской лентѣ со звѣздой. Принцъ Наполеонъ все время, пока былъ въ своей семьѣ на второмъ планѣ, не съ особенною симпатіей относился къ Россіи; но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ во главѣ своей династіи, забылъ, вѣроятно, всѣ убѣжденія, которыя онъ исповѣдывалъ тогда, когда еще былъ представителемъ лишь младшей линіи. Мнѣнія, враждебныя Россіи, появились въ афишахъ, которыя были сорваны почти тотчасъ же, какъ только появились, а авторы ихъ приговорены судомъ къ восьми-мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ.

Наша столица, какъ кажется, придерживается взгляда эпикурейца, который проповѣдывалъ, что въ жизни необходима лишь роскошь. Она не отказываетъ себѣ ни въ чемъ, что касается роскоши, но до сихъ поръ все еще экономничаетъ въ устройствѣ водохранилищъ и пожарныхъ трубъ. Не мало несчастныхъ случаевъ заставляло Парижъ подумать о расходахъ на этотъ предметъ; не разъ платился онъ самымъ грустнымъ образомъ за свое скряжничество. Магазины «Au Printemps» — одинъ изъ тѣхъ рынковъ, куда хорошенькая женщина могла войти въ костюмѣ обитательницы острововъ Таити и выйти оттуда истой парижанкой,—вспыхнулъ моментально, какъ какой-нибудь стогъ сѣна. Водохранилища имѣлись, но были заперты и ключи къ нимъ не могли никакъ найти. Впрочемъ, ихъ было недостаточно. И вотъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, около десяти мил. франковъ были уничтожены пламенемъ. Все было истреблено и лишь жалкіе, почернѣлые куски обгорѣлыхъ матерій, разносимые вѣтромъ, были единственными, печальными остатками громаднаго человѣческаго труда, потраченнаго на нихъ. Владѣлецъ этого громаднаго зданія, сдѣлавшагося жертвою пламени, собралъ всѣхъ своихъ служащихъ и заставилъ ихъ прослезиться, разсказывая о томъ, какъ онъ долженъ былъ занять двадцать франковъ у одного изъ своихъ друзей, чтобы купить себѣ сапоги и зонтикъ. Праздникъ, устроенный съ благотворительною цѣлью, оказалъ дѣйствительную помощь его служащимъ. Что же касается до самого владѣльца, г. Жалюзо, то онъ преспокойно положилъ себѣ въ карманъ страховую премію въ 8 или 9 милліоновъ франковъ—сумма, которая дастъ ему, вѣроятно, возможность купить что-либо побольше, чѣмъ одну пару сапогъ и зонтикъ. Такія по крайней мѣрѣ сожалѣнія распѣвали про себя парижане объ этомъ разорившемся псевдобѣднякѣ.

Еще не успѣли опомниться отъ пожара магазиновъ «Au Printemps», какъ сгорѣлъ въ Ниццѣ театръ съ 62 зрителями, какъ гласятъ о томъ оффиціальныя статистическія свѣдѣнія, но, по показанію обывателей, число жертвъ насчитывается до 200. Картина раскопки пожарища была ужасная. Въ театрѣ существовала особая выходная дверь, спеціально назначенная на случай пожара; но она на этотъ разъ была заперта, вѣ-

роятно, съ цѣлью съэкономничать расходъ на одного привратника, который необходимо долженъ былъ бы тамъ стоять, еслибъ она была открыта. Газовые проводники въ этомъ театрѣ были устроены въ срубахъ, что до такой степени затрудняло ихъ починку, что ее ни разу и не производили. Теперь только парижане сообразили, что если случится пожаръ у нихъ въ театрахъ «l'Athenée», построенномъ въ подвальномъ этажѣ, или «Palais Royal», партеръ котораго находится во второмъ этажѣ, то изъ зрителей не спасется никто. По поводу несчастной смерти во время пожара въ Ниццѣ старѣйшаго по лѣтамъ въ палатѣ депутата, Дессо, Гамбетта высказалъ мысль, что лучшая смерть—есть смерть безъ страданій, а ее и испыталъ названный депутатъ, сгорѣвшій въ своей ложѣ во время представленія. Пожалуй, основываясь на этой теоріи, можно вывести заключеніе, что счастливѣйшими изъ смертныхъ должны почитать себя зрители, сгорѣвшіе во время упоенія какою-нибудь опереткой буффъ.

У насъ совершенно нѣтъ новыхъ выдающихся пьесъ. «Сказки Гофмана» были встрѣчены аплодисментами лишь изъ уваженія къ памяти покойнаго Оффенбаха, такъ какъ музыка этой оперы сильно грѣшитъ позаимствованіями; здѣсь уже слышится утомленіе композитора, создававшаго уже на одрѣ смерти эти веселенькія пѣсенки. Въ театрѣ Grand Opéra имѣла большой успѣхъ «Le tribut de Zamora» («Дань Заморы»). Либретто новой оперы Гуно—просто банальная мелодрама, только положенная даровитымъ композиторомъ на музыку. Дѣло идетъ о дани во сто молодыхъ дѣвушекъ, наложенной на Испанію маврами, о дочери, узнанной своей сумасшедшей матерью, и др. тому подобныхъ мелодраматическихъ прелестяхъ. Въ этой оперѣ Гуно оркестровалъ нѣчто въ родѣ патріотической пѣсни, которую хотятъ противупоставить «Марсельезѣ», распѣвая ее постоянно и повсюду. Несомнѣнно, это хорошая, талантливая вещь; но какой бы успѣхъ она ни имѣла, ей не затмить обаяніе «Марсельезы» и послѣдней положительно отъ этого соперничества будетъ ни тепло, ни холодно.—Въ Gymnase поставили «Miss Fanfare», комедію, превращающуюся подъ конецъ въ драму. Молодая женщина, чтобы не давать своему мужу повода таскаться повсюду, старается держать себя съ нимъ какъ содержанка. Но дѣло въ томъ, что мужъ ея, человѣкъ уже испытавшій всѣ прелести холостой веселой жизни и вдоволь пресытившійся всѣмъ, только и жаждетъ тихаго пристанища чистой семейной жизни. Тогда miss Fanfare хватается, какъ за послѣдній якорь спасенія, за пробужденіе въ немъ чувства ревности и съ этою цѣлью позволяетъ себѣ заигрыванія съ однимъ господиномъ. Это замѣчаетъ мужъ и вызываетъ его на дуэль. Тотъ его убиваетъ. Нравоученіе: молодая женщина, чтобы нравиться своему мужу, не должна поднимать шума, а довольствоваться тихой и спокойной жизнью. Этотъ родъ писательства à la Scribe давно уже вышелъ изъ моды. Публика осталась крайне недовольна участью бѣднаго мужа, погибшаго изъ-за пустаго qui pro quo; а раз-

сужденія, которыми напичкана пьеса, не могли заинтересовать зрителей. Современный театръ нашъ—увы!—потерялъ свое глубокое, истинное значеніе и новѣйшія произведенія нашихъ драматическихъ писателей въ настоящее время держатся на сценѣ скорѣе благодаря прекрасной игрѣ артистовъ, чѣмъ своими внутренними достоинствами. Часто слышишь теперь: «это плохо обдумано авторомъ, но за то, поглядите, какъ мимика этого актера дополняетъ мысль автора!» И дѣйствительно блестящая декламація артиста заставляетъ насъ сплошь и рядомъ забывать бѣдность авторскаго замысла. А въ то же время, по странной игрѣ случая, мы видимъ, какъ авторы богатѣютъ, а артисты раззоряются, особенно актрисы. Продаютъ, напр., драгоцѣнности Гортензіи Шнейдеръ; у нея когда-то былъ княжескій дворецъ, а теперь, очень можетъ быть, она покончитъ свою карьеру на подобіе m-lle Жоржъ,—той Жоржъ, которой нѣкогда короли считали за счастье поднять вѣеръ и которая должна была подъ конецъ сдѣлаться торговкой зонтиками. Кора Перль (Cora Pearl), которая хотя и фигурировала на театральныхъ подмосткахъ, принадлежала скорѣе къ полусвѣту, чѣмъ къ міру артистическому,—эту самую Кору Перль, выѣзжавшую на прогулки неначе, какъ въ щегольскомъ экипажѣ съ упряжью à la Daumont, преслѣдовала ея модистка пустымъ искомъ въ нѣсколько сотъ франковъ.

Академическія торжества очень любимы французскимъ обществомъ. Масса публики стремится всегда лицезрѣть современныхъ знаменитостей. Принятіе Русса въ члены Французской Академіи болѣе обыкновеннаго возбуждало любопытство общества: рѣчь долженъ былъ произнесть герцогъ Омальскій. Эти рѣчи, приготовляемыя уже за два года до произнесенія ихъ и прочитываемыя заранѣе въ академической коммиссіи, очевидно, лишены всякой оригинальности и такъ-называемые complimenteur'ы неизбѣжно могли бы договориться въ нихъ до нестерпимой приторности, слащавости и даже иногда до нелѣпостей, еслибы не существовало одного спасительнаго обыкновенія примѣшивать въ похвалы извѣстную дозу иронiи. Время отъ времени посмѣяться пріятнымъ образомъ надъ человѣкомъ, признаннымъ достойнымъ похвалъ—таково послѣднее слово этого заранѣе условленнаго краснорѣчія. Руссъ (Rousse)—адвокатъ, 65 лѣтъ, не имѣетъ за собой никакихъ другихъ литературныхъ заслугъ, кромѣ одной рѣчи, сказанной въ защиту іезуитовъ и написанной имъ въ то время, когда правительство пожелало избавиться отъ нихъ. Теперь онъ долженъ былъ замѣстить и почтить похвалами Жюля Фавра.

Жюль Фавръ былъ талантливымъ, плодовитымъ адвокатомъ, но никогда своими рѣчами не захватывалъ за душу. Какъ бы незначителенъ ни былъ поводъ, онъ старался скорѣе потопить своего противника, чѣмъ восхвалять своего кліента. Юмористическіе журналы представляли его всегда съ раздвоеннымъ языкомъ ехидны. Онъ отличался только въ исковыхъ дѣлахъ (réquisitoires). Онъ началъ свою карьеру тѣмъ, что

одинъ рѣшился говорить въ политическомъ процессѣ, въ которомъ обвиняемые не захотѣли имѣть защитниковъ. Въ апрѣльскомъ процессѣ 1835 года, онъ думалъ гораздо больше о своемъ интересѣ, чѣмъ объ интересахъ подсудимыхъ, и эта забота о самомъ себѣ была ему присуща постоянно. Частная его жизнь достаточно наполнена разными скандалами. Получивъ въ свои руки власть, благодаря революціи 4 сентября 1870 года, онъ возмечталъ, что его разглагольствованіе будетъ съ умиленіемъ выслушано княземъ Бисмаркомъ... Онъ отправился въ Ферьеръ, говорилъ тамъ и даже плакалъ. Изумленный германскій канцлеръ могъ придти лишь къ тому заключенію, что не стоитъ больше принимать предосторожности противъ той націи, которой, вѣроятно, не оставалось ничего другаго, какъ только проливать передъ своимъ врагомъ бабьи слезы. Жюль Фавръ, несмотря на то, что началъ свою карьеру въ рѣчи защитника бунтовщиковъ, потомъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ преслѣдователей коммуны. Звѣзда его погасла, и онъ умеръ въ одиночествѣ, всѣми оставленный, подъ бременемъ общественнаго презрѣнія и ненависти. «Я видѣлъ, — говоритъ о его послѣднихъ годахъ жизни герцогъ Омальскій, — этого человѣка разбитымъ, едва проявляющемъ въ себѣ слабые признаки жизни; я видѣлъ эту трагическую маску, на которой никогда уже болѣе не появлялась улыбка; видѣлъ этотъ высокій станъ, согбенный заботами и треволненіями жизни; я слышалъ этотъ по-прежнему мелодическій голосъ, звучавшій глубокою меланхоліей. Я понялъ, что этого человѣка сломило страшное, неизлѣчимое горе. Онъ носилъ трауръ по Франціи, которую ему не удалось спасти отъ пораженія, избавить отъ территоріальныхъ потерь. Я преклонился предъ его страданіями, которыя раздѣлялъ самъ и которыя неизгладимо запечатлѣлись въ моемъ сердцѣ». Относительно же Русса, вся жизнь котораго прошла, не коснувшись политики, герцогъ Омальскій высказалъ одно изъ самыхъ характеристическихъ словъ. Руссъ назвалъ способность жертвовать «опасною добродѣтелью». Герцогъ Омальскій, принадлежащій къ фамиліи, не отличающійся, какъ извѣстно, самоотверженностью, отвѣтилъ ему замѣчаніемъ, почерпнутымъ изъ своего личнаго опыта: «Опасная для кого?... Вы боитесь ея заразительности?... О, успокойтесь на этотъ счетъ».

Одинъ изъ нашихъ модныхъ романистовъ, Жюль Кларети (Jules Claretie), издалъ не очень давно «Les amours d'un interne». Дѣло идетъ о женщинѣ, сошедшей съ ума отъ страшнаго горя—смерти горячо любимаго ею мужа, убитаго на дуэли. Ея дочь, чтобъ имѣть возможность ходить за больной, поступаетъ сидѣлкою въ Salpetrière—пріютъ для душевно-больныхъ, куда помѣщена была ея мать. Тамъ она воспылала страстью къ одному эгоисту, который любезничаетъ съ ней ради пріятнаго препровожденія времени и который въ ту минуту, когда она сама предлагаетъ ему свою руку и сердце, отказывается отъ нея, имѣя въ виду богатую женитьбу. Послѣ этого героиня романа, сердце которой окончательно раз-

бито такимъ поступкомъ съ ней, не внемлетъ уже словамъ и увѣреніямъ любви одного молодаго медика, который обожалъ ее, и рѣшается посвятить себя въ этомъ пріютѣ всецѣло воспитанію и развитію умственныхъ способностей малолѣтнихъ идіотовъ.

Идея сама по себѣ такъ же нравственна, какъ и идеи такихъ наприм. произведеній, какъ романъ Жюля Сандо «Магдалина», вѣнчаемыхъ Французскою Академіей, но въ данномъ произведеніи авторъ не отступилъ отъ черезчуръ смѣлыхъ описаній той среды, въ которой развертывается романъ его. Впрочемъ, романисты руководятся иногда такими странностями, что едва ли можно поставить въ вину Жюлю Кларети, что онъ заставляетъ своихъ читателей слишкомъ долго прогуливаться по Salpetrière, учрежденію, наводящему ужасъ на свѣжаго человѣка. Тамъ конопится шесть тысячъ женщинъ, одержимыхъ такими отвратительными и страшными болѣзнями, какія можно только вообразить себѣ. Нервное разстройство надѣляетъ человѣческія существа такими утонченными мученіями, которыя не изобрѣла бы и самая варварская фантазія. Такъ, наприм., одинъ изъ камергеровъ Наполеона III, графъ Баччоки, подъ неотразимымъ давленіемъ одной изъ этихъ ужасныхъ болѣзней, былъ обреченъ постоянному движенію. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока не падалъ отъ страшной усталости, и оставался въ такомъ изнеможенномъ состояніи только два часа въ сутки изо всѣхъ двадцати четырехъ. Потомъ вставалъ и принимался ходить снова. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, пока наконецъ смерть не сжалилась надъ этимъ страдальцемъ.

Въ высшей степени любопытныя странности явленій, встрѣчающихся въ Salpetrière, и увлекательныя лекціи профессора Шарко привлекаютъ туда массу художниковъ и литераторовъ. Я самъ видѣлъ на столѣ у Шарко альбомъ, наполненный карточками пансіонеровъ этого пріюта, снятыми во время припадковъ. Это—дьявольскія бѣснованія, одинъ изъ адскихъ циклovъ, забытый Дантомъ. Жюль Кларети разсудилъ, что наше анемическое общество съ особенною охотой приметъ его этюдъ о болѣзни, господствующей въ нашъ вѣкъ. Впрочемъ *ужасное* онъ употребляетъ съ большою осторожностью. Среди этой грустной дѣйствительности онъ помѣстилъ то «дыханіе грезъ, которое, какъ говоритъ онъ, подобно дуновенію вѣтерка этого міра». Свое произведеніе онъ самъ сравниваетъ съ озеромъ, въ которомъ отражаются звѣзды. Звѣзды — это тѣ жертвы, тѣ дѣла милосердія, тѣ добродѣтели, существованіе которыхъ не допускаютъ нѣкоторыя реалистическія ученія. Не мало романистовъ занимаютъ вниманіе читателей подробнымъ разборомъ какой-нибудь грязненькой души и бываютъ при этомъ очень довольны, если удастся имъ тщательно осмотрѣть каждый изъ ея закоулковъ. Полагаю однако, что если я отправляюсь въ Римъ, то ужь, конечно, не за тѣмъ, чтобы разсматривать въ увеличительное стекло всю его грязь; если я раскрываю какой-нибудь романъ, то точно также не для того, чтобы по уши увязнуть въ нравственной помой-

ной ямѣ. Дѣлаемъ исключеніе для дѣйствующихъ лицъ романа Кларети: они всѣ скорѣе симпатичны. Особенное вниманіе привлекаютъ на себя въ романѣ два русскихъ силуэта. Кларети начерталъ намъ одну скопчиху (если можно такъ выразиться), русскую дѣвушку, въ которую до сумасшествія влюбляется одинъ французъ. Но она заставляетъ своего возлюбленнаго отступить съ ужасомъ, показавъ ему багровые шрамы на своей груди. Кларети въ русскихъ религіозныхъ сектахъ признаетъ особый видъ нервныхъ болѣзней. Слишкомъ близорукій взглядъ на дѣло. Голодный пожираетъ даже дерево, зная, что оно его не насытитъ. Существуютъ фазы религіозной жажды, когда человѣкъ готовъ утолить себя Богъ знаетъ чѣмъ. Кларети въ этомъ случаѣ слѣдуетъ матеріалистическимъ теоріямъ современной медицины. А въ такомъ мѣстѣ, какъ Salpetrière, навѣрно найдется указать и на что-либо иное, кромѣ очевидныхъ фактовъ; необходимо только имѣть нѣчто большее, чѣмъ простое наблюденіе, — надо имѣть даръ угадыванія. Одинъ мистикъ увѣрялъ, что такъ какъ земля среди другихъ высшихъ планетъ играетъ роль какъ бы смирительнаго дома, то люди родятся съ предназначеніемъ покончить здѣсь на землѣ свои болѣе или менѣе трудные разсчеты. Если они противятся этому, то болѣзни являются какъ бы добавочными карами. Этою теоріей могла быть оправдана наслѣдственность болѣзней. Если дѣти получаютъ свои тѣла не случайно, если у нихъ есть родители, которыхъ они достойны, то ихъ земныя страданія были бы также разсчетомъ за прежнее существованіе. Было бы чрезвычайно просто сказать: «поврежденіе мозга, разстройство нервъ» и т. п. Должно же однако существовать соотношеніе между нашими заслугами и нашими страданіями.

Кларети въ этомъ случаѣ придерживается современныхъ воззрѣній и свободно пускается во всякаго рода разсужденія о недостаточномъ количествѣ шариковъ въ крови и отсутствіи желѣза въ жилахъ теперешнихъ людей. Но онъ довольно тонкій наблюдатель и его студенты выведены болѣе живыми, чѣмъ чехи Генриха Мюргера. Одна почти изъ первыхъ главъ романа рисуетъ намъ гризетокъ, вырвавшихся въ воскресенье изъ Парижа и приходящихъ въ восторгъ отъ деревенскихъ видовъ. Въ нашихъ обширныхъ городахъ найдется масса молодыхъ дѣвушекъ, которыя такъ и увядаютъ, не зная ни полей, ни лѣсовъ, и которымъ никогда не придется переступить за черту Парижа, если случайно какой-нибудь влюбленный не вырветъ ихъ изъ душныхъ мастерскихъ, въ которыхъ онѣ выросли. И онѣ очень наивно спросятъ васъ, какъ Матильда въ романѣ Кларети, что это за желтыя зернушки, замѣченныя ими въ полѣ. И если имъ отвѣтить, что это рожь, онѣ воскликнутъ: «какъ, это та рожь, изъ которой пекутъ хлѣбы?!»,—или при видѣ капусты сдѣлаютъ замѣчаніе, что это имѣетъ цвѣтъ металла и что можно подумать, что капуста сдѣлана изъ цинка. Карлейль упрекалъ свое отечество, что оно—настоящій Мидасъ,—превращаетъ въ золото все, къ чему только прикоснется. Англія

и Франція покупаютъ свои богатства цѣною Богъ знаетъ сколькихъ существъ, чахнущихъ подъ сѣнью городовъ. Лежащій передъ нами томикъ Кларети не возбуждаетъ того непріятнаго чувства, которое причиняетъ большая часть произведеній реалистической школы, — напротивъ, онъ порождаетъ въ сердцѣ читателя чувство глубокой грусти при видѣ массы тѣхъ бѣдствій, которыя описываетъ ему авторъ. «Человѣчество, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — есть непрерывный рядъ могильщиковъ, обязанныхъ закапывать тѣхъ, кого они, можетъ-быть, любили болѣе всего на свѣтѣ, чтобы въ свою очередь быть зарытыми тѣми, кто ихъ любитъ болѣе всего». А мы прибавимъ, что это меланхолическое опредѣленіе относится только къ избраннымъ: на свѣтѣ влачатъ свое существованіе очень много такихъ людей, у которыхъ нѣтъ тѣхъ любящихъ ихъ, близкихъ имъ существъ, которыя могли бы закрыть имъ глаза.

Въ старинныхъ мелодрамахъ, въ пятомъ актѣ, порокъ обыкновенно наказывался, а добродѣтель торжествовала. Теперь же писатели обыкновенно забавляются, показывая, какъ добродѣтель побѣждается, а порокъ торжествуетъ. «Brave garçon» (славный малый) Роберта Гальта есть исторія одного сына рабочаго, у котораго, какъ говорится, душа на-распашку, вслѣдствіе чего онъ нигдѣ не подозрѣваетъ и не видитъ зла. Жена его обманываетъ, друзья дурачатъ; онъ теряетъ своего единственнаго ребенка и умираетъ съ отчаянія. Вотъ въ какихъ словахъ авторъ объясняетъ намъ причины смерти ребенка: «Создавайте вашихъ дѣтей прочно и, воспитывая, заковывайте ихъ въ желѣзо, чтобъ имѣли они крѣпкія челюсти для жеванія своего и чужаго хлѣба,—желудокъ, который бы не могъ портиться,—глаза, изъ которыхъ лишь съ большимъ трудомъ можно было бы извлечь слезы,—уши, туго слышащія болѣзненные крики ближняго, — ноги быстрыя, чтобы бѣжать къ слабому, и сильныя руки, чтобъ уничтожить его; а нѣтъ всего этого, сообщите имъ безсердечную хитрость и, сверхъ того, будьте сами примѣромъ тому — и дѣти ваши счастливо совершатъ свой жизненный путь. Но Сюзанна была создана совершенно особенно. Она была воплощенная нѣжность: ея первы содрогались, какъ листочки отъ всякаго грубаго прикосновенія; ея сердце только и жило при утонченной деликатности. Но неужели необходимо, живя съ волками, выть по-волчьи? Неужели на жизненномъ пиршествѣ найдется мѣсто только грубымъ натурамъ? — Гальтъ подозрѣваетъ, что да. Напрасно! Добро перевѣшиваетъ зло, и его «Славный малый»—пустое, безсильное произведеніе. Въ борьбѣ эксплуатирующаго съ эксплуатируемымъ Гальтъ склоняется на сторону слабѣйшаго, но въ то же время какъ будто извиняется. Онъ заканчиваетъ свой романъ горькимъ сомнѣніемъ, спрашивая себя: имѣютъ ли право порицать дурныхъ людей, обдѣлывающихъ отличнымъ манеромъ свои дѣлишки, тогда какъ другіе умираютъ съ голода? Гальтъ отчасти позитивистъ, что мѣшаетъ ему понять тай-

ный смыслъ пораженія добра и вѣровать въ искупленіе временныхъ побѣдъ зла.

Кларети и Гальтъ вкладываютъ всю свою душу въ свои произведенія, а Бело ограничиваетъ свое честолюбіе однимъ лишь продолженіемъ безконечной галлереи портретовъ тѣхъ хищниковъ, нѣсколько типовъ которыхъ, такъ высоко, талантливо очерченныхъ, оставилъ намъ Бальзакъ. Чтобы заниматься этимъ, необходимо, чтобъ эгоизмъ въ глазахъ нѣкоторыхъ имѣлъ значеніе брилліанта, ибо они разсматриваютъ на немъ малѣйшія грани.

Новый романъ Адольфа Бело, озаглавленный «Царь шулеровъ» (Le roi des Grecs), появился въ двухъ томахъ. Это—психологія шулера, даже болѣе: это... руководство къ этому прибыльному ремеслу. Бело выводитъ на сцену одного министра тунисскаго бея, который, попавши въ немилость и раззорившись, спасается во Францію, гдѣ, благодаря своей репутаціи милліонера, встрѣчаетъ гостепріимство и ведетъ царскій образъ жизни на доходы, получаемые съ нечестной картежной игры. Одинъ игрокъ-французъ, котораго страсть къ боккара доводитъ до позора и котораго, равно какъ и его дочь, спасаетъ добродѣтельный братъ его, и много и другихъ эпизодическихъ лицъ проходятъ въ этомъ романѣ, особенность котораго заключается въ описаніи, довольно живомъ, сборищъ картежниковъ, игорныхъ домовъ, личностей, посѣщающихъ ихъ, ихъ особаго жаргона и тѣхъ продѣлокъ, которыми они обогащаются. Но, повторяю, всѣ эти продѣлки описаны такъ поучительно, что, полагаю, иной молодой человѣкъ, послѣ такого полезнаго чтенія, подумаетъ, что и онъ также, потрудившись нѣсколько, могъ бы сдѣлаться со-временемъ ловкимъ шулеромъ. Мнѣ кажется не особенно благовиднымъ обыкновеніе употреблять въ ругательномъ смыслѣ названіе той или другой націи. Всякій народъ склоненъ придавать другому разные саркастическіе эпитеты, не думая о томъ, что и на его долю по справедливости должны выпасть такіе же. Бело могъ бы дать своему роману другое заглавіе и не оскорблять грековъ.

Много написано было изслѣдованій о французской революціи, но она все еще ждетъ своего историка. Одни, какъ, напр., сначала Тьеръ, потомъ Луи Бланъ, прежде всего старались выставить въ ней въ выгодномъ свѣтѣ и на первомъ планѣ тезисы различныхъ партій; другіе же, напр., Ламартинъ и Мишле, были увлечены главнымъ образомъ драматическою стороной этой эпохи. Изъ всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ исторій исторія Минье (Mignet)—почти самая старѣйшая по времени своего появленія и наиболѣе удачная по формѣ—заключаетъ въ себѣ взглядъ, который въ настоящее время не можетъ быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ,—на столько онъ узокъ. Въ самомъ дѣлѣ, у Минье всѣ событія революціи взвѣшены на вѣсахъ буржуазіи, — именно все, что

только служитъ къ поднятію и усиленію буржуазіи, признается за непреложное, а все, что мѣшаетъ ея развитію, преступно.

Читающая публика не можетъ болѣе удовлетворяться повѣствованіями болѣе или менѣе пристрастными или романтическими, которыя ей предлагали. Во время реставраціи предпринято было крайне интересное изданіе: это — мемуары, которые хотя въ большинствѣ случаевъ были не что иное какъ защитительныя рѣчи, тѣмъ не менѣе бросали яркій свѣтъ на разныя перипетіи этой достопамятной эпохи. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ этихъ «записокъ» сообщали то, говорить о чемъ за двадцать пять лѣтъ до того было строго запрещено.

Теперь же вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ ученые къ періоду революціи стали прилагать тотъ же методъ изслѣдованія, который съ такимъ успѣхомъ былъ употребленъ при изученіи первыхъ вѣковъ французской исторіи: Они разыскиваютъ и обнародываютъ подлинные документы, такъ что тѣ, которые до сихъ поръ не имѣли возможности судить о событіяхъ иначе, какъ по показаніямъ историковъ, приверженцевъ той или другой партіи, могутъ составлять свое собственное убѣжденіе на основаніи самихъ документовъ. Это сильно подорвало цѣну прежнихъ исторій революціи, сравнявшихся теперь съ какимъ-нибудь «Гонзаго Кордовскимъ» Флоріана, подобно тому, какъ обнародованіе Наполеономъ III «Писемъ Наполеона I» значительно понизило значеніе «Исторіи консульства и имперіи» Тьера, который одинъ только, въ качествѣ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ возможность прикасаться къ этимъ драгоцѣннымъ документамъ.

Поэтому мы должны быть крайне благодарны г. Валлону (Wallon) за его изданіе чрезвычайно интересной «Исторіи парижскаго революціоннаго трибунала». Самъ Валлонъ, членъ института, человѣкъ весьма сдержанный и его произведеніе носитъ на себѣ отпечатокъ труда добросовѣстнаго. Онъ даетъ намъ драгоцѣнные журналы революціоннаго трибунала, въ которыхъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ веденъ списокъ приговоровъ то къ смертной казни, то къ ссылкѣ или къ низшимъ степенямъ наказанія, а также и оправдательные приговоры. Говоря откровенно, допросъ обвиняемыхъ даетъ намъ здѣсь образцы краснорѣчія гораздо высшаго, нежели какимъ является онъ въ разсказахъ самыхъ заслуженныхъ историковъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ допросовъ представляется, конечно, допросъ Шарлотты Кордэ. Эта женщина, ни на одну секунду не ослабѣвая, проявила себя на высотѣ древнихъ героинь Корнелля. Она была живымъ доказательствомъ того озлобленія, которое равнымъ образомъ овладѣло той и другою партіей, оспаривавшими другъ у друга первенство. Процессъ Маріи Антуанеты блѣднѣетъ передъ процессомъ Шарлотты Кордэ, тѣмъ не менѣе первая изъ нихъ находитъ могучее слово, взывая ко всѣмъ матерямъ семейства, съ цѣлью опровергнуть страшно-гнусное обвиненіе. Съ большимъ интересомъ прочитывается процессъ Дю-Барри, называемой въ дѣлѣ «ci-devant courtisane». Ее, по всему вѣроятію, и за-

были бы, еслибъ окружавшіе ее люди и ея челядь не донесли на нее съ гнуснѣйшею цѣлью воспользоваться остатками ея имущества. Съ отвращеніемъ встрѣчаемъ здѣсь процессъ несчастной маркизы де-Шарри, на которую, напр., донесъ одинъ изъ представителей народа, бывшій первымъ предсѣдателемъ революціоннаго трибунала, Осселенъ, у котораго она спрашивала совѣта относительно законныхъ послѣдствій эмиграціи и которому оказывала прежде свои милости. На самого Осселена донесъ его родной братъ, женатый приходскій священникъ. Генералъ Кюстинъ вовсе не былъ уличенъ въ измѣнѣ, но нельзя подобрать болѣе презрительныхъ выраженій, чѣмъ тѣ, которыми онъ награждалъ своего военнаго министра, гражданина Бушотта, въ своихъ письмахъ къ нему.

Нѣтъ ничего болѣе драматическаго и болѣе грустнаго, какъ процессъ жирондистовъ, который былъ прерванъ объявленіемъ присяжныхъ (jury), заявившихъ, прежде чѣмъ были выслушаны обвиняемые, что они признаютъ дѣло достаточно имъ извѣстнымъ, для нихъ выясненнымъ. Точно то же можно сказать и о процессѣ Дантона, законченномъ сразу декретомъ конвента подъ предлогомъ такъ-называемаго «тюремнаго заговора».

Одной изъ характеристическихъ чертъ этой эпохи является то ясное спокойствіе, съ которымъ каждый шелъ на смерть. У всѣхъ, къ какой бы они партіи ни принадлежали, засвидѣтельствовано все то же мужество: у m-me Роландъ и Демулена, у Бейльи, Дантона и Филиппа Эгалите.

Четвертый томъ еще печатается. Это одно изъ тѣхъ сочиненій, безъ прочтенія которыхъ теперь нельзя уже болѣе писать исторію революціи.

Если мы перейдемъ отъ первой республики 1793 г. къ республикѣ 1848 г., то найдемъ два тома, въ которыхъ собраны различныя статьи, изданныя А. Гранье де-Кассаньякомъ (отцомъ Поля де-Кассаньяка) подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Воспоминанія о второй имперіи». Гранье де-Кассаньякъ обладаетъ дѣйствительными писательскими способностями, а между тѣмъ чувствуется въ немъ *кондотьеръ* болѣе, чѣмъ литераторъ. Его перо всегда готово къ услугамъ правительствъ: вчера—Луи-Филиппа и Гизо, а завтра—Луи-Наполеона и Морни. Нисколько не скрывая, онъ еще тщеславится этимъ, убѣжденный, кажется, слѣдующими словами, сказанными однажды Эмилемъ де-Жирарденомъ Герулю (Guéroult), который отрицалъ взводимое на него обвиненіе, что онъ служитъ органомъ принцу Наполеону: «если публика поймаетъ васъ на словѣ и убѣдится, что вы выражаете только ваше личное мнѣніе, она не станетъ васъ читать».

Въ этихъ двухъ томахъ найдутся такія подробности, къ которымъ исторія не отнесется съ пренебреженіемъ. Безъ сомнѣнія, не все написанное Кассаньякомъ—правда, но есть такія черты, которыя, чувствуется, онъ не могъ бы выдумать. Его разсказъ о событіяхъ переворота рѣшительно нисколько не уменьшаетъ всего безобразія того клятвопреступленія, которымъ открылся этотъ переворотъ, и всей гнусности тѣхъ процессовъ,

которые сопровождали его; но нельзя удержаться отъ улыбки, читая документальныя свидѣтельства тѣхъ авансовъ, которые дѣлали президенту вожаки монархическихъ партій, чтобы раздѣлить съ нимъ пополамъ выгоды совершеннаго переворота, а также свидѣтельства махинацій, замышлявшихся корифеями парламентской *правой* противъ президента, котораго они мечтали засадить въ Венсеннъ и который ихъ только предупредилъ. Одно изъ самыхъ интересныхъ мѣстъ книги Кассаньяка—это то, гдѣ передается разговоръ императора Николая съ Геккерномъ, котораго принцъ-президентъ снабдилъ конфиденціальнымъ порученіемъ. «Принцъ,— сказалъ императоръ,— оказалъ громадную услугу европейскому порядку, возстановивъ принципъ власти во Франціи. Да, это *молодецъ* (maladiez), какъ мы называемъ, или un gaillard, un luron, какъ называете вы, полагаю. Хотя онъ и молодъ, но онъ направилъ дѣло съ благоразуміемъ истиннаго политика. Существуетъ система дѣлать все самому; методъ хорошъ, но не надо надѣяться на него вполнѣ. Глава государства не можетъ все знать и все дѣлать. Необходимо выбрать себѣ хорошихъ сотрудниковъ, а это не всегда, можетъ-быть, онъ дѣлаетъ». И когда бывшій кавалергардъ императора замѣтилъ, что совѣты, безъ сомнѣнія, будутъ хорошо приняты въ Елисейскомъ дворцѣ, императоръ Николай поспѣшилъ возразить: «Съ меня достаточно управлять одними русскими и я не имѣю ни малѣйшаго желанія мѣшаться въ управленіе французами».

Передо мной лежатъ вышедшія только на дняхъ «Избранныя пьесы Эленшлегера и Гольберга» (Théatre choisie d'Oehlenschläger et de Holberg). Переводъ, сдѣланный Ксавье Морнье и Давидомъ Сольди сильнымъ и чистымъ французскимъ языкомъ, читается съ удовольствіемъ. Что удивительно, это—отсутствіе риторическихъ фигуръ.

Эдгаръ Кине нѣсколько разъ называлъ Эленшлегера однимъ изъ величайшихъ писателей нашего вѣка и гордостью Скандинавіи. А какъ мало лицъ, которыя прочли хоть нѣкоторыя изъ его пьесъ! Какъ-то въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ одинъ изъ парижскихъ театровъ поставилъ у себя «Hakon Jarl», признаваемый chef d'oeuvre'омъ великаго норвежца, но съ различными искаженіями и приспособленіями. Теперь онъ у насъ цѣликомъ, какъ есть. И въ самомъ дѣлѣ, это — прелестная вещь. Достойно удивленія, что пьеса, написанная въ 1804 году, т.-е. въ ту эпоху, когда повсюду царствовалъ академическій классицизмъ, носитъ отпечатокъ шекспировскихъ пьесъ.

«Hakon Jarl» есть борьба двухъ обществъ и двухъ культовъ, древней Норвегіи Одина съ новою Норвегіей христіанской. «Axel et Valborg»— прославленіе рыцарскихъ чувствъ XII вѣка, двойной вѣрности—своей возлюбленной и своему вождю. Въ «Корреджіо» авторъ изображаетъ терзанія генія въ борьбѣ съ нищетой. Слѣдовало ожидать, что Эленшлегеръ обрисуетъ намъ ярче нравы, даже древніе, своей родины, чѣмъ нравы Италіи, которую онъ посѣтилъ лишь проѣздомъ, хотя и съ рѣдкимъ вни-

маніемъ и горячею любовью. Но въ «Корреджіо» видно то же благородство чувствъ, что и въ «Axel et Valborg» и въ «Hakon Jarl». Есть прекрасныя мѣста объ искусствѣ. Это искусство итальянское, но понятое на скандинавскій ладъ; и такое превращеніе южнаго искусства въ сѣверное имѣетъ свою особую прелесть. Безъ сомнѣнія, пьесы, наполненныя національными традиціями, дорогія сердцу скандинава, теряютъ очень много на французской сценѣ, но онѣ прочтутся не безъ пользы и даже съ увлеченіемъ всѣми, любящими хорошую литературу.

Гольбергъ, которому Данія обязана одной изъ лучшихъ своихъ исторій, является передъ нами здѣсь какъ сочинитель комедій. Его «Оловянныхъ дѣлъ мастеръ», написанный полтора года тому назадъ и описывающій уморительныя ошибки хозяина-ремесленника, воображающаго себя великимъ политикомъ, до чего онъ еще не дорось, читается съ большимъ интересомъ.

Полезно то, что всѣ подобныя изданія даютъ возможность не только большинству французовъ познакомиться съ литературой другихъ народовъ, но и всѣмъ цивилизованнымъ классамъ въ Европѣ усвоить себѣ иностранныя образцовыя произведенія на близко знакомомъ имъ французскомъ языкѣ.

Не насталъ еще пока день возникновенія *общеевропейской* литературы, предсказаннаго нѣкогда Гёте, но уже и теперь Европа проникается однимъ и тѣмъ же общимъ духомъ. Разнообразіе языковъ, безъ сомнѣнія, не исчезнетъ, но время сгладитъ мало-по-малу нравственное различіе.

Какой реалистическій романъ заключаетъ въ себѣ исторія семействъ Нея и Персиньи въ томъ видѣ, какъ ее раскрываетъ намъ процессъ, недавно разбиравшійся въ ассизномъ судѣ! Я понимаю, почему подсудимые были оправданы: они уже достаточно были наказаны опубликованіемъ всего судебнаго производства ихъ дѣла. Дочь банкира Лафитта вышла замужъ за сына маршала Нея и разошлась съ своимъ мужемъ вслѣдствіе одного процесса, который можно было бы назвать по-истинѣ *громкимъ*, такъ какъ одинъ изъ супруговъ далъ другому звонкую пощечину при полномъ составѣ суда. Княгиня Московская (princesse de la Moskowa) на старости лѣтъ сдѣлалась самой низкою скрягой и не позволяла себѣ даже никакого развлеченія, кромѣ игры въ карты съ прислугой. У такой скряги-матери дочь вышла страшной мотовкой и расточительницей. Эта дочь вышла замужъ за графа Персиньи, одного изъ приближенныхъ Наполеона III. Она сильно испытывала супружеское терпѣніе своего мужа, если вѣрить свидѣтельству придворной хроники, и надѣлала въ своемъ имуществѣ сильныя прорѣхи. Овдовѣвъ, она вышла вторично замужъ за адвоката изъ Каира, гораздо моложе себя, и, снова овдовѣвъ, говорятъ, готова была выйти и въ третій разъ. Она почти не занималась своими тремя дочерьми; старшая судомъ требовала выдѣла, но скоро умерла; сынъ одного торговца хмѣлемъ, по имени Фридманнъ, пособивъ младшей заплатить ея

игорные долги въ Монако, увезъ её. Онъ надѣялся, что послѣ подобнаго скандала *маменька* не будетъ уже болѣе противиться свадьбѣ и, дѣйствительно, она продала ему свое согласіе за сто тысячъ франковъ. Этотъ Фридманнъ, титуловавшійся барономъ Фридландомъ, задолжавшій въ клубахъ и несчастливо игравшій въ Швейцаріи (Уахоп) и Монако, рѣшилъ дисконтировать векселя, на которыхъ жена его выставила подпись княгини Московской. Бабушка предпочла лучше допустить арестъ своей внучки, чѣмъ заплатить за нее. Внучка стала обвинять свою бабушку въ томъ, что она наградила ее, желая пріобрѣсти ея содѣйствіе въ отдачѣ подъ опеку m-me Персиньи. Однимъ словомъ, всѣ замѣшанныя въ этомъ грустномъ дѣлѣ лица выказали себя вполнѣ достойными одинъ другаго. M-me de la Moskowa оказала своимъ единственную услугу тѣмъ, что умерла весьма кстати. Такимъ образомъ Фридманны могли тотчасъ же удовлетворить своихъ кредиторовъ, запасшихся поддѣльными векселями, и присяжные вынесли оправдательный приговоръ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобъ они вышли изъ этого дѣла чистыми, какъ снѣгъ.

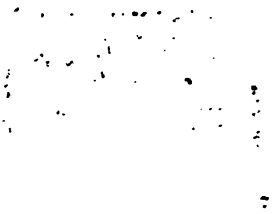
О недавно умершемъ принцѣ Пьерѣ Бонапартѣ можно сказать то же самое, что говорятъ о чортѣ, именно: что онъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Сынъ Люсьена былъ въ нѣкоторомъ родѣ колоссъ. Онъ сражался въ Италіи, Греціи и Африкѣ. Во времена имперіи попавъ въ немилость вслѣдствіе того, что, вопреки желанію Наполеона III, женился на дочери простаго рабочаго, дѣвушкѣ, впрочемъ, очень честной, онъ проводилъ большую часть своего времени, занимаясь охотой въ Корсикѣ. Въ 1870 году, вызванный ни съ того, ни съ сего на дуэль Паскалемъ Груссе, другомъ Рошфора, на дерзости одного изъ присланныхъ къ нему секундантовъ онъ отвѣтилъ выстрѣломъ въ упоръ изъ пистолета. Это убійство Виктора Нуара вызвало процессъ, по которому принцъ Пьеръ Бонапартъ былъ оправданъ. Этотъ грубый человѣкъ не былъ лишенъ совсѣмъ нѣкоторыхъ великодушныхъ чертъ. Никто не зналъ вообще, что онъ иногда занимался поэзіей, перевелъ, напримѣръ, въ стихахъ одинъ отрывокъ изъ Адама Мицкевича. Его сынъ, довѣряя больше выгодамъ рулетки, чѣмъ звѣздѣ Бонапартовъ, женился на m-lle Бланшъ де-Монако, дочери содержателя игорнаго дома въ Монте Карло.

Недавно умеръ здѣсь въ Парижѣ, въ Grand Hôtel, Николай Рубинштейнъ, наканунѣ своего отъѣзда на югъ. Волненіе было сильное въ парижскомъ музыкальномъ мірѣ, которому онъ былъ извѣстенъ устройствомъ русскихъ концертовъ въ Трокадеро во время выставки 1878 года. На этихъ концертахъ онъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ и какъ капельмейстеръ, и какъ піанистъ.

W**

7

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.



This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JUN 11 '62 H

WINCHESTER
BOOK DUE
OCT 21 1983
OCT 21 1985
7777372